ПИСЬМА

М. А. БАКУНИНА

КЪ

А. И. ГЕРЦЕНУ и Н. П. ОГАРЕВУ

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

М. П. Драгоманова

DK
539

Цѣна 1 р. 20 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1907.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

бк

ПИСЬМА

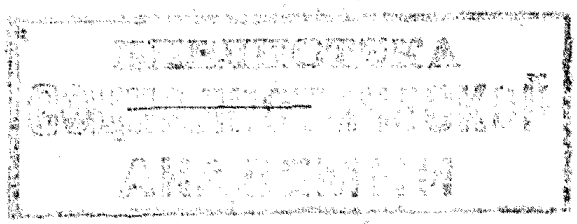
М. А. БАКУНИНА

КЪ

А. И. ГЕРЦЕНУ и Н. П. ОГАРЕВУ

СЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

М. П. Драгоманова



С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906. — ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

2 экз.

Пров 38

48336

Коммерческая скоропечатня, СПБ., Лиговская 57.

ВВЕДЕНІЕ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Бакунина.

> . . . М. (Бакунинъ) во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа.
>
> Изъ письма Бѣлинскаго, 7 ноября 1842 г.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на полезность результатовъ дѣятельности М. А. Бакунина, всякій долженъ согласиться, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Къ тому же дѣятельность его направлялась не только на Россію; это былъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, который имѣлъ вліяніе и на ходъ извѣстныхъ дѣлъ во всей Европѣ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка такъ мало до сихъ поръ выяснена, несмотря на то, что прошло почти 20 лѣтъ со времени его смерти, и на то, что при жизни онъ имѣлъ такъ много друзей и послѣдователей.

Бакунинъ оставилъ по себѣ нѣсколько печатныхъ сочиненій и много рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны его друзьями. Но и эти матеріалы, даже помимо ихъ отрывочности, очень недостаточны для его характеристики. Писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности Бакунина. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, послѣ рѣчей его и разговоровъ, наиважнѣйшими памятниками

его дѣятельности должны служить его письма. Разговоры Бакунина должны бы воспроизвести мемуары его друзей и послѣдователей, а письма должны бы быть собраны въ возможно большемъ количествѣ. Но ни того, ни другого почти не сдѣлано до сихъ поръ.

Наше изданіе имѣетъ цѣлью, хотя отчасти, пополнить этотъ пробѣлъ. Мы печатаемъ письма Бакунина къ А. И. Герцену, Огареву и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также нѣкоторыя другія его писанія,—документы, которые преимущественно относятся къ участію Бакунина въ русскихъ дѣлахъ и отчасти въ польскихъ. Всѣ эти документы довольно отрывочны и даже не всегда ясны для насъ, который никогда не зналъ лично Бакунина и не принадлежалъ къ числу его единомышленниковъ. Но мы смотримъ на наше изданіе какъ на опытъ, который долженъ быть дополненъ и объясненъ дальнѣйшими публикаціями со стороны тѣхъ, кто имѣетъ въ рукахъ другіе подобные матеріалы или кто зналъ лично Бакунина, и потому не останавливаемся ни передъ отрывочностью печатаемыхъ нами матеріаловъ, ни передъ крупными пробѣлами въ существеннѣйшихъ точкахъ біографіи Бакунина.

Самымъ крупнымъ пробѣломъ является періодъ перваго пребыванія Бакунина за границей, съ 1840 г. Болѣе извѣстно за это время его участіе въ Пражскомъ съѣздѣ славянъ 1848 г. и потомъ въ Дрезденекой революціи 1849 г., но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторія же внутренняго процесса, какимъ консервативный гегеліанецъ, увлекшій Бѣлинскаго до написанія статей, преклонявшихся передъ „разумностію дѣйствительности“ русской временъ Николая I, сдѣлался соціалистомъ и горячимъ революціонеромъ, совсѣмъ неизвѣстна. Неизвѣстенъ также и процессъ, какимъ дошелъ Бакунинъ отъ интересовъ нѣмецкой абстрактной философіи къ соціально-революціонному славянофильству, которое такъ рѣшительно проявилось въ его участіи въ Пражскомъ съѣздѣ. Первый процессъ едва можно прослѣдить по статьямъ Бакунина въ „Jahrbücher“ Руге, а о второмъ извѣстно еще меньше. Едва слабые намеки можно найти въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ и самого Бакунина. Да и о самомъ участіи Бакунина въ Пражскомъ съѣздѣ извѣстно мало, такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны.

Чтобъ пополнить по возможности эти пробѣлы, необхо-

димо было бы выбрать по крайней мѣрѣ изъ современныхъ газеть извѣстія о Бакунинѣ, опросить немногихъ остающихся еще въ живыхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій, а особенно собрать тогдашнія письма самого Бакунина и его друзей и поискать въ архивахъ, особенно въ Прагѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, официальныхъ свѣдѣній о тогдашней дѣятельности Бакунина.

Обстоятельства не позволяютъ намъ предпринять подобный трудъ, а потому мы должны отказаться отъ мысли дать здѣсь сколько-нибудь полную, хотя бы и сжатую біографію Бакунина, а даемъ лишь его curriculum vitae, вставляя въ него извѣстные намъ біографическіе матеріалы. При этомъ мы должны оговориться, что печатныя біографическія показанія о Бакунинѣ, которыя намъ приходится приводить, принадлежатъ чаще людямъ, къ нему нерасположеннымъ, нежели его друзьямъ, а потому, тѣмъ болѣе, друзья его должны бы были противопоставить имъ показанія съ своей точки зрѣнія.

Самое обстоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое характерное изо всего, печатаннаго о Бакунинѣ, это воспоминанія о немъ А. И. Герцена, особенно статья „М. Б. и польское дѣло“ въ „Сборникѣ посмертныхъ сочиненій“. Послѣдователи Бакунина видѣли въ этой статьѣ каррикатуру, а самъ Бакунинъ называлъ ее пасквилемъ (см. въ письмахъ №№ CIII, CIV). Но сильныя и симпатическія стороны характера и дѣятельности Бакунина достатонно горячо выставлены въ этой статьѣ, хотя въ ней не скрыты и недостатки его, которые, какъ почти всегда бываетъ въ жизни, были les défauts des qualités. При томъ же все, что говорилъ Герценъ о Бакунинѣ, обильно подтверждается документами, между прочимъ, и теперь печатаемыми письмами. Еслибъ мы захотѣли дѣлать характеристику Бакунина, намъ пришлось бы перепечатать всю упомянутую статью Герцена. Но мы этого не сдѣлаемъ, а имѣя въ виду главнымъ образомъ уясненіе политической дѣятельности Бакунина, остановимся лишь на главныхъ чертахъ его психологіи, которыя опредѣлили эту дѣятельность, причемъ ограничимся только показаніемъ генезы этихъ чертъ по мѣрѣ того, какъ онѣ рельефно выступаютъ въ его біографіи.

На основаніи всего извѣстнаго намъ до сихъ поръ о Бакунинѣ, природа личности его представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: большая активность и подвижная энергія, большой талантъ ораторскій и способность привлекать и увле-

кать людей, хотя и не на долго *), — умъ быстрый, послѣдовательный, хотя и мало самостоятельный, и не глубокій, не изобрѣтательный и не наблюдательный, способный больше схватывать готовыя мысли и доводить ихъ до крайности, чѣмъ творить ихъ, неспособный въ одно время охватывать разныя стороны предмета и не увлекаться одною стороною, часто субъективно преувеличенною **); въ концѣ всего, способность увлекаться самому чужою личностью особенно энергическою. Въ политикѣ эти свойства должны были сдѣлать изъ Бакунина самаго крайняго застрѣльщика, почти партизана, но вовсе не главнокомандующаго. Въ довершеніе, воспитаніе и жизнь въ молодости должны были скорѣе усилить слабыя стороны природы Бакунина, чѣмъ выравнять его способности. Довольно будетъ вспомнить хоть то, что въ школѣ Бакунинъ готовился быть артиллеристомъ, а послѣ онъ самъ, бросивъ артиллерію, готовился стать профессоромъ философіи, а сталъ политическимъ агитаторомъ. Послѣдняя спеціализація не сопровождалась у него сколько-нибудь глубокимъ изученіемъ исторіи и политики; по крайней мѣрѣ даже одно изъ позднѣйшихъ сочиненій его,— „L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale“ (Genève, 1871) поражаетъ промахами даже противъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи, а подъ конецъ жизни своей онъ „у ч и л с я“ по такому элементарному сочиненію, какъ Кольба— „Культурная исторія человѣчества“.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. въ Торжсковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, въ старинномъ и

---

*) Почти всѣ друзья Бакунина кончали тѣмъ, что расходились съ нимъ.

**) По разсказамъ знавшихъ Бакунина, это былъ человѣкъ въ личныхъ отношеніяхъ очень наблюдательный и обладавшій даже мѣткимъ юморомъ личныхъ характеристикъ. Да это видно и по письмамъ его. Но какъ только дѣло доходило до общественныхъ явленій, то, какъ показываютъ тѣ же письма его, Бакунинъ начиналъ видѣть не то, что было, а то, что ему хотѣлось, и притомъ въ рисункѣ схематическомъ, а вовсе не реальномъ. Эти особенности встрѣчаются довольно часто именно у русскихъ и объясняютъ, почему рѣдко кто столь претендуетъ на реализмъ ума, „здравый толкъ“ и т. п., какъ русскіе, и рѣдко кто такъ охотно не тонетъ въ абстракціяхъ, схематизмѣ, иллюзіяхъ и мистицизмѣ.

довольно состоятельномъ, а вмѣстѣ очень образованномъ семействѣ, которое жило въ селѣ Прямухинѣ. (Подробности объ этомъ семействѣ см. въ книгахъ Анненкова— о Н. Станкевичѣ и Пыпина о Бѣлинскомъ). На 20-мъ году М. А. былъ помѣщенъ въ артиллерійскую школу въ Петербургѣ, въ которой учился хорошо, но почему-то былъ выпущенъ изъ нея не въ гвардію, а въ армію, имѣя 21 годъ отъ роду. Квартируя съ полкомъ въ деревнѣ, Бакунинъ сильно скучалъ, проводилъ большую часть дня лежа въ кровати, въ халатѣ,—скоро вышелъ въ отставку и жилъ то въ деревнѣ Прямухинѣ у отца, то въ Москвѣ. Здѣсь уже въ 1835 г. онъ познакомился съ извѣстнымъ Н. Станкевичемъ, вошелъ въ его кружокъ и вслѣдъ за нимъ увлекся нѣмецкой философіей. Въ 1836 г. Бакунинъ далъ для напечатанія въ „Телескопѣ“, журналѣ, редакторъ котораго, Надеждинъ, предоставилъ его въ распоряженіе Бѣлинскому и друзьямъ его, по кружку Станкевича, переводъ Фихте, „Лекціи о назначеніи ученыхъ“. Съ выѣздомъ Станкевича на Кавказъ, а потомъ за границу, гдѣ онъ скоро и умеръ, Бакунинъ сталъ главою философскихъ студій въ кружкѣ. Съ 1837 г. онъ изучалъ и пропагандировалъ особенно философію Гегеля, причемъ довелъ Гегелево признаніе „разумности дѣйствительности“ до крайняго консерватизма съ полнымъ оправданіемъ „николаевской“ дѣйствительности въ Россіи. Въ своихъ статьяхъ, печатаемыхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, поступившемъ, послѣ закрытія „Телескопа“, въ руки Бѣлинскаго и его друзей, Бакунинъ говорилъ на этотъ счетъ въ общихъ выраженіяхъ, но болѣе горячій Бѣлинскій, котораго особенно посвящалъ въ гегеліанство Бакунинъ, дошелъ въ своемъ консерватизмѣ и „французоѣдствѣ“ до „неистовствъ“, которыя возмутили всѣхъ сколько-нибудь либеральныхъ читателей въ Россіи. (Ст. „О Бородинской годовщинѣ“ и др. въ „Отеч. Запискахъ“ 1839;—см. Пыпина, Бѣлинскій, I, 307 и слѣд.).

Но еще подчиняясь философскому направленію Бакунина, Бѣлинскій скоро сталъ расходиться съ нимъ лично и дошелъ наконецъ, до весьма враждебнаго къ нему отношенія. Въ письмахъ Бѣлинскаго причинами разлада выставляется властолюбіе Бакунина, высокопарность и вмѣшательство въ интимныя, сердечныя и мелкія дѣла и даже привычки друзей. Бѣлинскі говорилъ о Бакунинѣ, что „онъ любитъ идеи, а не людей“

Въ 1839 г. первый писалъ Станкевичу: „Съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшил[illegible] что каковъ бы я ни былъ, но я самъ по себѣ, что ру[illegible] себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну". Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ: „Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ". (С. Невѣдѣнскаго. Катковъ и его время, 22. Въ книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ часто говорится о размолвкахъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ, но мало приводится детальныхъ выписокъ и писемъ объ этомъ).

Впрочемъ Бакунинъ провожалъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Кетчеромъ, Бѣлинскаго до Черной Грязи, когда тотъ съ Панаевымъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и продолжалъ вліять на философско-религіозныя идеи Бѣлинскаго. „Когда карета двинулась, вспоминаетъ Панаевъ, и мы выдвинулись въ окно, Бакунинъ съ нѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными на крестъ руками, съ надвинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжающихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ". Вскорѣ потомъ (въ началѣ 1840 г.) Бѣлинскій писалъ Боткину: „Мысли мои объ Unsterblichkeit (безсмертіи) снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству, Мишель (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ". (И. Панаевъ, Литер. воспоминанія, 260, Невѣдѣнскаго, op. cit. 48, 58).

Незадолго до отъѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москву возвратился изъ ссылки Огаревъ, принадлежавшій къ кружку, который увлекался политическими идеями французовъ XVIII в. и великой революціи, а также соціализмомъ С. Симона. Огаревъ познакомился съ членами

кружка Станкевича, въ томъ числѣ съ Бѣлинскимъ, Бакунинымъ и Катковымъ. Первый скоро переѣхалъ въ Петербургъ, а послѣдніе двое стали часто посѣщать домъ женатаго Огарева. Въ концѣ 1839 г. Огаревъ писалъ Герцену, который оставался еще въ ссылкѣ во Владимірѣ, — о старыхъ и новыхъ друзьяхъ, собиравшихся у него, и между прочимъ о Бакунинѣ: „Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ“. Черезъ Огарева Бѣлинскій и Бакунинъ познакомились и съ Герценомъ, который въ 1840 г. былъ временно въ Москвѣ. Консервативный гегелизмъ Бакунина и Бѣлинскаго вызвалъ особенно горячія возраженія со стороны Герцена, но споры побудили его самого заняться изученіемъ нѣмецкой философіи и въ частности Гегеля.

Самъ Герценъ такъ разсказываетъ о своихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ: „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я (Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

„— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ Бородинскую годовщину Пушкина.

„Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, заговорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной“.

„Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми“. (Сочиненія, VII, 126—127).

Очень скоро послѣ перваго знакомства Бакунинъ обра-

тился къ Герцену съ слѣдующимъ письмомъ,—отъ 20 апр. 1840 года:

„Любезный Герценъ! Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1,500 рублей въ годъ; но это е с л и такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы „яко воскъ отъ лица огня“. Можетъ быть, что, со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1,000 или даже 500 руб. въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5,000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2,000 рублей, а въ продолженіе двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1,500 руб. въ годъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ.

„Что же касается 2,000 рублей, то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

„Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что при первой малѣйшей возможности я поспѣшу заплатить ихъ. Во вся-

комъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я пріобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности; въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго,—во-первыхъ, потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а, во-вторыхъ, потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

„Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это потому, что я беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ-нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было немного времени для того, чтобы полюбить тебя отъ души, и для того, чтобы сознать, что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

„Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобы стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что со временемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣстъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

„Посылаю тебѣ съ братьями „Tagebuch eines Kindes“ (Bettina). Пожалуйства, только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась.

„Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день. „Прощай. Твой М. Бакунинъ".

Субсидія, которой желалъ Бакунинъ, была ему дана, сполна или въ значительной части, Герценомъ и Огаревымъ, и въ скоромъ времени онъ чрезъ Петербургъ отправился въ Берлинъ. Но между тѣмъ случились обстоятельства личнаго свойства, которыя охладили къ Бакунину всѣхъ его друзей. Бакунинъ вмѣшался въ разныя личныя отношенія Бѣлинскаго, В. Боткина и Каткова и раздражилъ всѣхъ ихъ противъ себя до крайности. (См. книгу Пыпина о Бѣлинскомъ II, 7 и слѣд.). Біографы Бѣлинскаго и Каткова, имѣвшіе въ рукахъ письма Бѣлинскаго, говорятъ объ этомъ не мало, но неясно. Только г. Невѣдѣнскій говоритъ опредѣленнѣе, что Бакунинъ „распустилъ о Катковѣ какую-то сплетню, въ которой не одинъ Катковъ былъ замѣшанъ". (Бѣлинскій и Катковъ. По неизд. письмамъ Бѣлинскаго. 1837—1840. „Русскій Вѣстникъ", 1888, іюнь, 48). По всей вѣроятности, дѣло состояло не въ простой сплетнѣ, — хотя Бакунинъ всегда любилъ слушать сплетни и былъ довольно невоздержанъ на языкъ *), — а въ теоризированіи всякой мелочи въ пріятельской жизни, подобномъ тому, какое описываетъ Тургеневъ въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда" и въ „Рудинѣ" и какое было въ ходу въ философскихъ кружкахъ московскихъ.

Катковъ не задолго передъ тѣмъ рекомендовалъ Краевскому Бакунина не только какъ самаго подходящаго для писанія философскихъ статей въ „Отеч. Запискахъ", но и какъ одного изъ самыхъ близкихъ ему людей (письмо 7 іюня 1840 г.). Но встрѣтившись съ Бакунинымъ въ Петербургѣ у Бѣлинскаго (въ началѣ августа, 1840) дошелъ до „оскорбленія его дѣйствіемъ". Послѣдствіемъ былъ вызовъ со стороны Бакунина Каткова на дуэль, отъ исполненія котораго впрочемъ Бакунинъ всячески уклонялся и которая такъ и не состоялась. (Подробности см. въ упомянутой статьѣ г. Невѣдѣнскаго и въ его книгѣ о Катковѣ).

По поводу этой ссоры Огаревъ писалъ Герцену: „Что за

---

*) См. дальше отзывъ Тургенева и письмо Б—на № CI. Герценъ писалъ еще въ 1868 г.: „Б—нъ, любившій всегда быть стокомъ сплетней..." („Р. Стар". 1886, XII, 668).

продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе дурно? Объясни. Я уже придумалъ: вѣроятно, одинъ другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Мнѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ остальномъ вспомоществованіи. Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сблизился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего—надо сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не доставило намъ хорошаго знакомства. Два умныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой подлецъ—вотъ все, что мы узнали".

Первое изъ этихъ рѣзкихъ выраженій относится къ Каткову, второе къ Бакунину.

Герценъ съ своей стороны писалъ о Бакунинѣ въ „Дневникѣ" своемъ еще въ 1843 г., послѣ статьи Бакунина въ „Jahrbücher" Руге, понравившейся ему: „талантъ и дрянной характеръ". (Сочиненія, I, 88).

По поводу отъѣзда Бакунина за границу Бѣлинскій писалъ Боткину 4 окт. 1840 г.: „Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу, его провожали ни я, ни Катковъ, даже ни Языковъ и Панаевъ, но Г—ъ (должно быть, Герценъ), произведенный имъ за 1000 р. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры. (Въ это время Бѣлинскій самъ еще не сблизился съ Герценомъ и даже относился къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ вслѣдствіе разницы политическихъ идей). Но этимъ не кончилось: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ московскихъ друзей видно, что они даже плохо уважаютъ его.... Мишель думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія необходимо для удостоиваемыхъ его дружбы еще одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе sine qua non! Вотъ какъ оправдала жизнь его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты, возрѣнія". (Невѣд., 62).

По словамъ г. Невѣдѣнскаго, „изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ написалъ Бѣлинскому и Каткову. Въ письмѣ къ первому онъ сознавался въ своихъ недостаткахъ, соглашался съ опредѣленіемъ Бѣлинскаго, что онъ—діалектическая натура, и старался вызвать симпатіи со стороны послѣдняго. Про

письмо къ Каткову Бѣлинскій писалъ къ Боткину: „Къ К—ву онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что *извѣстное объясненіе* неизбѣжно, да я не вѣрю—у. ...ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ". (Тамъ же, 63; см. также статьи Невѣдѣнскаго: Катковъ и Бѣлинскій по неизданнымъ письмамъ Бѣлинскаго, 1837—1840, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1888. Іюнь). То, что Бѣлинскій принимаетъ за трусость, могло быть результатомъ внутренняго сознанія Б—на въ неправотѣ своей. Когда и Катковъ явился вскорѣ въ Берлинъ, то не только не произошло дуэли у него съ Бакунинымъ, но отношенія между ними даже возобновились: по крайней мѣрѣ, Бакунинъ передавалъ въ маѣ 1841 г. Краевскому порученіе Каткова. (Тамъ же, 69).

Любопытно это совпаденіе появленія Бакунина и Каткова въ кружкѣ Огарева и Герцена и ихъ взаимное столкновеніе. Не смотря на крупныя различія въ личномъ характерѣ и дѣятельности, у Бакунина и Каткова было много сходныхъ чертъ, обусловленныхъ вліяніемъ времени и умственнаго воспитанія. Оба были головы абстрактныя, которыя отвлеченія и упованія принимали за дѣйствительность, въ реальныя условія которой не любили углубляться. Оба начали съ гегеліанскаго преклоненія передъ „дѣйствительностью", не замѣчая того, что русская дѣйствительность 30—40-хъ гг. заключала въ себѣ явленія просто возмутительныя. Впослѣдствіи Бакунинъ перешелъ къ крайнему отрицанію дѣйствительности, но удержалъ при этомъ идеализацію славянства, народа и т. п., представляемыхъ сквозь очки абстракціи. Катковъ въ одно время склонился къ англійскому либерализму, при этомъ видѣлъ готовыхъ лордовъ и джентри въ русскихъ помѣщикахъ. Еще позже Бакунинъ перешелъ отъ отрицанія наднароднаго государства къ анархіи и аморфизму, отрицательно относился къ самому народу, но при этомъ вѣровалъ, что какимъ-то образомъ, послѣ разрушенія государства усиліями „деклассированныхъ" заговорщиковъ, можетъ изъ этого народа сама собою народиться „снизу вверхъ" новая идеальная жизнь. Катковъ въ послѣдніе годы жизни отказался отъ всякаго либерализма и сталъ за деспотію „сильной руки", „сильной власти",—но забылъ при этомъ, что въ деспотіи, каковою является русская самодержавно-бюрократическая имперія, „сильной власти" въ полити-

ческомъ смыслѣ быть не можетъ, ибо всякую власть раздробятъ въ свою личную пользу щедринскіе губернаторы и гоголевскіе городничіе. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ общую черту у Каткова и Бакунина самоувѣренность съ наклонностью къ диктаторству,—хотя наивную и часто добродушную у Бакунина, и нервно-раздражительную и мстительную у Каткова *).

Нельзя не признать значительною бѣдою для Россіи, что лица съ такими особенностями головъ и характеровъ стали во главѣ, одинъ революціоннаго, а другой консервативнаго въ ней движенія **). Бѣду эту надо счесть за фатальную, такъ

---

*) О нервозности самолюбія и наклонности къ „сценамъ“ Каткова въ молодости см. въ Воспоминаніяхъ И. И. Панаева. Огаревъ тоже писалъ Герцену въ 1838 г.: „Каткова я очень люблю, кромѣ дѣтскаго самолюбія“. Бѣлинскій писалъ о Катковѣ Боткину въ 1841 г.: „Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе: „бравады субъективности“. Это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею“. (Невѣдѣнскій, 66).

**) Пользуемся случаемъ, чтобы сохранить отъ пропажи слѣдующее письмо Каткова къ Огареву (1839 г.), которое ясно отражаетъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ чертъ заменитаго московскаго публициста. Черты эти, въ другихъ формахъ, проявлялись и въ его политической дѣятельности.

Я къ вамъ пишу—чего же болѣ!
Что я могу еще сказать,
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.

Со слезами, на колѣняхъ, прошу я васъ, простите меня, васъ, которыхъ такъ недавно называлъ друзьями, передъ которыми я такъ тяжко виноватъ, я такъ глубоко оскорбилъ тебя, Николай,—передъ нею я грѣшенъ какъ преступникъ и ниже самаго презрѣннаго животнаго. У меня сердце поворачивается, какъ гнусно, какъ подло заплатилъ я ей за ея ангельскую доброту, за ея пріязнь, которую я не умѣлъ оцѣнить. Какъ, неужели такъ случайно, такъ внезапно и навсегда разорвался нашъ союзъ?...

Я былъ въ странномъ состояніи, причиной котораго была съ одной стороны болѣзненность моей души, съ другой стороны одно особенное свойство, которое, не знаю, для счастія или для несчастія, дано мнѣ природою. Люди близкіе мнѣ имѣютъ на меня необъяснимое вліяніе; какимъ-то инстинктомъ я угадываю, что съ ними, что внутри ихъ, и страдаю, если отъ чего-нибудь меркнетъ хоть на минуту ихъ существо. Это глупо и нелѣпо; кто можетъ предохранить себя во

какъ она свидѣтельствуетъ, что въ русскомъ обществѣ рѣшительные, хотя абстрактные, тезисы,—„лишенные соку жизни“, имѣютъ больше вѣса, чѣмъ детальное обдумываніе реальной жизни, а самоувѣренные пароли больше, чѣмъ приглашеніе къ самодѣятельности *).

всякую минуту отъ вліянія различныхъ житейскихъ случайностей, отъ сусть, отъ апатіи. Богомъ клянусь, что этимъ большей частію объясняется моя раздражительность. Всегда, когда мѣнялся мой характеръ, мнѣ почему-то казалось, что на душѣ ея что-нибудь да не такъ—я не могъ удержать себя и привязывался къ мелочамъ. О, если она вспомнитъ, въ послѣднее время, душа ея не была въ своемъ нормальномъ состояніи; на ней была какая-то тѣнь. И только, клянусь честью, вотъ вся причина моихъ оскорбительныхъ поступковъ. Это не было самолюбіе; для доказательства я готовъ на всякое уничиженіе.

О, въ это время, которое показалось мнѣ цѣлымъ годомъ, я успѣлъ какъ должно оцѣнить ее! Какъ часто мысленно просилъ я у ней прощенія!....

Простите, простите меня! Я не смѣю ужъ надѣяться на возвращеніе вашей дружбы. Я знаю, какъ непріятно должно быть теперь для васъ мое присутствіе. Я только прошу васъ однимъ словомъ, однимъ намекомъ дать мнѣ знать, что вы меня простили. Только, только—больше я не буду васъ безпокоить.

К.

(На наружной сторонѣ:)
Николаю Платоновичу Огареву
отъ Каткова.
(Рукою М. Льв. Огаревой:)
Satin вамъ кланяется. Возвратите при оказіи.
М. О.

Послѣ этого письма отношенія Каткова и Огарева возобновились. Не знаемъ, только въ какой степени интимности. Оба скоро поѣхали за границу. Еще въ 1856 г., начиная изданіе „Русскаго Вѣстника“, Катковъ объявилъ въ числѣ сотрудниковъ его Огарева. Но вслѣдъ за тѣмъ, поссорившись съ Герценомъ, Катковъ называлъ въ своемъ журналѣ Огарава „пензенскимъ помѣщикомъ“ и спрашивалъ: „еда и Саулъ во пророцѣхъ?“

*) На первый разъ можетъ показаться страннымъ сравненіе Бакунина и Каткова съ точки зрѣнія научной подготовки, такъ какъ Катковъ, пробывшій нѣкоторое время профессоромъ университета, имѣлъ больше Бакунина возможности расширить свои научныя познанія. Но перескакиваніе Каткова по разнымъ спеціальностямъ напоминаетъ Бакунинское,—и ни въ одной спеціальности Катковъ не оставилъ по

Какъ бы тамъ ни было, а исторія Бакунина съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ и Катковымъ и общее неудовольствіе противъ Бакунина въ петербургскихъ и московскихъ литературныхъ кружкахъ извѣстнаго рода должны были оставить слѣды на отношеніяхъ Бакунина къ этимъ кружкамъ надолго, Бакунинъ послѣ этихъ исторій не возвращался въ Россію, пока его не привезли изъ Австріи въ Петропавловскую крѣпость въ 1851 г. Впечатлѣніе взаимнаго разлада между Бакунинымъ и литераторами русскими, изъ которыхъ многіе продолжали дѣйствовать и въ 60-е годы, несомнѣнно осѣло въ душѣ Бакунина и проявило себя въ отрицательныхъ приговорахъ, которые онъ писалъ Герцену изъ Иркутска.

Изъ Берлина Бакунинъ писалъ Герцену слѣдующее письмо:

1840 г. 11 (23) октября, Берлинъ.

Любезный Герценъ! Ты, вѣроятно, уже получилъ книги, посланныя мною тебѣ съ г-мъ Черняевымъ, и удивился, что послѣ такого долгаго молчанія я сопроводилъ ихъ весьма коротенькою записочкой. На это были своего рода причины, о которыхъ я теперь распространяться не буду. Сначала я написалъ тебѣ большое письмо, но потомъ замѣнилъ его тою маленькой записочкой, которую ты вѣрно уже имѣлъ удовольствіе получить.

Я надѣялся, что до отъѣзда Черняева выйдетъ логика Вердера и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастью,

---

себѣ капитальнаго труда (кромѣ отчасти лингвистическаго сочиненія „Объ элементахъ и формахъ славянско-русскаго языка"), котораго основъ, впрочемъ, самъ Катковъ не считалъ для себя обязательнымъ держаться, напр. по отношенію къ малорусскому языку. Ставши политическимъ писателемъ, Катковъ вовсе не имѣлъ значительныхъ свѣдѣній по политическимъ наукамъ и потому собственно не имѣлъ прочныхъ политическихъ идей. Это признаетъ и симпатизирующій ему біографъ его, г. Невѣдѣнскій, который ставитъ Каткова по политическому образованію ниже напр. Ив. Аксакова. Интересно, что и этотъ послѣдній, посвятившій большую часть жизни публицистикѣ по славянскимъ вопросамъ, отличался поразительнымъ незнаніемъ именно западно-славянскихъ и западно-русскихъ дѣлъ! Все это характерныя явленія русской жизни.

еще не вышла и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь изданной энциклопедіи; съ Вердеромъ я уже познакомился; на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на дняхъ долженъ возвратиться; какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки; какой онъ славный человѣкъ, Герценъ! Духъ, знаніе стало въ немъ плотію; въ немъ такъ много Gemüthlichkeit, которая, противуполагая себя разумному содержанію духа, выдаетъ себя за истину, — не той, которая вытекаетъ изъ живого, свободнаго единства знанія и жизни, — не мертвая буква, но плодъ религіознаго, внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непремѣнно ею воспользуюсь.

Надѣюсь, что Наталья Александровна не вознегодовала на меня за смѣлость, съ которою я, безъ всякаго позволенія, поднесъ ей книгу не моего сочиненія, но сочиненія Шефера *), — я рѣшился на эту дерзость въ увѣренности, что сія книга доставитъ ей много наслажденія; Шеферъ написалъ по одному стихотворенію на всѣ 365 дней, которые, какъ вамъ извѣстно, составляютъ (исключая высокосный годъ) цѣлый годъ; разумѣется, что въ такомъ множествѣ должно быть много пустыхъ стихотвореній, но за то и очень много глубокихъ вещей. Наталья Александровна, прочтите, пожалуйста, стихотвореніе на 20 декабря; въ немъ высказано все, что только можно пожелать глубокой, святой женщинѣ, и потому примите его за выраженіе моихъ желаній вамъ!

Вы, вѣрно, захочете знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ, здѣсь съ сыномъ, и, къ тому же, больная, такъ что въ продолженіе нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь; теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивлялся еще крѣпости ея организма; одна

---

*) Leopold Schefer (род. въ 1784, умеръ въ 1864). Рѣчь тутъ идетъ о книгѣ „Laienbrevier“ (первое изд. 1834 г.).
Примѣч. издателя нѣмецк. перевода Th. Schiemann'a.

смерть Станкевича, котораго мы всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее; а что, Герценъ, вотъ и Станкевича нѣтъ; единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго заставляетъ вѣрить въ идею.—этотъ человѣкъ оставилъ насъ; его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ и Вердеръ также вѣрятъ въ безсмертіе; я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ Вердеромъ и потому не знаю еще, есть ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

Не смотря на великія и многосложныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ, кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что узнаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

Чрезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

1) Werder. 1. Logik. 2. Geschichte der neuen Philosophie.

2) Hotho. 1. Aesthetik.

3) Vatke. 2. Menschenwerdung Gottes.

4) Курсъ физики.

5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

Берлинъ городъ хорошій; музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондитерскихъ журналовъ много и я ихъ читаю всѣ подрядъ, — однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

Нѣмцы ужасные филистры; еслибъ 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди; но до сихъ поръ, увы, пресмѣшной народъ; вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ празднествъ.

На одной нарисованъ прусскій орелъ, а подъ нимъ портной гладитъ, подъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln
Kann ich ruhig bügeln.

А на другомъ транспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar
Und wenn es möglich ist zwei tausend Jahr.

Doch wenn es auch unmöglich scheint
So ist es doch recht gut gemeint.

А на третьемъ:

Ein preussisch Herz, ein gutes Bier
Was wollen sie noch mehr von mir.

И много другихъ разныхъ остротъ.

Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь ли или сомнѣваешься? — Я думаю, что и то, и другое вмѣстѣ; это общее состояніе духа. Пріѣзжай скорѣй сюда; наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ; я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ, — правда ли это и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ, что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что, русская журналистика,—что доказываетъ Бѣлинскій и чему вѣрятъ Языковъ и Панаевъ?

Не вышло ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

Пожми, пожалуйста, руку Ветлицкому; другой разъ я ему напишу. Скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не сбирается ли онъ на Кавказъ и посѣщаетъ ли университетъ?

Прощай, милый Герценъ.

Отъ души твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ: à M-r Mendelsohn et Comp. à Berlin, pour remettre à M. Bakounine.

Напечатана ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?

Въ письмѣ этомъ можно уловить начало вниманія къ политическому положенію Германіи. Но еще нѣкоторое время Бакунинъ, видимо, не выходилъ изъ круга абстрактно-философскихъ интересовъ „правой“ стороны гегеліанства. О первомъ времени берлинскаго пребыванія Бакунина есть воспоминаніе его тогдашняго товарища Б. У. Ф. (остзейскаго барона). Вотъ что онъ говоритъ: „Въ теченіе зимняго семестра 1839—1840 гг. я посѣщалъ утреннія лекціи логики

проф. Вердера. На эти лекціи являлось немного слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по-русски; это были Иванъ Тургеневъ и Мих. Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженные приверженцы геґелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключемъ къ познанію добра... Мы, земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальною придачею этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и, несмотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ не рѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ...

„Въ 1839—1840 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего великаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда-нибудь высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло далекаго будущаго“. („Русская Старина“, 1884, май, 391—393; изъ „Baltische Monatschrift“).

Въ апрѣлѣ 1841 г. Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ желаетъ готовить статьи и участвовать въ составленіи смѣси „Отеч. Записокъ“, а что Тургеневъ переводитъ для нихъ рѣчь Шеллинга объ изящныхъ искусствахъ (Невѣдѣнскій 77, 80). Немного спустя, Катковъ писалъ Краевскому, что Бакунинъ пишетъ статью „О современномъ состояніи философіи въ Германіи“ (тамъ же, 80). Много позже, уже въ 1870 г. Катковъ разсказывалъ объ участіи Бакунина въ мартѣ 1842 г. въ факелцугѣ, устроенномъ въ Берлинѣ студентами въ честь Шеллинга: „Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти весьма характеристическимъ образомъ. Однажды въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось

передъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома, чтобы благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное hoch! и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ разинутый ротъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ, суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ и на лекціяхъ его не бывалъ". (Тамъ же, 88).

Катковъ нѣсколько пересолилъ, такъ какъ совершенно чуждымъ Шеллингъ Бакунину не былъ и, какъ видно изъ брошюры Schelling und die Offenbarung, о которой скажемъ дальше, Бакунинъ посѣщалъ лекціи Шеллинга въ Берлинѣ. Но Катковъ все-таки вѣрно указалъ одну изъ характерныхъ чертъ Бакунина: *способность увлечься настроеніемъ* окружающей его среды и при этомъ всегда довести это настроеніе до крайности. Далѣе, если показаніе Каткова вѣрно, то характерно и то, что Бакунинъ довольно быстро перешелъ отъ овадіи Шеллингу къ полемикѣ съ нимъ въ особой брошюрѣ Schelling und die Offenbarung, Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freihe Philosophie (Leipzig, Robert Binder, 1842, in 8°). Брошюра вышла анонимно, но приводимыя ниже слова изъ письма Арн. Руге прямо приписываютъ ее Бакунину.

Брошюра эта не совершенно еще исчезла изъ книжной торговли, а потому мы не будемъ резюмировать ея содержанія, тѣмъ болѣе, что оно всецѣло принадлежитъ къ тогдашнему кругу абстрактныхъ вопросовъ философіи, которые теперь могутъ интересовать только спеціалистовъ исторіи философіи. Скажемъ только, что авторъ беретъ постоянно противъ философіи Шеллинга „второй манеры" сторону системы Гегеля, склоняясь къ его послѣдователямъ „лѣвой стороны"—Фейербаху и Штраусу. Оканчиваетъ авторъ свою брошюру горячимъ привѣтомъ „новому утру", которое опять, подобно „свободному эллинскому сознанію", возвѣщаетъ „цѣлостность, самостоятельность и единство міра", разбиваетъ „врата мрачнаго монастыря" и т. д. „Идея, самосознаніе человѣчества,— восклицаетъ авторъ, — это удивительный фениксъ, который строитъ себѣ костеръ изъ драгоцѣннѣйшаго, что есть на свѣтѣ,

и встаетъ помолодѣвшимъ изъ пламени, которое уничтожаетъ старое время. Пустите же насъ принести на костеръ этого феникса все намъ наидорогое и любимое, все, что было намъ свято и велико, прежде чѣмъ мы стали свободны!.. Пустите насъ бороться и пролить нашу кровь, глядѣть неустрашимо въ гнѣвные глаза врага и выстоять до конца! Видите ли, какъ наши знамена вѣютъ съ вершинъ горъ? Видите ли, какъ мечи нашихъ товарищей сверкаютъ, какъ развиваются султаны на ихъ шлемахъ? Они идутъ, идутъ, изъ всѣхъ долинъ, со всѣхъ высотъ притекаютъ они къ намъ съ пѣснями и звукомъ роговъ; день великаго рѣшенія битвы народовъ (der Völkerschlacht) приближается и побѣда должна быть за нами“!

Во всей брошюрѣ нѣтъ ни одного, по крайней мѣрѣ, прямого намека на борьбу политическую или соціальную. Весь вопросъ идетъ о борьбѣ философскихъ міровоззрѣній.

Спустя нѣсколько времени, Бакунинъ написалъ другую, болѣе популярную и съ большимъ общественнымъ интересомъ статью и помѣстилъ ее въ журналѣ Арнольда Руге. Журналъ этотъ, Halle'sche Jahrbücher, выходилъ сначала въ Галле и въ немъ кромѣ истолкованія системы Гегеля въ духѣ явно антихристіанскомъ (Штраусъ, Фейербахъ) и демократическомъ, прославлялась политическая жизнь и революціонныя традиціи Франціи. Прусское правительство запретило изданіе Руге, но редакторъ возобновилъ его въ Лейпцигѣ подъ именемъ Deutsche Jahrbücher. Бакунинъ поѣхалъ къ Руге въ Дрезденъ и напечаталъ въ №№ 247—251 его газеты статью „О реакціи въ Германіи“ подъ видомъ замѣтокъ француза Jules Elisard (Die Reaction in Deutschland, Fragment eines Franzosen). Въ статьѣ этой признается значеніе лишь за крайними партіями и притомъ теоретическими. Между консерваторами, по мнѣнію автора, не имѣетъ значенія молодежь, вышедшая изъ аристократіи, торговаго и чиновническаго класса, но лишь „противники принципа революціи“, которые „называются въ политикѣ консерватизмомъ, въ наукѣ права—исторической школой, въ спекулятивныхъ наукахъ—положительной философіей“. Этой послѣдней авторъ противопоставляетъ отрицаніе, которое видитъ и въ девизѣ французской революціи: liberté, égalité et fraternité, заключающемъ въ себѣ „пол-

ное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра", и въ возникающихъ въ Англіи и во Франціи соціально-религіозныхъ союзахъ, „которые противостоятъ теперешнему политическому міру, какъ нѣчто совершенно чуждое, и черпаютъ жизнь изъ новыхъ для него, неизвѣстныхъ источниковъ". Въ заключеніе авторъ говоритъ: „Воздухъ полонъ, чреватъ бурями! И потому мы зовемъ нашихъ ослѣпленныхъ братьевъ: покайтеся, покайтеся, царство божіе близко!—Мы говоримъ позитивистамъ *): откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ и убѣдитесь, наконецъ, что духа, вѣчно юнаго, вѣчно новорожденнаго, нечего искать въ упавшихъ развалинахъ.... Позвольте же намъ довѣриться вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть". (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust).

Статья Бакунина, снабженная лестнымъ примѣчаніемъ редактора, понравилась во многихъ русскихъ литературно-философскихъ кругахъ, гдѣ столкновеніе консервативныхъ гегеліанцевъ, въ родѣ Бѣлинскаго, и соціалистовъ, въ родѣ Герцена, приводило само къ лѣвогегеліанскому направленію. Герценъ отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ":

„1843, 7 янв „Deutsche Jarbücher" запрещены въ Саксоніи. Объ „D. J." жалѣть намъ нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ сложа руки, а такъ какъ перебрались изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію **). Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ была статья Jul. Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый въ обладаніи симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ;

---

*) Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть позитивистовъ въ смыслѣ послѣдователей Ог. Конта, но консерваторовъ въ смыслѣ вообще неотрицателей.

**) Дѣйствительно Руге издавалъ съ К. Марксомъ въ Парижѣ „Deutsch-Französische Jahrbücher".

онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ непомѣрной ясностію смыслъ ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это Въ этомъ дѣлѣ можетъ и мы можемъ вложить лепту". (Сочиненія, I, 70—71). Скоро Герценъ узналъ, что Elisard совсѣмъ не французъ, и записалъ въ своемъ „Дневникѣ" 28 января: „Вѣсть объ Jules Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ.... 15 февраля. Письмо отъ J. Elisard... онъ умомъ дошелъ до того, чтобы выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ". (Тамъ же, 82).

Бѣлинскій писалъ, 7 ноября 1842 г., Боткину: „До меня дошли хорошіе слухи о М.,—и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься.... Странно: мы, я и М., искали бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, знакомъ съ R. и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа". (Невѣдѣнскій, 94).

Между тѣмъ Бакунинъ поѣхалъ изъ Дрездена въ Швейцарію, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ. Въ Швейцаріи Бакунинъ сошелся съ нѣмецкими соціалистами, во главѣ которыхъ стоялъ портной и публицистъ Вейтлингъ. Герценъ писалъ по этому поводу въ „Дневникѣ":

„4 ноября (1843). Die Kommunisten in der Schweitz. Wörtlicher Abduck des Kommissionsberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Бакунина, названнаго не только въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго какъ одинъ изъ „venin". Они были захвачены, слѣдовательно, и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elisard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ?". (Сочиненія, 145).

30 сент. 1844 г. Герценъ писалъ въ „Дневникѣ“: „Бакунину префектъ въ Парижѣ велѣлъ выѣхать. Знай нашихъ,— одинъ испанскій exaltado говорилъ, что Бакунинъ далеко ушелъ. Въ Цюрихѣ—въ тюрьмѣ, а изъ Парижа выслали“. (Тамъ же, 239). Кажется, что до Москвы дошли нѣсколько преувеличенные слухи и что Бакунинъ не былъ въ тюрьмѣ въ Цюрихѣ, ни высланъ въ 1844 году изъ Парижа. Изъ писемъ Руге, которыя мы приведемъ ниже, видно, что въ 1844 г. Бакунинъ жилъ въ Парижѣ безпрепятственно.

2 марта 1845 г. Герценъ записалъ: „Между прочимъ, статья Бакунина въ „La Réforme“,—вотъ языкъ свободнаго человѣка; онъ дикъ намъ; мы не привыкли къ нему. Мы привыкли къ аллегоріи, къ смѣлому слову intra muros, и насъ удивляетъ свободная рѣчь русскаго, такъ какъ удивляетъ свѣтъ сидѣвшаго въ темной канурѣ“. (Тамъ же, 272). Мы не могли узнать, о какой собственно статьѣ тутъ говорится.

До Герцена, очевидно, дошли нѣсколько преувеличенные слухи о преслѣдованіяхъ Бакунина въ Швейцаріи и Франціи. Въ рапортѣ Блунчли цюрихскому правительству о Вейтлингѣ и др. коммунистахъ въ Швейцаріи находимъ о Бакунинѣ только два указанія въ выдержкахъ изъ писемъ къ Вейтлингу: на стр. 61 парижскій корреспондентъ Вейтлинга, находившійся въ сношеніяхъ съ Cabet, пишетъ 15 мая 1843: „Мы хотимъ, чтобы ты вступилъ въ тѣсную связь и интимное общеніе съ Фребелемъ и Бакунинымъ; это будетъ полезно тебѣ и дѣлу“; на стр. 121 А. Б(еккеръ) пишетъ въ маѣ же 1843 г., изъ Женевы: „Побуди русскаго, чтобы скорѣе пріѣзжалъ“.

При посредствѣ проф. Штерна въ Цюрихѣ, мы получили отъ проф. Швейцера, директора архива въ Цюрихѣ, слѣдующія выдержки изъ полицейской корреспонденціи того времени о Бакунинѣ. 25 іюля 1843 г. русское посольство въ Бернѣ, получивъ цюрихскій докладъ о коммунистахъ, пожелало имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ тамъ на 64 стр. русскомъ, Бакунинѣ. 12 сентября полицейскій совѣтникъ сообщилъ правительственному совѣтнику Цюриха, что „эта личность проживала отъ 16 янв. до 26 іюня у г. архитектора Штадлера въ Енге и въ послѣдній день, не задолго до арестованія Вейтлинга, уѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ, не визировавъ въ бюро цюрихскаго госуд. совѣта своего

паспорта, выданнаго ему 29 мая 1840 г. въ Твери и визированнаго въ русскихъ посольствахъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ каковомъ паспортѣ онъ помѣченъ прапорщикомъ гренадерскаго полка. По справкамъ, теперь Бакунинъ долженъ быть въ Женевѣ или въ окрестностяхъ ея. Онъ учился въ Берлинѣ, откуда его хотѣли выслать въ Россію (?). Вмѣсто того, чтобы ѣхать туда, онъ отправился въ путешествіе по Германіи и прибылъ въ Швейцарію. Тутъ занимался онъ болѣе всего наукою (mit Studien) и литературными работами, а именно переводомъ одного сочиненія о французской революціи, изъ котораго нѣсколько печатныхъ листовъ найдено при обыскѣ въ бумагахъ Вейтлинга, однако не захвачены. Знакомства его были: Толленъ (Tollen), Фребель, проф. Фегели (Vögeli,— Heinrich?). Кромѣ того былъ онъ въ корреспонденціи съ извѣстнымъ Руге. При своемъ отъѣздѣ, оставилъ онъ послѣ себя значительные долги, несмотря на то, что Толленъ много заплатилъ за него и въ томъ числѣ 100 фр. за помѣщеніе у г. Штадлера, у котораго Бакунинъ оставилъ и свою библіотеку".

Все это сообщено было русскому посольству, и посолъ А. Ф. Струве 17/29 сент. 1843 г. извѣстилъ цюрихское правительство, что онъ „увѣдомилъ императорское министерство объ этихъ свѣдѣніяхъ о г. Бакунинѣ (sieur B.), котораго связи съ лицами, компрометированными въ процессѣ, возбужденномъ въ Цюрихѣ противъ коммуниста Вейтлинга, должны были привлечь вниманіе императорскаго посольства. Такъ какъ г. Бакунинъ продолжаетъ жить въ этой странѣ, то оно было бы очень благодарно за всякія свѣдѣнія относительно поведенія (les allures) этого путешественника, которыя могли бы достигнуть до вѣдѣнія цюрихскаго правительства".

Вслѣдствіе этой просьбы цюрихская полиція передала русскому посольству еще два свѣдѣнія о Бакунинѣ:

1. Сообщеніе дирекціи полиціи Бернскаго кантона отъ 18 февраля 1844 г. цюрихскому полицейскому совѣтнику, въ отвѣтъ на его вопросы отъ 15 февр., что Бакунинъ нѣкоторое время пробылъ въ Бернѣ, но нѣсколько дней назадъ уѣхалъ оттуда, не получивъ паспорта отъ русскаго посольства и, по свѣдѣніямъ, собраннымъ по просьбѣ того посольства, отправился въ Нидербаденъ, а оттуда, вѣроятно въ Бельгію (?).

2. Отъ 27 февр. 1844 г. изъ Водскаго кантона извѣщали,

что Бакунинъ провелъ нѣкоторое время въ 1843 г. въ Ніонѣ, потомъ уѣхалъ внезапно въ путешествіе въ Германію (?). и возвратившись, прожилъ нѣкоторое время въ Prangins; наконецъ, такъ какъ синдикъ этого города замѣтилъ, что его бумаги не въ порядкѣ, онъ опять выѣхалъ и съ той поры не являлся.

Проф. Швейцеръ прибавляетъ къ этимъ сообщеніямъ, что между бумагами, найденными у Вейтлинга, кажется нѣтъ ничего Бакунинскаго; впрочемъ, это трудно рѣшить, такъ какъ письма эти по большей части носятъ псевдонимныя подписи. Объ изгнаніи Бакунина изъ Цюриха нѣтъ нигдѣ рѣчи.

Герценъ позже разсказываетъ („Колоколъ“, № 119—120, 15 янв. 1862), что тотчасъ послѣ рапорта Блюнчли, Бакунинъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. „Онъ не поѣхалъ. Николай велѣлъ его судить. Сенатъ лишилъ его офицерскаго чина, дворянства и пр. Онъ уѣхалъ въ Парижъ“.

Объ этомъ парижскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній въ брошюрѣ Ивана Головина: Der Russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin, nebst einer Einleitung über die Dekabristen. (Leipzig. Verlag von Luis Senf. 1880). Къ сожалѣнію, разсказы г. Головина вообще спутаны и часто неточны. Головинъ говоритъ, что онъ познакомился съ Бакунинымъ у Огарева въ Парижѣ, rue Quinze-Vingt. Интересно, что въ тогдашнихъ письмахъ Огарева къ друзьямъ въ Россію ни слова нѣтъ о Бакунинѣ. Головинъ говоритъ, что онъ и Бакунинъ одновременно получили приказаніе возвратиться въ Россію и, послѣ отказа, присуждены были сенатомъ къ „лишенію правъ состоянія“ —и что посольство русское во Франціи, во главѣ котораго стоялъ гр. Киселевъ junior, послало въ „Gazette des tribunaux“ замѣтку о томъ, что Головинъ и Бакунинъ осуждены за революціонныя сочиненія и за отказъ возвратиться въ Россію. Головинъ написалъ въ ту же газету отвѣтъ, въ которомъ защищалъ свои сочиненія („Der Geist der politischen Oekonomie“ и „Die Politik als Wissenschaft“) и упомянулъ, что хартія Михаила Романова давала дворянамъ русскимъ право ѣздить за границу и служить тамъ. Бакунинъ же, по словамъ Головина, написалъ въ „Gazette des tribunaux“, что никакой хартіи Михаила Романова не было. Головинъ говоритъ

что Бакунинъ получилъ тогда денежную помощь отъ Боткиныхъ; когда же ему было велѣно выѣхать изъ Парижа, то денегъ ему на дорогу далъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, у котораго Бакунинъ бывалъ, а въ Брюсселѣ его поддержалъ полякъ генералъ Скишинецкій (Skrzinecki).

За этотъ промежутокъ времени есть нѣсколько интересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ въ письмахъ Арнольда Руге (Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebücher aus den Jahren 1825—1880. Herausgegeben von Paul Nerrlich. Berlin, 1886).

Въ апрѣлѣ 1842 Руге писалъ изъ Дрездена Розенкранцу, отрицая у Шеллинга (второй манеры) самое имя философа и рекомендуя ему брошюру, статью Элизара. „Она принадлежитъ,—говоритъ Руге,—русскому, Бакунину, который теперь живетъ здѣсь. Подумай себѣ только, этотъ симпатичный (liebenswürdige) молодой человѣкъ превосходитъ всѣхъ старыхъословъ въ Берлинѣ. Но я думаю, что Бакунинъ, котораго я знаю и очень охотно принимаю у себя, не будетъ радъ, если станетъ извѣстно, что онъ авторъ (брошюры этой), уже вслѣдствіе положенія дѣлъ въ Россіи. Онъ со временемъ отправится въ Москву, можетъ быть въ университетъ (профессоромъ)“. (I, 273). 2 сентября философъ писалъ Людвигу Руге: „Мюллеръ здѣсь и Бакунины тоже. Я вижу ихъ часто *). Старшій Бакунинъ очень образованный человѣкъ и имѣетъ большой философскій талантъ“. (281). 15 ноября А. Руге пишетъ Штару о романѣ Ж. Сандъ „Consuelo“: „Его очень хвалятъ за психологическую глубину; Гервегъ и Бакунинъ говорили мнѣ объ этомъ. Бакунинъ и Кехли сердечно привѣтствуютъ тебя“. (284). 7 декабря Руге пишетъ Прутцу: „Жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Тутъ живется среди многихъ возбужденныхъ и отчасти значительныхъ людей, — я назову Франка, Бакунина, русскаго, Мюллера и Кехли, Кесслера,— гораздо лучше, чѣмъ въ старыхъ, покрытыхъ плѣсенью университетскихъ норахъ“. (289).

---

*) Müller-Strübing, филологъ, приговорен былъ въ 1833 г. къ смерти за участіе въ студенческихъ тайныхъ обществахъ, но, помилованный на пожизненное заключеніе, въ 1840 г. амнистированъ.

8 марта 1843 г. Руге пишетъ Фребелю о его книгѣ Anecdota и говоритъ: „Одного я желаю, чтобы эту книгу узнали и читали также въ Страсбургѣ и Парижѣ, чтобы дать французамъ понятіе о нашихъ борьбахъ... Бакунинъ долженъ былъ о томъ написать Пьеру Леру и разсказать ему все дѣло подлинно и ясно". (300). 3 мая философъ жалуется Людвигу Руге: „Моя поѣздка въ Швейцарію не состоится. Бакунинъ, которому я много, слишкомъ много повѣрилъ, не можетъ заплатить опять мнѣ и вообще всѣ свои долги. Я построилъ на немъ воздушные замки и долженъ признаться, что мнѣ приходится солоно (sauer), черезъ иноземца, лежать скрученнымъ цѣлое лѣто. Я поручился за него у Бонди и на дняхъ заплатилъ за него 306 талеровъ, послѣ того какъ я ему въ Лейпцигѣ, когда онъ съ Гервегомъ отправлялся въ Швейцарію, далъ въ займы чистыми деньгами 2500 талеровъ". (307).

26 августа 1843 г. Руге пишетъ женѣ своей изъ Парижа, что проѣздомъ черезъ Женеву видѣлъ Бакунина.

Въ 1844 г. А. Руге встрѣтился съ Бакунинымъ въ Парижѣ. 16 окт. онъ пишетъ Фребелю: „Бакунинъ здѣсь теперь, какъ вы знаете; всегда полонъ надежды и веселъ; несокрушимое хорошее расположеніе духа. Но его участь кажется мнѣ такова, что онъ будетъ имѣть успѣхъ только въ обществѣ, но не публично. Онъ обладаетъ всѣмъ для салона, но ему не достаетъ вообще (много) въ наукѣ и въ атмосферѣ иностранныхъ, ему по крайней мѣрѣ неродственныхъ литературъ".... (368).

20 окт. Руге пишетъ Флейшеру изъ Парижа: „Бакунинъ посѣтилъ меня здѣсь. Онъ уже отвыкъ такъ отъ нѣмецкаго языка, что дѣлаетъ ошибку на ошибкѣ, не находитъ больше словъ. (Многоточіе, знакъ пропуска). Бакунинъ все прежній любезный малый (liebenswürdige Kerl). Я охотно предоставляю ему свободу и къ тому же его распутныя признанія, какъ наслѣдство славянское, въ Парижѣ совсѣмъ не должно ставить ему на счетъ. Здѣсь въ Quartier Montmartre его связи въ Faubourg St. Germain не стѣсняютъ меня нисколько. Онъ говорилъ, что не ходитъ болѣе въ кабачекъ (estaminet) и сталъ очень прилеженъ. Въ Германію онъ больше не поѣдетъ, даже если дѣйствительно произойдетъ чрезъ 3 мѣсяца революція, какъ онъ предполагаетъ, такъ что въ февралѣ все уже получитъ коммунистическія учрежденія". (370).

24 ноября 1844 г. Руге пишетъ Флейшеру: „Не пропустите случая прочитать Кюстина о Россіи *). Какъ замѣчательно здѣсь изображеніе образованныхъ русскихъ! Видишь передъ собою всегда Бакунина, какъ будто онъ служилъ ему моделью. Я не вѣрю своимъ глазамъ. Мои исключенія сдѣлались здѣсь типами! Такова вообще культура въ знатныхъ семействахъ. Они умѣютъ говорить обо всемъ свысока. Читайте книгу и вы убѣдитесь. Только немногіе изъ нихъ дѣйствительно станутъ гегеліанцами и разницу характеровъ я предполагаю естественно. Бакунинъ былъ одинъ разъ у меня. Мы болтали о Гервегѣ, который опять тутъ. Бакунинъ, который его очень любитъ, казалось, имѣлъ желаніе примирить меня съ нимъ. Но это какъ-то не подходитъ, такъ какъ мы вѣдь собственно не враждебно настроены другъ къ другу, а просто характерами не сошлись. Я сказалъ Бакунину, что я сдѣлалъ было визитъ Гервегу и что теперь ожидаю того же самаго и отъ него, но что мнѣ не вѣрится, чтобы онъ пришелъ. Бакунинъ увѣрялъ меня, что Гервегъ всегда говоритъ обо мнѣ самымъ дружескимъ образомъ. Я же съ своей стороны выразилъ свое сожалѣніе, что между нами господствуетъ теперь эта натянутость, но въ то же самое время я ему сообщилъ, что я недоволенъ направленіемъ Гервега и его поэтическимъ тщеславіемъ, которое главнымъ образомъ приковало его къ г-жѣ S(tern) **). Бакунинъ замѣтилъ очень тонко: „Друзей не критикуютъ“. Я же: „Ну, а если на тебя нападутъ подруги твоихъ друзей, тогда поневолѣ отнесешься критически къ этимъ друзьямъ, на глазахъ которыхъ имѣютъ мѣсто подобнаго рода нападенія“. Бакунинъ: „Гервегъ—благородный характеръ“. Ego: „Благороденъ-то онъ благороденъ, но не мѣшало бы имѣть побольше характера“. Бакунинъ: „Какъ такъ“? Ego: „Онъ измѣняетъ себѣ: въ своей теперешней жизни и въ равнодушіи ко всему, потому что все, что въ немъ было поэтическаго, то были просто на просто его вѣра, его пафосъ“. Бакунинъ: „Вы вѣдь не вздумаете дѣлать какія-нибудь нравственныя заключенія на основаніи

*) Марк. Ад. де-Кюстинъ (Custine) напечаталъ въ 1843 г. свое путешествіе по Россіи—„La Russie en 1839“.

**) Графиня d'Agoult, которая въ литературѣ извѣстна подъ именемъ Daniel Stern (1805—1876).

его расположенія къ г-жѣ S(tern) и вы вѣдь не рѣшитесь объяснить этимъ его разочарованіе относительно Германіи и политики; если онъ дѣйствительно въ отчаяніи—то вина тому бѣдственное положеніе Германіи, и если онъ ошибается, то онъ самъ находится въ печальномъ состояніи". Ego: „Всякій свободенъ располагать своими наклонностями, если только онъ не взялъ въ этомъ отношеніи извѣстныя обязательства на себя. Но если общественное положеніе человѣка обусловливается исключительно его вѣрою и надеждою, то онъ представляется намъ въ очень жалкомъ видѣ, если его одолѣваетъ въ частной жизни равнодушіе. Публично онъ затыкаетъ Pückler'a за поясъ, а въ частной жизни онъ вполнѣ Pückler до трупнаго запаха пачулей и до привычки постоянно ныть изъ-за ѣды. Впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости, чтобы Германія была преисполнена надеждъ для того, чтобы человѣкъ, какъ Гервегъ, остался при своей положительности и при своемъ паѳосѣ. Міръ политики въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ великаго нравственнаго міра. Поэтъ не долженъ терять духа изъ-за бѣдственнаго положенія страны. Творить— значитъ уничтожить всякое бѣдственное положеніе, не въ дѣйствительности, а въ произведеніяхъ искусства. И если въ костяхъ нашего друга сохранилось еще мозгу, то онъ опять примется за работу". Бакунинъ: „Онъ привезъ съ собою изъ Швейцаріи много прекрасныхъ стиховъ и вернулся оттуда совсѣмъ освѣженнымъ". На это я ему отвѣтилъ, что нечего больше и желать. Такъ приблизительно мы бесѣдовали. Вы видите, такимъ образомъ, благородную распущенность Бакунина въ свободѣ разврата, которой онъ требуетъ для всякаго, не de facto, это мы знаемъ, — нѣтъ, какъ правило, — и при этомъ эта любезность и гуманность! Стыдишься своего узкосердечія и однако же мнѣ распутство, какъ правило и пресыщенность, какъ геніальный аристократизмъ такъ противны, какъ постоянное открытое почесываніе, въ то время, какъ я понимаю, что иной можетъ придти и до чесотки, тѣмъ или другимъ способомъ, безъ того, чобы онъ былъ черезъ это свиньей по правилу.

„Однако, скажите, почему вы нападаете на моего сосѣд-Ribbentrop'a? Онъ аристократъ по рожденію и по воспитанію. Онъ образованъ и сообщителенъ и гуманнѣе, чѣмъ наши здѣшніе друзья... Самымъ гуманнымъ послѣ него слѣдуетъ

считать Бакунина, который только презираетъ и презрительно обращается съ тѣми людьми, съ которыми я не имѣю охоты такъ обращаться. Риббентропъ стоитъ Бодкина (Боткина В. П.) и лучше чѣмъ большая часть другихъ сосѣдей и трактирныхъ товарищей Бакунина, но Бакунинъ нашелъ Bernays ниже всякаго достоинства, когда онъ встрѣтилъ его въ нашемъ обществѣ, а теперь онъ его перенесъ и переноситъ, когда Bernays, къ счастію, не приходитъ болѣе въ мой домъ *). Въ Дрезденѣ онъ также относился къ Dr. Köchly и Кесслеру, а съ кѣмъ онъ самъ водился? Съ Бюловымъ и барономъ Плохомъ и дрезденской аристократіей. Народъ изучалъ онъ съ птичьяго полета....

„Но общественное значеніе нашего друга Бакунина становится мнѣ постепенно также проблематичнымъ, какъ и Ribbentrop'a. Уже протекло столько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вздумалъ приводить въ исполненіе свои планы, что я боюсь, чтобы такимъ образомъ не протекли и остальные годы Между тѣмъ его значеніе какъ частнаго лица довольно хорошаго свойства и какъ личность онъ очень любезенъ. Только что съ нимъ невозможно вести нѣмецкую дружбу, которая основывается болѣе на привычкѣ взаимнаго общенія, чѣмъ на значеніи того или другого изъ друзей; безъ сомнѣнія, это возможно для него по отношенію къ русскимъ, но не ко мнѣ, потому что онъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ, сблизился со мною, только благодаря тому значенію, которое онъ приписывалъ мнѣ". (373—376).

17 декабря 1844 г. Руге писалъ матери: „Несчастный „Vorwärts" идетъ теперь назадъ. Bernays, скандальнѣйшій редакторъ, приговоренъ къ 300 франковъ штрафа и 2 мѣсяцамъ тюрьмы... Собственникъ глупаго листка видитъ теперь, что онъ былъ въ дурныхъ рукахъ, и проситъ меня взять его; онъ жалѣетъ, что позволилъ Марксу низкія выходки противъ меня Бакунинъ-де также будто бы протестовалъ противъ того. Подумай: Бакунинъ, котораго я спасъ отъ Сибири (?!) и отъ всякихъ чертей большими деньгами, присоединяется за моей спиной къ этой компаніи и потомъ пробуетъ обѣлиться передо

*) Lazarus Bernays издавалъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Бернштейномъ въ 1844 г. журналъ „Vorwärts" (2 раза въ недѣлю), въ которомъ писали К. Марксъ и Бакунинъ.

мною тѣмъ, что будто бы онъ не читалъ тѣхъ вещей, которыя онъ вмѣстѣ съ другими редактировалъ. Мнѣ не нужно увѣрять тебя, что я болѣе не вступлю въ сношенія съ этой компаніей". (385). Дальше Руге сообщаетъ, что онъ живетъ въ далекомъ отъ Бакунина и Маркса кварталѣ и что они его оставляютъ въ покоѣ,—чему онъ радъ, такъ какъ онъ хотѣлъ бы не знать ничего объ ихъ характерѣ, или лучше ихъ безхарактерности. Однако, замѣчаетъ онъ, этотъ сортъ софистовъ и безпутниковъ (roués) необходимое явленіе въ наше распущенное, лишенное бога и еще не гуманизированное время. Il faut qu'on connaisse ça. (386—397) Впрочемъ, немного спустя Руге сообщаетъ Флейшеру, что Бакунина, какъ онъ слышитъ теперь, притянули къ большому журнализму, такъ что, наконецъ, въ свои зрѣлыя лѣта начинаетъ быть дѣятельнымъ. (398).

Вѣроятно Руге разумѣетъ сотрудничество Бакунина въ „La Réforme", о которомъ, впрочемъ, мы не имѣемъ сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній.

Тотъ же Руге даетъ слѣдующую суммарную характеристику Бакунина въ этотъ періодъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ о Михаилѣ Бакунинѣ въ „Neue Freie Presse" 1876, 28 и 29 сентября №№ 4344 и 4345.

„Всею душою Бакунинъ предался нѣмецкому умственному движенію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изучивъ въ Берлинѣ не только гегелевскую философію, но и живую діалектику, эту творческую душу вселенной. Онъ посѣтилъ меня въ Дрезденѣ, гдѣ я издавалъ „Deutsche Jahrbücher", сговорился со мною относительно необходимости упраздненія абстрактной теоріи на практикѣ и относительно предстоящей революціи. Мы тѣсно сблизились и я ему помогалъ честно, когда онъ сталъ подозрительнымъ для русской дипломатіи и когда пребываніе его въ Дрезденѣ стало для него не безопаснымъ.

„Если бы онъ напечаталъ свою статью „Реакція въ Германіи" въ „Deutsche Jahrbücher" не подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ, то онъ давно бы уже обратилъ на себя вниманіе дипломатіи, такъ какъ эта статья, наполнившая въ октябрѣ 1842 г. 20 столбцовъ, содержитъ въ себѣ весь характеръ Бакунина и дальнѣйшее развитіе его мышленія до соціалъ-демократическаго включительно. Правда, статья эта была написана такимъ философскимъ языкомъ, который не

такъ-то легко могло бы раскусить русское посольство въ Дрезденѣ или въ другомъ мѣстѣ.

„Только въ научной оболочкѣ возможно было тогда писать съ тою рѣзкою діалектикою и откровенностью, съ какою молодой ученый, Бакунинъ, предвѣщалъ погибель изгнилымъ порядкамъ. Самъ цензоръ не добрался до смысла этой статьи. А между тѣмъ, когда мы ее читаемъ теперь и объясняемъ при помощи великихъ событій нашего времени, статья эта приводитъ насъ невольно въ изумленіе.

„Бакунинъ начинаетъ ее слѣдующими словами: „Свобода, реализація свободы—кто рѣшится отрицать, что это слово стоитъ теперь на первомъ планѣ исторіи? Другъ и недругъ согласятся съ этимъ, потому что обязаны это сдѣлать, еще болѣе, никто не осмѣлится въ настоящую минуту откровенно и дерзко признать себя врагомъ свободы". — А вѣдь бакунинская „реализація свободы" есть просто-на-просто — революція.

„Далѣе Бакунинъ подвергаетъ анализу реакціонную партію и разбираетъ ея истинное и поверхностное отрицаніе. Вотъ что онъ говоритъ: „Демократизмъ далеко еще не состоитъ изъ одного своего аффирмативнаго богатства, но онъ черпаетъ свою жизненность въ отрицаніи позитивнаго, и вотъ почему онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ позитивнымъ, для того, чтобы послѣ воспрянуть изъ своего свободнаго основанія въ совсѣмъ возрожденномъ видѣ и какъ живая полнота своего собственнаго „я". И это превращеніе демократической партіи въ самой себѣ не будетъ однимъ только количественнымъ измѣненіемъ, т. е. не только расширеніемъ ея теперь особеннаго, а вслѣдствіе этого, дурнаго существованія—сохрани боже! — вѣдь подобнаго рода расширеніе было бы просто опошлѣніемъ цѣлаго міра и конечнымъ результатомъ всей исторіи, было бы просто-на-просто абсолютное ничтожество — о нѣтъ, это превращеніе демократической партіи будетъ качественнымъ измѣненіемъ, новымъ живымъ и оживляющимъ откровеніемъ, новымъ небомъ и новою землею, новымъ и восхитительнымъ міромъ, въ которомъ всѣ современные диссонансы сольются въ одно гармоническое цѣлое.

„Бакунинъ критикуетъ далѣе послѣдовательныхъ и посредничествующихъ позитивистовъ. „Первые будятъ, не сознавая того, что они дѣлаютъ, отрицательное отъ его филистерской

дремоты, для которой оно было предназначено, и призываютъ его къ исполненію его великаго предназначенія, а именно, къ упорному и безпощадному уничтоженію всего положительнаго. Отрицательное только и имѣетъ право на существованіе, какъ подобнаго рода безпощадное отрицаніе,—но какъ таковое оно имѣетъ абсолютное право на существованіе, потому что, какъ таковое, оно есть дѣйствіе современнаго практическаго духа, невидимаго даже въ противопоставленіи духа, который посредствомъ этой бури уничтоженія могущественно побуждаетъ грѣшныя, стоящія на полъ-дорогѣ души къ покаянію и возвѣщаетъ свое близкое пришествіе, свое близкое откровеніе въ истинно демократической и всемірно-человѣческой церкви свободы".

„Гдѣ былъ красный карандашъ г. профессора Ваксмута, когда онъ пропустилъ эти мѣста? Но Бакунинъ заходитъ еще далѣе въ своемъ апокалиптическомъ тонѣ и говоритъ (причемъ онъ здѣсь уже высказываетъ свою послѣднюю точку зрѣнія): „Народъ, бѣдный классъ, который уже, безъ сомнѣнія, представляетъ большинство человѣчества; классъ, права котораго уже признаны теоретически, но который до сихъ поръ по своему рожденію, по условіямъ своей жизни, осужденъ на неимущее состояніе, на невѣжество и вмѣстѣ съ этимъ и на фактическое рабство; этотъ классъ, который собственно и есть настоящій народъ, принимаетъ вездѣ угрожающее положеніе, начинаетъ считать ряды своихъ враговъ, слабые по сравненію съ нимъ, и требовать практическаго приложенія своихъ правъ, уже признанныхъ всѣми за нимъ. Всѣ народы и люди уже исполнены извѣстнымъ предчувствіемъ, и всякій, чьи только жизненные органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ на встрѣчу приближающейся будущности, которая произнесетъ слово освобожденія. Даже въ Россіи, въ этомъ безконечномъ, покрытомъ снѣгомъ царствѣ, которое мы такъ мало знаемъ и которому, можетъ быть, предстоитъ великая будущность, — даже въ Россіи собираются тяжелыя, грозу предвѣщающія тучи! О, воздухъ душенъ, онъ носитъ въ себѣ бури!"

„Мало сказать, что Бакунинъ имѣлъ нѣмецкое образованіе: онъ былъ также въ состояніи философски намылить голову нѣмецкимъ философамъ и политикамъ и предсказать будущность, которую они добровольно или нѣтъ вызвали.... Я привелъ въ

доказательство этого нѣкоторыя мѣста изъ замѣчательной маленькой статьи. Она заслуживаетъ быть цѣликомъ заново прочтенной и меня не удивляетъ, что нѣкоторые посвященные, которымъ не чужды елевзинскія таинства безсмертной логики грековъ и нѣмцевъ, вспоминаютъ пророческія мѣткія слова Жюля Елизара изъ „Deutsche Jahrbücher“ за послѣднія ихъ недѣли.

„Въ Дрезденѣ Бакунинъ попалъ въ натянутыя отношенія со своимъ петербургскимъ начальствомъ по иному поводу, чѣмъ участіе въ „Jahrbücher“.

„Георгъ Гервегъ заѣхалъ во время своего путешествія къ намъ, а такъ какъ Бакунинъ имѣлъ просторную и удобную квартиру, то я помѣстилъ у него Гервега. За это гостепріимство Бакунинъ навлекъ на себя такое подозрѣніе, что мы стали бояться за его безопасность въ Саксоніи. Мы отправили нашего друга, какъ можно скорѣе въ Цюрихъ, причемъ я былъ недоволенъ на русскихъ, что они придавали больше значенія его невинному гостепріимству, по отношенію къ молодому поэту, чѣмъ его отношеніямъ со мною и открытому манифесту противъ „нѣмецкой реакціи“, которой гибель онъ предсказалъ безъ обиняковъ и изложилъ какъ историческую необходимость. Онъ даже имѣлъ обыкновеніе совершенно открыто, на дрезденской променадѣ, гдѣ, какъ говаривалъ онъ, „было начало Россіи и граница Германіи“,—пѣть мнѣ вечеромъ при разставаніи припѣвъ изъ „Гугенотовъ“:

Въ правую руку взялъ онъ саблю
И храбро устремился на бой;
Да здравствуетъ старикъ Колиньи!

Этимъ онъ хотѣлъ намекнуть намъ, чѣмъ это все кончится.

„Послѣ его отъѣзда изъ Дрездена стало извѣстно, что онъ и въ экономическихъ дѣлахъ слишкомъ сильно принималъ въ расчетъ отрицательныя величины, и я самъ очутился между тѣми филистерами, которымъ пришлось вѣдаться съ этими расчетами. Его семья оставила его на мели непростительнымъ образомъ и онъ долженъ былъ бѣгать не только отъ русскихъ, но и отъ маннихеевъ, какъ говорили студенты. Такая негативность въ столь существенномъ пунктѣ отчуждала меня отъ него, и когда его отецъ не уплатилъ въ срокъ, который на-

значилъ мнѣ сынъ, то я сдѣлалъ открытіе, что я съ моимъ братаньемъ остался въ дуракахъ. Но у меня это дурное настроеніе недолго держалось, и когда я опять встрѣтилъ Бакунина въ Парижѣ, послѣ того какъ провалилось „Jahrbücher", то мы поддерживали знакомство, причемъ не упоминалось рѣшительно о прежнихъ экономическихъ отношеніяхъ.

„Но зато въ то время въ Парижѣ вопросъ экономическій былъ главной теоретической зацѣпкой и обсуждались всѣ формы соціализма. При этомъ я разошелся съ Марксомъ, а Бакунинъ присталъ къ нему и коммунистамъ; но когда я однажды встрѣтилъ его на улицѣ Риволи и потребовалъ отъ него объясненія, то онъ не только отрицалъ это, но даже заявилъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что революція наступитъ только политическая, а никакъ не соціальная,—вѣдь коммунизмъ просто на просто есть логическая невозможность. Я познакомилъ его съ Жоржъ Сандъ, Шопеномъ и Ламеннэ, но видѣлся съ нимъ рѣже, чѣмъ въ Дрезденѣ, гдѣ мы съ нимъ ежедневно встрѣчались въ музеѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ".

Въ 1847 г. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтился тамъ съ Бакунинымъ. Въ запискахъ Герцена (Былое и Думы) мало, впрочемъ, говорится объ отношеніяхъ между ними въ то время.

Первую свою встрѣчу съ Бакунинымъ въ Парижѣ Герценъ описываетъ такъ:

«Въ Парижѣ! — едва ли въ этомъ словѣ звучало для меня меньше, чѣмъ въ словѣ „Москва". Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства.... Я одѣлся и пошелъ бродить зря.... искать Бакунина, Сазонова; вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля—всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... Да вотъ и самъ Бакунинъ.

«Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы; онъ шелъ съ тремя знакомыми, и точно въ Москвѣ проповѣдывалъ имъ что-то, безпрестанно останавливаясь и махая сигареткой. На этотъ разъ проповѣдь осталась безъ заключенія; я ее прервалъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними удивлять Сазонова моимъ пріѣздомъ». (Сочиненія, VII, 218—219).

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ вспоминаетъ о Бакунинѣ, говоря о Прудонѣ: „Я встрѣчалъ его (Прудона) раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ

жилъ тогда съ А. Рейхелемъ (музыкантъ, женившійся послѣ на дѣвицѣ Эрнъ, пріѣхавшей изъ Россіи съ Герценами) въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля; философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фогтъ, жившій тоже въ rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные толки о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надобно было идти къ Jardin des Plantes; его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь, — Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ". (Сочиненія, IX, 52).

Несмотря на горячность первыхъ встрѣчъ, вскорѣ обнаружились разногласія между Герценомъ и Сазоновымъ и отчасти и Бакунинымъ. Вотъ что находимъ мы у Герцена въ разсказѣ о Сазоновѣ, котораго можно назвать первымъ русскимъ эмигрантомъ, изъ-за политическихъ идей, послѣ Н. И. Тургенева:

„Послѣ первыхъ шумныхъ дней въ Парижѣ начались больше серьезные разговоры, причемъ сейчасъ обнаружилось, что мы (на)строены не по одному ключу. Сазоновъ и Бакунинъ были недовольны (какъ впослѣдствіи Высоцкій и члены польской централизаціи), что новости, мною привезенныя, больше относились къ литературному и университетскому міру, чѣмъ къ политическимъ сферамъ. Они ждали разсказовъ о партіяхъ, обществахъ, о министерскихъ кризисахъ (при Николаѣ!), объ оппозиціи (въ 1847 г.!), а я имъ говорилъ о каѳедрахъ, о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго, о статьяхъ Бѣлинскаго, о настроеніи студентовъ и даже семинаристовъ. Они слишкомъ разобщились съ русской жизнью и слишкомъ вошли въ интересы „всемірной" революціи и французскихъ вопросовъ, чтобы помнить, что у насъ появленіе „Мертвыхъ душъ" было важнѣе назначенія двухъ Паскевичей фельдмаршалами и двухъ Филаретовъ митрополитами. Безъ правильныхъ сообщеній, безъ русскихъ книгъ и журналовъ, они отно-

сились къ Россіи какъ-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освѣщеніе всякой дали". (Сочиненія А. И. Герцена, IX, 114).

Съ Сазоновымъ это разногласіе чуть не довело Герцена до размолвки. Случилось это послѣ прощанія съ Бѣлинскимъ, который возвращался въ Россію и по наблюденіямъ друзей не долженъ былъ долго жить.

— „Жаль, замѣтилъ Сазоновъ, что Бѣлинскому не было другой дѣятельности, кромѣ журнальной работы, да еще работы подцензурной.

— Кажется, трудно упрекать именно его, что онъ мало сдѣлалъ, отвѣтилъ я (разсказываетъ Герценъ).

— Ну, съ такими силами, какъ у него, онъ при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ поприщѣ побольше бы сдѣлалъ....

„Мнѣ было досадно и больно. „Да скажите, пожалуйста, ну вы, живущіе безъ цензуры, вы, полные вѣры въ себя, полные силъ и талантовъ, что же вы сдѣлали? (Множественное число, употребляемое здѣсь Герценомъ, показываетъ, что онъ говорилъ не объ одномъ Сазоновѣ, но и о Бакунинѣ, хотя, конечно, больше о первомъ). Неужели вы воображаете, что ходить съ утра изъ одной части Парижа въ другую, чтобы еще разъ переговорить съ Служальскимъ и Хоткевичемъ о границахъ Польши и Россіи,—дѣло? Или что ваши бесѣды въ кафе и дома, гдѣ пять дураковъ слушаютъ васъ и ничего не понимаютъ, а другіе ничего не понимаютъ и говорятъ, — дѣло?

— „Постой, постой, говорилъ Сазоновъ, уже очень неравнодушно, ты забываешь наше положеніе.

— Какое положеніе? Вы живете здѣсь годы, на волѣ, безъ гнетущей крайности,—чего же вамъ еще? Положенія создаются, силы заставляютъ себя признать, втѣсняютъ себя. Полноте, господа, одна критическая статья Бѣлинскаго полезнѣе для новаго поколѣнія, чѣмъ игра въ конспираціи и въ государственныхъ людей. Вы живете въ какомъ-то бреду и лунатизмѣ, въ вѣчномъ оптическомъ обманѣ, которымъ сами себѣ отводите глаза....

„Меня особенно, продолжаетъ Герценъ, сердили тогда двѣ мѣры, которыя прилагали не только Сазоновъ, но и вообще русскіе въ оцѣнкѣ людей. Строгость, обращенная на своихъ,

превращалась въ культъ и поклоненіе передъ французскими знаменитостями....

„Каюсь, что я сначала былъ увлеченъ и думалъ, что поговорить въ кафе съ историкомъ „десяти лѣтъ“ или у Бакунина съ Прудономъ нѣкоторымъ образомъ чинъ, повышеніе; но у меня всѣ опыты идолопоклонства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію.

„Мѣсяца черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Парижъ я началъ крѣпко нападать на это чинопочитаніе и именно въ пущій разгаръ моей оппозиціи случился споръ по поводу Бѣлинскаго. Бакунинъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ своимъ хохоталъ; но Сазоновъ надулся и продолжалъ считать меня профаномъ въ практически-политическихъ вопросахъ“. (Сочиненія, IX, 114—118).

Изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что парижская жизнь Сазонова и Бакунина представлялась Герцену безплодною, да и была таковою въ значительной степени. Она должна была усилить въ Бакунинѣ абстрактное отношеніе къ дѣйствительности, особенно русской, а кромѣ того такая жизнь втягивала въ себя и отучала отъ работы русскую натуру и безъ того мало привычную къ систематичному труду. Лично Бакунинъ за семь лѣтъ пребыванія его за границей, съ 1840 до конца 1847 г., едва написалъ съ пятокъ газетныхъ статей и, отбившись отъ литературнаго труда, къ которому онъ было присталъ въ 1836—1839 гг., попалъ совершенно въ положеніе деклассированнаго, безпрофессіональнаго человѣка. Онъ сталъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ людей, которые въ политическихъ процессахъ въ 70—80 годы на вопросъ: чѣмъ занимаетесь? — отвѣчали: „революціонными дѣлами“,—и внѣ этихъ дѣлъ дѣйствительно ничѣмъ неспособны были заниматься.

Бакунинъ имѣлъ преимущественную симпатію къ такимъ безпрофессіональнымъ людямъ и считалъ ихъ солью земли, особенно подающею надежды. Въ одномъ изъ писемъ своихъ объ Италіи въ 1872 г., къ одному испанцу, онъ говоритъ: „Италія съ Испаніей есть, можетъ быть, самая революціонная страна. Въ Италіи есть то, чего недостаетъ другимъ странамъ: молодежь горячая, энергическая, совершенно безмѣстная (deplacée), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода (sans carrière. sans issue), которая, несмотря на свое

буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интелектуально, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Теперь она бросается внизъ головою (à tête perdue) въ революціонный соціализмъ“.... (L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travalleurs. Rapport et documents, publiés par ordre du Congrès International de la Haye. Londres et Hambourg, chez Otto Meissner, 1873, 136).

Питая преимущественную симпатію къ такого рода деклассированнымъ людямъ, Бакунинъ смотрѣлъ скептически даже на рабочихъ спеціализированныхъ. Въ книжкѣ „Государственность и анархія“ (ч. I, 8) онъ пишетъ: „Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи.... Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привилегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ.... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи“ *).

Такимъ образомъ, на Западѣ Бакунинъ вѣровалъ преимущественно в ъ г о л ы т ь б у, выражаясь казацкимъ терминомъ,— обязательную голытьбу въ плебеѣ и буржуазіи. О Россіи тоже писалъ Бакунинъ въ 1869 г.: „Я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не нахо-

*) Нечего много распространяться о томъ, что надежды Бакунина на Италію не оправдались: если тамъ произошло,— далеко позже, чѣмъ ждалъ Бакунинъ, нѣсколько крестьянскихъ бунтовъ, то они не сдѣлались общенародною революціей, соціалисты же итальянскіе и между ними непосредственные друзья Бакунина, бывшіе анархисты, обратились къ организаціи городскихъ рабочихъ, на манеръ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, и къ парламентской дѣятельности.

дящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,— этой сорокатысячной (?!) фаланги сознательно или безсознательно, т. е. по положенію принадлежащихъ революціи".

Какъ ни парадоксальнымъ можетъ показаться наше замѣчаніе, а мы скажемъ, что эта вѣра Бакунина въ „безпардонные" элементы населенія, составляетъ основу, на которой выростала и вѣра Бакунина въ конспираціи и въ диктатуры. Отворачиваясь отъ элементовъ профессіональныхъ, съ извѣстнымъ образованіемъ, энергическій человѣкъ отстаетъ отъ довѣрія къ органическому ходу прогресса, по необходимости медленному, и начинаетъ вѣровать въ катастрофы, а затѣмъ и диктатуры кружковъ и лицъ, которыхъ катастрофы могутъ вывести на авансцену и которые сами могутъ вызвать эти катастрофы.

Къ тому же, деклассированные юноши естественно представляются такому человѣку своего рода преторіанцами и бюрократіей революціи. На такой основѣ у Бакунина въ его сибирскій періодъ жизни могла выростать, рядомъ съ вѣрой въ крестьянскій топоръ, вѣра въ диктаторовъ, въ родѣ Муравьева-Амурскаго, предпочтеніе генерала Игнатьева всякимъ литераторамъ, послѣ симпатія къ Нечаеву, вѣра въ возможность разрушить государство—Россію—чрезъ конспирацію кружка подобныхъ людей и т. п.

Совершенно въ соотвѣтствіи этой вѣры Бакунина въ диктатуру исключительныхъ личностей идетъ его вѣра и въ разбойниковъ среди „мужицкаго міра". Въ письмахъ своихъ послѣ неисполненія надеждъ на мужицкое возстаніе въ 1863 г. Бакунинъ относится довольно скептически къ массѣ народа, усматривая въ ней косность. Въ книжкѣ „Государственность и анархія" онъ указываетъ „три черты, затемняющія народную массу: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣра въ царя", и говоритъ дальше: „есть въ русскомъ народѣ лица, смѣющія идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи,—первые революціонеры Россіи, Пугачевъ и Стенька, Разинъ, были разбойники".

Конечно, всѣ такія черты характера и идеи Бакунина достигли своего полнаго развитія съ теченіемъ времени, но основы имъ, очевидно, положены были во время его парижской жизни, когда онъ оторвался отъ русской дѣйствительности и вмѣстѣ отъ всякаго правильнаго труда.

29 ноября 1847 г. Бакунинъ произнесъ въ Парижѣ рѣчь на банкетѣ въ 17 годовщину польскаго возстанія 1830 г., въ которой указывалъ на возможность примиренія поляковъ и русскихъ въ общей революціи противъ деспотизма Николая I,—революціи, которую Бакунинъ считалъ близкой. Въ концѣ рѣчи Бакунинъ заявилъ, что такое русско-польское примиреніе будетъ и „освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ". Это первое извѣстное проявленіе славянскихъ интересовъ у Бакунина. Въ 1861 г. Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву изъ С.-Франциско: „Буду служить у васъ по польско-славянскому вопросу, который былъ моей idée fixe съ 1846 и моей практической спеціальностью въ 48 и 49 годахъ". Между тѣмъ, какъ объ этомъ мы скажемъ и дальше, генеза этой идеи у Бакунина и до сихъ поръ представляется неясною.

Послѣдствіемъ упомянутой рѣчи была высылка Бакунина изъ Франціи, по просьбѣ русскаго посла Киселева. Бакунинъ выѣхалъ въ Бельгію, откуда писалъ между прочимъ Анненкову отъ 28 дек. 1847 г. изъ Брюсселя:

.... „Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржинецкаго, графа Тышкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ, всѣ другіе мнѣ какъ-то не симпатичны; они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тышкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И несмотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣстъ не говорите объ этомъ, кромѣ Тургенева, никому; я боюсь, чтобы черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ,—пусть себѣ гонятъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ

вся моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма, скажете вы, да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый ихъ шагъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

„Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы относитесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ своей стороны правы; и я также переношусь иногда на вашу точку зрѣнія, но чтожъ дѣлать! Природѣ не измѣнишь. Вы—скептикъ, я—вѣрующій; у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, несмотря на всѣ различія, дѣло наше—одно.

„Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе. Видѣли ли Хоткевича? Онъ, кажется, на пути измѣнить славянскому дѣлу“.

Въ письмѣ этомъ особенно важно упоминаніе о какихъ-то славянщикахъ въ Парижѣ. Сопоставивъ это выраженіе со словами Бакунина о Хоткевичѣ, можно думать, что это былъ болѣе или менѣе спеціализированный кружокъ. Онъ не могъ состоять изъ русскихъ, такъ какъ послѣднихъ въ Парижѣ тогда было немного, да и тѣ, какіе были, не отличались интересомъ къ славянству. Скорѣе всего это должны были быть поляки. О славянствѣ въ 40-е годы говорилъ въ Парижѣ Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ въ Collége de France, но говорилъ въ такомъ католическо-польскомъ духѣ, что врядъ ли могъ оказать вліяніе на Бакунина. Изъ дневника Герцена можно видѣть, какъ могъ относиться человѣкъ его круга къ идеямъ Мицкевича: „12 февр. 1844. Лекціи Мицкевича въ Collége de France 1840—1842. Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и К°, съ тою разницею, что онъ полякъ, а не москаль, живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, толкуетъ не объ одной Руси, но и о чехахъ, иллирахъ и пр., и пр.“. (Сочиненія, I, 171). Если судить по статьѣ

Jana Alegeto „Stanowisko Polski w Slowiansczyznie“, въ органѣ польской демократической эмиграціи, выходившемъ въ Парижѣ „Pamiatnik Democratyczny“ (1843, № 3), то трудно предположить, чтобы на идеи Бакунина могли имѣть вліяніе и польскіе демократы въ Парижѣ, такъ какъ альфа и омега названной статьи — Польша, а объ освобожденіи и Россіи въ ней нѣтъ и слова.

Скорѣе всего подходило бы къ идеямъ Бакунина ученіе Лелевеля о демократической общинности (gminowladstwo), какъ первоначальной основѣ славянской жизни передъ установленіемъ въ Польшѣ шляхетства (moznowladstwo). Но объ отношеніяхъ между Лелевелемъ и Бакунинымъ мало извѣстно. Самъ Бакунинъ въ вышеприведенныхъ словахъ письма къ Анненкову только упоминаетъ, что встрѣчался съ Лелевелемъ и раньше пріѣзда въ Брюссель въ 1847 г. Въ книгѣ іезуитскаго священника Заленскаго „Geneza i rozwój nihilizmu w Rossyi“ (Kraków, 1892, 2 wyd. 41, примѣч.) находимъ такое показаніе о Бакунинѣ: „Передъ 1848 г онъ бросился съ горячкой на основаніе лиги славянской, втянувъ въ эту работу Лелевеля“.

Къ сожалѣнію, и на это краткое сообщеніе нельзя положиться, такъ какъ книга г. Заленскаго написана безъ всякой критики, со множествомъ ошибокъ и анахронизмовъ. Впрочемъ, существованіе нѣкотораго общаго грунта идей между Лелевелемъ и Бакунинымъ несомнѣнно, основаніе, или замыселъ основанія Бакунинымъ лиги славянской не невѣроятенъ, но во всякомъ случаѣ интересно, что Бакунинъ въ концѣ 1847 г. боится, чтобы парижскіе славянщики не узнали о его будущей рѣчи въ Брюсселѣ.

Провозглашеніе республики во Франціи, вслѣдствіе революціи 24 февраля 1848, вновь открыло Бакунину двери Франціи. Онъ явился опять въ Парижѣ, но пробылъ тамъ не долго. Герценъ, возвратившись въ Парижъ изъ Италіи, уже не засталъ Бакунина, разсказываетъ объ этомъ парижскомъ пребываніи такъ:

„Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29 ноября 1847, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ

у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ, коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка", Косидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. Quel homme! Quel homme! говорилъ Косидьеръ о Бакунинѣ: „въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять".

„Скажите Косидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ, что тѣмъ-то Б. и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять н а к а н у н ѣ революціи. Впослѣдствіи въ Лондонѣ, въ 1854 г., я ему упомянулъ объ этомъ. Префектъ въ изгнаніи только ударилъ огромнымъ кулакомъ своимъ въ молодецкую грудь съ той силой, съ которой вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: „Здѣсь ношу Бакунина, здѣсь". (Сборникъ посмертныхъ сочиненій, стр. 194—195).

Изъ этого разсказа Герцена важно было бы провѣрить показаніе, что именно Косидьеръ и Флоконъ (членъ временнаго правительства) придумали послать Бакунина въ славянскія земли. Головинъ сообщаетъ, что Бакунинъ жилъ въ 1848 г. въ Парижѣ у „Рейхеля, саксонца-музыканта, и предводилъ большою манифестаціей рабочихъ, которая протестовала противъ національной гвардіи (bonnets à poils). Флоконъ, который прежде сотрудничалъ въ „Réforme" и теперь былъ министромъ публичныхъ работъ, говорилъ-де, что Франціей невозможно было бы управлять, если бы въ ней было 300 Бакунинныхъ. Онъ далъ-де Бакунину 3000 франковъ. французскій паспортъ и порученіе революціонировать Германію". Руге въ воспоминаніяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ выдержку, говоритъ, что Бакунинъ выѣхалъ изъ Парижа для агитаціи въ Россіи *).

*) Въ „Neue Fr. Presse" Руге ставитъ въ кавычкахъ слова: „чтобы направиться на русскую границу и сдѣлать что-нибудь для русской революціи", какъ будто слова самого Бакунина.

Тотчасъ послѣ этого выѣзда изъ Парижа Бакунинъ написалъ 17 апр. 1848 г. слѣдующее письмо Анненкову изъ Кельна:

„Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣдній день въ Парижѣ, что не успѣлъ даже проститься съ вами и съ Тургеневымъ Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшій, не могъ ни придти въ себя, ни вздохнуть свободно; только здѣсь въ Германіи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кельнѣ опомнился. Во Франкфуртѣ я все же былъ какъ въ лихорадкѣ; здѣсь лихорадка невозможна, потому что, несмотря на все мнимое, кажущееся движеніе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствіе. Странная вещь! Большая часть Германіи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революціи, что не мѣшаетъ нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: „innerer Revolution“. Впрочемъ, въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнія, уже дерутся. Отсутствіе всякой централизаціи теперь ощутительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кельна) вотъ уже два дня какъ работники отчаянно дерутся противъ bourgeoisie, а здѣсь мертвое спокойствіе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова, но революціи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе и опять будетъ живо въ маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ странъ Германіи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятьюдесятью живыми, энергичными и вліятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobi изъ Кенигсберга, съ графомъ Рейхенбахомъ изъ Силезіи и съ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Willich, выгнаннымъ изъ прусской службы за распространеніе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣрено теперь начальство надъ соединенною революціонною арміей баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцаріи; тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ: о немъ я ничего не слышалъ.... Бѣда, если имъ не удастсяи потому что реакція хотя и сломана, но обломки ея еще яв; ляются вездѣ и грозятъ безпрестанно; теперь сильны не короли князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою соціальные вопросы и торжество демократіи. Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема,

старая власть рушится, вездѣ лишена иниціативы; анархія безъ революціи—вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и бруланнаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. „Deutsche Einheit“—вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобы все, что онъ говоритъ, было напечатано. Что живо въ Германіи, это начинающійся двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе; здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ; потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показываются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ; теперь предводители ея организуютъ мало по малу свои силы и стараются ввести единство въ революціонное движеніе цѣлой Германіи; есть умные дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается тремя вещами: во-первыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1-го мая во Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленія будетъ имѣть Германія: „Republik oder Monarchie“; во-вторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ и, въ-третьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенія нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein: это schleswig-holstein'ское движеніе совершенно реакціонное; во главѣ его прусскій король: „Es soll bewiesen werden, das die Könige auch für die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der deutschen grossen Nation sorgen!“ И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, несмотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ; и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать.... права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что вамъ впрочемъ должно быть извѣстно изъ газетъ; для насъ это хорошо.

„Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ: я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя, но вещи не пришли и сегодня вечеромъ отправлюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе“.....

(Конецъ письма не сохранился).

Письмо это важно для общей характеристики Бакунина, какъ примѣръ его вѣры въ ближайшее наступленіе народной революціи, примѣръ принииманія „второго мѣсяца беременности за девятый“, говоря словами Герцена. Эта вѣра поколебалась у Бакунина только послѣ его покушенія установить революціонную коммуну въ Ліонѣ въ 1870 г. Но спеціально для разъясненія вопроса, куда именно и съ какими цѣлями выѣхалъ Бакунинъ изъ Франціи въ 1848 году, и это письмо (на несчастье еще безъ конца) даетъ мало.

Слѣдующее по времени и мѣсту извѣстіе объ этомъ пребываніи Бакунина въ Германіи мы имѣемъ въ замѣткахъ Арн. Руге. Во время взрыва революціоннаго движенія въ Германіи Руге былъ въ Лейпцигѣ. Дѣла дошли до агитаціи въ пользу выборовъ въ германскій предварительный парламентъ (Vorparlament). Саксонское патріотическое общество (Vaterlandsverein) должно было поставить своихъ кандидатовъ. Руге былъ въ числѣ ихъ, но комитетъ общества былъ къ нему не расположенъ. Назначенъ былъ митингъ въ Odeum. Руге присутствовалъ, какъ въ это время ему доложили, что одинъ господинъ изъ Парижа желаетъ его видѣть.

„Я сказалъ, говоритъ Руге, что буду занятъ на нѣсколько часовъ. Тогда мнѣ передали карточку съ именемъ Бакунина. Этому я не могъ противостоять. Я поспѣшилъ выйти и нашелъ его въ коляскѣ.

— „Садись сюда, закричалъ онъ, брось своихъ филистеровъ и поѣзжай со мной въ Hôtel de Pologne. Я тебѣ имѣю разсказать безконечно много.

„Я протестовалъ и просилъ его дать мнѣ пару часовъ времени, выражая твердое убѣжденіе, что въ мое отсутствіе меня вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ.

— „Пойдемъ, старый другъ, мы выпьемъ бутылку шампанскаго, а тѣхъ оставимъ выбирать, кого они хотятъ. Ни-

чего изъ этого не выйдетъ — однимъ обществомъ упражненія въ краснорѣчіи больше и больше ничего! Ты развѣ много ожидаешь?

— „Не очень много. Но нельзя же ихъ бросить. Одни они не выпутаются изъ затрудненій.

— „Ну, такъ ты, наконецъ, дѣйствуешь лишь изъ состраданія! Исторія будетъ испорчена еще разъ, и если тебя при этомъ не будетъ, то ты не будешь въ отвѣтѣ. Ну, садись сюда!

„Я далъ себя уговорить, и то, что я предполагалъ, случилось: патріотическое общество отбросило мою кандидатуру.

„Бакунинъ былъ Парижемъ совсѣмъ недоволенъ. Движеніе, казалось ему, ослабѣваетъ и навѣрно наступитъ поворотъ назадъ. Уже то, что оставили безъ помощи Испанію и Италію, — ошибка, а о нѣмецкой и славянской революціи не имѣютъ тамъ никакого понятія, и съ большимъ трудомъ удалось ему получить средства на агитацію въ Россіи; онъ хочетъ съ этой цѣлью отправиться въ Бреславль, чтобы быть ближе къ русской границѣ. Изъ парижскихъ политиковъ онъ особенно сблизился съ de Flotte, который впрочемъ соглашается съ нимъ въ томъ, что революція слабѣетъ и что враждебные ей элементы поднимаются“.

Во время этого разговора Альтгаусъ принесъ вѣсть о паденіи кандидатуры Руге, и когда послѣдній упрекнулъ въ винѣ этого и Бакунина, который его увлекъ изъ Odeum, Бакунинъ утѣшалъ его: „Ну, когда пойдетъ наша славянская революція, мы тебя вознаградимъ за неблагодарность этихъ саксонскихъ филистеровъ, такъ какъ ты больше сдѣлалъ для умственнаго возбужденія нашего времени, чѣмъ полный Odeum тѣхъ людей. Къ тому же ты принадлежишь не Саксоніи и не Лейпцигу, а Берлину“.

„Я отвѣтилъ: За исключеніемъ твоей слишкомъ высокой оцѣнки моихъ заслугъ, я съ тобою вполнѣ согласенъ.

„Такъ прошелъ у насъ этотъ вечеръ и мы скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало предавались юмору и легкому разговору; до глубокой ночи оставались мы вмѣстѣ и всякій разъ, когда я собирался уходить, мой любезный русскій удерживалъ меня, восклицая: „Руге, ты знаешь, что утрачено во мгновеніе, того никакая вѣчность не возвратитъ“.

„На другое утро онъ уѣзжалъ въ Бреславль, чтобы завести сношенія (въ Россіи) съ поповичами, отъ которыхъ онъ

ждалъ чувствительности къ идеямъ времени. Бакунинъ тогда очень далеко зашелъ съ коммунизмомъ. Революція, съ ея рѣшительными политическими задачами, пошла нѣсколько на перерѣзъ всей соціалистической партіи, и Бакунинъ отбросилъ ее сначала на своихъ поповичей, послѣ на славянскій парламентъ и на возстаніе въ Прагѣ; въ Парижѣ, гдѣ соціализму дали слово въ Люксембургскомъ дворцѣ, не умѣлъ предложить ни одного исполнимаго проекта". (Arn. Ruges. Briefwechsel etc., II, 42—45).

Когда наступили выборы во франкфуртскій парламентъ, Бакунинъ вызвалъ Руге изъ Лейпцига въ Бреславль, обѣщая ему тамъ успѣхъ въ кандидатурѣ и прежде всего поддержку своего хозяина, купца St.... (Тамъ же, 46).

О положеніи самого Бакунина въ Бреславлѣ Руге разсказываетъ такъ: „Бакунинъ завязалъ многочисленныя знакомства и охотно принимался всюду ради своей симпатичной и остроумной личности. Для своей цѣли онъ собралъ около себя нѣсколько русскихъ; онъ вступилъ въ сношенія съ чехами, и тогда было положено, что въ Прагѣ соберется конгрессъ славянъ, для того, чтобы различныя племена ихъ могли придти къ соглашенію". (Тамъ же, 49).

Къ сожалѣнію, и эти извѣстія о планахъ Бакунина довольно темны. Интересно было бы знать болѣе, что это за поповичи (Popensöhne), на которыхъ возлагалъ надежды Бакунинъ. Должно быть это былъ первый „безпардонный" элементъ, на революціонность котораго разсчитывалъ Бакунинъ. Какого рода были тѣ русскіе въ Бреславлѣ, которыхъ собралъ около себя Бакунинъ? Въ тѣ времена въ Бреславлѣ бывали иногда изъ Россіи медики, но единицами, да купцы и ихъ приказчики, тоже въ незначительномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ это бреславльское собираніе русскихъ около Бакунина, должно быть, осталось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ даже въ Прагу на конгрессъ славянскій никто изъ нихъ съ Бакунинымъ не поѣхалъ *).

Обстоятельная исторія пражскаго съѣзда, который открылся

*) Герценъ въ своей статьѣ о Бакунинѣ, писанной по случаю его пріѣзда въ Лондонъ („Колоколъ", № 119—120). говоритъ, что „въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ" передъ пражскимъ. Намъ ничего неизвѣстно объ этомъ съѣздѣ.

1 іюня 1838 г. и прерванъ былъ 12 іюня, еще не написана, а поэтому нѣтъ прочной основы не только для оцѣнки участія въ немъ Бакунина, но даже для прагматическаго разсказа объ этомъ участіи. Въ Россіи же почти никому неизвѣстны и тѣ свѣдѣнія о пражскомъ съѣздѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, которыя обнародованы за границей, а потому мы должны будемъ здѣсь говорить не только спеціально о дѣятельности Бакунина въ это время, но и о самихъ условіяхъ ея *).

Собственно говоря, положеніе Бакунина на пражскомъ съѣздѣ было не совсѣмъ естественно, въ соотвѣтствіе двойственности значенія самаго съѣзда. Непосредственная вполнѣ практическая цѣль съѣзда была опредѣленіе политическаго положенія австрійскихъ славянъ въ виду національно-централистическихъ стремленій политиковъ венгерскихъ и нѣмецкихъ. Первые добились для себя весьма либеральныхъ уступокъ отъ австрійскаго императора, но желали сохранить и даже расширить гегемонію мадьярскаго племени надъ всѣми другими племенами короны св. Стефана: славянами, румынами и даже нѣмцами. Политики же нѣмецкіе, въ томъ числѣ особенно либеральные, желали включить въ предположенную ими нѣмецкую имперію, конституцію которой тогда вырабатывалъ парламентъ во Франкфуртѣ, также и всѣ австрійскія провинціи, нѣкогда считавшіяся въ составѣ Священной римско-германской имперіи и съ 1815 г. въ Германскомъ союзѣ, со всѣмъ ихъ славянскимъ и итальянскимъ населеніемъ. Для славянъ не была выгодна ни мадьярская гегемонія въ Венгріи, не перспектива нѣмецкой гегемоніи въ будущей Германской имперіи, въ которой славяне составили бы меньшинство, обреченное на то подчиненіе, въ которомъ, напр., теперь находятся познанскіе поляки. Поэтому среди австрійскихъ славянъ 1848 г.

*) Пособіями нашими будутъ главнымъ образомъ статья въ „Casopis ceského museum“ 1848 и брошюра Jana M. Cerneho „Slovensky zjezd w Praze roku 1848. Na paměťku ctyricitiletou“ (V Praze 1888). Jakuba Malého. „Nase znovuzrozeni (V Praze, 1880). Протоколы съѣзда не были напечатаны. Поляки и югославяне вывезли протоколы своихъ секцій, уѣзжая изъ Праги въ началѣ уличныхъ безпорядковъ 12 мая; остальные сложены были въ чешскомъ музеѣ и были забраны тамъ военными властями и переданы военному суду, который разбиралъ дѣло этихъ безпорядковъ.

оппозиція противъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ стремленій проявилась въ двухъ направленіяхъ: первое предпочитало сохраненіе австрійскаго status quo, второе желало обращенія Австріи въ федеральную державу съ равноправностью національностей, — монархическую Швейцарію, какъ иногда говорилось.

Для послѣдней цѣли австрійскимъ славянамъ необходимо было согласиться въ цѣляхъ и средствахъ. Хорватскій писатель Кукульевичъ подалъ первый мысль о съѣздѣ; а чехи, которые считали свое положеніе особенно угрожаемымъ стремленіями франкфуртскаго парламента, подхватили эту мысль,—и съѣздъ славянскій былъ созванъ на 30 мая 1848 г. въ г. Прагѣ.

Но созывающіе не ограничились одними австрійскими славянами. Идея всеславянскаго общенія, которая въ 40-е годы разрабатывалась въ литературѣ разныхъ славянскихъ народовъ, заставила организаторовъ пражскаго съѣзда позвать туда и неавстрійскихъ славянъ, хотя бы въ качествѣ гостей. Нѣкоторымъ практическимъ побужденіемъ къ тому было особое положеніе поляковъ. Собственно австрійскимъ—галицкимъ—полякамъ не было практической необходимости въ съѣздѣ славянскомъ, такъ какъ Галиція не входила ни въ число земель венгерской короны, ни въ Германскій союзъ, и ничто не угрожало въ ней польской національности. Венгерскіе и австронѣмецкіе національные централисты надѣялись поэтому, что поляки совсѣмъ не примутъ участія въ славянскомъ съѣздѣ. Но поляки прусскіе,—познанскіе—оказались въ иномъ положеніи, такъ какъ прусское правительство, очевидно въ расчетѣ на болѣе успѣшное подавленіе польскаго сепаративнаго движенія въ Познани, если и эта провинція будетъ введена въ число земель германскихъ, предписало и познанцамъ послать своихъ представителей въ парламентъ франкфуртскій. Познанскіе поляки такимъ образомъ оказались въ томъ положеніи, какого боялись чехи,—и у поляковъ явился практическій резонъ искать опоры въ другихъ славянахъ для охраны своей національности въ Познани. Кромѣ того въ Галиціи русины (малороссы) заявили желаніе освободиться отъ супрематіи поляковъ,—поднятъ былъ даже вопросъ о раздѣленіи Галиціи на двѣ части: западную, польскую, и восточную—русинскую. Галицкіе поляки могли надѣяться, что посредничество другихъ

славянъ поможетъ улаженію польско-русинскихъ разногласій.

Но участіе въ пражскомъ съѣздѣ неавстрійцевъ, поляковъ познанскихъ, логически, или по крайней мѣрѣ діалектически, повело за собою приглашеніе и всѣхъ другихъ славянъ—балканскихъ и русскихъ. Но передъ славянами балканскими стоялъ въ первой линіи вопросъ освобожденія ихъ отъ турокъ, врядъ ли возможнаго безъ военнаго вмѣшательства Россіи, а славянскій вопросъ въ Россіи состоялъ въ освобожденіи поляковъ, невозможномъ безъ общей политической свободы. Такимъ образомъ участіе неавстрійскихъ славянъ въ пражскомъ съѣздѣ собственно парализовало дѣятельность австрійскихъ славянъ, крайне услбжняя задачи съѣзда и выводя ихъ за предѣлы силъ австрійскихъ славянъ, которые все же составляли на съѣздѣ огромное большинство. (Члены съѣзда раздѣлились по спеціальностямъ такъ: 237 — вступили въ секцію чешско-моравско-силезско-словацкую, 62—въ польско-русинскую, 42—въ словено-хорватско-сербско-далматинскую.

Между неавстрійскими членами съѣзда оказались познанскій полякъ Либельтъ, членъ франкфуртскаго парламента, тщетно отстаивавшій въ немъ автономію Познани, и Бакунинъ, принадлежавшіе оба къ числу самыхъ талантливыхъ, самыхъ образованныхъ и самыхъ либеральныхъ членовъ съѣзда, которые способны были оказать наиболѣе сильное личное вліяніе на товарищей. Хотя и гости, Либельтъ и Бакунинъ были избраны въ число членовъ дипломатическаго комитета и получили вмѣстѣ съ Захомъ миссіи составить проектъ воззванія къ европейскимъ народамъ *). Проектъ этотъ, окончательно редактированный Палацкимъ, былъ при-

*) Захъ былъ моравинъ, но служилъ при сербскомъ князѣ и въ спискѣ членовъ помѣченъ былъ: moravanza Srbia. Шпрингеръ говоритъ: „Хотя по оффиціальной программѣ неавстрійскіе славяне должны были считаться только гостями, но въ дѣйствительности они имѣли наибольшее вліяніе на переговоры. Порядокъ занятій составилъ лужичанинъ, основы важнѣйшихъ мемуаровъ предлагалъ сербскій княжескій чиновникъ, по имени Захъ, и Либельтъ изъ Познани, наибольшую жизнь въ конфиденціальныя собранія секцій вносилъ русскій, Бакунинъ“. (A. Springer. Geschichte Oesterreich seit dem Wiener Frieden 1809. II. B., 333).

нятъ въ общемъ собраніи съѣзда и можетъ считаться въ извѣстной мѣрѣ за сочиненіе Бакунина, который во всякомъ случаѣ раздѣлялъ его основныя мысли.

Манифеста этого достаточно, чтобы снять съ пражскаго съѣзда обвиненіе въ реакціонности, которое наброшено было на него современными національными либералами, нѣмецкими и мадьярскими и которое, съ ихъ голоса повторялось иногда и въ Россіи, напр. въ радикальныхъ „Отеч. Запискахъ“ 70-хъ годовъ. Манифестъ провозглашалъ внѣшнюю и внутреннюю свободу всѣхъ народовъ и оканчивался даже предложеніемъ общаго европейскаго конгресса народовъ. Славянофильство въ манифестѣ этомъ можно усмотрѣть развѣ въ увѣреніи, что славяне никогда не притѣсняли другихъ народовъ, какъ завоеватели романскіе и германскіе, тогда какъ и теперь „свободный британецъ отказываетъ ирландцу въ полной національной самостоятельности, нѣмецъ угрожаетъ принужденіемъ славянскимъ племенамъ, а мадьяринъ не стыдится признавать въ Венгріи національныя права только за своимъ племенемъ“. Если въ этихъ словахъ и есть національное самообольщеніе, то во всякомъ случаѣ такое, которое не угрожало никому.

Кромѣ вышепоказанныхъ комитетовъ Бакунинъ, означенный въ общемъ спискѣ членовъ, какъ rossijanin, т. е. великоруссъ, былъ зачисленъ въ польско-малорусскую секцію, (zbor polsko-rusinski), состоявшую изъ галичанъ и буковинцевъ, т. е. поляковъ и русиновъ (малороссовъ) кромѣ Олимпія Милорадова, старообрядческаго священника изъ великорусской колоніи Бѣлая Криница въ Буковинѣ, который въ общемъ спискѣ членовъ означенъ z Galicyi Rossijanin *). Отъ этой секціи Бакунинъ былъ назначенъ посломъ-посредникомъ на секцію словено-хорватско-сербско-далматинскую.

Бакунинъ сдѣлалъ съѣзду какое-то предложеніе, о кото-

---

*) Поляки отмѣтили себя въ общемъ спискѣ буквою M., т. е. Mazur, соотвѣтственно тому взгляду, который признавалъ, что и русины, какъ и мазуры, только разновидность поляковъ. И Либельтъ помѣченъ не полякомъ, а великополяниномъ (W. P.) изъ Познани. Либельтъ предсѣдательствовалъ въ польско-малорусской секціи, Эдм. Хоецкій, который послѣ былъ пріятелемъ Герцена, отмѣтилъ себя мазуромъ съ Украйны!!

ромъ чешскій современный историческій обзоръ съѣзда (Historicka sprava o zjezdu slovanskèm) говоритъ: „Предложеніе Либельта и Бакунина не могло быть принято потому, что не относилось спеціально къ славянамъ въ Австріи, но брало во вниманіе и другія вѣтви, внѣавстрійскія“ (Casopis Ceského Museum. 1848, díl druhy, 12) Такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны, то намъ неизвѣстно точно, въ чемъ собственно состояло предложеніе Бакунина. Вѣроятно, оно было въ смыслѣ статьи его, напечатанной тогда же въ польской газетѣ „Dziennik Domowy“, которую мы даемъ въ приложеніи по нѣмецкому тексту ея, напечатанному въ „Slavische Jahrbücher“ 1848. Суть этой статьи сводится къ проекту установленія всеславянскаго совѣта, который бы посредничалъ между разными славянскими племенами, соединенными въ братскій союзъ, и устранялъ бы между ними всякія противныя братству дѣйствія. Вся эта концепція славянскаго братства не только утопична для тогдашняго, какъ и нынѣшняго положенія дѣлъ, но и вполнѣ идиллична и совсѣмъ не занималась собственно политическими, конституціонными подробностями вопроса, такъ что въ этомъ уступаетъ программамъ Кирило-Меѳодіевскаго братства Костомарова 1846 - 1847 гг. и даже предложеніямъ Либельта пражскому съѣзду 1848 г. *). Соціалистическая тенденція въ слабой степени представлена въ статьѣ Бакунина въ видѣ желанія, чтобы каждый славянинъ имѣлъ право на земельный участокъ въ общей территоріи славянской, но и это желаніе выражено нѣсколько туманно.

Вообще съѣздъ принялъ нѣсколько рѣшеній, которыя могли имѣть непосредственное значеніе относительно дѣлъ австрійскихъ славянъ и которыя имѣли цѣлью превращеніе Австріи въ федерацію равноправныхъ народностей. Относительно же

*) Програмы Костомаровскаго братства сведены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893, № 7, а предложенія Либельта, см. въ названной статьѣ чешскаго музея, прил. VI. Программа Костомарова хотя и утопическая для своего времени, все-таки выставляетъ опредѣленныя политическія формы славянскаго единства: она проектируетъ славянскіе соединенные штаты съ правительствами областными и федеральнымъ, причемъ предлагаетъ раздѣленіе и Россіи на политическія области этнографическія и географическія, какъ напр. по нѣскольку областей малорусскихъ и великорусскихъ.

не-австрійскихъ славянъ съѣздъ ограничился платоническими пожеланіями, которыя изложены были еще передъ его открытіемъ въ программѣ его занятій:

„Если бы наше слово могло быть уважено внѣ Австріи, то мы бы высказались за улаженіе русско-польскихъ споровъ и объ освобожденіи славянъ изъ-подъ ярма турецкаго. Между русскими и поляками идетъ дѣло главнымъ образомъ о прочномъ опредѣленіи правъ обѣихъ народностей. Когда оно наступитъ, то настанетъ само собою соглашеніе между тѣми могучими славянскими народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ, на пути къ единству, приведетъ также русскихъ и поляковъ къ пристани. О, еслибъ дѣйствительно русскій народъ увидалъ свѣтъ свободы въ своей родинѣ!“

Далѣе слѣдуютъ такія же пожеланія освобожденія славянъ въ Турціи, „подъ знаменемъ благороднаго народа сербскаго“, и наконецъ пожеланіе, чтобы „просвѣщенное правительство саксонское не угнетало малаго и безвреднаго народа лужичанъ“, а Пруссія отказалась отъ систематической германизаціи славянъ въ Силезіи, Нижней Лужицѣ, въ западной и восточной Пруссіи“. О Познани не сказано, очевидно, потому, что польскій характеръ ея ставился внѣ спора.

Славянскій съѣздъ успѣлъ оформить только одно изъ своихъ постановленій: манифестъ къ европейскимъ народамъ, который былъ одобренъ въ собраніи 12 іюня. На 14 іюня было назначено постановленіе рѣшеній по другимъ вопросамъ. Но уже 12-го началось въ Прагѣ возстаніе, которое положило конецъ работамъ съѣзда и во время котораго разсѣялись и его бумаги.

Мы привели выше слова Руге о томъ, что Бакунинъ возлагалъ большія надежды на святодуховское возстаніе въ Прагѣ, и приведемъ дальше чешскія показанія о томъ, какое участіе принималъ въ немъ Бакунинъ. Надо намъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ возстаніи.

Причины возстанія этого лежатъ въ тогдашнемъ крайне запутанномъ и возбужденномъ состояніи всей Австро-Венгріи и въ частности чеховъ. Чехи, въ своемъ стремленіи къ автономіи, имѣли противъ себя и придворно-военную партію, и національно-либеральныхъ нѣмцевъ, и въ частности нѣмцевъ Богеміи съ Прагой. Сами они раздѣлялись на разныя партіи,

изъ которыхъ однѣ думали достигнуть цѣли переговорами съ династіей, другія—черезъ парламентаризмъ, третьи — черезъ народное возстаніе. Настроеніе въ Прагѣ и войска, и населенія было таково, при которомъ, какъ говорится, ружья сами стрѣляютъ. Въ первые часы послѣ мартовскихъ волненій въ Вѣнѣ, чехи и въ частности городъ Прага получили нѣкоторыя уступки правительства и между прочимъ народную гвардію (Svornost), одинъ изъ легіоновъ которой, по примѣру Вѣны, составили студенты. Отряды этой гвардіи составляли почетный караулъ славянскаго съѣзда и находились въ общеніи, особенно студенты, съ болѣе радикальными его членами.

Ближайшимъ поводомъ къ взрыву возстанія было назначеніе въ Прагу командиромъ войскъ и верховнымъ начальникомъ администраціи кн. Авг. Шварценберга, извѣстнаго за реакціонера, которому приписывали изреченіе: „для меня человѣкъ начинается съ барона“. Назначеніе это оживило консерватизмъ нѣмецкой части населенія въ Прагѣ, которое составило „Союзъ спокойствія и порядка“ (Verein für Ruhe und Ordnung) и раздражило чеховъ. Тотчасъ по вступленіи въ должность, кн. Шварценбергъ издалъ полицейскія правила, между прочимъ ограничившія демонстративныя движенія около чешскаго музея, гдѣ засѣдалъ славянскій съѣздъ. Студенты, послѣ уличнаго митинга, послали депутацію Виндишгрецу требовать отмѣны его распоряженій, какъ оскорбительныхъ для съѣзда, и выдачи ихъ легіону 60,000 патроновъ (11 іюня). Когда Виндишгрецъ отвѣтилъ отказомъ, изъ депутаціи раздались рѣзкія противъ него восклицанія. По городу пошли слухи, что студенты готовятся сдѣлать проливъ Шварценберга демонстрацію съ обычной въ такихъ случаяхъ въ Германіи и Австріи „кошачьей музыкой“.

12 іюня, въ день Святого Духа, на одной изъ площадей Праги священникъ служилъ обѣдню. По городу пошли слухи, что это славянская обѣдня и что послѣ нея будетъ „братаніе“ чешскихъ студентовъ и рабочихъ противъ войскъ и нѣмцевъ. Толпа собралась значительная. Когда послѣ обѣдни часть ея проходила мимо дома Виндишгреца, изъ него выходила депутація „Союза спокойствія и порядка“. Пѣсни, которыя пѣла толпа, приняты были во дворѣ Виндишгреца, гдѣ были собраны солдаты, за „кошачью музыку“, а можетъ быть среди пѣвшей толпы и были такіе, которые пустили въ

ходъ такую музыку. Солдаты выскочили изъ двора и стали разгонять толпу холоднымъ оружіемъ. Толпа бросилась на улицы съ крикомъ: „насъ бьютъ!“ и начала строить баррикады. Къ мѣстамъ безпорядка стали собираться солдаты, и въ то время, по показаніямъ, которыя повторяетъ и Яковъ Малый въ его исторіи чешскаго возстанія (Jakub Maly, Nase znovuzrozeni. V Praze 1880 I—VI), раздались первые выстрѣлы по войскамъ изъ дома гостинницы Голубой Звѣзды, гдѣ жилъ Бакунинъ и нѣкоторые поляки, члены съѣзда; началась перестрѣлка, жертвой которой была между прочимъ и жена Шварценберга, подошедшая къ окну. Къ вечеру, впрочемъ, баррикады по главнымъ улицамъ были очищены солдатами, но нѣкоторыя большія зданія, въ томъ числѣ семинарія (Clementinum), университетъ и почти вся высокая часть города, Старая Сторона, находились въ рукахъ возставшихъ. Между прочимъ въ рукахъ студентовъ оказался и начальникъ губерніи, Левъ Тунъ.

На другой день граждане Праги отправили депутацію къ Шварценбергу для мирныхъ переговоровъ, которые протянулись три дня, когда въ городѣ была относительная тишина.

Между тѣмъ кн. Шварценбергъ вывелъ изъ города большую часть войскъ и поставилъ ее вокругъ города на высокихъ мѣстахъ, что и дало ему возможность потомъ бомбардировать городъ. Это, въ сущности зловѣщее, отступленіе войскъ осмѣлило возставшихъ, и кто-то изъ нихъ выставилъ на улицахъ объявленія, которыя излагали требованія: установленія временнаго правительства Богеміи, отвѣтственнаго богемскаго министерства и особой національной арміи. Со стараго города стали учащенно, хотя совершенно напрасно, стрѣлять черезъ рѣку по солдатамъ, которые стояли въ т.-наз. Маломъ городѣ.

Между тѣмъ въ Прагу прибыли два комиссара вѣнскаго министерства. 15 іюня они согласились съ членами городской управы на томъ, что баррикады будутъ оставлены и Виндишгрецъ выйдетъ въ отставку, на что соглашался и послѣдній. Уже соглашеніе это было возвѣщено по улицамъ 16 іюня, какъ опять часть возставшихъ начала стрѣльбу со Стараго города по берегу рѣки. Виндишгрецъ объявилъ себя свободнымъ отъ всякихъ условій и началъ бомбардировку города. Послѣ первыхъ выстрѣловъ Виндишгрецу предложена была представителями города сдача на извѣстныхъ условіяхъ, но генералъ

требовалъ безусловной сдачи и выдачи заложниковъ, хотя и прекратилъ канонаду. Но въ это время опять стали стрѣлять со Стараго города, и бомбардированіе было возобновлено. Ночной пожаръ впрочемъ напугалъ городъ, и Прага сдалась безусловно и поступила въ управленіе Шварценберга на военномъ положеніи. (См. описаніе этихъ событій у Шпрингера, II, 342—347 и Малаго, II, 77—81).

I. Иречекъ характеризуетъ это святодуховское возстаніе, говоря, что никто изъ дѣйствовавшихъ въ немъ мѣщанъ и студентовъ не могъ сказать, какія оно имѣетъ цѣли, что никакой системы въ направленіи его не было, а только всякій разъ, когда близилось соглашеніе съ Виндишгрецомъ, стрѣльба гдѣ-нибудь возобновлялась на сторонѣ возставшихъ. „Позже, говоритъ чешскій писатель, выяснилось, что тайное правительство возстанія сидѣло въ Клементинумѣ. Тамъ сидѣлъ Бакунинъ съ своею компаніей около стола, на которомъ лежали планы Праги и оттуда давалъ приказанія о продолженіи сопротивленія“. (Maly, II, 81).

Первымъ послѣдствіемъ этого святодуховскаго возстанія было прекращеніе славянскаго съѣзда. Уже 12 іюня начальникъ народной гвардіи, кн. Лобковицъ, посовѣтовалъ польскимъ, хорватскимъ и сербскимъ членамъ съѣзда уѣзжать изъ Праги, что многіе изъ нихъ и сдѣлали. 16 іюня, по прекращеніи бомбардировки, часть оставшихся членовъ собралась было для продолженія обсужденій, но когда бомбардированіе возобновилось, то члены съѣзда объявили его отсроченнымъ и разошлись.

Для чеховъ вообще послѣдствіемъ возстанія было неисполненіе тѣхъ уступокъ, которыя привезли изъ Инспрука (куда удалился изъ Вѣны императоръ) какъ разъ во время возстанія чешскіе депутаты гр. Ностицъ и Ригеръ. Надо прибавить, что въ числѣ самыхъ горячихъ возбудителей возстанія, призывавшихъ пражанъ строить баррикады, былъ словакъ, членъ славянскаго съѣзда, Туранскій, который оказался шпіономъ и провокаторомъ, посланнымъ венгерскимъ правительствомъ съ цѣлью скомпрометировать съѣздъ. (Springer, II, 340—341).

Послѣ бомбардировки Праги Бакунинъ убѣжалъ въ Германію. Тамъ онъ скрывался въ Берлинѣ, Дессау, Кетенѣ и др., и въ апрѣлѣ 1849 г. явился въ Лейпцигѣ, въ кружкѣ студентовъ-чеховъ. Объ этой порѣ жизни Бакунина даютъ

нѣкоторое понятіе воспоминанія Августа Реккеля (Aug. Röckel, Sachens Erhebung und das Zuchthaus zu Waldheim, 1865, Frankfurt a M., bei E. Adelmann). По словамъ Реккеля, Бакунинъ ожидалъ, что скоро возстанетъ Чехія, и желалъ замедлить это возстаніе, пока подготовится таковое въ Германіи. Для этого онъ послалъ Реккеля въ Прагу, но эмисаръ нашелъ Богемію далекою отъ возстанія. Въ это время Бакунинъ издалъ въ Кетенѣ по-нѣмецки „Воззваніе къ славянамъ“ (Aufruf die Slaven). Брошюра эта, полная благородныхъ намѣреній служить свободѣ и братству народовъ, не могла впрочемъ имѣть никакого непосредственнаго практическаго значенія, хотя такова была ея цѣль, такъ какъ прежде всего среди самихъ нѣмцевъ (не говоря уже о мадьярахъ) не было сколько-нибудь значительнаго элемента, готоваго признать права славянъ на политическое равенство съ нѣмцами. Кромѣ того совѣтъ Бакунина славянамъ работать для разрушенія Австріи совершенно не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ условіямъ австрійскихъ земель, въ которыхъ національности такъ перемѣшаны, что раздѣленіе ихъ невозможно, а потому раціональною можетъ быть только цѣль превращенія Австріи въ федеральное государство въ родѣ Швейцаріи, а вовсе не распаденія этого государства по принципу этнографическому.

Врядъ ли нужно пускаться въ критику той части брошюры Бакунина, которая касается Россіи, гдѣ авторъ предлагаетъ австрійскимъ славянамъ взять на себя иниціативу освобожденія поляковъ и русскихъ отъ Николая I, а въ то же время увѣряетъ ихъ, что Россія готова къ революціи.

Ко времени написанія Бакунинымъ „Воззванія къ славянамъ“ относятся слова Герцена, въ статьѣ, писанной сейчасъ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ къ началу 1862 г.: „Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ гр. Л. Телеки. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которой не отрицали его враги“. („Колоколъ“, № 119—120, 15 янв. 1862).

Какъ извѣстно, многіе поляки приняли активное участіе въ венгерскомъ возстаніи 1848—1849 гг., но это не имѣло никакого вліянія на отношенія между другими славянами и венграми, такъ какъ поляки никакихъ внутреннихъ дѣлъ, общихъ съ венграми, не имѣютъ, не то, что славяне въ земляхъ, которыя венгерскіе національности называютъ достояніемъ короны Св. Стефана и въ которыхъ они не признаютъ и теперь равноправія другихъ національностей съ венгерскою. Въ 1848 же году венгерское правительство Кошута, которое стало потомъ во главѣ возстанія, явно было противно всѣмъ славянскимъ стремленіямъ и даже поставило оффиціальныхъ представителей на франкфуртскомъ парламентѣ, выражаясь, что нѣмцы представляютъ въ Австріи передъ славянами „элементъ цивилизаціи“, и настаивая на присоединеніи нѣмецко-славянскихъ земель въ Австріи къ Германіи, чтобъ „Австрія не стала славянскою монархіей“ (Springer, II, 330),—по L. Szalay, Diplomatische Actenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandschaft in Deutschland. Zürich, 1849). Что до предположеннаго Бакунинымъ союза славянъ съ нѣмцами въ 1848 г., то самъ же Герценъ писалъ въ той же вышеупомянутой статьѣ, которая была, очевидно, писана при помощи Бакунина: „Бакунинъ страшно заплатилъ за благородную ошибку, за несбыточную мечту общаго дѣйствія съ нѣмецкими демократами. У большей части нѣмцевъ слишкомъ развита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ“.... Когда Бакунинъ сидѣлъ въ саксонской крѣпости Кенигштейнѣ, ожидая смертнаго приговора, въ газетѣ К. Маркса явилось извѣстіе, будто Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства.

Возстаніе Саксоніи произошло подъ предлогомъ требованія приведенія въ исполненіе конституціи, выработанной германскимъ парламентомъ въ Франкфуртѣ, которой не признали ни прусскій король, отказавшійся принять предложенную ему этимъ парламентомъ 2 апр. 1849 г. карту Германіи, ни австрійское правительство, отозвавшее депутатовъ-австрійцевъ изъ франкфуртскаго парламента. Бакунину въ Дрезденѣ

пришлось явиться защитникомъ франкфуртскаго парламента, противъ котораго онъ выступалъ въ Прагѣ съ славянской точки зрѣнія и къ которому и нѣмецкіе радикалы были въ свое время довольно равнодушны какъ къ слишкомъ умѣренному. Очевидно, Бакунинъ былъ увлеченъ своимъ революціоннымъ инстинктомъ, а кромѣ того, можетъ быть, разсчитывалъ, что дрезденское возстаніе, разросшись, приметъ болѣе широкое направленіе. Съ 5 по 9 мая Бакунинъ игралъ видную, чуть не диктаторскую, роль въ защитѣ Дрездена отъ саксонскихъ и прусскихъ войскъ. Авторъ статьи „Michael Bakunin und der Radicalismus“ въ книгѣ „Russland vor und nach dem Kriege“ (2 Aufl., Leipzig, Brockhaus, 1879) приписываетъ Бакунину накопленіе горючихъ матеріаловъ въ ратушѣ и приготовленіе осмоленныхъ вѣнковъ, которые были положены въ Цвингеръ (музей) и въ оперный театръ, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ въ Цвингерѣ, истребившій часть его коллекцій. Герценъ разсказываетъ, что Бакунинъ совѣтовалъ революціоннымъ правителямъ въ Дрезденѣ „поставить на городскія стѣны Мадонну Рафаэля и картины Мурильо и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобы осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“. (Посм. Сочиненія, 195).

8 мая Бакунинъ держалъ рѣчь прибывшимъ изъ Лейпцига городскимъ депутатамъ о европейскомъ значеніи отчаянной защиты Дрездена, но 9-го дрезденскіе революціонеры должны были разсѣяться, или отступить къ Фрейбургу. 10 мая Бакунинъ былъ взятъ въ Хемницѣ. Прусскій офицеръ, который его сторожилъ въ Альтенбургѣ, разсказывалъ о его непоколебимости и о томъ, какъ Бакунинъ научалъ его, что въ политическихъ дѣлахъ только успѣхъ опредѣляетъ, что великое дѣло, и что преступленіе (von Varchmin. Die soziale Frage, 1876, въ „Russland vor und nach dem Kriege“).

Съ августа 1849 по май 1850 г. Бакунинъ содержался въ крѣпости Königstein и былъ приговоренъ къ смерти секретнымъ военнымъ судомъ, но король замѣнилъ казнь вѣчной тюрьмой. Вскорѣ Бакунинъ былъ переданъ австрійскому правительству. Въ маѣ 1850 г. Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго на вѣчную тюрьму узнать тайны славянскаго

движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать: его около года оставили въ Грачинѣ, ничего не спрашивая. Въ мартѣ 1851 г., напугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевели въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, прикованный къ стѣнѣ. Австрійскія власти опять приговорили Бакунина къ смерти, но затѣмъ выдали его въ Россію въ маѣ 1861. (Колоколъ № 119—120).

Арнольдъ Руге разсказываетъ въ „N. Fr. Presse“ о жизни Бакунина отъ пребыванія въ Прагѣ до выдачи въ Россію, такъ:

„Не можетъ быть сомнѣнія относительно того, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ въ Прагѣ. Что онъ сражался храбро, объ этомъ мнѣ передавали прибывшіе въ Франкфуртъ поляки, сообщившіе мнѣ извѣстіе, которое я напечаталъ для конгресса (франкфуртскаго).

„Когда я ради управленія „Реформой“ оставилъ Франкфуртъ и переселился въ Берлинъ, то я нашелъ тамъ и Бакунина. Со времени пражскихъ событій онъ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ бродягой и не всегда могъ спасать съ собой свои вещи. Отъ этого его элегантность значительно пострадала, и одинъ нашъ молодой другъ „изъ племени Авраама“, который слышалъ, что объ этомъ уже было сдѣлано замѣчаніе въ обществѣ, упрекнулъ въ неопрятности Бакунина, встрѣтивъ его у меня въ редакціи „Реформы“, и увѣщевалъ его исправиться; это произвело комическое впечатлѣніе. Бакунинъ, желая очевидно оставаться независимымъ даже въ своемъ гардеробѣ, смѣрилъ изумленнымъ взглядомъ своего увѣщевателя съ головы до ногъ и вскричалъ: „Чего ему надо, этому маленькому чистенькому жиду?“—оскорбленно задымилъ своей папиросой и не исправился.

„Франкфуртъ все болѣе опускался и становился обществомъ упражненія въ разговорахъ, и центръ тяжести движенія падалъ на Берлинъ, пока и тамъ не угасло солнце отъ ноябрьскаго переворота и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV ополчился противъ франкфуртской конституціи и противъ своего собственнаго императорства. Этотъ пріемъ, посредствомъ котораго пруссаки запрягли лошадей позади экипажа, бросилъ меня сначала въ Лейпцигъ, гдѣ я опять встрѣтилъ Бакунина, и замѣшалъ насъ разными способами въ дрезденское возстаніе за конституцію. Бакунинъ завелъ бо-

лѣе крѣпкія связи съ пражской молодежью и сообщилъ мнѣ свои планы. Однако, я совершенно разошелся съ нимъ въ этомъ и заявилъ ему, что время заговоровъ прошло; чего нельзя достигнуть агитаціей и непосредственнымъ народнымъ движеніемъ, то еще менѣе можетъ быть достигнуто тайными союзами. Я говорилъ, что вижу въ этомъ только отчаянный шагъ, и потому я рѣшительно противъ. Это объясненіе рѣшительно охладило его къ намъ, и незадолго до вспышки въ Дрезденѣ я потерялъ его совершенно изъ виду. Онъ втихомолку отправился въ Дрезденъ и жилъ тамъ, скрываясь уже изъ-за однихъ своихъ кредиторовъ давнихъ временъ.

„Какъ вдругъ вспыхнули безпорядки, потому что дрезденское правительство считало нужнымъ не допускать проведенія конституціи, что, со времени берлинскаго отреченія отъ короны, было не въ его власти; когда реакція вызвала безпорядки и кровопролитіе такимъ легкомысленнымъ поворотомъ къ насилію надъ народной волей, то, казалось, пришло время наверстать медлительность мартовскихъ дней. Дворъ бѣжалъ въ Кенигштейнъ; въ Дрезденѣ составилось временное правительство; Бакунинъ вышелъ изъ своего убѣжища и предложилъ ему свои услуги. Онъ, кажется, нѣкоторое время думалъ о совмѣстномъ дѣйствіи Праги и Дрездена. Но прусское вмѣшательство не дало достаточно времени дрезденскому народному движенію. Поднялась контръ-революція, и временное правительство бѣжало въ Хемницъ. Тамъ Гейбнеръ и Бакунинъ были арестованы и отведены въ Кенигштейнъ, отданы подъ судъ и приговорены къ смерти за государственную измѣну.

„На вопросъ, желаютъ ли подсудимые обратиться къ королю съ просьбой о помилованіи, Бакунинъ отвѣчалъ, что онъ „предпочитаетъ быть разстрѣляннымъ!“. Если бы это было сообщено невѣрно, то Гейбнеръ можетъ самъ это легко опровергнуть, чтобы намъ избѣжать необходимости обращаться за разъясненіями къ бакунинскимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ былъ помилованъ, но потомъ, по причинамъ пражскаго возстанія, былъ выданъ Австріи подъ условіемъ, что по окончаніи слѣдствія онъ будетъ опять препровожденъ въ Саксонію. За этотъ фактъ я также не могу поручиться. Бакунинъ, упорно отрицавшій свое вмѣшательство въ пражскія событія, былъ, наконецъ, выданъ Россіи“.

Русскій императоръ, какъ разсказываетъ Бакунинъ въ пе-

чатаемомъ нами письмѣ № III, пожелалъ получить отъ него записку о славянскихъ дѣлахъ. По словамъ Герцена, Николай I, прочитавъ записку Бакунина (которую, можетъ быть, можно бы было разыскать въ архивѣ бывшаго III отдѣленія, ставшемъ теперь довольно доступнымъ), сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ; его надобно держать въ заперти“ *). (Посм. сочин. 197).

Изъ времени ареста Бакунина въ Петербургѣ есть о немъ упоминаніе въ запискахъ бывшаго саксонскаго повѣреннаго въ Петербургѣ гр. Фицтума-фонъ-Экштадта, который передаетъ между прочимъ свой разговоръ съ кн. Г., управлявшимъ тайной полиціей. Князь Г. сначала сообщилъ своему собесѣднику довольно фактическія свѣдѣнія о такъ-называемомъ „заговорѣ“ петрашевцевъ, будто бы приготовлявшихся „съ истинно-дьявольской геніальностью“ перебить въ одинъ день въ Петербургѣ и въ провинціяхъ высокопоставленныхъ лицъ, губернаторовъ и полицейскихъ чиновниковъ и обратить Россію въ федеративную республику. Далѣе кн. Г. сказалъ: Я, впрочемъ, имѣю всѣ причины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы три года тому назадъ поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ивановичемъ (такъ названъ у Фицтума, очевидно, Спѣшневъ, котораго кн. Г. считалъ главою „заговора“). Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого человѣка! Не думаю, чтобъ въ русской арміи нашелся хоть одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ на-

*) Ив. Головинъ разсказываетъ, что записка Бакунина Николаю I оканчивалась словами: «За мои иностранныя преступленія судите меня, какъ русскій государь». (Op. cit., 52). Г-жа Тучкова-Огарева передаетъ этотъ конецъ такъ: «Государь, за мое откровеніе простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи». („Р. Стар.“ 1894, XI, 20). Эти слова врядъ ли вѣрны, такъ какъ Александръ II, читая записку Бакунина, говорилъ, что въ ней «нѣтъ никакого раскаянія». (См. дальше, письмо № III). Описаніе дороги Бакунина изъ Австріи въ Петербургъ у г-жи Огаревой довольно правдоподобно, — показаніе же, будто вѣсть о смерти Николая I «застала Бакунина въ Соловецкомъ монастырѣ», — странная ошибка! Бакунинъ переведенъ былъ въ 1854 г. изъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ въ Шлиссельбургъ.

стоящемъ случаѣ провидѣніе явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою". (Изъ книги „St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—1864", „Русская Старина" 1887, V, 394). Сопоставляя эти слова кн. Г. съ отзывомъ самого Бакунина о петрашевцахъ и спеціально о Спѣшневѣ далѣе, въ письмѣ № I, нельзя не улыбнуться по поводу точности свѣдѣній петербургской тайной полиціи, а между тѣмъ такія свѣдѣнія заставляли всемогущаго Николая I говорить тому же Фицтуму: „Le sol est miné sous mes pieds!"

По словамъ Б. У. Ф., Тургеневъ, во время ареста Бакунина въ Шлиссельбургѣ, „осмѣлился просить облегченія его участи и снабжалъ его книгами, несмотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у имп. Николая". („Р. Стар." 1884, май, 396).

Дальнѣйшая исторія Бакунина довольно ярко отражена въ печатаемыхъ дальше письмахъ. Съ 1851 по 1854 г. Бакунинъ содержался въ Петропавловской крѣпости, а послѣ до 1859 въ Шлиссельбургской, потомъ поселенъ былъ въ Западной и дальше въ Восточной Сибири.

О сибирской жизни Бакунина сообщаетъ нѣчто Катковъ, но съ свойственнымъ ему озлобленіемъ и, вѣроятно, нѣсколько ретушируя по-своему основу фактовъ. „Въ 1859 году, разсказывалъ Катковъ (въ „Моск. Вѣдомостяхъ", 1870, № 4, по поводу ареста нечаевцевъ и прокламацій бакунинскихъ),— въ 1859 г., когда Бакунинъ еще проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ (? — по золотопромышленнымъ дѣламъ у откупщика Бенардаки? *М. Др.*), мы получили отъ него неожиданно письмо, въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ и которое показалось намъ искреннимъ. Мы предложили ему попробовать писать въ нашъ журналъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живаго и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861 – 1862 гг. получили мы отъ него еще два-три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Рус-

скую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи. Переписки съ своей стороны мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего, ничуть не поврежденнаго, существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6,000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его расчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2,000 р. единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему-де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втуне. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ все-таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири". (Невѣдѣнскій, 503—505).

Показаніе это нѣсколько сбивчиво: въ 1862 г. Бакунинъ былъ уже въ Лондонѣ и не могъ писать Каткову изъ Сибири. По всей вѣроятности, послѣднее письмо Бакунина было еще отъ 1861 года. Затѣмъ сомнительно, чтобы Бакунинъ имѣлъ 6,000 р. передъ отъѣздомъ изъ Сибири. Во всякомъ случаѣ желательно обнародованіе текста писемъ Бакунина къ Каткову, которыя могли сохраниться въ архивѣ „Моск. Вѣдомо-

стей". Основа же писемъ, передаваемая Катковымъ, какъ равно и обращеніе Бакунина къ Каткову за деньгами не представляютъ ничего невѣроятнаго. Замѣтимъ, что начиная издавать въ 1856 г. „Русскій Вѣстникъ", Катковъ помѣстилъ въ числѣ сотрудниковъ и Сатина, и Огарева. Правда, въ 1861 г. уже намѣтилось различіе между все еще, впрочемъ, либеральнымъ журналомъ Каткова и радикальнымъ „Современникомъ", но мы увидимъ далѣе въ иркутскихъ письмахъ Бакунина, что онъ одинаково презрительно смотрѣлъ на всю тогдашнюю русскую журналистику.

Объ отъѣздѣ Бакунина изъ Сибири ходятъ нѣсколько фантастическіе разсказы, напр., даже такіе, что будто онъ женился на дочери своего тюремщика (géolier) и съ ея помощью бѣжалъ и т. п. (B. Malon, „L'Internationale", „La Nouvelle Revue", 1884, 15 Févr., 750). На самомъ дѣлѣ, кажется, что отъѣздъ Бакунина нельзя назвать собственно и побѣгомъ: онъ имѣлъ свободу движенія по Сибири и выѣхалъ изъ Иркутска безпрепятственно, а на р. Амурѣ сѣлъ на американскій пароходъ и отплылъ съ нимъ. (Дальнѣйшее см. въ письмахъ №№ IV—VI).

Кавелинъ писалъ Герцену по поводу отъѣзда Бакунина изъ Сибири: „Ушелъ онъ изъ Россіи нехорошо, нечестно". (Письма Кав. и Тургенева, 48), и г-жа Тучкова-Огарева сообщаетъ, что самъ Бакунинъ, прибывъ въ Лондонъ, говорилъ: „Хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобы вырваться на волю". („Р. Старина", 1894, IX, 20).

Арн. Руге разсказываетъ о жизни Бакунина въ Сибири, конечно, со словъ самого Бакунина, но, можетъ быть, съ нѣкоторыми ошибками:

„Въ Сибири онъ скоро получилъ столько свободы, что могъ жениться и даже на дамѣ, которая принесла ему маленькое имѣніе. Бакунинъ изображалъ жизнь ссыльнаго какъ рѣшительно анти-русскую *). Всѣ принимаютъ непрерывно живѣйшее участіе въ европейскомъ развитіи. Сибирь освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія Россіи и въ далекомъ будущемъ станетъ безъ сомнѣнія сама госпожей своей судьбы. Но все же эта жизнь, беззаботная и замкнутая, не удовлетворяла нашего друга; онъ стремился уйти изъ этой

*) Т. е. антиправительственную. М. Др.

расширенной темницы, доставилъ себѣ средства чрезъ продажу своего имѣньица и устроилъ такъ, что одна торговая фирма въ Иркутскѣ дала ему свидѣтельство, какъ своему коммивояжеру по Амуру. Снаряженный такимъ образомъ, онъ задумалъ переплыть море, въ то время какъ его жена должна была ѣхать по сухопутью ему на встрѣчу чрезъ Европу. На Амурѣ плаваніе какъ разъ не было оживленнымъ и Бакунинъ нашелъ только императорскій фрегатъ, который шелъ по пути. У него хватило храбрости подняться на бортъ, изложить свою просьбу и побудить капитана взять его съ собой, разсказавъ ему о своихъ дѣлахъ и порученіяхъ. Капитанъ нашелъ пріятнаго спутника, а Бакуннинъ пріятное путешествіе, которое заняло порядочное разстояніе внизъ по пустынной рѣкѣ. Ему угрожала опасность встрѣтиться съ губернаторомъ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и, такъ какъ ему на встрѣчу шелъ фрегатъ, Бакунинъ вывѣдалъ, разговаривая, въ какомъ мѣстѣ фрегатъ долженъ встрѣтиться съ губернаторомъ, хотѣлъ было перебраться на купеческій корабль, который они нашли на якорѣ. Капитанъ корабля былъ житель Бремена: ему дѣло показалось довольно подозрительнымъ и онъ отказался взять съ собой въ Японію мнимаго коммивояжера даже за хорошее вознагражденіе. Капитанъ фрегата, который любезно заинтересовался путешественникомъ, взялъ его на свой ботъ и отвезъ къ одному американскому кораблю, который тоже тамъ стоялъ на якорѣ и также собирался въ Японію. Тамъ капитанъ помѣстилъ Бакунина, и послѣдній разстался, искренно благодарный, съ услужливымъ другомъ, котораго онъ плѣнилъ своимъ обаятельнымъ обращеніемъ.

„На другой день американскій клиперъ съ Бакунинымъ въ каютѣ проплылъ мимо фрегата съ губернаторомъ. Такимъ образомъ опасность миновала и Японія была достигнута. Въ Іокогамѣ была небольшая остановка, Бакунинъ сошелъ на берегъ и принялъ ванну, отъ которой ему могло быть плохо, такъ какъ слуга началъ обливать его горячей водой, и Бакунинъ полагалъ, что только его густые волосы спасли его отъ погибели. Послѣ пріятнаго, все время благополучнаго и быстраго плаванія черезъ Великій океанъ, счастливый бѣглецъ прибылъ въ Санъ-Франциско и тамъ, между переселенцами, ищущими золота, встрѣтилъ много европейскихъ знакомыхъ, которые, болѣе мягко, но все же были также выброшены

контръ-революціей. Бакунинъ проѣхалъ одну половину земного шара въ цѣпяхъ, другую какъ бѣглецъ, пока прибылъ въ Европу. Здѣсь, въ Санъ-Франциско, встрѣтилъ онъ форпосты той великой арміи, въ которой онъ служилъ съ такимъ рвеніемъ и смертной отвагой и въ которую онъ намѣревался возвратиться.

„Его друзья въ Санъ-Франциско снабдили его средствами поѣхать дальше въ Нью-Іоркъ, а оттуда помогъ ему выбраться Александръ Герценъ, которому онъ писалъ въ Лондонъ. Герценъ нашелъ ему и парижскаго издателя для описанія его приключеній и побѣга: „Ut sine Fe[illegible]gs- und ut sine Stromtid“, котораго, къ сожалѣнію, онъ никогда не написалъ“.

Въ концѣ 1861 г. (27 декабря) Бакунинъ явился въ Лондонъ въ общество Герцена и Огарева, которые приняли его съ распростертыми объятіями. Впрочемъ, одно близкое лицо къ Герцену передавало намъ воспоминанія о томъ, что Герценъ ожидалъ осложненій, которыя Бакунинъ внесетъ въ дѣятельность „Колокола“. Съ этимъ согласно и показаніе Н. И. Тучковой-Огаревой, которая говоритъ, что „дочитавъ письмо (Бакунина изъ Америки), Герценъ задумался и сказалъ Огареву: „Признаться, я очень боюсь пріѣзда Бакунина; онъ навѣрно испортитъ наше дѣло“... Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ Бакунинъ на Западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр... Предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ пріѣзда Бакунина польская струнка живѣй забилась въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ „Колоколѣ“ свои статьи (собственно половину статьи. М. Др.), но, замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдѣльными брошюрами, или въ изданіяхъ, называемыхъ „Голоса изъ Россіи“, потому что взгляды ихъ расходились... Главное заключалось въ томъ, что взгляды Огарева и Бакунина были какъ-то ближе, и послѣдній возымѣлъ большое вліяніе на перваго. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда

сознавалъ, что Огаревъ ошибается". („Русская Старина", 1894, ноябрь, 18—21).

Надо впрочемъ сказать, что на показанія г-жи Огаревой можно полагаться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ, такъ какъ они часто противорѣчатъ даже тому, что говорится въ запискахъ Герцена, и сбивчивы въ хронологіи. Кромѣ того, г-жа Огарева слишкомъ уже старается уменьшить сочувствіе Герцена польскому возстанію (см. особ. стр. 25) и разсказываетъ совсѣмъ невѣрно, будто „посланники" варшавскаго революціоннаго комитета (въ 1862 г.) уѣхали, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній".

Главное различіе Герцена и Бакунина было въ томъ, что первый хотѣлъ ограничиться только пропагандой извѣстныхъ идей,— въ соотвѣтствіе силамъ кружка и своимъ способностямъ, а второй стремился къ революціонной акціи, заговорщицкой и военной. Отсюда и его сочувствіе къ польскому возстанію, большее, чѣмъ можно было ожидать, судя по его теоретическимъ идеямъ.

Изъ писемъ, которыя печатаются дальше, мы видимъ, что между Бакунинымъ и издателями „Колокола" сейчасъ же возникли несогласія. Самъ Герценъ разсказываетъ объ отношеніяхъ Бакунина къ „Колоколу" такъ:

„Въ Лондонѣ онъ, во-первыхъ, сталъ революціонировать „Колоколъ" и говорилъ въ 1862 г. противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 г. противъ Бѣлинскаго. Мало было пропаганды; надо было неминуемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ людей, надобны были „посвященные и полупосвященные братья", организація въ краѣ—славянская организація, польская организація. Бакунинъ находилъ насъ умѣренными, неумѣющими пользоваться своимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Б. сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи..., сербы..., наконецъ былъ болгаринъ, лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: бонапартовской, мирославской, чарторижской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь подраться, въ Сѣверной или Южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ.

„Отдохнулъ съ нами Б. за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за письменный столъ и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу". (Собр. посм. соч., 200—201).

Съ пріѣздомъ Бакунина въ Лондонъ, на Герцена, который уже содержалъ семью Огарева, упала забота и по содержанію Бакунина. По этому вопросу встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія въ письмахъ И. С. Тургенева. Отъ 25 янв. 1862 г. онъ пишетъ Герцену изъ Гейдельберга: „Доставленіе постоянной суммы М. А. затруднительно. С. давно уѣхалъ въ Египетъ,—да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ ни гроша, если нельзя о томъ протрубить во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что-нибудь постоянное. Впрочемъ, я еще съ нимъ потолкую. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что до меня касается, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Б—ну ежегодную сумму 1,500 фр. впредь на неопредѣленное время и первые 500 фр. (считая съ 1 янв.) отправлю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ $^1/_4$ желанной суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной". 11 февр. онъ же пишетъ: „Братъ Б—на былъ здѣсь и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1,000 фр. Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 250. Надѣюсь собрать всѣ. Б—нъ пишетъ мнѣ о 1,000 р. с. Я готовъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго; я обѣщалъ 1,500 фр. въ годъ, а 1,000 р. с. съ 500 фр. составитъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва". (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, 143, 145—146).

Изъ письма Тургенева къ Бакунину отъ 28 окт. 1862 г. видно, что послѣдній обратился къ первому съ какой-то просьбой по устройству его жены. Тургеневъ обѣщаетъ свое

содѣйствіе, прибавляя: „Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь надѣяться на мою старинную пріязнь, не зависящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній". (Тамъ же, 168).

Въ письмѣ къ Герцену, отъ 2 апр. 1864 г., Тургеневъ говоритъ о вышеупомянутой или, можетъ быть, новой выдачѣ денегъ Бакунину, говоря: „Что Б., занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе—(другихъ онъ погубилъ вовсе)—что Б., говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы,—это въ порядкѣ вещей, и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ". (Тамъ же, 181).

Впрочемъ, какъ говоритъ Б. У. Ф., Тургеневъ и послѣ, прервавши сношенія съ Бакунинымъ, помогалъ ему, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще мало кто зналъ объ этомъ". („Р. Стар.", 1884, май, 396).

Въ изданномъ Феемъ вскорѣ послѣ появленія Бакунина въ Лондонѣ его посланіи къ „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ" Бакунинъ высказываетъ, между прочимъ, мнѣніе о значеніи т. наз. раскола, какъ политическаго протеста противъ петровскаго государства. Это мнѣніе, основанное на научномъ недоразумѣніи и само послужившее источникомъ всякихъ практическихъ недоразумѣній для русской оппозиціи, распространилось у русскихъ съ легкой руки Щапова и было привезено въ Лондонъ Кельсіевымъ *). Въ кружкѣ „Колокола" оно нашло себѣ наиболѣе сочувствія у Огарева, который основалъ при „Колоколѣ" прибавленіе „Общее Вѣче", преимущественно посвященное агитаціи среди раскольниковъ. Въ немъ Огаревъ старался приблизиться къ раскольникамъ настолько, что самъ иногда принималъ видъ раскольника. Въ воспоминаніяхъ старообрядче-

*) Между причинами этого недоразумѣнія надо поставить стѣсненія духовной цензуры, которой должны подвергаться въ Россіи всѣ сочиненія, касающіяся религіи, вслѣдствіе чего въ Россіи наука о религіяхъ и церквахъ, можно сказать, не существуетъ вовсе. Отъ этого русскіе ученые и не оцѣниваютъ значенія соціально-религіознаго элемента въ исторіи и готовы объяснять судьбу христіанства, реформаціи, раскола и т. п. исключительно причинами политическими и соціальными.

скаго епископа Пафнутія Коломенскаго, который былъ въ Лондонѣ въ 1861—1862 г. съ цѣлью установленія отношеній своихъ единовѣрцевъ съ кружкомъ „Колокола“, есть нѣсколько замѣчаній и о роли, какую въ этомъ дѣлѣ игралъ Бакунинъ. Разсказы Пафнутія вошли, какъ матеріалы, въ статью „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій“, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1866 и 1867 г.

Тамъ, между прочимъ, читаемъ: „Пафнутій разсказалъ (на пріемѣ у Герцена), какъ инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на пражскомъ сеймѣ (sic!) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостью для Герцена. Раскольникъ-монахъ держитъ рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады!... Не дальше, какъ на слѣдующій день послѣ свиданія (Пафнутія) съ Герценомъ Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали, между прочимъ, объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 янв., въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“, тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-по-малу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для „Колокола“ статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ о. Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ и особенно, чтобы не было упоминаемо самое имя Алим-

пія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока *). При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло“ и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія, и вообще не мало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи“.

„Кельсіевъ, говорится дальше въ этомъ разсказѣ, понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что, по крайней мѣрѣ, нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность.

„Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ не стѣсняясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: „Ну, значитъ, благословилъ!“ Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали передъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однако же Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а

*) Тутъ идетъ рѣчь о статьѣ Герцена «М. А. Бакунинъ», помѣщенной въ 119—120 № «Колокола» (15 янв. 1862). Мы думаемъ, что вышеприведенное свѣдѣніе о «подвигахъ» Алимпія Милорадова нуждается въ провѣркѣ.

иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси". („Русск. Вѣстникъ", 1867, апрѣля, 713—715).

Въ числѣ результатовъ поѣздки Пафнутія въ Лондонъ было то, что онъ не только оставилъ планъ устройства тамъ старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, но уклонился и отъ свиданія съ Кельсіевымъ, когда тотъ проѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ „показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ царемъ и отъ врагъ его удалятися и бѣгати, яко отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ" и т. д. (Д. П. Партія Герцена и старообрядцы. „Русскій Вѣстникъ", 1867, мартъ, 401).

О лондонскомъ пребываніи Бакунина есть нѣсколько свѣдѣній и въ перепискѣ Арн. Руге. Этотъ послѣдній тоже жилъ въ это время въ Лондонѣ и сильно былъ недоволенъ публикаціями Герцена, гдѣ юная Россія представлялась какъ провиденціальная земля для соціализма, который будто бы старый латино-германскій міръ выработалъ теоретически, какъ древній міръ христіанство, но неспособенъ осуществить его на практикѣ, а потому необходимо вступленіе на сцену новаго народа —славянскаго, какъ нѣкогда необходимо было для обновленія міра явленіе германцевъ, а также воззрѣніями Герцена, что деспотизмъ петербургскаго императорства есть политика нѣмецкая, а не русская. Уже въ письмѣ къ Герцену отъ 1854 г., писанномъ, очевидно, по поводу книжки Герцена „Du developpement des idées révolutionnaires en Russie", посвященной Бакунину, Руге говорилъ: „Вы знаете, какъ меня всегда интересовали ваши сообщенія о Россіи... Но то явленіе, что даже свободно-мысленнѣйшіе русскіе, какъ вы и Бакунинъ, все еще остаетесь русскими націоналистами, все гордитесь этимъ ужаснымъ отечествомъ, все высокомѣрно относитесь къ намъ, вашимъ тиранамъ, что вы вызываете варварство и коммунизмъ, что вы думаете, будто эта (русская) простая, несамостоятельная толпа можетъ быть сравниваема

съ тѣми гордыми вольными индивидуумами, которые разрушили древній міръ, со старыми германцами,—это дѣйствительно горькое для меня открытіе“ *).

Получивъ запросъ о прибытіи Бакунина въ Лондонъ, Руге писалъ 9 янв. 1862 г. Валеороду изъ Брайтона: „Пріѣхалъ ли Бакунинъ, я не знаю,—я, конечно, буду его видѣть. Но онъ сдѣлается еще болѣе русскимъ, чѣмъ Герценъ. Русская революція дѣлаетъ русскихъ, какъ Герценъ и Бакунинъ, еще безстыднѣе, и я заранѣе ожидаю слышать высокомѣрныя рѣчи о „молодости Россіи“ и „объ изжившей гнилой Германіи“ (op. cit., II, 217). 13 марта Бакунинъ обратился къ Руге съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ Руге за заступничество за него по поводу клеветы Урквартa, будто Бакунинъ агентъ русскаго правительства. (См. объ этомъ примѣчаніе къ письму № LIII). 9 іюля Руге писалъ Фрейли-

*) Arn. Ruges. Briefwechsel, II, 147. Все письмо это крайне интересно. Руге признаетъ, между прочимъ, что «нѣмцы царствуютъ отъ Остенде до Камчатки, но что безъ нѣмцевъ же нѣмецкая тиранія нашего времени въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ не можетъ быть разрушена, — и боится, что если она разрушится, то славяне не будутъ играть роли друзей свободы. Они воспитаны въ такой системѣ, которой послѣдствія разстроили ихъ умъ и испортили ихъ сердце. Раболѣпныя, ханжи, склонныя къ насилію, массы этихъ юношей, полныхъ надежды, какъ могутъ они сразу научиться свободно думать и свободно дѣйствовать?»

Дальше будетъ еще рѣчь о нападеніяхъ марксова кружка на Герцена и Бакунина. Нападенія эти довольно грязны и подкладка ихъ національное высокомѣріе слишкомъ явна,— но и на сторонѣ Герцена и даже отчасти Бакунина была доля этого высокомѣрія и увлеченія міровой миссіей русскаго народа и въ изображеніи окостенѣлости нѣмецкой жизни по остзейскимъ провинціямъ въ книгѣ Герцена было много несправедливаго. Остзейскія провинціи Россіи далеко не могли и въ 40-е годы считаться за образецъ жизни германской. Вообще по поводу разногласій между старыми русскими эмигрантами (Герценъ, Бакунинъ и др.) и нѣмецкими (Руге, Марксъ и др.) слѣдуетъ сказать, что нѣмцы были совершенно правы, указывая на слабость культуры среди русскихъ и славянъ, вообще какъ на препятствіе къ осуществленію революціонныхъ надеждъ русскихъ эмигрантовъ, но не правы были въ томъ, что ставили славянъ и качественно, по существу ниже нѣмцевъ и даже сочувствовали германизаторскимъ опытамъ надъ славянами разныхъ нѣмецкихъ правительствъ.

грату, что „Бакунинъ замѣчательно сохранилъ молодость и хорошее расположеніе духа“ *),—и прибавляетъ дальше: „Бакунинъ натурально полонъ русской революціи, и исторія эта высматриваетъ довольно дико; это милое начало. Каково-то будетъ высматривать конецъ?“ (Тамъ же, 221). Вслѣдъ затѣмъ, 12 іюля Руге писалъ Фрейлиграту же: „Натурально, Бакунинъ вполнѣ русскій и даже не только русскій, но славянинъ. Но онъ не таковъ какъ Головинъ, который считалъ, что русскіе утвердились непобѣдимо въ Валахіи; напротивъ, онъ ожидалъ и желалъ взятія Севастополя, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ лопнула николаевская система. Натурально онъ весь живетъ въ начинающейся русской революціи, но не ослѣпленъ насчетъ ея варварскаго характера и ея „вѣроятнаго столкновенія съ Германіей изъ-за притѣсненныхъ нами славянъ“. Но это кажется ему, какъ и мнѣ, еще далекимъ. Близко, — читаемъ сегодня телеграмму, — царь вступилъ въ соглашеніе съ Луи-Наполеономъ. Если это соглашеніе перейдетъ въ союзъ, а союзъ поведетъ къ войнѣ, посредствомъ которой царь можетъ пожелать спастись отъ революціи, „то, говоритъ Бакунинъ вполнѣ вѣрно, „мы можемъ только молчать. Наше время наступитъ только тогда, когда народъ станетъ господиномъ; но тогда мы будемъ стоять другъ противъ друга во враждебныхъ лагеряхъ“. Но эта минута, по моему мнѣнію, лежитъ довольно далеко за границами нашей жизни. Ибо когда-таки на свѣтѣ русскіе станутъ народомъ, а русскій народъ господиномъ? Крѣпостные могутъ уничтожить дворянъ. Но крѣпостные далеко еще не народъ и еще меньше смогутъ образовать народовластіе, чѣмъ французы и нѣмцы могли это въ 1848 г..... Панславистическая демократія кажется мнѣ безконечно далеко выглядывающей и совсѣмъ не страшной фантазіей. „Я не спорю съ богами одинъ“, и мы съ Бакунинымъ можемъ еще выпить много стакановъ вина, прежде чѣмъ выступятъ другъ противъ друга „два непріязненные лагеря“—„великонѣмецкій“ и „панславистическій“. (Тамъ же, 222—223).

---

*) Впрочемъ, и въ «N. Fr. Presse» Руге говоритъ о впечатлѣніи, какое на него произвелъ Бакунинъ въ Лондонѣ послѣ тюрьмы и сибирской жизни: «Даже тонъ его рѣчи сталъ другой. Только по его идеямъ узналъ я его. Онъ просидѣлъ страшно долгое время въ тюрьмѣ и поплатился за это своимъ здоровьемъ“.

Вмѣсто столкновенія между нѣмцами и славянами передъ Бакунинымъ стало столкновеніе поляковъ съ русскимъ государствомъ.

Польское революціонное движеніе 1862—63 гг. увлекло Бакунина, а онъ увлекъ Огарева и Герцена гораздо дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Герценъ имѣлъ уже случай въ „Колоколѣ“ 1859—1860 гг. высказаться по польскому вопросу. При всемъ желаніи полякамъ автономіи, даже совершеннаго отдѣленія отъ Россіи, если они непремѣнно того желаютъ, Герценъ относился критически къ вопросу о полезности такого отдѣленія для самихъ поляковъ и особенно къ претензіямъ поляковъ на „историческія“ границы польскаго государства 1772 г. Въ то же время Герценъ относился критически къ соціально-политическимъ тенденціямъ польскихъ патріотовъ. (Подробный анализъ мнѣній Герцена по этимъ вопросамъ сдѣланъ въ книжкѣ „Историческая Польша и великорусская демократія“. Женева, 1882). Изъ сибирскихъ писемъ Бакунина и изъ его статьи „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ братьямъ“ видно, что и Бакунинъ раздѣлялъ это отношеніе Герцена къ польскому вопросу. Несомнѣнно, что, оставаясь на почвѣ публициста-критика (на с в о е й почвѣ), Герценъ могъ бы оказать значительныя услуги „польскому и русскому дѣлу“ въ горячій часъ 1862—1863 г. Но Бакунинъ скоро былъ увлеченъ революціонно-конспираторскою частью своей натуры совершенно въ лагерь тогдашнихъ польскихъ революціонеровъ и немногочисленныхъ молодыхъ, неопытныхъ и просто незнакомыхъ съ деталями польскаго вопроса русскихъ заговорщиковъ и потянулъ за собою и Огарева съ Герценомъ.

Печатаемыя дальше письма достаточно рисуютъ Бакунина въ этотъ періодъ его жизни. Изъ нихъ ясно, что Бакунинъ желалъ присоединиться къ польскому возстанію не къ тому, какое было въ дѣйствительности, а къ тому, которое онъ создалъ въ своемъ воображеніи, т. е. къ такому, которое бы направилось не только противъ русскаго правительства, но и противъ польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и котораго не желали даже и самые крайніе демократы между вождями возстанія. Интересно, что Бакунинъ самъ видѣлъ это нежеланіе, а все-таки, увлекаемый потребностью дѣйствія, напрашивался въ союзники польскому возстанію. (См. письмо № XIX). Оче-

видно, что избытокъ активности увлекъ Бакунина въ дѣло, съ которымъ у него принципіальныхъ связей было мало и о которомъ онъ только вѣрилъ, что оно послѣ пойдетъ въ желанномъ для него направленіи *).

Такой же упованельный характеръ имѣла для Бакунина и политико-національная сторона польскаго возстанія 1863 г. Изъ писемъ, статей и рѣчей Бакунина до возстанія и послѣ видно, что онъ собственно никогда не признавалъ исторической Польши, т. е. правъ поляковъ на Литву, Бѣлоруссію и Украйну. Въ этомъ пунктѣ онъ отличался не только отъ польскихъ революціонеровъ, но и отъ молодыхъ русскихъ членовъ „Земли и Воли“, которые не имѣли ясныхъ понятій не только о настоящемъ состояніи западно-русскихъ провинцій, но даже и объ ихъ исторіи, если могли называть ихъ (напр., въ прокламаціи „Офицерамъ русскихъ войскъ отъ комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ“, напеч въ „Колоколѣ“ 1862, № 147, 15 окт.) „областями, соединенными съ Польшей воспоминаніями прошедшаго“, между тѣмъ какъ именно воспоминанія прошедшаго и разъединяли массы тамошняго народа съ Польшей. Бакунинъ только вѣровалъ, что толчокъ, данный польскимъ возстаніемъ, подниметъ массы народа западнорусскихъ провинцій къ возстанію же, и *самоопредѣленію* къ автономіи, вполнѣ независимой или же федеративной. На такую точку Бакунинъ перетянулъ и Герцена съ Огаревымъ.

Между тѣмъ, по понятіямъ и поляковъ, и всей массы русскихъ, присоединеніе Бакунина и „Колокола“, вслѣдъ за „Землею и Волей“ къ возстанію, которое самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявляло претензію возстановить историческую Польшу 1772 г., было понятно, какъ признаніе со стороны русскихъ радикаловъ этой претензіи—и *это было главною причиною паденія ихъ популярности.*

---

*) Судя по орѳографіи нѣкоторыхъ польскихъ словъ въ письмахъ Бакунина, сомнительно, что онъ зналъ польскій языкъ. Свѣдѣнія его въ польской исторіи совершенно поверхностны. Это тоже характерная черта. Мы встрѣчали нѣсколько великоруссовъ, соприкасавшихся болѣе или менѣе близко съ польскимъ движеніемъ 18 2 64 гг. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ польскаго языка; объ исторіи и этнографіи Польши и сосѣднихъ провинцій и говорить нечего. Такимъ образомъ всѣ эти «русскіе друзья польскаго дѣла» лишены были возможности разобраться въ его сложныхъ деталяхъ.

Какъ современный свидѣтель событій, мы можемъ сказать, что возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, въчисто польской области, пользовалось сочувствіемъ русскаго образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились околоКіева и въ Могилевской губерніи *). Результатомъ такого расширенія возстанія было не автономное самоопредѣленіе западнорусскихъ областей, а проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи полякамъ, которая фатально приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи, а въ Великороссіи поддержала централистическое стремленіе, тогда какъ скомпрометированіе великорусскаго радикализма союзомъ съ польскимъ возстаніемъ дало силу въ Россіи реакціи вообще.

Вотъ какъ Герценъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ польскому возстанію и о роли въ этомъ Бакунина въ 1862 году.

„Польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня **). Грустный, чистый, беззавѣтно отдавшійся урагану, онъ пріѣзжалъ поговорить съ нами отъ себя и отъ товарищей, и все-таки идти своей дорогой. Чаще и чаще являлись поляки изъ

---

*) Мы считаемъ нужнымъ напомнить эти обстоятельства, такъ какъ съ тѣхъ поръ хотя и часто говорится о вліяніи польскаго возстанія 1863 г. на упадокъ популярности Герцена, рѣдко кто обращаетъ вниманіе на различія въ этомъ отношеніи возстанія въ Польшѣ собственно и въ т. наз. западныхъ губерніяхъ. Обыкновенно говорятъ, что поддержка Герценомъ польскаго возстанія вообще была причиною упадка его популярности (см. напр. статью о Герценѣ въ «La Grande Encyclopedie»,—что, какъ видимъ, невѣрно.—Знать и помнить истинный пунктъ ошибки, совершенной Герценомъ, важно для всякаго русскаго политическаго дѣятеля для блага Россіи и поляковъ: ничѣмъ такъ не можетъ русскій послужить дѣлу польской свободы, какъ критическимъ отношеніемъ къ стремленіямъ польскихъ «историческихъ» патріотовъ, при сочувствіи къ автономіи Польши этнографической.

**) Одинъ изъ русскихъ офицеровъ, рѣшившихъ присоединиться къ польскому возстанію.

края; ихъ языкъ былъ опредѣленнѣе и рѣзче, они шли къ взрыву прямо и сознательно. Мнѣ съ ужасомъ мерещилось, что они идутъ на неминуемую гибель.

„— Смертельно жаль Потебню и его товарищей, говорилъ я Б., и тѣмъ болѣе, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками.

„— По дорогѣ, по дорогѣ, возражалъ Б.—Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надобно принимать, какъ она представляется; не то всякій разъ будешь заурядъ то позади, то впереди.

„Б. помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь, конспираціи, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляютъ одну изъ лучшихъ, изящныхъ частей? Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки; я постоянно спорилъ съ нимъ и, нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ...

„Б. вѣрилъ въ возможность военно-крестьянскаго возстанія въ Россіи, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство, какъ оказалось впослѣдствіи рядомъ мѣръ, статей по казенному заказу и казней по казенному приказу. Напряженіе умовъ, броженіе умовъ было неоспоримо, и никто не предвидѣлъ тогда, что его свернутъ на свирѣпый патріотизмъ.

„Б., не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украйна возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобы узаконить расколъ.

„Въ томъ, что между офицерамм войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, общество, къ которому принадлежалъ Потебня, росло и крѣпло,—сомнѣнія не могло быть; но оно далеко не имѣло той силы, которую ему преднамѣренно придавали поляки и наивно Б.

„Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Б. особенно озабоченный и нѣсколько торжественный „Варшавскій Центральный Комитетъ,—сказалъ онъ,—прислалъ двухъ членовъ, чтобы переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это Падлевскій; другой Г., закаленный боецъ; онъ изъ Польши прогулялся въ кандалахъ до рудниковъ и, только-что возвратился, снова принялся за дѣло. Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня: надобно окончательно опредѣлить наши отношенія".

„Тогда набирался мой отвѣтъ офицерамъ *).

„— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

„— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь, но не знаю, все ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ мало.

„Вечеромъ Б. пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Б. сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ или съ адвокатами, трепещущими, чтобъ ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей игры защиты, хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

„Я видѣлъ по лицамъ, что Б. угадалъ и что чтеніе не то чтобы особенно понравилось. Прежде всего, замѣтилъ Г., мы прочтемъ письмо къ вамъ отъ Центральнаго Комитета. Читалъ М.; документъ этотъ, извѣстный читателямъ „Колокола", былъ написанъ по-русски, не совсѣмъ правильнымъ языкомъ, но ясно. Говорили, что я его перевелъ съ французскаго и переиначилъ: это не правда. Всѣ трое хорошо говорили по-русски.

„Смыслъ акта состоялъ въ томъ, чтобы черезъ насъ сказать русскимъ, что слагающееся польское правительство согласно съ нами и кладетъ въ основаніе своихъ дѣйствій „Признаніе правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой". Это заявленіе, говорилъ М., обязывало меня смягчить вопросительную и сомнѣвающуюся часть моего письма. Я согласился на нѣкоторыя перемѣны и предложилъ имъ съ своей стороны посильнѣе оттѣнить и яснѣе высказать мысль о самозаконно-

*) „Колоколъ" 1862 г. 15 октября.

сти провинцій; они согласились. Этотъ споръ изъ-за словъ показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково.

„На другой день утромъ Б. уже сидѣлъ у меня. Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

„— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ какъ катехизисъ; нельзя же намъ, подымая національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство.

„— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.

„— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?

„— Есть таки кое-что.

„— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! Ты вовсе не практическій человѣкъ.

„— Это уже прежде тебя говорилъ Сазоновъ.

„— Б. махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ; я видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешься теперь. Онъ шагалъ семимильными сапогами чрезъ горы и моря, чрезъ годы и поколѣнія. За возстаніемъ въ Варшавѣ, онъ уже видѣлъ свою „славную и славянскую“ федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“ развѣвающимся на Уралѣ и Волгѣ, на Украйнѣ и Кавказѣ, пожалуй на Зимнемъ дворцѣ и Петропавловской крѣпости, и торопился сгладить какъ-нибудь затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

„Нѣтъ освобожденія безъ земли“.

„— Ты точно дипломатъ на вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература.

„— Съ моей стороны, замѣтилъ Г., я изъ-за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ же.

„— Браво Г., радостно воскликнулъ Б.

„— Ну, этотъ, подумалъ я, пріѣхалъ подкованный и по лѣтнему и на шипы; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

„Актъ поправили, члены жонда подписались; я его послалъ въ типографію.

„Г. и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ и которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

„Что въ Россіи клались первыя ячейки организаціи, въ этомъ не было сомнѣнія: первыя волокна, нити, были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ, могла образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ; но ея не было и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины.

„Вотъ это-то я и сказалъ, отправивъ печатать письмо Комитета, Г. и его товарищамъ, говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобы удивляться моимъ словамъ; хотя и увѣрялъ меня, что сила и развѣтвленіе общества „Земля и Воля“ идутъ гораздо дальше, чѣмъ мы думали, но Г. призадумался.

„—Вы думали, сказалъ я ему улыбаясь, что мы сильнѣе? Да, Г., вы не ошиблись, сила у насъ большая и дѣятельная, но сила эта вся утверждается на общественномъ мнѣніи, т. е. она можетъ сейчасъ улетучиться; мы сильны сочувствіемъ къ намъ, унисономъ съ своими. Организаціи, которой бы мы сказали: иди направо или налѣво, нѣтъ.

„— Да, любезный другъ, однако же, началъ Б., ходившій въ волненіи по комнатѣ...

„— Что же, развѣ есть? спросилъ я его и остановился.

„— Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю форму, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь...

„— Позволь же мнѣ кончить; я хочу пояснить Г., почему

я такъ настаивалъ на словахъ. Если въ Россіи на вашемъ знамени не увидятъ надѣлъ земли и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ; потому что вся наша сила въ одинаковомъ біеніи сердца; у насъ оно можетъ биться посильнѣе и потому ушло секундой впередъ, чѣмъ у друзей нашихъ; но они связаны съ нами сочувствіемъ, а не службой!

„— Вы будете нами довольны, говорили Г. и Падлевскій.

„Черезъ день двое изъ нихъ отправились въ Варшаву; третій уѣхалъ въ Парижъ.

„Падлевскій уѣхалъ въ Польшу.

„Б. собирался въ Стокгольмъ совершенно независимо отъ экспедиціи Лапинскаго, о которой тогда никто не думалъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Б. Въ то же время, какъ Потебня, пріѣхалъ чрезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный отъ „Земли и Воли“. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказалъ объ убійствѣ солдатъ и раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но не смѣлъ явно выступить противъ своихъ. Уполномоченный былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами общества „Земли и Воли“. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Б., но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ коммисары Конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

„— А много васъ? спросилъ я.

„— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

„— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева.

Онъ промолчалъ.

„— Ты вѣришь? спросилъ я Б.

„— Конечно, онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будутъ потомъ! И онъ расхохотался.

„— Это другое дѣло.

„— Въ томъ-то все и состоитъ, чтобы поддержать слабыя начинанія; если бы они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ, замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ.

„— Они такъ и должны бы были явиться передъ нами, откровенно слабыми, желающими дружеской помощи, а не предлагать глупое агентство

„— Это молодость, прибавилъ Б. и уѣхалъ въ Швецію“ *).

О тамошнемъ его пребываніи Герценъ говоритъ:

„Б. былъ въ Швеціи, знакомясь со всѣми, открывая пути въ „Землю и Волю“ чрезъ Финляндію, слаживая посылку „Колокола“ и книгъ и видаясь съ представителями всѣхъ польскихъ партій. Принятый министрами и братомъ короля, онъ всѣхъ увѣрилъ въ неминуемомъ возстаніи крестьянъ и въ сильномъ волненіи умовъ въ Россіи. Увѣрилъ тѣмъ больше, что самъ искренно вѣрилъ, если не въ такихъ размѣрахъ, то вѣрилъ въ растущую силу. Объ экспедиціи Лапинскаго тогда никто не думалъ. Цѣль Б. состояла въ томъ, чтобы, устроивши все въ Швеціи, пробраться въ Польшу и Литву“.

Почему собственно Бакунинъ не исполнилъ этого намѣренія, Герценъ не говоритъ; судя по письмамъ Бакунина изъ Стокгольма, можно думать, что его удержало отъ поѣздки въ Польшу и Литву убѣжденіе, что руководители польскаго возстанія боятся бакунинской революціи больше даже, чѣмъ русскаго правительства. (См. письмо № XXV).

Изъ Швеціи Бакунинъ прибылъ въ концѣ 1863 г. на короткое время въ Лондонъ, откуда въ началѣ 1864 г. переѣхалъ во Флоренцію. Въ это пребываніе въ Лондонѣ Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ. Объ этомъ Бакунинъ самъ разсказываетъ такъ: „Герценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ

*) Цифра 3—4,000 членовъ „Земли и Воли“ повторялась послѣ нѣсколько разъ и въ печати. (По счету Ткачова, впрочемъ 1,500). На самомъ дѣлѣ врядъ ли этихъ членовъ было и нѣсколько сотенъ и, если не считать офицеровъ въ Ц. Польскомъ, которые признавали девизъ „Земля и Воля“, но собственно не принадлежали къ петербургскому обществу этого имени, то врядъ ли это общество можно считать за величину, сколько-нибудь значительную. На югѣ Россіи въ 1863 г. мы встрѣчали только одного формальнаго члена этого общества, да и тотъ, познакомившись въ Кіевѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ польскаго вопроса, рѣзко перемѣнилъ о немъ принесенныя изъ Петербурга мнѣнія. М. Др.

Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня (о которыхъ была рѣчь выше). Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту,—такъ какъ я знаю его съ 1845 г.,— что знаменитый соціалистъ нѣмецкій, котораго великимъ качествамъ я отдавалъ и не премину отдавать всегда полную справедливость, имѣетъ однако же въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого серьезнаго, у такого горячаго защитника человѣчества и справедливости. Поэтому, прибывъ въ 1862 г. въ Лондонъ, я удержался отъ визита ему, мало желая возобновлять свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ считалъ самъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить". („La théologie politique de Mazzini et l'Internationale", 1871, p. 46). Очевидно, Бакунинъ не вѣрилъ словамъ Маркса. Съ 1864 по 1868 г. Бакунинъ жилъ въ Италіи, во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ.

Впослѣдствіи Бакунинъ считалъ основанное имъ въ Италіи въ 1864 г. общество „Союзъ соціальной демократіи" за прямого предшественника „Интернаціональнаго союза соціальныхъ революціонеровъ" и говорилъ о немъ такъ: „Возникнувъ, какъ утвержденіе соціализма противъ религіозно-политическаго догматизма Маццини, союзъ поставилъ въ своей программѣ атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, уничтоженіе юридическаго права, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность; онъ объявилъ трудъ основаніемъ общественной организаціи, которая въ этой его программѣ указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ". (Историч. развитіе Интернаціонала, 301; ср. „La théologie politique de Mazzini et l'Internationale par M. Bakounine". 1871) *).

*) Реакція ученіямъ Маццини (Dio e popolo) побудила Бакунина стать рѣшительнымъ атеистомъ. По поводу атеистическаго заявленія Б—на на бернскомъ конгрессѣ Лиги мира и свободы въ 1869 г. Тургеневъ писалъ Герцену: „А Бакунинъ, видно, перемѣнилъ свои убѣжденія: онъ въ Лон-

О флорентинскомъ періодѣ жизни Бакунина находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ разсказѣ г. Анджело Де-Губернатиса, который былъ одно время близокъ къ Бакунину, женился на его родственницѣ (Безобразовой, племянницѣ А. и М. Н. Муравьевыхъ), но потомъ разошелся съ Бакунинымъ. Разсказъ г. Де-Губернатиса, напечатанный въ автобіографическомъ предисловіи (Proemio autobiografico) къ его „Біографическому словарю современныхъ писателей“ (Dizionario Biografico delli scrittori contemporanei. Firenze, 1880), имѣетъ цѣлью оправданіе этого расхожденія, а потому, конечно, долженъ былъ выйти нѣсколько одностороненъ и провѣренъ другими показаніями. Мы даемъ ему мѣсто здѣсь, такъ какъ основа его вполнѣ вѣроятна.

„Подъ конецъ 1864 и въ началѣ 1865 г., говоритъ г. Де-Губернатисъ, случай захотѣлъ, чтобы я встрѣтилъ въ домѣ извѣстнаго венгерскаго эмигранта Фр. Пульскаго знаменитаго изгнанника русскаго и соціалиста Михаила Бакунина. Онъ сидѣлъ, гремя и имѣя передъ собою громадную чашку чаю, которая ставилась передъ нимъ, соотвѣтственно его пищеварительной способности. Около него былъ кружокъ разныхъ лицъ, слушавшихъ его слово, ученое, обильное и остроумное. Онъ видѣлъ много людей и много вещей и разсказывалъ охотно и съ пониманіемъ о философіи гегеліанской. Однимъ вечеромъ, замѣтивши, что я болѣе живо слушалъ его, онъ продолжалъ говорить, обращаясь постоянно ко мнѣ, хотя я еще и не былъ ему представленъ, какъ будто хотѣлъ околдовать меня своимъ взглядомъ. При одномъ мѣстѣ, говоря о Шопенгауерѣ, онъ пріостановился, сказавши: „Но зачѣмъ я говорю вамъ объ ученіяхъ Шопенгауера? Вотъ кто можетъ сказать о нихъ болѣе, такъ какъ можетъ показать, откуда Шопенгауеръ взялъ свои идеи“, — и указалъ на меня. (Г. Де-Губернатисъ былъ уже профессоромъ санскрита и всеобщей литературы). Я оказался открытымъ и далъ легко взять себя за душу. Скоро Бакунинъ всталъ, приблизился ко мнѣ и пожалъ мнѣ руку, спросивши меня немного таинственно,—не масонъ ли я? Я объявилъ, что нѣтъ и что не хочу имъ быть,

---

донѣ, въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ (въ 1862 г.), еще вѣрилъ въ личнаго Бога и въ разговорѣ со мной, на старый романтическій ладъ, ходя ночью при лунѣ по улицѣ, осуждалъ тебя за невѣріе“. (Письмо Кав. и Тург. 202—203).

имѣя отвращеніе отъ тайныхъ обществъ... Бакунинъ сказалъ мнѣ, что я правъ, что онъ самъ не имѣетъ большого уваженія къ масонству, но что оно ему доставляетъ способъ приготовлять другое. Спросилъ меня затѣмъ, не мацциністъ ли я и республиканецъ. Я отвѣтилъ: „Не въ моей природѣ слѣдовать одному человѣку, какъ бы онъ великъ ни былъ, и что я могъ бы быть республиканцемъ, но не мацциніанцемъ, хотя я и признаю, что Маццини оказалъ большія услуги свободѣ; но эта республика кажется мнѣ пустымъ словомъ; теперь, по крайней мѣрѣ, оно не значитъ болѣе ничего; могутъ быть республики аристократическія и монархіи демократическія; въ Италіи теперь не монархія, а бюрократическій порядокъ, который наводитъ скуку; что нужно теперь, такъ это свобода; что нужно было бы, такъ это возможность преобразовать общество такъ, чтобъ всѣ были равны, не только передъ закономъ, но и передъ вопросомъ о хлѣбѣ, каковой вопросъ еще не одинаковъ для всѣхъ, такъ какъ одни имѣютъ излишнее, а другіе терпятъ недостатокъ“. Тутъ Бакунинъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку, говоря: „Ну, такъ вы нашъ, такъ какъ мы работаемъ надъ этимъ предметомъ; вы должны присоединиться къ нашей работѣ“. Я возражалъ, что желаю остаться свободнымъ, что хочу отвѣчать публично за всѣ свои поступки; тогда онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, не малое, — и убѣдилъ меня, что въ виду мрачнаго заговора государствъ на зло общества, необходимо противопоставить другой заговоръ. Онъ говорилъ: „Реакціонеры всѣ согласны между собою, а либералы, напротивъ, разсѣяны, раздѣлены, несогласны; необходимо заключить договоръ тайный, интернаціональный“.

„Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился еще, но наконецъ объявилъ, что, если пойдетъ дѣло на соціальную революцію непосредственную, то я вступлю въ тайное общество. Я возвратился домой въ часъ пополуночи, попробовалъ лечь въ постель, чтобъ заснуть, но напрасно. Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ впередъ и назадъ въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія (furore), которое овладѣло мною, обвиняя гнусность и безполезность моей прошлой жизни, но объявляя громко и быстро самому себѣ, что я былъ бы тѣмъ

болѣе гнусенъ, если бы остался еще однимъ часомъ дольше, съ моими чувствами республиканскими и даже революціонными, въ моей оффиціальной должности“ *).

Г. Де-Губернатисъ отказался отъ своей государственной службы и посвятилъ себя вполнѣ бакунинскому обществу. Бакунинъ представилъ его „братьямъ“, какъ „лучшаго изъ итальянцевъ“ и помѣстилъ его фотографію въ своемъ альбомѣ между портретами Маццини и Гарибальди. Но скоро горячій адептъ сталъ замѣчать, что общество въ сущности ничего не дѣлаетъ. „Братья далеко не дѣлили моей горячности, говоритъ г. Де-Губернатисъ, а верховный глава былъ вполнѣ погруженъ въ собираніе пожертвованій для бѣдныхъ поляковъ, какъ онъ говорилъ, а на дѣлѣ для самого себя и для болѣе нуждающихся братьевъ, которые были вхожи къ нему въ домъ... Въ обществѣ всѣ хотѣли высшаго чина и никто не хотѣлъ служить какъ простой рядовой, а генералиссимусъ составлялъ каждую недѣлю новый шифръ и хотѣлъ, чтобы я его изучалъ, говоря, что я одинъ долженъ обладать ключомъ его. Я отвѣчалъ, что считаю безполезнымъ всякій шифръ, когда работа идетъ общая въ одномъ городѣ и т. д.... Бакунинъ, видя мою рѣшимость вступить въ дѣйствіе, поручилъ мнѣ преподать соціальный катихизисъ двумъ молодымъ людямъ, которые тогда имѣли нѣкоторое вліяніе среди рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, наборщикъ, оказался расположеннымъ вступить въ общество, а о другомъ я долженъ сказать, что онъ самъ помогъ моему отрезвленію своимъ живымъ здравымъ смысломъ. Это былъ хорошій типъ тосканскаго рабочаго, сдѣлалъ походы въ Сицилію и къ Аспромонте, былъ молодъ сердцемъ и умомъ и откровененъ, schitto, честенъ, красивъ, обворожителенъ. Когда я ему изложилъ мою миссію, онъ мнѣ сказалъ: „Посмотрите на эту винтовку; она служила дважды для моей родины; въ тотъ день, когда вы, господа, откроете ваши батареи и лучше объясните то, что вы хотите сдѣлать для нашего бѣднаго народа, я возьму ее опять и появлюсь въ первыхъ рядахъ бойцовъ, но имѣйте терпѣніе:

*) Этотъ разсказъ г. Де-Губернатиса напоминаетъ слова Басистова о вліяніи Рудина: „ . . . . А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“ („Рудинъ“ Тургенева).

я неспособенъ идти за другими, не зная куда!“ Я готовъ былъ расцѣловать его, такъ онъ мнѣ понравился. Я ушелъ и доложилъ дѣло главѣ верховнаго революціоннаго трибунала“... Недолго спустя, какъ говоритъ г. Де-Губернатисъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы „общество“ или „братство“ было распущено. (Op. cit XXI—XXIII).

Въ Неаполѣ въ 1865 г. Бакунинъ основалъ новое „интернаціональное братство“, вмѣстѣ съ депутатами Фанелли и Фришія. Малонъ называетъ его „Первою секціей Интернаціонала“,—хотя „братство“ это не имѣло никакого соприкосновенія съ организовавшимся тогда въ Лондонѣ „Интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ“ *).

„Горячая молодежь, говоритъ Малонъ, въ которой мы находимъ Туччи, Гамбуцци, Капоруссо, Реццо, Коста, Кафіеро, Малатеста, Набруцци, Цанарделли прониклась духомъ Бакунина, въ то время, какъ Биньани и Пичинини въ Ломбардіи, Ньокки-Віани въ Римѣ посвящали себя также интернаціоналистической пропагандѣ. Программа великаго русскаго революціонера, обнародованная въ „Giustizia e Libertà“, имѣла много общихъ точекъ съ незадолго передъ тѣмъ опубликованнымъ завѣщаніемъ Пизакане; она имѣла большое распространеніе и такъ-сказать отдала соціалистическое движеніе въ Италіи въ его руки“. (B. Malon. „L'Internationale“. „La Nouvelle Revue“, 1884, 15 Février, 751).

Бакунинъ резюмировалъ свою программу въ такихъ словахъ: „Уничтоженіе государства во всѣхъ его проявленіяхъ, юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ, реорганизація по свободной иниціативѣ свободныхъ индивидуумовъ въ свободныхъ группахъ“. (Тамъ же, 753).

Въ 1867 г. Бакунинъ явился въ Женевѣ на конгрессѣ „Лиги мира и свободы“ и выбирается членомъ постояннаго совѣта Лиги. Тутъ Бакунинъ обратилъ вниманіе на организованное передъ тѣмъ въ Лондонѣ международное общество рабочихъ (такъ-наз. „Интернаціоналъ“), которое имѣло уже 2-й конгрессъ (2—8 сент. 1867) въ Лозаннѣ. Бакунинъ предло-

*) Мысль объ интернац. обществѣ рабочихъ была поставлена въ Лондонѣ на митингѣ 28 сент. 1864 г.; въ сент. 1865 г. была въ Лондонѣ о томъ конференція, а 3 сент. 1868 открылся въ Женевѣ первый конгрессъ интернаціональнаго общества.

жилъ Интернаціоналу проектъ союза съ Лигой, на условіи, что „рабочіе обяжутся поддерживать буржуазію, при завоеваніи политической свободы, а буржуазія обяжется содѣйствовать экономическому освобожденію пролетаріата“. Такой союзъ не былъ заключенъ, но рабочіе послали въ Женеву делегацію, которая присутствовала на конгрессѣ Лиги. Въ іюлѣ 1868 г. Бакунинъ поступилъ въ Интернаціоналъ, былъ принятъ, по предложенію г. Элпидина, членомъ въ центральную секцію въ Женевѣ *) и предложилъ вновь союзъ Лиги и Интернаціонала, но брюссельскій конгрессъ послѣдняго (5—11 сент. 1868 г.) согласился только послать депутацію на конгрессъ Лиги въ Бернѣ. Депутаты, впрочемъ, должны были присутствовать тамъ лишь какъ частныя лица. На конгрессѣ Лиги въ сентябрѣ 1868 г. лишь 30 членовъ изъ 110 приняло соціалистическую программу Бакунина, (между ними братья Реклю, Фанелли, Жуковскій и пр.), и тогда это меньшинство вышло изъ Лиги и образовало „Alliance internationale de la démocratie socialiste“. Въ этомъ союзѣ было образовано тайное интернаціональное братство, котораго центральный комитетъ передалъ диктатуру Бакунину. Союзъ хотѣлъ поступить въ Интернаціоналъ, сохраняя при этомъ свою отдѣльную организацію, но ни національные совѣты Интернаціонала въ Бельгіи и Франціи, ни общій совѣтъ въ Лондонѣ не приняли союза на такихъ основаніяхъ и лишь въ 1869 г., когда общая организація союза была объявлена (22 іюня) распущенною, отдѣльныя секціи его были приняты въ Интернаціоналъ. Несмотря на это, бакунисты покушались неоднократно возобновить подъ разными именами союзъ, сохраняя въ то же время свое мѣсто въ Интернаціоналѣ.

Между тѣмъ въ Россіи возникло т.-наз. нечаевское дѣло. Процессъ, разбиравшійся въ Россіи въ іюлѣ 1871 г. по поводу убійства въ концѣ 1869 г. Нечаевымъ и сообщниками его

*) Въ т. наз. центральныя секціи обыкновенно поступали лица, которыя не принадлежали къ числу рабочихъ; поэтому такія секціи назывались „секціями пропаганды“. Въ 1869 г. Бакунинъ явился на конгрессъ Интернаціонала въ Базелѣ, какъ делегатъ размотчицъ шелка въ Ліонѣ, хотя и жилъ въ Женевѣ. Въ спискѣ членовъ конгресса онъ записанъ такъ: „Bakounine, publiciste, délégué des ouvrières ovalistes de Lyon; Genève, 125. Rue Montbrillant“. (Testut, L'Internationale, 147).

студента Петровской земледѣльческой академіи у Москвы Иванова, открылъ цѣлый рядъ обмановъ со стороны Нечаева *). Какъ видно изъ печатаемыхъ далѣе писемъ, Бакунинъ сначала вполнѣ довѣрился Нечаеву.

Время дружбы Бакунина съ Нечаевымъ,—это періодъ въ

---

*) Сергѣй Г. Нечаевъ родился въ с. Хомутовкѣ во Владимірской губ., въ семействѣ священника, и въ 1867 г. былъ учителемъ Закона Божія и репетиторомъ въ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Тамъ онъ сблизился со студентами медико-хирургической академіи, среди которыхъ было много семинаристовъ, и у одного не семинариста сталъ брать уроки французскаго языка, читая преимущественно „La Lanterne“ Рошфора. Во время студенческихъ волненій въ началѣ 1869 г. Нечаевъ являлся часто на собранія студентскихъ делегатовъ, причемъ называлъ себя делегатомъ литераторовъ и увѣрялъ, что имѣетъ связи даже въ III отдѣленіи. Въ мартѣ 1869 г. Нечаевъ явился въ Женеву, послѣ студенческихъ волненій въ Россіи, и выдалъ себя за делегата студентовъ, выдумывая при этомъ, будто онъ убѣжалъ изъ Петербургской крѣпости. По словамъ брошюры Н. Утина, Бакунинъ былъ предупрежденъ относительно выдумокъ Нечаева, но тѣмъ не менѣе сошелся съ нимъ и выдалъ ему удостовѣреніе *такого содержанія*: „Предъявитель этого удостовѣренія есть одинъ уполномоченный представитель русской вѣтви всемірнаго революціоннаго союза“, — съ печатью „Alliance révolutionnaire européenne“, помѣткою: 12 мая 1869 и подписью Михаилъ Бакунинъ. Замѣчательно, что титулы революціоннаго общества на этомъ удостовѣреніи и печать не совпадаютъ ни съ „Association Internationale des travailleurs“, ни съ „Alliance de la démocratie socialiste“, а между тѣмъ въ Россіи Нечаевъ выступалъ отъ имени перваго сообщества. 3/15 сент. 1869 г. Нечаевъ явился съ этимъ удостовѣреніемъ въ Москвѣ къ Успенскому и приступилъ къ организаціи революціоннаго общества, увѣряя въ то же время своихъ адептовъ въ существованіи уже въ Россіи многочисленнаго соціально-революціоннаго союза и его могучаго комитета. Встрѣтивъ недовѣріе и оппозицію въ Ивановѣ, студентѣ земледѣльческой академіи около Москвы, Нечаевъ убѣдилъ нѣсколькихъ товарищей убить его какъ предателя; убійство совершенно было ночью въ паркѣ землед. академіи; скоро начались аресты по его поводу, но Нечаевъ уѣхалъ въ Швейцарію. Дальнѣйшая его исторія видна въ письмахъ Бакунина. (Кромѣ данныхъ о процессахъ, см. о Нечаевѣ—„Матеріалы для біографіи“ его Л. Т. и З. Р. въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“. Женева. 1883, и Zamfir C. Arbure „Temnita si exil“. 1894, 67 и д.).

жизни Бакунина, который производитъ самое несимпатичное впечатлѣніе. Нельзя читать многія письма этого времени безъ отвращенія, особенно тѣ, которыя обнаруживаютъ усилія, то нахальныя, то хитрыя, затянуть въ нечаевщину старшую дочь Герцена, едва оправившуюся отъ тяжкой болѣзни и вынесшую страшный ударъ смерти отца,—дѣвушку, о которой самъ Бакунинъ говорилъ Огареву, что онъ любитъ ее больше всѣхъ „изъ семьи нашего друга“ *). Совершенно понимая желаніе многихъ набросить вуаль на эту часть жизни Бакунина, мы не могли однако жъ утаить отъ потомства ни фактовъ, ни писемъ изъ этого времени, между прочимъ и потому, что по поводу отношеній Бакунина съ Нечаевымъ на перваго брошено уже не мало грязи и консерваторами, и марксистами. Лучше уже разсказать правду во всей ея документальной наготѣ, такъ какъ правда все оправдываетъ, потому что все объясняетъ, а къ тому же и учитъ „потомство“.

Не лишено значенія и то обстоятельство, что „нечаевщина“ произвела было самое отталкивающее впечатлѣніе на современную русскую молодежь, тотчасъ послѣ опубликованія процесса нечаевцевъ въ 1871 г., но послѣ, когда нѣкоторыя подробности были забыты, были дѣлаемы даже попытки идеализаціи Нечаева и новой популяризаціи среди русской молодежи его пріемовъ „революціонной дѣятельности“, признакъ, показывающій, что болѣзнь нечаевщины сидитъ глубже и распространена больше, чѣмъ можно было предполагать

Увлеченіе Бакунина Нечаевымъ показываетъ всего лучше, какъ Бакунинъ, хотя и самъ обладалъ способностью производить обаятельное дѣйствіе на другихъ, способенъ былъ самъ

*) Дальше, при письмѣ № LXVIII находится стихотвореніе Огарева, которое послужило рекомендаціей Нечаеву, черезъ перемѣну, по совѣту Бакунина, посвященія Нечаеву, вмѣсто Астракова, товарища молодости Огарева. Подобнымъ же образомъ Бакунинъ хотѣлъ добыть признаніе Нечаева и со стороны Нат. Ал. Герценъ. Для этого онъ просилъ послѣднюю нарисовать виньетку: мужика (великорусскаго) съ топоромъ и подписать свое имя, но ни за что не соглашался сказать, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ этой виньетки. Н. А. Герценъ отказала. Вообще надо сказать, что пробы макіавелизма, какъ и конспираторства, у Бакунина отличались большой наивностью: видно, что добродушная, русско-помѣщичья натура Мих. Ал—ча не имѣла въ себѣ ни зерна натуры хитраго венеціанца Яго!

увлекаться другими, даже низшими себя натурами, если встрѣчалъ въ нихъ активность. Во всякомъ случаѣ близость съ Нечаевымъ сильно повредила Бакунину въ Западной Европѣ.

Въ сентябрѣ 1871 г. лондонская конференція Интернаціонала, по предложенію общаго совѣта, руководимаго Марксомъ, рѣшила разслѣдовать участіе союза и Бакунина въ дѣлахъ Нечаева и поручила Николаю Утину составить по этому вопросу докладъ. Послѣдній былъ представленъ гаагскому конгрессу Интернаціонала въ 1872 г. и изданъ подъ заглавіемъ „L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association Internationale des Travailleurs" (Londres, A. Darson. Hambourg. en vente chez Otto Meissner, нѣмецкое изданіе въ Брауншвейгѣ) *). Гаагскій конгрессъ исключилъ Бакунина изъ Интернаціонала, который, впрочемъ, вслѣдъ затѣмъ распался какъ изъ-за бакунинскаго вопроса, такъ и изъ-за вопроса о необходимости существованія въ Интернаціоналѣ центральнаго общаго совѣта. Несмотря на то, что гаагскій конгрессъ назначилъ пребываніе этому совѣту въ Америкѣ и тѣмъ ослабилъ его практическое значеніе въ Европѣ, многія секціи швейцарскія, испанскія и бельгійскія, не желавшія никакой централизаціи въ Интернаціоналѣ, протестовали и созвали отдѣльный конгрессъ „антиавторитарнаго", или „федералистическаго" Интернаціонала въ St. Imier, въ Юрской Швейцаріи Этотъ новый Интернаціоналъ, въ которомъ Бакунинъ сохранилъ нѣкоторый авторитетъ и котораго главную опору составляла юрская федерація, продолжалъ созывать конгрессы до 1877 г., пока въ Гентѣ и онъ распался на группы коллективистовъ и чистыхъ анархистовъ. Но въ это время Бакунинъ уже не жилъ. Онъ умеръ 6 іюля (нов. ст.) 1876 г. въ Бернѣ, куда пріѣхалъ для леченія у стараго пріятеля, доктора Фохта.

---

*) Защита Alliance изложена въ книгѣ „Memoire présenté par la Féderation Jurassienne de l'Association Internationale des travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale". Sonviller, 1873. Въ книгѣ этой много документовъ, а также газетныхъ статей и рѣчей Бакунина. Брошюрой Утина пользовался главнымъ образомъ E. De Leveleye для своей характеристики Бакунина, какъ „апостола нигилизма", въ книгѣ „Le Socialisme contemporain". Довольно обстоятельно и безпристрастно изложено столкновеніе партій Маркса и Бакунина въ упомянутой выше статьѣ Малона.

О послѣднемъ времени пребыванія Бакунина въ Локарно есть весьма характерныя показанія въ „Воспоминаніяхъ Дебогорія Мокріевича“ (Парижъ, 1894).

Хотя мы считаемъ еще преждевременною, по недостаточности матеріаловъ, общую оцѣнку значенія дѣятельности Бакунина, но позволяемъ себѣ сказать въ заключеніе нашего біографическаго очерка, что слова Бѣлинскаго, взятыя нами за эпиграфъ, вѣроятно, окажутся близкими къ оцѣнкѣ Въ лицѣ Бакунина мы имѣемъ крупный образецъ активнаго русскаго человѣка, въ области политики едва ли не единственный въ 40-е годы и даже послѣ довольно рѣдкій. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ всякой активности должна приниматься во вниманіе не только энергія ея и ея направленіе, но и ея умѣлость и полезность ея результатовъ. Относительно же многихъ проявленій активности Бакунина и теперь можно уже сказать, что они приносили больше вреда, чѣмъ пользы для самаго дѣла, которому онъ же хотѣлъ служить. Но вины тому слѣдуетъ искать не только въ личныхъ свойствахъ Бакунина, но и въ общихъ условіяхъ русской политической жизни. Цѣлесообразное направленіе энергіи, умѣлость въ политической дѣятельности—это вещи, которыя не импровизируются, а вырабатываются долгимъ и при томъ наслѣдственнымъ опытомъ, какъ умѣнье плавать пріобрѣтается только въ водѣ. А гдѣ же въ Россіи была та политическая вода, въ которой бы Бакунинъ могъ выучиться умѣло плавать? Отсутствіемъ всякихъ кадровъ для свободной общественной дѣятельности русскіе люди и до сихъ поръ осуждены учиться ей не столько положительными примѣрами, сколько наблюденіемъ ошибокъ предшественниковъ и сверстниковъ.

Такъ какъ настоящее изданіе наше выходитъ по-русски и по-нѣмецки *), то мы тѣмъ болѣе должны сказать хоть нѣсколько словъ по поводу сужденій, какія часто высказываются о Бакунинѣ въ западно-европейской печати. Такъ,

---

*) Оно печатается одновременно съ оригиналомъ и въ нѣмецкомъ переводѣ въ „Bibliothek Russischer Denkwürdigkeiten“. Herausgegeben von Theodor Schiemann. (Stutgart, Gotha), гдѣ помѣщенъ и переводъ изданныхъ нами „Писемъ Кавелина, Тургенева и Аксакова къ Герцену“.

напр., Бакунинъ выставляется спеціальнымъ врагомъ нѣмцевъ изъ побужденій русскаго шовинизма, который у него скрывался-де подъ соціализмомъ, такъ онъ называется отцомъ русскаго нигилизма, а въ послѣднее время отцомъ современнаго бомбистскаго анархизма.

Раздраженіе противъ нѣмцевъ проходитъ и черезъ печатаемые нами документы. Но надо поискать источникъ этого раздраженія и вообще противонѣмецкихъ тенденцій Бакунина.

Корень раздраженія Бакунина противъ нѣмцевъ находится въ его участіи въ славянскомъ съѣздѣ 1848 г., который былъ ненавистенъ почти всѣмъ нѣмцамъ въ свое время. Отсюда же идетъ и нерасположеніе нѣмецкой прессы къ Бакунину, независимое отъ какихъ бы то ни было его воззрѣній. Между тѣмъ можно сказать, что вопросъ, который раздражалъ главнымъ образомъ и нѣмцевъ, и славянъ въ 1848 г., уже порѣшенъ исторіей и притомъ главнымъ образомъ нѣмецкой, въ смыслѣ гораздо болѣе близкомъ къ желаніямъ славянскихъ патріотовъ 1848 г., чѣмъ нѣмецкихъ: съ 1866 г. Австрія съ ея землями, входившими въ германскій союзъ, и съ славянскимъ ихъ населеніемъ, устранена изъ Германіи и въ ней volens-nolens стало сильнѣе развиваться равноправіе народностей, которое несомнѣнно приблизится къ типу швейцарскому.

Затѣмъ, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, а значительная часть антинѣмецкихъ идей Бакунина есть въ сущности славянорусскій переводъ нѣмецкихъ же историческихъ теорій, бывшихъ особенно въ ходу въ то время, когда Бакунинъ учился въ Германіи. Какъ извѣстно, тогда во всей Западной Европѣ, а особенно въ Германіи, было въ большой силѣ построеніе исторіи, которое видѣло во всемірной цивилизаціи проявленіе національныхъ духовъ и сущностей (Geist und Wesen), со смѣной національныхъ гегемоній. Только нѣмецкіе теоретики предполагали въ новой исторіи безконечную гегемонію германскаго духа, между тѣмъ какъ славянскіе ихъ ученики ждали періода гегемоніи славянской. Подобно тому, какъ германофилы раздѣлялись на консервативныхъ, церковно-монархическихъ, которые видѣли осуществленіе германскаго идеала въ католической Австріи или въ лютеранской Пруссіи, и прогрессивныхъ,—либерально-раціоналистическихъ, которые считали представителями Тацитовой Германіи Англію или

Сѣверную Америку,—раздѣлились и славянофилы: въ то время, какъ одни поклонялись православію и царизму, другіе считали славянъ, по крайней мѣрѣ русскихъ, за народъ реалистическій, не религіозный по преимуществу, а политическихъ идеаловъ славянскихъ искали въ демократіяхъ, какія описаны византійскими писателями. Спеціально въ Россіи даже ортодоксальная школа московскихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ и др.) видѣла идеалъ національнаго государства не въ бюрократической имперіи Николая I, какъ фракція Погодина, а въ московскомъ царствѣ съ его челобитьями (петиціями) земскихъ соборовъ. Другіе (особенно украинскіе панслависты школы Костомарова) отступали еще болѣе въ глубину вѣковъ и видѣли національный идеалъ славянорусскаго государства въ кіево-новгородскихъ вѣчахъ, а продолженіе его въ казацкихъ кругахъ. Герценъ и Бакунинъ сблизились съ этимъ послѣднимъ направленіемъ, которое изъ историковъ великоруссовъ стали изглагать проф. Пл. В. Павловъ и Щаповъ *).

Впрочемъ, Костомаровъ, Павловъ и Щаповъ, какъ присяжные ученые, были довольно сдержаны въ своихъ обобщеніяхъ и притомъ чужды ученія объ устарѣлости романо-германскаго Запада. Да и у Бакунина этого ученія всегда было мало видно, онъ только антипатизировалъ спеціально нѣмецкому вліянію на русское государство въ ряду другихъ подобныхъ вліяній, измѣнившихъ будто бы его національный, свободный характеръ, какъ вліяніе византійское и татарское.

Такимъ образомъ, у русскихъ націоналистовъ, въ родѣ Бакунина и Герцена, составилось ученіе о томъ, что современная имъ русская имперія есть государство типа чуждаго русскому народу: византійско-татарско-нѣмецкое или „голштейнъ-татарское“. Такая философія исторіи русской, которой цѣликомъ все же не раздѣляли болѣе ученые русскіе историки, была довольно удобна для борьбы съ императорскимъ абсолютизмомъ и потому пошла въ ходъ въ публикѣ и пуб-

*) Проф. Павловъ провелъ нѣкоторое время въ Лондонѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ (см. показанія г-жи Огаревой). Многія экскурсіи Герцена и Огарева въ область философіи исторіи Россіи напоминаютъ намъ лекціи проф. Павлова, слышанныя нами въ Кіевскомъ университетѣ.

лицистикѣ. Къ тому же несомнѣнное участіе нѣмецкихъ фамилій въ числѣ слугъ системы Николая I (Клейнмихели, Бенкендорфы и т. п.) давало видимую поддержку этой историко-политической философіи *).

Всѣ такія построенія исторіи и политики теперь подорваны въ корнѣ сравнительно-антропологическими студіями, которыя между прочимъ показали, что общинно-свободныя учрежденія— фактъ общечеловѣческій, а въ то же время и абсолютно-бюрократическія представляютъ собою фазу, черезъ которую проходятъ всѣ большія государства, причемъ фактъ посторонняго вліянія (азіатскихъ деспотій на грековъ и римлянъ, римско-византійскаго права на Среднюю Европу, Франціи на Германію, Германіи на Россію) есть фактъ второстепенный. Но нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ всѣ эти національныя и даже національно-мессіанистическія построенія исторіи и политики были дѣломъ весьма естественнымъ и въ Западной Европѣ, и въ Россіи.

Въ Россіи эти построенія были подорваны съ половины 60-хъ годовъ какъ началомъ новаго научнаго направленія, такъ и рѣшительнымъ переходомъ славянофиловъ въ лагерь реакціонный, такъ что Герценъ съ его соціалистическимъ славянофильствомъ остался изолированнымъ. Бакунинъ заплатилъ дань славянскому мессіанизму гораздо слабѣе, чѣмъ Герценъ **). Послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—64 гг. этотъ мессіанизмъ у Бакунина совершенно исчезаетъ. У него осталось раздраженіе противъ нѣмцевъ или, лучше сказать его словами, противъ нѣмецкихъ евреевъ, поддерживаемое полемическими нападеніями на него, да недовѣріе къ революціонности нѣмцевъ, но мнѣній о какомъ бы то превосходствѣ славянъ передъ „латино-германскимъ Западомъ“ у Бакунина въ то время нѣтъ вовсе. Совсѣмъ напротивъ: онъ высказываетъ

---

*) Даже Костомаровъ замѣтилъ въ статьѣ о „Началѣ Руси“, что присоединеніе остзейскихъ провинцій къ Россіи оказало особенно большое вліяніе на развитіе въ ней „государственности“.

**) Сильнѣйшее выраженіе этого мессіанизма у Бакунина мы находимъ въ слѣдующей фразѣ „Воззванія къ славянамъ“, гдѣ онъ говоритъ, что славяне могутъ „перелить свою внутреннюю политику, какъ свѣжіе весенніе соки, въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни“.

мнѣніе, что Западъ долженъ опередить Россію по части соціальной революціи, и возлагаетъ особенныя надежды на романскіе народы.

Въ болѣе молодыхъ русскихъ передовыхъ кругахъ, особенно среди соціалистовъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала, всякія націоналистическія тенденціи если не исчезаютъ, то прячутся: у народниковъ онѣ живутъ, какъ вѣра въ то, что русскій крестьянинъ по натурѣ соціалистъ и способенъ произвести соціальную революцію, можетъ быть, и раньше западнаго рабочаго. Но какъ теоретическое ученіе русскій мессіанизмъ не высказывается ясно уже никѣмъ въ передовыхъ русскихъ кругахъ съ 60-хъ годовъ. Спеціально же у соціалистовъ русскихъ замѣчается съ этого времени даже возрастающее подчиненіе мнѣніямъ западныхъ школъ, въ томъ числѣ, въ послѣднее время, особенно нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, у которыхъ русскіе не замѣчаютъ даже остатковъ стараго нѣмецкаго націонализма, сильнаго въ особенности у тѣхъ, которые воспитались до 1848 г. *).

---

*) Ни у Герцена, ни у Бакунина не найдется ничего подобнаго словамъ Лассаля, который апплодировалъ надеждамъ Родбертуса Ягетцова „дожить до времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи и когда нѣмецкіе полки солдатъ или работниковъ будутъ стоять на Босфорѣ" и признавалъ славянъ не за націи, а „за расы, которыя имѣютъ одно право: быть ассимилированными великими культурными націями" (Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Rodbertus-Jahetzow. Berlin. 1878, 56—57). Во время послѣдней балканской войны нѣмецкіе соціалъ-демократы, съ Либкнехтомъ во главѣ, были открыто на сторонѣ Турціи и не потому, что боялись, что Россія недостаточно освободитъ балканскихъ славянъ, а прямо изъ ненависти къ славянамъ. Въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ Либкнехтъ оплакиваетъ исключеніе Австріи изъ Германіи, такъ какъ черезъ это „прорванъ валъ, который шелъ чрезъ славянскій міръ отъ Балтійскаго моря до Адріатики" и такъ какъ черезъ это „Австрія предана почти безпомощно славянскому наводненію". Онъ считаетъ турецкія жестокости за русскую выдумку, равно какъ и существованіе „южныхъ славянъ, стремящихся къ свободѣ" и т. д. (Die Orient-debatte im deutschen Reichstag.— id. Zur orientalischen Frage, oder: Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig. Höhme — Ср. Zur orientalischen Frage, oder Soll die sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Ein Mahnwort an die deutsche Sozialdemokratie von H. L. (сербъ). Между тѣмъ русскіе со-

Относительно приложенія къ Бакунину имени отца русскаго нигилизма надо прежде всего сказать, что подъ слово нигилизмъ подгоняютъ движеніе слишкомъ сложное, чтобы его можно было опредѣлить однимъ словомъ, и часто называютъ нигилистами, напр., такихъ противниковъ правительства въ Россіи, которые въ Западной Европѣ явились бы весьма умѣренными политиками. Кромѣ того, подъ слово нигилизмъ подводятъ два движенія, которыя были въ сущности своей весьма различны и по своей идейной подкладкѣ, да и по личному составу. Движеніе, олицетворенное въ Базаровѣ, въ романѣ Тургенева, писанномъ въ 1861 г., имѣло въ себѣ мало соціально-политическаго элемента, а было больше философскимъ и культурнымъ, какъ отраженіе въ Россіи идей матеріализма и утилитаризма, съ оттѣнкомъ всероссійской малокультурности и великороссійской грубоватости. Движеніе же 70-хъ годовъ, проявившее себя въ „хожденіи въ народъ“ съ его послѣдствіями, было насквозь соціальнымъ и явилось, какъ смѣсь западнаго соціализма съ отечественнымъ „народничествомъ“.

Бакунинъ совсѣмъ былъ непричастенъ къ базаровщинѣ, да мало имѣлъ соприкосновенія и съ такими предшественниками соціально-революціоннаго хожденія въ народъ, каковымъ была прокламація „Молодая Россія“ въ 1862 г., провозгласившая надежду только на народъ (черный) и учащуюся молодежь и пошедшую собственно въ разрѣзъ съ проявившимся тогда движеніемъ въ образованномъ „обществѣ“ съ дворянствомъ,—къ побужденію правительства созвать земскій соборъ. Это движеніе поддерживалъ Чернышевскій („Письма безъ адреса“) и самъ Бакунинъ съ Огаревымъ редижировали проектъ адреса о земскомъ соборѣ и Бакунинъ полемизировалъ съ „Молодой Россіей“, которую только послѣ 1866 г. онъ началъ ставить

ціалъ-демократы простираютъ свое космополитическое усердіе до того, что тоже не одобряли сербо-болгарскаго движенія противъ Турціи въ 1875—77 гг. и совѣтовали балканскимъ славянамъ подождать соціальной революціи въ Германіи, Австріи и Россіи (см. напр. „Впередъ“ г. Лаврова), а недавно совершенно наивно напечатали въ русскомъ „Соціалъ-Демократѣ“ статью Энгельса объ иностранной политикѣ Россіи, не замѣтивъ ни ея старомоднаго національзма, ни фактическаго незнакомства съ предметомъ.

въ образецъ новѣйшей молодежи. Такимъ образомъ можно сказать, что Бакунинъ былъ столько же въ отцахъ болѣе новаго движенія, проявившагося въ 70-е годы, сколько и въ дѣтяхъ его предшественниковъ и въ его братьяхъ. И въ этомъ пунктѣ онъ и увлекалъ другихъ, и самъ былъ увлекаемъ.

По отношенію къ современному, бомбистскому, анархизму, Бакунинъ можетъ быть признанъ развѣ дѣдомъ его, а вовсе не отцомъ, какъ Прудонъ и Максъ Штирнеръ могутъ быть признаны прадѣдами его. Конечно, вполнѣ выяснить отношеніе это можетъ только обнародованіе всей переписки Бакунина съ соціалистами западно-европейскихъ странъ. Пока же въ письмахъ Бакунина и его прокламаціяхъ можно найти мысль о „всеразрушеніи“ государственныхъ формъ, о значеніи огня, кинжала и яда въ революціи, совѣты парижскимъ комунарамъ разрушить полъ-Парижа и даже слѣды плановъ добыть средства для революціи посредствомъ частной кражи (см. письмо № XC). Но преобладающей революціонной мечтой Бакунина былъ организованный общинный бунтъ, а не индивидуальные подвиги Равашоля, Генри и т. п. Политическое ученіе Прудона объ ан-архіи, которое сводилось у него собственно къ федерализму, на манеръ швейцарскаго (см. его „Du principe fédératif“) Бакунинъ видоизмѣнилъ въ аморфизмъ, и то какъ переходный моментъ къ будущему построенію общества снизу вверхъ, и въ то же время превратилъ прудоновское 'воздержаніе отъ участія въ политическихъ выборахъ во время имперіи—въ постоянное отрицаніе для соціалистовъ политической дѣятельности среди „буржуазнаго государства“, рекомендуя вмѣсто нея пропаганду революціонными фактами (propagande par le fait). Но характерный примѣръ бакунинскаго парлефетизма послѣ неудачи болонской попытки 1874 г. (см. дальше при письмѣ № CXIII) была беневентская попытка, устроенная вполнѣ по рецепту Бакунина въ 1877 г., когда въ села явились группы революціонеровъ (предводимыя итальянскими друзьями Бакунина и однимъ русскимъ) и объявили уничтоженіе податей, частной собственности, сожигали оффиціальныя бумаги и т. п. (См. между прочимъ Em. de Laveleye, „Le Socialisme contemporain“, VII éd., 257—259). Различіе съ анархизмомъ, бросающимъ бомбы въ кафе,—огромное!

Надо замѣтить и то, что въ Россіи, гдѣ вліяніе Бакунина должно было быть значительно и которая считается почвою бакунизма, ничего похожаго на новѣйшій анархизмъ нѣтъ *). Въ пропагандѣ новѣйшаго анархизма во Франціи въ 80-е годы приняли участіе гораздо больше послѣдователи Бланки и Ніа съ примѣсью агентовъ хитроумнаго префекта Andrieux, чѣмъ старые анархисты школы Бакунина **).

Русскій „терроризмъ“ 1878—1881 г., или, проще сказать, рядъ политическихъ убійствъ въ Россіи, не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшимъ западно-европейскимъ анархизмомъ ни по своимъ политическимъ идеямъ и цѣлямъ, ни по своему приложенію. Конечно, онъ вліялъ на возбужденіе новѣйшаго анархизма въ Западной Европѣ, но лишь своимъ примѣромъ употребленія динамита и фактомъ своего существованія, но даже знаменитый русскій „исполнительный комитетъ“ прямо заявилъ, что считаетъ политическія убійства въ странѣ, гдѣ есть политическая свобода, неоправданнымъ преступленіемъ. Разговоры же, которые велись въ нѣкоторыхъ кружкахъ русской молодежи въ 1880-е годы о необходимости систематизировать въ Россіи „терроръ ирландскій“, т. е. преступленія аграрныя (практикуемыя въ Россіи крестьянами), остались безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ. Но и между ирландскими аграрными преступленіями и бомбами новѣйшаго анархизма лежитъ цѣлая пропасть!

---

*) Единственный теперь русскій анархистъ кн. Петръ Кропоткинъ принимаетъ въ анархическомъ движеніи чисто платоническое участіе и пишетъ въ англійскихъ обозрѣніяхъ статьи объ анархизмѣ скорѣе филантропическаго, чѣмъ революціоннаго характера, такъ что одну изъ нихъ консервативный „Journal des Debats“ поставилъ даже въ образецъ французскимъ анархистамъ, такъ какъ она не проповѣдуетъ ни кражъ, ни убійствъ и т. п. Одинъ изъ русскихъ учениковъ Бакунина, принимавшій участіе въ „беневентской попыткѣ“, нѣсколько разъ выступалъ въ англійской печати противъ новѣйшаго бомбистскаго анархизма. Такъ же точно и г. Мокріевичъ указываетъ на разницу этого анархизма съ бунтарствомъ Бакунина. (См. выше).

**) Изъ послѣднихъ болѣе видные, какъ Маллонъ, Гэдъ, Бруссъ, какъ въ Италіи Коста, оказались среди поссибилистовъ, соціалъ-демократовъ и т. п., другіе, какъ Guillaume, совсѣмъ удалились отъ политики.

Относительно самаго изданія нами писемъ Бакунина мы должны заявить, что, не считая себя въ правѣ быть цензоромъ историческихъ документовъ, мы печатали ихъ по возможности въ цѣломъ ихъ видѣ. Единственныя опущенія, какія мы себѣ позволили,—это опущенія мѣстъ, имѣющихъ совершенно интимный, семейный характеръ, а также такихъ, которыя могли бы быть вредны въ полицейскомъ отношеніи для лицъ, еще живущихъ въ Россіи. Затѣмъ мы напечатали даже личные отзывы Бакунина, напр., объ эмигрантахъ, иногда противорѣчивые, иногда пристрастные, полагая, что теперь, послѣ 20—30 лѣтъ со времени ихъ написанія, они никого не могутъ обидѣть, а между тѣмъ даютъ матеріалъ для характеристики отношеній къ людямъ самого Бакунина.

Относительно нашихъ примѣчаній къ письмамъ мы должны сказать, что какъ въ видѣ сокращенія объема изданія, такъ и по неимѣнію подъ рукою (въ Софіи) всѣхъ необходимыхъ источниковъ для справокъ мы свели ихъ до минимума, и дали лишь самое необходимое для пониманія текста писемъ. Возможно, что и при этомъ въ наши примѣчанія проскользнули какія-нибудь неточности, мы будемъ благодарны за всякую поправку.

Въ заключеніе скажемъ, что мы ставимъ настоящее изданіе писемъ Бакунина въ идейную связь съ недавно сдѣланнымъ нами изданіемъ писемъ Кавелина и Тургенева и разсчитываемъ и на утилитарное значеніе обѣихъ книжекъ. Въ письмахъ Кавелина и Тургенева можно видѣть между прочимъ причины, почему не удалось легальное либеральное движеніе въ Россіи въ царствованіе Александра II. Письма Бакунина могутъ помочь объясненію того, почему осталось безъ положительныхъ результатовъ и тогдашнее движеніе революціонное.

Какъ уже сказано было, мы считаемъ настоящій антрактъ въ исторіи русскаго общества за время особенно удобное для изданія документовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы теперь печатаемъ. Вотъ почему мы считали бы себя счастливыми, если бы нашъ примѣръ подвинулъ и другихъ, имѣющихъ въ рукахъ своихъ подобные документы, поскорѣе обнародовать ихъ. Уроки исторіи могутъ быть непосредственно полезны только при условіи ихъ свѣжести.

М. Драгомановъ.

ПИСЬМА

М. А. БАКУНИНА

КЪ

А. И. ГЕРЦЕНУ и Н. П. ОГАРЕВУ

I.

7 ноября 1860 г. Иркутскъ *).

Любезный Герценъ. Мѣсяцевъ 7 тому назадъ я написалъ тебѣ предлинное письмо въ 20 листовъ. По разнымъ обстоятельствамъ оно до тебя не дошло. Это былъ первый взрывъ освобожденнаго слова послѣ долгаго молчанія. Теперь буду короче. Прежде всего позволь мнѣ, воскресшему изъ мертвыхъ, поблагодарить тебя за благородныя, симпатичныя слова, сказанныя тобою обо мнѣ печатно во время моего печальнаго заключенія. Они проникли черезъ каменныя стѣны, уединявшія меня отъ міра, и принесли мнѣ много отрады. Ты хоронилъ меня, но я воскресъ, слава Богу, живой, а не мертвый,—исполненный тою же страстною любовью къ свободѣ, къ логикѣ, къ справедливости, которая составляла и по нынѣ составляетъ весь смыслъ моей жизни. Восьмилѣтнее заключеніе въ разныхъ крѣпостяхъ лишило меня зубовъ, но не ослабило, напротивъ укрѣпило мои убѣжденія; въ крѣпости на размышленіе времени много; инстинкты мои, двигатели всей моей молодости, сосредоточились, прояснились, какъ будто стали умнѣе и, мнѣ кажется, способнѣе къ практическому проявленію. Выпущенный изъ Шлиссельбургской крѣпости почти 4 года тому назадъ, я окрѣпъ и здоровьемъ, женатъ, счастливъ, въ семействѣ, и не-

*) Въ письмѣ этомъ есть много личныхъ отзывовъ и характеристикъ, вѣроятно, односторонникъ и даже несправедливыхъ. Но мы не сочли себя въ правѣ что либо выпускать изъ нихъ и даже скрывать имена. Лучше пусть невѣрности отзывовъ Бакунина будутъ поправлены заблаговременно. М. Др.

смотря на это готовъ по прежнему, да съ прежнею страстью, удариться въ старые грѣхи, лишь бы только было изъ чего. Я могу повторить про себя слова Фауста:

«Ich bin zu alt um nur zu spielen
Zu jung um ohne Wunsch zu sein»—

а будущее, и даже близкое будущее кажется обѣщаетъ многое. Началась и для русскаго народа погода, и безъ грома и молніи кажись не обойдется. Русское движеніе будетъ серьезнымъ движеніемъ; вѣдь фантазерства и фразъ мало, а дѣльнаго склада много въ русскомъ умѣ а русское широкое, хоть и безпутное сердце пустяками удовлетвориться не можетъ. Мы здѣсь живемъ день ото дня, яко чающіе движенія воды, слѣдимъ за всѣми знаменіями, прислушиваемся ко всѣмъ звукамъ, ждемъ и готовимся. Много хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами о томъ что дѣлается и не дѣлается въ Россіи и внѣ Россіи. Но не за тѣмъ взялся я теперь за перо. Завтра долженъ я отдать это письмо курьеру, а мнѣ нужно поговорить съ вами, друзья, о предметѣ столь же важномъ для васъ и для насъ, и предотвратить васъ, если возможно, отъ несправедливости противъ одного изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ людей въ Россіи и отъ преступленія противъ вашихъ собственныхъ убѣжденій.

Есть въ самомъ дѣлѣ одинъ человѣкъ въ Россіи, единственный во всемъ оффиціальномъ русскомъ мірѣ, высоко себя поставившій и сдѣлавшій себѣ громкое имя не пустяками, не подлостью, а великимъ патріотическимъ дѣломъ. Онъ страстно любитъ Россію и преданъ ей, какъ былъ ей преданъ Петръ Великій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не квасной патріотъ, не славянофилъ съ бородою и съ постнымъ масломъ. Это человѣкъ въ высшей степени современный и просвѣщенный. Онъ хочетъ величія и славы Россіи въ свободѣ. Онъ рѣшительный демократъ, какъ мы сами, демократъ съ своей ранней молодости, по всѣмъ инстинктамъ, по ясному и твердому убѣжденію, по всему направленію головы, сердца и жизни; онъ благороденъ, какъ рыцарь чистъ, какъ мало людей въ Россіи; при Николаѣ онъ

былъ генераломъ, генералъ-губернаторомъ, и никогда въ жизни не сдѣлалъ онъ ничего противъ своихъ убѣжденій. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьева-Амурскаго, противъ котораго вы выступаете теперь врагами. Скажите, какъ это могло случиться, какъ вы, возложившіе на себя высокую и трудную обязанность блюсти за Россіею, какъ вы могли не замѣтить, не узнать единственнаго патріота и государственнаго человѣка въ нашемъ отечествѣ, котораго мы можемъ назвать безусловно н а ш и м ъ и отъ котораго Россія можетъ теперь ждать дѣйствительной службы, можетъ быть спасенія,—я говорю вамъ о человѣкѣ съ которымъ я друженъ и съ которымъ вижусь почти каждый день, вотъ ужъ два года.—Вотъ его политическая программа: Онъ хочетъ безусловнаго и полнаго освобожденія крестьянъ съ землею, гласнаго судопроизводства съ присяжными, безысключительнаго подчиненія такому суду всѣхъ лицъ частныхъ и служебныхъ, отъ малаго до великаго, безусловной неограниченной печатной гласности, уничтоженія сословій, народнаго самоуправленія и народныхъ школъ на широкую ногу. Въ высшей административной сферѣ онъ желаетъ слѣдующихъ реформъ: во-первыхъ, уничтоженія министерствъ(онъ отъявленный врагъ бюрократіи, другъ жизни и дѣла)— и на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры, подъ какимъ бы то ни было именемъ, а для достиженія этой цѣли, совершеннаго уничтоженія николаевскаго, пожалуй и александровскаго вольноотпущеннаго петербургскаго лакейства. Онъ не вѣритъ не только въ московскихъ и петербургскихъ бояръ, но и въ дворянъ вообще, какъ въ сословіе, и называетъ ихъ блудными сынами Россіи. Вообще онъ питаетъ одинаковое и вполнѣ заслуженное презрѣніе ко всѣмъ привилегированнымъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, ко всѣмъ несѣкомымъ сословіямъ, не вѣритъ въ публику и вѣритъ только въ сѣкомый народъ, его любитъ, въ немъ единственно видитъ будущность Россіи.—Онъ не ждетъ добра отъ дворянско-бюрократическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, онъ надѣется, что крестьянскій

янскій топоръ вразумитъ Петербургъ и сдѣлаетъ въ немъ возможною ту разумную диктатуру, которая, по его убѣжденію, одна только можетъ спасти Россію, погибающую нынѣ въ грязи, въ воровствѣ, въ взаимномъ притѣсненіи въ безплодной болтовнѣ и въ пошлости.— Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобы возстановить силу Россіи въ Европѣ, а силу эту хотѣлось бы ему прежде всего направить противъ Австріи и Турціи, для освобожденія славянъ и для установленія не единой панславистической монархіи, но вольной хотя и крѣпко соединенной славянской федераціи. Онъ другъ венгерцевъ, другъ поляковъ, и убѣжденъ, что первымъ шагомъ русской внѣшней разумной политики должно быть возстановленіе и освобожденіе Польши. Нравится вамъ эта программа? И вспомните, что эта программа не кабинетнаго идеалиста и фантазера, которому все легко, все возможно, потому что онъ никогда ничего не сдѣлалъ, нѣтъ это мысли, громко высказываемыя мысли генералъ-губернатора, опытнаго, испытаннаго государственнаго человѣка, который болтовни не терпитъ, у котораго всю жизнь слово было дѣломъ, воля у котораго желѣзная, а умъ граничитъ почти съ геніальнымъ.

Я много встрѣчалъ людей, но не зналъ еще одного, въ которомъ сосредоточено было бы такъ много другъ друга дополняющихъ даровъ и способностей; умъ смѣлый, широкій, жгучій, рѣшительный; природное увлекающее, воспламеняющее краснорѣчіе, и вмѣстѣ простота пониманія и изложенія удивительная. Отъ прикосновенія его мысли свѣтлѣютъ и простѣютъ самые сложные, самые мудреные вопросы; пошибъ мысли совершенно русскій, практическій. Память рѣдкая, обнимающая равно и дѣла и людей. Заговорите съ нимъ о любомъ дѣлѣ или вопросѣ, касающемся 12-лѣтняго управленія его Восточною Сибирью; во всякое время, и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ вамъ объяснитъ его со всѣми подробностями, до мелочей и разскажетъ такъ, что вы ужъ никогда его не забудете. Голова его всегда занята множествомъ разнороднѣйшихъ дѣлъ, но всегда свѣжая и ясная, кажется, хранитъ и

вмѣщаетъ въ себѣ все, что хоть одинъ разъ ее занимало. Докладчикъ, докладывающій ему о дѣлѣ, никогда самъ такъ хорошо его не понимаетъ, какъ когда ему о немъ докладываетъ. Голова его въ вѣчной работѣ, онъ занимается, когда не спитъ, а спитъ не болѣе 5, 6 часовъ въ сутки, и между тѣмъ вы никогда не замѣтите въ немъ скрипа рабочаго. Онъ самый любезный собесѣдникъ, всегда живой, остроумный, милый,—но милый до того, что въ него влюбляются не только женщины, но и мужчины. Да и нельзя не любить его, онъ самъ такъ горячо ненавидитъ и любитъ, у него такъ много сердца, онъ весь сердце. Къ нему нельзя быть равнодушнымъ, его должно или любить или ненавидѣть. Онъ такой вѣрный и нѣжный другъ, такъ много деликатности и возвышеннаго благородства во всѣхъ его отношеніяхъ. Онъ прямъ, откровененъ и никогда не усомнится высказать свою мысль или чувство. Онъ беретъ правдою, широкою, прямою сердечною правдою. Гнѣвъ его долженъ быть ужасенъ, презрѣніе его уничтожаетъ. Вотъ вамъ нравственный человѣкъ. Прибавьте самоотверженіе, пренебреженіе къ собственнымъ интересамъ исключительное—il est d'une générosité princière. Онъ не богатъ, такъ не богатъ, что, оставляя нынѣ Сибирь, если, что очень возможно, по политическимъ причинамъ, онъ оставляетъ и службу, то ему почти нечѣмъ будетъ жить, — а между тѣмъ въ послѣдніе три года, во время своихъ поѣздокъ на Амуръ, въ Китай и Японію и благодаря только имъ онъ потерялъ на акціяхъ 80,100 руб. сер. — и только мелькомъ разъ я слышалъ отъ него объ этой потерѣ. Онъ до такой степени безкорыстенъ, что отказался принять пожизненную пенсію, которую ему хотѣли дать за амурское дѣло—и все это дѣлается просто, безъ тѣни тщеславія, такъ натурально, какъ другой выпиваетъ стаканъ воды. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нѣтъ ни капли эгоизма или тщеславія; онъ дорожитъ, правда, названіемъ Амурскаго, но ни во что не ставитъ ни свое генеральство, ни свое генералъ-губернаторство, ни свое графство. Ему нужна сущность, а не форма власти—еще сходство съ Петромъ Великимъ, котораго

геніальною простотою своею такъ часто напоминаетъ мнѣ Муравьевъ-Амурскій. — Къ нему во всякое время открытъ доступъ для всѣхъ, и для каждаго у него есть и память и сердце. Это настоящій человѣкъ—но вмѣстѣ и настоящій опытный государственный человѣкъ; съ его умомъ ни одинъ урокъ жизни, ни одинъ лично имъ пережитой государственный фактъ не могъ пропасть даромъ. Прежде всего у него русскій умъ и его обмануть трудно, онъ смотритъ насквозь въ вашу душу и, когда не хочетъ открыться, не покажетъ вамъ своей души. Умъ его столь же гибокъ и тонокъ, сколько и прямъ, и въ дипломатіи его никто не перещеголяетъ. Онъ, кажется, способенъ на все, кромѣ литературы и профессуры, къ которымъ, несмотря на образованность и любознательность свою (онъ до сихъ поръ читаетъ и учится), онъ питаетъ инстинктивное отвращеніе; другъ дѣла, онъ ненавидитъ болтовню. Онъ также способенъ къ дипломатіи, какъ и къ внутреннему управленію или къ военному дѣлу. Онъ знаетъ людей, умѣетъ обходиться съ ними, уговаривать, убѣждать, увлекать ихъ, невидимо подчинять ихъ своей мысли и волѣ.—Il semble né pour commander.—Что же касается до военнаго дѣла, то всѣ знавшіе его на Кавказѣ, гдѣ онъ впервые показалъ себя какъ самостоятельный начальникъ, всѣ знающіе его близко теперь убѣждены, что онъ одаренъ всѣми способностями первокласснаго генерала: быстрота и ясность соображенія, присутствіе духа, находчивость въ критическую минуту, военное знаніе, духъ непоколебимый, а главное смѣлая и счастливая истинно героическая рѣшимость, всѣ залоги побѣды въ немъ соединены въ высшей степени,—и если теперь что-нибудь льститъ его самолюбію, такъ это только мысль командовать арміею противъ австрійцевъ, которыхъ онъ ненавидитъ не менѣе меня. Онъ истинно геніальный администраторъ, вносящій толкъ, разумъ, ясность и простоту во всѣ части своего управленія, а въ минуты трудныя находящій тамъ средства, гдѣ ихъ никто не видитъ. Дѣло у него горитъ подъ руками, онъ поражаетъ внезапностью своихъ рѣшеній и неудержимою стремительностью

своихъ исполненій, почти всегда вѣрныхъ, мѣткихъ, счастливыхъ, потому что они плодъ глубокаго предварительнаго размышленія. Когда дѣло идетъ о дѣлѣ, онъ не жалѣетъ ни себя, ни своихъ служащихъ; въ продолженіе 12-лѣтняго управленія онъ сдѣлалъ верхомъ, въ тарантасѣ, въ телѣгѣ, пѣшкомъ, на лодкѣ болѣе 200,000 верстъ. Онъ первый въ 1854 г. поплылъ на лодкахъ внизъ по Амуру, и если бы разсказать въ подробности всѣ его амурскіе подвиги, подвиги неустрашимости, самопожертвованія, сердца, ума, то право вышла бы геройская эпопея. И этотъ человѣкъ теперь еще во всей силѣ своего ума, своихъ необыкновенныхъ способностей, сердце его нераздѣльно принадлежитъ Россіи, дѣлу ея освобожденія, славянскому дѣлу. Онъ весь нашъ и убѣжденіями и дѣлами своими, еще болѣе тѣмъ, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать для Россіи; я не знаю, да и вы, друзья, не знаете другого человѣка, отъ котораго Россія могла бы ожидать для себя столько великой пользы.—Я помню, какъ вы оплакивали смерть генерала Пассека, вотъ вамъ другой Пассекъ, во всѣхъ отношеніяхъ лучше, дѣльнѣе, умнѣе, сильнѣе и, можетъ быть, преданнѣе Пассека, — потому что въ Муравьевѣ геніальная преданность мысли и дѣлу—вотъ вамъ готовый спаситель Россіи—а вы его враги. Что это значитъ? И какъ же велика отвѣтственность, которую вы на себя берете передъ Россіею и передъ самими собою! Отъ легкомыслія и легковѣрія, незнанія или недостатка критики вы становитесь клеветниками противъ лучшаго человѣка въ Россіи. Вѣдь это уродство и преступленіе. — Петербургъ, весь высшій официальный міръ его ненавидитъ; въ третьемъ отдѣленіи, куда почти ежедневно пишутъ ваши кореспонденты, герои, любимцы Завалишинъ и Петрашевскій, въ третьемъ отдѣленіи онъ записанъ какъ архи-красный; вообще его зовутъ тамъ le général rouge, — все это очень естественно. Между мертвыми онъ одинъ живой, между мелкими, своекорыстными интриганами и эгоистами онъ одинъ преданъ дѣлу,—онъ не беретъ пенсіи, — какъ его не ненавидѣть! Онъ присоединяетъ огромный край исключительно сибирскими средствами,

совершаетъ великое дѣло почти безъ средствъ, онъ щадитъ государственные финансы, подаетъ проектъ за проектомъ для упрощенія администраціи, для упраздненія ненужныхъ служебныхъ мѣстъ, для освобожденія, для облегченія участи милліоновъ угнетенныхъ воровскимъ меньшинствомъ, — онъ не даетъ спать, заставляетъ думать о дѣлѣ, онъ въ высшей степени человѣкъ безпокойный, къ тому же громко выражающій свое негодованіе, свое презрѣніе и къ принципамъ и къ людямъ петербургскимъ, не щадя даже героевъ ектеніи. — За это его Петербургъ ненавидитъ, и это естественно. Естественно также, что не любитъ его большинство храбраго россійскаго дворянства. Онъ такъ глубоко вникъ въ хамски-аристократическій блудъ россійскихъ бояръ и такъ мѣтко честитъ его—любить не за что. Онъ любитъ народъ, за то и народъ въ него вѣритъ, имя Муравьева не умретъ въ Сибири. Не любятъ его также и литераторы; опять понятно: — литераторы народъ щекотливый, тщеславный, вчера дрожали они, сегодня разыгрываютъ силу и болтовню принимаютъ за дѣло. Они монополисты тощаго русскаго просвѣщенія, монополисты ума во фракѣ и любятъ поклоны. Муравьевъ ихъ презираетъ и имъ не кланяется. Они либералы, онъ простой демократъ, нѣтъ ничего общаго между ними. Итакъ понятно, что вся привилегированная, болтающая и правящая публика не терпитъ Муравьева, — но какъ вы, друзья народа, могли стать его врагами, какъ могли такъ легкомысленно повѣрить людямъ, какъ Завалишинъ и Петрашевскій, о которыхъ поговоримъ послѣ, — вотъ чего я рѣшительно не понимаю.—Своя своихъ не познаша.— Вы спросите, чѣмъ же доказалъ Муравьевъ свои способности, свое честное и полезное направленіе. — 12-лѣтнее управленіе его Восточной Сибирью самый лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, политическій, полякъ Веберъ, досконально знающій Сибирь,—ибо былъ сосланъ сюда еще до назначенія Муравьева, могущій поэтому сравнить положеніе ея до Муравьева съ ея нынѣшнимъ состояніемъ,—сказалъ недавно, что если бы напечатать все,

что написалъ Муравьевъ въ продолженіе этихъ 12 лѣтъ, особливо бумаги, посланныя имъ въ Петербургъ къ императору и къ разнымъ министрамъ, то это одно составило бы блестящую біографію; изъ этой переписки ясно бы стало, чего онъ хотѣлъ, къ чему онъ стремился. Всякая бумага дышетъ гуманностью, высокою справедливостью, свѣтлымъ разумомъ, пользою государства и края. Главною и постоянною цѣлью всѣхъ его предположеній и дѣйствій было возвышеніе, облегченіе, возможное освобожденіе всего, что притѣсненно въ Россіи, т. е. по преимуществу народа. Не помню кто-то, кажется Rene de Taillandier, говоря о Сперанскомъ, замѣтилъ, что въ то время, какъ государственные люди другихъ земель находятъ крѣпкую опору въ общественномъ мнѣніи, въ Россіи они опираются единственно на милость и довѣріе одного лица, поэтому должны употребить три четверти времени своего на борьбу для удержанія своего мѣста и только четверть остается у нихъ на дѣло. Это вполнѣ подтвердилось на Муравьевѣ. Малѣйшую возможность сдѣлать добро онъ долженъ былъ брать съ боя, и сколько силъ, сколько жизни онъ положилъ на борьбу съ Петербургомъ, и какъ дорого стоила каждая побѣда. Вѣдь вы знаете, что такое наши министры, наши петербургскіе государственные люди. Мелкіе и пошлые люди съ пышною обстановкою, дураки съ глубокомысленно-размышляющими минами, недоученные, недодѣланные, мелкіе эгоисты и честолюбцы съ патріотическими фразами, возвысившіеся и поддерживающіеся интригою и подлостью, машинные формалисты, рутинеры, не имѣющіе даже и предчувствія о живомъ, дѣйствительномъ дѣлѣ. Этимъ развратнымъ, машинально живущимъ и дѣйствующимъ муміямъ кромѣ себя вѣдь нѣтъ ни до кого и ни до чего дѣла и всякій преданный человѣкъ съ живою, плодотворною мыслью имъ смѣшонъ, пока онъ безсиленъ, и становится ихъ врагомъ, если онъ можетъ заставить ихъ слушать себя. Муравьева они съ перваго раза встрѣтили какъ врага. Въ комитетѣ министровъ онъ нашелъ только одного истиннаго неизмѣннаго союзника: Киселева, нынѣ посланника во

Франціи. Всѣ же остальные были противъ него и постоянно въ продолженіе 12 лѣтъ старались парализовать его начинанія, то интригою, то систематическимъ, тупымъ невниманіемъ. При такихъ-то условіяхъ Муравьевъ долженъ былъ дѣйствовать. Чтожъ успѣлъ онъ сдѣлать? Главнымъ дѣломъ его безъ сомнѣнія является присоединеніе Амура къ Россіи. Я не стану распространяться о немъ; для того, чтобъ говорить объ этомъ предметѣ подробно, теперь ужъ понадобились бы толстыя брошюры, если не цѣлыя книги. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Амурское дѣло, великое по своему существу, по своимъ несомнѣнно полезнымъ результатамъ, равно какъ и по ограниченности, ничтожности средствъ, на него употребленныхъ, подверглось странной участи въ Россіи. Сначала вся публика пришла въ восторгъ и Богъ знаетъ сколько громкихъ и часто нелѣпыхъ фразъ было расточено Муравьеву; говорили, что онъ вознаградилъ за всѣ потери и за весь стыдъ прошедшей войны.

Прошло нѣсколько времени; въ „Морскомъ Сборникѣ“ стали являться одна за другой статьи псевдо-декабриста Завалишина, который, увлеченный местью и непримиримою ненавистью къ Муравьеву, сознательно лжетъ, клевещетъ, извращаетъ, выдумываетъ факты, прикрывая желчную клевету либеральными мотивами и фразами, отрицаетъ, наконецъ, пользу, судоходность, даже почти само существованіе Амура и называетъ его „язвою Россіи“. Эти статьи, проникнутыя самымъ мелочнымъ и злымъ самолюбіемъ, въ которыхъ такъ и сквозитъ жалкое оскорбленное „я“ г. Завалишина, написанныя, впрочемъ, искусно въ видахъ очерненія именно передъ русской публикой,—статьи эти, исполненныя противорѣчій, ничего не доказывающія, только отуманивающія и дурачащія легкомысленнаго читателя, не выдерживаютъ серьезной критики. И что жъ? Вся русская публика, вслѣдъ за Завалишинымъ ругаетъ Амуръ и всѣхъ амурскихъ дѣятелей. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ пресерьезно утверждаютъ, что Амуръ есть пуфъ, что даже лодки по немъ ходить не могутъ, что Благовѣщенскъ и Николаевскъ и всѣ села, и всѣ ста-

ницы на Амурѣ существуютъ лишь въ воображеніи и въ рапортахъ Муравьева; что Амуръ разорилъ Россію; что въ немъ погибли милліоны рублей и тысячи людей; что онъ, однимъ словомъ, сталъ язвою для Россіи. Странное и глупое существо русская публика! Въ ней преобладаетъ лакейская привычка ругать безъ разбору, ругать и горячиться безъ страсти, безъ всякаго интереса къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Спросите у девяти десятыхъ, у девяносто девяти сотыхъ нынѣ ругающихъ Амуръ, гдѣ Амуръ? Я увѣренъ, что они никогда не посмотрѣли на карту и что имъ въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни до Амура, ни до Сибири, ни даже до Россіи. А ругаютъ, потому что ругать, все ругать, всѣхъ ругать русскому человѣку сподручно, потому что оно въ модѣ и кажется либерально. Эта русская публика, безсмысленная, безстрастная, но болтающая безъ умолку обо всемъ, пошлая, просто блудное стадо, годящееся только подъ топоръ. Судоходенъ ли Амуръ? По признанію американцевъ, знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, и нашихъ лучшихъ моряковъ, это одна изъ величайшихъ и удобнѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Да зачѣмъ спрашивать ихъ? Въ 1854 году въ первый разъ сплавили внизъ по Амуру на 34 баржахъ подъ предводительствомъ Муравьева около 380 человѣкъ казаковъ и регулярныхъ солдатъ со всѣмъ провіантомъ. Въ 1855 году подъ его же предводительствомъ сплавлено было около 5,000 человѣкъ казаковъ и войска также со всѣмъ провіантомъ и съ 28—38-фунт. пушками; а съ тѣхъ поръ ежегодно сплавляютъ отъ Читы по Шилкѣ и по Амуру до Николаевска отъ 300 до 500 тысячъ пудовъ разныхъ тяжестей. Съ 1855 года стали ходить пароходы отъ Николаевска до Благовѣщенска. Въ 1859 году казенныхъ пароходовъ ходило шесть, а частный пароходъ американца Дефриса въ первый разъ явился на Шилкѣ. Въ нынѣшнемъ году собраны были зимою въ Николаевскѣ 4 новыхъ казенныхъ мелководныхъ парохода, изъ которыхъ одинъ обращенъ собственно на плаваніе по рѣкѣ Уссури, а три доплыли вверхъ, два до Стрѣтенска, одинъ только до Шилкинскаго завода, а американецъ Дефрисъ до-

шелъ вверхъ по Шилкѣ и по Нерчи до самаго Нерчинска; я говорилъ съ иностранными машинистами, они говорятъ, что не видѣли рѣки болѣе удобной для плаванія; наконецъ, съ будущаго года будетъ ходить разъ въ двѣ недѣли регулярная пароходная почта между Стрѣтенскомъ (на Шилкѣ, въ 75 верст. отъ Нерчинска, въ 360 верст. отъ Читы) и Благовѣщенскомъ (почти на самой серединѣ Амура, отъ Николаевска водою въ 2,000 верстъ, отъ Усть-Стрѣлки при соединеніи Шилки и Аргуни въ 1,200 верстъ (Усть-Стрѣлка отъ Стрѣтенска въ 260 вер.) — и такъ каждую недѣлю разъ между Стрѣтенскомъ и Благовѣщенскомъ, — и разъ между Благовѣщенскомъ и Николаевскомъ, т. е. одинъ разъ въ мѣсяцъ между Николаевскомъ и Стрѣтенскомъ и обратно, такъ что въ продолженіе лѣта можно будетъ съѣздить три раза изъ Стрѣтенска внизъ по Амуру и обратно. Кажется довольно удовлетворительное доказательство возможности плаванія по Амуру, и не правда ли, что Завалишинъ лжетъ безстыдно, утверждая противное? Наконецъ чего вамъ болѣе? —За провозъ изъ Николаевска до Шилкинскаго завода брали въ прошедшемъ году съ пуда 2 р. 50 к., въ нынѣшнемъ году до Стрѣтенска 2 р. 50 к., а на будущій годъ подряжаются за 2 р. Провозъ отъ Стрѣтенска до Читы стоитъ отъ 25 до 30 к., отъ Читы до Иркутска отъ 80 к. до 1 р. 20 к. — положимъ 1 р. Итакъ провозъ отъ Николаевска до Иркутска будетъ стоить въ будущемъ году около 3 р. 50 к., положимъ 4 р. (а кругомъ свѣта американская компанія беретъ prix fixe 1 р. сер. съ пуда), въ то время, какъ изъ Нижне-Новгорода до Иркутска онъ стоитъ отъ 6 до 7 р. съ пуда, т. е. почти вдвое. Вотъ вамъ и доказательство торговой пользы Амура для Сибири, — такъ что сахаръ, за который мы платимъ здѣсь отъ 16 до 18 р. пудъ, а въ Читѣ даже до 20 р. и который по вычисленіямъ самого Завалишина долженъ стоить въ Николаевскѣ около 5 р., въ дѣйствительности же продается тамъ за 7 р.,—не будетъ стоить въ Читѣ болѣе 9 р., а въ Иркутскѣ болѣе 11 р. Я говорю, будетъ стоить, а не стоитъ. Почему? Очень естественно; потому что торговля по Амуру, начавшаяся только съ

1857 года, находится еще въ рукахъ немногихъ американскихъ и русскихъ авантюристовъ, пользующихся совершенною монополіею и налагающихъ поэтому на все совершенно произвольныя, невѣроятныя цѣны, амурская же компанія, съ первыхъ шаговъ своихъ поведшая себя плутовато и глупо, нынѣ, не приступивъ собственно еще къ дѣлу, совершенно обанкрутилась. Къ тому же должно замѣтить, что сибирскіе, равно какъ и русскіе купцы, неисправимые рутинисты-старовѣры, не вѣрующіе въ новые пути; они только и знаютъ, что свою кяхтинскую чайную торговлю, совершенно искусственную, несмотря на то, что по ихъ собственному сознанію она каждый годъ падаетъ и быстро приближается къ своему концу. Говорятъ, что въ будущемъ году ужъ не одинъ, а три американскіе парохода повезутъ иностранные товары до Стрѣтенска, и нѣтъ сомнѣнія, что, освобожденные нынѣ отъ всякаго стѣсненія и запрещенія, американцы вскорѣ овладѣютъ плаваніемъ и торговлею по Амуру. Но не въ томъ дѣло— американцами ли, русскими ли на Амурѣ Сибирь примкнула нынѣ къ океану, перестала быть безвыходною пустынею, Сибирью. Мы чувствуемъ уже это вліяніе: въ Иркутскѣ, напр., мы ближе къ Европѣ, чѣмъ въ Томскѣ. Сибирь впервые осмыслилась Амуромъ, не есть ли это великое дѣло и кто можетъ высчитать всѣ его результаты! Нѣтъ сомнѣнія, что Амуръ со временемъ оттянетъ Сибирь отъ Россіи, дастъ ей независимость и самостоятельность. Этого сильно боятся въ Петербургѣ, иные даже опасались серьезно, чтобъ Муравьевъ не провозгласилъ независимость Сибири, — но такая независимость, невозможная теперь, необходимая можетъ въ довольно близкомъ будущемъ, развѣ бѣда? Развѣ Россія можетъ еще долго остаться насильственно, уродливо сплоченною, неуклюжею монархіею, развѣ монархическая централизація не должна потеряться въ славянской федераціи? Возможность, необходимость ввозной торговли иностранныхъ товаровъ вверхъ по Амуру доказана уже фактами и не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Что будемъ мы продавать американцамъ, на что будемъ мѣнять ихъ товары?

Этотъ вопросъ озадачиваетъ многихъ, хотя отвѣтъ на него въ высшей степени простъ; во-первыхъ, мы должны торговать хлѣбомъ, скотомъ, саломъ, мясомъ, пенькою, кожами, до тѣхъ поръ пока Амурскій край, въ высшей степени плодородный, но еще мало населенный, не будетъ производить ихъ въ достаточномъ количествѣ для торговли. Во-вторыхъ, Сибирь богата драгоцѣнными минералами, а золото есть такой же товаръ, продуктъ сибирскаго труда, какъ и хлѣбъ. Золота находится много въ Енисейской губерніи и съ каждымъ годомъ болѣе въ Забайкальской области, богатой и торгующей уже и теперь, хотя еще и въ мелкихъ размѣрахъ, скотомъ, саломъ, кожами, солониною, а также хлѣбомъ и канатами. Но главное богатство и состоитъ въ великолѣпныхъ желѣзныхъ рудахъ, составлявшихъ до сихъ поръ исключительную собственность императорскаго кабинета, сидѣвшаго на нихъ какъ собака на сѣнѣ, и только недавно, благодаря Муравьеву, отъявленному врагу всякаго казеннаго производства, открытыхъ для частной промышленности. Теперь самое простое желѣзо по цѣнѣ своей недоступно, да и нѣтъ его почти совсѣмъ въ продажѣ,—за самое плохое желѣзо платится здѣсь по 6 р. за пудъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всю россійскую непредпріимчивость, несмотря на то, что золотопромышленность притягиваетъ къ себѣ большинство капиталовъ въ Сибири, найдется скоро умный и дѣльный капиталистъ, который устроитъ въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области желѣзные заводы,—предпріятіе слишкомъ выгодное и прочное, чтобы долго быть оставленнымъ въ сторонѣ. Тогда одного желѣза будетъ достаточно для пополненія нашей вывозной торговли внизъ по Амуру. Самъ вновь присоединеный Амурскій край, въ высшей степени плодородный, и еще болѣе, прилегающій къ нему Уссурійскій край (между рѣкою Уссури, впадающею въ Амуръ на западѣ, Тихимъ океаномъ на востокѣ и Кореею на югѣ), одаренный и роскошною почвою, и благословеннымъ, почти южнымъ климатомъ, богатый, однимъ словомъ, всѣмъ, чего пожелаетъ душа, должны сдѣлаться не болѣе какъ черезъ

десятокъ-другой лѣтъ житницею Тихаго океана; хлѣбъ родится тамъ теперь нерѣдко самъ-тридцать; вездѣ слѣды богатыхъ золотоносныхъ песковъ, и если бы китайцы согласно условіямъ Айгунскаго трактата допустили вольную торговлю по рѣкѣ Сунгари, то ужъ теперь сунгарскаго скота и хлѣба было бы достаточно не только для продовольствія всего Амура, но и для внѣшней торговли. Теперь главнымъ предметомъ торговли служитъ мѣхъ соболій, чернобурыхъ лисицъ и другіе, добываемые на среднемъ и южномъ прибрежьи Амура и на всемъ берегу Тихаго океана отъ Николаевска до залива Петра Великаго. Но еще важнѣйшимъ предметомъ долженъ сдѣлаться съ будущаго года лѣсъ всякаго рода, отъ дуба до лиственницы, мачтовой, строевой и дровяной; его потребуется въ огромныхъ количествахъ въ Шанхай, Гонгъ-Конгъ и въ другіе китайскіе порты, открытые для европейцевъ. Прибавьте къ этому, что островъ Сахалинъ, противолежащій въ 60 верстахъ устью Амура, весь покрытъ слоемъ лучшаго каменнаго угля. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ торговое значеніе Амура. Что бы сдѣлали съ этимъ благодатнымъ краемъ американцы, если бы онъ попалъ имъ въ руки! Но русскій и еще болѣе сибирскій человѣкъ, несмотря на всѣ похвалы расточаемыя ему квасными патріотами, безпомощенъ какъ ребенокъ. Полицейское всевмѣшательство, крѣпостное право и патріархальный деспотизмъ общины убили, кажется, въ немъ всякій духъ предпріимчивости, всякую иниціативу; онъ рѣшительно требуетъ, чтобъ его тянули впередъ, самъ не идетъ. Говорить ли вамъ о политическомъ значеніи огромнаго вновь пріобрѣтеннаго края, съ благодатнымъ климатомъ, благодатною почвою, окаймленнаго двумя великими судоходными рѣками и примыкающаго къ Тихому океану. Это новая Сибирь, но благодатная, просвѣщенная приморская. Благодаря Амуру, славянское русское царство стало твердою ногою на Тихомъ океанѣ, и союзъ съ Соединенными Штатами, доселѣ платоническій, сталъ отнынѣ дѣйствительный, что ясно выражается въ настоящихъ отношеніяхъ и переговорахъ съ Китаемъ.

Благодаря Амуру, мы можемъ теперь содержать огромный, дѣйствительный флотъ на Тихомъ океанѣ, взамѣнъ черноморскихъ и балтійскихъ игрушекъ. Англичане на дѣлѣ опять нынѣшнею весною сильно добивались отнять у насъ заливъ Петра Великаго. Все дѣло теперь въ населеніи прибрежій Амура, Уссури и Тихаго океана отъ Николаевска до Кореи. Оно идетъ медленно, медленнѣе, безъ сомнѣнія, чѣмъ у американцевъ, потому что у насъ нѣтъ ни ихъ отваги, ни ихъ умной, расчетливо-смѣлой предпріимчивости, ни ихъ свободы движенія, а все-таки идетъ и съ каждымъ годомъ будетъ быстро подвигаться впередъ. Но прежде чѣмъ коснусь этого предмета, раскажу вкратцѣ исторію пріобрѣтенія Амура. Муравьевъ пріѣхалъ съ этой мыслью въ Сибирь и еще до отъѣзда своего изъ Петербурга успѣлъ уговорить императора Николая снарядить морскую экспедицію вокругъ свѣта для отысканія устья Амура. Подъ предводительствомъ капитана, нынѣ контръ-адмирала, Невельскаго она открыла устье Амура въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года. Въ 1852 году, по предписанію Муравьева, Невельскій заложилъ Николаевскъ. Въ 1849 году Муравьевъ ѣздилъ въ Камчатку для ознакомленія съ краемъ, особенно же съ берегами Тихаго океана. Въ этомъ же году у него зародилась мысль объ образованіи Забайкальской области, какъ точки отправленія и опоры для завоеванія Амура. Въ 1850 году началась борьба его противъ всего министерства за исключеніемъ Киселева и Перовскаго. Главными его противниками были Нессельродъ, Чернышевъ и Блудовъ, а за ними и всѣ другіе. Его публично называли государственнымъ сумасшедшимъ, а все амурское предположеніе гибельнымъ предпріятіемъ. Образованіе Забайкальской области встрѣтило сильное, страстное сопротивленіе, особенно, когда онъ потребовалъ отъ императорскаго кабинета жертвы,—а именно жертвы 40,000 крѣпостныхъ крестьянъ кабинета. Въ борьбѣ со всѣми министрами и видя стѣсненное положеніе нашихъ финансовъ, Муравьевъ зналъ, что ему не дадутъ денегъ, и рѣшился совершить огромное дѣло остаточными суммами отъ управленія Восточной Сибири, съ

помощью Забайкальскаго края. Не онъ завелъ казацкое сословіе въ этомъ краѣ, оно издавна существовало на границахъ Китая, преимущественно на берегахъ Онона и Аргуни, и простиралось уже до 60,000 душъ обоего пола, когда онъ прибылъ въ Сибирь. Но ему нужны были рабочія руки на берегахъ Ингоды и Шилки для сплавовъ внизъ по Амуру. Тутъ жили преимущественно горные крестьяне въ числѣ 40,000. А знаете, что такое горные крестьяне? Это крѣпостные, въ десять разъ болѣе разоренные, утѣсненные и несчастные, чѣмъ самые бѣдные помѣщичьи крѣпостные. Ихъ теперь, благодаря Муравьеву, въ Нерчинскомъ округѣ болѣе нѣтъ, но я ознакомился съ ихъ состояніемъ въ Томской губерніи, гдѣ ихъ приписано болѣе 130,000 къ алтайскимъ горнымъ заводамъ. Они платятъ подати и носятъ всѣ прочія натуральныя и денежныя повинности, какъ и другіе крестьяне; рекруты ихъ поступаютъ, только не въ солдаты, а на 25-лѣтнюю каторжную работу въ серебряныхъ рудникахъ. Какъ крѣпостные императорскаго кабинета, которому принадлежатъ всѣ заводы, они несутъ барщину и какую еще барщину! Во всякое время, во время работъ, въ распутицу, они должны, по приказанію, по чистому произволу горнаго начальства, возить лѣсъ, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верстъ. Кромѣ того они обязаны продавать свой хлѣбъ исключительно на заводы, и, по предписанію Чевкина, изданному въ 1832 году, отнюдь не дороже 28 к. за пудъ ржаной муки. Какъ крѣпостные, они лишены всякой свободы и управляемы, знаете—кѣмъ? Мѣстнымъ горнымъ вѣдомствомъ, а знаете ли, что такое горное вѣдомство? Вы знаете, какъ безсовѣстны, алчны, вороваты русскіе инженеры,—ну вообразите себѣ россійское потомственное инженерство, касту въ родѣ поповской,—вотъ вамъ и горное вѣдомство. За весьма рѣдкими исключеніями, горные офицеры дѣти горныхъ же офицеровъ, потому что имъ предоставлено почти исключительное право воспитывать дѣтей своихъ въ горномъ корпусѣ, которыя поэтому всасываютъ въ себя вороватость съ кровью, съ первыми впечатлѣніями дѣтства, съ корпуснымъ воспитаніемъ, и являются на за-

водъ уже готовыми ворами. Жены и матери ихъ также дочери и сестры горныхъ офицеровъ. Все горное вѣдомство составляетъ, поэтому, какъ будто одно дружное, тѣсно связанное семейство, основанное на систематическомъ воровствѣ, И вотъ оно-то управляетъ горнозаводскими крестьянами. Должно ли еще мнѣ вамъ разсказывать, какъ хорошо жить на свѣтѣ этимъ бѣднымъ крестьянамъ? Подробности о ихъ прошломъ житьѣ-бытьѣ въ Нерчинскомъ округѣ вы, впрочемъ, найдете въ прилагаемой мною статьѣ Антонова (полит. преступника, поляка Вебера) въ „Иркутскихъ Вѣдомостяхъ“. Вотъ изъ этого-то положенія вырвалъ ихъ Муравьевъ, обративъ ихъ въ казаковъ. Эта мѣра навлекла на себя преимущественно гнѣвъ Завалишина, не вначалѣ, потому что, какъ я докажу впослѣдствіи, пока онъ жилъ въ ладахъ съ Муравьевымъ, онъ былъ не только горячимъ поборникомъ всѣхъ его дѣйствій, но даже самъ, незванный, непрошенный, прикладывалъ нечистую и тяжелую руку къ исполненію его предначертаній. Потомъ онъ на него разсердился и сталъ на него клеветать, и первымъ и главнымъ предметомъ его литературныхъ гоненій сдѣлалась система казачества и насильственнаго заселенія Амура посредствомъ казаковъ; система колонизаціи, правда, несообразная съ чистыми началами экономической науки, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ необходимая. За неимѣніемъ денегъ, за отсутствіемъ всякой народной иниціативы, за невозможностью иниціативы народа облѣнившагося, опустившагося, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, нужно было или прибѣгнуть къ ней, или отказаться отъ Амура. Итакъ, скажутъ, 40,000 горныхъ крестьянъ, весь Забайкальскій край были принесены въ жертву амурскому дѣлу?—А если бы и такъ, что значитъ эта временная жертва въ сравненіи съ огромностью добытыхъ результатовъ? Но если мы докажемъ, что ни Забайкальскій край, ни горные крестьяне не только что не потеряли, но существенно выиграли, бывъ пожертвованы такимъ образомъ въ пользу великаго предпріятія, чтожъ останется изъ всей завалишинской аргументаціи?

Чего онъ не придумалъ для того, чтобъ оправдать свое поддѣльное негодованіе и чтобъ запугать воображеніе своихъ читателей! И сравненіе съ аракчеевскою системою, и разореніе всего Забайкальскаго края, и голодную смерть несчастныхъ переселенцевъ на Амурѣ, и погибель всего амурскаго дѣла. „Амуръ сталъ язвою Сибири“—восклицаетъ онъ торжественно, и глупая публика ему повѣрила. А между тѣмъ Завалишинъ, такъ долго жившій въ Забайкальскомъ краѣ, знаетъ лучше всякаго, что обращеніемъ 40,000 горнозаводскихъ крестьянъ въ казенное сословіе Муравьевъ извлекъ ихъ изъ худшаго и несчастнѣйшаго положенія, какое русское воображеніе себѣ представить можетъ, и что ихъ настоящее, въ сравненіи съ недавнимъ прошедшимъ, можетъ быть названо царствомъ небеснымъ. Онъ знаетъ, что, кромѣ всѣхъ горно-заводскихъ притѣсненій и разореній, они были еще отданы горнымъ начальствомъ на окончательное высасываніе нѣсколькимъ купеческимъ домамъ, которые, подобно жидамъ въ Бѣлоруссіи, опутали ихъ долгами и держатъ ихъ у себя въ крѣпостной зависимости, и что первою муравьевскою мѣрою было гракховское освобожденіе ихъ отъ этихъ неоплатныхъ долговъ и отъ мошенниковъ заимодавцевъ-купцовъ. Онъ знаетъ, что въ забайкальскомъ казачествѣ нѣтъ и тѣни примѣненія аракчеевской системы, что никто не вмѣшивается въ ихъ домашнюю жизнь и что дома они совершенно свободны, что они освобождены нынѣ отъ всѣхъ повинностей, что рекрутскій наборъ на каторжную подземную работу въ серебряныхъ рудникахъ замѣненъ обязательствомъ каждаго совершеннолѣтняго казака отъ 18 лѣтъ до 40-лѣтняго возраста являться одинъ годъ въ три года въ батальонъ на мѣстную службу, а горно-заводская барщина замѣнена рубкою лѣса для баржъ, постройкою баржъ на Ингодѣ и на Шилкѣ и сплавкою ихъ внизъ по Амуру, причемъ они получали, правда, небольшую плату—20 к. въ день, но они и этого не получали, когда были горными крестьянами, а несли работу несравненно тяг-

чайшую *). Прибавьте къ этому то, что, какъ горные крестьяне, они и дѣти ихъ обречены были на безнадежное, безвыходное рабство, въ то время какъ со времени ихъ обращенія въ казаковъ имъ всего предстояло 10 или много 15 лѣтъ, а теперь ужъ никакъ не болѣе 5 лѣтъ принужденной работы (теперь ужъ ей положенъ конецъ), послѣ чего, кромѣ военной повинности, они ужъ не будутъ нести никакой и вполнѣ будутъ наслаждаться своимъ, сравнительно съ казенными крестьянами, истинно льготнымъ положеніемъ, такъ что придется подумать и объ уничтоженіи самаго казачества, теперь еще необходимаго, вскорѣ совсѣмъ ненужнаго **). Муравьеву было безъ сомнѣнія пріятнѣе населить съ перваго раза Амуръ вольными поселенцами, да гдѣ жъ ихъ было взять? Въ старину лихіе казаки безъ спроса и даже безъ вѣдома начальства сами открыли, овладѣли Амуромъ, построили на немъ городъ Албазинъ. Съ тѣхъ поръ русскій народъ, связанный въ продолженіе вѣковъ, потерялъ всякую инициативу, всякую способность къ движенію; уничтоженіе нынѣшняго крѣпостного и полицейскаго порядка безъ сомнѣнія возвратитъ ему утраченную жизнь, но до тѣхъ поръ ждать было невозможно и за недостаткомъ народной инициативы должно было прибѣгнуть къ правительственной. Для занятія Амура, для учрежденія на немъ постояннаго сообщенія, для окончательнаго его присвоенія, надо было прибѣгнуть къ системѣ принужденной колонизаціи посредствомъ казаковъ. По требованію Муравьева, императоръ Николай отдалъ 40,000 своихъ крестьянъ и утвердилъ образованіе Забайкальскаго края. Отъ 1851 до 1854 года все время было употреблено на собраніе извѣстій объ Амурѣ, на устройство новаго края и на приготовленія къ амурской экспедиціи, которая была наконецъ разрѣшена,

*) Съ нынѣшняго года, чего я не зналъ, отмѣнена всякая принужденная работа, такъ что уже въ прошедшую осень всѣ работы производились наймомъ.

**) На дняхъ ушло представленіе въ Петербургъ о преобразованіи 12 батал. въ батальонное казачье управленіе, первый шагъ къ прекращенію казачьяго вѣдомства.

несмотря на противодѣйствіе всего Петербурга, въ 1854 году, благодаря разрыву съ Англіею, раздражить которую появленіемъ своимъ на Амурѣ мы пока боялись. Итакъ, 9 мая 1854 года состоялась первая экспедиція изъ 380 солдатъ и казаковъ внизъ по Амуру подъ предводительствомъ самого Муравьева. Въ Айгунѣ, китайской губернаторской резиденціи, немного пониже нынѣшняго Благовѣщенска и гдѣ была сосредоточена далеко превосходная военная сила, его хотѣли задержать, но онъ пробрался далѣе и черезъ Николаевскъ, Татарскій проливъ и Охотское море отправилъ 380 человѣкъ въ Камчатку довольно во-время, чтобъ отстоять ее противъ англичанъ, самъ же въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ черезъ Якутскую область вполовину на собакахъ, вполовину верхомъ. Въ 1855 году, въ концѣ апрѣля, онъ предпринялъ вторую экспедицію внизъ по Амуру уже съ 5,000 войска, съ угрозою пробился сквозь Айгунъ и когда англичане явились въ заливъ де-Кастри, они нашли его, по словамъ англійскаго корреспондента „Times“, hérissé d'hommes et de canons. Въ этомъ же году перевезено внизъ по Амуру первое вольное населеніе, занявшее оба берега Амура близъ Николаевска. Въ 1856 году состоялся несчастный обратный походъ 1,300 человѣкъ войска изъ Николаевска въ Забайкалье, причемъ въ самомъ дѣлѣ отъ голода, холода и болѣзней погибло около 300 человѣкъ. Я знаю, этотъ фактъ былъ сильно раскритикованъ въ „Колоколѣ“, но, любезные друзья, гдѣ жъ справедливость? И развѣ вы не знаете, сколько англичанъ погибло въ Афганистанѣ и сѣверныхъ американцевъ въ военныхъ экспедиціяхъ въ западныхъ равнинахъ и по Скалистымъ горамъ? Что жъ касается до несправедливой награды главнаго виновника этой катастрофы маіора Обмухова, то это явная клевета, ибо онъ и теперь живетъ въ полной немилости и горько жалуется на свою судьбу въ Иркутскѣ. Съ 1857 года началась регулярная колонизація Амура казаками. Первыя поселенія были безъ сомнѣнія невольныя, это была необходимая жертва, принесенная амурскому дѣлу, и жертва

гораздо болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Принимаются, во-первыхъ, всевозможныя мѣры, чтобы переселенцы были доставлены цѣлы и невредимы со всѣмъ имуществомъ на мѣсто своего назначенія, и всѣ предпринятыя до сихъ поръ переселенія были, за весьма рѣдкими исключеніями, удачны. Безъ административныхъ ошибокъ и сопряженныхъ съ ними частныхъ страданій, при недостаточной степени образованія, умѣнья и добросовѣстности въ русскихъ исполнителяхъ вообще такое трудное дѣло, каково населеніе новаго, совершенно пустыннаго края, разумѣется, обойтись не можетъ; но этихъ ошибокъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ даже внутри Россіи, при переселеніи народа изъ одной губерніи въ другую, было очень, очень мало, и эти страданія никакъ ужъ не могутъ идти въ уровень съ тѣмъ, что переносили сѣверо-американскіе колонисты, поселявшіеся на болотистыхъ берегахъ Миссисипи и Арканзаса. Амурскіе казаки поселены на мѣстахъ привольныхъ, здоровыхъ, изумительно плодородныхъ. Въ доказательство здороваго климата приведу только одно обстоятельство: относительная смертность на Амурѣ менѣе, чѣмъ въ самомъ Забайкальѣ, менѣе, чѣмъ въ Иркутской губерніи. Правда, что въ первый годъ поселенія нѣкоторыя мѣста оказались не совсѣмъ здоровыми для скота, въ иныхъ падали кони, въ другихъ слѣпли бараны, въ третьихъ телята родились безъ шерсти, — но всѣ эти странности, въ которыхъ извѣстная сибирская и еще болѣе извѣстная забайкальская лѣнь и распущенность принимали участіе не малое, — слава Богу, кончились съ первымъ годомъ, скотъ скоро освоился съ Амуромъ, а люди живутъ на немъ припѣваючи; да иначе и быть не могло; обезпеченные полнымъ двухгодовымъ содержаніемъ, т. е. мукою, мясомъ, солью, крупою и спиртомъ, даже кирпичнымъ чаемъ, безъ котораго сибирякъ жить не можетъ, равно какъ и всѣми необходимыми инструментами для земледѣлія и для постройки домовъ — все это выдаетъ имъ казна безвозмездно — они безъ всякой заботы о будущей зимѣ и даже и цѣломъ будущемъ годѣ могли въ одно лѣто поставить себѣ дома и приготовить землю для пашни,

такъ что на будущій годъ, еще вполнѣ обезпеченный имъ правительствомъ, они могли бы даже продовольствовать сами себя, еслибъ не сибирская лѣнь и не казачья безпечность. И несмотря на эту лѣнь и на эту безпечность, большая часть казачьихъ поселеній производятъ ужъ такъ много хлѣба, что могутъ удѣлить часть на торговлю. Прибавьте къ тому, что всѣ амурскіе казаки навсегда избавлены отъ всѣхъ податей и сборовъ и на два года со времени поселенія и отъ всякой службы. Казаки для населенія Амура назначаются по жребію; впрочемъ, имъ предоставлено право поставить за себя охотниковъ, что имъ обходится каждый годъ дешевле, ибо число охотниковъ на Амуръ увеличивается съ каждымъ годомъ, — опять доказательство, что на Амурѣ жить не худо. Такимъ образомъ, отъ 1857 по 1861 годъ будетъ населено казаками на Амурѣ до 60, а на Уссури 33 пунктовъ, всего 3,200 казачьихъ семействъ, около 15,000 мужскихъ и женскихъ душъ. Въ 1861 году отправится послѣдняя казачья колонія, состоящая изъ 600 семействъ и 3,000 душъ. Тѣмъ окончится для забайкальскихъ казаковъ жертва людьми, жертва, которая оказывается уже на второй годъ благоденствіемъ для новыхъ поселенцевъ. Теперь остановимся на минуту и посмотримъ, что сдѣлалъ Муравьевъ отъ 1854 года, со времени первой экспедиціи на Амуръ, до 1859 года включительно: онъ сдѣлалъ лично двѣ экспедиціи, благодаря которымъ онъ могъ отстоять Камчатку и заливъ де-Кастри противъ англичанъ. Я позабылъ сказать, что въ 1855 году, когда флотилія графа Путятина удалось скрыться въ устьѣ Амура отъ преслѣдованія англичанъ и французовъ, блокировавшихъ и устье Амура, и весь Татарскій заливъ, Муравьевъ, которому было необходимо вернуться въ Иркутскъ, успѣлъ, со счастьемъ, ознаменовавшимъ большую часть его предпріятій, пробраться на зафрахтованномъ американскомъ суднѣ сквозь весь англійскій флотъ, благодаря туманамъ и своей истинно геройской смѣлости, въ Аянъ, а оттуда равно какъ и въ первый разъ возвратился въ Иркутскъ черезъ Якутскую область верхомъ, на собакахъ, на оленяхъ и

только послѣднія 1,500 верстъ въ возкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ почти каждый годъ предпринималъ поѣздки на Амуръ. Въ 1857 году провожалъ внизъ по Амуру графа Путятина, въ 1858 заключилъ Айгунскій трактатъ, въ силу котораго Китай уступаетъ намъ весь лѣвый берегъ Амура, оставляя себѣ правый берегъ до впаденія въ Амуръ рѣки Уссури, правый же берегъ Амура отъ Уссури до Тихаго океана оставляетъ въ неопредѣленности до будущаго разграниченія, что мы растолковали такъ, что фактически заняли весь Уссурійскій край, — цѣлое царство и благодатное царство, — отъ Амура на сѣверѣ до Кореи на югѣ. Въ 1859 году Муравьевъ отправился изъ Николаевска въ Печелійскій заливъ, а оттуда въ Японію, съ которою у него идутъ переговоры объ островѣ Сахалинѣ, южную часть котораго гр. Путятинъ, трактатомъ заключеннымъ съ ними въ 1857 году, уступилъ имъ безъ всякой надобности, даже безъ всякаго требованія съ ихъ стороны. Переговоры опять окончились фактомъ, т. е. занятіемъ всего Сахалина двумя или тремя ротами. Вотъ вамъ, милые друзья, самыя вѣрныя подробности объ амурскомъ дѣлѣ; и когда подумаешь что такое громадное дѣло, каково присвоеніе огромнаго края и первое населеніе какихъ-нибудь 4,000 верстъ, совершенное въ продолженіе 6 лѣтъ отъ 1854 по 1859 годъ включительно,—населеніе степей и лѣсовъ, чрезвычайно богатыхъ въ возможности, но въ дѣйствительности еще совершенно пустынныхъ, администрація вновь пріобрѣтеннаго края, его продовольствіе, всѣ дипломатическія и чрезвычайныя издержки, постройка баржъ, сооруженіе и содержаніе пароходовъ, всѣ сплавы, военныя экспедиціи, не исключая даже защиты нашихъ береговъ на Тихомъ океанѣ противъ англичанъ и французовъ, — когда подумаешь что на все это издержано до 1859 года включительно не болѣе 540,000 р. сер., взятыхъ даже не у министра финансовъ, а изъ экономическихъ суммъ управленія Восточной Сибирью, — тогда, не правда ли, друзья, скажешь невольно, что другого такого примѣра нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ нашей исторіи. Не уменьшая славы Барятинскаго, покорителя Кавказа, знаете ли,

сколько употреблено имъ денегъ отъ 1856 года, со времени его назначенія, до 1859 года включительно, денегъ, взятыхъ прямо изъ государственнаго казначейства? — Около 28 милліоновъ рублей сер. Сравните и произнесите свой судъ. Но, говоритъ Завалишинъ, „не казна, а Забайкальскій край поплатился за Амуръ, онъ разоренъ, онъ погибаетъ“. Но это увѣреніе, ни на чемъ не основанное, странно противорѣчитъ факту всѣмъ извѣстному, кто только былъ въ Забайкальѣ, а именно значительному умноженію производимаго хлѣба, скота и привозимыхъ въ Забайкалье потребляемыхъ товаровъ. Прежде некуда было дѣвать хлѣба, а теперь онъ въ огромныхъ количествахъ покупается казною для Амура; прежде руки оставались безъ работы, а теперь въ лѣтнее рабочее время плохой работникъ можетъ заработать рубль сер. и болѣе въ день. Прежде продуктовъ было довольно, но денегъ не было совсѣмъ въ Забайкальи, а теперь въ немъ обращаются ежегодно значительныя суммы, такъ что вы найдете деньги въ каждой деревнѣ. Кромѣ продовольствія Амура въ Забайкальѣ ежегодно закупается снабженіе всѣхъ судовъ въ Тихомъ океанѣ. Прежде забайкальскія женщины ходили въ грубомъ полотнѣ, а теперь одѣваются нерѣдко понѣмецки ситцевыми и шелковыми матеріями. Прежде Забайкалье по откупу считалось самою бѣдною областью, а теперь оно стало выше Иркутской губерніи, — вѣрный признакъ, что народъ богатѣетъ, потому что къ несчастью во всемъ русскомъ царствѣ, гдѣ только существуетъ откупная система, всѣ лишнія и даже не лишнія деньги народа идутъ въ кабаки. Нѣтъ сомнѣнія, что Забайкалье принесло жертвы Амуру, но эти жертвы не истощили, а только расшевелили его и будутъ возвращены ему съ лихвою въ самое скорое время. Теперь уже оживляется оно каждое лѣто все возрастающимъ движеніемъ на Амуръ и обратно, съ каждымъ годомъ появляются вновь фабрики и заводы мясосольные, мыльные, свѣчные, кожевенные, стеклянные, о которыхъ прежде не было и въ поминѣ, и скоро придетъ время, когда въ голодные годы, періодически возвращающіеся въ Забайкальскомъ краѣ черезъ нѣсколько лѣтъ вслѣд-

ствіе засухи, онъ будетъ получать на свое хлѣбное продовольствіе съ Амура. Теперь скажу нѣсколько словъ о предположеніяхъ Муравьева касательно окончательнаго заселенія Амура. Какіе нибудь 8—10 тысячъ казаковъ не могутъ его наполнить и устройство казачьихъ станицъ не могло имѣть другой цѣли, какъ необходимое очищеніе мѣста и дороги для будущаго серьезнаго населенія. Въ 1858 году Муравьевъ подалъ проектъ заселенія Амура, основанный на слѣдующихъ началахъ: во-первыхъ, на Амуръ вызывались люди всѣхъ сословій, преимущественно же крестьяне казенные, удѣльные или помѣщичьи съ тѣмъ условіемъ, что лишь только кто изъ нихъ объявитъ желаніе переселиться на Амуръ, онъ немедленно освобождается отъ всѣхъ обязательствъ и повинностей и становится вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Переселяться онъ долженъ на свой собственный счетъ (на путь ссуда изъ особыхъ капиталовъ и хлѣбныхъ магазиновъ); на Амурѣ ему дается земля на 20 лѣтъ въ полное владѣніе, съ освобожденіемъ его на это время отъ всякихъ сборовъ, службъ и повинностей. Цѣлыя общины получаютъ землю въ вѣчное владѣніе, но не въ собственность, право которой исключительно предоставлено государству. Когда Муравьевъ писалъ свой проектъ, онъ былъ еще рѣшительнымъ врагомъ собственности и говорилъ: je ne suis pas encore certain que la propriété ne soit un vol. Въ этомъ году онъ уступилъ явной необходимости и скрѣпя сердце согласился на признаніе правъ собственности на Амурѣ, предоставляя каждому покупать, сколько ему будетъ угодно, земли по 10 руб. сер. за десятину; лицамъ же или общинамъ, которыя захотятъ пользоваться землею на правахъ владѣнія, предоставить ее на 20 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи оныхъ они сохранили право первыхъ покупателей, при чемъ въ первыя 20 лѣтъ поселенцы освобождаются отъ всякихъ повинностей. Не знаю, какова будетъ судьба этого проекта, но первый былъ отвергнутъ въ сибирскомъ комитетѣ и первымъ его противникомъ былъ министръ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ Муравьевъ вѣшающій. Взамѣнъ

его, согласившись съ министромъ финансовъ, предложилъ слѣдующее: государство ежегодно жертвуетъ 100,000 р. на которые около 300 семействъ изъ крестьянъ государств. имуществъ будутъ ежегодно переселяться на Амуръ, не по собственному желанію, а по назначенію министра. Многія крестьянскія общины въ разныхъ губерніяхъ вызывались охотно къ переселенію, но получили отъ министра отказъ, равно какъ 1,000 меноннитскихъ семей изъ Саратовской губерніи, которые въ 1959 году посылали уже депутатовъ на Амуръ съ порученіемъ осмотрѣть и выбрать землю. Только сибирскимъ крестьянамъ предоставлено право вольнаго переселенія, но сибирскимъ крестьянамъ и въ Сибири привольно. Такъ называемыя вольныя переселенія государственныхъ крестьянъ, назначаемыхъ министромъ, начались только съ нынѣшняго года; ихъ переселено въ лѣто 230 семей, около 1,600 душъ. Кромѣ того высочайше назначены для переселенія въ Восточную Сибирь 12,000 штрафныхъ солдатъ съ женами и безъ оныхъ, изъ которыхъ прибыло по сіе время въ Восточную Сибирь 8,000 человѣкъ; поселены въ Байкальской области 6,000 взамѣнъ отбывшихъ казаковъ и до 2,000 на Амурѣ. Прибавьте къ этому около 900 человѣкъ каторжныхъ, освобожденныхъ Муравьевымъ изъ разныхъ казенныхъ заводовъ, и вы будете имѣть приблизительно вѣрный счетъ нынѣшняго амурскаго и уссурійскаго населенія. Безъ регулярныхъ войскъ около , а съ ними около душъ *). Замѣчательно, что штрафные ведутъ себя отличнымъ образомъ на Амурѣ, что въ станицахъ, между которыми они распредѣлены, нѣтъ ни большого воровства, ни грабежа, ни разбоя, доказательство, что ихъ никто не притѣсняетъ, что имъ жить привольно и хорошо; доброе ихъ поведеніе должно также отчасти приписать совершенному отсутствію кабаковъ на Амурѣ, откуда, по высочайше утвержденному предложенію Муравьева, откупъ исключенъ на вѣчныя времена. Правда, что амурскіе жители, а именно сосѣдніе къ манджурскимъ дерев-

*) Пропуски въ подлинникѣ. М. Др.

нямъ, напиваются нерѣдко манджурскою водкою, но не въ водкѣ главная сила, а въ кабакахъ, которые систематически развиваютъ пьянство въ народѣ. По этому случаю, для того, чтобъ еще лучше выяснить вамъ направленіе Муравьева, посылаю вамъ статью объ откупѣ, перепечатанную въ 1859 году „Русскимъ Вѣстникомъ“ изъ „Иркутскихъ Вѣдомостей“, статью, написанную политическимъ преступникомъ Спѣшневымъ подъ диктовку Муравьева, по слѣдующему случаю: Бенардаки, держащій откупъ всей Восточной Сибири, попытался было распространить его и на Амуръ, но обжегся и какъ громомъ былъ пораженъ печатнымъ словомъ Муравьева. А должно вамъ сказать, что рѣдко кто такъ хорошо, ясно, сжато и энергически пишетъ, какъ онъ. Его слогъ человѣка дѣйствующаго, а не литератора. Въ предположеніяхъ Муравьева главною заманкою на Амуръ будетъ свобода, особенно же религіозная свобода. Муравьевъ, натура революціонная, какъ диктаторъ, можетъ жертвовать иногда частнымъ благомъ и даже частною волею для общаго блага и для общей свободы. Но онъ и по инстинкту, и по убѣжденію отъявленный врагъ всякаго притѣсненія; il a la religion de l'humanité, du mouvement historique des peuples, une religion à laquelle pour votre part vous avez renoncé comme à toutes les autres, — mais il n'en a pas d'autre — il est plutôt athée que chrétien, et il professe et il exige en fait de religions et d'opinions une tollérance absolue. Вслѣдствіе этого онъ первый другъ и покровитель раскольниковъ противъ всѣхъ поповскихъ и земскихъ притѣсненій и надѣется, что полная свобода вѣрованій на Амурѣ притянетъ туда много раскольниковъ, а раскольники самый полезный, дѣятельный и богатый народъ въ Сибири. Этимъ покончу свою болтовню объ Амурѣ. Для пополненія свѣдѣній прилагаю статью Антонова (политич. преступ., поляка Вебера) въ „Иркутскихъ Вѣдомостяхъ“, весьма дѣльную, составленную съ большимъ знаніемъ дѣла, хотя и плохо написанную; да еще статью Карпова (въ газетѣ „Амуръ“), написанную слишкомъ ругательно, но тѣмъ не менѣе интересную для характеир-

стики Завалишина, — и наконецъ, печатныя свѣдѣнія о движеніи пароходства и торговли на Амурѣ за нынѣшній годъ, при чемъ замѣчу, что Муравьевъ безусловный поборникъ торговой, какъ и всякой другой свободы, всѣми силами поощрялъ начинанія американцевъ и вообще иностранцевъ на Амурѣ, что сильно не нравится сибирскому купечеству. — Прилагаю вамъ также въ подарокъ карту вновь пріобрѣтеннаго края.

2-ою заслугою Муравьева должно признать его обращеніе съ декабристами и вообще съ политическими преступниками, поляками и русскими. Должно отдать справедливость Сибири, при всѣхъ недостаткахъ, укоренившихся въ ней отъ постояннаго наплыва разныхъ, часто весьма не чистыхъ элементовъ, какъ-то: безчестья, эгоизма, скрытности, взаимнаго недовѣрія, она отличается какою-то особенною широтою сердца и мысли, истиннымъ великодушіемъ въ отношеніи къ политическимъ и даже ко всѣмъ преступникамъ. Въ сибирякѣ нѣтъ предразсудковъ, онъ не грѣшитъ ни чрезмѣрнымъ любопытствомъ, ни излишнею деликатностью, ни злопамятствомъ, и отъ всякаго сосланнаго, что бы онъ ни сдѣлалъ въ Россіи, зависитъ честнымъ и главное умнымъ поведеніемъ поставить себя на почетную ногу. Сибиряки, народъ умный, дураковъ не терпятъ и прощаютъ скорѣе подлость, чѣмъ глупость. Подлостью, злостью и какою бы то ни было нравственною мерзостью сибиряка не удивишь, онъ такъ много видалъ ихъ въ своей жизни. Но политическіе преступники еще съ давнихъ временъ, я думаю, со временъ Меньшикова и Миниха, пользуются особымъ почетомъ въ Сибири. Не мало къ тому способствовало, въ послѣднее время, благородное вліяніе декабристовъ, такъ высоко себя поставившихъ въ Сибири, равно какъ и не менѣе благородное вліяніе польскихъ политическихъ преступниковъ, еще въ гораздо большемъ количествѣ разбросанныхъ по сибирскимъ пустынямъ. Такое общее расположеніе сибиряковъ къ политическимъ и государственнымъ преступникамъ не могло остаться безъ вліянія и на начальство; случались, правда, довольно часто разныя офиціальныя мерзости, — вѣдь русское на-

чальство, еще болѣе вороватое въ Сибири, чѣмъ въ самой Россіи, не можетъ же измѣнить своему коренному характеру,—но вообще должно сказать, что рѣдко когда соблюдаются во всей строгости предписанія драконо-русскаго закона въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ и каторжнымъ. Болѣе всего страдали они отъ произвола, капризовъ, привязокъ мѣстныхъ начальниковъ. Нерѣдко произволъ этотъ доходилъ до оскорбленія и до жестокости. Такъ напр. какой-то плацъ-маіоръ омской крѣпости, котораго я позабылъ фамилію и который судится еще до сихъ поръ въ Тобольскѣ, поступалъ самымъ оскорбительнымъ и жестокимъ образомъ съ поляками, содержимыми тамъ на работахъ, билъ ихъ палками и заставлялъ при страшныхъ морозахъ чистить нужники. Не знаю я такихъ примѣровъ въ Восточной Сибири, но случались и здѣсь очень нехорошія вещи. Главная заслуга Муравьева состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онъ поставилъ политическихъ преступниковъ въ совершенную независимость отъ какихъ бы то ни было начальниковъ, такъ что было опаснымъ не только обидѣть, но даже поссориться съ политическимъ преступникомъ. Муравьевъ по принципу и по расчету бралъ почти всегда сторону послѣдняго, что въ частности могло иногда оказаться неудобнымъ, несправедливымъ, въ цѣломъ же, для достиженія его цѣли, а именно для возвышенія положенія политическихъ преступниковъ въ Сибири, было необходимо. Онъ не пропустилъ ни одного случая, чтобъ поднять ихъ въ общественномъ мнѣніи; имъ, полякамъ и русскимъ, особенно же декабристамъ, онъ расточалъ постоянно самое деликатное вниманіе, всѣ любезности свои и всѣ признаки глубочайшаго уваженія. И это въ 1848 году, при Николаѣ, когда николаевская свирѣпая изступленность доходила до послѣднихъ границъ. Мало того, что онъ значительно облегчилъ участь каждаго, исполнялъ сколько было возможно и даже когда было невозможно желаніе каждаго, въ противность строжайшимъ предписаніямъ, позволялъ имъ жить, гдѣ хотѣли, ходить, куда хотѣли, въ Восточной Сибири и заниматься, чѣмъ хотѣли,—онъ ихъ приблизилъ къ себѣ, сталъ при-

нимать ихъ у себя, какъ самыхъ почетныхъ гостей, посѣщать ихъ, какъ самыхъ близкихъ друзей. Послушайте, что говоритъ масса поляковъ, воротившихся недавно изъ Восточной Сибири на родину, благодаря его же широкому, возможному и невозможному примѣненію кривой и хромой, истинно нѣмецкой императорской амнистіи. Они единогласно благословляютъ его и говорятъ, что онъ помирилъ ихъ и съ русскими, и съ фамиліею Муравьева. Спросите у живыхъ декабристовъ, кромѣ Завалишина и Раевскаго. Всѣ были и остаются друзьями, приверженцами, почитателями Муравьева. Кстати поговоримъ о политическихъ преступникахъ—врагахъ Муравьева: о Завалишинѣ, Раевскомъ, Петрашевскомъ и Львовѣ; другихъ я не знаю, развѣ присоединить къ нимъ полу-политическаго жидка Розенталя, и то только потому, что онъ также какъ Петрашевскій и Завалишинъ пишетъ читанные нами здѣсь доносы въ 3-е отдѣленіе,—а можетъ быть, богъ васъ знаетъ! корреспондируетъ и съ „Колоколомъ“ *) — A tout seigneur tout honeur, начну съ Завалишина.

Когда меня отправляли изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Западную Сибирь, въ 1857 году, я прожилъ почти недѣлю въ 3-мъ отдѣленіи. Туда приходилъ ко мнѣ всякій день братъ Алексѣй, пріѣхавшій нарочно и жившій въ домѣ нашихъ семейныхъ друзей, у Кущиныхъ. Тутъ онъ познакомился и сблизился съ только-что возвратившимся изъ Сибири декабристомъ И. И. Пущинымъ. Иванъ Ивановичъ послалъ мнѣ черезъ брата свое благословеніе и между другими мѣстными рекомендаціями заповѣдывалъ мнѣ не знакомиться съ Дмитріемъ Завалишинымъ, ни съ братомъ его; второй отъявленный доносчикъ, даже на брата; а первый также доносчикъ, только дѣйствующій болѣе искусно и тайно, повредившій всѣмъ много своими двусмысленными рѣчами при допросахъ и бывшій потомъ въ Петровскомъ замкѣ, равно какъ и все время

*) Полякъ Розенталь—не полу, а цѣликомъ политическій преступникъ, такъ какъ онъ сосланъ былъ за попытку присоединиться къ крестьянскому движенію въ Кіевской губ. въ 1855 г. М. Др.

поселенія въ Сибири, язвою для всѣхъ декабристовъ. То же самое повторили мнѣ въ Сибири Басаргинъ, Фаленбергъ, Пожіо, Бесчастный, М. А. Бестужевъ и Кюхельбекеръ. То же самое услышалъ я отъ большинства и отъ лучшихъ поляковъ, знавшихъ Завалишина за Байкаломъ. Всѣ единогласно описывали его какъ человѣка желчно-самолюбиваго, завистливаго, злого, не останавливающагося для достиженія своекорыстныхъ или самолюбивыхъ цѣлей ни передъ ложью, ни передъ клеветою. Отъ декабристовъ въ Иркутскѣ я узналъ слѣдующій любезный фактикъ: въ Петровскомъ замкѣ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ язвою для товарищей. Вы знаете, какъ дружно и свято жили тамъ декабристы; это была, можетъ быть, самая лучшая эпоха ихъ жизни, эпоха, въ которой, очищенные страданіемъ, чувствомъ великой отвѣтственности, взятой ими на себя передъ цѣлой Россіей, они, можетъ быть, впервые возвысились до нравственнаго сознанія своего подвига; потомъ, по выпускѣ ихъ изъ Петровскаго замка, обыденная россійская пошлость взяла свое, разъединенная жизнь безъ дѣла и безъ цѣли въ пошлой обстановкѣ, мелкія нужды, мелкія страсти спустили многихъ далеко ниже Петровскаго діапазона; на этой высотѣ немногіе вполнѣ удержались, но въ Петровскомъ замкѣ всѣ были равно велики и святы, всѣ были равны: и умные и глупые, и образованные и невѣжи, и бѣдные и богатые. Они братски другъ съ другомъ дѣлились всѣмъ: и мысли, и чувства, и матеріальныя средства, все было общее между ними. Въ этой святой дружной семьѣ завелась одна паршивая овца: Димитрій Иринарховичъ Завалишинъ. Онъ всѣмъ завидовалъ и всѣхъ равно ненавидѣлъ. Онъ сплетничалъ, наговаривалъ и старался ссорить ихъ между собою. Онъ доносилъ, клеветалъ на всѣхъ доброму коменданту Липарскому и за то, что покойникъ его не слушалъ, онъ до сихъ поръ его ненавидитъ. Я самъ слышалъ, съ какимъ презрѣніемъ онъ о немъ отзывается и какъ ругаетъ благороднаго старика, память котораго благословляется всѣми декабристами. Наконецъ злость Завалишина доходила иногда до того, что не зная, чѣмъ отомстить досадившему ему товарищу, онъ

зимою въ 30 и болѣе градусовъ мороза выбивалъ у него мѣтко брошеннымъ камешкомъ стекла, что становилось тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что не только въ Петровскомъ замкѣ, но даже въ самомъ Иркутскѣ часто бываетъ трудно, а иногда и просто невозможно замѣнить разбитое стекло, такъ что наказанный долженъ былъ замазываться отъ мороза бумагою. Въ іюнѣ 1859 года, я лично познакомился съ Завалишинымъ въ Читѣ. Вообразите себѣ небольшого, сухенькаго, черненькаго, необыкновенно подвижного старичка, замѣчательнымъ образомъ сохранившагося, еще одареннаго рѣдкою, всеобнимающею памятью и краснорѣчіемъ замѣчательными. Онъ говоритъ или лучше сказать кричитъ безъ умолку и всегда одинъ,—терпѣть не можетъ, когда говорятъ другіе. Голосъ его, визгливый и пронзительный, оглушитъ самое крѣпкое ухо. Онъ много читалъ, много замѣтилъ въ жизни, читаетъ и работаетъ много теперь, несмотря на свои 60 или 65 лѣтъ, и умѣетъ кстати припомнить прочитанное. Умъ у него отъ природы быстрый, находчивый, гибкій, теперь ужъ значительно постарѣлъ и какъ будто окаменѣлъ, онъ какъ будто весь истощился, безпрестанно повторяетъ себя и теряется въ стереотипныхъ фразахъ и изреченіяхъ; начинаетъ забалтываться и теряться въ мелочахъ какъ старая баба. Черезъ годъ или два и слѣда его не останется. Двѣ страсти поддерживаютъ и оживляютъ теперь его дряхлѣющую старость: гигантское самолюбіе, доходящее часто до ребячества, и въ самомъ дѣлѣ непомѣрная злость. Теперь вся эта злость обратилась противъ Муравьева. Отнимите вы у него ненависть къ Муравьеву и онъ умретъ завтра же. Когда жъ расходится его самолюбіе, то, право, слушаешь его съ удивленіемъ: „онъ первый внушилъ Муравьеву мысль о присвоеніи Амура и научилъ его какъ приступить къ дѣлу; пока Муравьевъ его слушалъ, все шло отлично; и все испортилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ дѣйствовать на перекоръ ему.—Не англичане и не французы, онъ первый возымѣлъ мысль объ электрическомъ телеграфѣ. Онъ, Завалишинъ, одинъ былъ душою, силою, мыслью декабрьскаго заговора,—всѣ же осталь-

ные были или честолюбцы безъ совѣсти безъ таланта, безъ воли, или дѣти, или просто невѣжи и дураки. Пестель былъ умный честолюбецъ, безъ способности къ дѣйствію, просто трусъ; Муравьевъ-Апостолъ человѣкъ энергическій, но безъ головы; Рылѣевъ поэтъ-фантазеръ безъ твердости и безъ смысла. Но это еще ничего, къ повѣшеннымъ декабристамъ онъ, какъ видите, еще довольно милостивъ, и все негодованіе и презрѣніе свое преимущественно расточаетъ товарищамъ петровскаго заключенія. Въ этомъ отношеніи онъ сходится, какъ и во многихъ другихъ, съ Владиміромъ Ѳедосѣевичемъ Раевскимъ, который, въ отмщеніе того, что декабристы рекомендовали его Муравьеву какъ нечистаго человѣка, не иначе называетъ ихъ какъ „вифлеемскими побіенными младенцами“. Года два или три тому назадъ Раевскій и Завалишинъ были еще врагами, теперь, благодаря общей ненависти къ Муравьеву, они стали друзьями. Но откуда жъ эта непримиримая, до сумасшествія доходящая ненависть Завалишина къ Муравьеву? Онъ былъ жестоко оскорбленъ имъ и въ самолюбіи, и въ карманѣ, а то и другое въ немъ равно чувствительны. Факты, которые я изложу вамъ теперь, развѣданы мною на мѣстѣ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ,—и я ручаюсь вамъ за нихъ честнымъ словомъ. Муравьевъ въ первый разъ посѣтилъ Читу въ 1848 году; она была еще тогда простымъ горнозаводскимъ селомъ, въ ней былъ поселенъ Завалишинъ. Муравьевъ обошелся съ нимъ съ тѣмъ симпатическимъ, уваженіемъ, какое онъ оказывалъ всѣмъ декабристамъ нашелъ въ немъ человѣка умнаго и способнаго, тѣмъ болѣе для него интереснаго, что Завалишинъ зналъ хорошо Забайкальскій край, столь важный для его амурскаго предпріятія, и, кромѣ того, какъ морской офицеръ, сдѣлалъ въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ подъ командою Крузенштерна кругосвѣтное путешествіе, плавалъ по Тихому океану и написалъ даже проектъ о присоединеніи Калифорніи къ Россіи. Муравьевъ не любитъ секретничать, онъ не важничаетъ и не тѣшится игрою въ государственныя тайны. Весь занятый амурскимъ предпріятіемъ, онъ передалъ свои

предположенія Завалишину. Дмитрій Иринарховичъ ухватился за нихъ съ жаромъ, потому что увидѣлъ въ нихъ средство себя возвысить и сдѣлать себя, если не необходимымъ, по крайней мѣрѣ нужнымъ человѣкомъ. Муравьевъ, всегда готовый учиться, слушалъ его замѣчанія, основанныя на знаніи края, съ интересомъ. Итакъ, Муравьевъ и Завалишинъ были другъ другомъ довольны; все шло ладно. Въ 1851 году было приступленно къ образованію Забайкальскаго края и губернаторомъ новой области былъ назначенъ генералъ Запольскій, человѣкъ николаевскихъ временъ, не лишенный ума и практическихъ способностей, но еще болѣе хитрый, чѣмъ умный, съ широкою и весьма эластичною совѣстью, всегда готовою къ услугамъ генеральскаго честолюбія. Пріѣхавъ въ Сибирь, онъ увидѣлъ, какъ Муравьевъ отличилъ декабристовъ; въ Читѣ онъ замѣтилъ простыя довѣрчивыя отношенія, существовавшія между Завалишинымъ и генералъ-губернаторомъ. Этого было достаточно, чтобъ ограниченный, но ловкій генералъ, по природѣ, привычкамъ, понятіямъ своимъ болѣе способный гнать и давить, чѣмъ уважать декабристовъ,—этого было вполнѣ достаточно, чтобы онъ изъ николаевской собаки превратился въ отчаяннаго либерала и сдѣлался не только покровителемъ, но и страстнымъ поклонникомъ Завалишина; а Дмитрій Иринарховичъ человѣкъ не глупый, онъ сразу замѣтилъ главный недостатокъ новопріѣзжаго губернатора, недостатокъ общій почти всѣмъ русскимъ генераламъ: глупую надменность, самодовольствіе и дикое мелкое тщеславіе. Въ то время какъ Запольскій искалъ его дружбы, онъ сталъ безсовѣстно подличать, увиваться передъ Запольскимъ, сталъ громко восхищаться его умомъ, гуманностью, талантами. Для николаевскаго генерала положеніе совершенно новое и не лишенное прелести: не теряя ни одной кисточки изъ густыхъ эполетъ, быть вмѣстѣ и предметомъ восторга для декабриста. Они должны были сблизиться и сблизились. Завалишинъ довелъ свою угодливость до того, что con amore сдѣлался лейбъ-медикомъ, собесѣдникомъ, другомъ, лейбъ-полицмейстеромъ губернатора, его нераз-

лучнымъ лицомъ, онъ по праздникамъ въ церкви расталкивалъ передъ нимъ православный народъ и собственноручно подстилалъ коврикъ подъ драгоцѣнныя превосходительскія ножки. Ну, какъ не любить такого человѣка? И человѣкъ опасный, либералъ, Брутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, а вмѣстѣ и такъ почтителенъ и даже услужливъ, самъ подстилаетъ коврики. Столько преданности не могло остаться безъ вознагражденія, Завалишинъ сдѣлался всемогущимъ въ Читѣ, безъ него ничего не предпринималось и не дѣлалось; онъ раздавалъ льготы, мѣста, милость и гнѣвъ губернатора, и раздавалъ ихъ не даромъ, а за деньги, это положительно справедливо. Въ это время производилось преобразованіе Забайкальскаго края въ видахъ присвоенія Амура, преобразованіе, по необходимости быстрое, рѣшительное, поэтому не всегда согласное съ частными выгодами и даже съ частною справедливостью. Жертва частныхъ интересовъ въ пользу общаго дѣла, въ этомъ случаѣ дѣйствительно необходимая, была естественнымъ образомъ сопряжена со многими неудобствами, смягчить и сгладить которыя могла только гуманность исполнителей. Но исполнителемъ былъ здѣсь задорный, желчный, злопамятный и мстительный Завалишинъ, тогда не врагъ казачьей системы, но страстный приверженецъ и сотрудникъ con amore обращенія горно-заводскихъ крестьянъ въ казачье вѣдомство, а горно-заводскаго села Читы въ столицу всего Забайкалья. Выборъ Читы исключительно принадлежитъ Завалишину, онъ самъ мнѣ въ лицо этимъ хвастался, и по моему мнѣнію самый несчастный выборъ, въ чемъ начинаетъ теперь сознаваться вполовину и самъ Муравьевъ, утвердившій его тогда по нерасположенію къ горно-заводскому городу Нерчинску. Стрѣтенскъ сдѣлается безъ сомнѣнія въ непродолжительное время естественною столицею Забайкалья, какъ пунктъ, гдѣ прекращается серьезное пароходство на Шилкѣ, поэтому соединяющій Амуръ съ Забайкальемъ. Чита же, какъ искусственный городъ, держится теперь сосредоточенною въ ней администраціей и врядъ ли возживетъ когда собственными средствами. Нужно

было, но нужно ли въ самомъ дѣлѣ, право не знаю и до сихъ поръ въ этомъ сильно сомнѣваюсь, — нужно было выгнать изъ новаго губернскаго города новыхъ казаковъ, заставить ихъ продать дома, движимыя имущества, привлечь въ него мѣщанъ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Все это дѣло сосредоточилось въ рукахъ Завалишина и было поведено самымъ скверным, несправедливымъ, жестокимъ образомъ. Декабристъ Завалишинъ заважничался и зазнался, какъ самый пошлый русскій начальникъ. Alter Ego, другъ губернатора, довѣренный его задушевныхъ мыслей, онъ заставилъ дрожать передъ собою всѣхъ жителей Читы отъ чиновниковъ до послѣдняго казака, и горе тѣмъ, которые его обидѣли въ бывшія времена, когда онъ былъ еще безпомощнымъ поселенцемъ, горе тѣмъ, которые теперь не преклонялись передъ его могуществомъ. Передъ нимъ, полицмейстеромъ con amore, настоящій полицмейстеръ не смѣлъ надѣть шапки, а одного артилер. солдата, котораго я видѣлъ въ Читѣ, высѣкли, по приказанію Запольскаго, единственно только за то, что онъ не снялъ шапки передъ Завалишинымъ. Въ Парижѣ какъ-то Анненковъ меня увѣрялъ, что подкупность и взяточничество замѣняютъ въ Россіи конституцію, что безъ нихъ было бы невозможно жить въ Россіи;—въ этомъ смыслѣ и Завалишинъ былъ конституціоннымъ монархомъ; старые и новые грѣхи противъ него выкупались деньгами; въ это время процвѣтали его домашніе интересы, но за то все Забайкалье завыло и гулъ жалобъ достигъ наконецъ до слуха Муравьева. Николай Николаевичъ долго не принималъ ихъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ декабристъ, и къ тому же изъ умныхъ, могъ поступать такимъ образомъ. Наконецъ онъ долженъ былъ убѣдиться и, не желая явнымъ образомъ признавать вины декабриста, не желая гнать его изъ мѣста, въ которомъ у него былъ выстроенъ домъ, обзаведено разкородное хозяйство и гдѣ жило его семейство — Завалишинъ женился въ Читѣ—онъ рѣшился отстранить Запольскаго, подавшаго вслѣдствіе того въ отставку въ 1855 году. А Завалишину было объявлено подъ рукою, че-

резъ товарищей декабристовъ, впрочемъ прямо отъ имени Муравьева, чтобы онъ не шевелился и не смѣлъ отнынѣ принимать ни малѣйшаго прямого или косвеннаго участія въ дѣлахъ. Въ 1856 году Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, двоюродный братъ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова ученикъ, воспитанникъ Муравьева, нынѣ назначенный ему наслѣдовать во всей Восточной Сибири, молодой человѣкъ, умный, дѣятельный, благородный, хотя и далеко не такой орелъ, какъ Муравьевъ, вступивъ въ должность областного губернатора и атамана забайкальскихъ казаковъ, пріѣхалъ въ Читу. Въ это время бѣжалъ отъ Завалишина казакъ, произвольно отданный ему въ услуженіе генераломъ Запольскимъ. Завалишинъ нестерпимый деспотъ въ семействѣ; покойная жена его, разсказываютъ, умерла отъ страха, имъ наведеннаго, а сестры ея и вся прислуга ихъ дрожатъ отъ одного голоса Завалишина. Такимъ образомъ дрожалъ невольно въ продолженіе двухъ лѣтъ и несчастный казакъ, чуть не отданный въ крѣпостное состояніе. Лишь только Запольскій былъ удаленъ, казакъ бѣжалъ отъ Завалишина и первая бумага, полученная Корсаковымъ на новомъ мѣстѣ, содержала въ себѣ жалобу Завалишина на казака, отданнаго ему въ услуженіе Запольскимъ,— такъ говорилъ политическій преступникъ, безправный поселенецъ, либералъ Завалишинъ—и требованіе, чтобы его къ нему насильно возвратили. Разумѣется, что его не послушали, и казакъ, въ угоду Завалишину, не былъ лишенъ свободы. Я самъ читалъ эту просьбу Завалишина, хранящуюся подъ №-ромъ въ общемъ областномъ управленіи. Теперь понимаете вы, почему Завалишинъ ненавидитъ, этого мало, шипитъ злостью противъ Муравьева: онъ былъ возвращенъ имъ въ ничтожество. Но между тѣмъ не думайте, чтобы онъ съ тѣхъ поръ терпѣлъ какія-нибудь преслѣдованія. Еще разъ повторяю, Муравьевъ благороденъ, какъ рыцарь; личная месть не въ его характерѣ, тѣмъ менѣе еще мелочная месть противъ безпомощнаго, хотя и злого старика. Послѣ появленія его ядовитыхъ статей въ „Морскомъ Сборникѣ“, Корсаковъ отказалъ ему только

отъ дома; онъ свободно двигаетъ, обдѣлываетъ свои дѣла и громко кричитъ въ Читѣ, ругая Корсакова и Муравьева, имѣетъ даже тамъ свою партію отчасти изъ недовольныхъ геніевъ-недорослтковъ, отчасти изъ увлеченныхъ молодыхъ людей,—и даже до сихъ поръ, въ противность порядку, справедливости и законамъ, продолжаетъ пользоваться льготою, данною ему Запольскимъ, одинъ не вноситъ за свой домъ военно-постойной повинности. По моему мнѣнію, такое неправильное снисхожденіе есть уже слабость, я заставилъ бы его покориться общему закону. Разумѣется, онъ накричался бы, но мнѣ до этого не было бы дѣла. Однимъ словомъ, кто хочетъ узнать Завалишина, пусть поговоритъ съ читинскими мѣщанами, или пусть отправится за 30 верстъ въ станицу Атаманову, куда были насильственно переселены читинскіе казаки. Тамъ, кромѣ проклятій его имени, онъ ничего болѣе не услышитъ,— такъ умѣлъ дать имъ знать себя декабристъ, демократъ, либералъ Завалишинъ. Наконецъ для окончанія его портрета, прибавлю послѣднюю черту: онъ, равно какъ и Петрашевскій и Розенталь, находится теперь подъ спеціальнымъ покровительствомъ 3-го отдѣленія, которому, по словамъ самихъ князя Долгорукова и Тимашева, онъ еженедѣльно пишетъ доносы на все и на всѣхъ. Я самъ читалъ одинъ такой доносъ, писанный рукою и подписанный именемъ Завалишина,—разумѣется самый невинный,—присланный изъ 3-го отдѣленія въ Иркутскъ Муравьеву: въ немъ Завалишинъ жалуется, что высшее начальство пыталось поджечь его домъ въ Читѣ. Больше не прибавлю ни слова, перехожу къ товарищу его по уму и по злобѣ къ Муравьеву, Раевскому.

Вы вѣроятно знаете, что онъ былъ взятъ годъ или два передъ декабрьскою исторіей и, послѣ годового или двухгодового содержанія въ крѣпости, былъ осужденъ на вѣчное поселеніе въ Сибири, внѣ всякаго соприкосновенія съ декабристами,—такъ что декабристы даже до сихъ поръ не хотятъ признать его своимъ, въ противность Муравьеву, утверждающему, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ. Какъ бы то ни было, Муравьевъ нашелъ его въ полномъ раздорѣ

со всѣми декабристами и тщетно старался ихъ примирить. Они называли его просто на просто подлецомъ, а онъ ихъ „невинными“. Раевскій очень, очень умный человѣкъ и, въ противность Завалишину, онъ не педантъ-теоретикъ-догматикъ, нѣтъ, онъ одаренъ однимъ изъ тѣхъ, бойкихъ и мѣткихъ русскихъ умовъ, которые прямо бьютъ въ сердце предмета и называютъ вещи по имени. Онъ съ ногъ до головы практикъ, русскій дѣлецъ, счастливый во время оно, слишкомъ счастливый въ игрѣ, теперь нашедшій золотое дно въ откупныхъ дѣлахъ, человѣкъ въ жизни много видѣвшій, много испытавшій, много намотавшій на усъ, никогда нигдѣ не пропадающій, ничѣмъ не стѣсняющійся и вездѣ умѣющій отыскать свою пользу. Онъ циникъ въ душѣ, въ сущности ничѣмъ не увлекающійся, но разговоръ его остроумный, блестящій, ѣдкій, въ высшей степени увлекателенъ. Завалишинъ постарѣлъ, онъ нѣтъ, его и теперь заслушаться можно:

„Когда жъ о вольности святой онъ говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ и мы всѣ рыдаемъ“.

Разговоръ его, какъ человѣка умнаго, наблюдательнаго, вертѣвшагося въ высшихъ и низшихъ кружкахъ, полонъ чрезвычайно интересныхъ подробностей, обнимающихъ интересное время отъ 1812 по 1824 или 23-й годъ. Къ тому же онъ досконально знаетъ Сибирь, сибирскую торговлю, промыслы, отношенія, сибирское крестьянство, мѣщанство, купечество и чиновничество,— это самая живая и умная статистика Сибири. Такой человѣкъ, къ тому же ловкій, умѣющій поддѣлаться подъ всякій тонъ, долженъ былъ привлечь на себя вниманіе Муравьева, который приблизилъ его къ себѣ наперекоръ всѣмъ декабристамъ. Къ тому же въ Раевскомъ есть черта, рѣзко отдѣляющая его отъ послѣднихъ и весьма симпатичная для Муравьева: Раевскій по существу своему, какъ истый русскій человѣкъ, съ ногъ до головы демократъ, демократъ, правда, школы циничесой, но все-таки демократъ, если не по сердцу, исключительно принадлежащему къ ego-кратической

партіи, за то по уму, дѣльному, здоровому, не допускающему ни фикцій, ни жалкихъ примиреній, совершенно русскому уму. По всему образу мыслей онъ демократъ и соціалистъ quand même, хотя въ жизни, смотря по надобности и удобствамъ, онъ готовъ дѣйствовать и по всѣмъ другимъ направленіямъ. Того же нельзя сказать о большинствѣ декабристовъ; за весьма рѣдкими исключеніями они были и есть либералы, такъ что, при всемъ признаніи превосходства Пестеля, они и до сихъ поръ невольно косятся на него, какъ на пророка русской и даже славянской демократіи. Мало изъ нихъ перешло за границу барскаго либерализма и русскаго патріотизма. Въ тысячу разъ благороднѣе, чище, симпатичнѣе Раевскаго, большинство жившихъ въ Иркутскѣ декабристовъ далеко отстали отъ него умомъ, дѣльностью мыслей, принадлежа инстинктивно къ школѣ, которая почти исключительно преобладаетъ нынѣ въ русскихъ журналахъ. Муравьевъ страстный врагъ англійской системы, парламентаризма, конституціонализма, мысль о петербургской палатѣ лордовъ его пугаетъ, ему спать не даетъ—онъ страстный, непримиримый, рѣшительный демократъ. Вотъ что особенно сблизило его съ Раевскимъ. И должно признаться, что въ продолженіе многихъ лѣтъ Раевскій имѣлъ нехорошее вліяніе на Муравьева, заставилъ его сдѣлать много несправедливостей и ошибокъ. Когда Муравьевъ пріѣхалъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, ему было всего только 39 лѣтъ; въ Россіи, при бѣдности и медленности нашей жизни, теряющейся у лучшихъ людей большею частью въ теоріи, въ эти лѣта человѣкъ еще очень молодъ; молодъ и неопытенъ; къ тому же Муравьевъ человѣкъ страстный, онъ ощущалъ потребность въ умныхъ совѣтникахъ; онъ увлекся Раевскимъ, горячо вѣрилъ въ него и подъ этимъ вліяніемъ допустилъ себя до многихъ промаховъ. Теперь ужъ онъ совершенно не тотъ, теперь его надуть или увлечь очень, очень трудно. Теперь онъ въ свою очередь увлекаетъ людей, только къ добру, къ спасенію Россіи. Тогда было иначе, и вотъ въ продолженіе многихъ лѣтъ преобладало общее мнѣніе въ Сибири, что безъ со-

гласія Раевскаго Муравьевъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго шагу и кто не угодилъ Раевскому, тотъ ни мѣста получить (до сихъ поръ главный интересъ россійской публики), ни на мѣстѣ остаться не можетъ,—мнѣніе, разумѣется, слишкомъ преувеличенное, но все-таки не совсѣмъ лишенное основанія. Въ 1857 году, убѣдившись въ злости, своекорыстіи, глубокой безнравственности и безсовѣстности все ругающаго демократа Раевскаго, Муравьевъ окончательно сбросилъ его съ себя,—и съ тѣхъ поръ началась непримиримая злоба Раевскаго къ Муравьеву, и нѣтъ для меня сомнѣнія, что прямо или косвенно эта злоба отзывается въ вашемъ „Колоколѣ". Я позабылъ сказать, что еще въ 1856 году, когда составился списокъ политич. преступниковъ для амнистіи, списокъ, изъ котораго его император. величество собственноручно изволили вычеркнуть мое имя, — имя Раевскаго, какъ не декабриста и сосланнаго кромѣ всего за какія-то денежныя дѣла, въ спискѣ совсѣмъ не находилось, и что только по настоятельному требованію Муравьева его особымъ указомъ простили. — Теперь обращаюсь къ Петрашевскому.

Вы помните Головина? Ну Головинъ это пристойный, умный, совѣстливый Петрашевскій, а Петрашевскій циническій, безсовѣстный Головинъ на распашку. Только между ними есть разница: Головинъ авантюристъ и законникъ— аристократъ, истинный chevalier d'industrie, escroc et hableur de bonne maison, Петрашевскій такой же грязный сутяжникъ, какъ и онъ, такой же законникъ и авантюристъ, только подъ знаменемъ демократіи. Ему душно въ гостинной, и трактирная публика, составленная по преимуществу изъ потерянныхъ сынковъ de bonne maison, неудавшихся литераторовъ, артистовъ, администраторовъ, юристовъ, а также пожалуй изъ вольноотпущенныхъ или неотпущенныхъ лакеевъ, его среда, въ которой онъ купается съ такою же роскошью и также натурально, какъ свинья въ грязи. Это просто свинья съ человѣческою головою, циникъ по внутреннему призванію. А между тѣмъ замѣчательный человѣкъ,—онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ безпокойный, другъ движенія,

по какого движенія! Онъ далеко не революціонеръ, не открытый боецъ, на это онъ неспособенъ, онъ трусъ; и не смотря на трусость онъ не можетъ оставаться въ покоѣ; онъ интригуетъ, пакоститъ, ссоритъ, даже отваживается на опасныя вещи, по неизбѣжному внутреннему стремленію, которое въ немъ сильнѣе даже самаго страха. Онъ неизлечимый законникъ и готовъ поссорить братьевъ, самыхъ близкихъ людей для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Такимъ образомъ во всѣхъ деревняхъ, куда онъ былъ ссылаемъ, во всѣхъ маленькихъ городахъ, ему удавалось и до сихъ поръ удается перессорить всѣхъ жителей между собою. Ему есть дѣло до каждой грязной исторіи между лицами, ему совершенно незнакомыми, и онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не найдетъ въ ней для себя роли. Какъ истинный художникъ, помимо всѣхъ личныхъ видовъ, хотя онъ и далеко не пренебрегаетъ ими, онъ любитъ шумъ для шума, скандалъ для скандала, грязь для грязи. Этотъ человѣкъ злопамятенъ и мстителенъ до крайности, но ничѣмъ не оскорбляется. Уличите его во лжи, въ клеветѣ, назовите его въ глаза подлецомъ, поколотите его, онъ завтра же подастъ вамъ руку и будетъ увѣрять васъ въ своемъ уваженіи и въ своей симпатіи, если это только покажется ему нужнымъ. Мнѣ случилось имѣть съ нимъ такіе разговоры: Вы говорили это про меня?—„Говорилъ“.—Правда это?—„Нѣтъ.“—Зачѣмъ же вы говорили?—„Говорилъ, потому что это мнѣ было нужно, теперь болѣе не нужно, прибавляетъ онъ съ улыбкою, и обѣщаю вамъ, что говорить болѣе не стану, — ну что жъ, посердились, пора перестать“. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ еще такого отъявленнаго, безсовѣстнаго, откровеннаго циника. Онъ въ самомъ дѣлѣ не дюжинный человѣкъ. Если бъ у насъ была бы революція, онъ безъ сомнѣнія былъ бы маркизомъ de S-t. Hurugues первыхъ дней, такъ много въ немъ разныхъ талантовъ для увлеченія толпы, но въ первыхъ же дняхъ онъ пропалъ бы въ грязи, какъ и покойный S-t. Hurugues de bruyante et honteuse mémoire. Впрочемъ вся семья Петрашевскаго его достой-

на. Мать яростно ненавидитъ сына и вмѣстѣ съ дочерьми, его сестрами, пользуясь его политическимъ несчастнымъ положеніемъ, обобрали его до послѣдней нитки и ругаютъ его публично, безстыдно и безпощадно! Онъ, разумѣется, платитъ имъ тѣмъ же самымъ. Вы безъ сомнѣнія знаете, что онъ получилъ значительное наслѣдство отъ отца, воспитался въ царскосельскомъ лицеѣ, по выходѣ изъ него вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, изъ котораго долженъ былъ выйти, потому что не захотѣлъ разстаться со своею истинно великолѣпною бородою. Жилъ потомъ частнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ и занимался con amore своими и чужими тяжбами. Я думаю, не было присутственнаго мѣста, въ которомъ, а часто и противъ котораго онъ не имѣлъ бы дѣла. Въ Россіи, землѣ безправія, онъ помѣшался на правѣ. Но право праву рознь; есть общечеловѣческое право, которое вездѣ и всегда отстаивать должно, но горячиться изъ права, основаннаго на положительныхъ законахъ тамъ, гдѣ законы, по коренному закону, подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, по моему мнѣнію, также смѣшно и нелѣпо, какъ хлопотать о томъ, въ двухъ или въ одномъ видѣ должно принимать святое причастіе тамъ, гдѣ все христіанство должно выбросить за бортъ. Къ тому же сутяжная часть во всѣхъ странахъ, по преимуществу же въ Россіи, имѣетъ значительную темную, грязную сторону, отъ которой каждому, хоть немного порядочному человѣку, становится гадко. Эту-то сторону по преимуществу любилъ и любитъ Петрашевскій, который, ни во что не ставя ни свою честь, ни свою добрую славу, кажется, не имѣетъ и тѣни понятія о томъ, что значитъ беречь неприкосновенность, чистоту своей личности. Передать вамъ все, что я слышалъ отъ него самого о его подвигахъ въ этомъ родѣ, было бы невозможно, одна исторія грязнѣе другой и, что страннѣе всего, онъ какъ будто и не подозрѣваетъ грязности своихъ разсказовъ... Такимъ образомъ протекла его жизнь до 1848 года. Между тѣмъ онъ не былъ чуждъ литературному и политическому движенію времени, онъ чи-

талъ безъ порядка и безъ руководящей мысли все возможное и подобно многимъ изъ нашихъ современниковъ нахватался разныхъ кусочковъ изъ разныхъ отраслей знанія, составилъ себѣ міросозерцаніе очень похожее на пестрое платье арлекина и, очень довольный собою, принимаетъ еще до сихъ поръ за истинное образованіе этотъ хаотическій сбродъ неясныхъ и неопредѣленныхъ слуховъ о всевозможныхъ теоріяхъ и фактахъ. Въ практикѣ былъ онъ исключительно преданъ юриспруденціи, въ теоріи же сдѣлался фурьеристомъ. Онъ былъ богатъ, хотя и скупъ, вокругъ него собиралось нѣсколько молодыхъ людей, большею частью изъ кадетскихъ учителей и гвардейскихъ офицеровъ, надорванныхъ и недоученныхъ, большею частью совершенно пустыхъ, стремящихся, иные увлекаясь примѣромъ, другіе болѣе самостоятельно, не такъ изъ живого сердца, какъ изъ тупо-неопредѣленной фантазіи, къ чему-то, а главное къ выходу изъ своего бѣднаго положенія, которымъ всѣ были очень недовольны. Между ними появлялись иногда и люди болѣе замѣчательные, какъ наприм. литераторъ Достоевскій, не лишенный таланта, и мой пріятель Эммануилъ Толь, воспитанникъ педагогическаго института и потомъ учитель въ разныхъ казенныхъ заведеніяхъ, великолѣпное эксцентричное существо, d'une beauté monstrueuse: маленькій ростомъ, съ огромною головою на бычачьей шеѣ и на широкихъ плечахъ, съ огромнымъ мыслящимъ лбомъ, уродливымъ носомъ, съ толстыми мясоѣдными губами, съ руками длиннѣе сажени,—и на этомъ монструозномъ лицѣ выраженіе умное, доброе, въ высшей степени привлекательное, улыбка такая, противъ которой устоять невозможно. Его любятъ дѣти, которыхъ онъ обожаетъ, и молодыя дѣвушки льнутъ къ нему, какъ птички подъ вѣрную и темную крышу. Голова у него свѣтлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая — плодъ его воспитанія, — но несмотря на это далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, неспособное ни къ какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславію. Характеръ рыцарскій,

порывистый, то иногда женственно-мягкій, то буйно-энергичный и смѣлый, неспособный, кажется, къ постоянному дѣлу и къ выдержкѣ. Когда жъ онъ выпьетъ, тогда становится онъ ужаснымъ, точно лютый разъяренный звѣрь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается въ голову. Я познакомился съ нимъ въ 1857 году въ Томскѣ, куда онъ былъ только-что переселенъ изъ каторжнаго завода, и скоро сблизился съ нимъ. Онъ жилъ въ Томскѣ уроками и былъ превосходнымъ учителемъ, дѣти его обожали; и до сихъ поръ жена моя, одна изъ его ученицъ, хранитъ о немъ самую нѣжную память. Но онъ былъ худо окруженъ въ Томскѣ и предавался пьянству; въ Сибири пьютъ страшно и пьютъ безъ затѣй простую водку. Я успѣлъ отвлечь его отъ пьянства и отъ худого общества, и мы въ продолженіе полугода до возвращенія его въ Россію жили какъ братья. Теперь онъ въ Питерѣ, гдѣ занимается литературою и уроками; я рѣдко къ нему пишу, потому что онъ болтливъ и неосторожень до крайности, къ тому же, одаренный критикою небольшою для распознанія людей, онъ къ несчастью всегда окруженъ страшною сволочью. Но еслибъ пришло до дѣла, я обратился бы прямо къ нему, увѣренный, что онъ будетъ однимъ изъ самыхъ способныхъ и честныхъ дѣятелей, лишь бы кто-нибудь держалъ его въ рукахъ. Отъ него я впервые услышалъ подробности о дѣлѣ Петрашевскаго и разсказы о жизни, занятіяхъ, дѣйствіяхъ и личностяхъ его кружка, разсказы самые достовѣрные и точные, во-первыхъ потому, что Толь не солжетъ, если бы даже это было необходимо для спасенія жизни его матери, которую онъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ, — а во-вторыхъ, потому, что я нашелъ ихъ такими, сравнивъ ихъ потомъ съ разсказами Петрашевскаго, Львова и Спѣшнева. — Итакъ, у Петрашевскаго собирались молодые люди, они толковали и спорили между собою о разныхъ предметахъ, о которыхъ всѣ мало знали, но которые болѣе или менѣе серьезно стремились уяснить и узнать. Впрочемъ, они далеко не были недовольны собою и, мало сознавая свое незнаніе,

съ презрѣніемъ смотрѣли на толпу и, недоучившись сами, хотѣли учить; въ ихъ предпріятіяхъ было истинно много дѣтскаго. Такимъ образомъ въ ихъ головахъ родилась мысль о политическомъ словарѣ—(помнишь, ты намъ привозилъ его въ Парижъ, Герценъ) который Петрашевскій напечаталъ на свой счетъ и ловко успѣлъ посвятить вел. кн. Михаилу Павловичу. Казалось, дерзкій, головоломно-смѣлый поступокъ, достойный болѣе серьезной цѣли,—и что же, Петрашевскій пресерьезно былъ увѣренъ, что разъ пройдя черезъ цензуру и покрытая именемъ Михаила Павловича, эта книженка принесетъ ему значительный доходъ. Мнѣ говорилъ это самъ Петрашевскій. Имя вел. кн. въ самомъ дѣлѣ спасло ихъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Главною чертою всѣхъ этихъ господъ было отчаянное резонерство; — резонерство является вездѣ тамъ, гдѣ самолюбіе, тщеславіе, претензіи преобладаютъ надъ серьезными стремленіями ума и сердца, гдѣ нѣтъ страсти, нѣтъ мысли. Поэтому то мы, русскіе, большею частью и такіе отчаянные резонеры, толкуемъ съ жаромъ обо всемъ, болтаемъ безъ умолку и ничѣмъ въ дѣйствительности не интересуемся, такъ что не даемъ даже себѣ труда узнать сколько нибудь положительно предметы, о которыхъ толкуемъ. Петрашевскій, пользуясь правомъ амфитріона и, къ тому же raisonneur par excellence, царствовалъ между ними. Фигура у него цинически-достопочтенная, способная импонировать толпѣ, одна черная борода чего стоитъ,—когда онъ горячится и вретъ, черные глаза такъ и блестятъ сквозь очки. Толкуя обо всемъ на свѣтѣ, они коснулись и политики, и соціальныхъ вопросовъ, доходившихъ до нихъ во французскихъ брошюрахъ и книжкахъ, и, наконецъ, положенія Россіи. Были жаркіе споры, всевозможныя направленія и системы были тутъ представлены. Для удобнѣйшей разработки вопросовъ, они согласились раздѣлить между собою всѣ предметы; каждый бралъ на себя изслѣдованіе какого нибудь вопроса, изучалъ его по возможности и читалъ потомъ о немъ родъ лекцій. Это дѣлалось по очереди. Толь, напр., взялъ на себя богословіе и педагогію, Петра-

шевскій политическую экономію и соціализмъ, Львовъ остественныя науки и т. д. Послѣ лекцій спорили, потомъ ужинали, веселились и пили. Такимъ образомъ они составляли въ дѣйствительности общество самое невинное, самое безобидное—удовлетворены были, при малѣйшей долѣ серьезной любознательности, большая доля тщеславія и еще большая русской потребности кутежа. Серьезной практической цѣли не было. Кромѣ Толя и потомъ Спѣшнева, явившагося позже, всѣ были рѣшительными, систематическими противниками революціонныхъ мѣръ и дѣйствій. Они болтовню принимали за дѣло. Правда, коснулись они подъ конецъ и практическаго вопроса: „что будемъ мы дѣлать?“— Отвѣты на этотъ вопросъ были различные, одинъ нелѣпѣе другого, и наконецъ они остановились на слѣдующемъ: всѣ члены кружка останутся тѣсно между собою соединенными и, во первыхъ, будутъ quand même поддерживать въ жизни другъ друга, такъ что, напр., всѣ будутъ въ одинъ голосъ кричать, что Петрашевскій первый экономистъ въ мірѣ, выше Fourier, S-t. Simon'a и Адама Смита, что Шекспиръ Достоевскаго подметокъ не стоитъ, что Львовъ заткнулъ за поясъ Гумбольдта, а Толь первый богословъ и педагогъ въ мірѣ,—а во вторыхъ они разсѣятся по всѣмъ концамъ Россіи и, отыскивая вездѣ сотрудниковъ себѣ и помощниковъ, займутся радикальнымъ преобразованіемъ Россіи посредствомъ распространенія новѣйшихъ дознанныхъ истинъ. Въ 1848 году, въ первыхъ порахъ западной революціи, прибылъ къ нимъ Спѣшневъ, человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ: уменъ, богатъ, образованъ, хорошъ собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно-холодной, вселяющей довѣріе какъ всякая спокойная сила, джентльменъ съ ногъ до головы. Мужчины не могутъ имъ увлекаться, онъ слишкомъ безстрастенъ и, удовлетворенный собой и въ себѣ, кажется не требуетъ ничьей любви; но за то женщины, молодыя и старыя, замужнія и незамужнія, были и пожалуй, если онъ захочетъ, будутъ отъ него безъ ума. Женщинамъ не противно маленькое шарлатанство, а Спѣш-

невъ очень эфектенъ: онъ особенно хорошо облекается мантіею многодумной спокойной непроницаемости. Исторія его молодости цѣлый романъ. Едва вышелъ онъ изъ лицея, какъ встрѣтился съ молодою, прекрасною полькою, которая оставила для него и мужа, и дѣтей, увлекла его за собой за границу, родила ему сына, потомъ стала ревновать его и въ припадкѣ ревности отравилась. Какіе слѣды оставило это происшествіе въ его сердцѣ, не знаю, онъ никогда не говорилъ со мною объ этомъ. Знаю только, что оно не мало способствовало къ возвышенію его цѣнности въ глазахъ женскаго пола, окруживъ его прекрасную голову грустно-романтичнымъ ореоломъ. Въ 1846 году онъ слылъ львомъ иностраннаго, особливо же польско-русскаго дрезденскаго общества. Я знаю всѣ эти подробности отъ покойной пріятельницы моей Елизаветы Петровны Языковой и отъ дочери ея; и матушка, и дочки, и всѣ ихъ пріятельницы, даже одна 70-лѣтняя польская графиня были въ него влюблены. Другомъ, неразлучнымъ его Сеидомъ, былъ блондинъ-шарлатанъ Едмондъ Хоецкій. Но не однѣ дамы, молодые поляки, преимущественно аристократической партіи Чарторижскаго, были отъ него безъ ума, такъ что еще за границею было мнѣ интересно съ нимъ познакомиться и я старался собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія. Встрѣтился же я съ нимъ лично въ Иркутскѣ въ 1859 году. Онъ жилъ тогда со Львовымъ и Петрашевскимъ. Еще прежде слышалъ я о немъ въ Сибири, во первыхъ отъ Толя, еще же болѣе отъ поляковъ, возвращавшихся въ 1857 и 1858 годахъ изъ нерчинскихъ рудниковъ и поселеній на родину. Всѣ отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ, хотя и безъ всякой симпатіи, въ то время какъ о другихъ говорили съ плечепожимательнымъ сожалѣніемъ, а о Петрашевскомъ просто съ презрѣніемъ. Замѣчательно, что весь этотъ кружокъ, исключая впрочемъ Толя, но никакъ не исключая даже и Спѣшнева, терпѣть не можетъ поляковъ. Они всѣ отвѣчали холодностью на жаркій, братскій, польскій пріемъ. Холодность эта еще болѣе усилилась, когда начались разговоры: русскіе молодые люди съ широкимъ размахомъ

русской, ни чѣмъ не связанной мысли, явились атеистами, соціалистами, гуманистами въ фанатически-тѣсную польскую среду. Должно вамъ сказать, что именно въ нерчинскихъ заводахъ, не смотря на то что туда было сослано наиболѣе умныхъ, талантливыхъ, замѣчательныхъ и по характеру и по сердцу поляковъ, а можетъ быть именно и потому, польско-католическій фанатизмъ дошелъ до своего крайняго развитія. Основателемъ нерчинскаго польскаго круга былъ полякъ Еренбергъ. Онъ придалъ всему направленію вмѣстѣ съ нимъ и потомъ сосланныхъ соотечественниковъ, тотъ мечтательно-экзальтированный, мистически-патріотическій характеръ, который въ началѣ своемъ былъ гораздо шире и богаче содержаніемъ, впослѣдствіи же сократился и стѣснился въ безвыходно узкій, польскій, католическій фанатизмъ. Какъ старовѣры, евреи, которые убѣждены, что они не оттого гибнутъ, что они остаются евреями, а что они еще слишкомъ мало евреи, такъ и они увѣрили себя, что не католицизмъ и не еврейско-польская исключительность, а недостатокъ католичества и національной исключительности ихъ погубили. Не станемъ слишкомъ винить поляковъ, будемъ сожалѣть о нихъ. Къ тому же и не намъ, русскимъ, ихъ винить. Мы нашими руками закрыли всѣ польскіе университеты и школы, отняли у нихъ всѣ средства къ образованію. Мы, наступивъ на нихъ ногою и продавъ ихъ частью нѣмцамъ, повергли ихъ въ отчаянное положеніе, въ которомъ вредная національная idée fixe, болѣзненное, раздражительное, безвыходное саморефлектированіе сдѣлалось такимъ естественнымъ, необходимымъ, хотя и пагубнымъ явленіемъ. Только тотъ здоровъ и уменъ и силенъ, кто умѣлъ позабыть о себѣ. Думать, заботиться, болѣть о себѣ есть несомнѣнное право поляковъ,—національность, равно какъ и личность, какъ даже процессъ жизни, пищеваренія, дыханія, только тогда въ правѣ заниматься собою, когда ее отрицаютъ. Поэтому поляки, итальянцы, венгерцы, всѣ угнетенные славянскіе народы очень естественно и съ полнымъ правомъ выставляютъ впередъ принципъ національности,—и можетъ быть по той же самой причинѣ

мы, русскіе, такъ мало и хлопочемъ о своей національности и такъ охотно забываемъ ее въ высшихъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе это право есть вмѣстѣ и болѣзнь, вредная, опасная болѣзнь. Заговорите съ полякомъ о Göthe, онъ сейчасъ скажетъ вамъ—„а у насъ-то каковъ поэтъ Мицкевичъ“—о Гегелѣ—они запоютъ вамъ о великомъ польскомъ философѣ Трентковскомъ, о великомъ философѣ-экономистѣ Четховскомъ;—ихъ губитъ болѣзненное народное тщеславіе, бѣдное утѣшеніе въ ихъ критическомъ положеніи. Вмѣсто того чтобъ смотрѣть впередъ, они смотрятъ назадъ, гдѣ кромѣ смерти ничего не найдутъ; вмѣсто того, чтобы возобновить свою національную жизнь въ общеніи съ міровою жизнью, они отдѣляются отъ нея какъ жиды и хвастаются какимъ-то мессіаническимъ призваніемъ. Это жидовство ихъ погубитъ, если мы, славяне, и прежде всего мы, русскіе, не вырвемъ ихъ изъ болѣзненнаго самосозерцанія. Опять говорю, какъ именно русскіе, мы обязаны въ отношеніи къ нимъ къ особенной снисходительности и къ терпѣнію; хотятъ они, не хотятъ, мы должны для нашего обоюднаго спасенія помириться, побратоваться.

15-го ноября. Красноярскъ.

Любезные друзья, я долженъ теперь разстаться съ вами: взявшійся доставить вамъ это письмо нечаянно пріѣхалъ сюда и сейчасъ отъѣзжаетъ—итакъ продолженіе впредь и надѣюсь въ короткое время. Мнѣ кажется, я сказалъ уже довольно для того, чтобы пріостановить нападенія ваши противъ Муравьева-Амурскаго и поколебать хоть нѣсколько слѣпую вѣру вашу въ его враговъ. Убѣдитесь ли вы моими словами или нѣтъ—будетъ зависѣть отъ степени вѣры, которой вы будете считать меня достойнымъ; я, по крайней мѣрѣ, исполнилъ свою обязанность въ отношеніи къ вамъ и къ истинѣ и ухвачусь за ближайшую возможность исполнить ее до конца, т. е. прислать вамъ окончаніе письма. А говорить остается мнѣ еще о многомъ—докончить характеристику Петрашевскаго и товарищей и потомъ разсказать вамъ, что сдѣлалъ Муравьевъ для восточ.

сибирскихъ крестьянъ, для ссыльно-каторжныхъ, для поселенцевъ, для рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, особенно для раскольниковъ, которыхъ онъ называетъ своими друзьями,—потомъ объяснить вамъ его отношенія съ Петербургомъ и дать вамъ почувствовать, какъ больно было ему (больнѣе всего остального), что вы, которыхъ онъ такъ глубоко уважаетъ, дѣятельности которыхъ онъ такъ горячо симпатизируетъ и которыхъ считаетъ своими друзьями, выступили противъ него какъ враги.—Наконецъ долженъ разсказать вамъ и о себѣ. Пришлю вамъ также свой портретъ и портретъ жены съ письмомъ для милаго и неизмѣннаго друга моего Рейхеля. А теперь, друзья или враги, прощайте. Авось встрѣтимся еще въ Россіи.

Вашъ неизмѣнный М. Бакунинъ.

Нужно ли мнѣ говорить, что это письмо, такъ сильно компрометирующее Муравьева передъ 3-мъ отдѣленіемъ, должно быть прочитано только вами, друзья, т. е. Герценомъ или Огаревымъ, а потомъ или уничтожено или такъ спрятано, чтобы его самъ чортъ не могъ отыскать. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, я совершенно полагаюсь на вашу честь.

II.

ОТВѢТЪ „КОЛОКОЛУ“.

Съ негодованіемъ и грустью прочли мы ваши строки подъ заглавіемъ „Тиранство Сибирскаго Муравьева“. Вы съ ироніею отзываетесь о поклонникахъ Муравьева, сами же являетесь слѣпыми поклонниками Петрашевскаго. Если бы вы знали, кто такой Петрашевскій, и что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ, вамъ было бы стыдно. И неужели всѣ ваши извѣстія не достовѣрнѣе тѣхъ, которыя вы получаете изъ Восточной Сибири?

Въ продолженіе 13 лѣтъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, проникнутый истинно-демократичнымъ и либеральнымъ духомъ, трудился въ потѣ лица своего, для того, чтобы очеловѣчить, очистить, облегчить и поднять по возможности ввѣренный ему край. Онъ совершилъ чудеса, въ особенности чудеса для сонно-любивой Россіи, привыкшей замѣнять дѣло фразами да мечтами; ничтожными средствами, безъ всякой помощи и поддержки, почти на перекоръ Петербургу, онъ присоединилъ къ Русскому царству огромный благодатный край, придвинувшій Сибирь къ Тихому океану и тѣмъ впервые осмыслилъ Сибирь;—онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни здоровья, онъ весь отдался великому и благородному дѣлу, самъ вездѣ присущій, и самъ всегда работая какъ чернорабочій. Въ продолженіе 13 лѣтъ онъ давалъ намъ примѣръ полнѣйшаго самоотверженія; всѣ его стремленія, замыслы, предпріятія, отличавшіеся истинно-геніальною мѣткостью и простотою, проникнуты были высокимъ духомъ справедливости и желаніемъ общаго блага. 13 лѣтъ боролся, и боролся не безуспѣшно, за права сибирскаго народа, стараясь освободить его, опять-таки сколько было возможно, при извѣстныхъ вамъ политическихъ условіяхъ, отъ притѣсненій чиновно-административнаго, купеческаго, горнозаводскаго, золото-промышленнаго, равно какъ и отъ зловонно-православнаго притѣсненія. Онъ успѣлъ очеловѣчить ввѣренный ему край, смягчить и облагородить всѣ отношенія, такъ что можно смѣло сказать, что ни въ одной провинціи Россіи нѣтъ такой свободы движенія и жизни вообще, какъ въ Восточной Сибири, и ни въ одномъ провинціальномъ городѣ не живется такъ привольно, легко и гуманно, какъ въ Иркутскѣ. Все это дѣло Муравьева Сибирскаго. Чтожъ, развѣ стыдно называться его поклонникомъ?—Въ Россіи, странѣ словъ и бездѣлья, чему же и кланяться, какъ не дѣлу? Въ Англіи, во Франціи, вездѣ на Западѣ, такой дѣятель, какъ Муравьевъ, былъ бы признанъ давно, но мы, русская публика, мы лакеи, завистливые ненавистники чужого достоинства и мѣряющіе свое собственное способностью къ всеруганью. Что такова русская публи-

ка, немудрено; мы всѣ знаемъ, какъ она произошла. Но вы, благовѣстники новой Россіи, вы, защитники правъ русскаго народа, какъ могли вы не признать и оклеветать его лучшаго и безкорыстнѣйшаго друга? Незнаніе не можетъ служить для васъ оправданіемъ; говоря такъ громко, такъ рѣзко, пріобрѣтя такую силу въ Россіи, вы должны знать много и точно, иначе голосъ вашъ будетъ безчестнымъ и вреднымъ. Въ то время какъ истина одна можетъ спасти Россію, ложь, и къ тому же такая громкая ложь, становится преступленіемъ.

Вы когда-то проявляли симпатію къ Сибирскому Муравьеву; вѣроятно не безъ данныхъ и не безъ причины. Но вотъ вамъ пришлось рѣшать между нимъ и Петрашевскимъ и вы, не усомнившись нисколько, позабывъ всѣ данныя и всѣ причины, осуждаете генералъ-губернатора, пишете о тиранiи Сибирскаго Муравьева. Не лицепріятіе ли и не чинопочитаніе ли это? Только въ обратномъ порядкѣ: вѣдь для васъ политическій преступникъ то же, что для простого русскаго смертнаго дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ или фельдмаршалъ. Вы не допускаете, что бы политическій преступникъ могъ быть мерзавцемъ, хоть бы напр. корреспондентомъ 3-го отдѣленія, и подивитесь безъ сомнѣнія не мало, когда узнаете, что не одни вы, но съ вами вмѣстѣ и лазурный блюститель порядка, съ огромнымъ виноградным листомъ, жалѣетъ о высылкѣ Петрашевскаго изъ Иркутска.

Вы учите Муравьева Сибирскаго какъ должно обходиться съ сосланными вообще и съ политическими въ особенности. Еслибъ вы знали, к о г о вы учите! Человѣка, который въ продолженіе 13 лѣтъ, съ перваго дня своего управленія, былъ горячимъ заступникомъ, другомъ всѣхъ поселенцевъ, который, несмотря на множество препятствій и неудачъ, не переставалъ отстаивать права ихъ въ Сибири и въ Петербургѣ, сердце котораго, открытое для всѣхъ несчастій, полно симпатіи и уваженія къ несчастью незаслуженному и благородному. И все это не на словахъ, а на дѣлѣ, слышите ли вы, русскіе люди, на дѣлѣ! Какъ же вы

могли объ этомъ не знать? Біографы декабристовъ, имѣете ли вы право не знать, чѣмъ Муравьевъ былъ для нихъ? Съ перваго дня прибытія его въ Иркутскъ, въ 1848 году, пали цѣпи съ благородныхъ рукъ Петра Высоцкаго, заключенные освободились, привязанные къ мѣсту получили свободу движенія. Проѣзжая черезъ Западную Сибирь, въ Ялуторовскѣ, онъ гостилъ у поселенныхъ тамъ декабристовъ: Муравьева-Апостола, П. И. Пущина, Якушкина, Басаргина и проч., бесѣдуя съ ними не какъ равный съ равными, но какъ младшій со старшими и, первый генералъ-губернаторъ въ Россіи, преклонилъ голову, не привыкшую гнуться, передъ высокимъ несчастьемъ. Въ Иркутскѣ онъ окружилъ себя декабристами, сдѣлалъ ихъ своими ближайшими друзьями, совѣтниками. Разумѣется на него посыпалось множество доносовъ изъ Сибири; — Сибирь страна клеветъ и доносовъ par excellence, вамъ это знать не мѣшаетъ,—и знаете ли, какъ странно и неожиданно отвѣтилъ на нихъ Николай: „Наконецъ я нашелъ человѣка, который меня понимаетъ; пора же обходиться съ ними, какъ съ людьми“—и такъ поступалъ Муравьевъ и такъ говорилъ Николай въ 1848 и 1849 годахъ, т. е. въ самый разгаръ безумнѣйшей реакціи внутри Россіи. Благодаря Муравьеву, декабристы изъ утѣсненныхъ, безправныхъ, сдѣлались первенствующими людьми въ Восточной Сибири. Спросите у оставшихся въ живыхъ: всѣ безъ исключенія, кромѣ только трехъ, всѣ гордились и гордятся дружбою Муравьева. Исключеніе же составляютъ два брата Завалишины, да еще одинъ псевдо-декабристъ, врагъ Муравьева, котораго мы называть не станемъ, потому что, интригуя всѣ миспособами противъ Муравьева и въ Петербургѣ и въ Сибири, онъ самъ еще себя не называетъ *). Одинъ Завалишинъ, доносчикъ на декабристовъ и на брата, былъ вскорѣ переведенъ въ Западную Сибирь, гдѣ и умеръ; другой же, Димитрій Иринарховичъ Завалишинъ, ненавидитъ Муравьева за то, что онъ не дозволилъ ему п о ц а р с т в о в а т ь п о р у с с к и въ Читѣ.

*) Владиміръ Ѳедосѣичъ Раевскій.

Но не на однихъ декабристовъ, и на всѣхъ сосланныхъ поляковъ распространилось одинаково покровительство Муравьева. До его прибытія въ Сибирь, они терпѣли всякаго рода притѣсненія и оскорбленія. При немъ они сдѣлались неприкосновенными. Мы видѣли ихъ возвращающихся въ край послѣ амнистіи, которая нигдѣ не была примѣнена такъ широко, какъ въ Восточной Сибири, и слышали, какъ единодушно благословляли они имя Муравьева-Амурскаго; и между ними, къ ихъ славѣ и къ нашему русскому стыду, не нашлось ни Завалишиныхъ, ни Петрашевскаго... Мы слышали, какъ отзывался о немъ достойный патріархъ польской свободы, другъ Лунина, Петръ Высоцкій: „Муравьевъ помирилъ насъ и съ русскими и съ именемъ Муравьева“. Высоцкій живъ, спросите у него, правду ли мы говоримъ или нѣтъ? Пусть „Колоколъ“ обратится съ громкимъ вопросомъ прямо ко всѣмъ полякамъ, бывшимъ въ Сибири: недостатка въ отвѣтахъ изъ польскаго края не будетъ. Наконецъ, знаете ли вы, что писалъ тиранъ Муравьевъ въ Петербургъ въ 1858 году, въ день заключенія Айгунскаго трактата, въ силу котораго Амуръ сталъ русскою рѣкою: „Если я заслужилъ милость Государя, то, какъ единственной награды, прошу о прощеніи...“ *) четырехъ политическихъ преступниковъ, и между ними первый поименованъ Петрашевскій. Какимъ же образомъ Муравьевъ сдѣлался вдругъ гонителемъ Петрашевскаго?

Рѣшаясь отвѣтить на этотъ вопросъ, мы приступаемъ къ весьма трудному и деликатному дѣлу. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ былъ только проблескъ человѣческаго чувства, званіе политическаго изгнанника было священно; въ Россіи же, особенно въ царствованіе императора Николая, быть политическимъ преступникомъ значило быть лучшимъ человѣкомъ въ государствѣ. Такое понятіе было часто не болѣе какъ фикція, но фикція необходимая, спасительная. Теперь же время фикцій прошло, фикціи къ чорту, или по-

*) Петрашевскаго, Спѣшнева, Львова и родственника моего Бакунина.

жалуй на Западъ, намъ же, русскимъ, для нашего спасенія необходима теперь истина полная, чистая, совершенная. Мы сами, воспитанные въ религіозномъ уваженіи къ политическому несчастью, долго не рѣшались отвѣчать на ваши нападки на Муравьева Сибирскаго, именно потому, что для полнаго отвѣта должны были разоблачить двѣ фикціи: Завалишина и Петрашевскаго. На первый разъ оставимъ Завалишина въ сторонѣ; но послѣднею выходкою своею вы поставили такъ рѣзко вопросъ между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ и политическимъ преступникомъ Михаиломъ Васильевичемъ Петрашевскимъ, что молчать долѣе, когда ложь говоритъ такъ громко и такъ нагло, было бы съ нашей стороны преступленіемъ. Выборъ между Муравьевымъ-Амурскимъ и Петрашевскимъ, т. е. между благороднымъ человѣкомъ и... Петрашевскимъ, для насъ не труденъ. Мы сказали довольно о Муравьевѣ, поговоримъ теперь о г. Петрашевскомъ.

Вѣроятно по той же самой причинѣ, по которой всѣ политическіе преступники безусловно хвалятся въ вашемъ журналѣ, вы придаете въ немъ и дѣлу Петрашевскаго неестественные, громадные размѣры. Въ сущности же дѣло было пустое, если что въ немъ было громадно, то это недобросовѣстность, подлость нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, придавшихъ ему политическое значеніе, въ видахъ придворной интриги и личной пользы. Министру внутреннихъ дѣлъ понадобилось отличиться въ ущербъ тайной полиціи, для этого Петрашевскій былъ превращенъ въ Брута, а кружокъ изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе пустыхъ молодыхъ людей (пустыхъ за исключеніемъ, можетъ быть, одной или двухъ личностей), собиравшихся вокругъ него безъ цѣли, просто, чтобы покутить да поболтать обо всемъ, въ опасное тайное общество. Ихъ чуть было не разстрѣляли и сослали на каторжную работу въ Сибирь. Освобожденный вскорѣ Муравьевымъ, Петрашевскій предался своимъ любимымъ занятіямъ: интригѣ да ябедѣ, чѣмъ и навлекъ на себя единодушное презрѣніе всѣхъ поляковъ, товарищей по заключенію.

Вы можетъ быть воображаете, что Петрашевскій кровожадный революціонеръ съ разрушительными замыслами? Нисколько: въ Петербургѣ, въ кружкѣ своемъ, онъ постоянно противился революціонному направленію и всякому практическому примѣненію новыхъ идей; онъ любитъ проливать не кровь, а чернила, онъ сидитъ верхомъ на сводѣ законовъ и роскошествуетъ въ грязныхъ и темныхъ проходахъ россійскаго законодательства. Онъ агитаторъ чернильный и готовъ поссорить братьевъ, друзей, для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Онъ поражаетъ своею безсовѣстностью; наклевещетъ на васъ и, когда вы изобличите его, не краснѣя нисколько, онъ скажетъ вамъ: „Ну чтожъ, это было необходимо по тогдашнимъ моимъ соображеніямъ, зачѣмъ вы сердитесь, болѣе не буду“. Честь и личное достоинство для него понятія чужестранныя, къ нему худо или даже совсѣмъ не привившіяся. Клевета и ложь его мелкая монета, и неутомимость, искусство въ интригѣ доходятъ въ немъ просто до геніальности. Онъ возненавидѣлъ Беклемишева, знаете ли, за что? Петрашевскій несчастный игрокъ, безъ денегъ и безъ умѣнья, выигрываетъ—беретъ, проигрываетъ—не платитъ, вслѣдствіе чего никто не хотѣлъ играть съ нимъ въ Иркутскѣ. Разъ, вечеромъ, мѣсяца за два до несчастной дуэли, онъ явился къ Беклемишеву незванный и нежеланный, сталъ напрашиваться на игру, съ нимъ играть не хотѣли, наконецъ уступили ему, онъ проигралъ и свои деньги и деньги, вымоленныя имъ у присутствовавшихъ, ушелъ проигравшись въ пухъ, а Беклемишевъ, какъ хозяинъ дома, заплатилъ за него около 150 р. сер., которыхъ Петрашевскій ему вѣроятно никогда не отдастъ. Вотъ изъ такихъ-то причинъ произошла непримиримая ненависть Петрашевскаго къ Беклемишеву и товарищамъ. И чѣмъ же она выразилась? Гнусною преступною клеветою.

Въ апрѣлѣ 1859 года, въ отсутствіе Муравьева, только-что отправившагося внизъ по Амуру въ Китай и въ Японію, случилась дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ. Это была первая дуэль въ Иркутскѣ, чуть

ли не въ цѣлой Сибири. Она поразила паническимъ страхомъ всѣхъ иркутянъ, худо понимающихъ тонкую, болѣе западную, чѣмъ русскую, черту, отдѣляющую учтивое убійство по всѣмъ правиламъ рыцарскаго поединка отъ простого и грубаго смертоубійства. Къ тому жъ ни Беклемишевъ, ни его товарищъ не были любимы въ Иркутскѣ. Причина жъ ихъ непопулярности заключалась отчасти въ нихъ самихъ,—они не рѣдко отталкивали и оскорбляли другихъ важничаньемъ своимъ и тщеславіемъ, большею же частью въ томъ, что вѣрные и неподкупные исполнители воли генералъ-губернатора, они, равно какъ и самъ Муравьевъ, навлекли на себя гнѣвъ и негодованіе всѣхъ приверженцевъ стараго порядка, а такихъ людей въ Иркутскѣ, равно какъ и въ цѣлой Россіи, легіонъ. Такимъ расположеніемъ умовъ Петрашевскій воспользовался съ великимъ искусствомъ и показалъ при этомъ случаѣ замѣчательный талантъ къ агитаторству. Полчаса послѣ дуэли, при которой, разумѣется, ни онъ ни его пріятели не могли присутствовать, онъ ужъ кричалъ по домамъ и по улицамъ объ измѣнническомъ убіеніи Неклюдова. Къ нему присоединились товарищъ его Львовъ, побуждаемый одинаковыми причинами, нѣсколько надорванныхъ учителей-недоучекъ, нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, все поклонниковъ его политическаго величія, да еще нѣсколько мѣщанъ, товарищей по биліарду. Эта шайка занялась собственно демократическою пропагандою. День былъ праздничный, свѣтло-воскресный. Народъ кишѣлъ на площади и по улицамъ, дѣло пошло удачно. Петрашевскій, неутомимый, неумолимый, съ яростно взволнованными чертами и глазами, бросающими искры, съ афишами въ рукахъ, бѣгалъ въ продолженіе цѣлаго дня изъ одной улицы въ другую, вездѣ волнуя народъ, раздавая ему афиши и приглашая его на похороны Неклюдова. Не пренебрегъ онъ также и гостиными, а благодаря рекомендаціи Муравьева, онъ имѣлъ доступъ во всѣ; и въ гостиныхъ также служебное недовольство и зависть, оскорбленное тщеславіе вмѣстѣ съ оскорбленнымъ карманомъ, доставили ему слишкомъ много со-

юзниковъ, такъ что къ концу перваго дня по дуэли девяносто девять сотыхъ голосовъ въ Иркутскѣ, слитыхъ въ одинъ голосъ электризующей дѣятельностью Петрашевскаго, стали единодушно кричать противъ злодѣянія Беклемишева и товарищей;—явленіе въ высшей степени грустное, ибо оно доказываетъ, какъ мало въ русской публикѣ самостоятельности, критическаго смысла и справедливости. Мы говоримъ въ русской публикѣ, потому что нелѣпая вѣсть, благодаря опять-таки удивительной дѣятельности Петрашевскаго, съ быстротою молніи разнеслась по цѣлой Россіи и вездѣ нашла ту же глупую, нелѣпую вѣру. И самъ „Колоколъ“, умный, благородный, спасительный „Колоколъ“, не избѣгъ общей участи: тронутый рукою того же Петрашевскаго, онъ также зазвонилъ вздоръ и гнусную клевету. И странно! Никому не пришло въ голову задать себѣ только простые два вопроса;

Во-первыхъ, возможно ли, чтобъ нѣсколько молодыхъ людей, порядочныхъ, воспитанныхъ, и прежде всего молодыхъ, слѣдовательно еще мало испорченныхъ русскою жизнію, спасаемыхъ отъ общей русской порчи ужъ однимъ живымъ теченіемъ крови, возможно ли, чтобы, не подвергаясь сами ни малѣйшей опасности, они, пренебрегши и честью и совѣстью и даже удобнымъ случаемъ безвредно хвастнуть молодечествомъ, стали предлагать смертельно оскорбленному товарищу замѣнить дуэль, благородную и необходимую, подлымъ, холоднымъ измѣннической убійствомъ? Замѣтьте, что мы беремъ здѣсь худшее предположеніе, говоря о молодыхъ людяхъ съ самымъ пустымъ содержаніемъ, только свѣтски воспитанныхъ, и увѣряемъ васъ, что Анненковъ и Молчановъ, секунданты Беклемишева и Неклюдова, не только свѣтски-образованные, но и дѣйствительно благородные и честные люди.

А во-вторыхъ, предположивъ даже, что Анненковъ и Молчановъ такъ испорчены, что могли согласиться на подлое преступленіе въ пользу товарища, чѣмъ же могъ вознаградить ихъ Беклемишевъ за страшную опасность, которой подвергались они въ случаѣ откры-

тія ихъ гнусной сдѣлки, скрыть которую было бы такъ трудно, почти невозможно, а подвергались они, не говоря ужъ о публичномъ презрѣніи, лишенію правъ состоянія да каторжной работѣ? О преданности и самоотверженіи говорить тутъ не кстати; подлецы не жертвуютъ собою; Беклемишевъ же не богатъ, не знатенъ, и не силенъ. Что жъ развѣ они дураки? Но ни Петрашевскій, ни „Колоколъ“ въ идіотствѣ ихъ не обвиняютъ. Не ясно ли, что обвиненіе нелѣпо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преступно,—и эту нелѣпость, злостно распространенную Петрашевскимъ, повторили послушно за нимъ весь Иркутскъ, цѣлая Россія, самъ „Колоколъ“! Вотъ вамъ и русская публика.

При этомъ раждается вопросъ: при нашихъ законахъ, при извѣстныхъ всѣмъ порядкахъ, гдѣ взялъ безправный и беззащитный поселенецъ Петрашевскій столько силы, чтобы взволновать цѣлый Иркутскъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ служить вмѣстѣ отвѣтомъ и на печатную клевету противъ тирана Муравьева. Муравьева въ Иркутскѣ не было; при немъ, разумѣется, грязный агитаторъ не смѣлъ бы и пикнуть, но въ отсутствіе его онъ былъ всемогущимъ и могъ безнаказанно шумѣть и клеветать, потому что никто кромѣ самого Муравьева не имѣлъ надъ нимъ власти,—такъ высоко поставлены всѣ политическіе преступники тираномъ Сибирскимъ. Къ тому жъ Петрашевскій умѣлъ обезпечить за собою еще и другую поддержку: онъ сдѣлался корреспондентомъ 3-го отдѣленія, столы котораго, говорятъ, завалены доносами Петрашевскаго и Завалишина.—Не пренебрегая ничѣмъ, онъ искалъ опоры въ крупномъ и мелкомъ чиновничествѣ, даже въ попахъ, равно какъ и въ синемъ мундирѣ. Опираясь такимъ образомъ, съ одной стороны, на мнимое сочувствіе Муравьева, который съ вѣдома всѣхъ принималъ его съ почетомъ еще наканунѣ своего отъѣзда, съ другой же на множество тайныхъ и явныхъ недоброжелателей Муравьева, запугивая однихъ генералъ-губернаторомъ, другихъ жандармами, третьихъ „Колоколомъ“, Петрашевскій безнаказанно и безпрепятственно бушевалъ въ Иркутскѣ цѣлое лѣто,

цѣлую осень, почти полъ-зимы, до самаго возвращенія Муравьева въ январѣ 1860 года. Онъ не довольствовался ни крикомъ, ни клеветами, ни систематическимъ распространеніемъ нелѣпыхъ и гнусныхъ вѣстей, ни доносами въ 3-е отдѣленіе да въ „Колоколъ“, нѣтъ, онъ то именемъ Муравьева, то именемъ Тимашева, и наконецъ еще именемъ какого-то генералъ-адьютанта, возвѣщеннаго ему будто бы изъ Петербурга, старался застращать слѣдственную комиссію наряженную по дѣлу дуэли; подсылалъ въ нее лже-свидѣтелей. Потомъ съ помощью друга и союзника своего, совѣтника губернскаго суда Ольдекопа, личнаго врага Беклемишева, до такой степени запугалъ несчастныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ ничтожныхъ членовъ окружнаго суда, что тѣ, сбитые съ толку, произнесли извѣстное вамъ злостно нелѣпое рѣшеніе, которымъ, признавая съ одной стороны, что юридическихъ доказательствъ не нашлось ни противъ Беклемишева, ни противъ двухъ секундантовъ, тѣмъ не менѣе присудилъ ихъ, на основаніи общаго говора, какъ убійцъ къ лишенію правъ состоянія и къ каторжной работѣ. Такимъ же образомъ старался онъ дѣйствовать и на губернскій судъ, и все это дѣлалъ онъ не скрытно,—въ этомъ его единственное достоинство,—онъ терроризировалъ цѣлый городъ, все губернское и городское начальство,—въ этомъ ихъ стыдъ,—врывался въ присутственныя мѣста, грозилъ совѣтникамъ главнаго управленія, какъ нѣкогда Петръ Великій въ Сенатѣ, палкою, и передъ самимъ зерцаломъ, стращалъ ихъ то Муравьевымъ, то синимъ мундиромъ, то таинственнымъ генералъ-адьютантомъ изъ Петербурга, то „Колоколомъ“.

Прошло полъ-лѣта, Петрашевскій называлъ себя еще приверженцемъ Муравьева, гремя единственно противъ молодыхъ людей, будто бы компрометирующихъ генералъ-губернатора. Но вотъ пришли вѣсти съ Амура. Муравьевъ ясно выразилъ свое негодованіе противъ Петрашевскаго, велѣлъ напомнить ему его невыгодное политическое положеніе и совѣтовалъ ему замолчать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь вѣрнымъ системѣ, принятой имъ разъ на всегда въ отношеніи къ

политическимъ преступникамъ, онъ писалъ къ иркутскому начальству: „какъ ни прискорбны дѣйствія Петрашевскаго, я желаю, чтобъ они остались для него безъ послѣдствій".—Съ тѣхъ поръ Петрашевскій сталъ отъявленнымъ врагомъ Муравьева и слилъ свою злость съ болѣе старинною злобою Завалишина, съ которымъ вступилъ съ тѣхъ поръ въ дружескую переписку.— Наконецъ Муравьевъ возвратился.

Терпѣть дѣйствія Петрашевскаго онъ не могъ, ни какъ генералъ-губернаторъ, ни какъ благородный человѣкъ; что жъ онъ сдѣлалалъ? Онъ отказалъ Петрашевскому отъ дома, отрѣшилъ товарища его Львова отъ мѣста, занимаемаго имъ въ главномъ управленіи, и велѣлъ сказать имъ обоимъ, что, если они не перестанутъ неистовствовать, онъ будетъ вынужденъ выслать ихъ изъ Иркутска. Что-жъ тутъ жестокаго и тираническаго и можно ли было поступить мягче?

Львовъ и Петрашевскій, какъ политическіе преступники, скажете вы, заслуживали всякаго уваженія и снисхожденія. Но если политическій преступникъ украдетъ, развѣ онъ будетъ не воръ, не убійцей, если онъ убьетъ кого, не мерзавцемъ и не подлецомъ, если онъ надѣлаетъ мерзостей? Неужели кто-нибудь въ мірѣ, царь ли онъ или политическій преступникъ, можетъ безнаказанно творить мерзости, и съ которыхъ поръ мерзавецъ, носящій недостойнымъ образомъ имя политическаго преступника, сдѣлался святымъ и неприкосновеннымъ? Гдѣ-жъ справедливость и логика? Какъ благородный человѣкъ и какъ правосудный генералъ-губернаторъ, Муравьевъ долженъ былъ положить конецъ проискамъ и беззаконіямъ Петрашевскаго. Вы спрашиваете, зачѣмъ онъ не представилъ его къ переселенію въ Западную Сибирь или на Кавказъ. Но, во-первыхъ, такія представленія рѣдко удаются, ибо переселеніе въ Западную Сибирь считается милостію, хотя и совершенно напрасно: для политическихъ преступниковъ жизнь въ Восточной Сибири несравненно легче и привольнѣе чѣмъ въ Западной, гдѣ они до сихъ поръ подвергаются безчисленнымъ утѣсненіямъ и оскорбленіямъ, такъ что въ послѣднее время многіе

поляки перепросились въ Вост. Сибирь, гдѣ они находятъ и болѣе уваженія, свободы и гораздо болѣе надежды возвратиться на родину.—Итакъ, по вашему, человѣка, такъ много напакостившаго, и писавшаго доносы на Муравьева, Муравьевъ долженъ бы былъ или представить къ милости,—но тогда гдѣ-жъ бы были разумъ и правосудіе?—или долженъ былъ объяснить петербургскому правительству причины, побудившія его просить объ удаленіи Петрашевскаго изъ Иркутска, т. е. сдѣлать неисправимое зло самому Петрашевскому. Оставалось еще третье: предать его суду за громкую и очевидную противозаконность его поступковъ, что повлекло бы за собой неминуемо наказаніе Петрашевскаго плетьми; потому что по русскимъ законамъ поселенецъ подвергается плетямъ и за меньшія преступленія. Для того, чтобы спасти Петрашевскаго отъ его собственнаго безумія и отъ послѣдствій его безумныхъ поступковъ, Муравьеву ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ выслать его изъ Иркутска; а въ доказательство, что имъ руководила не злость и не мелкая мстительность, замѣтимъ только, что еслибъ онъ хотѣлъ сдѣлать зло Петрашевскому, то онъ послалъ бы его также легко въ Туруханскъ, или въ Якутскую область, или въ Баргузинъ за Байкаломъ, а не въ благодатный Минусинскій край, одинъ изъ центровъ золотопромышленности, на границѣ Западной Сибири.

Во все время пребыванія Муравьева въ Иркутскѣ, Петрашевскаго не было слышно, онъ присмирѣлъ. Съ Муравьевымъ шутить неудобно: трудно найти человѣка благороднѣе, великодушнѣе, но при всей добротѣ онъ левъ, а львиный гнѣвъ вызывать опасно. Въ Петрашевскомъ много дерзости, но не храбрости,—интрига рѣдко бываетъ мужественна, и храбрость не есть дѣло законниковъ. Петрашевскій зналъ Муравьева, а потому и молчалъ. Обманутый этимъ молчаніемъ, Муравьевъ, уѣзжая въ Петербургъ, просилъ генерала Корсакова, которому передалъ на время управленіе Восточною Сибирью, оставить Петрашевскаго въ покоѣ, пока онъ

самъ не нарушитъ покоя. Но едва лишь только левъ скрылся, какъ волкъ-Петрашевскій, ставшій было овечкой, вновь обратился въ дикаго волка; едва прошла недѣля по отъѣздѣ Муравьева, какъ онъ ворвался съ старыми угрозами въ два присутственныя мѣста, требуя въ одномъ неправильно денегъ, въ другомъ объясненія причинъ удаленія его товарища Львова изъ главнаго управленія и наконецъ подалъ въ губернскій судъ ябеднически пасквильную просьбу по золотопромышленному дѣлу, по которому онъ дѣйствовалъ какъ довѣренный; въ этой просьбѣ требовалъ онъ отвода помощника предсѣдателя губернскаго суда Молчанова, якобы причастнаго въ смертоубійствѣ,—въ то время какъ губернскій судъ рѣшеніемъ своимъ призналъ ужъ правильность дуэли,—и по поводу какихъ-то 20.000 руб., будто бы слѣдуемыхъ отъ нѣкоего золотопромышленника его довѣрителю, сумѣлъ письменно, официально принлесть всю беклемишевскую исторію, перебрать и перебранить Беклемишева съ товарищами и въ сотый разъ повторить нелѣпую, гнусную, имъ же самимъ сознательно созданную клевету. Генералъ Корсаковъ пригласилъ къ себѣ Петрашевскаго, желая въ послѣдній разъ попробовать надъ нимъ мѣры кротости и убѣжденія; онъ старался его урезонить, но Петрашевскій, не слушая ничего, сталъ грозить ему „Колоколомъ“. Тогда, скрѣпя сердце, намѣстникъ генералъ-губернатора, въ исполненіе воли Муравьева, сослалъ Петрашевскаго въ Минусинскій округъ. Для того чтобы дать вамъ послѣднее доказательство долготерпѣливости Муравьева, прибавимъ, что Петрашевскій проживалъ до сихъ поръ въ самомъ городѣ Минусинскѣ, и что около мѣсяца тому назадъ, слѣдовательно гораздо прежде появленія нашей филиппики противъ тиранства Сибирскаго Муравьева, онъ дозволилъ Петрашевскому жить въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ.

Кажется прибавлять нечего. Вы можете быть обмануты, но обманывать не станете и не откажете въ должномъ удовлетвореніи благородному Муравьеву-Амурскому; а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно также согласитесь съ нами, что для оправданія Петрашевскаго остается только одно средство: объявить его безумнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы, близкіе люди не рѣдко замѣчали въ немъ всѣ признаки сумасшествія.

Михаилъ Бакунинъ.

1-го декабря 1860 года.
Г. Иркутскъ.

„Отвѣтъ этотъ, какъ и напечатанное выше письмо, сочиненъ по поводу замѣтокъ въ „Колоколѣ“ о Муравьевѣ (15-го янв. 1859 г., 1 апр. 1860 г.; см. также приложеніе „Подъ судъ!“ № 2) особенно второй замѣтки „Тиранство Сибирскаго Муравьева“ (о высылкѣ Петрашевскаго въ Красноярскъ). На „Отвѣтѣ“ чьей-то рукою написано: „Статья эта прислана мнѣ для передачи. Это и есть е д и н с т в е н н а я причина, почему я ее посылаю. Въ цѣломъ и въ частяхъ это — компиляція близорукая и пристрастная, которая никогда не должна увидѣть печатнаго станка“.

И дѣйствительно,—статья эта не была напечатана въ „Колоколѣ“. Но тамъ помѣщены были статьи въ защиту Муравьева: „Подъ Судъ!“ въ №№ 6 - 7 (по поводу дуэли Беклемишева) и большая статья съ документами: „Императорскій кабинетъ и гр. Муравьевъ Амурскій“, въ №№ 87—88, 15 дек. 1860 (значитъ, раньше полученія въ Лондонѣ „Отвѣта“ Бакунина) съ примѣчаніемъ редакціи, обращавшимъ на нее вниманіе Государя.

III.

8 декабря 1860. Иркутскъ.

Другъ Герценъ.—Записка твоя застала меня, когда я кончалъ прилагаемый отвѣтъ въ „Колоколъ“. Говорить о моей глубокой, тревожной радости при видѣ твоего драгоцѣннаго почерка было бы лишнимъ. Но она ободрила меня еще и въ другомъ отношеніи, возбудя во мнѣ надежду, что слова мои найдутъ въ тебѣ вѣру. Это мое третье письмо къ тебѣ; первое, по крайней мѣрѣ въ 20 листовъ, до тебя не дошло, второе листовъ 12 взялъ съ собой знакомый ***** тому назадъ три недѣли. Надѣюсь, что оно дойдетъ до тебя, если не прежде, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ этимъ; оно

не кончено, но конецъ пришлю скоро, благо нашелъ дорогу къ тебѣ. Всѣ три письма имѣютъ главнымъ предметомъ Муравьева-Амурскаго, на котораго ты съ нѣкотораго времени, по какому то странному ослѣпленію, сталъ нападать жестоко и несправедливо. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что твои нападенія лишены всякаго основанія и совершенно противны истинѣ,—Муравьевъ, повторяю тебѣ въ третій разъ, единственный человѣкъ, между всѣми пользующимися силою и властью въ Россіи, котораго безъ малѣйшей натяжки и въ полномъ смыслѣ этого слова мы можемъ и должны безусловно назвать нашимъ. Онъ нашъ по чувствамъ, по мыслямъ, по всѣмъ прошедшимъ дѣламъ, по стремленіямъ, желаніямъ и твердымъ намѣреніямъ. Какимъ же образомъ ты не узналъ его, вѣдь право стыдно, Герценъ.—Еслибъ ты зналъ, какъ любитъ онъ „Колоколъ“ и какъ прискорбенъ ему всякій промахъ, компрометирующій его, какъ симпатично уважаетъ тебя, и какъ ему горько было услышать твои незаслуженныя обвиненія клеветы, раздавшіяся именно въ то время, когда возстала противъ него со всѣхъ сторонъ зависть и подлая интрига подъ предводительствомъ нашего Philippe Egalité. „Своя своихъ не познаша“—вотъ его слова о тебѣ.—Теперь онъ оставляетъ Сибирь и службу, ѣдетъ за границу и непремѣнно хочетъ увидѣться съ тобою, ты познакомишься съ нимъ и скажешь, что это человѣкъ полный во всѣхъ отношеніяхъ—и сердцемъ и умомъ и характеромъ и энергіею. — Онъ крѣпко нашъ и лучшій и сильнѣйшій изъ насъ, въ немъ будущность Россіи. Онъ рѣшился оставить на время службу, несмотря на то, что ему хотятъ предложить министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ твердо рѣшился не принимать ничего, пока не измѣнится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же, въ немногихъ словахъ, слѣдующая: 1) Полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго.

3) Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4) Народное самоуправленіе, съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможною децентрализаціею Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура, въ видахъ освобожденія славянъ, начиная съ возсоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и съ Турціею.—Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка, даказавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы. — Я отвѣчаю вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его какъ своего лучшаго друга. Каково же мнѣ, вашему другу, другу вашего „Колокола“, честь и вліяніе котораго въ Россіи, повѣрьте, мнѣ не менѣе дороги, чѣмъ вамъ самимъ,—видѣть, какъ обманутые, ослѣпленные, вы проповѣдуете ложь и клевету, нападая на единственнаго человѣка между всѣми въ Россіи, стоящаго, чтобъ мы стояли за него горою! — Теперь послушай, Герценъ,—если ты мнѣ повѣришь, въ такомъ случаѣ не печатай моего отвѣта въ „Колоколѣ“; ты сумѣешь и безъ него дать Муравьеву полное удовлетвореніе, такъ какъ именно ты долженъ дать такому человѣку, какъ Муравьевъ, sans réticences et sans équivoques, соблюдая при томъ осторожность, чтобъ не слишкомъ компрометировать его передъ правительствомъ; но если ты не повѣришь мнѣ или повѣришь только въ половину, такъ что въ душѣ твоей будутъ оставаться сомнѣнія, тогда, именемъ всего, что насъ связывало и связываетъ, я требую отъ тебя, чтобъ ты напечаталъ безъ выпусковъ весь мой отвѣтъ, и если это покажется необходимымъ, пожалуй, хоть и за моей подписью. Есть случаи, когда осторожность и всѣ другія соображенія должны идти къ чорту. Напечатаніе отвѣта моего будетъ сопряжено, я знаю, съ большими неудобствами. Во-первыхъ, оно можетъ еще на нѣсколько лѣтъ приковать меня къ Сибири; во-вторыхъ, преждевременно компрометируетъ Муравьева передъ правительствомъ,—и насъ всѣхъ въ лицѣ Петрашевскаго передъ русскою публикою; наконецъ, сильно компрометируетъ „Колоколъ“, такъ грубо, такъ нелѣпо, такъ самоубійственно ошибающійся. — А все-

таки я требую напечатанія, если въ своемъ сердцѣ и въ своемъ умѣ ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетвореніе; во всякомъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ чести, одинъ поступокъ той или другой стороны ведетъ за собою необходимо непріятныя, часто тяжелыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ, но отъ этихъ послѣдствій ни та, ни другая сторона не имѣютъ права отказаться. Ты напечаталъ нападеніе, печатай же и отвѣтъ, или сознайся громко, что ты былъ подло обманутъ и непростительнымъ образомъ ошибся. — Вотъ чего я жду отъ твоей справедливости, отъ твоего благородства, наконецъ, отъ твоей преданности общему дѣлу. Ты нашъ судья, Герценъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомни, что и мы твои судьи; между нами солидарность взаимной отвѣтственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можемъ.—Но довольно объ этомъ частномъ случаѣ, поговоримъ вообще о положеніи „Колокола“. Со всѣхъ сторонъ слышно, что въ послѣднее время „Колоколъ“ много утратилъ вліянія. Одна изъ причинъ такого паденія заключается безъ сомнѣнія въ ложныхъ корреспонденціяхъ; двухъ, трехъ такихъ промаховъ, въ отношеніи Муравьева и Вост. Сибири достаточно, чтобъ убить ваше изданіе. — Вы должны соблюдать большую осторожность въ выборѣ вашихъ корреспондентовъ. Говорятъ, что Россія оттаиваетъ, но подо льдомъ всегда много навоза, а навозъ воняетъ.— Вполнѣ русская жизнь, вполнѣ русскія мелкія интриги и страсти, вполнѣ родная вонючая грязь,—отстой подлыхъ интересовъ и мелкаго, но неумолимаго тщеславія—пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертваго сердца и великодушныя фразы, мелкія дѣла и громкія слова,—все это теперь просится наружу, и такъ какъ другого свободнаго органа, кромѣ вашего, до сихъ поръ еще нѣтъ, все это стремится въ „Колоколъ“,—а скрыться подъ маскою либерализма и демократизма нынѣ не мудрено, — кто незнакомъ съ благородными словами и фразами! Они стали такъ дешевы, такъ безопасны и безвредны, такъ часто кстати и некстати слышатся во всѣхъ углахъ, даже въ Сибири,

что, право, произносить ихъ самому какъ-то становится стыдно. Казенный либерализмъ, казенный демократизмъ, все слова, слова, да слова, а за ними такая гнусная, мелочная дѣйствительность, что становится тошно: слова въ Россіи дѣйствуютъ на меня какъ рвотное,—чѣмъ эфектнѣе и сильнѣе, тѣмъ тошнѣе.—Вѣрить должно только тому, въ комъ есть залогъ, что слово у него перейдетъ въ дѣло; въ отношеніи же другихъ я поступилъ бы такъ: чѣмъ краснѣе кто сказалъ слово, тѣмъ выше построилъ бы я для него висѣлицу. Многіе ли изъ вашихъ корреспондентовъ способны, готовы къ благородному дѣлу, къ которому, кажется, обязываютъ ихъ великодушныя фразы,—а вы ихъ слушаете.—Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: въ Лондонѣ судить лица, дѣйствующія въ Россіи. Пока дѣйствовали все люди вамъ знакомые, временъ Николаевскихъ, Клейнмихели, Орловы, Закревскіе, Панины etc. etc.—вамъ было легко, но теперь выступаютъ на арену люди, вамъ очень мало или совсѣмъ неизвѣстные. Вы должны ихъ судить по даннымъ, присланнымъ вамъ изъ Россіи. Кто вамъ поручится за вѣрность данныхъ? Не должны ли же вы имѣть нѣсколько единомыслящихъ людей въ Россіи, знающихъ край и одаренныхъ практическимъ талантомъ и смысломъ, въ добросовѣстности и въ справедливости которыхъ вы были бы увѣрены, какъ въ своихъ собственныхъ, и которые бы провѣряли и укрѣпляли своимъ свидѣтельствомъ всѣ извѣстія, вамъ посылаемыя? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу въ Россіи.—А такихъ людей вѣдь не легко найти между пишушей братьею, даже между остатками нашихъ бывшихъ кружковъ—большая часть изъ нихъ окоченѣли, помертвѣли и живутъ, и дѣйствуютъ, и болтаютъ, какъ мертвые между мертвыми.

Странное явленіе представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, офиціальная и неофиціальная! Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей двигаются, говорятъ, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ; есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти; нѣтъ дѣйствительности,

ни общаго преобладающаго характера, ни характеровъ. Все литература, писаніе, да болтаніе, а ни капли жизни и дѣла—нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса.—И говорить даже ни съ кѣмъ не хочется, потому что напередъ знаешь, что изъ словъ не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братья бьетъ себя страстно въ пустую грудь, а грудь издаетъ громкій звонъ, потому что въ ней нѣтъ сердца; въ головахъ полированные засушники съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, а въ жилахъ нѣтъ крови—все тѣни, краснорѣчивыя, пустозвонныя тѣни, и самъ между ними становишься тѣнью. Они ведутъ теперь мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала, собраннаго Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ вслухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, единственная дѣйствительная страсть между такъ называемыми людьми порядочными, точно такъ же какъ карманная страсть исключительно преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. Отъ тѣней ли ждать чудесъ? А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, да воли.—Я ничего не жду отъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, вѣрю же въ спящую силу народа, вѣрю въ среднее сословіе,—не въ купечество, оно гнилѣе даже дворянства,—но въ фактическое, офиціально не признанное среднее сословіе, образующееся постоянно изъ отпускныхъ людей, приказчиковъ, мѣщанъ, поповскихъ дѣтей — въ нихъ сохранились еще и русскій смѣтливый умъ, и русская удалая предпріимчивость; вѣрю также, что въ самомъ дворянскомъ сословіи кроется много . . . *) . . . . . наполненный тщеславнымъ самообольщеніемъ. Странное зрѣлище представляетъ нынѣ русская публич-

*) На этихъ словахъ оканчивается первый листъ письма. Затѣмъ второй, другого формата, но нумерованный—2, начинается, какъ напечатано далѣе,—представляя въ началѣ варіантъ окончанія перваго листа. М. Др.

ная жизнь, официальная и неофиціальная!—При Николаѣ можно было предположить, что она заключаетъ въ себѣ много невыясненныхъ тайнъ, много сдержанныхъ, спертыхъ силъ.—Теперь она открыта и чтожъ мы видимъ? Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей говорятъ, двигаются, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ. Есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти—нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ ни характера, ни характеровъ. Все литература, многописаніе, многоболтаніе, но ни капли жизни и дѣла. Нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса, кромѣ къ себѣ,—такъ что и самъ между ними становишься тѣнью, и даже говорить ни съ кѣмъ не хочется, потому что чувствуешь, что никому нѣтъ ни до чего дѣла, и знаешь напередъ, что изъ словъ никогда не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братья бьетъ себя страстно въ пустую грудь и грудь издаетъ громкіе звуки, потому что въ ней нѣтъ сердца. Въ головахъ полированные засушники, съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; нѣтъ силы въ мышцахъ, нѣтъ крови въ жилахъ—все тѣни, краснорѣчивыя, пустословныя тѣни. Теперь они ведутъ мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала, собраннаго Бѣлинскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе,—единственная дѣйствительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно такъ же какъ карманная страсть преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики.—Отъ тѣней ли ждать чудесъ?—А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, воли.—Страшна будетъ русская революція, а между тѣмъ по неволѣ ее призываешь, ибо она одна въ состояніи будетъ пробудить насъ изъ этой гибельной летаргіи къ дѣйствительнымъ страстямъ и къ дѣйствительнымъ интересамъ. Она вызоветъ и создастъ, можетъ быть, живыхъ людей, большая же часть нынѣшнихъ извѣстныхъ людей годна только подъ топоръ.

Таково мое убѣжденіе. Я спрашиваю даже: много ли уцѣлѣло изъ нашихъ? Дѣятельность утомляетъ, сжигаетъ людей, но русская обыденная пошлость ихъ стираетъ и стаптываетъ.—Тургеневъ, Кавелинъ, Коршъ живые ли люди?—Вашихъ прочихъ друзей и знакомыхъ я не знаю, жизнь сохранилась ли въ нихъ? Мнѣ обѣщаютъ, что въ нынѣшнюю весну я получу позволеніе ѣхать въ Россію; буду искать людей, для меня это интересъ первостепенный.—Здѣсь, кромѣ Муравьева, я узналъ еще одного человѣка, это молодого генерала Николая Павловича Игнатьева, сына санктъ-петербургскаго генералъ-губернатора, и если я не ошибаюсь, твоего знакомаго, Герценъ. Онъ возвращается теперь изъ Китая, гдѣ онъ надѣлалъ чудесъ. Съ 19 казаками, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ лорда Ельгина и барона Gros, съ ихъ арміями, онъ сумѣлъ сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для Россіи наибольшія выгоды, несравненно большія, чѣмъ сами французы и англичане. О трактатѣ, имъ заключенномъ, вы узнаете изъ газетъ, но о чемъ не услышите—это о безпримѣрномъ варварствѣ англійскихъ, особливо же французскихъ войскъ въ Китаѣ. Первые довольствовались большею частію грабежомъ и состоятъ при томъ по преимуществу изъ сипаевъ,—но вторые, чистые французы, по всей дорогѣ до Пекина насиловали женщинъ и потомъ топили, убивали ихъ, отрѣзывали у нихъ ноги.—Этимъ воспользовались русская смѣтливость и русская дисциплина; во главѣ 9 казаковъ, Игнатьевъ явился какъ спаситель Китая—и теперь мы стали ужъ совершенно крѣпкою ногою на Тихомъ океанѣ.—Но возвратимся къ Игнатьеву; это человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати, вполнѣ симпатичный и по высказываемымъ мыслямъ и чувствамъ, по всему существу своему, смѣлый, рѣшительный, энергичный и въ высшей степени способный.—Онъ честолюбивъ, но благородно-горячій патріотъ, требующій въ Россіи реформъ демократическихъ и со-внѣ политики славянской, однимъ словомъ — съ легкими различіями того же, чего требуетъ Муравьевъ.—Они сошлись и будутъ дѣйствовать за одно.—

Вотъ съ такими-то людьми не худо бы вамъ было войти въ постоянныя сношенія,—они не резонерствуютъ, мало пишутъ, но зато много знаютъ и, рѣдкая вещь въ Россіи, много дѣлаютъ *). Теперь, что скажу вамъ о себѣ друзья?

Я намѣренъ вскорѣ послать вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саксоніи, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ, все въ цѣпяхъ, а въ Ольмюцѣ и прикованный къ стѣнѣ,—я былъ перевезенъ въ Россію; въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: „Принципы вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко; я желалъ единства демократизованной Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской имперіи;—я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобъ судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я вамъ отвѣчать не стану". Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій равелинъ,—гдѣ я просидѣлъ 3 года. Мѣсяца два по моему прибытію, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: „Государь прислалъ меня къ вамъ и приказалъ вамъ ска-

*) Считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ помѣщенный въ „Русской Старинѣ", 1882 г.—XI, 644 - 646, разсказъ А. Н. Муравьева (умершаго въ Кіевѣ, извѣстнаго путешественника въ Іерусалимъ и Содомъ, доносчика) о томъ, какое участіе принималъ генералъ Н. П. Игнатьевъ, тогда директоръ азіатскаго департамента въ мин. ин. д., въ подсовываніи Александру II мысли о назначеніи антипатичнаго царю М. Н. Муравьева на мѣсто диктатора въ Вильнѣ. Уже этимъ участіемъ Н. П. И. достаточно разорвалъ свою связь съ программою, которую выше изложилъ Б — нъ, и тѣмъ даетъ намъ полное право на печатаніе относящагося къ нему мѣста въ письмѣ Б—на. Оно, конечно, не повредитъ ему по службѣ, а скорѣе послужитъ въ пользу; — скажутъ: вотъ какъ увлекался человѣкъ въ 1861 г., и уже въ 1863 г. отрезвился вполнѣ! М. Др.

зать: скажи ему, чтобъ онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу,—хотите вы писать?“ Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ jury, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ бы былъ выдержать роль до конца. Но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣдя, я могъ безъ стыда смягчить формы, и потому потребовалъ мѣсяцъ времени, согласился—и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ Dichtung und Warheit;—дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего.—Поблагодаривъ государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ:—„Государь, вы хотите, чтобъ я вамъ написалъ свою исповѣдь, хорошо, я напишу ее; но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану“. Послѣ этого, à quelques exception près, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границею, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, разсчитанное во-первыхъ, на ясность моего повидимому безвыходнаго положенія, съ другой же на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло—и именно потому ему очень понравилось.—За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это,—что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ.—Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года.—У меня открылась цынготная и повыпали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе: влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: „сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе“.—Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяцъ, не спать ни дней, ни ночей,—что бы

ни дѣлалъ, что бы ни читалъ, даже во время сна чувствовать какое-то неспокойное ворочаніе въ сердцѣ и въ печени съ sentiment fixe: я рабъ, я мертвецъ, я трупъ. Однако я не упадалъ духомъ; еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости.—Я одного только желалъ: не примиряться, не резиньироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ—сохранить до конца въ цѣлости святое чувство бунта.—Николай умеръ, я сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. — Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда спустя мѣсяцъ мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: „Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra il ne pourra jamais être libre“. Послѣ чего я заключилъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяцъ, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привезть мнѣ яду. Но прошелъ мѣсяцъ,—я получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось моимъ освобожденіе меня изъ крѣпости; государь съ упорствомъ отбилъ нѣсколько приступовъ; разъ вышелъ онъ къ кн. Горчакову (министру иностр. дѣлъ) съ письмомъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 г. я написалъ Николаю) и сказалъ: „mais je ne vois pas le moinrde répantir dans cette lettre“. Наконецъ, въ мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-мъ отдѣленіи, и по Высочайшему соизволенію сутки у своихъ въ деревнѣ, а въ апрѣлѣ былъ привезенъ въ Томскъ.—Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго Ксаверій Васильевичъ Квятковскій служитъ по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ, или, какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по старосвѣтски. Туда сталъ я ходить всякій день, и предложилъ

учить французскому языку и другому двухъ дочерей, сдружился съ моею женою, пріобрѣлъ ея полную довѣренность,—я полюбилъ ее страстно, она меня также полюбила,—такимъ образомъ я женился и вотъ уже два года женатъ и вполнѣ счастливъ.—Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этотъ другой милая женщина, — я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія.— Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она славянская патріотка. Ген.-губ. Западной Сибири Гасфордъ, безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ высоч. соизволеніе на вступленіе въ гражданскую службу,—первый шагъ къ освобожденію изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ — мнѣ казалось, что, надѣвъ кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселеніи въ Восточную Сибирь и насилу выхлопоталъ; боялись для меня симпатіи Муравьева, который пріѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказалъ мнѣ свое уваженіе. Долго не соглашались, наконецъ согласились. Въ мартѣ 1856 г. я переселился въ Иркутскъ, вступилъ въ службу только-что образовавшейся Амурской компаніи; ѣздилъ въ слѣдующее лѣто по цѣлому Забайкалью, а въ началѣ 1860 года оставилъ компанію, убѣдившись, что въ ней прока не будетъ. Теперь ищу службы по золотопромышленнымъ дѣламъ у Бенардаки; до сихъ поръ еще дѣла мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а хотѣлось бы обойтись безъ помощи братьевъ. Они не богаты, къ тому, не ожидая петербурскаго рѣшенія, они фактически освободили своихъ крестьянъ съ землею и производятъ всѣ работы наемнымъ трудомъ,— что сопряжено съ большою тратою капитала.— Какъ бы то ни было, живу я здѣсь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ, но надѣюсь, что дѣла мои скоро поправятся.—Пора въ Россію. До сихъ поръ всѣ старанія Муравьева выхлопотать мнѣ право возвращенія были безуспѣшны. Тимашевъ и Долгорукій, основываясь на какихъ-то сибирскихъ доносахъ, считаютъ меня человѣкомъ опаснымъ и неисправимымъ. Впрочемъ Муравь-

евъ увѣренъ, что ему удастся освободить меня нынѣ весною.—Теперь я сильно надѣюсь на успѣхъ, и ѣхать въ Россію стало для меня дѣйствительною необходимостью. Я не рожденъ для спокойствія, отдыхалъ по неволѣ столько лѣтъ, пора опять за дѣло. Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками, — пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшною; мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ возможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необходимости примиренія съ Россіею; удалось убѣдить также и Муравьева въ необходимости децентрализаціи имперіи и въ разумности, въ спасительности славянской федеративной политики.—Теперь надо въ Россію, чтобы искать людей; вновь познакомиться со старыми и открыть новыхъ, чтобы ознакомиться живѣе съ самою Россіею и постараться угадать, чего отъ нея ожидать можно, (чего) нельзя.—Странно будетъ, если внутреннее движеніе, возбужденное крестьянскимъ вопросомъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ, порожденнымъ повидимому Наполеономъ, въ сущности же далеко не умершею революціею, которой Наполеонъ только одинъ изъ органовъ,—странно, говорю я, если все это вмѣстѣ не расшатаетъ Россію.—Будемъ надѣяться, пока есть возможность надѣяться,—а до тѣхъ поръ, друзья, прощайте.

Преданный вамъ М. Бакунинъ.

Съ будущимъ письмомъ пришлю письмо къ другу Рейхелю и приложу мой портретъ.

Вы, безъ сомнѣнія, захотите отвѣтить мнѣ. Въ такомъ случаѣ прошу васъ: присылайте ваши письма черезъ вѣрныхъ путешественниковъ въ Петербургъ или на имя Николая Павловича Игнатьева или....

IV.

15/3 октября 1861. С.-Франциско.

Друзья! Мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири, и послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня я прибылъ въ

С.-Франциско. Но странствованіе это истощило мои и безъ того небольшія денежныя средства, такъ что еслибъ я не нашелъ добраго человѣка, который мнѣ далъ 250 долларовъ взаймы до Нью-Іорка, то я былъ бы въ большомъ затрудненіи. До васъ далеко, а друзей, ни даже знакомыхъ у меня здѣсь нѣтъ. Въ Нью-Іоркѣ я буду около 18/0 ноября. Вы получите это письмо, по моему расчету, около 15 ноября, такъ что отвѣтъ вашъ можетъ придти въ Нью-Іоркъ въ концѣ этого мѣсяца. Я надѣюсь, что вамъ присланы для меня изъ Россіи деньги. Но такъ или нѣтъ, прошу васъ, вышлите мнѣ въ Нью-Іоркъ 500 долларовъ, кажется 100 фунтовъ стерлинговъ, необходимые на покрытіе моихъ путевыхъ издержекъ до Лондона. Въ такомъ случаѣ я буду у васъ около 10/2 декабря. Еще одна просьба: лишь только вы получите это письмо, черезъ вашихъ друзей въ Россіи, дайте немедленно знать моимъ братьямъ (въ Твери или Тверской губерніи г. Торжокъ, село Прямухино, Николаю Александровичу Бакунину), что я прибылъ благополучно въ Санъ-Франциско и что прибуду въ Лондонъ въ половинѣ декабря. Жена моя теперь безъ сомнѣнія у насъ въ деревнѣ и въ сопровожденіи одного изъ моихъ братьевъ или кого другого отправится въ Лондонъ, лишь только получитъ извѣстіе;—и еще просьба: наймите для меня поближе къ вамъ дешевый уголокъ и напишите мнѣ въ Нью-Іоркъ, куда въ Лондонѣ я долженъ обратиться. Если уголъ окажется слишкомъ тѣсенъ, то по прибытіи жены въ Лондонъ я сумѣю нанять другой.—Мой адресъ въ Нью-Іоркѣ: Mr. Bakounin—„Howard House“, low Broadway und Courtland. Въ письмо ваше вложите записку ко мнѣ же, въ родѣ извѣщенія отъ вашего банкира съ означеніемъ суммы, мнѣ посылаемой, и имени того банкира въ Нью-Іоркѣ, отъ котораго, предъявивъ извѣщеніе лондонскаго банкира, я ее получить долженъ.

Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и лишь только пріѣду къ вамъ, примусь за дѣло; буду у васъ служить по польско-славянскому вопросу, который былъ моею idée fixe съ 1846 года и моею

практическою спеціальностью въ 48 и 49 годахъ. Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; — для служенія этому великому дѣлу я готовъ идти въ барабанщики или даже въ прохвосты, и если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ. А за нимъ является славная, вольная славянская федерація, — единственный исходъ для Россіи, Украйны, Польши и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я завтрашняго дня, чтобъ узнать извѣстія изъ Россіи и Польши. Сегодня я долженъ былъ довольствоваться глухими слухами. Толковали мнѣ о возобновленіи кровопролитныхъ столкновеній между народомъ и войскомъ въ Царствѣ Польскомъ и даже объ открытомъ заговорѣ въ Россіи противъ жизни императора и царской фамиліи. Авось завтра доберусь толкомъ. Интересуетъ меня также въ сильной степени борьба сѣверныхъ штатовъ съ Югомъ въ Америкѣ. Всѣ симпатіи мои разумѣется клонятся къ Сѣверу, но увы! кажется югъ дѣйствуетъ до сихъ поръ сильнѣе, умнѣе, дружнѣе, чѣмъ онъ, и во всѣхъ встрѣчахъ имѣлъ несомнѣнное превосходство. И то правда, что Югъ началъ готовиться къ борьбѣ ужъ три года тому назадъ, въ то время какъ сѣверные штаты взяты врасплохъ. Неимовѣрные успѣхи счастливыхъ и рѣдко вполнѣ честныхъ спекуляцій, пошлость бездушнаго матеріальнаго благоденствія и слишкомъ дешевое удовлетвореніе страшнаго, дѣтскаго національнаго тщеславія растлили ихъ кажется очень сильно, и можетъ быть эта борьба будетъ спасительна тѣмъ, что она возвратитъ американскому народу утраченную душу.

Впрочемъ это мое первое впечатлѣніе; вглядѣвшись ближе, можетъ быть, я измѣню свое мнѣніе. Только глядѣть-то долго мнѣ будетъ некогда. Въ С.-Франциско я пробуду всего 5 дней, а по прибытіи въ Нью-Іоркъ, отправлюсь въ Бостонъ и Кембриджъ къ старому знакомому профессору Agazis, возьму у него нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, съ которыми и

поѣду на нѣсколько дней въ Вашингтонъ. Такимъ образомъ хоть что-нибудь пойму и узнаю. Проѣздомъ сюда мнѣ удалось устроить одно доброе дѣло, которое васъ безъ сомнѣнія порадуетъ: зная какъ жадно читаются въ Сибири „Колоколъ“ и „Полярная Звѣзда“ и съ какимъ трудомъ они тамъ получаются, я условился съ тремя купцами, нѣмцемъ въ Шанхаѣ, американцемъ въ Японіи и другимъ американцемъ въ Николаевскѣ, при устьѣ Амура. Они будутъ брать на комисію все, что мы имъ пришлемъ изъ Лондона, и будутъ продавать ихъ флотскимъ офицерамъ и кяхтинскимъ купцамъ, число которыхъ на Амурѣ и въ Тихомъ океанѣ будетъ каждый годъ умножаться. Такимъ образомъ мы будемъ продавать отъ 100 до 300 экземпляровъ, количество въ торговомъ отношеніи очень небольшое, но чрезвычайно важное въ политическомъ отношеніи.

Но пора кончать письмо, пора спать ложиться. Друзья, до скораго свиданія. Напишите Рейхелю, что я воскресаю и что дружда моя къ нему неизмѣнна.

Вашъ М. Бакунинъ.

V.

Тихій океанъ—400 миль до Панамскаго перешейка,—на пароходѣ.

22 октября / 2 ноября 1861.

Друзья, я писалъ вамъ два раза изъ С.-Франциско черезъ Pony Express (эстафету). Но Богъ знаетъ, дошли ли до васъ мои письма. Pony Express идетъ черезъ Миссури, а въ Миссури теперь свирѣпствуетъ междоусобная война. Англійскій капитанъ of a man of war отправляется изъ Панама прямо въ Англію. Онъ сынъ лондонскаго префекта полиціи и потому я увѣренъ, что это письмо, которое онъ беретъ съ собою, дойдетъ до васъ. Передъ отъѣздомъ своимъ, я

вамъ писалъ еще изъ Иркутска, что, не видя никакой надежды возвратиться въ Россію путемъ правильнымъ, т. е. съ Высочайшаго разрѣшенія, я рѣшился взять свободу, которой мнѣ дать не хотѣли. 5/17 іюня оставилъ я Иркутскъ, простившись съ женою, которая въ сентябрѣ должна была ѣхать въ деревню къ матушкѣ, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи извѣстія обо мнѣ, отправиться ко мнѣ въ Лондонъ. Спустившись внизъ по Амуру до Николаевска, я сѣлъ incognito на американское судно и долго странствовалъ по Татарскому проливу и по берегамъ Японіи. Наконецъ 5/17 сентября въ Іокогамѣ, въ 14 миляхъ отъ Іедо, мнѣ удалось найти другое американское судно, отправлявшееся въ С.-Франциско. Теперь я пишу вамъ на пароходѣ „Orizaba“ въ 400 миляхъ до Панамскаго перешейка и около 14 числа, если по ту сторону перешейка въ Мексиканскомъ проливѣ насъ не перехватитъ a Privatier with a letter of mark, я буду въ Нью-Іоркѣ. Тамъ буду я ждать вашихъ писемъ и денегъ отъ васъ, потому что мои средства совершенно истощились. Изъ моихъ ли денегъ, которыя, по моимъ соображеніямъ, должны быть присланы къ вамъ, а если нѣтъ, такъ изъ вашихъ, пришлите мнѣ, прошу васъ, 500 долларовъ, безъ которыхъ мнѣ будетъ невозможно оставить Нью-Іоркъ. Пришлите мнѣ ихъ черезъ банкирскій домъ Ballin et Sanders въ Нью-Іоркѣ pour Mr. Michel Bakounin. Если же вы ужъ послали деньги и письма на адресъ, посланный мною вамъ изъ С.-Франциско, то, полученіи этого письма, напишите мнѣ, прошу васъ еще разъ на имя Ballin et Sanders. И еще просьба, друзья. Если вы имѣете какія-нибудь письма или извѣстія о женѣ и о моемъ семействѣ, поспѣшите присылкою ихъ въ Нью-Іоркъ и дайте знать немедленно черезъ вашихъ корреспондентовъ въ Россіи братьямъ въ Тверской губерніи (г. Торжокъ, село Прямухино), что около половины декабря я долженъ быть въ Лондонѣ.

Прощайте. Обнимаю васъ крѣпко. До скораго свиданія.

М. Бакунинъ.

VI.

3 декабря 1861. Нью-Іоркъ.

Любезные друзья Герценъ и Огаревъ,—я вамъ написалъ столько писемъ изъ С.-Франциско и изъ Нью-Іорка, что мнѣ ничего не остается прибавить, если вы только получили тѣ письма. Если же вы ихъ не получили, то прошу васъ прислать мнѣ въ Нью-Іоркъ на домъ Ballin an Sanders in New-York, Mr. M. Bakounine 500 долларовъ, которые мнѣ необходимы для того, чтобъ оставить Америку и ѣхать къ вамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ прислать мнѣ всѣ письма, которыя получены вами на мое имя, или извѣстія о моемъ семействѣ, которыя до васъ дошли, и въ то же время, т. е. немедленно по полученіи моего письма, дать знать моему семейству, въ Тверской губерніи, что я скоро, вѣроятно въ концѣ этого мѣсяца, буду въ Лондонѣ.

Жена моя должна была оставить Иркутскъ въ сентябрѣ и ѣхать къ матушкѣ въ деревню, оттуда съ однимъ изъ братьевъ въ Лондонъ. Но я ничего не знаю о ней, и неизвѣстность меня измучила. Пожалуйста отвѣчайте скорѣе.—Пишу вамъ у Зольгера, гдѣ также сидитъ или, лучше, стоитъ Капъ.

(Другимъ почеркомъ):

Frenndchaflicher Gruss von Ihrem

Friedr. Kapp.

Semper idem

Reinhod Solger.

М. Бакунинъ.

VII.

КОНЕЦЪ ПИСЬМА КЪ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ.

По характеру этого отрывка, мы предполагаемъ, что онъ относится къ тому же времени, что и слѣдующее письмо. Какъ и это письмо, онъ открываетъ разногласія, какія возникли у Бакунина съ Герценомъ и Огаревымъ, вскорѣ по пріѣздѣ перваго въ Лондонъ и какія собственно не прекращались во всю ихъ жизнь, особенно у Герцена и Бакунина.

. . . . . за дѣйствительно и въ высшей степени полезную силу. Идти противъ васъ, даже отдѣльно отъ васъ, не испытавъ всѣхъ средствъ для полнаго соединенія, если можно дойти до него жертвою всякаго самолюбія и даже жертвою убѣжденій второстепенной важности,—было бы поэтому въ моихъ глазахъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ цѣляхъ мы кажется совершенно согласны, расходимся только, можетъ быть, въ путяхъ и средствахъ; не только преступленіемъ но и глупостью. Вы создали силу. Создать другую такую силу не легко, у меня нѣтъ Герценовскаго таланта,—принимая слово талантъ въ обширномъ, не только литературномъ смыслѣ. Но во мнѣ все-таки есть сила, полезная и благородная, которую вы пожалуй не признаете, но которую я знаю. Обречь ее на бездѣйствіе я не хочу да и не имѣю права. Когда я приду къ убѣжденію, что въ соединеніи съ вами для нея нѣтъ ни выраженія, ни дѣла,—тогда я, разумѣется, отъ васъ отдѣлюсь и по средствамъ и по умѣнью буду дѣйствовать особенно, вполнѣ сознавая, что вамъ этимъ во-первыхъ ущерба не принесу никакого, а себя лишу крѣпкой опоры, и въ глазахъ нашей общей публики много потеряю.

Я ни на каплю не потерялъ еще вѣры, съ которою пріѣхалъ въ Лондонъ, и твердаго намѣренія, во что бы то ни стало и какъ бы это ни было трудно, сдѣлаться вашимъ другомъ, быть третьимъ въ вашемъ со-

юзѣ, — единственное условіе, при которомъ наше соединеніе возможно—въ противномъ случаѣ мы будемъ союзниками и пожалуй пріятелями, но вполнѣ независимыми и неотвѣтственными другъ за друга.

Погодите отвѣчать. Налбандовъ пришелъ, и я долженъ оставить письмо. Вечеромъ напишу продолженіе. А до тѣхъ поръ распорядитесь, чтобъ мнѣ возвратили мою статью. Разумѣется, что все, что издержано на ея первое напечатаніе, должно быть взято изъ денегъ, которыя находятся у Герцена. А напечатанное пришлите ко мнѣ.

Вашъ М. Бакунинъ.

Возможно, что въ послѣднихъ строкахъ рѣчь идетъ о статьѣ Бакунина „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ", которой появилась въ „Колоколѣ" только первая половина (въ №№ 122—123).

VIII.

10, Paddington Green W. 20 мая 1862.

Вы правы, друзья—„Дружеское и союзное возлѣ".—Вотъ то отношеніе, въ которомъ я долженъ стоять къ вамъ. Но надо уяснить и опредѣлить это отношеніе, для того чтобы оно стало дѣйствительнымъ. Личныхъ объясненій между нами болѣе не будетъ. Сердце мое удовлетворено. Спасибо вамъ за то, что вы приняли письмо мое такъ серьезно и не искали въ немъ выраженій раздраженнаго самолюбія,—для себя лично я ничего большаго не желаю,—тѣмъ не менѣе ощущаю необходимость о многомъ говорить съ вами и въ бесѣдѣ и письменно,—а потому, съ вашего позволенія, предоставляю себѣ право посылать вамъ иногда письма, по мѣрѣ собиранія моихъ мыслей.—А теперь еще разъ спасибо и до свиданія.

Вашъ М. Бакунинъ.

IX.

Среда (1862)

Любезный Герценъ! Сегодня я ни обѣдать, ни вечеромъ не пріѣду. А пріѣхалъ сюда полякъ съ прилагаемымъ письмомъ отъ Высоцкаго. Онъ пріѣхалъ также сюда и отъ Гарибальди, съ которымъ видѣлся въ Palermo. Самъ же онъ гвардейскій артиллерійскій офицеръ, воспитывавшійся въ академіи, товарищъ и пріятель Л. и только-что теперь получившій изъ Петербурга, куда онъ ѣхать не хочетъ, приказаніе немедленно воротиться. Что онъ говоритъ о Польшѣ и о Варшавѣ, очень интересно. Онъ желаетъ непремѣнно тебя видѣть и самъ по себѣ и по порученію Высоцкаго, и несмотря на твое высокомѣрное, систематическое, въ лѣнивую привычку у тебя обратившееся презрѣніе къ моимъ рекомендаціямъ, считаю однако на сей разъ обязанностью побѣдить свое отвращеніе и рекомендовать тебѣ сего молодого человѣка, какъ такого, съ которымъ, по моему мнѣнію, ты непремѣнно долженъ видѣться. Завтра онъ будетъ у меня въ два часа и мы вмѣстѣ будемъ у Mazzini, а послѣ сего до поздней ночи, когда вы назначите, къ вашимъ услугамъ. Жаль, что нѣтъ Огарева. Статью, или вѣрнѣе брошюру, я показывалъ Мартьянову еще прежде, чѣмъ давалъ читать тебѣ. Ты его сегодня увидишь. Пусть онъ скажетъ тебѣ свое мнѣніе. А затѣмъ прощай и до свиданія. Письмо Высоцкаго пришли назадъ.

Твой М. Бакунинъ.

Брошюра, о которой говорится здѣсь, должна быть „Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель“.

Мартьяновъ — монархистъ народникъ того времени. Онъ рѣшительно не одобрялъ союза „Колокола“ съ польскимъ возстаніемъ и, когда этотъ союзъ состоялся, сказалъ Герцену: „такъ или иначе, а „Колоколъ“-то вы порѣшили“,— и уѣхалъ въ Россію, гдѣ написалъ письмо къ Александру II съ изложеніемъ своихъ мнѣній и былъ за то сосланъ.

X.

17 іюля (1862)

Виноватъ, Герценъ. Прошу тебя, не сердись. По врожденной неловкости, съ языка сорвалось жесткое слово, когда въ сердцѣ не было жесткаго чувства. А что еслибъ тебѣ пришлось получить всѣ записки, которыя ты мнѣ написалъ? Вѣдь ты бы давно услалъ меня не въ Парижъ, а въ Калькуту. Но не стану шутить. Ты долженъ знать, Герценъ, что уваженію моему къ тебѣ нѣтъ мѣры и что я искренно люблю тебя. Прибавлю еще, что безъ задняго чувства, но съ полною радостью, я тебя ставлю во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше себя, по способностямъ и знанію, и что для меня твое мнѣніе во всякомъ дѣлѣ очень важно. Послѣ этого зачѣмъ мнѣ уѣзжать въ ссылку въ Парижъ, хоть бы и существовала между нами второстепенная случайная рознь. Я въ самомъ дѣлѣ иногда упрекаю тебя въ томъ, что для тебя литературное дѣло чуть ли не важнѣе практическаго и литераторъ милѣе простыхъ дѣятелей. Высоцкій не великій, но честный человѣкъ, пользующійся теперь, кажется, изъ всѣхъ эмигрантовъ исключительнымъ довѣріемъ края. Молодой человѣкъ, имъ присланный, умный и симпатичный, даже и тебѣ понравится, тѣмъ болѣе, что говоритъ по-русски, какъ мы, и, служа между русскими, выучился думать по-русски.

И потому прошу тебя, прими насъ благосклонно. А будемъ мы у тебя отъ Mazzini между $4^1/_2$ и $5^1/_2$ часами.

Твой Б.

XI.

1 октября 1862 г.

Супъ-то я приду ѣсть и Жюля разсужу по всей справедливости,—а хотѣлось бы знать, что вы рѣшили на счетъ довѣрительнаго письма Падлевскому. — Ты

сказалъ мнѣ вчера, что всякій день можно найти случай въ Парижъ. Вѣдь это только такъ говорится, а на дѣлѣ его выходитъ не такъ.—Они будутъ жить въ Парижѣ только въ ожиданіи нашего письма, а *ихъ заставлять ждать невозможно*. Падлевскаго можно бы было наказать за непростительную вѣтреность,—но вѣдь онъ спѣшитъ не для своего удовольствія, а потому медлить мы не имѣемъ права. О посылкѣ письма по почтѣ въ Парижъ и думать нельзя. Остается средство, предложенное мною вчера, а именно отправить его по почтѣ въ Гейдельбергъ по тому невинному адресу, который онъ мнѣ далъ отъѣзжая,—а ихъ увѣдомить, что они найдутъ письмо въ Гейдельбергѣ, куда Падлевскій въ сопровожденіи Милова и безъ того хотѣлъ заѣхать... Или вы усомнились въ пользѣ самого письма, а можетъ быть и союза?—Въ такомъ случаѣ желалъ бы васъ видѣть сегодня.

М. Бакунинъ.

Падлевскій членъ делегаціи тайнаго революціоннаго правительства въ Варшавѣ, имѣвшій цѣлью между прочимъ установить соглашеніе между этимъ правительствомъ и кружкомъ «Колокола».

Настоящимъ письмомъ открывается рядъ писемъ, показывающихъ отношеніе Бакунина и Герцена къ польскому возстанію 1862—63 гг. Мы подробно разсмотрѣли это отношеніе въ книжкѣ «Историческая Польша и великорусская демократія» (Женева, 1881). Условія нашего изданія не позволяютъ намъ повторяться, а потому мы и отсылаемъ читателей къ этой книжкѣ, которая можетъ служить общимъ комментаріемъ къ печатаемымъ теперь письмамъ.

XII.

(1862)

Любезный Герценъ. Ты рѣшительно одаренъ способностью не понимать ни моихъ мыслей, ни моихъ словъ. Въ полезности и въ необходимости союза съ поляками я не сомнѣвался никогда. Въ этомъ ты самъ будешь мнѣ свидѣтелемъ. Еслижъ я сомнѣвался, то единственно только въ вашей вѣрѣ въ него, и если ты нашелъ вчера на челѣ моемъ тучи, то не Мартья-

новскія, а навѣянныя опасеніемъ, что вы въ послѣднюю минуту опять усомнитесь. Я ошибся, тѣмъ лучше. Что-жъ касается до разногласія Мартьянова въ этомъ дѣлѣ, оно меня за него огорчаетъ, въ отношеніи же къ самому дѣлу нисколько не трогаетъ, потому что я давно былъ непоколебимо увѣренъ и въ его необходимости и въ его святой справедливости.

Посылаю тебѣ „Daily Telegraph“, гдѣ есть статья о Россіи и другая о Ріотѣ въ Гайдъ-Паркѣ. А вѣдь ты долженъ мнѣ, кажется, 10 шилинговъ. Если долженъ, то пришли. Падлевскому напишу, какъ приказываете.

М. Бакунинъ.

XIII.

3 октября 1862.

Герценъ.—Я рѣшительно не того мнѣнія, чтобъ можно было отвѣтить на письмо варшавскаго комитета письмомъ къ офицерамъ. По моему крѣпкому убѣжденію мы должны отвѣтить на документъ документомъ, т. е. письмомъ къ комитету съ краткимъ изложеніемъ нашихъ началъ и надеждъ въ отношеніи къ Россіи, къ Малороссіи и къ Польшѣ, и скрѣпленнымъ нашими тремя именами*). Мнѣ кажется, это требуютъ и справедливость и наше достоинство. Мы беремъ на себя практическую отвѣтственность въ союзѣ съ поляками, такъ прятаться отъ нея нечего. Иначе скромность покажется трусостью и нежеланіемъ компрометировать себя. Письмо, мнѣ кажется, должно быть коротко, какъ письмо поляковъ, и должно въ немногихъ словахъ высказать нашу политическую программу. Въ томъ же нумерѣ можемъ тогда помѣстить письмо къ офицерамъ, которое будетъ коментаріемъ къ первому.

*) На это я рѣшительно несогласенъ.—Приписка рукою Огарева. М. Др.

Меня вчера поразила охота, съ которою ты согласился съ журналомъ Мирославскаго въ томъ, что „Колоколъ“ имѣлъ чисто отвлеченно-разрушительное направленіе, безъ всякаго плана для будущаго, безъ всякой практической цѣли.—Во-первыхъ это несправедливо: „Колоколъ“ давно проповѣдуетъ общинное земское начало, избирательное самоуправленіе общинное и областное и наконецъ федерацію русскихъ областей. Начало и цѣль ясныя, опредѣленныя, практическія, вполнѣ достаточныя, чтобы удовлетворить самымъ строгимъ практическимъ требованіямъ,—и дай Богъ, чтобы поляки могли бы намъ указать у себя программу, которая практичностью своею могла бы сравниться съ нашею. — Ну, а еслибъ Мирославскій былъ правъ?—Вѣдь это было бы непростительно плохо, Герценъ.—Опять повторяю, скромность назовется трусостью, если ты теперь не рѣшишься на болѣе откровенное практическое дѣйствіе. Нареканіе въ самозванической самонадѣянности все-таки за тобою останется—на это завистники и враги—но чести смѣлаго и открытаго дѣла не будетъ.—Ты создалъ силу, огромную силу,—и этой чести у тебя никто не отниметъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, что ты изъ нея сдѣлаешь?— Россія требуетъ теперь практическаго руководства къ практической цѣли.—Дастъ его „Колоколъ“ или нѣтъ?—Если нѣтъ, то черезъ годъ, можетъ быть, и черезъ полгода онъ потеряетъ и смыслъ и вліяніе, и вся сила, созданная тобою, рушится передъ первымъ смѣлымъ, самонадѣяннымъ мальчикомъ, который, за неспособностью думать, какъ ты, будетъ смѣть лучше, чѣмъ ты.—Подымай знамя на дѣло, Герценъ, подымай его со всею свойственною тебѣ осторожностью, со всѣмъ возможнымъ благоразуміемъ, тактомъ, но подымай его смѣло.—А мы пойдемъ за тобою и дружно будемъ работать съ тобою.

Когда увидимся?—Отвѣчай.

М. Бакунинъ.

Изъ „Посмертныхъ Сочиненій“ Герцена видно, какъ неохотно онъ втянулся въ практическое участіе въ польскомъ революціонномъ движеніи 1862—63 гг., въ которомъ онъ видѣлъ недостаточно ясно поставленною демократическую идею и слишкомъ много вѣры въ историческія права поляковъ на не польскія провинціи Литву, Бѣлоруссію и Украину. Изъ письма Бакунина № III видно, что и Бакунинъ не всегда считалъ полезнымъ для Польши вполнѣ сепаратистическое направленіе политики по отношенію къ Россіи. Но въ 1862 - 1863 гг., Бакунинъ вполнѣ отдался этому направленію и увлекъ за собою и Герцена гораздо дальше, чѣмъ самъ Герценъ признавалъ это нужнымъ даже и тогда.

XIV.

(1862)

Вотъ предлагаемое предисловіе.

Публикуя въ особой брошюрѣ важные документы, ознаменовывающіе новую эру какъ русскаго, такъ и польскаго движенія: Письмо Польскаго Народнаго Комитета въ редакцію „Колокола“, Отвѣтъ ея Польскому Комитету, Отвѣтъ на письмо русскихъ офицеровъ войскъ, квартирующихъ въ Царствѣ Польскомъ и наконецъ Адресъ тѣхъ же войскъ къ в. к. Константину Николаевичу,—мы просимъ нашихъ русскихъ друзей, гражданскихъ и особенно военныхъ, обратить на нихъ серьезное вниманіе. Ими полагается конецъ несчастному, свободопротивному недоразумѣнію, раздѣлявшему до сихъ поръ поборниковъ русскаго народнаго дѣла и поборниковъ освобожденія Польши. Отнынѣ, широко довѣряя другъ другу, будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, успѣшнѣе и сильнѣе. Поляки и русскіе, гдѣ бы и въ какихъ бы обстоятельствахъ мы ни встрѣтились, въ борьбѣ или въ изгнаніи, въ силѣ или въ бѣдѣ, подадимъ другъ другу руку на братскую помощь, на святое общее дѣло. Будемъ вмѣстѣ стремиться къ низверженію постыдно тяжкаго петербургскаго ярма, равно гнетущаго и русскія и польскія земли. А

когда возвратимъ этимъ землямъ свободу, пусть онѣ сами опредѣлятъ и границы и союзы свои, равно какъ и формы своего будущаго обновленнаго существованія, на основаніи законнаго и несомнѣннаго права, на основаніи свободной воли народовъ.

Мы же въ заключеніе выскажемъ свое убѣжденіе, что пока Польша въ цѣпяхъ, Россія, обреченная на роль палача, не увидитъ и тѣни свободы.

Михаилъ Бакунинъ.

XV.

31 октября (1862 ?)

Любезный Бакунинъ, я твоего письма къ графинѣ *) не послалъ; у меня не было ея адреса. Теперь онъ есть, но я разсуждаю: если Л. говоритъ о ея поѣздкѣ, то поздно, и затерявшись, письмо можетъ надѣлать бѣдъ. Если не о ней, то вовсе не поздно, потому что значитъ она долго не уѣдетъ и письмо твое не опоздаетъ. Компрометировать ее я боюсь изъ-за тысячи причинъ, а не застань ее письмо,—это было бы finis. Напиши же мнѣ тотчасъ,—о ней ли говоритъ Л. или не о ней. Если не о ней, то я тотчасъ пошлю. Надѣюсь, что ты поймешь мое „dans le doute abstiens toi“ и не поставишь мнѣ въ вину. Въ этомъ случаѣ мнѣ бы этого не хотѣлось, потому что, конечно, лично для тебя я готовъ сдѣлать отъ души все, что по силамъ, не только такой пустякъ, какъ посылка письма.

Но теперь о безличномъ. Въ безличномъ я на тебя не то что сердитъ, Бакунинъ, а я утрачиваю въ тебя мою человѣческую вѣру. Не сердись на меня за откровенность, какъ сердятся обыденные французы; а просто задумайся искренно и спроси себя по совѣсти, правъ я или нѣтъ.

---

*) Вѣроятно, гр. Салiасъ,—извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Евгенiи Туръ. М. Др.

Вотъ факты:

Когда пришелъ указъ о томъ, что $^{5}/_{1000}$ не значитъ 25,000 рекрутъ съ городовъ, я вспрыгнулъ отъ радости, видя въ этомъ пресѣченіе попытки гибельной для блага Россіи, для нашихъ убѣжденій, для народной свободы, для всего, что намъ свято и дорого. Ты же перемѣнился въ лицѣ отъ дезоріентаціи, въ которую это обстоятельство тебя поставило. Ты затѣмъ и хочешь вредной попытки, потому что она тебѣ даетъ занятіе, хотя бы и вредила дѣлу. Войди въ глубь самого себя—и очистись. Говорю не въ укоръ, а какъ мольбу о томъ, чтобъ ты выше себя поставилъ дѣло, выше себя свою человѣческую чистоту.

Затѣмъ вижу твою записку, гдѣ ты сердишься на судебную реформу и хочешь писать о ней. Пиши, Бакунинъ. Но спроси себя искренно, — работалъ ты когда-нибудь надъ судебнымъ вопросомъ,—не то ужъ что читалъ и изучалъ — а думалъ ли когда-нибудь серьезно? Вообще государственный вопросъ, вопросъ общественнаго учрежденія,—помимо агитаціи, — занималъ когда-нибудь серьезно твою мысль? Спроси себя искренно, становясь передъ правдой, какъ христіанинъ передъ Христомъ,—и рѣшай самъ.

Для меня наше поведеніе ясно: правительство дѣлаетъ $2^{1}/_{2}$ переворота—1) освобожденіе крестьянъ, 2) судебная реформа, 3) дробь падаетъ на губернскія думы. Всѣ три штуки какъ учрежденіе зыбки, а какъ переворотъ ставятъ безвозвратно новую Россію. Но въ этихъ $2^{1}/_{2}$ реформахъ правительство истощаетъ свои задачи; дальше оно реформировать не можетъ, а эти реформы только недоконченности. Стало—пока онѣ всѣ не начаты de facto, русскій запросъ будетъ таиться и ты его ничѣмъ не вызовешь къ дѣлу. Какъ скоро онѣ начнутся въ практикѣ, ты не удержишь дѣла и необходимость выборнаго законодательнаго собранія или будетъ дана по требованію или произведетъ возстаніе. Этотъ конецъ надо готовить, готовить прочно, терпѣливо и безостановочно. Ближе 69 года ты его не приготовишь; онъ не имѣетъ данныхъ ближе сложиться, а къ этому времени естественно истощатся

правительственныя реформы. Этотъ путь такъ ясенъ, что, не потерявши разсудка, нельзя не видѣть его. Доживемъ ли мы,—это другой вопросъ, да я думаю и второстепенный. Что хочется дожить — участвовать, что будешь работать до издыханія,—это все такъ, это слишкомъ естественно. Представь себѣ, что я бы влюбился въ дѣвушку, которая еще не доросла. Настоящая любовь, человѣческая любовь скажетъ:—пусть выростетъ и да будетъ счастлива, съ кѣмъ бы то ни было; если случится, что меня полюбитъ, — спасибо судьбѣ за счастье: а умру я прежде, — лишь бы она была счастлива. Этого преданнаго отношенія къ дѣлу требую я. Всякое чувство самолюбивой ревности — я считаю безнравственнымъ преступленіемъ.

Тутъ была написана вещь, которая оказалась несправедливостью и потому прошу прощенія.

Если ты ищешь себѣ занятія, хотя бы по дорогѣ погибла надолго русская свобода и ростъ внутренней организаціи народа,—я врагъ тебѣ.

А покамѣстъ твой другъ Огаревъ.

Л. адресъ исправленный я отправилъ, но списать не успѣлъ. Онъ пришлетъ.

Вѣроятно, въ послѣднихъ словахъ рѣчь идетъ о проектѣ адреса о созваніи земскаго собора, напечатаннаго нами въ «Письмахъ Кавелина и Тургенева къ Герцену» стр. 155 и слѣд. Это соображеніе даетъ намъ основаніе поставить это письмо въ 1862 годъ.

XVI.

10 ноября 1862.

Любезные друзья. Письмо Кельсіева я прочелъ и оно совсѣмъ помирило меня съ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно возбудило во мнѣ нѣсколько мыслей, которыя считаю нужнымъ передать на ваше серьезное и, надѣюсь, внимательное обсужденіе.

Передъ явнымъ, систематическимъ и, должно при-

знаться теперь, умнымъ гоненіемъ правительства на всѣ лондонскія изданія, клонящимся къ совершенному уничтоженію нашей пропаганды въ Россіи, мы должны наконецъ сами выйти изъ постыдной и гибельной апатіи и противопоставить враждебному дѣлу союзное дѣло.

Раскрыть во что бы то ни стало широкія и постоянныя сообщенія съ Россіею стало дѣломъ первой и ближайшей необходимости. Медлить и тянуть, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, не значитъ еще обдумывать и поступать практично. Время есть сила, которую терять непростительно. И потому съ полною обдуманностью, но не теряя времени, должно приступить къ дѣлу.

Я радъ, что вы рѣшились наконецъ послать Б. въ Сѣверную Германію, предлагаю вамъ послать Жуковскаго на Востокъ, отчасти на помощь Кельсіеву, отчасти и преимущественно съ самостоятельнымъ порученіемъ. Это предложеніе раздѣляется на двѣ части: одна отвѣчающая на вопросъ, полезна ли будетъ посылка Жуковскаго и именно на Востокъ, а другая на вопросъ о средствахъ.

Поговоримъ о пользѣ: — Вы видите изъ письма Кельсіева и вѣроятно догадывались прежде, что для насъ на Востокѣ плодовитаго дѣла тьма,—какъ политическаго, такъ и коммерческаго, — и что оба тѣсно между собою связаны. Пропаганда на старовѣровъ въ Турціи и въ Австріи и черезъ нихъ на Россію, устройство складочнаго мѣста и правильной торговли черезъ Константинополь и Галацъ на Одессу, устройство правильной пропаганды черезъ Кавказъ на войско кавказское и далѣе на Донъ—и прибавлю еще, устройство правильной торговой пропаганды черезъ армянъ на Тифлисъ и на Волгу даже до Нижняго Новгорода. На все это при всей ревности Кельсіева его одного не станетъ. А дѣло, какъ вы сами видите и знаете, животрепещущей, неотлагательной важности.—„Куй желѣзо, пока горячо“ пословица драгоцѣнная, которую вы, къ сожалѣнію, часто забываете. Я предоставилъ бы Кельсіеву раскольниковъ турецкихъ, бѣлокриницкихъ и все съ ними свя-

занное, а также устройство путей сообщенія черезъ Галацъ и другія мѣста въ Одессу. Жуковскому и Кельсіеву вмѣстѣ поручилъ бы устройство складочнаго мѣста въ Константинополѣ. Но Жуковскому исключительно всѣ дѣла по Кавказу, по Грузіи, по Волгѣ и по Дону. Не стану распространяться, письмо дополню разговоромъ. Мнѣ кажется, вы бы желали послать въ Константинополь Сохновскаго. По моему крѣпкому убѣжденію, Жуковскій будетъ тамъ въ тысячу разъ полезнѣе. Онъ яснѣе, практичнѣе и крѣпче въ мысляхъ, привыкъ къ дѣлу и безъ сомнѣнія способнѣе къ дѣлу коммерческому, чѣмъ Сохновскій,—а тутъ коммерція и политика неразрывны. Къ тому же въ Турціи должно держать себя очень ловко: пользуясь покровительствомъ турецкаго правительства и польскихъ аристократовъ, должно не только что не быть, но даже и не казаться ихъ орудіемъ внутри ли Турціи, напр. противъ болгаръ, которыхъ турки душатъ по-турецки, а поляки насильственно и подлымъ образомъ развращаютъ, поіезуитски обращая ихъ въ католицизмъ—или внѣ Турціи, въ Россіи, напр. на Дону, гдѣ и турки и поляки и даже сами турецкіе раскольники, по свидѣтельству самого Кельсіева, преслѣдуютъ анти-народно-русскую политику. Не только Сохновскаго, но даже Кельсіева одного на это не станетъ,—надо послать ему на помощь Жуковскаго съ подробною и пространною, обязательною инструкціею для нихъ обоихъ и по моему мнѣнію должно послать какъ можно скорѣе, ни какъ не позже мѣсяца. Мѣсяцъ необходимъ и для пріобрѣтенія турецкаго паспорта, что я берусь сдѣлать черезъ моего друга Булгара и для первой прочной и ясной обстановки новаго ассоціаціоннаго производства.

Теперь поговоримъ о средствахъ:

Каждому изъ нихъ надо положить не менѣе 2000 фр., да на разъѣзды по 1000 фр. въ годъ=3000 фр. Да Варварѣ Тимофеевнѣ около 2000 фр. и того 8000 франковъ. Гдѣ ихъ взять?

Есть только два источника.

1. Подъ твоимъ поручительствомъ, Герценъ, и съ займомъ или у тебя или отъ новой ассоціаціи изъ

фонда, котораго лучше и плодотворнѣе употребить для общаго дѣла невозможно и который, должно надѣяться, дастъ болѣе 8000 фр. Деньги же не потребуются всѣ вдругъ, но въ разные сроки, положимъ по 2000 въ каждую четверть.

2. Вся сумма, или по крайней мѣрѣ 6000 фр. на обоихъ агентовъ, или по крайней мѣрѣ половина всей суммы, должна, по моему мнѣнію, выдана ассоціацією, какъ летучій капиталъ продуктивнаго потребленія. Я прибавилъ бы къ этому еще 2000 фр. на содержаніе постояннаго агента въ Сѣверной Германіи на русско-польской границѣ, о чемъ скажу нѣсколько словъ ниже. Безъ предварительной жертвы продуктивно потребительнаго капитала, безъ обдуманнаго смѣлаго риска никакое торговое дѣло состояться не можетъ. Смѣлость разумной иниціативы, вѣра въ расчеты разума составляютъ всю благодарную сторону торговли. Къ томужъ въ нашемъ дѣлѣ рискъ состоитъ только въ выборѣ людей. Открытіе путей сообщенія возможно, нужно только умѣть воспользоваться этою возможностью.

Если вѣрные, правильные, широкіе пути сообщенія будутъ открыты какъ на западѣ, такъ и на юго-востокѣ, то капиталъ, потраченный на агентовъ, вознаградится сторицею. Предоставляю Огареву разсчитать финансовымъ образомъ, какая часть жертвъ и выгодъ выпадетъ на долю фонда и какая на долю ассоціаціи, а также и приблизительную долю писателей.—Потомъ можно будетъ подумать и объ агентѣ въ Швеціи.

Знаю только одно, что если вы теперь не дерзнете, то никогда ничего не сдѣлаете. Въ послѣднее время намъ открылось множество средствъ и дорогъ, которыя требуютъ только прочной организаціи.—На западѣ поляки, на востокѣ все то, о чемъ пишетъ Кельсіевъ.—Требуется только ума, да смѣлой рѣшительной воли—успѣхъ несомнѣненъ.

Теперь объ агентѣ въ Германіи.—Еслибъ мы были увѣрены въ Блюмерѣ, то можно было бы употребить его. Но я предпочелъ бы человѣка совсѣмъ не компрометированнаго, дѣльнаго, честнаго, но очень скром-

наго и очень осторожнаго, съ которымъ бы имѣли дѣло и о которомъ знало бы самое малое число людей. Такой человѣкъ, съ русскимъ не запятнаннымъ паспортомъ, войдя въ скромныя и тайныя отношенія съ необходимыми нѣмцами и поляками, принесъ бы безконечную пользу. Онъ могъ бы жить въ Берлинѣ, а въ случаѣ необходимости ѣздить въ Бреславль, или куда будетъ нужно. Не можетъ ли Б. выбрать одного изъ скромныхъ русскихъ, учащихся въ берлинскомъ университетѣ—2000 фр. бѣдному человѣку будетъ огромною помощью, вмѣстѣ съ тѣмъ они обяжутъ того, который возьметъ ихъ и который будетъ поэтому смотрѣть на дѣло не какъ на вольное диллетанство, а какъ на обязательную службу.

Косеиловскому написалъ. Написалъ также и своему Булгару, на всякій случай, чтобъ узнать, возьмется ли онъ доставить мнѣ турецкій паспортъ.

А затѣмъ вашъ М. Бакунинъ.

Фондъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, по всей вѣроятности,—деньги, 25.000 фр., оставленные Бахметьевымъ Герцену и Огареву (см. въ „Посмертныхъ Сочиненіяхъ“ Герцена) а что такое ассоціація, мы не знаемъ. По-всей вѣроятности, что одна изъ эфемерныхъ политическихъ группъ, какія часто составляютъ русскіе люди.

Нечего говорить, что широкіе планы, которые изложилъ здѣсь Бакунинъ, выполнены не были. Только Н. И. Жуковскій пробылъ нѣкоторое время въ Германіи, наблюдая за распространеніемъ изданій лондонской «Вольной Русской Типографіи».

XVII.

ЕММѢ толстѣйшей
и благороднѣйшей
изъ смертныхъ.

19/7 ноября 1862. Лондонъ.
10. Paddington Green W.

Моя милая, моя добрая, моя благородная и толстѣйшая Emma. Наконецъ получилъ отъ васъ живое слово. Спасибо вамъ. Но не веселое вы мнѣ пишете.

Antonie еще въ Иркутскѣ,—изъ вашихъ словъ я долженъ понять, что она почти желаетъ остаться тамъ.— Если такъ, если у ней самой нѣтъ рѣшительной потребности ѣхать ко мнѣ, если поѣздка ея ко мнѣ будетъ сопряжена съ малѣйшей жертвой, если ей можетъ быть хорошо и безъ меня, то, ради Бога, пусть обо мнѣ не думаетъ, пусть остается. Вы говорите, что она ждетъ моего послѣдняго, рѣшительнаго слова. Вотъ оно: она свободна, и по праву, и по справедливости, да по моему искреннему, сердечному благословенію, она можетъ располагать собою, имѣя въ виду только свое счастье, которое для меня дороже всего. Ея право несомнѣнно, и за скорымъ оффиціальнымъ признаніемъ его дѣло не станетъ.—Но и въ такомъ случаѣ, любезный другъ, я буду просить, остаться ей и семейству ея другомъ. Они, бѣдные, оторванные отъ своего прежняго круга, перенесенные мною же въ чуждый имъ Иркутскъ, живутъ тамъ совершенно одни, безъ помощи, почти безъ друзей.—Ваша дружба къ нимъ будетъ имъ помощью, а для меня хоть нѣкоторымъ успокоеніемъ. — Будьте совѣтникомъ, другомъ для Antonie, для Sophie, и не давайте Юліи Михайловнѣ со страху лишать сыновей своихъ университетскаго воспитанія. Я-жъ потребую отъ братьевъ, чтобъ они выдѣлили и отдали Antonie мою часть въ имѣніи, въ которой я самъ рѣшительно ужъ нуждаться не буду. — Эта часть не фикція, она составитъ довольно значительный капиталъ. Но если Antonie сама хочетъ ко мнѣ, тогда пусть ѣдетъ скорѣе, я приму ее съ восторгомъ. Вѣдь она въ моей любви сомнѣваться не можетъ. Вотъ вамъ и ей мое послѣднее и рѣшительное слово. — Пусть теперь она рѣшается, не спрашивая ничего и никого, кромѣ своего серца—сердце не лжетъ никогда, когда человѣкъ, по какимъ бы то ни было внѣшнимъ или внутреннимъ соображеніямъ, не заставляетъ его лгать насильственно.—Что теперь вамъ говорю, то пишу и ей— пусть выбираетъ по совѣсти и пусть смѣло и твердо произноситъ рѣшеніе надъ нами обоими. Я самъ жду его, потому что жизнь моя должна опредѣлиться тѣмъ, пріѣдетъ ли она, или нѣтъ.—Если не пріѣдетъ, то я

буду считать себя въ правѣ пустить себя въ болѣе рискованный оборотъ по дѣлу, которому вмѣстѣ съ нею до сихъ поръ принадлежала жизнь моя, и которому я буду тогда принадлежать исключительно. — Я можетъ быть былъ бы давно ужъ въ Варшавѣ или даже въ Россіи, еслибъ не ждалъ Antonie. — Вы просите новостей. Да чтожъ я вамъ скажу интереснаго? Надъ политикой вы смѣетесь, а я не хожу ни въ театръ, ни въ ассамблеи и модами не занимаюсь,—могу говорить только о политикѣ. Такъ вотъ видите ли, сударыня вы моя, удалось намъ наконецъ заключить союзъ оборонительный и наступательный съ польскимъ центральнымъ народнымъ комитетомъ въ Варшавѣ для низверженія союзными силами настоящаго порядка вещей. Войска наши въ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ Украйнѣ, т. е. офицеры двухъ корпусовъ вошли ужъ въ союзъ и образовали военный комитетъ съ слѣдующимъ лозунгомъ: „Земля и Воля“ — опредѣляющимъ цѣль и смыслъ предполагаемаго движенія. — Что — страшно? а? — Постойте—будетъ еще страшнѣе.—Къ веснѣ будетъ въ Царствѣ Польскомъ возстаніе польско-русское, въ которомъ безъ сомнѣнія теперь и я приму участіе.—Вотъ вамъ, сударыня, на первый разъ и довольно,—а если недовольны, пеняйте на себя, другой разъ не требуйте отъ меня новостей. Военные комитеты распространяются по цѣлой Россіи вмѣстѣ съ осаднымъ положеніемъ, вводимымъ вездѣ правительствомъ,—и связываются между собою. Союзъ нашъ съ несчастною, измученною Польшею благословленъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—Всѣмъ воля, а границы между нами, Польшею и Украиной естественно опредѣлятся свободною волею освобожденныхъ народовъ— послѣднее слово: Славянская федерація, а что славянину здорово, то нѣмцу смерть.—Въ Россіи производится теперь повсемѣстная агитація, цѣль которой созваніе Всенароднаго Земскаго Собора, единоспособнаго рѣшать мирно, безкровно вопросы неотлагательные, но для правительства нашего неразрѣшимые. — Знаю, что все это будетъ вамъ очень не по сердцу и что вы будете меня страшно бранить, но такъ вѣрю

въ ваше благородство, что не боюсь вамъ высказать правду. Къ тому же все это и для самого правительства ужъ не тайна—оно видитъ опасность; но противъ нея нѣтъ оружія.

Итакъ, любезный другъ, возвращаюсь къ тому, что мнѣ еще дороже: пусть прежде всего Antonie будетъ счастлива. Если ей нужно остаться,—пусть остается,—я не стану ей на дорогѣ, и не буду преградою къ ея счастью. Если ей нужно ѣхать ко мнѣ, тогда помогите ей выѣхать—сначала въ Россію.—Деньги ей высланы. Держать ее не могутъ.—Да наконецъ жена, ищущая мужа, можетъ и безъ позволенія уѣхать.—Никто, даже это правительство, не упрекнетъ ее въ этомъ.—Пусть ѣдетъ сначала къ моимъ роднымъ въ Россію,—главное выбраться ей изъ Иркутска,—потомъ ко мнѣ.—Но дай Богъ, мнѣ скорѣе узнать о ея послѣднемъ рѣшеніи, а на что бы она ни рѣшилась, пусть будетъ она счастлива.

Addio. Вашъ М. Б.

XVIII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

19/7 ноября 1862. Лондонъ. 10. Paddington Green. W.

Пользуюсь новымъ адресомъ, даннымъ мнѣ г. Ch. Mitchell Grant, во-первыхъ, чтобы попросить васъ передать прилагаемое письмо женѣ моей Антоніи Ксаверьевнѣ, если она еще въ Иркутскѣ, или въ ея отсутствіи Юліи Михайловнѣ или Софіи Ксаверьевнѣ Квятковскимъ. Съ завтрашняго дня начну пересылать тѣмъ же адресомъ „Колоколъ“.

Во-первыхъ мой адресъ черезъ Пекинъ.
England—London. Per Overland Mail.
Via. Shanghai and Marseilles
F. P. Koe
for remitting to Fanny Althorp.
2. Wettcombe. Park-Road
Blackheath-Kent.

Кажется ясно.—Пишите чаще, я буду аккуратнымъ корреспондентомъ и комиссіонеромъ, и, если можете, дайте мнѣ извѣстіе о моей бѣдной женѣ, по которой у меня сердце изныло. Напишите ужъ для того, что вещи, посылаемыя къ вамъ, до васъ доходятъ, а то вѣдь не будетъ охоты къ вамъ посылать. Какъ мнѣ приказано, я посылаю это письмо и буду посылать газеты, книги, брошюры, пожалуй цѣлыми пакетами на фирму Lane Crawfort et C⁰ à Tien-Tsin съ просьбою пересылки чрезъ русское посольство въ Пекинѣ г-ну N. N., если его нѣтъ болѣе въ Тянзинѣ. Ваше дѣло судить, хорошъ ли этотъ адресъ или нѣтъ, и если нужно, поправьте его, только толково и четко. Ваше дѣло также поручить г-ну N. N. разсчитываться съ домомъ Lane Crawfort et C⁰ за пересыльныя издержки. Мы здѣсь не только скупимся, но собираемъ, какъ вы увидите изъ „Колокола“, деньги въ нашъ лондонскій фондъ на „русское дѣло“, которое изъ области теоріи на всѣхъ парусахъ летитъ въ міръ практическихъ разрѣшеній... А вы въ Сибири богаты, собирайте и присылайте въ фондъ, если хотите, по тому же самому адресу. Я-жъ съ своей стороны понемногу перешлю вамъ много интереснаго.

Всѣмъ помнящимъ и любящимъ меня дружескій поклонъ.

Это письмо, очевидно, не было отправлено. Возможно, что то же случилось и съ письмомъ № XVII, такъ какъ оба письма находятся у насъ въ оригиналахъ.

XIX.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

(Переводъ съ французскаго).

Когда вспыхнуло польское движеніе, мы, ваши русскіе друзья въ Петербургѣ и Лондонѣ, надѣялись, что часть русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ

Польскомъ, соединится съ вами. Свѣдѣнія, какія мы получали, давали намъ основаніе вѣрить, что на этотъ разъ наши офицеры и солдаты, лучше настроенные, чѣмъ въ 1831 г., поймутъ, что для благороднаго и дѣйствительнаго служенія ихъ отечеству они должны подняться вмѣстѣ съ вами противъ правительства петербурскаго, которое, рѣжа васъ, безчеститъ и губитъ Россію. Наши надежды еще не осуществились. Кто виноватъ? Были ли мы обмануты относительно настроенія русскихъ войскъ?—Нѣтъ, это настроеніе во многихъ полкахъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и артиллерійскихъ, было превосходно; солдаты ждали съ нетерпѣніемъ сигнала къ бунту. Почему же они не возстали?

Боже меня сохрани отъ обвиненій! Да впрочемъ намъ, русскимъ, особенно въ настоящее мгновеніе, было бы неприлично позволить себѣ малѣйшій упрекъ націи польской. Но чтобъ хорошо оцѣнить настоящее положеніе, надо констатировать одинъ фактъ.

Центральный комитетъ въ Варшавѣ, который сначала, казалось, принималъ къ сердцу союзъ съ революціонною партіей въ Россіи и много разсчитывалъ на симпатическое настроеніе войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, кажется въ послѣднюю критическую минуту перемѣнилъ совершенно мысли и, не довѣряя положительнымъ и достаточно основательнымъ увѣреніямъ нашихъ офицеровъ, кажется, повѣрилъ, что разсчитывать на помощь русскихъ войскъ было бы глупостью, а что надо пользоваться ихъ нравственнымъ потрясеніемъ и колебаніемъ, которое должно было быть послѣдствіемъ перваго, чтобъ напасть на нихъ неожиданно и разоружить ихъ. Такъ какъ у поляковъ не доставало оружія, то тѣмъ болѣе надо было взять его силою у солдатъ. Съ нравственной точки зрѣнія поляки были правы, ибо пока хоть одинъ солдатъ находится на землѣ польской, если только онъ не союзникъ, другъ, онъ внѣ закона. Слѣдовательно нѣтъ ничего естественнѣе, какъ напасть на него и убить, чтобъ завладѣть его оружіемъ. Я думаю, впрочемъ, что центральный комитетъ въ Варшавѣ ошибся въ расчетѣ; онъ не пріобрѣлъ много оружія такимъ

способомъ, но сразу разрушилъ работу цѣлаго года; онъ лишился помощи важной, я скажу: страшной, противъ русскаго правительства, которое, будучи разорено и совсѣмъ обезкуражено внутри и презираемо извнѣ, было бы неспособно бороться противъ русскихъ и поляковъ соединенныхъ. Было ли возможно это соединеніе? Да,—такъ какъ пропаганда имѣла послѣдствія, и наши солдаты ждали съ нетерпѣніемъ часа освобожденія, и при первомъ крикѣ возстанія, изданномъ польскими патріотами, многіе отряды присягнули на народномъ знамени, носившемъ надпись „Земля и Воля“, и ждали только приближенія революціонныхъ отрядовъ, чтобъ присоединиться къ нимъ. Но когда послѣдніе, вмѣсто того, чтобъ протянуть имъ руку, напали на нихъ, чтобъ силою ихъ разоружить, т. е. перерѣзать ихъ, тогда, по необходимости перемѣняя мысли, тѣ же солдаты, такъ хорошо приготовленные, и расположенные возстать вмѣстѣ съ вами, стали вашими жестокими врагами. Теперь слѣдуетъ бояться, чтобъ ихъ отчаяніе не оказалось тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ были сначала широки и серьезны ихъ симпатіи и ихъ надежды. Русское правительство натурально постарается усилить и растравить всѣ ихъ дурныя страсти.... Тогда, вмѣсто желаемаго, ожидаемаго союза между поляками и русскими наступитъ разрушительная война,—великое несчастіе, которое принесетъ пользу только нѣмцамъ берлинскимъ и петербурскимъ—и которая, позвольте это сказать вамъ, господа, погубитъ еще разъ Польшу.

Польша, со всѣмъ этимъ героизмомъ, который теперь возбуждаетъ удивленіе міра, можетъ ли противостоять соединенному вторженію войскъ русскихъ и прусскихъ, если всѣ крестьяне не поднимутся массою на всемъ пространствѣ польской земли и если революція польская, столько же политическая, какъ и соціальная, принимая ужасный характеръ chłopskiego ruchu и слѣдуя своему естественному ходу, не направитъ своихъ волнъ въ Литву, въ Украйну и даже въ имперію русскую? Я не думаю. Ваши крестьяне колеблются еще, потому что не считаютъ васъ доста-

точно сильными; но когда они увидятъ русскія войска въ вашихъ рядахъ, они уступятъ увлеченію непобѣдимому.

Присоединеніе русскихъ войскъ къ польскому движенію есть для насъ вопросъ нравственнаго оправданія и чести, для васъ это вопросъ спасенія. Въ виду этой настоятельной необходимости останемся ли мы со скрещенными руками и не соединимъ ли мы наши усилія, вы, временное правительство польскаго возстанія, и мы, революціонеры Россіи, чтобъ исправить сдѣланное зло? Если вы думаете, господа, что таковъ вашъ долгъ и нашъ, я отдаю на службу вамъ всю мою добрую волю и дѣятельную помощь моихъ друзей соотечественниковъ въ Лондонѣ, въ Петербургѣ и особенно въ Польшѣ. Мы можемъ помочь вамъ двумя способами: во-первыхъ диверсіею въ Россіи, безпокоя правительство внутреннею агитаціею и мѣшая ему сосредоточить всѣ силы противъ васъ. Для этого мы будемъ стараться ускорить организацію тайной пропаганды въ арміи, а также въ провинціяхъ, чтобы, если ваша революція распространится до границъ Россіи, она была тамъ встрѣчена и продолжена братски. Къ несчастью, она насъ застала неприготовленными. Мы это говорили нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и наши друзья въ Петербургѣ повторили это,—мы и теперь не совершенно готовы, и еслибъ мы были предоставлены самимъ себѣ, намъ надобенъ бы былъ, безъ сомнѣнія, годъ, можетъ быть два или даже три, для организаціи нашихъ силъ. Однакожъ я не сомнѣваюсь, что если крестьяне въ Литвѣ и Украйнѣ поднимутся массами, то и великорусскіе возстанутъ тоже,—и вы можете быть увѣрены, что мы не спимъ.

Второй способъ служить вамъ былъ бы составить въ Польшѣ и въ самомъ лагерѣ польской революціи русскій легіонъ. Это мое главное дѣло и мое желаніе самое дорогое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существованіе національнаго легіона русскаго съ великолѣпнымъ знаменемъ Земля и Воля произвело бы нравственное впечатлѣніе огромное и на всю армію русскую, направленную на васъ, и на всю Россію. Са-

мый фактъ его существованія былъ бы равенъ нѣсколькимъ выигранымъ сраженіямъ. Къ несчастью осуществленіе этого проекта стало теперь безъ сравненія болѣе труднымъ, чѣмъ было мѣсяцъ тому назадъ. Я не буду возвращаться къ нашимъ жалобамъ. Я повторяю вамъ, что вы были вполнѣ правы дѣйствовать такъ, какъ вы поступили. Но вы не удивитесь, что система, вами принятая, конечно, послѣ зрѣлаго размышленія, система, которая исключала всякую вѣру въ симпатію и содѣйствіе русскихъ войскъ, произвела въ настроеніи ихъ печальную реакцію. Русскія войска приведены въ отчаяніе и побуждаются начальниками къ ужаснымъ жестокостямъ, которыя, пробуждая ненависть и отмщеніе въ польскомъ населеніи, угрожаютъ превратить эту войну въ борьбу на смерть, въ ужасную бойню. Нашъ долгъ, вашихъ друзей, несмотря ни на что,—броситься между солдатами русскими и вами, чтобъ помѣшать, если еще время, довершенію позора нашего и вашего несчастія, чтобъ спасти въ одно и то же время и польскую революцію, и революцію русскую, стараясь примирить польскій народъ съ русскими солдатами и усиливаясь привести послѣднихъ къ болѣе человѣческимъ чувствамъ. Задача это трудная и она сдѣлается невозможною, если вы не проникнуты въ такой же степени, какъ и мы, мыслію о настоятельной необходимости этого примиренія, и если вы не поможете намъ широко и отъ полнаго сердца. Вы поставили насъ, моихъ друзей и меня, въ положеніе чрезвычайно деликатное и критическое. Послѣ обмѣна столькихъ симпатическихъ словъ, послѣ столькихъ договоровъ, установленныхъ, заключенныхъ, ратифікованныхъ, мы теперь не увѣрены даже, хотите ли вы насъ. Я вамъ писалъ въ это время письмо за письмомъ, умоляя васъ сказать, долженъ ли я идти въ Польшу; я не получилъ слова отвѣта, а черезъ моихъ друзей Брауна и Жебровскаго вы сказали мнѣ, чтобъ я оставался въ Лондонѣ и что мнѣ нечего дѣлать среди васъ. Вы такъ же поступили съ Жебровскимъ, который однакожъ далъ вамъ неоспоримыя доказательства безграничной преданности; вы его, такъ сказать, про-

гнали изъ Польши. Русская пословица говоритъ: „насильно милъ не будешь“,—и если вы будете оставаться съ такими мыслями относительно насъ, вы хорошо сдѣлаете, сказавши намъ это, какъ вы это уже сдѣлали, потому что, лишенные вашей симпатіи и вашего довѣрія, мы будемъ въ Польшѣ ничто, мы не сможемъ тамъ сдѣлать ничего.

Для того, чтобъ составленіе легіона русскаго въ Польшѣ было возможно, надо прежде всего, чтобъ центральное правительство польское было твердо убѣждено въ его полезности для дѣла польскаго, и чтобъ оно распространило это убѣжденіе среди всѣхъ начальниковъ польскаго правительства, потому что если послѣдніе покажутъ нерасположеніе или даже равнодушіе, то лучше и не начинать, такъ какъ дѣло можетъ удаться только при условіи, если оно будетъ сильно и постоянно поддерживаемо симпатіями польскими. Надо тогда, чтобъ вы не увлекались естественною страстью къ возмездію, или по крайней мѣрѣ надо, чтобъ вы били только генераловъ или полковниковъ, включительно до майоровъ, особенно нѣмцевъ, и вообще всѣхъ офицеровъ, которые будутъ отмѣчены, какъ злые и притѣснители голосомъ русскихъ плѣнныхъ солдатъ. Этихъ же плѣнныхъ надо бы, продержавши нѣсколько времени, чтобъ они могли проникнуться духомъ поляковъ, выпускать изъ числа ихъ тѣхъ, которые не захотятъ принять участіе въ польскомъ легіонѣ, потому что тогда они окажутся пропагандистами въ русской арміи, въ которую они возвратятся.

Не думайте, господа, что я думаю навязать вамъ эти условія; я вамъ только говорю тѣ, которыя мнѣ кажутся необходимыми для того, чтобъ образованіе легіона русскаго въ Польшѣ стало возможнымъ. Вамъ рѣшать, хотите ли вы того, или нѣтъ.

Въ этотъ торжественный часъ, когда рѣшается участь нашихъ двухъ странъ, я заклинаю васъ отвѣчать мнѣ категорически и откровенно: имѣете ли вы довѣренность къ намъ? Хотите ли вы, чтобъ я пришелъ въ Польшу? Желаете ли вы образованія легіона русскаго? Можете ли вы, хотите ли вы согласиться на

всѣ эти условія, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать? Вотъ что я васъ прошу сказать мнѣ съ откровенностью, которая прилична людямъ, сражающимся за свободу. И во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы мнѣ не откажете по крайней мѣрѣ въ отвѣтѣ. Этотъ отвѣтъ мнѣ опредѣлитъ мое поведеніе, и я надѣюсь, господа, что это будетъ отвѣтъ симпатичный. Я надѣюсь на это и для васъ и для насъ, ибо, чтобъ тамъ кто ни говорилъ, а наши дѣла нераздѣльны; но такъ ли или иначе, а мы все-таки всѣ выражаемъ горячія пожеланія вамъ успѣха безусловнаго и во что бы ни стало.

2 февр. 1863. Лондонъ.

Изъ письма этого видно, какъ скоро, послѣ заключенія союза, начались разногласія между русскими и польскими революціонерами 1862—1863 гг.

XX.

(1863) 21 февраля. Немедленно по отъѣздѣ Юніора.

Сижу и обѣдаю. А между супомъ и рыбою пишу вамъ, а когда доѣмъ veal cotlett with tomate, отправлюсь на пароходъ *), гдѣ докончу соборное посланіе къ полякамъ—сегодня жъ анрежистрирую его и въ $7^1/_2$ вечеромъ

„Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ“

Прощайте, друзья. Спасибо вамъ за годовую вѣрную и крѣпкую дружбу. Теперь впередъ. Назадъ не надо да и не хочется. Покуда будетъ можно, буду часто извѣщать васъ о себѣ,—съ Сашею мы все дѣльно и аккуратно устроили.

Теперь просьбы: послѣ завтра же отошлите прилагаемое письмо къ Абракадабрѣ. Оно нужно.

---

*) Пароходъ, на которомъ Бакунинъ уѣхалъ на Балтійское море, чтобъ принять участіе въ предположенной имъ польско-русской революціи. М. Др.

2. Пусть Саша не забудетъ написать сестрѣ своей Natalie полумистеріознымъ тономъ о томъ, что я уѣхалъ къ Гарибальди.

Другія порученія въ другомъ письмѣ, а теперь обнимаю васъ крѣпко и прошу не забывать меня.

Вашъ М. Бакунинъ.

Адресъ Абракадабры Саша Александровичъ найдетъ въ концѣ моей Punch, — книжкѣ адресовъ, въ двухъ конвертахъ

Внутренній Abrakadabra
Внѣшній на имя, не помню кого.

Саша — Александръ Александровичъ Герценъ, который долженъ былъ ѣхать вслѣдъ за Бакунинымъ.

XXI.

24 февраля 1863 г. Киль.

Друзья! Вчера вечеромъ прибылъ въ Гамбургъ и отослалъ вамъ застрахованное письмо. Сегодня рано утромъ выѣхалъ и въ 11 часовъ прибылъ въ Киль, а въ 9 вечеромъ сажусь опять на пароходъ и завтра въ 11 до полудня буду въ Копенгагенѣ. Но вотъ бѣда, по всѣмъ справкамъ Hôtel de Suède въ Копенгагенѣ, кажется, совсѣмъ нѣтъ, а въ Стокгольмѣ есть. Впрочемъ, прибывъ на мѣсто, можетъ быть и найду, а покамѣстъ рѣшился остановиться въ Hôtel Royal, согласно совѣту Bradshaw, о чемъ и телеграфирую сейчасъ же мистеру Карду. Если найду Hôtel de Suède и въ немъ желаннаго друга, сейчасъ же дамъ знать по телеграфу. А нѣтъ Hôtel de Suède, или въ немъ никого не найду, также буду телеграфировать. Пусть Кардъ сообщится съ друзьями и пошлетъ кого-нибудь изъ нихъ, но непремѣнно дѣльнаго, въ Копенгагенъ, въ тотъ именно Hôtel, изъ котораго я телеграфировать буду. Я буду ждать нѣсколько дней, не болѣе трехъ, если Кардъ не дастъ мнѣ знать, что я непре-

мѣнно долженъ ждать дольше. Впрочемъ для переговоровъ нельзя выбрать мѣсто лучше Копенгагена. Переговаривать въ Берлинѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ, благоденствующемъ подъ прусскимъ орломъ, глупо, потому что очень опасно,—опасность же должно искать въ Польшѣ, а не въ Пруссіи, — въ послѣдней она безславна и безполезна. Я желалъ бы, чтобъ самъ Гервардъ (Herward, см. лекс. Карда) пріѣхалъ ко мнѣ, если только онъ не уѣхалъ въ Царство Польское. Кардъ скажетъ, можетъ быть, что Herward слишкомъ важный человѣкъ, чтобъ такъ разъѣзжать. Я человѣкъ не важный, но дѣло мое важное, стоящее того, чтобъ Herward расшевелился. Если онъ въ Берлинѣ или въ Познани, то время его не слишкомъ дорого, они тамъ гораздо болѣе болтаютъ, чѣмъ дѣлаютъ. Мнѣ бы хотѣлось, переговоривъ съ нимъ, прямо махнуть въ Конгресовку. Если дѣлать, такъ теперь. Тутъ время дѣйствительно дорого. Но прежде чѣмъ начать дѣло, прежде чѣмъ ѣхать, надо переговорить и согласиться толкомъ и знать, именно куда и къ кому и черезъ какихъ людей, черезъ какія перемежныя станціи ѣхать. Еслижъ они пришлютъ ко мнѣ дурака или полудурака, то съ нимъ не столкуешься. — Да, трудъ предстоитъ намъ не легкій. Инсуррекція, правда, еще далеко не задавлена, но и нельзя сказать, чтобы она дѣлала большіе успѣхи. Правда, дипломатія дѣлаетъ, кажется, свое дѣло и можетъ быть окажетъ половинную услугу Польшѣ.—Но и русское начальство также не дремлетъ; оно разъярило солдатъ нашихъ до такой степени, что они неистовствуютъ, какъ звѣри—покрываютъ срамомъ русское имя и возбуждаютъ противъ себя всеобщую ненависть. — На такихъ солдатъ, въ пользу такихъ солдатъ дѣйствовать не легко.—А все надо попробовать.—Только для самой пробы, для приступленія къ ней нужны широкая польская симпатія и помощь, а при такомъ образѣ дѣйствія русскаго войска можемъ ли мы ожидать ихъ? Разсчитывать мы можемъ только на одинъ умъ польскій, если онъ не ослѣпленъ страстью, но сознаніемъ своихъ собственныхъ интересовъ. Имъ необходимо наше содѣйствіе.

Сколько бы героизма они ни показали, безъ него они погибнутъ. Дай Богъ, чтобъ много поляковъ понимали это такъ же, какъ Цверчакевичъ.—Очень доволенъ былъ бы я, еслибъ нашелъ въ Копенгагенѣ дѣльнаго поляка. Теперь мнѣ не хочется въ Стокгольмъ; время дорого, а Стокгольмъ слишкомъ удаленъ отъ сцены. Но если въ продолженіе трехъ дней, ну, скажемъ, четырехъ, пяти дней (въ продолженіе которыхъ вы можете получить это письмо и телеграфировать мнѣ отвѣтъ)— если до 29 не получу отвѣта и ничего не увижу и не услышу въ Копенгагенѣ,—тогда, скрѣпя сердце, уѣду въ Стокгольмъ. Ради Бога телеграфируйте мнѣ о нашемъ Опанасенко. Карду покажите какъ можно скорѣе это письмо — или прочтите его ему, потому что самъ онъ будетъ врядъ ли въ состояніи прочесть.

XXII.

31 марта. 1866. Гельзинборгъ.

Друзья! Телеграммы наши ужъ извѣстили васъ о печальной неудачѣ экспедиціи великолѣпно задуманной, но изъ рукъ вонъ плохо исполненной, а главное слишкомъ поздно отправленной. Успѣхъ ея былъ возможенъ только при соблюденіи двухъ условій: быстроты и тайны. Ее проволочили непростительнымъ образомъ до 21 и, вызвавъ польскихъ эмигрантовъ изъ Парижа въ Лондонъ 14-го, прежде даже чѣмъ наняли пароходъ, убили тайну. Наконецъ, главнымъ условіемъ былъ выборъ хорошаго смѣлаго капитана, отъ честной рѣшимости котораго зависитъ весь успѣхъ дѣла. Замѣсто этого выбрали отъявленнаго труса и подлеца, и тѣмъ убили всякую возможность успѣха. Выбравши его, положились еще на него до такой степени слѣпо, что не нашли даже нужнымъ дать Демонтовичу копію съ контракта и списокъ груза, т. е. оружія и снарядовъ, на пароходѣ отправленныхъ. Меня предупредили слишкомъ поздно, я получилъ телеграмму Карда 22-го въ три часа по полудни—и такъ какъ нѣтъ другой доро-

ги изъ Стокгольма въ Гельзинборгъ, какъ черезъ Готенбургъ, а между Стокгольмомъ и Готенбургомъ существуетъ только одинъ утренній поѣздъ, то я могъ отправиться только на другой день, т. е. 23 въ 8 часовъ утра. Въ Готенбургъ прибылъ въ тотъ же день вечеромъ въ 9 часовъ—и не имѣлъ другого средства, какъ ѣхать на другой день вечеромъ дилижансомъ въ Гельзинборгъ, чтобъ пріѣхать туда 26 вечеромъ,—или на третій день, т. е. 25 на пароходѣ, чтобъ прибыть туда того же числа нѣсколькими часами ранѣе. Итакъ я долженъ былъ ждать парохода, а между тѣмъ на всякій случай телеграфировалъ въ Гельзинборгъ, что прибуду туда 26, и еслибъ не сдѣлалъ этого, то не увидѣлъ бы экспедиціи. Она прибыла въ Гельзинборгъ 25 вечеромъ, и въ ожиданіи меня потеряла почти цѣлый день, а потомъ была задержана бурею и измѣною капитана. Выборъ Гельзинборга для встрѣчи со мною былъ въ высшей степени несчастливъ. Весь Зундъ кишитъ русскими и другими шпіонами на жалованьи и безъ жалованья. Необходимо было поэтому пройти Зундъ быстро, нигдѣ не останавливаясь. Гельзинборгъ видѣнъ изъ Эльзинера, а Эльзинеръ, по старой памяти, шпіонское и именно россійско-шпіонское мѣсто. Нужно было назначить мнѣ rendez-vous или въ Готенбургѣ, куда я могъ прибыть каждый день—или еще лучше на южной окраинѣ острова Gothland въ какой-нибудь деревушкѣ, куда могъ высадиться посланный отъ Демонтовича и Лапинскаго, и возлѣ котораго пароходъ нашъ могъ бы крейсировать, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія.—Прождавъ меня сутки, экспедиція осталась еще двое сутокъ, задержанная бурею и еще болѣе злымъ умысломъ капитана. До Гельзинборга по общему свидѣтельству онъ велъ себя порядочно, обнаруживалъ, равно какъ и весь экипажъ, большую симпатію къ цѣли экспедиціи. Въ Гельзинборгѣ онъ вдругъ перемѣнился. Тутъ онъ въ первый разъ объявилъ, что онъ подвергается со стороны русскихъ крейсеровъ, могущихъ встрѣтиться съ нами, огромной опасности, потому что, не желая остановить экспедиціи еще на нѣсколько дней, онъ не взялъ

необходимыхъ бумагъ ни на грузъ, ни на команду. Прежде онъ никому объ этомъ не говорилъ, а вспомнилъ только въ Гельзинборгѣ,—сначала говоря только о штрафѣ въ 500 ф. стерл., которому онъ, слѣдствіе этой небрежности, подвергнуться можетъ —но когда ему отвѣчали, что поляки ему ихъ заплатятъ, если экспедиція удастся, тогда только онъ сталъ говорить о висѣлицѣ и о Сибири; подъ разными предлогами онъ задержалъ насъ въ Гельзинборгѣ 26 и 27 и только 28 въ 1 часъ пополудни могли мы заставить его взять насъ на пароходъ. Между тѣмъ онъ успѣлъ сойтись съ хозяиномъ Hôtel'я, въ которомъ мы остановились, а черезъ него съ русскимъ консуломъ, компаньономъ и другомъ хозяина,—и мы узнали черезъ кельнера, что хозяинъ и консулъ вмѣстѣ телеграфировали что-то русскому посольству въ Стокгольмъ—и не сомнѣваюсь я въ томъ, что мы были задержаны такъ долго въ Гельзинборгѣ по приказанію русскихъ властей, которыя безъ сомнѣнія употребили это время на приготовленіе намъ встрѣчи. — Лишь только мы сѣли но пароходъ, узнали мы, что капитанъ, собравъ своихъ матросовъ, держалъ имъ рѣчь, въ которой описалъ имъ опасности, которымъ они подвергаются, если пойдутъ съ нами въ Балтійское море. Мы держали между собою совѣтъ, — насъ безпокоила все болѣе и болѣе наружу выступавшая безсовѣстность капитана, который, когда мы говорили съ нимъ, упрекая его въ двоедушіи, отвѣчалъ намъ слезами и увѣреніями въ преданности, — Съ другой стороны. мы должны были призадуматься, получивъ вашу послѣднюю депешу въ Гельзинборгѣ, въ которой вы насъ извѣщали о правительственныхъ приготовленіяхъ въ Литвѣ.—Вслѣдствіе этого мы рѣшились уговорить капитана везти насъ въ Готланду. Лишь только мы бы вышли изъ Зунда, мы стали бы говорить съ капитаномъ съ револьверомъ въ рукѣ и объявили бы ему, что для спасенія своей головы онъ долженъ исполнить вполнѣ свое обѣщаніе. Прибывъ къ Готланду, мы хотѣли отправить на рекогносцировку двѣ рыбацкія лодки съ нашими людьми, одну на русскій берегъ между

Полангеномъ и Либавою, другую на прусскій, между Полангеномъ и Мемелемъ,—войти въ сношенія съ нашими друзьями, насъ безъ сомнѣнія ожидавшими, и съ ихъ помощью исполнить во что бы то ни стало предпринятое, отъ успѣха котораго зависѣло такъ много. Догадался ли капитанъ, или исполняя планъ, уже прежде можетъ быть съ русскими агентами еще въ Англіи обдуманный, но онъ вмѣсто Готланда причалилъ насъ къ Копенгагену подъ предлогомъ снабженія парохода прѣсною водою, которой, видите, онъ не успѣлъ взять въ продолженіе нашего четырехсуточнаго пребыванія въ Гельзинборгѣ и на что, по его собственнымъ словамъ, не требовалось болѣе 2 часовъ времени. Онъ самъ отправился въ городъ. Мы ждали его цѣлый вечеръ и цѣлую ночь. На другой день 29, въ воскресенье, по просьбѣ друзей я самъ отправился въ Копенгагенъ, былъ у знакомаго редактора „Vaterland et Ploug“ и по его совѣту у англійскаго министра Sir Paget, совершеннаго джентльмена, принявшаго меня съ самымъ искреннимъ участіемъ и сейчасъ же принявшаго всѣ офиціозныя мѣры, единственныя, которыми онъ могъ служитъ намъ, чтобы намъ помочь. Онъ еще наканунѣ видѣлъ нашего подлеца капитана, который старался оклеветать насъ передъ нимъ, увѣряя его, что мы варвары, разбойники, грубостью и насиліемъ возбудившіе благородное великобританское негодованіе въ матросахъ, которые, будто бы, вслѣдствіе того противъ него самого взбунтовались и отказываются рѣшительно плыть далѣе, такъ что онъ, капитанъ, при самомъ горячемъ желаніи, не въ силахъ исполнить условій контракта. Всѣ старанія мерзавца были однако напрасны. Sir Paget не повѣрилъ ни одному слову. Вся разница въ нашихъ воззрѣніяхъ состояла въ томъ, что Sir Paget не могъ рѣшиться подумать, чтобъ капитанъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ русскими агентами, чтобъ онъ поступилъ съ ними предательски,—приписывалъ же всѣ непростительныя дѣйствія его подлой трусости. Вы должны знать, что въ Копенгагенѣ есть домъ Hansen et C°, исполняющихъ роль агентовъ той самой англійской компаніи, которая заключила

съ Цверчакевичемъ контрактъ — и что агенты, какъ мнѣ объявилъ самъ удивленный Sir Paget, въ то же самое время агенты русскаго военнаго флота для поставки угля и проч.,—что они именно теперь готовили уголь для ожидаемаго на другой день русскаго военнаго судна.—Къ этимъ агентамъ Sir Paget отправился самъ. О продолженіи экспедиціи думать было ужъ невозможно. Матросы, по наущенію капитана, всѣ оставили нашъ пароходъ, такъ что мы остались только съ двумя моряками: старшимъ машинистомъ, честнымъ, молодымъ человѣкомъ, который съ негодованіемъ и съ благороднымъ стыдомъ смотрѣлъ на дѣйствія англійскаго капитана, и съ датскимъ лоцманомъ. Намъ оставалось желать только одного—какъ можно скорѣе оставить Копенгагенъ и войти въ ближайшій шведскій портъ. Датское правительство, вслѣдствіе глупой ноты Росселя по шлезвигъ-голштинскому вопросу, видя почти всѣхъ противъ себя, бросилось отчасти подъ покровительство петербургскаго кабинета, который пользуется тамъ поэтому гораздо сильнѣйшимъ вліяніемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ всѣми, и правительствомъ, и народомъ, равно страстно ненавидимъ. Если бы пробыли одинъ лишній день въ Копенгагенѣ, нѣтъ сомнѣнія, что, по требованію русскаго посольства, на насъ всѣхъ, на людей и на оружіе, былъ бы наложенъ секвестръ.—Люди были бы въ лучшемъ случаѣ отправлены обратно, а весь грузъ безвозвратно потерянъ.—Мы сами знали поэтому, что ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ идти въ Мальмое, ближайшій шведскій портъ въ двухъ часахъ отъ Копенгагена. Однако, дабы не дать компаніи возможности сказать, что мы были приведены въ Мальмое по нашему собственному желанію и что поэтому буква контракта была исполнена, мы требовали, чтобъ насъ вели къ острову Gothland. Капитанъ не только не соглашался на это,—боясь русскихъ крейсеровъ, нашихъ револьверовъ и нашей серьезной угрозы, что если онъ наведетъ насъ на русскаго крейсера, то мы сначала попробуемъ абордажъ, а въ случаѣ неудачи полетимъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ,—онъ не захо-

тѣлъ даже со своими матросами вести насъ въ Мальмое, такъ что агенты компаніи принуждены были нанять датскаго капитана и датскихъ матросовъ, съ помощью которыхъ 30 марта въ 5 часовъ вечера бѣдный пароходъ нашъ, оставленный всѣми англичанами, вошелъ въ Мальмойскую гавань. Агенты компаніи долго держали насъ въ Копенгагенѣ въ надеждѣ вырвать у насъ квитанцію.—Тутъ почувствовали мы всѣ плоды практическаго ума Цверчакевича, позабывшаго, не хотѣвшаго, говорятъ, дать Демонтовичу копію съ контракта, ни даже грузового списка для предъявленія права на собственность.—Да, нашъ Цверчакевичъ взялъ на себя отвѣтственность огромную, дай Богъ ему легко отъ нея отдѣлаться. Можетъ быть у него есть объясненіе и оправданіе на все,—можетъ быть виноваты другіе—но въ виду грозныхъ современныхъ происшествій, рѣшающихъ нынѣ судьбу Польши, по совѣсти должно сказать, что экспедиція была устроена и отправлена съ преступною невинностью и небрежностью.

Скажу теперь нѣсколько словъ о себѣ и о личномъ составѣ нашей неудавшейся экспедиціи. Въ Гельзинборгѣ, передъ самымъ отъѣздомъ, я вамъ написалъ грустное письмо, въ которомъ, думая, что говорю съ вами можетъ быть въ послѣдній разъ, жаловался вамъ на васъ самихъ въ довольно прямыхъ и можетъ быть жесткихъ выраженіяхъ и которое, надѣюсь, не оскорбило васъ и не заставило васъ усомниться въ моей горячей любви къ вамъ, потому что вы слишкомъ серьезны и справедливы, чтобы не понять, что я былъ правъ. Вы поступили со мной, какъ съ ребенкомъ, предупредивъ меня только въ послѣднюю минуту и, какъ вы сами видите, слишкомъ поздно малословною телеграммою, что я долженъ отправиться туда и туда;— а между тѣмъ экспедиція готовилась болѣе мѣсяца, вы имѣли достаточное время, чтобы подробно и ясно увѣдомить меня обо всемъ, и, не сдѣлавъ этого, принесли значительный вредъ самой экспедиціи, потому что, еслибъ я былъ предупрежденъ во время, я бы могъ принесть ей именно здѣсь въ Швеціи несомнѣнную и огромную пользу. Я требовалъ этихъ подробно-

стей отъ Цверчакевича, но онъ, по вашему ли совѣту или по своимъ собственнымъ соображеніямъ, не соблаговолилъ исполнить моей просьбы, полагая, вѣроятно, что одного мановенія его руки будетъ достаточно, чтобы двинуть меня куда ему угодно—въ этомъ онъ страшно ошибся,—и хорошо вы сдѣлали, что его телеграммѣ предпослали телеграмму юніора, потому что телеграмма Цверчакевича не сдвинула бы меня съ мѣста. Вы же знали, что вашего зова будетъ достаточно, чтобы я бросился слѣпо впередъ,—знали это и не ошиблись, вѣра моя въ ваше слово въ самомъ дѣлѣ почти безъ границъ.—Но ничего, даже и такой горячею любовью сильной вѣры во зло употреблять не должно. Вспомните, что я не ребенокъ, что мнѣ скоро 50 лѣтъ и что мнѣ неприлично, да и невозможно быть вашимъ мальчикомъ, у васъ на побѣгушкахъ,—и что отнынѣ я не долженъ и не буду принимать участія ни въ какомъ дѣлѣ, вся суть и всѣ подробности котораго мнѣ будутъ неизвѣстны.—Я принялъ бы участіе въ этой экспедиціи даже и тогда, когда бы зналъ какъ мало было оставлено ей шансовъ успѣха, и что даже жена моя пріѣхала въ Лондонъ,—принялъ бы въ ней участіе, потому что всѣмъ существомъ зналъ, чувствовалъ, понималъ мой долгъ во что бы то ни стало идти въ Польшу,—по той же самой причинѣ, которая меня и теперь стремитъ какъ можно скорѣе туда;—но кромѣ этого я былъ увѣренъ, что дѣло, въ которомъ вы, мои умные, осторожные и вѣчные критики, приняли такое дѣятельное и живое участіе, не могло быть иначе предпринято и исполнено, какъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и всѣхъ условій успѣха.—Я ошибся.—Оно было ведено и устроено руками лѣниваго ребенка.—Ну, да довольно объ этомъ. Перейдемъ къ нашимъ бѣднымъ аргонавтамъ. Вы знаете, что я нашелъ въ Гельзинборгѣ только Лапинскаго, Леона Мазуркевича, Бобчинскаго, нашего добраго, честнаго, но еще весьма невиннаго Рейнгарта и далеко не невиннаго жидка Тугендбольда. Сначала Лапинскій мнѣ очень и почти безусловно понравился, и я вамъ сказалъ это въ нѣсколькихъ письмахъ. Я радъ былъ найти въ военномъ начальникѣ, отъ личныхъ качествъ котораго такъ много зависѣло . . . . . .

XXIII.

9 апрѣля.

Ну, друзья, виноватъ. Вы правы и я въ отношеніи къ вамъ остался кругомъ дуракъ. Выраженіе, которое въ послѣднемъ письмѣ моемъ васъ оскорбило, дѣйствительно нехорошо.Ославъ письмо, я вспомнилъ о немъ, меня кольнуло въ сердце и я хотѣлъ бы воротить его, но было поздно. Оно было нехорошо, потому что похоже было на неблагородный и несправедливый упрекъ, но не было этимъ упрекомъ. Никогда не приходила и не могла придти мнѣ въ голову мысль, чтобы вы усомнились пожертвовать головами своими дѣлу, которому посвятили всю жизнь. Не мѣрьте моей вѣры въ васъ тою, которую вы имѣете въ меня. Въ вашей есть еще колебаніе, въ моей его нѣтъ. Какъ бы я ни спорилъ съ вами и противъ васъ, вы оба мои окончательные совѣтъ и крѣпость и когда вы довольны мною, я самъ собою доволенъ и ничто въ мірѣ не въ силахъ меня обезпокоить. — Говоря, что вы дали только свои добрыя желанія дѣлу, которому я отдаю голову, я думалъ только объ этомъ спеціальномъ, болѣе польскомъ, чѣмъ русскомъ дѣлѣ, а не о томъ широко русскомъ дѣлѣ, за которое вы стоите. — Этому, друзья, повѣрьте, потому что это правда.—Впрочемъ, я былъ раздраженъ, не получивъ отъ жены ни слова, мнѣ было грустно и тяжело, я всталъ съ постели и написалъ глупо—простите. Я не могъ кромѣ того помириться съ тѣмъ, что мнѣ казалось вашимъ недовѣріемъ ко мнѣ — и въ этомъ письмѣ, начатомъ ужъ давно, еще въ Гельзинборгѣ, я жалуюсь вамъ на васъ самихъ и въ немъ найдете вы выраженія, которыя вамъ не понравятся, но я не хочу переписывать и передѣлывать письма. Теперь я вижу, что вы невиноваты нисколько. Виноватъ Цверчакевичъ. Зачѣмъ только вы не извѣстили меня о пріѣздѣ жены? — Ну, да слава Богу, теперь она со мною и я совершенно счастливъ. Она у меня молодецъ. Что касается до

тайны, любезный Герценъ, то скажу тебѣ по секрету изъ долгаго опыта, что она ее хранитъ лучше меня.— Опять приступаю къ разсказу. Взошедши на пароходъ, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что во всей экспедиціи у меня былъ союзникъ только одинъ вашъ искренній другъ, благородный, но къ несчастью больной, и горемъ и недугомъ разбитый Демонтовичъ. Лапинскій храбрый, ловкій, смышленый, но безсовѣстный, или по крайней мѣрѣ широкосовѣстный кондотьеръ, патріотъ въ смыслѣ непримиримой и непобѣдимой ненависти къ русскимъ, какъ военный, по ремеслу ненавидящій и презирающій всякій, даже свой собственный народъ. Вглядѣвшись ближе въ этотъ характеръ и уразумѣвъ его лучше съ помощью Демонтовича, я, признаюсь, крѣпко задумался въ успѣхѣ нашего русскаго предпріятія въ польской средѣ. Для успѣха его было необходимо такъ много симпатіи къ нему и вѣры въ него со стороны поляковъ,—но ни того, ни другого, кромѣ Демонтовича, ни въ комъ не было. Лапинскій сказалъ мнѣ много прекрасныхъ словъ, но въ слова его я не вѣрилъ. Къ Демонтовичу онъ питаетъ завистливое и рѣшительно враждебное чувство, и не сомнѣвался я въ томъ, что онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ успѣхомъ, для того, чтобы его уничтожить. Демонтовичъ до того не вѣрилъ ему, что даже остерегался (по его собственнымъ словамъ) принимать изъ рукъ его пищу, боясь отравы.—Хороша экспедиція, въ которой два главные предводителя, отъ согласія которыхъ зависитъ успѣхъ ея, находятся въ такихъ отношеніяхъ! Прибавьте ко всему этому болѣзнь Демонтовича, разбитаго до такой степени, что онъ еле могъ двигаться и сказать слово. На кого же мнѣ было опереться? На сплетницу-интригантку Леона Мазуркевича или на бабу-сплетницу Бобчинскаго. Оба мнѣ льстили въ глаза, но, какъ я узналъ потомъ, оба меня за глаза ругали. — Наконецъ, жидокъ Тугендбольдъ, сначала мнѣ очень понравившійся, но потомъ оказавшійся âme damnée de Lapinski и его шпіономъ противъ всѣхъ и каждаго. Молодцами были только юноши-поляки, весело шедшіе на смерть и преданные безъ

фразъ. Съ ними и умереть было бы не скучно. Положеніе нашего Рейнгарта было также не легко и не ловко. Всѣ называли его москалемъ и спрашивали, что онъ между поляками дѣлаетъ. Ни Демонтовичъ, ни Лапинскій не даетъ себѣ труда объяснить полякамъ, зачѣмъ онъ поѣхалъ. А по моему мнѣнію это было необходимо. Однимъ словомъ, тайныхъ недоразумѣній и неудовольствій я нашелъ тьму и думалъ, что нужно будетъ ждать счастливой звѣзды для удачнаго исхода нашей несчастной экспедиціи. — Явная и систематически задуманная измѣна капитана положила ее въ лоскъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ агенты компаніи рѣшились дать намъ датскаго капитана и датскихъ матросовъ, чтобы привести несчастный, англичанами оставленный, пароходъ нашъ въ Мальмое и только туда; о Готландѣ и слышать не хотѣли,—и согласились капитанъ и матросы...

Конца письма нѣтъ у насъ, — Экспедиція эта, устроенная подъ управленіемъ весьма сомнительныхъ людей, разсказана и въ «Посмертныхъ Сочиненіяхъ» Герцена.

Прилагаемъ здѣсь въ переводѣ удостовѣреніе, выданное Бакунину двумя изъ вождей этой экспедиціи.

Прочитавъ обвиненія, формулированныя г. Цверчакевичемъ противъ г. Бакунина, будто онъ способствовалъ неуспѣшному концу нашей экспедиціи, тѣмъ ли, что привлекъ г. Калинку въ Гельсингфорсъ, или противорѣчивыми и опасными совѣтами, которые онъ давалъ, не будучи о томъ просимъ, мы почитаемъ долгомъ нашимъ заявить:

1. Что прибытіе г. Калинки, призваннаго г. Бакунинымъ въ Гельсингфорсъ съ тѣмъ, чтобъ Литва могла воспользоваться помощью, которая могла прибыть намъ изъ Швеціи,—хотя мы этого прибытія и не желали,— не могло имѣть никакого вліянія на успѣхъ или неуспѣхъ экспедиціи.

2. Что г. Бакунинъ никогда не принималъ участія въ нашихъ совѣтахъ, не будучи приглашенъ нами, и

что его совѣты, далекіе отъ того, чтобъ вредить намъ, напротивъ имѣли намѣреніемъ и цѣлью лишь успѣхъ нашего предпріятія.

3. Что мысль остановиться около острова Готланда, чтобъ пріобрѣсти тамъ суда, необходимыя для нашей скорой высадки и для развѣдки моря, была намъ внушена гораздо раньше прибытія нашего въ Гельсингфорсъ единственно вѣстью объ оттаяніи гавани въ Ревелѣ, оттаяніи, которое, открывая море крейсерамъ, дѣлало нашу экспедицію, безконечно болѣе опасною и трудною.

4. Что неуспѣхъ нашей экспедиціи долженъ быть приписанъ только опозданію нашего отъѣзда изъ Англіи и шуму, который ее сопровождалъ,—опозданію и шуму, которые дали русскимъ средство приготовиться къ принятію насъ, а особенно несчастному выбору капитана, который предалъ насъ сознательно, быть можетъ, даже въ согласіи съ компаніей, которая его назначила.

Мы даемъ отъ всего сердца это заявленіе г. Бакунину, за его обѣщаніе, что онъ будетъ пользоваться имъ съ большою осторожностью, что онъ покажетъ его только гг. Цверчакевичу, Герцену, Огареву и Маццини, а также делегатамъ временнаго правительства польскаго и что онъ опубликуетъ его только въ крайней необходимости, т. е. когда онъ самъ подвергнется серьезнымъ нападеніямъ въ журналахъ. Стокгольмъ, 20 апр. 1863.

Іосифъ Демонтовичъ,
Полковникъ Ф. Лапинскій.

XXIV.

ПРОЭКТЪ ПРОКЛАМАЦІИ КЪ ПОЛЯКАМЪ.

Братья поляки!

Вы встали за свою волю, за свою родную святыню, вызванные на неравный бой самимъ худшимъ правительствомъ въ мірѣ, правительствомъ петербургскимъ.

Мы, русскіе, давно убѣждены въ томъ, что дѣло польской независимости и польской свободы нераздѣльно отъ дѣла освобожденія Россіи, мы, ненавидящіе не менѣе васъ петербургское нѣмецкое императорство, губящее Россію и Польшу и предающее ихъ прусскимъ и другимъ нѣмцамъ, мы, негодующіе противъ ужасовъ, совершенныхъ нашими несчастными, ослѣпленными и упоенными солдатами, по приказанію и подъ предводительствомъ тѣхъ же нѣмцевъ,—мы пришли къ вамъ для того, чтобъ дѣлить вашу участь, чтобъ отстоять вмѣстѣ съ вами святое дѣло общей свободы, или вмѣстѣ съ вами погибнуть.—И съ радостію погибнемъ мы, если нужно, потому что знаемъ, что не погибнетъ свобода и что освободившаяся Польша скоро подастъ братскую руку освобожденія Россіи.

Прокламація эта писана на оборотѣ письма, отъ котораго остались только слѣдующія строки, относящіяся къ пріѣзду жены Бакунина въ Лондонъ, въ то время, когда онъ былъ въ Швеціи.

. . . . въ Россіи.—Пусть останется она въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ вами ждетъ нашихъ вѣстей. — Наталья Алексѣевна (Огарева), надѣюсь болѣе всего на васъ,— помните, что она нѣжна, молода, горда и требуетъ ласкъ.—Пусть она познакомится съ M-me Bilewski.

Прощайте, прощайте, друзья.

Вашъ М. Бакунинъ.

Сына непремѣнно и немедленно въ Стокгольмъ. Герценъ.

XXV.

1-го августа 1863. Стокгольмъ.

Любезные друзья. Ваши два послѣднія письма застали меня въ писаніи къ вамъ одного изъ тѣхъ огромныхъ писемъ, за которыя вы меня браните.—И радъ бы я былъ не писать его, но долженъ. Оно содер-

жить подробное изложеніе моихъ здѣшнихъ судебъ и дѣйствій и горькую жалобу на Александра Александровича.— Вы получите его на дняхъ, а до тѣхъ поръ попридержите свое сужденіе.—Съ чего начну?—За 50 фунтовъ, полученныхъ мною, благодарю. Еще болѣе благодарю за статью обо мнѣ въ „Колоколѣ“, — я думаю самъ написать имъ отвѣтъ и попрошу васъ напечатать его въ вашемъ журналѣ, — но прежде прошу васъ, если можно, выслать мнѣ тѣ русскіе журналы, въ которыхъ меня ругаютъ. — Они мнѣ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Правда, мнѣ становится совѣстно, когда подумаю, что я такъ мало еще заслужилъ ту ненависть и тотъ страхъ, которые я имъ внушаю. Да, литература стала подла,—однако надо замѣтить, что у не подлой отняли голосъ, а подлая въ пьянствѣ ищетъ забвенія, упивается, горя собою;—отрезвится и тогда ей будетъ плохо.—Да, масса дворянства, а вѣроятно и почтеннаго купечества окончательно стала на сторону Петербурга, противъ насъ. Да, народъ въ радостной надеждѣ на обѣщанныи великія милости и льготы охотно пользуется небывалымъ до сихъ поръ позволеніемъ покуражиться, а въ угарѣ подписываетъ все, что ему подсунутъ, а главное онъ всегда готовъ помять господъ,—и все-таки я не дамъ ста рублей за долголѣтіе петербургскаго императорства. Жаль только, что много крови прольется. Польскія дѣла тянутся по прежнему. Демонтовичъ, уѣхавшій во-свояси, мнѣ пишетъ, что партія бѣлыхъ въ народномъ правительствѣ окончательно поражена сторонниками руха, во главѣ которыхъ стоитъ нашъ пріятель Смѣлинскій. Меня такъ же, какъ и тебя, не только что удивляетъ, но огорчаетъ, что народное правительство (вѣроятно еще бѣлое) исключило мое имя изъ проклятія, брошеннаго имъ на тебя. Ни передъ поляками, ни передъ русскими не намѣренъ я отказываться отъ полной солидарности съ вами. Я никому объ этомъ не говорилъ и говорить не стану, пока ты мнѣ самъ не позволишь. Однако не мѣшало бы какъ можно сильнѣе протестовать противъ имени „панславистовъ“, которымъ они насъ награждаютъ. Ты никогда не былъ имъ и всегда съ пре-

небреженіемъ смотрѣлъ на славянскія движенія, я не былъ также никогда панславистомъ, но въ движеніи славянскомъ принималъ горячее участіе — и теперь еще думаю, что славянская федерація наша единственно возможная будущность, потому что она одна можетъ дать въ новомъ, совершенно свободномъ видѣ, удовлетвореніе тому, несомнѣнно въ народѣ нашемъ живущему, чувству величія, которое срѣзалось или непремѣнно срѣжется на ложномъ пути императорства. Но это дѣло далеко впереди, теперь же думать о славянахъ было бы глупо,—если мы можемъ еще заботиться о нихъ, то развѣ только для того, чтобы отвратить ихъ отъ гибельнаго союза съ настоящею императорскою Россіею. Я-жъ о нихъ и думать позабылъ.— Весь вопросъ теперь стѣсненъ между Польшею и Россіею.—Да, съ поляками намъ трудно. Мало, слишкомъ мало такихъ, съ которыми мы бы могли жить душа въ душу.—Знаете ли, что Демонтовичъ мнѣ напослѣдокъ сказалъ? Что онъ не только что не желаетъ, но боится, какъ страшнаго зла, русской революціи, и что если бы ему пришлось выбирать между новою побѣдою императорства и между спасеніемъ Польши черезъ русскую революцію, то онъ бы хотѣлъ скорѣе временной императорской побѣды, потому что отъ императорства будетъ еще возможно рано или поздно освободиться, въ то время какъ революція соціальная русская, вызвавъ наружу польское варварство, окончательно затопитъ польскую цивилизацію.—Итакъ друзья, вы были правы въ этомъ вопросѣ, я не правъ; - -да, самый лучшій полякъ намъ, какъ русскимъ, врагъ.— И все-таки мы не можемъ остаться въ сторонѣ отъ польскаго движенія, ни раскаяваться въ направленіи, которое мы приняли. Молчать и ничего не дѣлать во время такой кастрофы, значило бы убить себя и нравственно и политически. Принужденные же выбирать между гнуснымъ палачомъ и благородною жертвою, мы должны были принять сторону жертвы, не обращая вниманія на то, благородна она или нѣтъ. — Къ тому жъ порабощеніе польши — наше несчастіе. Подвиги русскихъ войскъ въ Польшѣ—наше безчестье. Торже-

ство Петербурга въ Польшѣ было бы гибелью для Россіи. Поэтому-то мы дѣлали по святому долгу и будемъ продолжать также дѣйствовать, не обращая вниманія ни на петербургско-московскіе, ни на варшавскіе крики. Въ моемъ незыблемомъ убѣжденіи нашъ главный врагъ—Петербургъ, болѣе чѣмъ французы, англичане, болѣе чѣмъ даже нѣмцы. Вѣдь онъ самъ переодѣтый нѣмецъ. Поэтому ничто не остановитъ меня продолжать противъ него войну на жизнь и на смерть. — Да, я громко отрекаюсь отъ русскаго государственно-императорскаго патріотизма и буду радоваться разрушенію Имперіи, откуда бы оно ни пришло.—Разумѣется, я не пойду въ Россію вслѣдъ за французами, англичанами, шведами и ихъ друзьями поляками, — но если можно будетъ пробраться во внутрь Россіи и въ самое время иностранной войны поднять крестьянство, то сдѣлаю это съ полнымъ сознаніемъ, что исполняю святой долгъ и служу великому русскому дѣлу. — Вотъ вамъ моя исповѣдь. Ну, да горячиться не надо и потому перейдемъ къ другому предмету. Скажите Александру Александровичу, что его другъ Квантенъ, за неимѣніемъ кому теперь покровительствовать, взялъ подъ свое покровительство Поллеса Тугенбольда, изъ-за котораго даже разсорился съ Демонтовичемъ. Поллесъ здѣсь лѣзетъ въ гору— его принимаетъ Мандеринтроленъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а недавно представлялся онъ принцу Оскару, которому поднесъ экземпляръ своей брошюры объ экспедиціи, говорятъ, пасквильной въ высшей степени и ругательной противъ меня, за что именно Квантенъ и сталъ его протежировать. — Я, вѣроятнѣе всего, отвѣчать не стану. Но на всякій случай скажите, до какой степени, не называя именъ, я могу разсказать факты, намъ о немъ извѣстные. Вспомните, что онъ мальчишка очень ловкій, очень проворный, неутомимый пройдоха, умѣющій пролѣзть всюду и потому опасный. Можетъ быть будетъ необходимо ему отвѣчать и подрѣзать его въ корнѣ.—Есть здѣсь еще русскій шпіонъ Knobbe, который безпрестанно юлитъ вокругъ моей квартиры и который проговорился,

что русское правительство даетъ 50000 р. тому, кто, овладѣвъ моею персоною, доставитъ меня живого или мертваго въ Петербургъ. Я, разумѣется, здѣсь безопасенъ, однако на всякій случай зарядилъ револьверъ. Въ будущемъ письмѣ напишу о немъ болѣе.—А теперь прощайте, жму ваши руки.

М. Бакунинъ.

XXVI.

19 августа.

Если не станетъ духа прочесть все письмо вдругъ, начните съ 16-го листа. Продолжаю: 4) Изъ письма, которое Straube получилъ третьяго дня отъ Александра Александровича, я почти заключилъ, что вы не хотите ратификовать уговора, заключеннаго между нами. Я думаю, что вы сдѣлаете ошибку. Straube молодой человѣкъ честный, преданный и серьезный, который хочетъ приняться за это дѣло серьезно и старанія котораго, мнѣ кажется, должны увѣнчаться успѣхомъ. Алекс. Алекс. былъ совершенно того же мнѣнія, когда онъ уѣзжалъ изъ Стокгольма.—„Straube, сказалъ онъ мнѣ разъ, разговаривая о датчанинѣ, рекомендованномъ намъ Буйницкимъ и потомъ оказавшемся мерзавцемъ—Straube другое дѣло, онъ славный человѣкъ, ему я все повѣрю“. Съ тѣхъ поръ я узналъ Straube гораздо ближе, провѣдалъ всю его прошедшую жизнь, обстоятельства, положеніе, однимъ словомъ, всю подноготную,—и съ убѣжденіемъ говорю вамъ, онъ въ самомъ дѣлѣ честный, способный и дѣльный человѣкъ, за честь котораго я вамъ ручаюсь своею честью—и точно также, какъ я отвѣчаю за него передъ вами, мнѣ за него отвѣчаютъ люди почтенные, давно его знающіе: Блантъ, Эмбложъ и Іерта.—Да, я говорю смѣло, трудно намъ будетъ найти другого человѣка столь же способнаго и столь же готоваго предпринять это дѣло, какъ Straube,—онъ можетъ сдѣлаться для насъ помощникомъ золотымъ, и мы сдѣлаемъ большую ошиб-

ку, если не воспользуемся его готовностью и его предложеніями. Онъ вѣрно схватилъ самую сущность дѣла; онъ понялъ, что мелочною торговлею вашими книгами и „Колоколомъ“, съ помощью кельнеровъ въ Стокгольмѣ и въ Копенгагенѣ онъ ничего не сдѣлаетъ ни для себя, ни для пропаганды. Опытъ доказалъ ему ничтожность такихъ продѣлокъ. Послѣ разговора съ Штурценбергомъ, который былъ здѣсь, и съ другими датчанами мы убѣдились, что въ Копенгагенѣ предпринимать нечего. Торговля лондонскими изданіями приметъ серьезный характеръ только, когда она направится въ Петербургъ и далѣе въ Россію. Но для этого ему нужно имѣть прежде всего хоть одного человѣка, книгопродавца или нѣтъ, который согласился бы сообща съ нимъ торговать запрещеннымъ товаромъ и могъ бы проложить для него пути внутри Россіи. Такого человѣка письмами не найдешь. Поэтому Straube рѣшился ѣхать самъ въ Петербургъ, чтобы отыскать такого человѣка и, если найдетъ, заключить съ нимъ условія. Онъ поѣдетъ черезъ Штетинъ, куда я далъ ему письмо къ весьма хорошему и весьма полезному человѣку, комиссіонеру, имѣющему большія дѣла съ Петербургомъ и, завязавъ тамъ сношенія, отправиться оттуда въ Питеръ. Въ Петербургѣ у него есть только одинъ знакомый, книгопродавецъ нѣмецъ, по его словамъ человѣкъ вполнѣ честный, но который отказался уже разъ отъ его письменнаго предложенія и съ которымъ я ему поэтому совѣтую не встрѣчаться. Друзья мои дадутъ ему рекомендательное письмо къ вышеупомянутому шведу, тамъ проживающему. Кромѣ того мой штетинскій пріятель, знающій хорошо Петербургъ, рекомендуетъ ему нѣсколько дѣльныхъ людей. Наконецъ надо будетъ дать ему письмо къ одному изъ членовъ общества, чтобы они ему указали торговаго русскаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ безопасно и съ пользою сблизиться. Я знаю возраженіе, которое вы можете сдѣлать, и понимаю всю деликатность этой стороны вопроса. Давать письмо къ одному изъ нашихъ друзей въ Петербургѣ въ настоящее время дѣло не шуточное, опасное. Но, друзья

мои, кто не рискуетъ ничего, тотъ никогда ничего не сдѣлаетъ. Безъ помощи общества вы никогда не завяжете серьезныхъ торговыхъ отношеній въ Россіи;— общество не должно вмѣшиваться въ нихъ непосредственно, но должно только указать Straube на людей способныхъ и готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Вы можете написать записку къ одному изъ членовъ,— такъ, какъ мы это дѣлали въ Стокгольмѣ,—и адресъ прислать мнѣ особенно. Straube выучитъ его наизусть. Въ запискѣ же скажите, что Straube пріѣхалъ по вашему порученію и что вы просите оказать ему помощь совѣтомъ, рекомендаціею и, сколько возможно будетъ, дѣломъ. Честнымъ словомъ ручаюсь вамъ за то, что Straube будетъ педантически остороженъ и что онъ будетъ стараться избѣгнуть всякой неловкости, могущей компрометировать и его и того, къ кому записка будетъ написана. Что онъ не будетъ стараться узнать болѣе, чѣмъ ему скажутъ, и не узнаетъ при случайной встрѣчѣ того, съ кѣмъ ему придется переговорить по секрету. Сущность дѣла разскажетъ онъ самъ, въ запискѣ же должно быть только сказано, что онъ человѣкъ вѣрный, котораго мы рекомендуемъ и которому просимъ помочь. Наконецъ, вспомните, что мы ужъ два раза писали такимъ же образомъ. Одинъ разъ черезъ Квантена; отвѣтъ, о которомъ я долженъ бы былъ узнать ужъ давно, въ вашихъ рукахъ. Другой разъ черезъ Ветергофа. Это письмо возвратилось назадъ за отсутствіемъ адресата;—я его получилъ обратно и сжегъ. Скажите же объ этомъ Алексан. Алекс.—за честность, за акуратность, за ловкость Straube я вамъ отвѣчаю своею честью. Трудно найти человѣка способнѣе его къ такому дѣлу. Изъ Петербурга Straube проѣдетъ въ Финляндію, а можетъ быть прежде этого еще въ Ригу. Въ Финляндіи у насъ ужъ есть люди и найдутся еще другіе. Такимъ образомъ онъ завяжетъ цѣлую цѣпь сообщеній и будетъ въ состояніи начать дѣйствительное и довольно широкое дѣло,— дѣло, которое можетъ только такимъ образомъ удасться. Трехмѣсячный срокъ, назначенный Александромъ Александровичемъ для платы за взятыя книги, слишкомъ

коротокъ и просто невозможенъ. Вспомните, что плаваніе черезъ мѣсяца полтора, много два прекратится, и что до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано. Пройдетъ время на отысканіе людей и на устройство сообщеній. Кромѣ этого люди въ Россіи, съ которыми онъ сговорится, потребуютъ также кредита. Вспомните, что предполагаемая поѣздка будетъ стоить ему довольно времени и денегъ. Что можетъ легко случиться, что вслѣдствіе ли терроризма, вслѣдствіе ли индиферентизма или можетъ быть временной непопулярности лондонскихъ изданій, Straube не найдетъ въ Петербургѣ ни одного человѣка, который согласился бы вступить съ нимъ въ компанію,—тогда поѣздка его и всѣ сопряженныя съ нею траты времени и денегъ будутъ для него потеряны, поэтому онъ подвергается риску. Но отчасти изъ симпатіи къ самому дѣлу, отчасти же изъ убѣжденія, что при счастливыхъ обстоятельствахъ онъ можетъ завести серьезную, выгодную для него торговлю, онъ рѣшается подвергнуться этому риску. Но за то требуетъ отъ насъ: 1) чтобы мы сдѣлали ему на годовой срокъ кредитъ въ 4 или 5 тысячъ франковъ,— обязываясь выслать вамъ обратно все, что не будетъ имъ продано, 2) чтобы, разъ согласившись съ нимъ въ главныхъ пунктахъ, вы въ продолженіе этого года испытанія высылали ему безъ замедленіе все, чего онъ потребуетъ на опредѣленную сумму кредита, съ дѣловою аккуратностью, 3) чтобы вы, сколько можете, съ помощью нашихъ друзей въ Петербургѣ, поддержали бы его въ Россіи. Съ своей стороны онъ обѣщаетъ, если, по возвращеніи изъ Петербурга, онъ убѣдится, что дѣло пойдетъ плохо, не тянуть его, не обманывать ни васъ, ни себя и возвратить вамъ всѣ не проданныя изданія, раздѣливъ съ вами пополамъ расходы на посылку. Повторяю еще разъ, это дѣло серьезное и стоящее того, чтобы вы крѣпко подумали, прежде чѣмъ отвѣчать отказомъ. Если вы серьезно хотите распространенія вашихъ изданій въ Россіи, врядъ ли вы найдете другого человѣка и другой случай, соединяющихъ въ себѣ такъ много залоговъ успѣха.— И въ десятый разъ говорю, за честность, за серьез-

ность, за способность и за чистую, добрую волю Straube я вамъ ручаюсь своею честью. Straube, по моей просьбѣ, написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ излагаетъ свои надежды и виды. Если вы намѣрены принять его предложеніе, то, не теряя времени, напишите ко мнѣ ли или прямо къ нему вашъ отвѣтъ и изложите въ немъ ясно и опредѣленно ваши условія, понѣмецки или по-французски. Мнѣ же, съ тою же опредѣленностью напишите, на какія именно измѣненія и въ какой именно мѣрѣ я могу согласиться, въ случаѣ его требованія. И, не теряя времени, вышлите всѣ послѣдніе номера „Колокола“, которыхъ у него еще нѣтъ, и выборъ книгъ, которыя, по вашему мнѣнію, наиболѣе возбудятъ интереса въ Россіи. Въ случаѣ вашего согласія онъ отправится отсюда около 10-го сентября. Если же вы не найдете возможнымъ согласиться на его предложеніе, пришлите вашъ рѣшительный мотивированный или не мотивированный отказъ, также какъ можно скорѣе, чтобы онъ не готовился напрасно въ дорогу.

4) Разрывъ мой съ Квантеномъ, котораго Ал. Ал. былъ единственною причиною, и послѣдовавшее за нимъ охлажденіе со всѣми проживающими здѣсь финляндцами не дали мнѣ, какъ я прежде этого надѣялся и ожидалъ, воспользоваться прибытіемъ сюда многихъ дѣльныхъ финляндцевъ изъ края. Но, благодаря моимъ шведскимъ пріятелямъ, мнѣ наконецъ удалось пробить путь къ одному изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ партіи фиѳомановъ. Посылаю вамъ на особомъ листѣ отрывки изъ его писемъ, которыхъ, я думаю, будетъ достаточно, чтобы доказать вамъ важность этой связи и пользу, которую мы можемъ извлечь изъ нея. Не называю вамъ именъ и не посылаю адресовъ, потому что, проученный разъ горькимъ урокомъ, даннымъ мнѣ вашимъ молодымъ и честолюбивымъ секретаремъ, не увѣренъ, что онъ не передастъ всего своему другу, а моему теперешнему врагу Квантену и не воспользуется еще разъ моею довѣрчивостью противъ меня, для вящшаго укрѣпленія своего юнаго могущества. Я считалъ себя обязаннымъ

предупредить моихъ финскихъ друзей противъ Квантена и съ радостью узналъ, что партія дѣятельныхъ финномановъ, организовавшаяся, какъ вы видите, въ тайное общество, не намѣрена подчиняться здѣшней финской колоніи, гораздо болѣе занимающейся личными, чѣмъ общими интересами.

5) Если ко мнѣ есть письма Straube, изъ Финляндіи и другія, прошу немедленно выслать ихъ мнѣ на вышеозначенный адресъ въ Женеву. О томъ же прошу Тхоржевскаго. Послѣдняя посылка изъ Лондона въ Женеву должна быть не позже 8-го января, послѣ чего прошу до 9-го января посылать Poste restant à Gènes, а послѣ 9-го января à Florence poste restante все на имя Henry Souli.

6) Герценъ сомнѣвался также въ успѣхѣ книжнаго предпріятія черезъ Италію въ Константинополь. Напиши мнѣ, остаешься ли ты при старыхъ надеждахъ и долженъ ли по условленному стараться исполнить твое порученіе.

Надѣюсь, Огаревъ, что ты не замедлишь отвѣтить мнѣ на всѣ эти вопросы, чѣмъ много обяжешь преданнаго вамъ.

М. Бакунинъ.

Натальѣ Алексѣевнѣ нашъ сердечный поклонъ.

На этомъ отрывкѣ написано рукою Бакунина же: „Тхоржевскому“.

XXVII

29/17 августа. Стокгольмъ 1863.

Друзья! Пишу вамъ отсюда въ третій разъ. Въ первый разъ болѣе 2 мѣсяцевъ тому назадъ писалъ вамъ съ прямою оказіею, второй же разъ черезъ вашего агента въ Швейцаріи, который долженъ былъ, по ва-

шему приказанію, пріѣхать въ Стокгольмъ, но который былъ, вѣроятно, задержанъ и ограничился короткимъ письмомъ черезъ Нордстрёена. Я тотчасъ же послалъ ему пространное письмо съ просьбою, какъ можно скорѣе его вамъ доставить, и жаль мнѣ было бы, если бы оно пропало. Спѣшу однако сказать, что никакой опасности отъ пропажи этихъ 2 писемъ произойти не могло,—въ нихъ не было ни именъ, ни адресовъ и ничего такого, чтобы могло компрометировать.

Я неоднократно пытался попасть въ Польшу. Мнѣ не посчастливилось. А теперь расположеніе поляковъ къ намъ до такой степени перемѣнилось, что, не переставая желать имъ успѣха, мы, русскіе, должны, кажется, воздержаться отъ прямого участія въ ихъ дѣлѣ, къ тому же, слишкомъ запутавшемся въ послѣднее время съ западно-европейскими интересами, враждебными не только императорской системѣ, но и русскому народу. Поэтому я остался въ Швеціи и старался пріобрѣсть здѣсь друзей и помощниковъ для русскаго дѣла. Старанія мои увѣнчались успѣхомъ. Стокгольмъ и вся Швеція будутъ служить вѣрнымъ убѣжищемъ для русской эмиграціи и для русской революціонной работы. Русская типографія и русская пропаганда найдутъ здѣсь крѣпкую почву и покровительство и богатыя средства. Ничего нѣтъ легче, какъ сообщаться изъ Стокгольма съ Петербургомъ лѣтомъ. Есть вѣрные люди, на которыхъ можно положиться безъ всякой опасности. Благодаря этимъ людямъ и средствамъ я бросилъ въ сѣверъ Россіи (въ губерн. Архангельскую и Олонецкую особенно) около 7000 экземпляровъ разныхъ воззваній, между прочими, вашихъ воззваній къ солдатамъ и къ офицерамъ. Могъ бы ихъ также послать въ Петербургъ, но у меня нѣтъ адресовъ. Правда, что Прованcовъ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, но я долженъ былъ ими пользоваться только по его возвращеніи въ Петербургъ, а онъ кажется еще за границей. Итакъ, прежде всего прошу васъ о вѣрномъ и постоянномъ адресѣ и предлагаю вамъ переписываться сомною черезъ подателя этого письма. Онъ финляндецъ, рекомендованный мнѣ, какъ

человѣкъ безусловно крѣпкій и вѣрный, финляндскими патріотами, и можетъ служить вамъ постояннымъ посредникомъ съ нами и съ финскою организаціей, съ которою я сблизился и которая, понимая также хорошо свои, какъ и наши интересы, исполнена къ намъ и къ нашему дѣлу самой искренней симпатіи. Я полагаю, что вамъ не будетъ противно съ нею сблизиться. Если вы хотите имѣть со мною дѣло и если полагаете, что мое участіе въ общихъ трудахъ можетъ принесть пользу, то прошу васъ, отвѣчайте. Я, также какъ и лондонскіе друзья мои, съ радостью призналъ С. Петербург. Комитетъ и готовъ слѣдовать его руководству, только для этого мнѣ надо знать и положеніе вашихъ дѣлъ и ваше настоящее направленіе. И потому, ради Бога, пишите и дайте адресъ. Неужели жъ, имѣя на всѣ средства, мы не сумѣемъ устроить между собою правильныхъ и постоянныхъ сношеній.—Тяжело бѣдной Польшѣ, но она не погибнетъ.—Европа страшно раздѣлена и на этомъ раздѣленіи основаны всѣ петербургскія надежды.—Однако польскій вопросъ зашелъ ужъ такъ далеко, что для европейскихъ державъ стало также опасно ничего для нея не сдѣлать, какъ мудрено придти ей на помощь. Я думаю, что послѣ полученія вторичнаго отказа отъ С.-Петербурга Франція, Англія и Австрія признаютъ Польшу comme une partie belligérante.—Я думаю, что поляки продержатся зимою съ помощью оружія и другой помощи, которыя прибудутъ къ нимъ тогда открыто черезъ Галицію,—а весной война мнѣ кажется несомнѣнна. Неужели жъ мы до этого времени ничего не сдѣлаемъ или по крайней мѣрѣ къ этому времени не будемъ готовы? Поддѣльные всероссійскіе адресы и фразерское московское патріотобѣсіе меня нисколько не пугаютъ и не сбиваютъ съ вѣры.—Правительство, какъ и всегда, расшевеливаетъ народъ какъ будто противъ насъ, въ сущности же въ нашу пользу.—Ради Бога, скажите, что у васъ дѣлается, что заграницею дѣлать прикажете— и дайте же съ вами соединиться тѣснѣе и ближе.—Мы здѣсь можемъ быть полезны только въ той степени, въ какой мы въ связи съ ва-

ми—и потому пишите, пишите и дайте адресовъ. Теперь, въ видѣ письма къ Герцену, я пишу для „Колокола“ на полицейскія и славянофильскія нападенія противъ меня.—А недѣли черезъ двѣ къ вамъ можетъ быть прямо отъ меня пріѣдетъ вѣрный человѣкъ, который привезетъ вамъ извѣстія о здоровьѣ Бровни и поклонъ отъ Магнуса Беринга.

Пишите мнѣ черезъ подателя сего письма. А если хотите писать изъ-за границы, вотъ мой адресъ:

Stockholm
Doctor Alinton
Stora Vattugaton

На внутреннемъ конвертѣ:
Pour M—me Lise.

Прощайте.

М. Бакунинъ.

XXVIII.

РѢЧЬ БАКУНИНА НА БАНКЕТѢ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

(Переводъ съ французскаго).

Господа!

Глубоко тронутый благородною и симпатическою манифестаціею, которою вы хотите почтить меня сегодня, я думаю, что ваша главная цѣль—отдать почтеніе праву, которое считается священнымъ въ этой странѣ, такъ какъ оно вкоренено въ нравы и въ историческое сознаніе народа шведскаго: праву благороднаго и великаго гостепріимства. Этимъ правомъ вы, по истинѣ, можете гордиться, ибо нигдѣ въ Европѣ, исключая, можетъ быть, Великобританіи, оно не практикуется такъ широко и такъ великодушно, какъ въ вашей землѣ. Вы хотѣли также показать, что благоразуміе, которое похоже на страхъ, вамъ противно,

и что народъ свободный и сильный своей свободой не имѣетъ нужды унижаться передъ деспотическимъ государствомъ, какъ бы оно могущественно ни казалось, ни покупать опасныя милости трусливыми уступками. Вы хотите показать однимъ словомъ, что не желаете дружбы Петербурга, что его воля, его мнѣнія, его идеи не составляютъ закона въ Швеціи и что, напротивъ, всякій преслѣдуемый Петербургомъ за свои свободныя стремленія найдетъ въ этой благородной землѣ убѣжище, безопасность, покровительство.

Такова, безъ сомнѣнія, господа, господствующая мысль, которая управляетъ этимъ банкетомъ. Но я не обманываюсь, надѣюсь, ища въ немъ еще одно намѣреніе,—да и зачѣмъ его искать, такъ какъ знаменитый патріотъ шведскій только-что выразилъ ее сейчасъ въ тостѣ, предложенномъ за молодую Россію?!

Да, господа, эта Россія, молодая не годами, а опытомъ и жизнью политическою, эта Россія народная, вѣковая мученица и слѣдовательно врагъ называющей себя Россіей,—императорской,—существуетъ и ея часъ пришелъ! Мы, русскіе, которые ее ближе наблюдаемъ и можемъ бросить взглядъ въ глубины ея внутренняго труда, мы видимъ, что она даже двигается, растетъ и приготовляетъ силы свои для послѣдней борьбы,—и Европа, безъ сомнѣнія, увидитъ, какъ она сядетъ величественно, свободная и великая, но мирная и справедливая, на развалинахъ разбитаго имперіализма. Въ эту минуту правительство петербургское истощается въ напрасныхъ усиліяхъ увѣрить Европу, что въ святотатственной, безумной и жестокой политикѣ, которую оно ведетъ въ Польшѣ, его поддерживаетъ страстная преданность народа изъ 60 милліоновъ, готоваго бѣжать за оружіемъ и умереть за него. Еслибъ это было правдою, это было бы большое несчастіе для Польши и вѣчный позоръ для Россіи. Но, къ счастію, это ложь! Это правительство лжетъ всегда, въ этомъ его сила, жизнь, въ этомъ тайна его существованія,—оно—ложь, возведенная въ систему, и не было въ мірѣ другого, кромѣ правительства Небесной имперіи,

которое могло бы оспорить у него пальму первенства въ подлогахъ. Всѣ эти будто бы народныя манифестаціи, по поводу которыхъ дѣлали столько шума, всѣ эти адреса преданности, которые наполняютъ колонны продажныхъ газетъ московскихъ и петербургскихъ,— представляютъ столько же безстыдной лжи, и вы можете судить о томъ, господа, по тому, что происходило недавно въ Финляндіи.

Нѣтъ, господа, народъ русскій не съ правительствомъ, и никто этого такъ хорошо не знаетъ, какъ само правительство. Потому оно охвачено большимъ страхомъ. Горизонтъ вокругъ него омрачается, земли ему не достаетъ подъ ногами, оно не чувствуетъ поддержки даже во внутренней вѣрѣ, въ той дерзкой, безумной вѣрѣ, которая составляла силу императора Николая. Окруженное глубокимъ и общимъ недовольствомъ, побуждаемое къ крайности страшнымъ польскимъ возстаніемъ, которое, подвигаясь, какъ гроза, съ запада, кажется, воспламенитъ всю имперію, угрожаемое внутри народной революціей, еще болѣе страшной, презираемое въ Европѣ, презираемое въ Россіи, презирающее само себя, оно смущается, оно чувствуетъ головокруженіе и шатается на ногахъ, какъ больной, готовый скоро умереть. Оно губитъ себя, желая спастись, и покрываетъ себя позоромъ, желая вызвать къ себѣ сожалѣніе. Оно стонетъ, оно жалуется, оно плачетъ въ Петербургѣ, умоляя свою гвардію не оставлять его, и плачетъ въ Варшавѣ, умоляя своихъ генераловъ, русскихъ нѣмцевъ, и русскихъ монголовъ, не ссориться и умоляетъ покорно Финляндію не слишкомъ разрушать (?) его, оно, наслѣдникъ Николая, который такъ презиралъ науки и литературу, опускается до того, что пожимаетъ руки редакторамъ журналовъ, которыхъ оно покупаетъ,—наконецъ, вещь невѣроятная! оно забываетъ всѣ традиціи императорскія до нищенствованія милости черни петербургской и московской. Полиція теперь организуетъ анархическія демонстраціи народныя, не думая о страшныхъ опасностяхъ, которыя она вызываетъ. Страхъ ихъ дѣлаетъ глупыми, ослѣпляетъ до того, что они дѣлаются въ одно время неблагоразумны,

смѣшны и жестоки. Они не даютъ себѣ болѣе труда прятать свою кровожадную натуру и не бояться вызывать страшныхъ подземныхъ духовъ, ни пробуждать народныя страсти съ рискомъ поставить всю Европу въ огонь и кровь. Въ Литвѣ и на Украйнѣ фатальное правительство проповѣдуетъ гайдамачину и массовое истребленіе всего католическаго населенія.

И теперь, господа, я взываю къ вашей справедливости. Насъ, противниковъ этого правительства, называютъ революціонерами, Но не оно ли напротивъ есть вопрощенный революціонеръ? Робеспьеръ и Маратъ могли ли сдѣлать больше, Геростратъ, самый безумный и самый преступный, могъ ли бы смѣть больше? И все это, господа, дѣлается цинически при дневномъ свѣтѣ, въ виду этой старой Европы, резонирующей, дипломатизирующей, протоколирующей, которая только на это и сохранила способность негодованія! И въ то время, когда она сама исходитъ ложью въ безплодныхъ переговорахъ, она предоставляетъ свободу дѣйствій этому сумасшедшему преступнику и маніяку, который, чувствуя свою смерть, хотѣлъ бы обратить Польшу и Россію въ пустыню.

Что же такое послѣ этого мы, господа, мы, которые боремся съ правительствомъ петербургскимъ? Мы истинные консерваторы: — мы ужасаемся крови, — но такъ какъ необходимо, чтобъ она текла, ну такъ пусть она течетъ не для разрушенія, а для счастія Россіи и Польши! Мы, которыхъ зовутъ революціонерами, мы даже не республиканцы во что бы то ни стало. Еслибъ императоръ Александръ II захотѣлъ стать откровенно во главѣ политической и соціальной революціи въ Россіи, еслибъ онъ захотѣлъ отдать свободу и независимость Польшѣ, а также всѣмъ провинціямъ, которыя не хотятъ входить въ имперію, если бы на мѣсто этой чудовищной и насильственной имперіи Петра, Екатерины и Николая, онъ открылъ бы Россію свободную, демократическую, народную съ административною автономіей провинцій и если бы, для увѣнчанія этой новой политики, онъ выставилъ славянское федеральное знамя,—тогда, господа, далекіе отъ того,

чтобъ бороться съ нимъ, мы были бы его самые вѣрные слуги, самые горячіе и самые преданные. Слова республика и монархія не важны, лишь бы все зданіе имѣло своимъ основаніемъ только истинную волю народа, а цѣлью только благосостояніе и свободу его, —лишь бы исполнились судьбы націи русской и всего племени славянскаго. Александръ II могъ сдѣлаться самымъ могучимъ государемъ своего вѣка, могучимъ на добро, для свободы, а не для завоеванія и зла. Онъ этого не понялъ. И однакоже ему было достаточно сдѣлано предостереженій, совѣтовъ, просьбъ! Онъ не захотѣлъ ихъ слушать! Онъ упорствовалъ играть печальную роль достойнаго наслѣдника императора Николая,—и такъ какъ онъ хотѣлъ сохранить свою имперію, онъ долженъ былъ впасть въ тѣ же ошибки и даже превзойти отца, — и онъ ихъ такъ скоро превзошелъ, что теперь между народной Россіей и династіей примиреніе стало невозможнымъ.

Господа,—въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество,—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ. Оно носитъ имя Земля и Воля. Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы общества русскаго, всѣхъ русскихъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имущество и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне и мильоны сектантовъ раскольниковъ, которые, желая того же, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. Это общество, правильно и крѣпко организованное, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію. Оно заключило формальный союзъ съ центральнымъ комитетомъ варшавскимъ, теперешнимъ временнымъ національнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каждой провинціей, большой и малой, абсолютное, не-

ограниченное право располагать собою, по своимъ выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ патріотами Малороссіи *) и когда финляндцы пожелаютъ, оно подастъ имъ руки на тѣхъ же условіяхъ. Цѣль этого общества вполнѣ гуманна и вполнѣ кон. сервативна. Эта цѣль—спасеніе Россіи отъ преступнаго безумія имперіализма, произвести сдѣлавшуюся необходимою великую революцію политическую и соціальную,—безъ пролитія безполезнаго крови. Чѣмъ болѣе будетъ сильно это общество, тѣмъ менѣе будетъ несчастій, такъ какъ сила внушаетъ умѣренность и спокойствіе,—и только безсиліе жестоко. Программа его вполнѣ проста:

1. Оно хочетъ передать землю крестьянамъ безъ выкупа и заплатить ея стоимость помѣщикамъ на счетъ всей націи.

2. Принимая общину за основу, оно хочетъ замѣнить совершенно нѣмецкую администрацію бюрократіи національною выборною системой и насильственную централизацію имперіи федераціей провинцій, автономныхъ и свободныхъ.

3. Оно хочетъ уничтожить рекрутчину, этотъ кровавый налогъ, который теперь истребляетъ русскія населенія, и на мѣсто постоянной арміи, не согласимой съ (?) свободой, хочетъ ввести систему народнаго вооруженія, ополченіе, которое будетъ всемогуще для защиты страны, но безсильно для внѣшняго завоеванія.

4. Чтобъ осуществить эти идеи, составляющія самое чистое выраженіе воли народной, оно громко требуетъ созванія земскаго собора, составленнаго изъ депутатовъ, выбранныхъ всѣми провинціями и городами великой Россіи безъ различія классовъ, имущества и положенія.

Таково общество, къ которому я имѣю честь принадлежать, господа, и которое я имѣю честь представлять передъ вами. Отъ имени этого общества, отъ имени этой новой Россіи, которая должна скоро

---

*) Мы не знаемъ факта, который могъ бы дать хоть формальное право Бакунину для этого сообщенія. М. Др.

восторжествовать и которая приноситъ всему сѣверу Европы обѣщаніе мира, плодороднаго, братскаго, я протягиваю руку патріотамъ шведскимъ и пью за близкое осуществленіе и благополучіе великаго федеральнаго союза скандинавскаго.

Выше, въ письмѣ № XXV Бакунинъ упоминаетъ, что онъ посылаетъ А. И. Герцену письмо съ жалобами на его сына, А. Ал—ча. Дѣйствительно въ Стокгольмѣ между А. А. Герценомъ и Бакунинымъ произошли разногласія, главнымъ образомъ, по поводу преувеличеннаго, по мнѣнію А. А. Герцена, изображенія силы революціоннаго движенія въ Россіи, которое Бакунинъ показывалъ шведамъ и которое хотѣлъ представить и на банкетѣ, устроенномъ шведами для выраженія симпатій имъ и Польшѣ. Вслѣдствіе оппозиціи А. А. Герцена, Бакунинъ смягчилъ въ предыдущей рѣчи слишкомъ широкую картину Земли и Воли, которую онъ намѣревался нарисовать.

Жалобы Бакунина вызвали нижеслѣдующее письмо къ нему А. И. Герцена.

XXX.

ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА КЪ БАКУНИНУ.

1 сентября 1863.

Люб. Бак.

Книгу *) твою я получилъ, а потомъ получилъ и дополненія; прочелъ внимательно и хочу отѣчать не холодно, а хладнокровно. Цѣлыхъ книгъ я не умѣю писать въ подобныхъ случаяхъ, а потому коснусь только главныхъ точекъ. Защищать самолюбивыя замашки моего сына, дерзкій тонъ, ошибки его, я не стану и уже много отчиталъ ему выговоровъ. Но когда ты меня хочешь увѣрить, что онъ поступилъ какъ Картушъ и дѣлалъ комплотъ, такой хитрый, что Квантенъ (полубогъ твоихъ первыхъ писемъ), Феликсъ Дементовичъ, Норвегія и Скандинавія—были имъ на-

*) Толстое письмо. М. Др.

дуты, когда ты боишься сообщить адресы, чтобъ онъ ихъ не переслалъ твоимъ врагаиъ,—тогда я жму плечами и думаю: какъ ты привыкъ въ сварливой жизни съ хористами революціи,—къ нѣмецкой манерѣ; ужъ обвинять, такъ обвинять: „воръ, агентъ прусскаго короля, изнасиловалъ кошку, и т. д.“—Я не оправдываю С., что онъ говорилъ о тебѣ съ другими; знаю также, что и другіе говорили съ нимъ. Еще менѣе оправдываю, что онъ говорилъ съ тобой;—съ тобой въ глаза никто кромѣ меня и Ог. не говорилъ откровенно. Съ чего жъ ему, 24 лѣтъ, безъ правъ вчинать рѣчь. *)

Вашъ споръ о томъ, кто изъ васъ законный Chargé d'affaires З. и В. комиченъ до высш. степени. Что молодой человѣкъ могъ найдти пріятн. представлять начинающійся кругъ молодыхъ людей—я понимаю. Но что ты также будто не прочь имѣть помазаніе съ Невы, когда ты его имѣешь изъ крѣпости и Сибири,—это я не понимаю. Вѣдь ты не повѣрилъ же собствен. словамъ, что попы, генер., женщины, массы, птицы и пчелы—все составляетъ мощную корпорацію и пр.

Этотъ колосальный canard въ тв. рѣчи и ведетъ меня прямо отъ тв. потасовки съ С. въ нутрь дѣла. Поговоримъ объ ней твердо, откровенно и коротко.

Книга твоя, особенно первая часть, ужаснула меня не обвиненіями С., а пустотой, ненужностью, призрачностью всѣхъ этихъ переговоровъ, сближеній, отдаленій, объясненій. Мастерски составленныя тобою характеристики напр. Квант. и жены—въ любой романъ идутъ; но вѣдь я тебѣ такую же характеристику напишу Оленицына и жены (правит. канц. у Тюфяева въ 37 г.). Еслибъ ты имѣлъ художественную цѣль—это было бы хорошо. Но ты воображаешь, что это все дѣла, какъ вообразилъ въ 48, что надобно зондировать Служальскаго, и за этимъ ходилъ съ Rue de Bourbon на желѣзн. дорогу. — Оторванный жизнью, брошенный съ молодыхъ лѣтъ въ нѣмецкій идеализмъ, изъ кот. время сдѣлало, dem Schema nach, реалисти-

*) На другой конiи этого письма написано рукою А. А—ча: „Да, просто, потому, что я всегда люблю говорить людямъ правду въ лицо“.

ческое воззрѣніе, не зная Россіи ни до тюрьмы, ни послѣ Сибири, но полный широкихъ и страстныхъ влеченій къ благородной дѣятельности—ты прожилъ до 50 лѣтъ въ мірѣ призраковъ, студенской распашки, великихъ стремленій и мелкихъ недостатковъ. Не ты работалъ для прус. кор., а сакс. кор. и Николай—для тебя. Послѣ 10 л. заключенія ты явился тѣмъ же, теоретикомъ со всею неопредѣленностью du vague, болтуномъ—(С. опять виноватъ, что сказалъ тебѣ,—хотя и нѣтъ человѣка, который бы не зналъ этого и не боялся)—не скрупузезнымъ въ финанс. отношен., съ долей тихонькаго, но упорнаго эпикуреизма и съ чесоткой революц. дѣятельности, которой недостаетъ революціи. Болтовней ты погубилъ не одного Налбандова, а и напр. Воронова; твоя ненужная отмѣтка о немъ въ письмѣ къ Налб. свела его изъ Кавказа въ крѣпость, а потомъ въ ссылку. Послѣ отъѣзда Цв. пришло ко мнѣ письмо, писанное шифрами; врагъ всѣхъ конспирацій—я положилъ его въ сторону; но Тхрж. сказалъ, что у него есть твоя книга съ ключами, онъ принесъ, и мы съ Ог. обомлѣли; въ одной книжкѣ записаны адресы всѣхъ порядочныхъ людей въ Россіи, съ отмѣтками и подробностями, и эта тетрадь ходила по рукамъ, была у Цв., у Тх., чего добраго у (?). Чему же дивиться, что шведы раскусили это и испугались?—Ты великъ ростомъ, ругаешься и шумишь,—вотъ почему никто тебѣ въ глаза не говоритъ, что тотъ, кто не умѣетъ „ни пожатіемъ плеча, ни качаньемъ головой“ не выдать тайны, тотъ плохой конспираторъ; да и я плохой, но, люб. Бак., я вѣдь и не напрашиваюсь на сей титулъ.

Ты, какъ Милорадовичъ, берешь энергіей, а не интуиціей. На это лучшее доказательство польскій союзъ. Онъ былъ невозможенъ, они поступили съ нами неоткровенно;—результатъ тотъ, что ты чуть ли не потонулъ въ немъ, а мы сѣли на мель. Что ты меня попрекаешь, что я видѣлъ и не остановилъ?—Ты, братъ, стихія—солому ломишь, какъ тебя остановить? Я былъ противъ напечатанья адреса эфиц. въ „Кол.“, я былъ противъ жертвоприношенія Потебни, противъ

твоей поѣздки. Но когда, ты поѣхалъ на деньги Бран., когда адресы были вездѣ перепечатаны, я считалъ, что ты и офицеры о б я з а н ы дѣломъ подтвердить ваши слова; и когда ты засѣлъ въ шведахъ, мы съ Ог., б о я с ь з а т е б я, послали телеграммы. То, что твоя нога была на пароходѣ, соверш. оправдало тебя; за что же ты попрекаешь 7-й разъ? Т е б ѣ н е б ы л о в ы х о д а безъ опыта побывать въ Польшѣ.

Что польское дѣло было устроено плохо съ нашей стороны, что оно н е н а ш е д ѣ л о, хотя и правое относительно, это доказано тѣмъ, что себя, какъ я сказалъ, ты доканалъ имъ; и умоляю тебя, если что будешь печатать, будь мудръ, яко змій. Нашъ принципъ соціальный. А съ чьей стороны соціальныя начала? Со сторон. Демонт. или петб. сатраповъ, отдающихъ крестьянамъ помѣщичьи земли? „Да намъ нельзя же идти съ Муравьевымъ“. — Безъ сомнѣнія нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться и поработать въ тиши; тутъ нѣтъ calamité publique. Надобно или д ѣ л а т ь д ѣ л о — или спокойно ничего не дѣлать. Финъ правъ, говоря, что иной разъ преждевременный гамъ губитъ дѣло . . . . его письма очень умны.

(Копія съ черновой).

XXX.

ПИСЬМО ОГАРЕВА КЪ БАКУНИНУ.

12 окт. 63 года.

Милый Бакунинъ, долго же я собирался разрѣшиться письмомъ. Попробую, — но что же изъ этого? Цѣли, вѣроятно, я не достигну. Я такъ убѣжденъ, что человѣкъ — результатъ извѣстнаго числа и порядка функцій, что пока онъ растетъ, можно еще вставлять новыя функціи, которыя тоже войдутъ въ его жизнь,— но когда уже онъ выросъ, формула движущихъ его силъ замкнулась, и тутъ ввести какую-нибудь новую функцію, которая вошла бы въ жизнь и слѣдственно

измѣнила бы ее, — дѣло больше чѣмъ сомнительное. Прости мнѣ это теоретическое предисловіе; оно долею можетъ извинить мою лѣнь или неохоту, одолѣвающую меня писать письмо.

Мнѣ трудно прибавить что-нибудь къ письму Г. Зная Сашу и тебя, я думаю, что вы оба правы, т. е. оба виноваты. Онъ—дѣтской, ни на чемъ не основанной, заносчивостью или непріятной манерой: ты — въ большей части случаевъ, въ которыхъ стараешься оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Напрасно ты на него и на насъ нападаешь за несообщеніе адресовъ: всѣ адреса данные никуда не годились, по нимъ никого нельзя было отыскать, а другихъ не было. Такимъ образомъ на сей годъ погибла одна возможность сношеній—не отъ насъ, а отъ недостаточности адресовъ. — Письмо, находящееся у Кв. и вѣроятно уже давно истребленное, о которомъ ты такъ ропщешь, ни больше ни меньше, какъ письмо, написанное Сашей и возвратившееся за неотысканіемъ людей по даннымъ адресамъ. Теперь, если ты спросишь, сообщилъ ли бы я тебѣ новые адресы, еслибъ таковые оказались,—я скажу тебѣ, что я заколебался бы. Твоя довѣрчивость къ болтунамъ разныхъ этажей, твоя внутренняя тревога, заставляющая тебя искать аудиторіи,—невольно повлечетъ тебя къ нарушенію тайны, а что потомъ изъ этого выйдетъ въ рукахъ другого человѣка,—это ужъ дѣло судьбы. Но я все же допытался бы до невиннаго адреса, съ которымъ мудрено было бы скомпрометировать и передалъ бы его тебѣ. Но у насъ никого нѣтъ. Возможность только теперь начинается, но ближе мѣсяца или двухъ не придетъ въ порядокъ. Стало тутъ всѣ твои обвиненія падаютъ сами собою.

Но мнѣ кажется, что все это частные случаи, которымъ ты придаешь слишкомъ большое значеніе отъ той же внутренней тревожности, которая тебя постоянно тормошитъ. Твои быстрые переходы отъ любви къ людямъ—къ ненависти, мнѣ кажется, также порожденіе тревожной фантазіи, а не серьезная оцѣнка людей. Возьмемъ 1-е письмо о Кв. — и послѣднія; перебери

рядъ отношеній своихъ къ Вул., Цвер., Дем., Лап., Кел. и пр., — вездѣ ты найдешь больше интимности, чѣмъ нужно, вслѣдствіе твоей природной доброты даже,—а потомъ ты же самъ на эту интимность сердишься, иногда справедливо, или нѣтъ, — но все уже слишкомъ поздно. Довѣрчивость отъ доброты души, дѣтская безпечность въ жизни и вѣчная внутренняя тревога по характеру, — вотъ что тебѣ мѣшаетъ въ жизни и въ дѣлѣ. Вдобавокъ у тебя плана нѣтъ и ты много поддаешься чужому вліянію. Такъ подъ вліяніемъ бѣд. Марьян. ты напечаталъ свою брошюру, въ которой (несмотря на то, что мы уговорили тебя вычеркнуть) осталось столько неуясненнаго царизма, что юношеству она не понравилась (какъ я узналъ недавно). Подъ вліяніемъ польскихъ агентовъ, ты зашелъ въ союзъ слишкомъ далеко, такъ что тебѣ сѣсть на корабль была одна изъ тѣхъ необходимостей, которыя въ жизни не подлежатъ выбору. „Kann ich nicht mehr zurück weil ich es gewollt“, говоритъ Валленштейнъ. И „Колоколъ“ не могъ удержаться въ надлежащемъ равновѣсіи. Видишь ли теперь, по опыту, что все, что было мечтательнаго, не состоялось. Союзъ съ націон. правит. былъ шатокъ; ихъ мнѣніе то, которое тебѣ высказалъ Демон. Надо было держаться на безсоюзной симпатіи и долбить все ту же мысль о самобытности провинцій. Твой отъѣздъ заставилъ Паз. непремѣнно ѣхать. Я не говорю, чтобъ надо было устраниться отъ смерти, не въ томъ вопросъ. А устраняться отъ общественныхъ ошибокъ надо. Самъ видишь, что изъ всего этого вышло ослабленіе, а не усиленіе нашего вліянія. Оно только теперь начинаетъ вновь воскресать и не вдругъ дойдетъ до прежней силы.

Твое хвастовство объ общ. З. и В. не принесло ему пользы. Этотъ обычай—намъ не расчетъ. Вѣдь твоимъ словамъ никто не повѣрилъ. Выходитъ только, что люди, которые и присоединились бы, видя что общ. твоими устами говоритъ небывалыя вещи, — уклоняются отъ общества.

Вотъ почему намъ трудно будетъ ладить. Ты хочешь, чтобы всеб ыло сейчасъ, поскорѣй, и производишь

тревогу, а вещи отъ этого не подвигаются. Не заподозришь же ты меня въ консерватизмѣ; но я хочу, чтобъ вещи приготовлялись прочно, чтобъ каждое слово было сказано во время; многое, что возможно будетъ черезъ годъ, теперь можетъ только возбудить и поддержать реакцію. Я требую взвѣшиванія обстоятельствъ, спокойствія въ дѣятельности, приготовленія путей, людей, словомъ пропаганды адекватной времени, пропаганды словомъ и увеличеніемъ общества. Станутъ обстоятельства иначе, надо и языкъ измѣнить. Ошибокъ мы уже надѣлали довольно. Пора сознать, что мы живемъ для дѣла, а не дѣло для насъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы бы только производили игру въ революцію.

Вотъ тебѣ почти все, что я могу сказать. Сверхъ этого скажу еще вотъ что: Бакунинъ, умоляю тебя,— смири тревогу, метаніе мыслей и дѣйствій, смири до обреченія ихъ на приготовительную работу теперь, ибо взрыва ты теперь не вызовешь, а до коренной реформы Россіи безъ приготовительной работы, долею кротовой, долею литературной—ты не достигнешь. Забудь революціонныя тенденціи ins Blaue hinaus; онѣ нигдѣ не удались. Вдумайся въ приготовленіе людей до дѣйствительной революціи—мирной, или не мирной— это уже зависитъ отъ силы реакціи. Я умоляю тебя, Бак., мы много уже надѣлали ошибокъ и зла, ты во главѣ ихъ. Вдумайся въ недавнее прошедшее и если ты искренекъ, ты увидишь, что я правъ.

Не сердись на меня, ибо я пишу безъ злобы, sine ira et studio. Пишу по глубокому убѣжденію въ правдѣ и, конечно, не съ непріязнью къ тебѣ, а съ дружбой давнихъ лѣтъ.

Жаль мнѣ, что ты не написалъ своихъ мемуаровъ. Тогда они тебѣ сдѣлали бы состояніе. Теперь они только помогутъ жить. И это не худо. Снесись съ братьями, не шути деньгами. Я не ради внѣшней нравственности говорю, а ради того, чтобъ враги не бросили каменьями, а друзья не покачивали бы головами.

Только хотѣлъ закончить это письмо, какъ пришла вѣсть, что ты на этой недѣлѣ пріѣдешь сюда. Лучше и отдамъ тебѣ въ руки, а то оно прогуляется.

(Съ копіи, написанной Нат. Алексѣев. Огаревой).

XXXI.

4-го марта 1864. Флоренція.

5. Corso Vittorio Emmanuelo 1 biano.

Ну, друзья мои, простите. Молчалъ непростительно долго, собственно потому что и не о чемъ было писать. Рекомендованный намъ миланскій книгопродавецъ Daeli былъ въ Парижѣ, когда я былъ въ Туринѣ, гдѣ мнѣ сказали, а въ Генуѣ рѣшительно подтвердили, что на него, для предполагаемой восточной торговли, разсчитывать отнюдь не должно, ибо онъ своими деньгами, даже въ маленькихъ суммахъ, рисковать не любитъ и не станетъ.—А совѣтовали мнѣ отдать ему лондонскія изданія на коммиссію для частной распродажи въ Италіи, гдѣ теперь много русскихъ, ручаясь за его честность и предлагая даже въ такомъ случаѣ быть надъ нимъ надсмотрщиками и его поручителями передъ вами. Думаю, что такое дѣло придется лучше въ руку Пану *), чѣмъ вамъ. Въ Генуѣ Бертани познакомилъ меня съ испытаннымъ другомъ, помощникомъ и слугою итальянской партіи,—негоціантомъ въ Галацѣ (имени его, ради осторожности, не пишу, по передамъ при вѣрномъ случаѣ),—онъ имѣетъ большія и постоянныя торговыя дѣла съ Генуей, Ливорно, Константинополемъ и Одессою. Въ послѣднемъ городѣ, который онъ самъ посѣщаетъ не рѣдко, у него есть друзья, не разъ помогавшіе ему въ дѣлѣ польской пропаганды. Онъ не сомнѣвался въ возможности и положительно обѣщалъ мнѣ отыскать въ Одессѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Галацѣ человѣка достаточнаго и вѣрнаго, который съ извѣстными съ вашей стороны уступками возьмется самостоятельно торговать лондонскимъ товаромъ съ выдачею слѣдуемыхъ вамъ денегъ впередъ. Бертани приказалъ мнѣ безусловно вѣрить въ него, какъ въ человѣка вѣрнаго, честнаго, осторожнаго, крѣпкаго въ своемъ словѣ и не

*) Г. Тхоржевскому. М. Др.

разъ ими въ самыхъ важныхъ, трудныхъ и опасныхъ дѣлахъ испытаннаго.—Онъ уѣхалъ въ Константинополь изъ Генуи въ началѣ февраля и обѣщалъ писать мнѣ изъ Галаца. Когда получу его письмо, пришлю—я жъ ему далъ записочку къ Василью Ивановичу (Кельсіеву). Кстати, о Васильѣ Ивановичѣ. Іорданъ, недавно выѣхавшій изъ Флоренціи, сказалъ мнѣ, что братъ его, нынѣ отставленный, до послѣдняго дня жилъ съ нимъ въ большой дружбѣ и далъ ему, будто бы, нѣсколько тысячъ франковъ для старовѣрческой и кавказской пропаганды, за что получилъ, будто бы, даже выговоръ отъ польскаго революціоннаго правительства. Сколько во всемъ этомъ правды, не знаю.—Больше вышесказаннаго, друзья, я не могъ сдѣлать ничего по порученному мнѣ вами дѣлу. Тебѣ, Герценъ, давно извѣстно, что удалось сдѣлать Мечникову (Льву): вѣрная и даже безденежная доставка всего изъ Ливорно въ Константинополь и даже въ самую Одессу. Требуютъ только адреса въ Одессѣ. Но гдѣ его взять?—Хорошо, если мой новый пріятель сдержитъ слово, ну, а если не сдержитъ, придется вамъ требовать вѣрнаго человѣка въ Одессѣ отъ З. и В., если З. и В. дѣйствительность, а не призракъ. Другого средства не вижу. Еще разъ спрашиваю, Огаревъ, продолжаешь ли ты вѣрить въ дѣйствительность З. и В., которой, если она существуетъ, право, пора выскорлупиться.—Получилъ ли ты, наконецъ, какія-нибудь новыя доказательства существованія и дѣйствительности общества? Если оно дѣйствуетъ, что оно дѣлаетъ и къ какой ближайшей цѣли стремится? Какая теперь у него и у васъ практическая программа? Чего вы надѣетесь, чего боитесь, чего ждете? Удалось ли вамъ устроить съ обществомъ регулярныя сношенія? Отвѣчали ли тебѣ, наконецъ, Straube и мой финляндецъ? Доволенъ ли ты ихъ отвѣтами, удалось ли устроить сообщенія черезъ нихъ съ Питеромъ и съ архангельскими раскольниками? — Я имъ писалъ разъ отсюда, отвѣта еще не было. Что думаете вы о положеніи дѣлъ въ Европѣ, въ Россіи, въ Польшѣ? Ожидаете ли войны?—Скажу вамъ все, что слышалъ здѣсь. Всѣ поляки ждутъ къ концу нынѣшняго мѣсяца

новаго взрыва, и я не сомнѣваюсь, что движеніе лихорадочно возрастетъ, но будетъ ли это лихорадка къ смерти или къ жизни—вотъ весь вопросъ.—Ожидаютъ поляки поголовнаго хлопскаго возстанія. Если оно будетъ, ну, тогда дѣло еще можетъ поправиться. Положительно знаю, что число не только русскихъ офицеровъ, но перебѣжавшихъ, чисто русскихъ, унтеръ офицеровъ въ польскомъ лагерѣ съ каждымъ днемъ увеличивается. Чрезвычайный комисаръ отъ польскаго правительства, котораго я здѣсь на дняхъ видѣлъ, сказалъ мнѣ, что польское возстаніе держится теперь положительно и почти исключительно чисто русскими офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами—и что эти люди дерутся какъ львы. Этотъ оберъ-комисаръ надъ всѣми комисарами чуть ли не намѣренъ смѣнить Чарторижскаго. Калинка ужъ въ отставкѣ и, кажется, рѣшаются, наконецъ, дать возстанію рѣшительно революціонерный характеръ, ищутъ союза съ итальянскою партіею и съ мадьярами, равно какъ съ южными славянами. Мадьярскій генералъ Кляпка взялъ отъ итальянскаго правительства около 150 тысячъ франковъ для революціонной пропаганды между венгерцами и особенно въ венгерскомъ войскѣ. Со всѣмъ этимъ продолжаютъ вѣрить въ Наполеона и ждать отъ него спасенія. Его рука чувствуется и въ южно-славянской и въ мадьярской пропагандѣ. — Итальянское правительство не что иное, какъ его лакейская. — Знаете ли вы, что нашъ пріятель Карлъ Фохтъ неразлучный другъ Кляпки, съ утра до вечера съ нимъ шушукается, принимаетъ самое горячее участіе во всѣхъ этихъ наполеоно-пьемонто-мадьярскихъ продѣлкахъ и посредствомъ своихъ сношеній съ Германіею старается связать ихъ съ нѣмецкими революціонерными планами. Карлъ Фохтъ одержимъ страшною и кажется непоколебимою вѣрою въ звѣзду Наполеона. — Революціонеръ-дипломатъ, буржуа-демократъ, но отнюдь не человѣкъ народа. Впрочемъ я на него жаловаться не могу; онъ принялъ меня съ чрезвычайною любезностью и говорилъ о тебѣ, Герценъ, казалось мнѣ, съ неподдѣльнымъ участіемъ и удивленіемъ.

Пульскій и его жена, съ которыми вижусь довольно часто, отнюдь не раздѣляютъ его и друга его, генерала, мадьярскихъ мечтаній, положительно отрицаютъ возможность самостоятельнаго венгерскаго возстанія въ нынѣшнемъ году, но прибавляютъ, что если Италія серьезно встанетъ, то и Венгрія встанетъ непремѣнно.—Партія движенія, по приказанію Лондона и Капреры *) вполнѣ примиренныхъ и дѣйствующихъ нынѣ вмѣстѣ, несомнѣнно, готовится. Кажется несомнѣнно, что въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля будетъ попытка возстанія въ Венеціанской области, что лишь только она вспыхнетъ, будетъ сдѣлана агитація въ цѣлой Италіи и что Гарибальди позоветъ итальянцевъ. Такимъ образомъ надѣются увлечь правительство и войско въ войну противъ Австріи. Между тѣмъ правительство наполнило Ливорно, Геную и островъ Магдалины, въ двухъ шагахъ отъ Капреры, своими шпіонами.—Съ другой стороны серьезные люди говорятъ, что не только сильная пьемонтская партія, особенно сильная въ высшей бюрократіи и въ войскѣ, а также и въ министерствѣ, но даже и самъ король готовы отказаться и съ радостью отрекутся отъ великой соединенной Италіи, убѣдившись окончательно въ томъ, что монархіи не совладать съ такою Италіею, и что если освободится Римъ, то не для монархіи, а для республики,—что они съ радостью отдадутъ и Сицилію и Неаполь и Римъ и даже часть герцогствъ, лишь бы имъ удалось окончательно овладѣть Ломбардіею и Венеціею съ пресловутымъ четвероугольникомъ,—что для достиженія этой цѣли и чтобы имѣть возможность безъ стыда и безъ опасности отступиться отъ южной и части средней Италіи, они готовы начать невозможную войну противъ Австріи безъ участія народа съ однимъ войскомъ—и вызвать другую Наварру.—Между тѣмъ австрійцы дѣлаютъ страшныя приготовленія въ Венеціи, а итальянское правительство съ своей стороны вооружается съ головы до ногъ. Какъ вы видите, здѣсь какъ и въ цѣлой Европѣ путаница страшная,

*) Маццини и Гарибальди. М. Др.

ни одинъ вопросъ не поставленъ чисто и ясно. Вездѣ законныя требованія и движенія съ примѣсью наполеоновскаго яда.—А электричество все набирается и переполняетъ атмосферу,—безъ бури не обойдется. — Можетъ быть, будетъ взрывъ позже,—но мнѣ кажется, что отливъ окончился, начинается вновь приливъ. Позабылъ вамъ сказать еще одинъ утѣшительный фактъ, если онъ только справедливъ.—Поляки разныхъ партій, и между ними довольно серьезные, говорятъ, что не только крестьяне Украйны, Подоли, Волыни, но даже и малороссійскіе обратились рѣшительно на сторону Польши,—что уже существуютъ переговоры между Хохландіею и польскимъ національнымъ правительствомъ, которое, взявшись наконецъ за умъ, отреклось отъ всякаго притязанія на украинскія земли и призываетъ ихъ къ дружному, но независимому возстанію съ казацкимъ знаменемъ и во имя лишь единой казацкой воли. --Симъ истощается весь мой запасъ свѣдѣній и слуховъ. — Теперь, друзья мои, очередь за вами.—Теперь нѣсколько словъ о моихъ швейцарскихъ впечатлѣніяхъ.—Въ Веве я встрѣтился опять съ Слѣпу, котораго ужъ видѣлъ въ Парижѣ, и нашелъ въ немъ того же хорошаго, преданнаго, но страшно, почти до сумасшествія нервознаго человѣка, которому нужно будетъ много ведеръ холодной воды, чтобъ сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ.—Въ Веве также познакомился съ Погосскимъ. Можетъ быть и вы съ нимъ успѣли ужъ познакомиться, потому что онъ собирался въ Лондонъ и я далъ ему письмо къ вамъ. Въ этомъ письмѣ я вамъ сказалъ и теперь подтверждаю, что я не знаю человѣка болѣе способнаго говорить печатно съ солдатами, и пожалуй можетъ быть и съ народомъ, чѣмъ онъ. Для доказательства посылаю вамъ его пѣсню — „Эхъ батюшка!“ — Это преинтересный человѣкъ-самородокъ. По рожденію и по дѣтскому воспитанію онъ полякъ, но 15-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ солдаты и протянулъ лямку въ солдатскомъ чинѣ, кажется, около 10 лѣтъ, пробылъ года два или три офицеромъ и потомъ вышелъ въ отставку. Такъ что

въ сущности онъ и по складу ума, и по инстинктамъ, и по языку, а можетъ быть и по старымъ грѣхамъ, пожалуй даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы, нашъ братъ русскій. По смерти Николая онъ сталъ издавать „Солдатскую Бесѣду", которая въ короткое время пріобрѣла въ гвардіи и въ арміи чрезвычайную, безпримѣрную популярность. Вся тайна его силы, кажется, въ его искренней любви къ солдатамъ; онъ говорилъ имъ изъ ихъ же души имъ въ душу. Вмѣстѣ съ этимъ, неимовѣрною, чисто русскою ловкостью и, вѣроятно, также и не всегда благородными мотивами, онъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе высшаго начальства, которое, считая его своимъ, поощряло распространеніе его журнала въ войскѣ. За это не взлюбила его наша партія, обращалась къ нему съ недовѣріемъ, „Искра нерѣдко на на него нападала. Однако люди, знавшіе его въ Россіи, русскіе люди и между ними особенно одинъ всѣми уважаемый, съ которымъ я познакомился въ Веве, рекомендуютъ его, какъ вполнѣ хорошаго и честнаго человѣка. Да познакомившись съ нимъ ближе въ этомъ и сомнѣваться нельзя; — ему удалось печатать въ своемъ журналѣ, напр., такія слова: „Будь проклята и пусть отсохнетъ та рука, которая подымется на народъ". Вслѣдствіе этой статьи была послана къ нему депутація съ адресомъ отъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ одного гвардейскаго полка, съ адресомъ, который пусть онъ вамъ прочтетъ и который вамъ понравится. Какъ только началась польская революція, онъ отказался отъ редакціи журнала, приносившаго ему большой доходъ и эмигрировалъ съ большимъ семействомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ малыхъ дѣтей и славной, честной жены, также русской болѣе, чѣмъ польки и съ маленькимъ капиталомъ въ 15 тысячъ рублей, который спасетъ его отъ голодной смерти. Онъ предлагалъ свои услуги полякамъ,—они, по узкости, ихъ не приняли. Прошу васъ, друзья, обратите на него серьезное вниманіе. Я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ онъ будетъ намъ очень, очень полезенъ. — Имѣйте съ нимъ терпѣніе. Онъ немного и хвастунъ,

и много неучъ, и самолюбивъ и невинно-честолюбивъ,— а главное въ европейской жизни глупъ и несвѣдущъ, какъ дитя, и потому предается еще разнымъ самолюбивымъ, филантропическимъ замысламъ и мечтаніямъ,—но все это ничего; и еще разъ повторяю, въ этомъ сорѣ есть чистое золото. — Съ Бакстомъ прожилъ я нѣсколько дней въ Женевѣ и полюбилъ его болѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Я ему откровенно сказалъ, что подозрѣвалъ его въ самолюбивыхъ и честолюбивыхъ стремленіяхъ, — кажется я ошибся. Только скажите ему, чтобы онъ не слишкомъ увлекался генераломъ Кляпкою.—Ну, а теперь, друзья, прощайте, жму ваши руки и буду ждать отъ васъ отвѣта.

Вашъ М. Б.

Прошу тебя, Герценъ, дай мнѣ въ займы, разумѣется, если можешь, 600 фр. или даже не 600, а всего около 500. — Панъ Тхоржевскій долженъ мнѣ 5 ф. ст. за проданныя вещи, да за книги, которыя продаетъ или продалъ ужъ вѣрно не менѣе двухъ или даже трехъ фунтовъ. Мнѣ не хотѣлось бы его стѣснять, а между тѣмъ мнѣ самому деньги нужны, а потому я желалъ бы, чтобы онъ сосчитался въ 100 фр. такъ или иначе съ тобою, а остальные 50 или 75 фр. сохранилъ бы у себя для текущихъ издержекъ, какъ напр. письма и прочее. Итакъ, Герценъ, если можешь, исполни мою просьбу, если жъ не можешь, то и говорить нечего, но ни въ какомъ случаѣ на меня не сердись. Я получилъ изъ дому письмо, въ финансовомъ отношеніи довольно утѣшительное, и извѣщеніе, что мать Antonie (мужъ которой занимаетъ довольно выгодное мѣсто по золотымъ промысламъ въ Сибири) собирается послать намъ денегъ.

Гдѣ и что Утинъ (Николай)? Передайте ему словесно или письменно мой усердный поклонъ. Что дѣлаетъ онъ и чѣмъ занимается? Я работаю довольно прилежно. — Кстати, въ началѣ мая ѣдетъ одинъ изъ нашихъ здѣшнихъ друзей въ Россію,—гарибаль-

діянецъ и черногорецъ вмѣстѣ,—ты его знаешь, Герценъ, молодой человѣкъ, котораго ты мнѣ очень хвалилъ. Онъ молчаливостью своею заслуживаетъ полнаго довѣрія и могъ бы быть употребленъ словеснымъ курьеромъ.

Вашъ М. Б.

Врядъ ли нужно распространяться о томъ, что свѣдѣнія, передаваемыя Бакунинымъ о русскихъ въ польскихъ отрядахъ и объ украинцахъ, совершенно фантастичны.

XXXII.

24/12 апрѣля 1864. Nirenze 16. Borgo Ogni Santi, 2 piano.

Любезный Тхоржевскій. Во-первыхъ благодарю васъ за 100 фр., высланные мнѣ вами черезъ Герцена, и за письма изъ Иркутска къ женѣ. На счетъ послѣднихъ, прошу васъ, продолжайте ихъ франкировать, пока есть на что, но не страхуйте (enregistrer) ихъ болѣе—а то бѣдный Vieusseux, который чрезвычайно любезенъ ко мнѣ, долженъ самъ всякій разъ бѣгать на почту, чтобы ихъ получать. Письма, просто франкированныя на его имя, получаются вѣрно, такъ что ихъ страховать и лишняя издержка, и лишній трудъ.—Участвовали ли вы на завтракѣ Mazzini и Garibaldi у Герцена? Если участвовали, такъ разскажите. Здѣсь далеко не всѣ довольны рѣчью Гарибальди въ Cristal Palace, въ которой онъ объясняетъ чрезвычайный порядокъ въ народной толпѣ безъ участія полиціи, чрезмѣрной любовью англійскаго народа къ cara gerina. Многимъ, и мнѣ между ними, это показалось тѣмъ, что французы называютъ: niaiserie, — а въ положеніи Гарибальди, смѣлою и вмѣстѣ вредною niaiserie. Первый и безъ сомнѣнія самый горестный актъ польской революціонерной трагедіи, кажется, пришелъ къ окончанію. Но не отчаявайтесь, Тхоржевскій; польская революція не только что не окончилась, но, по

моему глубокому убѣжденію, только что начинается. Кончился только кровавый прологъ, подъ названіемъ „Героическое паденіе польской шляхетской демократіи".—Началось польское хлопское дѣло, котораго русское правительство никогда не будетъ въ состояніи ни умиротворить, ни удовлетворить, а изъ шляхетской демократіи, изъ революціонернаго мѣщанства и городового народа не всѣ же перерѣзаны и не всѣ сосланы въ Сибирь,—осталось безъ сомнѣнія нѣсколько тысячъ людей отчаянныхъ, все потерявшихъ и испытавшихъ въ продолженіе страшнаго года такія страданія, которыя врядъ ли испытываются другими народами въ продолженіе ста лѣтъ. Положимъ, половина, даже двѣ трети между ними нравственно убиты,—другіе зато закалены и застрахованы противъ всего;—они не остановятся ни передъ чѣмъ и готовы на все.—Это огромная сила,—сила отнынѣ разумная, потому что она, наконецъ, поняла совершенно, что будущность Польши, какъ и всѣхъ славянскихъ народовъ, въ хлопѣ—и что одно средство спасенія для всѣхъ: красная, соціальная, геологическая (?) революція.—Я ужъ встрѣтилъ такихъ людей и увѣренъ, что встрѣчу ихъ еще болѣе.—Съ ними возможенъ и необходимъ союзъ.—Они же могутъ намъ найти и настоящихъ великорусскихъ и малорусскихъ людей.—На Западѣ также кончился приливъ реакціи,—начался снова приливъ революціи. И отбросивъ китайскую мысль, достойную Аксаковскаго „Дня", мысль разъединенія русскаго и славянскаго движенія отъ европейскаго движенія, будто бы умершаго, въ дѣйствительности же только примершаго, теперь же вновь воскресающаго,—мы должны же наконецъ понять, что въ цѣлой Европѣ, не исключая и нашей Россіи, два лагеря, два отечества: одинъ называется революціею, другой—контръ-революціею.—Поляки, о которыхъ я говорю, окончательно пойдутъ съ нами черезъ мѣсяцъ,—когда они окончательно убѣдятся, что отъ Наполеона и отъ его конференціи-конгресса ничего не выйдетъ для Польши.

Итакъ, Тхоржевскій, не смущайтесь, умираетъ теперь не Польша, а послѣдній призракъ шляхетской сво-

боды и шляхетской демократіи въ Польшѣ, — и въ Польшѣ, и именно въ Польшѣ начнется конецъ русскому императорству и всероссійскому государству.

Остаюсь здѣсь, вѣроятно, цѣлый май,—въ іюнѣ поѣду куда-нибудь на море и тамъ устроивъ жену, вѣроятно въ началѣ іюля отправлюсь недѣли на двѣ, или на три въ Стокгольмъ, черезъ Швейцарію, Францію, Бельгію и, вѣроятно, черезъ Лондонъ и Гуль. Изъ Стокгольма непремѣнно возвращусь въ Италію, гдѣ оставлю жену. Здѣсь жить и дешево и хорошо.

Прощайте, Тхоржевскій, поклонитесь Чернецкому и Нефтелямъ. Послѣднихъ я не забылъ, но убѣдился, что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь здѣсь, какъ и вездѣ, надо болѣе смѣлости, болѣе энергичной инициативы, чѣмъ находится у нашего друга.

Скажите Огареву, что я наконецъ получилъ вѣсти и изъ Стокгольма и изъ Финляндіи, — т. е. отъ Straube и отъ E. Folkstrue.—Вслѣдствіе чего и рѣшаюсь ѣхать туда, гдѣ встрѣчу обоихъ.

Вашъ М. Бакунинъ.

Пишите пожалуйста чаще.

XXXIII.

8 октября 1865. Napoli.

Corso Vittorio Emmsnuele.—Palazzo Mancone, accanto il Giro Comnnale, 2 piano.

Любезные друзья! Пользуюсь отъѣздомъ Стюарета, чтобы написать вамъ нѣсколько словъ. На дняхъ мы перетащились сюда изъ Sorento, гдѣ пробыли цѣлое лѣто. Здѣсь думаемъ пробыть до первыхъ чиселъ января. Другую половину зимы и часть весны проживемъ во Флоренціи, послѣ чего будемъ медленно подвигаться на сѣверъ,—лѣтомъ на Lago di Como, а къ осени можетъ быть и въ Швейцарію. Реакція здѣсь растетъ не по днямъ, а по часамъ,—теперь, на время выборовъ, она пріостановилась и пріутихла, но такъ

какъ новая камера будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще плоше своей предшественницы,—то можно сказать почти навѣрное, что послѣ медоваго мѣсяца новаго парламента, реакція подвинется еще быстрѣе, если не случится въ Европѣ чего-нибудь особеннаго, непредвидѣннаго,—такъ что нашему брату трудно станетъ жить въ Италіи. Къ тому же Марья Николаевна (вел. княг.) дѣлается рѣшительно итальянскою подданною, купила виллу Демидова возлѣ Флоренціи и въ Италіи, кажется, хочетъ покончить свой вѣкъ. Опять поднялись слухи о выдачѣ замужъ ея дочери за Гумберта, поэтому дружба будетъ большая, — взаимная услужливость также. Пора убираться. Къ тому жъ послѣ долгаго молчанія я намѣренъ опять выступить печатно и начинаю письмомъ къ редактору „Le Temps“ или „Opinion nationale“, — вѣроятнѣе къ первому по случаю ругательнаго письма какого-то A. de Moller противъ тебя, Герценъ, въ „Nord“ 12-го сентября.

Написалъ было статью въ „Колоколъ“ въ опроверженіе мирнаго, нереволюціонернаго соціализма. Былъ ею недоволенъ и сталъ передѣлывать: вышла брошюра, а теперь брошюра чуть ли не растетъ до книги. Публичное расхожденіе съ вами по такому важному вопросу для меня вещь чрезвычайно серьезная;— каждая мысль должна быть провѣрена, каждое слово взвѣшено—и потому спѣшить не хочу. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, буду готовъ—и тогда къ вамъ же обращусь съ просьбою о напечатаніи брошюры или книги въ Женевѣ, на что постараюсь собрать достаточно денегъ. Ты меня насмѣшилъ и огорчилъ, Герценъ, напоминая, что полемизируя другъ противъ друга, намъ не слѣдуетъ браниться — это хорошо для мальчиковъ. Безъ всякаго принужденія, совершенно, естественно, уваженіе и симпатія къ вамъ будутъ занимать въ моемъ сердцѣ всегда первое мѣсто,—и какъ бы далеко ни зашла наша рознь въ средствахъ, въ путяхъ, не въ цѣли, я всегда буду цѣнить высоко право называться вашимъ союзникомъ и другомъ.—Ну, да пусть все это окажется на дѣлѣ.—И такъ, Михайлова убили,

—убьютъ и Чернышевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, Николай былъ лучше Александра.

Когда Муравьевъ-Амурскій прибылъ въ Восточную Сибирь—это было въ 1848 году, именно въ годъ самой бѣшеной реакціи—первымъ его дѣломъ было освобожденіе всѣхъ сосланныхъ, русскихъ, и поляковъ, отъ всѣхъ работъ, цѣпей и утѣсненій. Изъ Иркутска сейчасъ же посыпались на Муравьева доносы, но Николай, прочитавъ ихъ, сказалъ: „Наконецъ нашелъ я человѣка, который меня понялъ. Вѣдь тамъ надо поступать съ ними, какъ съ людьми". Полковника Дейхмана я зналъ лично,—при Николаѣ и при Муравьевѣ-Амурскомъ онъ считался скорѣе притѣснителемъ, чѣмъ покровителемъ сосланныхъ. При Александрѣ II онъ сталъ героемъ и мученикомъ.

Что извѣстно вамъ о Потанинѣ и объ открытомъ сибирскомъ заговорѣ? Потанина я не только зналъ лично, но былъ, можно сказать, его создателемъ, или вѣрнѣе открытелемъ.—Я освободилъ его изъ-подъ казачьяго ярма и отправилъ его въ Петербургъ. Съ пошлою наружностью, это необыкновенно умный, честный и энергичный молодой человѣкъ,—дѣятель безъ устали, безъ тщеславія, безъ фразъ. Жаль его, если онъ погибнетъ... а кажется, что также погибнетъ. Нашихъ друзей губятъ,—а черная русская изба, заключающая, по вашимъ словамъ, разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, спитъ, какъ спала, мертвая и безплодная въ продолженіе вѣковъ, потому что давитъ ее государство—и будетъ спать она тѣмъ же глупымъ сномъ и не сдѣлаетъ ни шагу впередъ русскій соціальный вопросъ, пока будетъ существовать это государство. А если будутъ шаги, такъ въ сторону или назадъ—отнюдь не впередъ.

Будьте отцами родными, вышлите мнѣ вновь вышедшую у васъ книгу о молоканахъ,—а если можно, если не слишкомъ велика будетъ жертва, такъ и „Стоглавъ".

Адресъ мой вверху письма.—А если захотите написать что-нибудь конфиденціально, такъ вотъ вамъ другой адресъ: Napoli—13. Strada Fontana 2° piano. Miss E. Reeve, for Miss Antony.

Я съ нею здѣсь очень подружился; она дѣйствительно славный и умный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ премилая и превеселая женщина. Но школа ея, великолѣпная по мысли, въ исполненіи cosi, cosi...

Натальѣ Алексѣевнѣ, Натальѣ Александровнѣ и Miss Malvida von Meysenbug мой почтительный и дружескій поклонъ, Ольгѣ болѣе дружескій, чѣмъ почтительный, а Лизу обнимите.

Вашъ М. Бакунинъ.

Жена вамъ всѣмъ кланяется. — Да впрочемъ, зачѣмъ ждать отъѣзда Стюарта, пошлю невинное письмо по почтѣ,—а вы передайте прилагаемое Пану.

XXXIV.

7 ноября 1865. Неаполь.

Друзья! Miss Reeve умерла сегодня ночью, между полуночью и часомъ, отъ холеры. Жена и я были при ней вчера цѣлый день неотлучно, она умерла на нашихъ рукахъ. Лечилъ ее другъ и бывшій медикъ M-me Schwabe Dr. Pinkoff и сдѣлалъ, право, все возможное. Но она позвала его слишкомъ поздно. Два дня передъ тѣмъ желудокъ ея былъ уже разстроенъ. Я умолялъ ее еще тогда принять нѣсколько капель Nux Vomica, средство почти въ цѣлой Россіи испытанное, но здѣсь еще мало знакомое. Она не приняла ничего и къ тому же третьяго дня пошла дѣлать визитъ подъ дождемъ, промокла и продрогла до костей. Вчера въ 6 часовъ утромъ началась ужъ настоящая Cholera Morbus asiatique, но она согласилась послать за докторомъ только въ часъ пополудни. Жена совершенно случайно пришла къ ней въ три часа, дала мнѣ знать и съ тѣхъ поръ мы отъ нея не отходили. Къ вечеру Пинковъ позвалъ на совѣтъ другого медика—пробовали все возможное, ничто не помогло—она умерла. Вы и мы потеряли настоящаго друга, умнаго, вѣрнаго, благороднаго и горячо намъ преданнаго, единственнаго живого человѣка

въ Неаполѣ. Всѣ остальные не люди, а тѣни. — Она глубоко уважала и нѣжно любила тебя, Герценъ. Лицо, улыбки ея выражали особенную нѣжность всякій разъ, какъ она говорила о тебѣ,—и какъ мило и какъ отъ души она смѣялась, припоминая твои удачныя выраженія. Ко всему дому, ко всѣмъ твоимъ она относилась какъ родная. Особенно любила M-lle Tata. Недавно еще показала она мнѣ письмо отъ нея, на которое собиралась отвѣчать и вѣроятно отвѣчала. Если нѣтъ, такъ ужъ отвѣчать болѣе не будетъ.—Ея нѣтъ.— Для меня она обратилась было въ умственную и сердечную привычку. Всякій разъ, какъ прочту бывало что-нибудь замѣчательное или вздумаю что-нибудь, спѣшу къ ней, чтобы потолковать или поспорить съ нею. Рѣдко встрѣчалъ я такого милаго, умнаго и симпатичнаго человѣка, какъ она. En avant! Насъ все меньше.

Вотъ все, что хотѣлъ и могу написать вамъ, друзья, на сей разъ. Будьте здоровы и берегитесь отъ холеры. А жена моя молодецъ, я ею чрезвычайно доволенъ. Такая преданность и безбоязненность безъ фразы,— столько нѣжности и мужества и благоразумія вмѣстѣ. И откуда взялись силы. Она въ продолженіе какихъ-нибудь семи часовъ безъ остановки терла ей руки и ноги. Дай Богъ, чтобы она только у меня не захворала. Я ей не мѣшалъ, потому что въ такихъ случаяхъ не считаю себя въ правѣ мѣшать. Другъ нашъ умеръ, по крайней мѣрѣ не на чужихъ рукахъ.

Вашъ М. Бакунинъ.

XXXV.

23 марта 1866. Napoli. 26. Vico San Guido. 3 piano.

Любезные друзья. Три дня тому назадъ я получилъ письмо Огарева, которое блуждало Богъ знаетъ по какимъ странамъ и наконецъ все-таки добралось до меня. Спѣшу отвѣчать, тѣмъ болѣе, что кругомъ виноватъ передъ вами. Объяснять причинъ молчанія не стану,

прошу васъ только, друзья, объ одномъ: не приписывать его отчужденію или охлажденію дружбы. Чему же, занятіямъ? Да, занятіямъ. Только вчера кончилъ я огромное письмо, которое, хотя и печатается, никогда, вѣроятно, свѣта Божьяго не увидитъ. Вотъ вамъ и загадка, которую вмѣстѣ со многимъ другимъ я постараюсь объяснить вамъ лично въ Женевѣ, куда непремѣнно пріѣду въ началѣ, или въ серединѣ іюня. Надѣюсь, что васъ всѣхъ тамъ застану. Мы намѣрены пробыть въ Швейцаріи цѣлое лѣто, только не въ самой Женевѣ, а подлѣ Женевы, гдѣ-нибудь въ дешевомъ пансіонѣ. Въ Женевѣ, думаю, дорого, а по причинѣ многочисленнаго русскаго эмансипированнаго, праздно и тщеславно болтливаго сосѣдства также и несносно. Русскій навязчивый комунизмъ мнѣ сталъ противенъ,— я же привыкъ здѣсь къ западной самостоятельности. И такъ лѣто надѣюсь проживемъ не далеко другъ отъ друга—и будемъ, послѣ долгаго молчанія и съ той и съ другой стороны, имѣть время и полную возможность другъ съ другомъ переговорить обо всемъ; — а матеріала для серьезнаго разговора накопилось много. Только, друзья, прошу васъ, перестаньте же думать, чтобы я когда либо занимался серьезно франмасонствомъ. Это можетъ быть, пожалуй, полезно, какъ маска или какъ паспортъ—но искать дѣла въ франмасонеріи все равно, пожалуй, хуже, чѣмъ искать утѣшенія въ винѣ. Въ Лондонѣ я не хотѣлъ разувѣрять тебя, Герценъ, потому, что не могъ отвѣчать на другіе вопросы. Теперь буду имѣть это право и о франмасонствѣ между нами не будетъ и рѣчи. Чтожъ касается твоего предложенія писать въ „Колоколъ“, я его принимаю съ радостью и съ благодарностью. Только дай мнѣ пріѣхать къ вамъ. Я рѣшился ничего не печатать до того времени. Во-первыхъ потому, что при теперешнихъ занятіяхъ мнѣ не хотѣлось бы обращать на себя вниманія; а во-вторыхъ, прежде, чѣмъ я рѣшусь высказать свои убѣжденія насчетъ настоящаго положенія Россіи и русскаго дѣла, мнѣ хочется, мнѣ необходимо еще разъ подробно и долго обо всемъ переговорить en trois съ вами. Расходясь съ вами, кажется, во

многомъ,—разумѣется только въ путяхъ, а не въ цѣляхъ,—я такъ высоко цѣню сознательную глубину и силу вашихъ убѣжденій, что не могу и не хочу выступать наружу со своими, не попытавшись еще разъ провѣрить ихъ вашею мыслью. Для этого нуженъ разговоръ. Письмо и печать лучше для людей недобросовѣстныхъ,—потому что: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Но для насъ, людей добросовѣстныхъ, не тщеславныхъ, разговоръ будетъ лучше. Итакъ отложимъ все до іюня.

Италія унитарная расклеивается. Во всѣхъ итальянскихъ провинціяхъ противъ правительства оппозиція растетъ все сильнѣе. Дефицитъ, боязнь новыхъ налоговъ, упадокъ фондовъ, бюрократическія грязи и притѣсненія, застой во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ пробрали наконецъ все народоселеніе, даже самыхъ равнодушныхъ и апатичныхъ,—и не предвидится другого выхода, кромѣ войны. Тоже, кажется, и во Франціи. Вновь будутъ стараться взбаламутить итальянскій народъ національными бреднями. Боюсь, что и самъ Гарибальди дастъ себя обмануть въ десятый разъ и сдѣлается, въ рукахъ, кого знаете, инструментомъ для обмана народовъ. Все это очень мало отрадно и не красиво, но, кажется, неизбѣжно. Впрочемъ, намъ останется одно утѣшеніе: если насъ поколотятъ, это то будетъ счастье для Россіи,—ну, а если Наполеонъ поколоченъ будетъ,—тогда придетъ пора Франціи. Намъ же останется во всякомъ случаѣ роль зрителей.—Затѣмъ прощайте.

Вашъ М. Бакунинъ.

1. Post S. Долго думалъ я, Огаревъ, о какомъ шрифтѣ ты меня спрашиваешь. Наконецъ вспомнилъ о Стокгольмѣ. Шрифтъ остался на сохраненіи у книгопродавца E. Skepparegatan № 4 Stockholm. Напиши ему прямо, Огаревъ; онъ сдѣлаетъ все, что ты прикажешь.

2. Post S. Скажите Пану, что онъ получитъ изъ Palermo отъ нѣкоего М—ского заказъ на всѣ сочиненія Герцена и стараго и новаго „Колокола“, чтобъ не-

медленно выслалъ все по востребованію, еслибъ даже и не выслали денегъ, съ приложеніемъ только подробнаго счета, безъ всякой боязни потери. Заказъ отъ пріятельницы моей княгини Оболенской. Деньги получатъ немедленно.

XXXVI.

28 іюня 1862. Napoli,

Corso Vittorio Emanuele—Casa Nobili 2 Piano Secondo palazzo doppo il Bersaglio.

Другъ Герценъ. Нѣсколько словъ твоихъ черезъ В получилъ и радъ былъ съ нимъ познакомиться. Онъ кажется порядочный человѣкъ. Напоминаетъ мнѣ своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку поролъ во имя Гегеля, также какъ онъ поретъ ее теперь во имя позитивизма. Но Контъ передъ Гегелемъ впереди,—напрасно только молодой другъ нашъ возводитъ его на степень абсолюта. Ты упрекаешь меня въ молчаніи. Милый другъ, не писать вамъ, а переговорить съ вами мнѣ бы хотѣлось. Я сбирался было съѣздить къ вамъ въ Швейцарію. Средства не позволяютъ. Но ты богаче меня. Чтобы тебѣ, Герценъ,—не говорю объ Огаревѣ, онъ неподвиженъ,—но чтобы тебѣ съ твоею Антигоною Натальею Александровною рѣшиться пріѣхать хоть на мѣсяцъ, на два къ намъ. Не говорю для свиданія со мною,—это было бы слишкомъ амбиціозно,—а такъ, чтобы погулять и провѣтриться. Въ Женевѣ тебѣ такъ душно и тѣсно и скучно, что ты ее проклялъ. Въ Германіи холера и война, во Францію врядъ ли тебя тянетъ, о Lago di Como и думать нечего; тамъ раздаются вблизи воинственные звуки. Ни одинъ городъ сѣверной Италіи тебѣ теперь не понравится, всѣ провоняли патріотическою ложью, Флоренція же сдѣлалась такъ дорога, что тамъ просто жить невозможно. Къ тому же лѣтомъ во Флоренціи живутъ только тѣ, которые выѣхать не могутъ,—такъ душно, такъ жарко, такъ для глазъ не здорово. Неа-

поль лѣтомъ, благодаря морю, чуть ли не самый свѣжій пунктъ Италіи и безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ дешевыхъ. Чтобы тебѣ на мѣсяцъ поселиться напр. въ Искіи; очаровательнѣе, пріятнѣе этого мѣста я ничего не знаю. Въ самое жаркое лѣто тутъ свѣжо. А дешевизна-то какая! Въ Hôtel Grande Cassamicciolo комната и полное содержаніе 5 фр. съ человѣка въ день. Впрочемъ, Наталья Александровна это мѣсто знаетъ и пусть скажетъ тебѣ, какъ тамъ хорошо—тихо, уединенно, привольно и сладко. Фрукты тамъ отличные. Эй, Герценъ, пріѣзжай. Побѣди только первое сопротивленіе инерціи, увеличивающейся въ насъ, къ несчастью, съ годами. Здѣсь все тихо, слухи о войнѣ доходятъ какъ изъ далека. Проживемъ мѣсяцъ вмѣстѣ тихо, мирно, усладительно, а можетъ быть и полезно.

Прощай, обними за меня аббата Сіея нашего русскаго движенія, друга Огарева и, если возможно, притащи его съ собой.

Вашъ М. Бакунинъ.

XXXVII.

(Получилъ 29 сен.).

Кова, близъ Неаполя, 22 сентября 1866.

Любезный Герценъ. Сейчасъ только получилъ твои обѣ записки, пролежавшія нѣсколько дней въ Неаполѣ, и хочу немедленно отвѣчать.

О томъ, что будто В. Ковалевскій корреспондентъ III отдѣленія, я услышалъ впервые отъ Утина и вотъ по какому случаю. Услышавъ, что Утинъ (Николай) отзывается такимъ образомъ о немъ въ домѣ Оболенскихъ, я, имѣвшій дотолѣ доброе мнѣніе о Ковалевскомъ, потребовалъ Утина къ отвѣту. Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ обвинялъ его, не зная его, на основаніи положительныхъ фактовъ, переданныхъ ему многими друзьями;—факты: общее мнѣніе въ Петербургѣ—разрывъ съ невѣстою, разрывъ съ передовыми кружками, настоятельность, съ которой Ковалевскій

требовалъ списки именъ людей, подписавшихся въ пользу сосланныхъ, наконецъ, его постоянное и удивительное счастіе при арестѣ большей части его знакомыхъ и пріятелей—факты, какъ ты самъ говоришь, положительно еще ничего не доказывающіе,—но если они справедливы, въ совокупности все-таки довольно странные. Друзей, отъ которыхъ онъ все это слышалъ, Утинъ не хотѣлъ мнѣ назвать, вслѣдствіе чего я ему замѣтилъ, что обвинять громко человѣка въ шпіонствѣ, не называя своихъ источниковъ и не приводя положительныхъ доказательствъ, не благородно, не честно, а также и не совсѣмъ безопасно. На что Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично познакомился съ Ковалевскимъ, онъ самъ усомнился въ справедливости обвиненія. На этомъ мы съ нимъ покончили. Утинъ пустой и тщеславный мальчишка. Важнѣе было для меня показаніе М—ва—натуралиста, котораго я отъ души уважаю, какъ человѣка умнаго, серьезнаго и добросовѣстнаго. Онъ самъ лично также ничего не зналъ положительнаго противъ Ковалевскаго, но слышалъ многое отъ разныхъ людей въ Швейцаріи и въ Германіи, особливо же въ первой и именно въ обществѣ, окружающемъ Якоби. М—въ, впрочемъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма осторожно, долго не говорилъ никому ничего, и заговорилъ только тогда, и то въ весьма тѣсномъ кружкѣ, когда былъ вызванъ къ тому показаніями Утина. Впрочемъ ты можешь узнать всѣ подробности, касающіяся до М—ва, изъ письма, написаннаго имъ недавно къ брату, вслѣдствіе воинственной телеграммы Ковалевскаго ко мнѣ, въ которой, не знаю съ какой стати, онъ грозитъ М—ву неумолимымъ гоненіемъ.

Справедливо, что я сбирался имѣть съ Ковалевскимъ объясненіе, очень затруднительное, впрочемъ, потому, что ни М—въ, ни Утинъ не давали мнѣ права назвать ихъ такъ что я хотѣлъ сказать Ковалевскому, что слухи о немъ дошли до меня изъ Германіи, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ приглашалъ Ковалевскаго къ себѣ, но онъ не пріѣхалъ, так что никакого между нами объясненія не было,

и я не могъ ни обвинить, ни оправдать его. Правда также, что я, не сдѣлавшій ни ему, ни брату его ни одного визита, пріѣхалъ къ нимъ проститься, положивъ, за неимѣніемъ достаточныхъ фактовъ, не трогать болѣе этого дѣла, о которомъ никому не говорилъ и не писалъ, но соблюдая, вмѣстѣ съ тѣмъ во все пребываніе Ковалевскаго въ Неаполѣ самую строгую осторожность.

Вотъ все, что я вамъ могу сказать, друзья, объ этомъ дѣлѣ. Прилагаю письмо Ковалевскаго ко мнѣ, полученное мною сегодня же, и мой отвѣтъ, который прошу васъ ему переслать, если онъ еще въ Швейцаріи.

Я думаю, что мысль издавать „Колоколъ“ и „Полярную Звѣзду“ по-французски счастливая мысль, только, ради Бога, не мирвольте болѣе ни правительству, ни государю, ни государству. Жду обѣщаннаго большого письма.

Вашъ М. Б.

XXXVIII.

19 іюля 1866. Ischia.

Друзья, Герценъ и Огаревъ. Пользуюсь отъѣздомъ княгини Оболенской, моего и вашего друга, чтобы поговорить съ вами подробно и откровенно. Прежде всего хочу васъ познакомить съ нею. Она принадлежитъ къ рѣдкому числу тѣхъ женщинъ въ Россіи, которыя не только сердцемъ и умомъ, но также и волею, а когда нужно и дѣломъ, сочувствуютъ намъ. Неправда ли этой рекомендаціи достаточно, а потому ничего къ ней прибавлять не стану, тѣмъ болѣе, что вы сами теперь ее узнаете и полюбите. Она ѣдетъ въ Женеву на свиданіе со старымъ отцомъ, графомъ Сумароковымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи, генералъ-адъютантомъ и прочимъ, и съ мужемъ, нынѣ гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ. Отецъ, слуга Николая и вмѣстѣ умѣренный либералъ, франмасонъ, нѣсколько спири-

тистъ, принадлежитъ къ константиновской партіи. Князь Оболенскій фанатикъ и, говорятъ, честный фанатикъ, ново-православнаго, демократически-государственнаго, поляко-поѣдающаго направленія; молится Богу, святымъ, цѣлуетъ руки попамъ и боготворитъ царя. Княгиня съ нимъ не въ ладу; онъ ѣдетъ къ ней, опираясь на авторитетъ царя и всего московскаго общества, чтобъ тащить ее и дѣтей съ собою въ грязную московскую пропасть; она ѣдетъ къ нему на встрѣчу съ твердымъ намѣреніемъ отъ него отбояриться и спасти себя и дѣтей отъ этой пучины. Поэтому ей предстоитъ въ Женевѣ трудная борьба, и я обѣщалъ ей, что она найдетъ въ васъ друзей, утѣшителей и добрыхъ совѣтниковъ. Вамъ, разумѣется, нельзя будетъ ходить къ ней, это скомпрометировало бы ее непремѣнно въ глазахъ мужа, даже и отца, и самого правительства. Но она будетъ ѣздить къ вамъ. Устройте только такъ, чтобы она никого у васъ не встрѣчала, кромѣ васъ, вашихъ дамъ, если онѣ будутъ въ Женевѣ, и испытанныхъ молчаливыхъ друзей вашихъ, Тхоржевскаго и Чернецкаго. Боже избави ее отъ князя Долгорукаго, отъ древнефила Касаткина и отъ всей молодой Россіи. Впрочемъ, вы народъ тонкій, въ осторожности изощренный. Поэтому васъ учить нечего, вы все устроите къ лучшему,—а мнѣ за это знакомство будете благодарны, потому что найдете въ ней вѣрнаго друга и хорошаго русскаго человѣка. Ей любопытно было бы познакомиться съ Карломъ Фогтомъ, для этого я ей далъ записку къ нему, но ты, Герценъ, лучше всего можешь устроить ей встрѣчу съ нимъ у тебя самого. Пожалуй покажешь ей также раціональнаго мистагога и фанатическаго непонимателя соціализма Edgard'a Quinet. Итакъ, передаю ее вполнѣ на ваше попеченіе. Она подыметъ торговлю Тхоржевскаго, потому что, кажется, хочетъ купить полное собраніе изданій вашей типографіи.

Теперь же обратимся къ нашимъ дѣламъ. Вы упрекали меня въ бездѣйствіи въ то время, какъ я былъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь; я говорю объ этихъ трехъ послѣднихъ годахъ. Единымъ предметомъ моей

дѣятельности было основаніе и устройство интернаціональнаго революціонно-соціалистическаго тайнаго общества. Зная напередъ, что вы, по темпераменту своему и вслѣдствіе настоящаго направленія вашей дѣятельности, къ нему приступить не можете, но, съ другой стороны, имѣя въ крѣпость и въ честность вашихъ характеровъ вѣру безусловную, посылаю вамъ, въ особенномъ запечатанномъ пакетѣ, который вамъ передастъ княгиня, полную программу: изложеніе началъ и организаціи общества. Оставивъ въ сторонѣ литературныя несовершенства этого труда, обратите вниманіе только на суть дѣла. Вы найдете много лишнихъ подробностей, но вспомните, что писалъ я посреди итальянцевъ, которымъ, увы, соціальныя идеи были почти совсѣмъ неизвѣстны. Особенную борьбу приходилось мнѣ выдержать противъ такъ называемыхъ національныхъ страстей и идей, противъ отвратительнѣйшей патріотической буржуазной реторики, раздуваемой весьма сильно Мацини и Гарибальди. Послѣ трехгодовой трудной работы я добился положительныхъ результатовъ. Есть у насъ друзья въ Швеціи, въ Норвегіи, въ Даніи; есть въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи; есть поляки, есть даже нѣсколько русскихъ. Въ южной Италіи большая часть Мациновскихъ организацій, Falangia Sacra перешла въ наши руки. Прилагаю тутъ же короткую программу нашей итальянской національной организаціи. Въ одномъ посланіи къ своимъ друзьямъ въ Неаполѣ и въ Сициліи, Мацини сдѣлалъ на меня формальный доносъ, называя впрочемъ, меня il mio illustre amico Michele Bakunin, доносъ для меня довольно неудобный, потому что, такъ какъ въ фалангахъ Мацини, особливо въ Сициліи, много правительственныхъ агентовъ, онъ могъ серьезно компрометировать меня. Къ счастью моему, правительство здѣсь соціальнаго движенія еще не понимаетъ и потому не боится и доказываетъ тѣмъ свою не малую глупость, потому что послѣ полнѣйшаго кораблекрушенія всѣхъ другихъ партій, идей и мотивовъ въ Италіи осталась только одна живая возможная сила: соціальная революція. Весь народъ, особливо въ южной Ита-

ліи, массами валить къ намъ, и бѣдность наша не въ матеріалѣ, а въ числѣ образованныхъ людей, искреннихъ и способныхъ дать форму этому матеріалу. Труда много, препятствій тьма, отсутствіе денежныхъ средствъ ужасно — и несмотря на все, несмотря даже на сильную военную диверсію, мы нисколько не унываемъ, не теряемъ терпѣнія, терпѣнія же надо много, и хотя медленно, но дѣйствительно каждый день подвигаемся впередъ. Этого будетъ достаточно, чтобъ объяснить вамъ, чѣмъ я былъ занятъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Согласный съ вами въ томъ, что для успѣха дѣла надо огородить его отъ всего посторонняго и лишняго и предаться ему исключительно, я занимался только имъ и абстрагировалъ себя отъ всего прочаго. Такимъ образомъ я разошелся съ вами, если не въ цѣли, такъ въ методѣ—а вы знаете: la forme entraine toujours le fond avec elle. . . Вашъ настоящій путь мнѣ сталъ непонятенъ, полемизировать съ вами мнѣ не хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что они могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ всероссійскаго государства и отъ представляющаго его правительства можно ожидать еще чего-нибудь добраго для народа. По моему убѣжденію, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Вы утверждаете, что правительство, такъ какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса „по плюсу и по минусу“ („Колоколъ“ 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости имперіи, долженъ стать смѣло

на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сенъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ всероссійской государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непростительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о возсоединеніи Литвы съ Польшею, Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искусственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующей братіи, книжный идеализмъ, которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть.... Ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно такъ же какъ усовѣщиваешь императора, вмѣсто того, чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности ко своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, „что худшее время мы пережили, и что скоро на вашъ звонъ снова явятся

блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада“.... (1-го декабря 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, „ради успѣха практической пропаганды“, обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность „быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя“. Я право не понимаю, что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева,—даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ, кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь,—они патріоты государственники, ты соціалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйствительнымъ, вольнымъ, широкимъ развитіемъ соціальныхъ интересовъ народовъ. Они, кромѣ себя и своихъ интересовъ, готовы пожертвовать всѣмъ, и человѣчествомъ, и правдою, и правомъ, и волею и благосостояніемъ народа для поддержанія, для подкрѣпленія и для расширенія государственной силы,—ты, какъ искренній соціалистъ, безъ сомнѣнія готовъ жертвовать и жизнью и состояніемъ для разрушенія того же самаго государства, существованіе котораго несовмѣстимо ни съ волею, ни съ благосостояніемъ народа. Или ты соціалистъ-государственникъ, готовый помириться съ самою гнусною и опасною ложью, порожденною нашимъ вѣкомъ: съ казеннымъ демократизмомъ, съ краснымъ бюрократизмомъ? Ты нигдѣ этого не высказываешь ясно, можно даже найти въ твоихъ статьяхъ много междусловій и мѣткихъ замѣчаній, прямо отрицающихъ государственность вообще, но въ то же самое время ты говоришь о чудесахъ, которыя правительство могло совершить по плюсу, объ „императорѣ, который, отрекаясь отъ Петровщины, совмѣститъ въ себѣ, можетъ быть, царя и Стеньку Разина“. Герценъ, вѣдь это нелѣпость и я не понимаю, право, какъ она могла обра-

-зоваться въ твоей головѣ, вырваться изъ нея и лечь подъ твое перо! Ты скажешь, пожалуй, что я самъ говорилъ то же самое въ брошюрѣ „Народное Дѣло“.— Ну, не совсѣмъ то же самое. Не желая выступать революціонно, въ противность вамъ,—а вы помните, сколько у меня было съ вами горячихъ споровъ,—я обратился тогда къ царю съ другою цѣлью, съ другою потаенною мыслью: я и тогда, какъ и теперь, былъ вполнѣ убѣжденъ въ несовмѣстимости его съ нашею программою „Земли и Воли“ и за отсутствіемъ возможности выставить эту несообразность положительнымъ образомъ стремился высказать ее отрицательно. Предлагая Александру Николаевичу сдѣлаться народнымъ, земскимъ царемъ посредствомъ уничтоженія всѣхъ сословій, военной, церковной и гражданской бюрократіи и всякой государственной централизаціи, посредствомъ присвоенія земли и безграничной воли народу и отпущенія на волю всѣхъ областей, не желающихъ связи съ великорусскими областями, я сознательно призывалъ царя къ разрушенію собственными руками имперіи, къ политическому самоубійству и никогда мнѣ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ согласиться на такой поступокъ. Я былъ съ вами вмѣстѣ увѣренъ, что онъ, обусловленный съ головы до ногъ воспитаніемъ, обстановкою, интересами, традиціями, всѣми необходимостями императорскаго положенія, самою силою вещей обреченъ на продолженіе петровской системы, и указаніемъ на единственный для него невозможный путь, ведущій къ дѣйствительному освобожденію русской земли, старался вызвать яснѣе во всѣхъ сознаніе несовмѣстимости царской власти съ благомъ подвластныхъ ей народовъ. Это было время компромиссовъ. Вы помните, я и тогда не вѣрилъ, чтобы изъ среды дворянскаго сословія могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавіе. Вспомните наши споры противъ Л—а. Какъ часто мы противъ него вмѣстѣ отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытыхъ семинаристовъ и нигилистовъ, эту единственную свѣжую силу внѣ народа. Однако, тогда было еще въ дворянствѣ громкое движущее

меньшинство—тверское дворянство шло впереди, требуя уравненія всѣхъ правъ и земскаго сбора. Огаревъ сочинилъ даже проектъ дворянскаго адреса къ царю. Дворянство еще не успѣло выказать всей таившейся въ немъ подлости. То было время нелѣпыхъ надеждъ... Мы всѣ говорили, писали въ виду возможности земскаго собора... и дѣлали, я по крайней мѣрѣ дѣлалъ уступки не по содержанію, а въ формѣ, чтобы только не помѣшать, въ сущности невозможному, созванію земскаго собора. Каюсь и вполнѣ сознаю, что никогда не слѣдовало отступать ни содержаніемъ, ни формою отъ опредѣленной и ясной соціалькой революціонной программы. Знаю, вамъ ненавистно слово „революція", но что жъ дѣлать, друзья, безъ революціи ни для васъ, ни для кого нѣтъ ни шагу впередъ. Вы во имя вящшей практичности составили себѣ невозможную теорію о переворотѣ соціальномъ безъ политическаго переворота, теорія столь же невозможная въ настоящее время, какъ революція политическая безъ соціальной; оба переворота идутъ рука объ руку и въ сущности составляютъ одно. Вы все готовы простить государству, пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо,—было бы слишкомъ стыдно,—такъ косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ: великорусскую общину, отъ которой м и с т и ч е с к и, — не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово,—да, съ мистическою вѣрою и теоретическою страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати скажите, отчего вы, уединенные гордецы никѣмъ не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мощи, скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ: „Вы выбиваетесь изъ силъ, пишетъ вамъ этотъ другъ... вы воображаете, что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а о н о м и р н ы м ъ п у т е м ъ н е п о й д е т ъ; пожалуй, вы еще надѣетесь въ этотъ несчастный одиннадцатый часъ на правительство, а о н о м о ж е т ъ д ѣ л а т ь только

вредъ; вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю." Почему не разовьете вы въ своемъ „Колоколѣ" этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго или гнуснаго рабства?—Безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатическая равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлаго міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы,—отсутствіе права не только юридическаго, но простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра—и жесткая злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену; его систематическая злорадостная, жестокая притѣснительность въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую самостоятельность,—и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки—вотъ, во всецѣлости ея настоящаго характера, великорусская крестьянская община. Прибавьте къ этому мгновенное обращеніе всякаго выборнаго крестьянина въ притѣснителя чиновника-взяточника—и картина будетъ полная,—полная для всякой общины, мирно и покорно живущей подъ сѣнью всероссійскаго государства. Есть, правда, другая сторона: бунтовская, Стеньки-Разиновская, Пугачевская, раскольничья — единственная сторона, отъ которой должно, по моему мнѣнію, ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа. Ну, да это сторона ужъ не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революціонная, революціонная даже и тогда, когда она пробуждается съ призывомъ царскаго имени. О бокъ со

страшными недостатками, мною исчисленными, вы находите въ великорусской общинѣ двѣ добродѣтели, два преимущества, одно чисто отрицательное: отсутствіе римскаго и всякаго юридическаго права, замѣненнаго въ великорусскомъ народѣ неопредѣленнымъ и въ отношеніи собственно къ лицамъ крайне безцеремоннымъ и даже совершенно отрицающимъ правомъ; другое, пожалуй, положительное, хотя и весьма темное инстинктивное понятіе, народа о правѣ каждаго крестьянина на землю, понятіе, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждаетъ права всего народа на всю землю и чуть ли не заключаетъ въ себѣ другого весьма печальнаго понятія, присваивающаго всю землю государству и государю—мнѣ ли объяснять вамъ, какая огромная разница между этими двумя положеніями:

Земля принадлежитъ народу
Земля принадлежитъ государю?

Вслѣдствіе послѣдняго, государь даритъ пустыя, а прежде дарилъ и населенныя земли своимъ генераламъ,—гонитъ цѣлыя общины съ одной земли на другую, не возбуждая ропота въ народѣ, лишь дали бы ему какую-нибудь землю.—„Земля наша, а мы государевы“—съ этимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ не далеко. Да и въ самомъ дѣлѣ, всѣ преимущества, находимыя вами въ великорусской общинѣ существовали издавна, а до сихъ поръ ничего не выработали изъ себя, кромѣ рабства, да гнили, да еще отрицанія всего государственнаго устройства, московско-петровскаго міра въ расколѣ, въ казачествѣ, да въ крестьянскомъ бунтѣ.—Община наша не имѣла даже и внутренняго развитія, она теперь та же, что и тому назадъ пятьсотъ лѣтъ, — а если въ ней, благодаря напору государственности, стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессы разложенія,—всякій мужикъ побогаче, да посильнѣе другихъ стремится теперь всѣми силами вырваться изъ общины, которая его тѣснитъ и душитъ. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что въ ней самой нѣтъ началъ развитія и

движенія? Да, пожалуй, и такъ. Въ ней нѣтъ свободы, а безъ свободы, вѣстимо, никакое общественное движеніе немыслимо. Что-жъ мѣшаетъ пробужденію свободы? Государство: московское государство, которое убило въ русскомъ мірѣ всѣ живые зачатки народнаго просвѣщенія, развитія и преуспѣянія, зацвѣтшіе, было, въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ; которое погубило ихъ вторично подавленіемъ казачества и раскола,—петровское государство, которое, какъ вамъ извѣстно, все построено на радикальномъ отрицаніи народной самостоятельности и народной жизни, и которое, не имѣя ничего общаго съ народомъ, переродиться въ народное государственное устройство не можетъ; бюрократическое и военное не случайно, а цѣлымъ существомъ своимъ, пока оно существовать будетъ, оно въ видахъ самосохраненія непремѣнно будетъ требовать отъ народа все болѣе солдатъ и денегъ, и такъ какъ ни одинъ народъ не даетъ ни того, ни другого охотно, все болѣе будетъ тѣснить и разорять его. Въ этомъ его единственный способъ жизни, а вслѣдствіе того и единственное назначеніе. Формы, или вѣрнѣе этикеты, нашего государства могутъ измѣниться, но сущность его неизмѣнна.

Государство кромѣ зла ничего народу не дѣлало и сдѣлать не можетъ.—Да какже, возразите вы, развѣ государь не освободилъ крестьянъ? — Въ томъ-то и дѣло, что не освободилъ. Мнѣ ли вамъ говорить и доказывать, что освобожденіе было мнимое. Это было, въ виду грозившихъ смутъ и опасностей, нечто иное, какъ перемѣна методы и системы въ дѣлѣ народнаго притѣсненія; помѣщичьи крестьяне превращены въ государственныхъ. Мѣсто чиновника-помѣщика заняла теперь чиновникъ-община, а надъ общиной все казенное чиновничество; на мѣсто помѣщика, община сдѣлалась теперь въ рукахъ государства слѣпымъ, послушнымъ орудіемъ для управленія крестьянами. Воли у крестьянъ такъ же мало, какъ и прежде, ни одинъ пошевелиться безъ паспорта не можетъ, а паспорты выдаетъ отвѣчающая за нихъ передъ лицомъ правительства община. Круговая порука хороша и дѣйствуетъ

благодатно тамъ, гдѣ есть воля, она пагубна при нашемъ государственномъ устройствѣ. Итакъ нѣтъ и, пока продлится существованіе государства, крестьянской воли не будетъ. Нѣтъ и признанія крестьянскаго права на землю. Если земля крестьянская, такъ зачѣмъ же выкупъ—и какой еще выкупъ! Разорившій крестьянъ, принужденныхъ идти по цѣлой Россіи брать худшую землю за хорошія деньги. Эхъ, друзья, есть у насъ символы, этикеты, а реальныхъ предметовъ, выражаемыхъ ими нѣтъ. Въ чемъ же вы видите движеніе впередъ, въ чемъ сущность правительственнаго подарка крестьянамъ? Развѣ только въ дешевизнѣ вина, позволяющей бѣдному народу, женщинамъ, дѣтямъ упиваться съ горя. Хорошо движеніе, не пробудившее въ нашемъ умномъ, живомъ народѣ ничего, кромѣ всенароднаго пьянства. „...Наша груша зрѣетъ не по днямъ, а по часамъ“ говорите вы,—пожалуй и зрѣетъ, но не благодаря государству и не на радость ему, а пока она не созрѣетъ, въ Россіи будетъ только одна дѣйствительность: всеподавляющее, всепоглощающее, всеразвращающее государство. Какже вы послѣ этого говорите, „что правильной реакціи у насъ быть не можетъ, что въ ней нѣтъ дѣйствительной необходимости и что такъ какъ реакція безсмысленна, то она и должна утратить тотъ безсмысленный характеръ, въ которомъ она являетея у насъ“ (15 дек. 1865, стр. 1718). Напротивъ, мнѣ кажется, что со времени основанія московскаго государства, послѣ убійства народной жизни въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, послѣ подавленія Стеньки-Разинскаго и Пугачевскаго бунта, въ нашемъ несчастномъ и онозоренномъ отечествѣ правильна и дѣйствительна только одна реакція: — то, что въ исторіи другихъ европейскихъ странъ было только перемежающимся фактомъ, то у насъ составляетъ фактъ непрестанный и безпрерывный: то есть отрицаніе всего человѣческаго, жизни, права, воли каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ во имя и въ единую пользу государства. Развѣ восторжествовавшее царство штыка и кнута и покореніе всякой народной жизни подъ нимъ не есть правильная, дѣйствительная, необходимая и

вмѣстѣ съ тѣмъ самая страшная реакція, когда-либо существовавшая въ мірѣ? И вы отъ этой систематической и, повторяю еще разъ, совершенно необходимой реакціи ждете чудесъ по психозу? И вы печатно предполагаете возможность такого императора, который, отрекшись отъ петровщины, совмѣстилъ бы въ себѣ царя и Стеньку Разина? Любезные друзья, я не менѣе васъ рѣшительный соціалистъ, но именно потому, что я соціалистъ, я рѣшительно не допускаю совмѣстимости соціальнаго преуспѣянія Россіи и развитія тѣхъ зародышей, которые вотъ уже скоро тысячу лѣтъ дѣйствительно таятся въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго общества съ дальнѣйшимъ существованіемъ всероссійскаго государства,—и думаю, что первая обязанность насъ, русскихъ изгнанцевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать за границей,—это провозглашать громко необходимость разрушенія имперіи. Это должно быть первымъ словомъ нашей программы. Такое провозглашеніе было бы непрактично, скажете вы... Противъ насъ подымется всероссійская помѣщичья, литературная, офиціальная буря. Будутъ ругать,—тѣмъ лучше; теперь о насъ всѣ замолчали и равнодушно обернулись къ намъ спиною,—это хуже. Царь перестанетъ читать твои письма, — бѣды нѣтъ, ты перестанешь писать ихъ,—выигрышъ ясный. Старые лысые друзья отъ тебя окончательно оттолкнутся и потеряется всякая надежда на ихъ исправленіе, — чтожъ, развѣты дѣйствительно вѣришь, Герценъ, въ возможность и въ пользу ихъ исправленія? Мнѣ кажется, что между тобою и ими, даже въ лучшее время, существовало всегда большое недоразумѣніе. Они преклонялись передъ твоимъ громаднымъ талантомъ, восторгались твоимъ всепоражающимъ остроуміемъ, уважали тебя тѣмъ болѣе, что читали и слушали тебя съ уваженіемъ самъ царь, великіе князья, все министерство; вся петербургская знать передъ тобою трепетала, слово твое смѣняло генералъ-губернаторовъ, а генералъ-адъютанты съ гордостью называли тебя своимъ другомъ. Это было твое золотое время, неправда ли, Герценъ? А друзья твои въ Россіи, видя твое полу-

оффиціальное могущество, хвалили, лелѣяли тебя, льстили тебѣ, какъ своему предводителю, подличали передъ тобою и, громко хвастаясь твоимъ довѣріемъ, твоею корреспонденціею, какъ бы сами становились соучастниками въ твоемъ могуществѣ. Но были ли они когда вмѣстѣ съ тобой, соціалистомъ? Ты знаешь самъ, что никогда не были, они всегда порицали тебя за твой соціализмъ и если прощали его тебѣ, такъ только изъ уваженія къ твоимъ полуоффиціальнымъ услугамъ и потому, что сами боялись тебя. Но когда послѣ убійства Антона Петрова и послѣ арестовъ Михайлова и другихъ, лучшихъ, настоящихъ друзей нашихъ стали хватать, и ты принялъ громко ихъ сторону, лысые друзья твои впервые усомнились въ твоемъ практическомъ тактѣ, т. е. въ продолженіи твоего трогательнаго согласія съ императоромъ. Случились пожары, зашалила молодая Россія — они стали умолять тебя остепениться, какъ еще прежде умоляли тебя не издавать „Колокола“, и все-таки еще не смѣли явно отъ тебя отступить, потому что слово твое гремѣло по прежнему. Настало польское дѣло, ты самъ испугался, ослабъ передъ искусственнымъ воплемъ, поднятымъ противъ поляковъ и противъ тебя подкупною литературою,—вольную литературу правительство задушило,— и вдругъ перешелъ изъ роли грознаго карателя, громящаго и казнящаго безъ страха и безъ устали, въ роль оскорбленнаго и покинутаго любимца, объясняющагося и чуть ли не просящаго прощенія. Съ тѣхъ поръ мнимые друзья твои перестали признавать въ тебѣ начальника, а такъ какъ они не могутъ жить безъ начальства, перешли гуртомъ подъ начальство ругавшаго тебя Каткова: „значитъ, онъ правъ, значитъ и сила есть, если грозитъ и ругаетъ“. „Значитъ не правъ и безсиленъ, когда заговорилъ съ нами такъ мягко и сталъ намъ вдругъ дѣлать уступки“. Таково было искони вѣка разсужденіе такъ называемаго образованнаго люда въ Россіи. Повѣрь мнѣ, Герценъ, твоя пресловутая „перемѣна фронта“, которою ты такъ гордился и которымъ хотѣлъ доказать намъ, „абстрактнымъ революціонерамъ“ твое практическое и такти-

ческое умѣнье, была огромнымъ промахомъ. Твоя уступка развратному, только мнимо-единодушному дворянолитературному мнѣнію въ Россіи, разъярившемуся злобою во имя интегритета имперіи, по случаю польскаго вопроса, была бы ошибкою даже и тогда, если весь великорусскій народъ участвовалъ бы въ этомъ мнѣніи. Развѣ правда и право перестаютъ быть правдою и правомъ потому только, что цѣлый народъ становится противъ нихъ? Бываютъ моменты въ исторіи, когда люди и партіи сильные тѣмъ принципомъ, тою истиною, которая живетъ въ нихъ, должны для блага общаго и для сохраненія своей собственной чести имѣть мужество остаться одни, въ увѣренности, что истина притянетъ къ нимъ рано или поздно, не старыхъ и лысыхъ ренегатовъ, возвращеніе которыхъ совершается всегда въ ущербъ дѣлу, а новыя, свѣжія массы. Вѣдь истина не абстракція и не продуктъ личнаго произвола, а только наиболѣе логичное выраженіе тѣхъ началъ, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ массахъ. Массы иногда по близорукости и невѣжеству увлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли, и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привилегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ. Чтожъ, неужели люди, знающіе, въ чемъ дѣло, знающіе, куда надо и куда не надо идти, должны ради популярности увлекаться и врать вмѣстѣ съ ними? Въ этомъ ли состоитъ ваша пресловутая практичность? Не та ли самая практичность заставила Мацини нейтрализировать республиканское знамя въ 1859 г., писать посланія къ папѣ и къ королю, искать сдѣлокъ съ Кавуромъ, и отъ уступки къ уступкѣ не она ли его довела до совершеннаго, собственноручнаго разрушенія республиканской партіи въ Италіи? Она же превратила народнаго героя Гарибальди въ безсловеснаго слугу Виктора Эмануила и Наполеона III. Говорятъ, Мацини и Гарибальди должны были уступить волѣ народной. Въ томъ-то и дѣло, что они уступили не волѣ народной, а небольшому буржуазному меньшинству, взявшему на себя право

говорить во имя равнодушнаго ко всѣмъ этимъ политическимъ перемѣнамъ народа. То же самое случилось и съ вами. Вы приняли литературно-помѣщичій вопль за выраженіе народнаго чувства и оробѣли — оттуда перемѣна фронта, кокетничанье съ лысыми друзьями-измѣнниками и новыя посланія къ государю... и статьи въ родѣ 1-го мая нынѣшняго года,—статьи, которой я ни за что въ мірѣ не согласился бы подписать; ни за что въ мірѣ я не бросилъ бы въ Каракозова камня и не назвалъ бы его печатно „фанатикомъ или озлобленнымъ человѣкомъ изъ дворянъ“, въ то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно- и литературно-чиновничья Русь его ругаетъ и, ругая его, надѣется выслужиться передъ царемъ и начальствомъ, — въ то время какъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ наши лысые друзья съ восторгомъ говорятъ: „ну, ужъ Михаилъ Николаевичъ его пытнетъ“, и когда онъ выноситъ всѣ муравьевскія истязанія съ изумительнымъ мужествомъ. Ни въ какомъ случаѣ мы здѣсь не имѣемъ права судить его, ничего не зная о немъ, ни о причинахъ, побудившихъ его къ извѣстному поступку. Я такъ же, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ цареубійства въ Россіи, готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію, но не удивляюсь отнюдь, что не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе, и что подъ тягостью настоящаго, невыносимаго, говорятъ, положенія, нашелся человѣкъ менѣе философски развитой, но зато и болѣе энергичный, чѣмъ мы, который подумалъ, что гордіевъ узелъ можно разрѣзать однимъ ударомъ. Несмотря на теоретическій промахъ его, мы не можемъ отказать ему въ своемъ уваженіи и должны признать его „нашимъ“ передъ гнусной толпой лакействующихъ царепоклонниковъ. Въ противность сему ты въ той же статьѣ восхваляешь „необыкновенное“ присутствіе духа молодого крестьянина, рѣдкую быстроту соображенія и ловкость его. Любезный Герценъ, вѣдь это изъ рукъ вонъ плохо, на тебя непохоже, смѣшно и нелѣпо. Чтожъ необыкновеннаго и рѣдкаго въ дѣйствіи человѣка, который, видя, какъ другой человѣкъ поды-

маетъ руку на третьяго, хватаетъ его за руку или ударяетъ по ней; вѣдь это сдѣлалъ бы всякій, старикъ, также какъ и молодой, царененавистникъ, также какъ и самый ревностный царепоклонникъ. Это сдѣлалъ бы всякій безъ мысли, безъ цѣли, а механически, инстинктивно, съ быстротою и ловкостью всякаго инстинктивнаго движенія... Твое выраженіе: „озлобленный человѣкъ изъ дворянъ“, напоминаетъ мнѣ любимое выраженіе оправославившагося Гоголя, который въ послѣднее время своей жизни называлъ насъ всѣхъ „огорченными“,—а во-вторыхъ твое выраженіе двусмысленно: можно подумать, что ты считаешь его озлобленнымъ противъ царя за то, что онъ освободилъ крестьянъ? Въ дѣйствительности же онъ стрѣлялъ въ него потому, что онъ обманулъ крестьянъ. Это явствуетъ изъ первыхъ словъ, произнесенныхъ Каракозовымъ по совершеніи акта. А ты въ той же статьѣ, еще сердишься на царя за то, что онъ возведеніемъ Комисарова въ дворянское достоинство, будто бы исказилъ смыслъ урока, даннаго намъ исторіею. Въ чемъ же состоитъ по твоему смыслъ историческаго урока? Догадаться не трудно: Рылѣевы, Трубецкіе, Волконскіе, Петрашевскіе, Каракозовы непримиримые враги императорства,—всѣ изъ дворянъ. Сусанины, Мартьяновы, Комисаровы,—поборники и спасители самодержавія—всѣ изъ народа. Ты же, продолжая свою роль непризваннаго и непризнаннаго совѣтника и пестуна всего царскаго дома, не исключая даже и Лейхтенбергскихъ, ты упрекаешь Александра Николаевича въ томъ, что онъ унижаетъ преданное ему крестьянство передъ враждебнымъ ему дворянствомъ. А вѣдь, что ни говори, Герценъ, Александръ Николаевичъ, руководимый чувствомъ самосохраненія, лучше понимаетъ смыслъ государственной русской исторіи, чѣмъ ты.

Пора резюмироваться:—не подлежитъ сомнѣнію, что ваша пропаганда въ настоящее время не пользуется даже и десятою долею того вліянія, которое она имѣла четыре года тому назадъ. Звоны вашего „Колокола“ раздаются и теряются нынѣ въ пустынѣ, не обращая на себя почти ничьего вниманія... Значитъ, что онъ

звонитъ по пустому и благовѣститъ не то, что слѣдуетъ. Вамъ остается два выхода: или его прекратить, или дать ему направленіе иное. Вамъ надо рѣшиться. Въ чемъ же должно состоять новое направленіе? А прежде всего опредѣлить, къ кому вы должны обращаться? Гдѣ ваша публика? Народъ не читаетъ, слѣдовательно вамъ дѣйствовать прямо на народъ изъза границы невозможно. Вы должны руководить тѣхъ, которые положеніемъ своимъ призваны дѣйствовать на народъ, именно тѣхъ, которыхъ вы своими практическими уступками и своимъ обращеніемъ то къ правительству, то къ лысымъ друзьямъ-измѣнникамъ систематически отъ себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться отъ всякаго притязанія, надежды и намѣренія вліять на настоящій ходъ дѣлъ, на государя, на правительство. Тамъ васъ никто не слушаетъ, пожалуй, надъ вами смѣются, тамъ всѣ знаютъ, куда они идутъ и чего имъ надо, знаютъ также, что всероссійское государство, кромѣ петербургскихъ цѣлей и средствъ, другими существовать не можетъ. Обращаясь къ этому міру, вы только теряете драгоцѣнное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой, въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ—въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная и сильная воля. Только не кормите ихъ полусвѣтомъ, полуистиною, недомолвками. Да, встаньте опять на каѳедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, безсмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она отъ васъ не отстанетъ и въ случаѣ нужды, когда вы будете уставать, подтолкнетъ васъ впередъ. Эта публика сильна, молода, энергична,—ей надо полнаго свѣта и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповѣдуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но давайте ей всю истину, дабы она при свѣтѣ этой истины могла узнать, куда идти и куда вести народъ. Развяжите себя, освободите себя отъ старческой боязни и отъ старческихъ соображеній, отъ

всѣхъ фланговыхъ движеній, отъ тактики и отъ практики, перестаньте быть Эразмами, станьте Лютерами и возвратится къ вамъ вмѣстѣ съ утраченною вѣрою въ дѣло и старое краснорѣчіе и старая сила,—и тогда, но только тогда ваши старыя блудныя дѣти измѣнники, познавъ вновь въ вашемъ голосѣ голосъ начальника, возвратятся къ вамъ съ покаяніемъ и горе вамъ, если вы согласитесь принять ихъ.

Вотъ вамъ, друзья, мое полное мнѣніе, а теперь судите меня, какъ хотите, и постарайтесь отвѣчать не каламбурами, ничего не доказывающими, а дѣломъ. Чтожъ касается страннаго космо-поэтико-славо-лондоно-женевскаго фратернитета и всемірнаго заговора противъ тебя, о которомъ ты упоминаешь въ своемъ послѣднемъ письмѣ, Герценъ, могу сказать тебѣ, что никогда о немъ не слыхалъ и вообще и совершенно намѣренно держу себя въ сторонѣ отъ всѣхъ эмигрантскихъ сплетенъ и шума. Слышалъ только отъ Утина младшаго, что будто онъ мирилъ тебя съ Молодою Россіею у себя за обѣдомъ.... но не повѣрилъ.

Грустны извѣстія о здоровьи Огарева. Ну, да мы всѣ скоро подкосимся.... лишь бы послѣдніе годы не пропали даромъ. А теперь обнимаю васъ обоихъ и прошу васъ о сохраненіи старой дружбы, независимой отъ теоретической и даже практической розни.

Вашъ М. Бакунинъ.

Приготовь свою часть отвѣта и какъ-нибудь перешлемъ ему. Я буду отвѣчать искренно и серьезно.

12 августа.

Разногласіе кн. Оболенской съ мужемъ, о которомъ говоритъ Бакунинъ въ началѣ этого письма, стало въ свое время фактомъ публичнымъ, послѣ того какъ князь Оболенскій, при помощи полиціи Водскаго кантона, взялъ двухъ дѣтей своихъ изъ дома жены. По этому дѣлу была напечатана довольно большая брошюра „Протестъ противъ русскаго правительства княгини Зои Сергѣевны Оболенской, урожденной графини Сумароковой“. (Женева, 1870). Княгиня Оболенская послѣ вышла замужъ за поляка Мрочковскаго (Острогу), о которомъ дальше говорится не мало.

По поводу мнѣнія Бакунина о „лысыхъ“ друзьяхъ „Колокола“ и молодежи мы позволимъ себѣ замѣтить, что Б—нъ былъ во многомъ правъ, говоря о первыхъ и считая ихъ отпѣтыми,—но на другой ладъ были также отпѣтыми и молодые Базаровы. Трагизмъ положенія русскаго общества заключался въ томъ, что передовымъ людямъ его надо бы было способствовать воспитанію въ немъ совсѣмъ новыхъ людей, твердыхъ въ *принципахъ и смѣлыхъ, но способныхъ* понимать условія дѣйствительности и при этомъ болѣе образованныхъ, чѣмъ нигилисты-Базаровы, а не поддаваться готовымъ уже „отщепенцамъ“ и толкать школьную молодежь въ преждевременную политическую борьбу. „Новая порода людей“ русскихъ должна бы была быть готова прежде всего къ дѣятельности повседневной, а не къ однимъ только революціоннымъ вспышкамъ, которыя бываютъ рѣдко, да и приготовляются совсѣмъ не отщепенцами. Въ письмахъ Герцена и Огарева пробиваются мысли о необходимости для Россіи такихъ именно дѣятелей и между прочимъ о возможности имъ вліять на ходъ дѣла въ Россіи чрезъ появившіеся тогда зачатки общественныхъ учрежденій, въ родѣ земскихъ,—хотя революціонно-славянофильскія упованія самого Герцена, которыя мы изложили въ примѣчаніяхъ къ его перепискѣ съ Тургеневымъ,—и подрѣзывали подобныя мысли.

Теперь и заднимъ числомъ можно сказать, что Бакунинъ вышелъ правымъ, мало ожидая результатовъ отъ этихъ учрежденій. Но эта малость результатовъ должна быть объяснена между прочимъ и тѣмъ, что болѣе радикальная часть общества (въ томъ числѣ и радикальная часть легальной журналистики) совсѣмъ отворачивалась отъ такихъ учрежденій, презирая даже западные „буржуазные парламенты“, и вся русская молодежь 60—70-хъ годовъ воспитывалась въ идеѣ *полной ненужности* для „народа“ или даже вредѣ подобной „постепеновщины“, въ виду близкой „народной революціи“. По этому напр. старшіе земскіе дѣятели, которые работали по крайнему разумѣнію и, конечно, съ неизбѣжными недостатками, остались безъ помощниковъ и безъ наслѣдниковъ, которые должны бы были повести дѣло шире и смѣлѣе. Земскія учрежденія стали встрѣчать симпатію русскихъ радикаловъ лишь тогда, когда были осуждены правительствомъ на ломку.

XXXIX.

(1866) 5 или вѣрнѣе 6 августа ночью.

Любезный Ага. — На счетъ Кельсіева написать хорошо и можно еще крѣпче. Пошлю Герцену; онъ вѣроятно согласится, подпишетъ—да кстати вѣдь у него

есть друзья въ Америкѣ: Шурцъ, Канъ и другіе. Почему Герцену не написать имъ? Слѣдуетъ. Надо обнаружить этого мерзавца въ Америкѣ. Я съ своей стороны напишу своему пріятелю Карлу Сумнеру. На счетъ средствъ писанія къ Боко, вѣдь онъ намъ оставилъ цѣлый букварь конспираторскій, можешь написать шифромъ. Да наконецъ по моему можешь написать и прямо безъ шифра, обинякомъ. Онъ уменъ, пойметъ. A Rolin пріѣхалъ съ запиской ко мнѣ отъ Герцена. Онъ мнѣ очень нравится. Такъ какъ у меня комната пустая, то онъ остановился у меня. По требованію Герцена и по моему собственному желанію, я приведу его къ тебѣ, можетъ завтра, можетъ послѣ завтра, между 3 и 5 часами по полудни.

Прощай, спать пора. Твой М. Б.

Ага — дѣти Герцена называли Огарева.

Кельсіевъ въ это время отдался въ руки правительства и, отпущенный на волю, сталъ писать противъ своей агитаціонной дѣятельности.

Боемъ Бакунинъ называлъ Нечаева.

XL.

4 апрѣля 1867. Napoli

Vico Bella donna à Chiaja № 7, 2 piano.

Любезный Герценъ. Податель этого письма, знаменитый ученый и женевскій профессоръ Claparède, очень желаетъ съ тобою познакомиться, и я съ удовольствіемъ даю ему это письмо, потому что увѣренъ, что ты найдешь много удовольствія въ его знакомствѣ. Онъ нашъ по мысли и по направленію, умъ свѣтлый, душа прямая и честная. Онъ очень боленъ и эта болѣзнь часто парализируетъ его дѣятельность. Еще разъ я увѣренъ, что Огаревъ и ты будете мнѣ благодарны за это знакомство. Ты былъ въ Италіи, я надѣялся, что желаніе погрѣться увлечетъ тебя на нѣсколько дней въ Неаполь. Самъ бы поѣхалъ къ тебѣ на встрѣчу во Фло-

ренцію, если бы были деньги. Но денегъ у меня, по обыкновенному, не нашлось. Неаполитанское солнце оказалось на этотъ разъ для тебя не заманчивымъ, и желаніе мое видѣться съ тобою не сбылось. Авось удастся мнѣ въ іюнѣ или въ іюлѣ съѣздить въ Женеву, гдѣ Клапаредъ предлагаетъ мнѣ пристанище. Прежде, чѣмъ ты получишь это письмо, будутъ высланы мною 7 фр.—цѣна абонированія на „Колоколъ“. Говорятъ, что послѣдніе два нумера, которыхъ я не видалъ, очень интересны по заключающимся въ нихъ корреспонденціямъ изъ Россіи.

А красиво теперь на Руси. Я никогда не вѣрилъ въ правительственный прогрессъ, ни въ государственный соціализмъ, я радъ, что правительство и государство выходятъ откровенно внаружу, оказываются тѣмъ, чѣмъ они должны быть. Какъ ни тупо еще сознаніе въ русскомъ народѣ, пробудится наконецъ и оно; а такъ какъ въ нашемъ государствѣ нѣтъ ничего органическаго,—все только дѣло механики,—лихо только будетъ ломкѣ начаться, — ничто потомъ не остановитъ ее. —

Что дѣлаетъ Огаревъ? Что его здоровье? Бережется ли онъ достаточно и есть ли при немъ умный докторъ? Жму его и твою руку, Натальѣ Алексѣевнѣ усердный поклонъ. Авось удастся мнѣ повидаться съ вами будущимъ лѣтомъ въ Женевѣ.

XLI.

8 апрѣля 1867. Napoli.
Vico Bella donna à Chiaja № 9, 2 piano.

Любезный Герценъ. Удивляюсь, что Бакстъ, бывшій у насъ нѣсколько разъ, не передалъ тебѣ моего адреса. Отдаю тебѣ мое имя въ полное распоряженіе съ правомъ отвѣчать отъ него кому и какъ тебѣ будетъ угодно. Только не знаю, о какой статьѣ въ „Колоколѣ“ ты говоришь; я не получилъ ни одного мартовскаго нумера „Колокола“ и начиналъ ужъ думать, что ты, разсердившись на меня за что бы то ни бы-

ло,—разумѣется безъ всякой вины съ моей стороны,—попросилъ Тхуржевскаго прекратить посылку вашего журнала ко мнѣ,—и собрался ужъ послать вамъ 7 фр. съ просьбою меня абонировать. Прошу тебя, пришли мнѣ два нумера, вышедшіе въ мартѣ, и объясни въ чемъ дѣло? Очень естественно, что я не получилъ твоего предыдущаго письма, ты адресовалъ его poste restante, и оно преспокойно лежитъ на почтѣ. Теперь возьму его. Если мнѣ окажется обидною нападка, я кромѣ твоего отвѣта, который прошу тебя сдѣлать по полномочью и не прямо отъ меня, напишу отвѣтъ и отъ себя, совершенно согласный съ тобою въ томъ, что намъ съ этими скотами церемониться не слѣдуетъ. Недѣли черезъ двѣ прибудетъ въ Женеву профессоръ Claparède, женевецъ, зоологическая знаменитость и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный, чрезвычайно уменъ, раздѣляетъ всѣ главные пункты нашей вѣры и можно сказать напъ совершенно, только больной и отъ болѣзни усталый. Я убѣжденъ, что Огаревъ и ты будете мнѣ очень благодарны за это знакомство. А что Огаревъ? Пусть и онъ напишетъ мнѣ нѣсколько словъ. Друзья, мы хоть повидимому и идемъ на разныхъ дорогахъ,—идемъ каждый по своему лучшему разумѣнію честно и неустанно къ одной цѣли,—а лично я никогда не переставалъ быть вашимъ. A propos, получилъ ли ты и читалъ ли „Ситуаціоне Италіяна" октябрь? Посылаю тебѣ съ сею же почтою программу новаго журнала, который скоро появится въ Неаполѣ. Да не испугаютъ тебя немного шарлатанскія обѣщанія въ концѣ и преднамѣренное упущеніе соціальныхъ вопросовъ въ программѣ журнала, который по преимуществу будетъ соціальный. Жму руку Огарева, кланяюсь отъ себя и отъ жены и ему и Натальѣ Алексѣевнѣ и Лизѣ и жду отвѣта.

Вашъ М. Б.

Получено мною № 233—234 и на дняхъ № за 1 апрѣля, а промежуточныхъ одинъ.

XLII.

ЧЕРНОВАЯ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА КЪ БАКУНИНУ.

29 апр. 1867.

Твое письмо, если хочешь, я напечатаю, но позволь немного уменьшить ругательствъ. Статей жду (если только?) онѣ у тебя не застрянутъ въ мозговомъ проходѣ, какъ „Записки“, трактатъ о государствѣ, ректификація „Колокола“ и все остальное, тобою написанное.

Почему послѣ тѣлеснаго развода съ Россіей—дѣлаешь духовный? я не понимаю. Что твоя дѣятельность въ Неаполѣ полезна,—это я оцѣнилъ теперь, бывши во Флоренціи и Венеціи и читая ваши журналы—но это не резонъ, чтобы depis на Россію продолжать до того, чтобъ съ ней не говорить.

Ты сердишься на Россію, что она идетъ по колѣна въ грязи и крови (зачеркнуто: а не по твоему рецепту). Да бѣда въ томъ, что и всѣ остальные народы такъ идутъ. И вопросъ собственно не въ томъ, чисты ли сапоги, а въ томъ, туда ли она идетъ. Россія не виновата, что ея лучшіе люди (и мы въ томъ числѣ) не имѣли смысла стать въ практическіе дѣятели, когда это было можно, а были старые студенты, гелертеры (?), поэты (зачеркнуто: и революціонныхъ дѣлъ мастера и эмигранты, какъ мы всѣ).

Ты умѣлъ оцѣнить въ С(ибири) цивическія и демократическія доблести въ (?) Муравьевѣ, (зачеркнуто: зарывавшемъ козаковъ, губившемъ отряды и деспотомъ въ душѣ. И хорошо сдѣлалъ. Какъ же ты изъ всякаго событія совершившагося въ Россіи невидишь, что рядомъ съ временной гадостью). Сдѣлай то же и съ Россіей. Пойми, что дѣло идетъ нужникомъ, но своимъ чередомъ. Слѣдилъ ли ты за судомъ присяжныхъ? За судомъ вообще. (зачеркнуто: Это поглощающій интересъ). Слѣдилъ ли за земскими собраніями, за предложеніемъ обложить дворянъ податью.

Скар(ятинъ-лѣзетъ изъ кожи и кричитъ: „Милют(инъ), Сам(аринъ), Черк(аскій) примѣняютъ на практикѣ теоріи Г—а (Герцена) и крупная собственность шатается“, а съ ней все остальное. Вмѣсто того, чтобъ снова начать рѣчь получше, ты въ Schmerzen отворачиваешься.

Далѣе, какъ бы мы ни были сентим(ентальны), но нельзя же намъ, какъ индѣйки (?) лечь въ гробъ . Вся наша роль относительно польскаго дѣла была колос(альной) ошибкой (зачеркнуто: раздѣленной на (семь?) образцовъ. IV тебѣ, II Огар. I мнѣ. Ты) вспомни, какъ я спорилъ, кричалъ (зачеркнуто: съ кашлемъ въ горлѣ) мѣшалъ (зачеркнуто: тебѣ сначала и почему думалъ, что твоя честь требуетъ ѣхать). Но съ тѣхъ поръ прибыло убѣжденіе въ совершенной неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой націи. Мартьяновъ былъ правъ: намъ слѣдовало молчать и выжидать конца. Мы сгубили свое положеніе, да еще при томъ безъ вѣры (вѣрилъ ты одинъ въ самомъ дѣлѣ) Oggi o mai*)—надобно теперь вынырнуть съ восточной войной (и) съумѣть не терять фарватера. Вотъ мой . . . .

Въ сущности и Бакунинъ въ 1862 г. не совсѣмъ вѣрилъ въ успѣхъ польскаго возстанія, какъ видно изъ его письма къ обществу «Земля и Воля», напечатаннаго въ «Посмертныхъ Сочиненіяхъ» Герцена (стр. 205—206).

Друзья и братья!

Строки, написанныя другомъ нашимъ, Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, проникнуты искреннею и безконечною преданностью къ великому дѣлу нашего народнаго да и общеславянскаго освобожденія. Нельзя не согласиться съ нимъ, что общему, мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ. Признаться надо, что, при настоя-

---

*) Теперь или никогда. М. Др.

щемъ настроеніи Россіи и цѣлой Европы, надежда на успѣхъ такого возстанія слишкомъ мала, и что пораженіе партіи движенія въ Польшѣ будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ временное торжество царскаго деспотизма въ Россіи. Но, съ другой стороны, положеніе поляковъ до того невыносимо, что врядъ ли у нихъ станетъ на долго терпѣнія.

Само правительство гнусными мѣрами систематическаго и жестокаго притѣсненія вызываетъ ихъ, кажется, на возстаніе, отложить которое было бы по этому самому столько же нужно для Польши, какъ и необходимо для Россіи. Отложеніе его до болѣе дальняго срока было бы безъ всякаго сомнѣнія и для нихъ и для насъ спасительно. Къ этому вы должны устремить всѣ усилія свои, не оскорбляя однако ни ихъ священнаго права, ни ихъ національнаго достоинства. Уговаривайте ихъ, сколько можете и доколѣ обстоятельства позволяютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми къ рѣшительной минутѣ, и, когда выведенные изъ послѣдней мѣры возможнаго терпѣнія, наши несчастные польскіе братья встанутъ, встаньте и вы, не противъ нихъ, а за нихъ,—встаньте во имя русской чести, во имя славянскаго долга, во имя русскаго народнаго дѣла съ кликомъ: Земля и Воля. И если вамъ суждено погибнуть, сама погибель ваша послужитъ общему дѣлу... А Богъ знаетъ! можетъ быть геройскій подвигъ вашъ, въ противность всѣмъ расчетамъ холоднаго разсудка, неожиданно увѣнчается и успѣхомъ...

Что-же до меня касается, чтобъ васъ ни ожидало, успѣхъ или гибель, я надѣюсь, что мнѣ будетъ дано раздѣлить вашу участь.

Прощайте—и, можетъ быть, до скораго свиданія.

М. Б.

Не желая признать своей тогдашней ошибки, которая состояла главнымъ образомъ въ отступленіи отъ федеральной программы, при чемъ «интегритетъ всероссійскаго государ-

ства» жертвовался въ пользу «интегритета» Польши исторической, а не народной, т. е. польскаго государства 1772 г., Бакунинъ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ сталъ относиться къ «интегритету всероссійскаго государства», проповѣдуя полное разрушеніе послѣдняго и переходя отъ федерализма къ анархизму и аморфизму вообще.

XLIII.

7 мая 1867. Per Napoli, Ishia a Lacco. Villa Arabusta.

Любезные друзья. Четыре дня тому назадъ я вамъ послалъ для напечатанія добавочное письмо объ Аксаковѣ, которое, надѣюсь, удовлетворитъ васъ. Теперь пишу вамъ съ пріятелемъ, могу сказать съ другомъ своимъ Валеріаномъ Мрочковскимъ, котораго вамъ рекомендую. Онъ везетъ отъ меня письмо къ Тхуржевскому и порученіе къ Чернецкому. Окончательное и счастливое заключеніе порученнаго ему дѣла зависитъ разумѣется отъ вашего согласія, безъ котораго Чернецкій ни на что не согласится. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ согласіи не откажете. Что вамъ за дѣло, что напечатается въ типографіи Чернецкаго Ситуація № 2, которая будетъ заключать опроверженіе направленія Мацини и Гарибальди еще въ сильнѣйшихъ и яснѣйшихъ выраженіяхъ, чѣмъ въ первой, причемъ будетъ высказано все должное уваженіе къ двумъ знаменитымъ, но нынѣ для Италіи истинно фатальнымъ итальянцамъ. Если Чернецкій съ вашего благословенія согласится напечатать ее и вмѣстѣ съ Тхуржевскимъ возьмется ее разослать по адресамъ, которые везетъ имъ Мрочковскій,—то увѣдомьте меня поскорѣе,—я вамъ вышлю въ скорое время манускриптъ вмѣстѣ съ деньгами для покрытія издержекъ. Одинъ только вопросъ: кто будетъ держать корректуру? Не согласишься ли ты, Герценъ? Ну обо всемъ этомъ переговорите съ Мрочковскимъ. Къ 25-му непремѣнно вы получите въ Женевѣ мою первую статью—продолженіе писемъ. Она ужъ написана, слѣдуетъ только передѣлать, укоротить и подчистить.

Ты все горюешь о томъ, Герценъ, que nous avons manqué notre vocation и что не умѣли стать во время практическими людьми. Но практика невозможна безъ объективнаго политически-соціальнаго основанія, а въ официальной Россіи для насъ, съ нашимъ соціально-политическимъ, противогосударственнымъ направленіемъ, его для насъ быть не можетъ. Ты какъ будто завидуешь настоящей дѣятельности Аксакова, Самарина et consortes. Но вспомни, что они купили ее цѣною православія и примиренія въ Польшѣ съ петербургскимъ государственнымъ принципомъ. Я читалъ умныя рѣчи Самарина въ московскомъ земскомъ съѣздѣ—онъ говорилъ очень умно, но также и очень безобидно, потому что согласившись стать одинъ разъ въ положеніе, въ которомъ можетъ процвѣтать только одна государственность, онъ словами конечно не опрокинетъ ее. Всѣ эти господа побиваются теперь ихъ собственнымъ оружіемъ и будутъ въ концѣ разбиты. Что ни говорите, друзья, а логика великая, скажу болѣе, едино сильная вещь. Будемъ логичны и мы будемъ сильны, если не для настоящаго, то непремѣнно для будущаго и можетъ быть болѣе близкаго, чѣмъ намъ самимъ кажется. А я не вѣрю въ восточную войну,—и скажу почти твоими словами, она насъ не вынесетъ, а мы,—или за чѣмъ же мы?—наше государство ее загрязнитъ и испортитъ своимъ вмѣшательствомъ. Оно ищетъ на Востокѣ не новой жизни, а возмездія и вознагражденія за нанесенный урокъ старой жизни крымскою кампаніею, надѣется возстановить ее новыми побѣдами подъ крутой шумокъ. Все это гроша не стоитъ. Все это официальное кокетничанье съ славянами отвратительно, гадко,—и у меня большая охота напомнить всѣмъ этимъ нѣмецкимъ славянамъ и славянамъ государственникамъ: Палацкому, Ригеру, Браунеру и другимъ, что они ѣдутъ въ Москву, чтобы праздновать тамъ славянское братство, черезъ задавленную Москвою славянскую Польшу. Ну объ этомъ, если позволите поговорю, въ статьяхъ. Ты спрашиваешь меня, другъ Огаревъ, какъ мы живемъ? Тѣсновато, братъ, но зато дружно и тихо. Теперь перебрались въ Искію, гдѣ

пробудемъ мѣсяцъ, два, а можетъ и три, и гдѣ буду ждать денегъ изъ Россіи. Писалъ я нѣкоторымъ друзьямъ въ Америку, куда хотѣлъ бы посылать въ журналы корреспонденціи. Они хорошо платятъ. Надѣюсь, что не откажутъ. Если получу достаточно денегъ, то непремѣнно пріѣду на мѣсяцъ къ вамъ. Покамѣстъ моею главною квартирою останется Неаполь. Здѣсь живется тихо, свободно и недорого. Ну, и природа,—вы сами знаете, какъ она хороша.

Герценъ и Огаревъ. Отдайте Мрочковскому бумаги, привезенныя вамъ В—мъ, Организацію общества — и (ту), которая васъ такъ скандализировала.

Помѣщенное выше письмо Герцена къ Бакунину и упоминаемое въ послѣднемъ письмѣ Бакунина добавочное письмо объ Аксаковѣ относятся къ эпизоду, по которому документы находятся въ №№ 239 – 241 „Колокола“ (15 апр.—15 мая 1867 г.). Начался этотъ эпизодъ съ того, что газета „Голосъ“ (1867, № 46), ссылаясь на отчетъ генералъ-полиціймейстера Царства Польскаго, объявила, что въ Россіи существовало общество поджигателей, и что принадлежность къ нему Герцена и Бакунина,—неопровержимый фактъ. Герценъ написалъ протестъ противъ этого заявленія и послалъ его въ газету Ив. Аксакова „Москва“. Аксаковъ напечаталъ протестъ Герцена, но назвалъ его голословнымъ оправданіемъ и охотно допуская, что Г. не принадлежалъ къ обществу поджигателей,—выставляетъ противъ него другія обвиненія: Существованіе тульчинской агенціи (Кельсіева), называвшейся именемъ Герцена, — открытіе подписки въ „Колоколѣ“ въ пользу Польскаго Народнаго Жонда, – устройство въ единомысліи съ Бакунинымъ экспедиціи въ помощь полякамъ,— такъ, что вопросъ-де сводится къ тому,—„вредилъ ли Г. Россіи только мечемъ или мечемъ и огнемъ“,—и въ заключеніе Аксаковъ призываетъ Г. къ покаянію въ прегрѣшеніяхъ передъ Россіей.

Въ № 240 „Колокола“ (1 мая 1867) находится отвѣтъ И. С. Аксакову,—длинное письмо въ четыре страницы. Герценъ опровергаетъ всѣ обвинительные пункты, выставленные Аксаковымъ, и зоветъ къ покаянію другихъ.., „Не при жизни, такъ на нашей могилѣ настанетъ день, не нашего раскаянія, а раскаянія передъ нашими тѣнями, за оскорбленную въ насъ любовь къ Россіи“!...

Объ отношеніи къ польскому возстанію Герценъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Мы были съ самаго начала

противъ возстанія, и не только въ статьяхъ, но и во всѣхъ разговорахъ. Свидѣтелей послѣ отеческаго умиротворенія трудно вызвать, лучшіе изъ нихъ, какъ Съраковскій, Падлевскій,—вы знаете гдѣ... однако есть и живые, на которыхъ мы можемъ смѣло сослаться. Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ оттѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія, идти вмѣстѣ съ нами. Но отвратить возстанія мы не могли, да и врядъ ли могъ кто-нибудь"...

„Знаете ли вы, что значитъ стоять между двумя противниками, которыхъ вы любите, и которые идутъ на смертный бой; вы ихъ убѣждаете, вы ихъ просите, вы бранитесь и дѣлаете уступки, вы плачете, вы грозите, вы выбиваетесь изъ силъ и съ какимъ отчаяніемъ убѣждаетесь, что тутъ предѣлъ дѣйствій одного человѣка на другого..., дуэль не минуема".

„Что же по вашему, такъ и бросить ихъ на произволъ собственному безумію и чужой клеветѣ? Или еще лучше бросить одного побитаго; даже опрокинуться на него... и приговаривать „по дѣломъ ему, ништо ему... не суйся".

„Нѣтъ, этого вы не посовѣтуете".

По поводу обвиненій Аксакова и Бакунинъ прислалъ письмо въ „Колоколъ", которое, очевидно, не удовлетворило Герцена и было измѣнено Бакунинымъ, такъ что явилось въ № 241 „Колокола" съ прибавкою въ слѣдующемъ видѣ:

20 апрѣля 1867. Неаполь.

Любезный Герценъ!

Сейчасъ получилъ три нумера „Колокола", изъ которыхъ впервые узналъ, что „Голосъ" перепечаталъ изъ „Варшавскаго Дневника" статью о существованіи за границею общества зажигателей и поддѣлывателей русскихъ кредитныхъ билетовъ, въ которой между прочимъ сказано: „Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ съ шайкою, неопровержимый фактъ, а потому и было занесено во всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-полиціймейстера" и пр. (какого, варшавскаго или петербургскаго?)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ тобою напечатанныхъ въ томъ же нумерѣ въ отвѣтъ на нелѣпую клевету. Прочелъ также твое письмо къ г. Аксакову, которому я не сталъ бы писать; вѣдь онъ былъ послѣ Каткова однимъ изъ главныхъ поощрителей Муравьева и поборниковъ русскаго

грабежа и палачества въ Польшѣ, осрамившаго русское имя и отодвинувшаго на нѣсколько лѣтъ освобожденіе Россіи. Прочелъ его отвѣтъ, перепечатанный въ 239 л. „Колокола“. Въ немъ сказано: „Что г. Герценъ открывалъ въ „Колоколѣ“ подписку въ пользу польскаго народнаго жонда (еслибъ это была правда, я бы съ своей точки зрѣнія не видѣлъ въ этомъ ни малѣйшаго зла, но вѣдь это чистая ложь, выдуманная ради полемической потребности, значитъ, съ точки зрѣнія обвинителя, злоумышленная и, какъ бы сказать поучтивѣе? неблагопристойная клевета), „употребившаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ-вѣшателей, отравителей и поджигателей“. Палачи, забрызганные своею собственною грязью и польской невинной кровью, чтобъ успокоить свою, видно не совсѣмъ еще заглохшую совѣсть, и чтобъ не умереть отъ стыда, продолжаютъ клеветать на свои благородныя жертвы. „Что г. Герценъ былъ въ единомысліи съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь полякамъ, это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, однимъ ли мечомъ или также огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе“.

Ты довольно силенъ, Герценъ, чтобъ не нуждаться въ чужой помощи, и потому я буду отвѣчать за себя одного. Еслибъ ты не началъ этой полемики, я продолжалъ бы молчать, какъ молчалъ до сихъ поръ, не заботясь о томъ, что говорятъ обо мнѣ гг. Скарятины и Краевскіе *), Катковы и Аксаковы, и пр. Нападки ихъ, поощряемые высочайшею улыбкою, меня не удивляютъ: ils font leur métier. Отвѣчать имъ, значило бы признавать за ними право на уваженіе, а я уваженія къ нимъ имѣть не могу.

Отвѣчать ради публики русской также не нахожу

*) Вотъ этотъ ужъ ничего не говоритъ! — Изд. („Колокола“).

нужнымъ. „Порядочные люди, ты самъ говоришь, не повѣрятъ; а до другихъ намъ дѣла нѣтъ“.

Никто лучше русской полиціи не знаетъ, что между тобою и мною никогда не бывало никакихъ заговоровъ и что никогда ни я, ни ты поджигательствомъ домовъ и дѣланіемъ фальшивыхъ бумажекъ не занимались. А что полиціи удалось увѣрить въ подобной нелѣпости монарха, это не наше, а его царское дѣло, дѣло его замѣчательнаго простодушія, которому дѣйствительно нѣтъ предѣловъ.

Еслибъ полиціи вздумалось увѣрить его, что мы съ тобою сбираемся украсть Иванъ-колоколъ или царь-пушку, вѣдь онъ бы точно такъ же повѣрилъ.

Но въ отвѣтѣ своемъ г. Аксаковъ касается другого вопроса, а именно твоего и моего участія въ польскомъ дѣлѣ. Считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія этого вопроса не передъ г. Аксаковымъ, до котораго мнѣ ровно нѣтъ дѣла, но передъ порядочными людьми въ Россіи, потому что мнѣ кажется, что даже и между ними этотъ вопросъ не разъясненъ еще достаточно опредѣленно и ясно. Опять-таки, и по тѣмъ же причинамъ, буду отвѣчать за себя одного.

Въ будущемъ нумерѣ вашего журнала приступлю, если вы мнѣ позволите, къ разсмотрѣнію этого важнаго вопроса съ моей точки зрѣнія. Напередъ предупреждаю васъ, друзья, что мои мнѣнія будутъ иногда расходиться съ вашими; но это, не правда ли, не помѣшаетъ вамъ ихъ напечатать, съ тѣми оговорками и примѣчаніями, которыя вамъ покажутся необходимыми?

Да, я дѣйствительно принималъ участіе въ польской неудавшейся экспедиціи черезъ Балтійское море, экспедиціи, нисколько не затѣянной мною, но мною вполнѣ одобренной. Въ будущихъ нумерахъ скажу, на какихъ основаніяхъ и съ какою именно цѣлью я принималъ въ ней участіе. Теперь же кончаю это письмо слѣдующею исповѣдью.

Да, я желалъ полнѣйшаго успѣха послѣдней польской революціи и по мѣрѣ силъ готовъ былъ содѣй-

ствовать ея торжеству; во-первыхъ потому, что хотя программа ея и далеко не соотвѣтствовала нашимъ желаніямъ и нашимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ, и хотя, именно вслѣдствіе того, она измѣнила собственному народу и вмѣстѣ съ тѣмъ повредила дѣлу освобожденія сосѣднихъ народовъ малорусскаго и великорусскаго племени,—эта революція была въ отношеніи къ петербургскому государству дѣломъ святымъ и правымъ; а во-вторыхъ потому, что ея успѣхъ нанесъ бы ущербъ значительный не Россіи, какъ говоритъ г. Аксаковъ, а всероссійской имперіи; все же, что наноситъ ущербъ послѣдней и способствуетъ къ разрушенію этой гибельной татаро-нѣмецкой тюрьмы, то клонится непремѣнно къ освобожденію и къ благу заключенныхъ въ ней русскихъ народовъ.

М. Бакунинъ.

Изъ письма къ издателямъ „Колокола“.

3 мая 1867.

Въ послѣднихъ письмахъ, друзья, вы браните меня за то, что я поставилъ имя г. Аксакова на ряду съ именемъ Каткова и К-ніи, и говорите, что между ними и имъ,—пропасть, что его неподкупная честность несомнѣнна. Зная его лично, вы можете о немъ судить лучше, чѣмъ я, а я такъ уважаю вашъ судъ, что по вашему требованію готовъ взять рѣзкое и пожалуй несправедливое слово назадъ. Къ тому же у меня не можетъ быть никакихъ личныхъ чувствъ ни за, ни противъ г. Аксакова; вѣдь мы съ нимъ ни разу не встрѣчались въ жизни. Я зналъ близко и любилъ и уважалъ отъ души его славнаго брата Константина Сергѣевича, несмотря на все разномысліе, такъ глубоко раздѣлявшее насъ. Я былъ съ тѣхъ поръ какъ себя помню революціонеромъ *), онъ, несмотря на

*) Не знаемъ, насколько біографъ Б — на можетъ положиться на это утвержденіе, такъ какъ въ 1836 — 1839 гг. Б—нъ былъ яростнымъ консерваторомъ. Не былъ ли онъ революціонеромъ до своего гегеліанства? М. Др.

горячее, истинно героическое сердце, жертвуя безпрестанно своею природой теоріи, былъ послушнымъ славянофиломъ и смиреннымъ православнымъ христіаниномъ. Безкритичною, страстною преданностью ученію Хомякова и Кирѣевскихъ, онъ заткнулъ бы за поясъ любого нынѣшняго славянофила, что, однако, никогда не мѣшало ему быть въ высшемъ значеніи этого слова порядочнымъ человѣкомъ, не мѣшало ставить общечеловѣческіе законы и коренные инстинкты выше всего на свѣтѣ, выше даже самого патріотизма. Онъ былъ старомосковскій фанатикъ, это правда, но фанатизмъ его останавливался всегда съ уваженіемъ передъ человѣческимъ правомъ, не заглушалъ въ немъ ни голоса совѣсти, ни требованій справедливости *). Его старомосковское изувѣрство всегда подчинялось высшей религіи того, что въ наше время называлось „гуманностью“. Какъ истый поборникъ православія, онъ напр. вмѣстѣ съ Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими предавалъ теоретической анаѳемѣ католическую Польшу; но на практикѣ, повинуясь высшему человѣческому инстинкту, постоянное присутствіе котораго въ немъ именно и дѣлало его порядочнымъ человѣкомъ, онъ, съ опасностью потерять свою собственную свободу, вмѣстѣ съ Станкевичемъ нѣсколько разъ посѣщалъ въ московскомъ острогѣ поляковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь за такъ называемыя политическія преступленія, и оставляя всѣ теоріи у порога тюрьмы, становясь настоящимъ самимъ собою, являлся къ нимъ полный горячаго и почтительнаго участія, съ готовностью сдѣлать для нихъ все, что могъ. Я помню его мягкую, сочувственную улыбку, помню, какъ онъ бывалъ тронутъ, когда двоюродный братъ его, іезуитами изуродованный Карташевскій, своимъ дикимъ, но полнымъ подавленной страсти голосомъ начиналъ пѣть: „Jeszeze Polska nie zginela“. Его православно-московскій фа-

*) Не мѣшаетъ напомнить, что старое славянофильство Хомякова и Кирѣевскихъ было чуждо позднѣйшаго обрусительства, и что самъ Хомяковъ въ 1831 г. написалъ сочувственное Польшѣ стихотвореніе.

М. Др.

натизмъ не мѣшалъ ему понимать святую и законную сторону польско-государственнаго фанатизма. Константинъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ своими вышеупомянутыми друзьями, былъ ужъ тогда врагомъ петербургскаго государства и вообще государственности, и въ этомъ отношеніи онъ даже опередилъ насъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: Послѣднее польское возстаніе и пустой шумъ, поднятый по этому случаю европейскою дипломатіею, могли ли бы или нѣтъ побудить его броситься, вмѣстѣ со всѣми прочими корифеями славянофильской партіи, въ лагерь ненавистнаго ему петербургскаго императорства? Не берусь рѣшать этого вопроса; такъ много чудовищныхъ перемѣнъ осуществилось на нашихъ глазахъ, что трудно было бы отвѣчать за теоретическую стойкость и послѣдовательность до конца даже Константина Сергѣевича Аксакова. Но вотъ за что отвѣчаю: какъ бы сильно, страстно и ложно ни было его увлеченіе, онъ никогда не сдѣлался бы поощрителемъ и подстрекателемъ палача Муравьева, не жалъ бы рукъ гвардейскимъ грабителямъ и шпіонамъ; съ негодованіемъ, отвращеніемъ и ужасомъ отвернулся бы онъ отъ побіенія безоружныхъ поляковъ, и скорѣе отказался бы отъ своихъ, чѣмъ позволилъ бы имъ надругаться надъ благородными павшими жертвами. Наконецъ, послѣ потѣхъ онъ не поѣхалъ бы въ Варшаву *) организировать Польшу. Еслибъ у него не достало политическаго смысла, чтобъ понять, что подъ сѣнью петербургскаго императорства, при условіяхъ необходимыхъ для существованія всероссійскаго государства, нѣтъ ни возможности, ни мѣста для серьезной народной организаціи, и что при такой обстановкѣ всякая демократическая попытка непремѣннымъ образомъ должна обратиться въ мѣру государственную, а слѣдовательно противонародную, то благородный чуткій инстинктъ его сказалъ бы ему, что для порядочнаго русскаго человѣка не можетъ быть теперь мѣста въ Варшавѣ.

*) Когда же ѣздилъ И. С. Аксаковъ? Изд. („Колокола“). Ѣздили въ Польшу изъ славянофиловъ кн. Черкасскій и Юр. Самаринъ въ согласіи съ Ив. Аксаковымъ.

М. Др.

Всего этого не понялъ и не почувствовалъ И. С. Аксаковъ. Увлеченный тѣснымъ, дикимъ и къ тому же губительнымъ для Россіи государственнымъ патріотизмомъ, онъ позабылъ все человѣческое, и самъ поставилъ себя преступникомъ противъ человѣчества, преступникомъ противъ свободы, блага и достоинства Россіи, которыя внѣ и противъ человѣчества невозможны, Онъ принесъ всю свою нравственную и умственную силу на поддержку государственнаго преступленія, совершеннаго и совершаемаго правительствомъ и его палачами въ Польшѣ, и послѣ того не переставалъ клеветать на Россію, увѣряя, что это преступленіе необходимо для ея спасенія.

И несмотря на все это, я готовъ повторить съ вами, что г. Аксаковъ человѣкъ честный, но только подъ однимъ условіемъ, — вы должны согласиться со мной, что все, что мы придадимъ его честности, будетъ отнято нами у его способности разумѣнія.

М. Бакунинъ.

Обѣщанныя Бакунинымъ статьи въ «Колоколѣ» по польскому вопросу никогда не появлялись.

Для поясненія предыдущихъ писемъ Герцена и Бакунина необходимо напомнить, что въ политикѣ русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ было, независимо отъ военно-полицейскаго усмиренія, два направленія: 1) ослабленіе аристократіи и римско-католическаго духовенства мѣрами аграрно-демократическими, закрытіемъ р.-к. монастырей и т. п., безъ нарушенія правъ польской національности въ чисто-польскихъ округахъ и 2) реакціонно-православное обрусеніе. Первое, подъ управленіемъ Н. Милютина и при участіи Самарина, преобладало въ 1864—1865 г., второе стало брать верхъ съ 1866, со времени назначенія министромъ нар. просв. гр. Дм. Толстого. Герценъ, видимо, во многомъ сочувствовалъ первому, находя въ немъ точки соприкосновенія съ своимъ демократическимъ славизмомъ. Бакунинъ, послѣ своей поѣздки въ Стокгольмъ, отрицательно отнесся ко всему, что дѣлалось «всероссійскимъ государствомъ». М. Н. Муравьевъ, бывшій противникомъ даже освобожденія крестьянъ въ Россіи, началъ дѣйствовать въ Вильнѣ собственно какъ полицейскій усмиритель возстанія, но потомъ и самъ присоединился къ аграрной политикѣ Н. Милютина, своего прежняго противника въ крестьянскомъ вопросѣ. Катковъ былъ горячимъ

сторонникомъ Муравьева и весьма холоденъ къ милютинскимъ мѣрамъ, противнымъ его общимъ аристократическимъ тенденціямъ. Ив. Аксаковъ сначала поддерживалъ милютинскую больше, чѣмъ муравьевскую политику, но увлеченный православіемъ, перешелъ постепенно на сторону «обрусенія».

Интересно, что Тургеневъ, котораго въ письмѣ XLV Бакунинъ ставитъ на одну доску съ Катковымъ и Аксаковымъ, остался не совсѣмъ доволенъ отвѣтомъ Герцена Аксакову и писалъ первому: «Я нахожу, что ты дѣлаешь слишкомъ много „Kratzfüss vor den Slavophilen", которыхъ по старой памяти носишь въ сердцѣ Мнѣ кажется, что еслибъ ты понюхалъ то постное масло, которымъ всѣ они отдаютъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Иванъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) женился на первой всероссійской лампадкѣ (Тютчевой, приближенной къ императрицѣ Маріи Александровнѣ), ты бы нѣсколько попридержалъ свое умиленіе» (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, стр. 192).

XLIV.

23 мая 1867. Per Napoli. Ischia, a Lacco.

Любезный Герценъ. Сейчасъ получилъ твое письмо. Все хорошо. Только Мрочковскій позабылъ прислать мнѣ записку съ расчетомъ Чернецкаго, такъ что я насчетъ цѣнъ остаюсь въ полномъ затменіи. Попроси Чернецкаго написать другую записку и пришли мнѣ ее самъ. Ты напрасно уговариваешь меня щадить Осиповъ *). Во мнѣ чувство историческаго піетета всегда было сильно и не въ мои лѣта грѣшить противъ него мальчишескою дерзостью. Лишь бы только исторія и прошедшія заслуги, какъ бы онѣ велики ни были, не становились поперекъ настоящему дѣлу и будущему. Тогда, извини, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ, но столкнуть съ дороги мѣшающихъ необходимо. Ты говоришь, что ты, въ чемъ я и сомнѣваться не могъ, теоретически со всѣми мыслями согласенъ,—но что какъ массы не приготовлены еще къ ихъ осуществленію,—проповѣдывать ихъ теперь непрактично. Я на это несогласенъ. Мысли эти потому и имѣютъ за себя буду-

*) Giuseppe Mazzini и Giuseppe Garibaldi. М. Др.

щее, что онѣ стихійнымъ образомъ живутъ и всегда жили въ потребностяхъ массъ. Къ нимъ массы ближе напр. чѣмъ къ конституціонному либерализму или чѣмъ къ мациневскому республиканизму. Ты самъ же на всѣ голоса, еще въ 1848 году, провозглашалъ, что внѣ нашихъ идей все другое мертво есть. Не проповѣдывать же мертвечину, ни даже полу, ни даже четверть, ни даже малѣйшую долю мертвечины. А что идеи наши примутся и главное поймутся и осуществятся не вдругъ,—это другое дѣло. Тутъ надо много, много терпѣнія и выдержки, — увидимъ ли мы хоть милліонную долю осуществленія, будемъ ли по крайней мѣрѣ довольно счастливы чтобъ умереть, какъ умеръ Самсонъ,—вопросы лично для насъ разумѣется интересные, но если и не увидимъ и не будемъ, что до этого?—лишь бы не прожить совсѣмъ даромъ и оставить по себѣ хоть какой живой слѣдъ. Всякій своимъ путемъ—ты перомъ, я знакомствомъ. Разочарованій, ошибокъ, промаховъ на пройденной дорогѣ было много, но я не пугаюсь такъ легко неудачъ, и благодаря постоянству въ стремленіи могу сказать, что и утѣшительныхъ успѣховъ, особливо въ послѣднее время, было достаточно. A propos, кажется, что русское правительство добирается до меня и въ отдаленномъ Неаполѣ. На дняхъ я узналъ, что здѣшній префектъ Marquese Gualterio, архи-консортъ и государственный мелкій дѣлецъ, объявилъ Рангоци свое подозрѣніе, что я главный зачинщикъ всѣхъ движеній въ Сициліи, именно въ Palermo и вообще въ южной Италіи и что я дѣлаю и распространяю фальшивые банковые билеты, покрывшіе послѣднія. Нѣтъ для меня сомнѣнія, что тутъ дѣйствуетъ рука Киселева, моего стараго парижскаго пріятеля, а теперь посланника во Флоренціи. Надѣюсь все разузнать и сдѣлать во время должный отпоръ. А мнѣ жаль, очень жаль, что вы прекращаете „Колоколъ“ и мнѣ кажется, что я на вашемъ мѣстѣ не сдѣлалъ бы этого. Кончить легко, но начать вновь будетъ очень трудно,—и это доставитъ торжество нашимъ врагамъ въ Россіи и внѣ Россіи,—пожалуй даже и женевскимъ молокососамъ. Я слышалъ, что въ по-

слѣднее время опять начинаютъ читать его въ Россіи. Что за дѣло, что продается только по 500 N-ровъ—по крайней мѣрѣ 3000 читателей. Говорить 3000 русскихъ свободно теперь не шуточное дѣло. Я бы на вашемъ мѣстѣ не прекратилъ его,—ну, а перемѣнилъ бы нѣсколько не направленіе, а тонъ, манеру,—менѣе церемонился бы съ властями и далъ бы вновь полную волю твоему бичующему юмору, Герценъ, который ты напрасно взнуздалъ и тѣмъ себя значительно обезсилилъ. Эй, друзья, подумайте еще, право продолжайте. Мрочковскій мнѣ пишетъ, что ты въ іюнѣ собираешься въ Италію и обѣщаешь даже пріѣхать въ Неаполь. Пріѣзжай, Герценъ, мы переговорили бы о многомъ.

Зачѣмъ же не прислалъ брошюры Серно-Соловьевича? Ты спрашиваешь меня, стало ли бъ у меня храбрости напасть на него и на его шайку? Право, не понимаю такого вопроса. Если только окажется дѣйствительно нужнымъ на нихъ напасть, что съ ними церемониться. Пришли брошюру и назови всѣхъ русскихъ, проживающихъ нынѣ въ Женевѣ, съ характеристикою каждаго. Я тебѣ даю честное слово, что никому не покажу твоего письма и сожгу его сейчасъ же по прочтеніи. А брошюру пришли. Огарева обнимаю.

Твой М. Б.

Брошюра эмигранта Серно-Соловьевича «Unsre Russischen Angelegenheiten» противъ Герцена.

XLV.

23 іюня 1867. Ischia a Laggo. Villa Arbusto.

Любезный Герценъ. Я ждалъ, ждалъ брошюры Серно-Соловьевича и не дождался. А признаюсь, твое письмо испугало меня, не за Серно-Соловьевича, а за тебя. Въ твоей злости противъ него слышится что-то старческое. Я готовъ вѣрить, что Серно-Соловьевичъ написалъ противъ тебя скверную пасквиль и что твое

негодованіе противъ него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не однихъ его женевскихъ одно-лѣтниковъ эмигрантовъ,—на все молодое поколѣніе кладешь ты страшное проклятіе,—говоря—какъ будто бы это могло служить для насъ аргументомъ, — что Погодины, Катковы, Аксаковы и Тургеневы указываютъ на нихъ, т. е. на молодыхъ людей, принадлежащихъ къ этому поколѣнію, пальцами,—прибавляя даже, что они сукиносынствомъ своимъ оправдываютъ мѣры правительства! Кто-жъ эти они? Разумѣется не одни только женевскіе эмигранты, которые микроскопически малочисленны, что правительству незачѣмъ бы было принимать крупныхъ мѣръ—а цѣлое юное поколѣніе, которые ты клеймишь, называя его венерическимъ младшимъ братомъ, осужденомъ на безплодную смерть, въ ожиданіи еще младшаго и болѣе путнаго поколѣнія.

Нѣтъ, Герценъ, каковы бы ни были недостатки настоящаго молодого поколѣнія, оно чрезмѣрно выше Катковыхъ и Погодиныхъ, твоихъ Аксаковыхъ и Тургеневыхъ—такъ выше, что указываніе на него пальцемъ всѣхъ этихъ блудныхъ стариковъ служитъ ему въ честь, а не въ безчестье,—и ничто въ мірѣ, кромѣ самой, естественно и по необходимости гнусной природы правительства не можетъ оправдать гнусныхъ мѣръ нашихъ правителей. Десять, пять лѣтъ тому назадъ, когда ты смѣло глядѣлъ и велъ впередъ, не заботясь о томъ, что будутъ говорить люди близорукаго разума и гнилой официальной или полуофиціальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможномъ полуосуществленіи сегодня или завтра, а главное не дозволяя ослѣплять себя блескомъ лживыхъ и притворныхъ исполненій,—ты не произнесъ бы такихъ страшныхъ, для тебя страшныхъ, потому что старческихъ словъ. Ты чувствовалъ тогда свою силу, а сила великодушна и до того вѣритъ въ себя, что даже къ своимъ врагамъ можетъ быть справедлива. Твое же послѣднее письмо дышетъ брюзгливою несправедливостью. Ты пишешь, что у тебя съ Тургеневымъ Cambo Formio. Остановись, Герценъ, и вспомни, что Cambo Formio

было первою буквою въ наполеоновскомъ алфавитѣ, послѣдними буквами котораго были Ватерлоо и Св. Елена. Ужъ не потому ли Тургеневъ и дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ, послѣ разрыва съ которымъ онъ самъ одряхлѣлъ и изсякъ безвозвратно— и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя дѣйствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ?

Въ молодомъ поколѣніи, взятомъ порознь—въ отдѣльныхъ экземплярахъ, тьма непріятныхъ, непорядочныхъ, даже грязныхъ сторонъ. Явленіе впрочемъ весьма натуральное. Старая нравственность, основанная на религіозныхъ, патріархальныхъ и сословныхъ преданіяхъ, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Дѣйствительно осуществить ее можетъ только коренной соціальный переворотъ. Одинокихъ силъ одного человѣка, какъ бы онъ уменъ и силенъ ни былъ, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нѣтъ. Молодое поколѣніе ищетъ ее, но еще не нашло; отсюда колебанія, противорѣчія, безобразія и не рѣдко грязные скандалы. Такъ было въ 93-хъ годахъ,—только тамъ гильотина чистила нравы и не давала гнить недозрѣлой зелени. Все это очень непріятно, больно и грустно, но натурально и неминуемо. Все это въ средѣ нашей бѣдной, неопытной русской эмиграціи еще усугублено тою эмиграціонною болѣзнію, которую ты такъ вѣрно изучилъ и описалъ въ своихъ запискахъ. Но все это не должно заслонять отъ насъ серьезныхъ да, великихъ качествъ нашего молодого поколѣнія:—въ немъ не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Изъ-за этой страсти десятки изъ нихъ уже пошли на смерть и сотни въ Сибирь. Между ними, какъ всегда и вездѣ, много пустыхъ хвастуновъ и фразеровъ, но есть и герои безъ фразъ или только съ фразою клеветы на себя или крайностью щеголяющаго отрицанія. Нѣтъ, воля твоя, Герценъ,—эти неумытые, неуклюжіе и часто весьма

неудобные піонеры новой правды и новой жизни въ милліонъ разъ выше стоятъ всѣхъ твоихъ приличныхъ покойниковъ.

Ну, оставимъ это и поговоримъ о другомъ. Получилъ ли ты отъ Мрочковскаго копію моего письма къ депутату Фанелли? Ты увидишь изъ него, что неаполитанскій префектъ маркизъ Gualterio изволилъ распустить слухъ во Флоренціи, что я будто бы занимаюсь дѣланіемъ фальшивыхъ итальянскихъ бумажекъ. Молчать и сидѣть сложа руки я не могъ,—и повелъ это дѣло по всѣмъ правиламъ, соблюдая классическую осторожность, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ твердымъ намѣреніемъ наказать, кого слѣдуетъ. Линіяко откажется дать мнѣ письменное свидѣтельство, я заведу съ нимъ процессъ или вызову на дуэль, бросивъ на него инфамацію—смотря по обстоятельстамъ. Если же дастъ, пристану къ Гвалтеріо. Подождемъ и посмотримъ; только вѣрно то, что это имъ не обойдется дешево. Можетъ быть, мнѣ придется оставить Италію. Это будетъ главнымъ образомъ зависѣть не отъ Gualterio, а отъ того, удалось ли Наполеону или нѣтъ закупить Шувалова. А ты очень удачно назвалъ Шувалова Петромъ IV. Это, пожалуй, поразитъ государя и не на шутку разсоритъ его съ нимъ. А если А. И. не читаетъ „Колокола“, то безъ сомнѣнія найдутся при дворѣ доброжелатели Шувалова, которые перескажутъ или покажутъ твою статью государю. Итакъ, существуетъ или нѣтъ французско-русскій союзъ—мнѣ что-то не вѣрится, такой союзъ значилъ бы ссора Россіи съ Пруссіею—а если существуетъ, то существуетъ также непремѣнно и итальяно-русскій союзъ—и мнѣ тогда скоро придется оставить Италію, потому что здѣсь, подъ видомъ конституціонной свободы, все болѣе и болѣе водворяется привычка полицейскаго самоуправства.

Не послалъ я тебѣ статьи, потому что ты мнѣ объявилъ, что послѣ 15 іюня „Колоколъ“ на 6 мѣсяцевъ прерывается—и я увидѣлъ съ радостью, что вами возвѣщенъ № къ 1 іюля. Итакъ вы рѣшились не прерывать журнала? Если такъ, напишите и я вамъ сей-

часъ же вышлю первую статью съ долгимъ рядомъ другихъ для каждаго нумера. Въ твоей „Мазуркѣ“ много вѣрнаго и удачно выраженнаго, а все слышится въ немъ тонъ покаявшагося революціонера, готоваго на полусдѣлки съ людьми, съ которыми для послѣдовательнаго соціалиста примиреніе невозможно. Ты все какъ будто церемонишься и какъ будто бережешь людей не только славянофильской партіи, но начинаешь разговаривать menschlich даже съ Катковымъ, точно какъ будто одни изъ нихъ не рѣшительные продажные мерзавцы, а другіе не гнилые покойники. Ты какъ будто предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебѣ можно будетъ идти, говорить и дѣйствовать за одно съ ними. Грязная, глупая, безстыдная рѣчь князя Черкасскаго о полякахъ заслужила болѣе чѣмъ насмѣшку, а клейменіе. Въ ней слышится такой преступный цинизмъ, такой политическій и соціальнонравственный развратъ, что не смѣяться надъ нимъ, его надо казнить. А вотъ что хорошо, такъ это Августѣйшее путешествіе. Картина царственной жизни въ Зимнемъ дворцѣ, противопоставленная высокимъ шалостямъ въ Парижѣ—chef d'oeuvre—и Погодинъ сынъ Кирилла и Мефодія и Филаретъ посреди „канканопляшущихъ женъ мабилійскихъ въ ихъ вертоградѣ“—напомнили мнѣ молодого Герцена, котораго умный и свѣжій смѣхъ такъ сильно и такъ благодѣтельно дѣйствовалъ на Россію. Не старѣй, Герценъ, въ старости право нѣтъ прока, не становись доктринеромъ á la J. J. Rousseau, оставайся нашимъ могучимъ Вольтеромъ. Въ этомъ твоя истина и потому и сила твоя. Не старѣй, Герценъ, и не проклинай молодыхъ. Смѣйся надъ ними, когда они смѣшны, наказывай и брани, когда они виноваты,—но преклоняйся почтительно передъ ихъ честнымъ трудомъ и стремленіемъ, передъ ихъ подвигами и жертвами.

А Огарева за меня дружески обними.

Твой М. Бакунинъ.

Любезною готовностью Чернецкаго скоро воспользуюсь.

P. S. Ну, за что же ты назвалъ Березовскаго фанатикомъ? „Онъ чистъ, потому что фанатикъ“—что за странная и недостойная тебя игра словъ—и что значитъ фанатикъ. Дуракъ или сумасшедшій что ли? Это братъ изъ рукъ вонъ несправедливо. Точно какъ будто бы внѣ исторически философскаго высокаго взгляда на происшествія нѣтъ жизни, нѣтъ права и страсти жизни? Березовскій мститель, и самый законный мститель, за всѣ преступленія, муки и кровавыя оскорбленія, вынесенныя Польшею и поляками. Неужели ты этого не понимаешь? Да вѣдь еслибъ не было такихъ взрывовъ негодованія, можно бы было отчаяться въ людяхъ.

Въ нашихъ бумагахъ находится приготовленная къ печати въ 1880 г. статейка одного русскаго эмигранта „Бакунинъ и Герценъ“, которая воспроизводитъ письмо Герцена къ Бакунину, вызвавшее вышеприведенный отвѣтъ, и копію съ части этого отвѣта, относящейся къ молодой русской эмиграціи, противникамъ Герцена. Статейка эта интересна между прочимъ и какъ памятникъ отрицательнаго отношенія къ Герцену, которое держалось довольно крѣпко въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и въ 70-е годы.

БАКУНИНЪ И ГЕРЦЕНЪ

(Къ исторіи русскаго движенія).

Четыре года прошло со смерти Бакунина, и до сихъ поръ не явилось почти ни строчки въ печати объ этомъ великомъ русскомъ гражданинѣ и мыслителѣ. Нельзя, конечно, ставить въ упрекъ дозволенной части русской печати, что она скрываетъ подъ таинственной литерой Б. имя его, всякій разъ, какъ о немъ приходится упоминать. А упоминать приходится всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о самыхъ крупныхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ русской жизни, какъ напр. о

Бѣлинскомъ, котораго Бакунинъ былъ учителемъ. Безполезно также говорить о равнодушіи къ нему буржуазной французской литературы, хотя онъ былъ учителемъ Прудона, потому что и самого-то Прудона литература эта забыла. Недавно мы встрѣтили въ законной русской прессѣ имя Бакунина, безстрашно выписанное полными буквами въ воспоминаніяхъ одного, либеральнаго предводителя дворянства, сидѣвшаго въ III отдѣленіи во время Николая и Дубельта. Но оно было упомянуто и выписано съ цѣлью доказать въ свое время Дубельту, а въ настоящее — его потомкамъ неизмѣримую разницу между этимъ извергомъ и приличнымъ литераторомъ и либераломъ А. И. Герценомъ. Такъ и въ иностранной литературѣ имя это поминается иногда съ открещиваніемъ и чураканіемъ буржуазными изслѣдователями русскаго нигилизма въ родѣ Шарля де Мазада и италіанца Арнауда, одобреннаго г. Герценомъ-фисомъ и маститымъ Тургеневымъ.

Въ свободной же русской печати личность Бакунина являлась до сихъ поръ лишь одинъ разъ, при жизни его, въ посмертныхъ сочиненіяхъ А. И. Герцена. Съ своимъ обычнымъ остроуміемъ авторъ свысока подтрунивалъ надъ Бакунинымъ, называлъ „большимъ ребенкомъ“ учителя Прудона и Бѣлинскаго и основателя соціализма въ Германіи (первая прямо соціалистическая статья (?) въ Германіи была, какъ извѣстно, статья Бакунина подъ псевдонимомъ Жюля Элизара). Онъ очень мило описывалъ его фигуру, привычки, манеры, такъ что въ концѣ концовъ должно было выйти совершенно ясно, что все современное направленіе современной мысли, отвергающее прежде всего государственность, направленіе, выразившееся прежде всего во Франціи въ коммунѣ, въ Испаніи въ федерализмѣ, а въ Германіи и въ Италіи съ каждымъ годомъ распространяющееся все болѣе и болѣе, несмотря на сильныя партіи государственныхъ соціалистовъ въ первой, и мадзинистовъ во второй, обязано своимъ происхожденіемъ фантазіи „стараго младенца, всегда готоваго пойти на удочку перваго шпіона“.

Только будущіе историки всего современнаго дви-

женія будутъ имѣть возможность выяснить вѣрно и вполнѣ личность этого великаго человѣка, когда никакія соображенія осторожности не будутъ мѣшать этому ни въ одной странѣ изъ тѣхъ, которыхъ касалась его дѣятельность. Потому, что если только невѣжды и идіоты могутъ называть эту дѣятельность панславистской, то имени паневропейской она вполнѣ заслуживаетъ. Будущіе историки революціоннаго дѣла въ Россіи и Испаніи, въ Швеціи и Италіи, во Франціи, Германіи и Польшѣ найдутъ его руку всюду. Не даромъ болѣе свѣдущіе реакціонеры называли его „Старцемъ Горы“, котораго воля въ одно время свершалась въ Кордовѣ и Бактрѣ.

Но за невозможностью писать подробно о его дѣятельности на насъ все-таки лежитъ обязанность приготовлять матеріалы будущему описанію и знакомить съ его личностью, на сколько это возможно. Съ этою цѣлью мы публикуемъ письма, которыя никого не могутъ скомпрометировать (скорѣе кого-нибудь рекомендовать вниманію начальства), но которыя покажутъ, какъ горько ошибался А. И. Герценъ, воображаяя себѣ, что имѣетъ дѣло съ „большой Лизой“.

Но прежде нѣсколько словъ, чтобы напомнить положеніе дѣлъ въ 1867 г., къ которому относятся письма. За три года передъ этимъ Герценъ, озадаченный успѣхомъ Каткова въ роли Сусанина, порѣшилъ сдѣлаться патріотомъ своего отечества и съ этими мыслями переѣхалъ въ Женеву, гдѣ нашелъ первыхъ русскихъ эмигрантовъ, друзей и послѣдователей Чернышевскаго. Такъ какъ онъ имѣлъ претензію командовать ими, они же замѣтили въ его тенденціяхъ вещи несообразныя, то не замедлилъ воспослѣдовать разрывъ, который сталъ открытымъ, когда покойный А. А. Серно-Соловьевичъ, другъ Чернышевскаго и Михайлова, братъ Николая Серно-Соловьевича, убитаго на дорогѣ въ каторгу, основатель въ Женевѣ интернаціональнаго общества, издалъ рѣзкую брошюру противъ бывшаго народнаго корреспондента Александра II.

Вотъ что писалъ по этому поводу обиженный дилетантъ революціи Бакунину:

30 мая 1867. Женева, 7 Quai Mont-Blanc.

Любезнѣйшій Бакунинъ,

Серно-Соловьевича посылаю. Онъ наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи такое*) и что мы всѣ помогли ему такимъ быть. Я много думалъ объ этомъ послѣднее время и даже писалъ, не для печати теперь. Это не нигилизмъ; нигилизмъ явленіе великое въ русскомъ развитіи. Нѣтъ, тутъ всплыли на пустомъ мѣстѣ—халатъ, офицеръ, писецъ, попъ и мелкій помѣщикъ въ нигилистическомъ костюмѣ. Эти мошенники — оправдавшіе своимъ сукиносынизмомъ **) мѣры правительства, невѣжды, на которыхъ Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указываютъ пальцами. Это люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина, говоря просто, что они завидуютъ, что они хотѣли бы обобрать и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ вашимъ. —Это вѣрно. Caro mio—подумай. Имъ будущности нѣтъ, это меньшій венерическій братъ, который умретъ—и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ.

У меня Campo Formio съ Тургеневымъ. Онъ мнѣ писалъ mit Zärtlichkeit—я отвѣтилъ mit Gemüthlichkeit—и это не смотря на злой отзывъ съ моей стороны о „Дымѣ“.

Вотъ что отвѣчалъ Бакунинъ:

(Слѣдуетъ копія съ первой половины письма, напечатаннаго выше).

Сообщеніе Бакунинымъ постороннимъ лицамъ копіи съ письма Герцена и своего на него отвѣта показываетъ, что Бакунинъ хотѣлъ отдѣлить себя передъ молодыми эмигрантами отъ Герцена. Непопулярность послѣдняго въ это время въ извѣстной части русскихъ революціонеровъ была такова, что, какъ сообщилъ намъ Левъ Ильичъ Мечниковъ, были

*) Сохраняемъ правописаніе—курсивы.

**) Эта милая острота приписана сверху, какъ позднѣйшее измышленіе.

такіе, которые ставили Герцена, и какъ писателя, ниже г. Эльпидина, съ которымъ Бакунинъ издалъ нумеръ „Народнаго Дѣла“.—„У Эльпидина, говорили, только нѣтъ остроумія Герцена, но за то сколько же взятыхъ съ крестьянъ денегъ потрачено на литературное воспитаніе Герцена?“

На сколько мы понимаемъ письмо Герцена, написанное сгоряча и потому тѣмъ болѣе не подлежавшее опубликованію въ 1867 г., въ немъ нѣтъ рѣчи о всемъ молодомъ поколѣніи, а говорится только о тѣхъ, которыхъ недостатки признаетъ и Бакунинъ.

XLVI.

(1867) 8 ноября. Воскресенье. 123, Montbrillant (Genève).

Любезный Огаревъ. Стужа, снѣгъ, грязь, мы оба простужены, извозчики дороги, а денегъ мало. А потому мы къ тебѣ обѣдать сегодня не явимся. До другого, болѣе яснаго воскресенья.

Сообразно желанію Герцена и твоему новому желанію, я вычеркнулъ твое имя изъ списка членовъ „Новаго Союза“.

Записка Герцена произвела на меня грустное и вмѣстѣ странное впечатлѣніе, заставивъ меня сравнить то время, когда онъ, дыша иниціативой и вѣрой въ дѣло, шелъ бодро и смѣло и велъ другихъ впередъ, съ временемъ настоящимъ, когда неохотнымъ и колеблющимся шагомъ своимъ онъ напоминаетъ, прости сравненіе, стихъ Гёте:

„Im Dunkeln sucht das Maulthier seinen Weg“.

Посылаю тебѣ рѣчь Мрочковскаго и мою отвѣтную рѣчь на счетъ русскихъ и польскихъ дѣлъ. Въ прошедшее воскресенье ты мнѣ изъявилъ желаніе напечатать и ту и другую въ слѣдующемъ нумерѣ „La Cloche“. Можетъ быть, теперь измѣнишь намѣреніе, что меня не увидитъ нисколько, потому что обѣ рѣчи, и особенно моя, во многомъ противорѣчатъ съ вашимъ воззрѣніемъ, если не на общую цѣль, то по крайней мѣрѣ на пути, къ ней ведущіе. Мнѣ кажется впрочемъ, что это не должно бы быть помѣхою ихъ напечатанія. Вы вольны сдѣлать столько подстрочныхъ замѣчаній и оговорокъ, сколько вамъ будетъ угодно.

Если рѣчи окажутся для васъ негодными, отошли ихъ назадъ. Если жъ вы рѣшились ихъ напечатать, то попроси Чернецкаго, чтобы онъ мнѣ прислалъ хоть одну корректуру всѣхъ рѣчей, дабы я могъ увѣриться, что оплошность наборщика не заставила меня сказать какой-нибудь нелѣпости. А затѣмъ прощай.

Твой М. Бакунинъ.

Рѣчи Мрочковскаго и Бакунина были произнесены на собраніи «Лиги Мира и Свободы».

XLVII.

14 іюня 1868. Clarens. Basset-Puenzieux.

Здравствуй и ты. Я радъ, что мой отпоръ противъ генерала вамъ понравился. А такъ какъ Герценъ хорошій судья, то вслѣдствіе его поощренія я рѣшился напечатать памфлетъ въ 1000 экземплярахъ, о чемъ и телеграфирую Чернецкому, дабы удружить генералу. Попроси Тхуржевскаго прислать мнѣ 200 экземпляровъ, а остальные 800 разослать по всѣмъ вашимъ книгопродавцамъ въ Германіи, отнюдь не позабывъ Берлина, Лейпцига и Дрездена, а также Позена и Галиціи, т. е. Львова и Кракова, въ Лондонъ, въ Парижъ, а если можно и въ Марсель, въ Брюссель, во Флоренцію, въ Цюрихъ, въ Туринъ, Геную и даже въ Константинополь. Пусть продается отъ 25 до 30 сантимовъ, по вашему благоразсужденію. Я уступлю Тхуржевскому 50 процентовъ, а онъ можетъ уступить книгопродавцамъ 33 процента. Мнѣ хоть бы часть издержекъ выручить. Чернецкій мнѣ говорилъ, что листъ будетъ стоить за 500 экземпляровъ около 54 фр., другіе 500 будутъ стоить поэтому гораздо менѣе. Тебѣ вѣроятно ужъ извѣстно изъ моихъ писемъ къ Чернецкому и Тхуржевскому, что я отдѣлилъ первую брошюру отъ всего, что не прямо касается Мирославскаго. Ко второй пишу Avant Propos. Она будетъ

по крайней мѣрѣ втрое пространнѣе и также должна напечататься скоро.

Послѣ Avant Propos начнется разсужденіемъ о государствѣ. Милый Огаревъ, насчетъ Милютина я съ вами не могу согласиться. Поставь Николай, вмѣсто Бориса. Онъ безъ сомнѣнія былъ замѣчательный и, очень вѣроятно, честный человѣкъ, и въ этомъ смыслѣ я готовъ сдѣлать замѣчаніе. Но направленіе его было, по моему глубочайшему убѣжденію, именно потому пагубно, что онъ хотѣлъ связать народное дѣло съ интересами государства и служить ему правительственными средствами, — однимъ словомъ красно бюрократическими средствами и путемъ государственнаго соціализма, противъ котораго мы должны возстать рѣшительно, какъ противъ самаго вреднаго самообольщенія, способнаго только испортить дѣло народное и сбить съ толку мнѣніе нашихъ друзей въ Россіи, которымъ именно изъ плачевнаго исхода стараній Милютина и его честныхъ послѣдователей должно наконецъ стать ясно, что между нашимъ государствомъ и дѣломъ народа нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго и что въ этомъ противоестественномъ союзѣ всегда будетъ страдать не государство, а народъ. Искренность по этому вопросу мнѣ и потому еще необходима, что она одна можетъ мнѣ дать право высказать безъ обиняковъ всю правду полякамъ, что я и твердо рѣшился сдѣлать, чтобы разъ навсегда покончить съ ними счеты. Зачѣмъ это Герценъ связывается съ славянскимъ вопросомъ? Онъ такъ гадко поставленъ теперь, что намъ непремѣнно нужно съ нимъ развязаться или покрайней мѣрѣ поставить его по своему. И объ этомъ будетъ въ моей брошюрѣ сказано. Знаю напередъ, что меня будутъ ругать всѣ: и русскіе, и поляки, и славяне, да мнѣ до этого рѣшительно никакого нѣтъ дѣла; я останусь въ единствѣ съ собою, а для меня это главное. Останусь человѣкомъ невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока нынѣ возможные останутся такими.

Ну, братъ, а я передъ тобою виноватъ; изъ всего обѣщаннаго ничего еще не прислалъ. Съ завтраш-

няго же дня начну собирать и кромѣ „Отеч. Зап.“, которыя у меня отняли, пришлю все и твою Земскую брошюру.

Ты безъ сомнѣнія читалъ программу второго конгресса и, надѣюсь, ею доволенъ. Наконецъ отстояли таки мы ее. Будемъ печатать на россійскомъ языкѣ les cartes d'adhésions—согласенъ ли ты поставить въ нихъ, вмѣстѣ со мной и Жуковскимъ, твое имя? Отвѣчай. А что твоя нога и скоро ли тебѣ будетъ возможно доѣхать на пароходѣ прямо въ Vevey съ паномъ, который увѣдомилъ бы насъ телеграммою, такъ чтобы мы могли посадить тебя въ Vevey въ коляску и привести тебя прямо къ намъ?

Твой М. Б.

Генералъ-Мѣрославскій, который не разъ печатно нападалъ на Бакунина и на его „панславистическихъ чиновниковъ“ См. Мѣрославскаго—Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz и Бакунина — Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski. Genève. 1868.

XLVIII.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Вторникъ, утромъ, 26 января 1869.

Всѣмъ этимъ господамъ!

Господа,

Вы сегодня отправились, чтобы держать конгрессъ, изъ котораго вы сочли удобнымъ исключить меня. Для того, чтобы прикрыть то, что было неучтиво по отношенію ко мнѣ въ этомъ рѣшеніи, г. Мрочковскій воспользовался тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо уѣхать въ Шапонеръ *), что совсѣмъ не имѣло смысла, такъ какъ если онъ уѣзжалъ, то я вѣдь оставался, Перону натуральнѣе находиться въ Женевѣ, чѣмъ въ

*) Chaponeyre – вилла между Веве и Кларакомъ, гдѣ жила кн. Оболенская и проживалъ иногда Бакунинъ.

Шапонерѣ, г. Жуковскій, если онъ уже отказался отъ своихъ уроковъ, чтобъ присутствовать на вашихъ засѣданіяхъ, находился такъ же хорошо въ Женевѣ, какъ и въ Бассе, г. Трусовъ не имѣлъ уроковъ, а г. Бартеньевъ, которому только нужно было увидѣться съ г-жей Барт., имѣлъ нужду тому повѣрить, — резонъ, который, увѣряю васъ, меня такъ же мало просвѣтилъ. Привыкши всегда подчинять свои личныя удобства долгу и братской преданности, я не могу понять, какъ серьезный братъ, носящій не реторику дѣла, но самое дѣло въ сердцѣ, могъ дѣйствовать иначе. Впрочемъ, для чего столько словъ? Я обращаюсь по просту къ вашей коллективной честности и я вполнѣ увѣренъ, что вы сознаетесь если не предо мною, то, по крайней мѣрѣ, передъ собою, что вы почувствовали необходимость и пожелали удалить меня, хотя бы временно, отъ вашего совѣта. Я констатирую этотъ фактъ, я его принимаю, и какъ человѣкъ, всегда любящій строжайшую и искреннѣйшую логику, я вывожу изъ него слѣдующія заключенія:

Возможно, что окончательный результатъ вашихъ дебатовъ вполнѣ будетъ гармонировать съ принципами и практическими взглядами нашей старой братской ассоціаціи. Возможно и то, что они будутъ противорѣчить другъ другу.

Въ послѣднемъ случаѣ я, естественнымъ образомъ, выступлю изъ всякаго новаго общества или скорѣе совсѣмъ и не вступлю въ него. Но, отказываясь вступить въ него, я вамъ прежде всего дамъ обѣщаніе по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые не суть или не будутъ моими братьями, сохранять самое строгое молчаніе относительно всего прошлаго нашей первой ассоціаціи, т. е. относительно всего того, что я дѣлалъ, и что многіе изъ васъ дѣлали или до сихъ поръ манкировали дѣлать; кромѣ того, я обѣщаю вамъ также держать въ строжайшей тайнѣ все то, что вы найдете удобнымъ мнѣ довѣрить, когда мы окончательно разойдемся; послѣ этого вы не будете имѣть больше права вмѣшиваться въ какое бы то ни было мое дѣло, равно какъ и я буду остерегаться вмѣшиваться въ

ваши дѣла. Такимъ образомъ, я со своими старыми друзьями, вы со своими союзниками образуемъ два, если не враждебныхъ, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ чуждыхъ другъ другу лагеря.

Если же ваша программа и ваши проекты будутъ признаны мною соотвѣтствующими основаніямъ нашего стараго братства, то я естественнымъ образомъ всѣмъ сердцемъ буду имъ преданъ и дальше буду себя разсматривать если не какъ вашего сильно любимаго брата,—я презираю притворство и медовыя рѣчи,—то, по крайней мѣрѣ, какъ вашего союзника, столь же законнаго, какъ и обязаннаго, — такъ какъ никакой мой поступокъ, сколько я знаю, не даетъ вамъ права меня исключать.

Всякій разъ, когда я сдѣлаю ошибку и вы будете имѣть серьезныя обвиненія противъ меня, я буду настаивать, чтобы вы имѣли смѣлость и искренность произнести ихъ безъ всякихъ закорючекъ братскимъ образомъ, а не втихомолку и за моей спиной, какъ это нашли удобнымъ дѣлать до сихъ поръ нѣкоторые изъ васъ. Возможно также, что и я въ свою очередь выступлю съ обвиненіями и, потерявъ терпѣніе, попрошу у васъ объясненій, напр. относительно обвиненій, такъ мало личныхъ, которыя, вопреки всѣмъ обязанностямъ нашего стараго братства, вы произнесли въ частномъ комитетѣ противъ одного изъ нашихъ дѣятельнѣйшихъ и преданнѣйшихъ членовъ, противъ нашего брата и друга Карло Гамбуцци, подъ вліяніемъ личныхъ дрязгъ вашего друга и брата, г. Таччи.

Продолжая считать себя вашимъ въ случаѣ одинаковости нашей программы и вашей, я попрошу васъ смотрѣть на меня, какъ на вашего пассивнаго члена до нашего будущаго конгресса, на которомъ я намѣренъ взять самое активное участіе, такъ какъ, поразмысливъ, я рѣшился выступить изъ центральной директоріи интернаціональнаго братства, равно какъ оставить центральное бюро и публичныя дѣла союза и до ближайшаго конгресса не принимать ни непосредственнаго, ни посредственнаго участія въ дѣлахъ его отдѣльныхъ обществъ. Послѣ того, какъ я, словно негръ, по-

работалъ четыре года подъ рядъ и почти всегда одинъ-одинешенекъ, не потому что я хотѣлъ не допускать васъ къ участію въ цѣляхъ, но потому что вы болѣе или менѣе погрузились въ резонерствующую апатію,—послѣ подобной работы я имѣю право на нѣкоторый отдыхъ. Такъ какъ вы, господа, собравшіеся тутъ, не имѣете достаточно времени, чтобы его расточать и поэтому ваши переговоры со мною должны будутъ быть очень краткими, то вы хорошо сдѣлаете, если организуете новое управленіе какъ для братства, такъ и для союза.

Вы меня, конечно, не оскорбите предположеніемъ, что я вамъ предлагаю это рѣшеніе съ тайнымъ намѣреніемъ заставить себя упрашивать и вамъ доказать полезность моего сотрудничества въ вашихъ работахъ. Тѣ изъ васъ, которые меня знаютъ, знаютъ очень хорошо, что разъ я предлагаю нѣкоторое рѣшеніе, то оно становится неизбѣжнымъ. Къ тому же я постараюсь вамъ изложить свои доводы.

Во-первыхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Перона, въ дружбѣ котораго и полнѣйшей откровенности я никоимъ образомъ не имѣю права сомнѣваться, за исключеніемъ Малона, съ которымъ я надѣюсь сойтись во мнѣніяхъ, если бы только не было между нами посредниковъ, любезныхъ и ? , за исключеніемъ г. Бартеньева, который меня не знаетъ, если только меня не оклеветали передъ нимъ, и который не можетъ имѣть ничего противъ меня,—за исключеніемъ этихъ господъ всѣ остальные не внушаютъ мнѣ никакого довѣрія, въ томъ смыслѣ, что я не могу вѣрить ихъ прямодушію и искренности ихъ отношеній ко мнѣ. Между ними я имѣлъ когда-то одного дорогого, преданнаго и искренняго друга. Но онъ уже мнѣ не другъ, и я испытываю горькое наслажденіе, констатируя это и говоря себѣ это рѣшительно и категорически, такъ какъ я люблю безъ обиняковъ опредѣлять свои отношенія и ненавижу двусмысленности. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы я говорилъ и о другихъ. Мнѣ бы, можетъ быть, не было бы трудно проанализировать и вывести на чистую воду всѣ тѣ мелкія закавычки, которыя особенно послѣ бернскаго конгресса создали гро-

мадную конспирацію противъ меня, но, презирая всякаго рода безполезныя объясненія, я предпочитаю о нихъ и не говорить.

Господа, въ продолженіе послѣднихъ дней я чувствовалъ и чувствую еще себя какъ будто бы во враждебномъ лагерѣ; я видѣлъ, какъ передъ моими глазами выплыли наружу всѣ заднія мысли, мелкія скрытыя цѣли, всѣ очень ужъ неудачно сплетенныя нити конспираціи. Еще вчера вечеромъ я себѣ сказалъ, что мнѣ будетъ невозможно дальше работать съ вами и среди васъ. Чтобы вести хорошо такую работу, какую мы предприняли, надо прежде всего имѣть право разсчитывать на преданность и искренность друзей. Окруженные врагами и внѣшними, мы должны быть, по крайней мѣрѣ, обезпечены относительно внутренней безопасности. Я же не чувствую этой безопасности и не питаю необходимаго довѣрія,—и вотъ почему я удаляюсь. Вы вѣдь не скажете, что со своимъ удаленіемъ, я проявляю свой авторитетъ или же свою диктаторскую власть, но признаете вмѣстѣ со мной, что я просто пользуюсь своимъ свободнымъ правомъ. По моему глубочайшему убѣжденію фактическимъ диктаторомъ, конечно, не по праву, есть и будетъ всегда тотъ, кто дѣйствуетъ,—и поскольку онъ дѣйствуетъ,—въ духѣ и въ интересѣ общества. Съ той минуты, когда всѣ эти господа, наскучившись спать и резонерствовать сквозь сонъ, вздумаютъ дѣйствовать, то и они въ свою очередь окажутся диктаторами.

И другая причина моего удаленія не менѣе важна. Вы знаете, что я страшно задолжался, вы знаете, что я не получаю ничего или почти что ничего отъ своихъ братьевъ; въ ожиданіи того дня, когда они захотятъ или же смогутъ мнѣ прислать часть моего наслѣдства, я жилъ въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, занимая большія суммы у той дорогой и благородной княгини, которая столь долго была для меня прекраснымъ и вѣрнымъ другомъ. И вы, господа, поймете вѣдь это, безъ того, чтобы мнѣ нужно было объяснить вамъ, что теперь я не имѣю возможности прибѣгнуть къ этой же самой помощи. Такимъ образомъ,

мнѣ нужно серьезно работать, для того, чтобы имѣть средства къ жизни и быть въ состояніи кормить свою жену, и такъ какъ я никогда не могу работать вполовину и не могу раздѣлять своей дѣятельности и своего времени между двумя различными дѣлами, то я принужденъ, по крайней мѣрѣ, временно оставить одно, чтобы я могъ посвятить себя другому. Вы слишкомъ умны, чтобы мнѣ надо было прибавить къ этому еще что-нибудь.

М. Бакунинъ.

Послѣ такого откровеннаго объясненія я не настаиваю болѣе на томъ, чтобы Малонъ явился въ среду въ Женеву. Такъ какъ я въ данный моментъ отказался отъ всякой практической дѣятельности, такъ какъ личныя объясненія мало значатъ, и такъ какъ его присутствіе среди васъ можетъ быть болѣе полезнымъ, чѣмъ въ Женевѣ, то пусть онъ явится только въ томъ случаѣ, когда онъ сочтетъ это необходимымъ, не ради меня, но изъ-за другихъ причинъ. Я только предупреждаю, что наши друзья въ бюро, на засѣданіи котораго я подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ откажусь отъ участія, ожидаютъ его у меня въ четвергъ вечеромъ. Въ то же самое время я прошу друга Перона не забыть мнѣ прислать бумаги, касающіяся Пишарда. Я буду въ большомъ затрудненіи, если я ихъ не получу завтра, по крайней мѣрѣ, до 7 часовъ вечера. Ну, хоть бы мнѣ ихъ имѣть послѣ завтра.

Письмо это адресовано къ членамъ „Братства Международнаго“, которое образовано было Бакунинымъ среди „Международнаго Союза соціалистическаго“. Бакунинъ вообще имѣлъ склонность къ тайнымъ обществамъ, образовывая при этомъ во всякомъ тайномъ обществѣ другое, еще болѣе тайное. Такъ уже „Междун. союзъ“ былъ обществомъ въ обществѣ „Международномъ рабочихъ“, — „Братство“ было тайнымъ обществомъ въ союзѣ. Кромѣ того въ самомъ братствѣ Бакунинъ избиралъ особыхъ братьевъ, съ которыми думалъ управлять дѣломъ. Это доходило до конспирацій, которыя взаимно перекрещивались, — и въ концѣ концовъ приводили къ личнымъ ссорамъ между друзьями и братьями Бакунина, между собою и съ нимъ самимъ. Выше напечатанное письмо есть образчикъ такой ссоры. — Нѣкоторыхъ подробностей его мы не въ состояніи объяснить.

XLIX.

(Іюль 1869 г.)

Мой милый другъ. Прежде чѣмъ не пріѣдетъ Мрукъ, не считаю возможнымъ сдѣлать что-нибудь дѣльное. А работать вмѣстѣ готовъ, и правъ ты, не допуская мщенія съ моей стороны, потому что для такого глубокаго чувства нѣтъ ни причины, ни въ моемъ сердцѣ мѣста,—я другъ княгини и Мрочковскаго, и готовъ сдѣлать все, что только будетъ зависѣть отъ меня.

Посылаю тебѣ „Zukunft“, прочти тамъ статью: Michaël Bakunin.

Посылаю также 1-й листъ моего русскаго писанія.

Твой М. Бак.

Die folgenden Blätter der Königsbergischen „Zukunft“, wo die rusischen Briefe (über Bakunin) erschienen sind. № 167, 187, 189.

Мое мнѣніе писать,— а дѣлай какъ хочешь. На все другое нѣтъ минуты времени.

Твой М. Б.

Завтра зайду къ тебѣ.

Письмо это писано, вѣроятно, къ Огареву вскорѣ послѣ 17 іюля 1869 г., когда кн. Оболенскій отнялъ у своей жены дѣтей въ Веве, въ виллѣ Chaponeyre, и перевезъ ихъ въ Бернъ, откуда ихъ отправилъ въ Россію,— и когда кн. Оболенская хлопотала о возвратѣ себѣ дѣтей этихъ. (См. упомянутую выше брошюру).

L.

2 октября 1869. Locarno. Sul Lago Maggiore.

Ну, другъ Ага, я переѣхалъ просто въ царство небесное. Вообрази себѣ, послѣ сухой и тѣсно прозаической атмосферы Женевы, Италія во всей ея привѣтливой теплотѣ, красотѣ и первобытной мило ребя-

ческой простотѣ. Благодарю тебя за письмо къ молодцу старику Quadrio, а Zamperini за письмо къ Spreafico. Оба приняли меня весьма дружески. Съ старикомъ мы пожалуй немного и поспорили, но легко, не слишкомъ углублялись въ задорный вопросъ о Libertà и Socialismo. Онъ все также крѣпокъ и здоровъ и все также неутомимо и неугомонно работаетъ. Втроемъ мы держали совѣтъ и рѣшили, что лучше для меня будетъ поселиться въ Locarno. На другой день я пріѣхалъ сюда и сегодня съ помощью добрыхъ людей, рекомендованныхъ ими, нашелъ ужъ квартиру и кухарку. Квартиру, состоящую изъ четырехъ великолѣпныхъ комнатъ на солнцѣ, меблированныхъ, съ тремя кроватями, бѣльемъ, посудою и славною кухнею, въ саду, съ великолѣпнымъ видомъ на Lago Maggiore, за 55 фр. въ мѣсяцъ, служанку и кухарку вмѣстѣ за 15 фр. съ ѣдою и постелью. Здѣсь, кажется, все вдвое дешевле противъ Женевы, а приволье, а свобода, а простота и теплота (климатъ Ниццы) и воздухъ, и красота.—Ну, просто царство небесное. Правда, что нѣтъ за то ужъ и никакого общества въ буржуазномъ смыслѣ этого слова. Но въ нашемъ смыслѣ съ тобой есть и отличное. У меня ужъ есть другъ — моя Провиденція—Angelo Bettoli—armajolo, т. е. дѣлатель ружей,—испытанный мациніанецъ, очень любимый Мацини, который принялъ меня какъ брата и завелъ къ себѣ сегодня обѣдать; все итальянская кухня и семья итальянская, и все такъ весело, просто, радушно. Ты видишь, что я просто въ восторженномъ состояніи духа, и боюсь только одного: что мягкость жизни и воздуха уменьшатъ, смягчатъ мою дикую соціалистическую безпардонность. Право, здѣсь даже и на буржуа сердиться нельзя, такъ они еще просты и такъ нераздѣльно живутъ и смѣшиваются интересами съ народомъ и такіе они еще всѣ не мудреные. А что братъ, Огаревъ, подумай, пристрой, устой, да и сдѣлай salto mortale. Здѣсь для всякаго политическаго дѣла (не итальянскаго) и разумѣется для русской пропаганды свобода полная. Дешевизна изумительная. Воздухъ здоровый. Почта изъ Европы приходитъ два

раза въ день, а изъ Италіи четыре раза. Нельзя ли перенесть типографію въ Лугано, а еще лучше сюда въ Locarno. Ты здѣсь оживешь. Одно только затрудненіе: Гейнрихъ и Тузъ. Ну, да Гейнрихъ можетъ ужъ стать на свои ноги, а для Туза здѣшняя школа будетъ не хуже женевской. Подумай, только не долго, рѣшися, да и пріѣзжай. Герцену другое дѣло. Ему и семейству его необходимы люди, много людей, свѣтскій шумъ. Онъ не любитъ жить въ немъ, а подлѣ него. Ты же былъ бы здѣсь счастливъ совершенно. Да и Герценъ пріѣхалъ бы охотно къ тебѣ погулять. Ну, теперь прощай, пора спать ложиться. Вотъ тебѣ мой адресъ: Suisse. Canton de Tessin. Locarno. Al'egreggio Signor Angelo Bettoli—armajolo, per la Signora Stefania.

Жду отъ тебя и черезъ тебя разныхъ писемъ. А кстати, будь другомъ; у тебя есть Système d'Auguste Comte, котораго ты теперь не читаешь и вѣроятно читать не будешь. Если такъ, то пришли мнѣ его на изученіе, а когда будетъ нужно, напиши, я тотчасъ же возвращу.

Твой М. Б.

LI.

18 октября 1869. Chemin Vieux Billard, 40.
chez M-r Dams (Genève).

Любезный Герценъ. Я послалъ черезъ О—ва къ моему хорошему пріятелю Aristide Rey начало писанія, пожалуй, небольшой книжки съ разными апендиксами подъ громкимъ названіемъ Profession de foi d'un démocrate socialiste russe précedée d'une étude sur les Juifs Allemands.

1-й chapitre готовъ, 2-й, 3-й и 4-й пишутся и пойдутъ какъ по маслу.

Первая глава, полемическая противъ нѣмецкихъ жидовъ покажется тебѣ можетъ быть слишкомъ сыра, слишкомъ груба. Предоставляю тебѣ полное право, не измѣняя, разумѣется, содержанія и смысла, перемѣ-

нить форму, кой гдѣ смягчить, а кой гдѣ и посолить, —вѣдь у тебя аѳинской, злой соли больше, чѣмъ у меня,—увѣренный, что жидамъ сдѣлается отъ этого не легче, а хуже. Ну, остальныя главы будутъ гораздо серьезнѣе. Это родъ мемуаровъ, или скорѣе отчета за послѣднія шесть лѣтъ. Что жъ касается до безпардоннаго направленія, то оно должно остаться всецѣло, не только по содержанію, но и по формѣ. Вѣдь ты давно знаешь, что это моя природа, а природы не перемѣнишь. Жилъ и умру, какъ генералъ Костинцкій.

Теперь вотъ еще въ чемъ дѣло: Rolin, твой знакомый, обнадеживаетъ меня, что книгоиздатель Dentu возьмется съ радостью издать эту книжку и можетъ быть даже кое-что заплатитъ.

Я подробно писалъ объ этомъ Рею и просилъ его пойти къ тебѣ отъ моего имени съ О—ымъ, дабы поточковать съ тобой объ этомъ предметѣ. Помоги, Герценъ, и приложи совѣтъ и руку. Рей тебѣ понравится, онъ малый умный и честный. Направь же его и научи, какъ лучше устроить дѣло.

Ѣду отсюда въ будущую субботу прямо въ Лугано, гдѣ пробуду по крайней мѣрѣ всю зиму. Итакъ отвѣчай мнѣ или Lugano, Poste restante или чрезъ Огарева.

Твой М. Бакунинъ.

Кажется, ничего изъ сочиненія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не было напечатано.

LII.

Переводъ съ французскаго.

18 октября 1869. Женева.

Господа!

Въ № отъ 2 октября вашего журнала, вы напечатали противъ меня статью, подписанную Морицемъ Гессе, которая полна клеветъ и лжи.

Еслибъ десятая часть того, что онъ сообщаетъ, бы-

ла вѣрна, я былъ бы мало того, что очень опаснымъ панславистомъ,—но агентомъ русскаго правительства, шпіономъ.

Вы понимаете хорошо, господа, что никто, какое бы право на публичное уваженіе онъ за собою ни чувствовалъ, не можетъ промолчать подобныя обвиненія. Поэтому я началъ писать брошюру,—небольшую книгу, которая содержитъ въ себѣ изложеніе развитія моихъ соціалистическихъ идей за послѣднія шесть лѣтъ, подъ заглавіемъ „Исповѣдь русскаго демократа соціалиста, съ прибавленіемъ этюда о нѣмецкихъ евреяхъ“, —такъ какъ эти послѣдніе, а не одинъ только г. Мор. Гессе, сдѣлали себѣ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, изъ клеветъ противъ моего друга и соотечественника Александра Герцена и меня, почти ежедневное занятіе, родъ ремесла.

Мы презирали ихъ клеветы, пока онѣ не выходили изъ границъ нѣмецкаго журнализма, гдѣ личныя нападки, самыя несправедливыя и самыя гнусныя, дѣло обыкновенное. Но вотъ теперь дѣлается попытка перенести тѣ же клеветы на болѣе серьезное поле журнализма французскаго. Мы не должны, мы не можемъ больше молчать.

Господа,—я апеллирую къ вашей чести и къ вашей справедливости. Аттакованный такимъ недостойнымъ образомъ въ вашемъ журналѣ, я долженъ имѣть право тамъ же напечатать и мой отвѣтъ, — и я увѣренъ, что, каковы ни были бы различія вашихъ принциповъ и моихъ, вы не откажете мнѣ въ этомъ правѣ.

Моя маленькая книга не можетъ появиться раньше нѣсколькихъ недѣль, и я не могу отлагать такъ на долго мой отвѣтъ. Вслѣдствіе этого я прошу моего друга г. Аристида Рея, друга и союзника моего въ конгрессѣ лиги мира и свободы, который происходилъ въ Бернѣ въ прошломъ году, и моего свидѣтеля въ конгрессѣ работниковъ, бывшемъ недавно въ Базелѣ,—я прошу его передать вамъ, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, рѣчь, которую я произнесъ въ первомъ изъ этихъ конгрессовъ о вопросѣ русскомъ, и мое болѣе новое воззваніе „Къ моимъ молодымъ братьямъ русскимъ.

Моя рѣчь слишкомъ длинна, чтобъ найти мѣсто въ вашемъ журналѣ. Но воззваніе коротко и такъ какъ оно, надѣюсь, будетъ достаточно, чтобъ по краймѣрѣ убѣдить вашу публику, что я не могу быть ни сторонникомъ панславизма, ни другомъ русскаго правительства, ни какого изъ теперешнихъ правительствъ, то я прошу васъ, господа, напечатать его и думаю, что я имѣю право надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ этомъ удовлетвореніи.

Примите, господа, выраженіе моего высокаго уваженія.

Михаилъ Бакунинъ.

Мы не можемъ указать, въ какой журналъ было адресовано это письмо и было ли оно напечатано.

LIII.

28 октября 1869. Женева.

Послѣ завтра ѣду въ Лугано. Твое письмо получилъ и прочелъ со вниманіемъ.

1. На счетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: Я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что Марксъ точно такъ же виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, и даже, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже похвалилъ, назвалъ великаномъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. Первая причина — справедливость. Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я по крайней мѣрѣ не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергически и вѣрно, вотъ ужъ скоро 25 лѣтъ, съ моего ? и въ которомъ онъ несомнѣнно опередилъ насъ всѣхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть ли не главнымъ основателемъ интернац. общества. А это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, кото-

рую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни дѣлалъ.

Вторая же причина—политика и, по моему, совершенно вѣрная тактика. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохимъ политикомъ. Не сочти за самолюбіе, если я тебѣ скажу, что ты ошибаешься. Дѣло въ томъ, что ты меня судилъ и судишь по моимъ дѣйствіямъ въ цивилизированномъ обществѣ, въ буржуазномъ мірѣ, и въ самомъ дѣлѣ я обращаюсь въ этомъ мірѣ безъ всякаго расчета и безъ малѣйшей церемоніи съ ругательною, безпардонною откровенностью.

Но знаешь, почему я съ нимъ такъ поступаю? Потому что я не ставлю его въ грошъ, не признаю въ немъ болѣе никакой производительной, поступательной силы. Знаю очень хорошо, что матеріальныхъ средствъ и организированной государственно рутинной силы у него еще достаточно, гораздо болѣе, чѣмъ бы желательно было. Но съ этой силой надо бороться, ее надо разрушить; съ ней невозможны ни примиренія, ни сдѣлки, потому что она въ дѣйствительности ничего болѣе уступить не можетъ, не можетъ шага сдѣлать впередъ и силою вещей тѣснится назадъ. Бороться съ нею прямо, открыто, безпардонно, можетъ быть для лица опасно и сопряжено для борющагося съ большими неудобствами и непріятностями, — я это отчасти испытываю на себѣ,—но для дѣла, для народнаго дѣла полезно и необходимо; дабы народъ, очистивъ свой вопросъ отъ всякой буржуазной примѣси, поставилъ его ясно и крѣпко. Необходимо и полезно также и для борющагося лица, въ томъ смыслѣ, что его откровенное отношеніе къ буржуазному міру поясняетъ его положеніе, доказываетъ его искренность и крѣпче ставитъ его на народной почвѣ. Итакъ я согласенъ съ тобою, въ буржуазномъ обществѣ и въ буржуазныхъ вопросахъ я не политикъ и не тактикъ и не хочу быть ни тѣмъ ни другимъ. Но ты ошибешься очень, если заключишь, что я также неразсчетливо, или вѣрнѣе, съ тѣмъ же расчетомъ, обращаюсь въ мірѣ рабочихъ. Это единственный міръ,

въ который я вѣрю на Западѣ, точно такъ же какъ (у насъ въ) міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной фалапги, сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи,—которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь. Въ этомъ черномъ мірѣ, единственной почвѣ, на которой построится будущее, я, любезный Герценъ, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно всѣ его сильныя и слабыя стороны, равно умности, какъ и глупости, и стараюсь соображаться съ ними такъ, чтобы и дѣло народное подвигалось,—это разумѣется главная и первая цѣль,—но также и такъ, чтобъ и мое положеніе въ немъ укрѣплялось. Мое обращеніе съ Марксомъ, который меня терпѣть не можетъ, да я думаю, и никого кромѣ себя и развѣ близкихъ своихъ, не любитъ, моя политика и тактика съ нимъ да служитъ тебѣ на это доказательствомъ.

Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ интернаціон. обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма,—одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы для удовлетворенія личной мести я уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться и вѣроятно случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время еще не пришло.

Я пощадилъ и превознесъ его также изъ тактики, изъ личной политики. Какъ же ты не видишь, что всѣ эти господа вмѣстѣ наши враги, составляютъ фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить,

чтобы легче ее разбить. Ты ученѣе меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказалъ: Divide et impera. Еслибъ я пошелъ теперь открытою войною противъ Маркса, три четверти интернац. міра обратились бы противъ меня, и я былъ бы въ накладѣ, потерялъ бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавъ же войну нападеніемъ на его сволочь, я буду имѣть за себя большинство, да и самъ Марксъ, въ которомъ, какъ тебѣ извѣстно, злостной радости, Schadenfreude, тьма тмущая, будетъ очень доволенъ, что я задѣлъ и отдѣлалъ его друзей. Ну, а когда я ошибусь въ расчетѣ, и онъ за нихъ вступится, то вѣдь онъ первый начнетъ открытую войну, ну, тогда и я покачусь назадъ et j'aurai le beau rôle. Зачѣмъ я напалъ такъ жестоко на Гесса? А потому, что онъ написалъ противъ меня злостно подлую статью, а главное, потому, что онъ сдѣлалъ первую попытку перенести пакостныя клеветы противъ насъ во французскую журналистику.

Ну, теперь поговоримъ о моемъ писаніи, брошюрѣ-книгѣ. Батюшка Александръ Ивановичъ, будьте крестнымъ отцомъ этого безобразнаго сочиненія, его умывателемъ и устроителемъ. Издать его сдѣлалось для меня, по всему настоящему положенію, просто необходимостью.

Но я не художникъ, и литературная архитектура мнѣ совсѣмъ не далась, такъ что я одинъ, пожалуй, съ задуманнымъ зданіемъ не справлюсь, или выйдетъ такъ, какъ разсказываютъ про кого-то, что онъ построилъ сначала домъ, а потомъ сталъ выбивать въ немъ двери и окна.

1-ая маленькая глава, étude sut les Juifs allemands, не составляетъ сути,—это только родъ полемическаго предисловія,—главная цѣль разсказать и объяснить мою дѣятельность за послѣднія шесть лѣтъ и сопровождавшее ее развитіе политико-соціальной мысли. Я знаю, что въ книгѣ будетъ много хорошаго. А ты вотъ въ какомъ смыслѣ будь моимъ благодѣтелемъ и крестнымъ отцомъ,—не какъ идеалистъ, а какъ реалистъ. Еслибъ ты сталъ дѣйствовать какъ

идеалистъ, то ты началъ бы съ того, что выбросилъ бы въ окно всю мою натуру, такъ не подходящую къ твоимъ привычкамъ и воззрѣніямъ и замѣсто моей книги издалъ бы свою. Но какъ реалистъ, ты скажешь себѣ, что дѣлать съ нимъ, вѣдь старика не передѣлаешь: chassez le naturel, il reviendra au galop,— такъ постарайся только сгладить и уменьшить, по возможности, его естественные недостатки. Пусть онъ строитъ домъ по своему, а такъ какъ у него нѣтъ эстетики, ни архитектурнаго умѣнья, то не онъ, а я буду выбивать въ немъ окна и двери. Все же будетъ лучше, чѣмъ если онъ самъ возьмется за эту работу. Работа скучная, я знаю, но возьмись за нее, я не говорю по старой дружбѣ, а по старой привычкѣ жить вмѣстѣ, дѣйствуя иногда врознь и иногда не переставая спорить другъ съ другомъ, но вмѣстѣ и уважать другъ друга. Такая привычка, образовавшаяся не въ мірѣ пошлостей, а высшихъ человѣческихъ интересовъ, стоитъ дружбы.

Дѣло вотъ въ чемъ. По немногимъ листамъ, присланнымъ мною тебѣ, ты еще не можешь, отнюдь не можешь судить о предполагаемой мною книгѣ. Подожди немного; на дняхъ я пошлю тебѣ, больше листовъ, и когда понятіе твое окончательно составится, ты скажешь мнѣ, что ты можешь, что ты хочешь сдѣлать, какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріально-административномъ отношеніи въ пользу появленія этой книги. Работа, если ты за нее возьмешься, будетъ отчасти тяжелая, но съ другой стороны и не лишенная интереса. Читая мое писаніе, ты можетъ быть возгоришься благороднымъ рвеніемъ, отчасти негодованіемъ и рѣшишься предпослать ему Préface, не ругательное, разумѣется, и не абсолютно отрицающее,—тогда бы нужно было напечатать его особенно,—одобряющее отчасти, а отчасти протестующее. Я бы отвѣчалъ въ Post-préface, а Огаревъ въ jury d'honneur,—произнесъ бы свой приговоръ. Книга выйдетъ пожалуй странная, нѣчто въ родѣ „Notre Dame de Paris“, не Гюгоская, а парижская, но все-таки интереснѣе и значительнѣе произведеній напомаженнаго радикализма и приличнаго

соціализма. Если bourgeois отъ нея отворотятся, то работники станутъ читать, за это я отвѣчаю. А для меня этого будетъ достаточно, потому что для меня, повторяю еще разъ, нѣтъ другой публики.

Прощай и отвѣчай покамѣстъ черезъ Огарева или въ Lugano, poste restante; потомъ пришлю адресъ.

Твой М. Бакунинъ.

Въ близкое движеніе въ Парижѣ и во Франціи не вѣрю и отнюдь его не желаю. А ты пожалуйста напиши поподробнѣе, что тамъ дѣлается. Какъ тебѣ понравился Рей? Онъ славный человѣкъ. Только все еще виситъ между буржуазнымъ небомъ и рабочею землею, потому еще такъ много и занимается либерально-сатирическими протестами противъ неба.

А я радъ, что потѣшающій тебя В., хоть на то пригодился, что, благодаря ему, Лиза меня оцѣнила. Досадно, что Боткинъ умеръ, некуда будетъ плевать, развѣ въ его блудно лысую память.

Натальѣ Алексѣевнѣ жму дружески руку.

О нападкахъ Маркса и его приближенныхъ на Бакунина и Герцена послѣдній разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Нападки эти начались гораздо раньше столкновенія Бакунина и Маркса въ интернаціоналѣ, еще вслѣдъ за участіемъ Бакунина въ дрезденскомъ возстаніи. Герценъ говоритъ:

„Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Ж. Сандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую-то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунинъ тогда сидѣлъ, ожидая приговора, въ тюрьмѣ—и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученикомъ и сочувствующей ему массой.—Другъ Бакунина А. Рейхель написалъ въ Nohant къ Ж. Сандъ и спросилъ ее, въ чемъ дѣло? Она тотчасъ отвѣтила Рейхелю и прислала письмо въ редакцію Марксова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ; она прибавляла, что вообще никогда не говорила съ Ледрю-Ролленомъ о Бакунинѣ, въ силу чего не могла сказать и сказаннаго

въ газетѣ. Маркъ нашелся ловко и помѣстилъ письмо Ж. Сандъ съ примѣчаніемъ, что статейка о Бакунинѣ была помѣщена во время его отсутствія.... Черезъ годъ послѣ моего отъѣзда въ Лондонъ Марксова шайка еще разъ возвратилась на гнусную клевету противъ Бакунина, тогда погребеннаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ».

На этотъ разъ органомъ клеветы былъ англійскій журналъ „Morning Advertiser“, на который имѣлъ вліяніе Уркуардъ, сдѣлавшій себѣ спеціальностью защиту Турціи и обличеніе русскихъ интригъ противъ нея и доходившій до того, что объявлялъ и Маццини человѣкомъ, явно работающимъ въ пользу Россіи. „Однимъ добрымъ утромъ, говоритъ Герценъ, „Morning Advertiser“ вдругъ поднялъ вопросъ: „Былъ ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ?“ Само собою разумѣется, „М. А.“ отвѣчалъ на это положительно. Въ 1859 г., во время итальянской войны, по словамъ Герцена, «красный Маркъ избралъ самый черножелтый журналъ въ Германіи, „Аугсбургскую Газету“, и въ ней напечаталъ (анонимно), что Герценъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной». (Сборникъ посмерти. сочиненій, 59—71).

Разногласія между Бакунинымъ и Марксомъ начались, какъ мы видѣли, еще въ 40-е годы. Участіе Бакунина въ славянскомъ конгрессѣ 1848 г., не желавшемъ присоединенія австрійскихъ славянъ къ предполагаемой тогда германской имперіи, сдѣлало его крайне непопулярнымъ среди нѣмцевъ, полныхъ традицій 1848 г. (Acht-und vierziger). Но съ Герценомъ Маркъ даже никогда не встрѣчался. Поводомъ къ ненависти къ Герцену нѣмецкой эмиграціи 50-хъ годовъ были его писанія о будущемъ значеніи славянскаго племени для торжества соціализма и несогласіе съ мнѣніями въ родѣ тѣхъ, какія высказывалъ напр. Арн. Руге,—что «Россія—одинъ грубый матеріалъ, дикій и неустроенный, котораго сила, слава и красота только отъ того и происходятъ, что германскій геній придалъ ей свой образъ и подобіе» (тамъ же, 59).

LIV.

16 ноября 1869. Locarno.

Твое извѣстіе (о болѣзни въ семьѣ Герцена) поразило меня какъ громомъ . . . . . .

Ради Бога, напиши мнѣ скорѣе и подробно все, что знаешь, и гдѣ теперь Герценъ? A propos, прошу тебя,

попроси Герцена, если только онъ пріѣхалъ въ Италію и взялъ съ собою мою рукопись, а главное печатные матеріалы, къ ней приложенные, чтобъ онъ собралъ ихъ порядкомъ и прислалъ бы мнѣ ихъ на адресъ Angelo Bettoli, Locarno или еще лучше это мой другой адресъ: alla Signora Vedova Teresina, per la signora Antonia—Locarno. Пожалуйста, не забудь ему написать объ этомъ. А вотъ посылаю тебѣ два письма, полученныя мною изъ Россіи. Признаюсь, что одного совсѣмъ не понялъ, понялъ только, что недовольны твоимъ пакованьемъ и просятъ пріостановить посылку недѣли на двѣ. А изъ второго заключилъ, что N. должна скоро пріѣхать въ Женеву. Оба письма стоятъ $1^1/_2$ фр. payables à Montchal, которые прошу тебя доставить послѣднему, т. е. Моншалю чрезъ Перона. Ты можетъ быть лучше поймешь оба письма, а когда поймешь, напиши. Напиши вообще все, что знаешь о нашихъ друзьяхъ въ Россіи и о недрузьяхъ въ Женевѣ. Посѣщаютъ ли тебя Perron и Rolin? А О—овъ пишетъ мнѣ, что Dombrowski, польскій конезодъ, бывшій молодецъ, товарищъ и другъ нашего Потебни, арестованъ въ Парижѣ, сидитъ въ Мазасѣ, вслѣдствіе доноса и требованія русскаго посольства съ одной стороны, а главное, вслѣдствіе письма, полученнаго имъ изъ Петербурга, въ которомъ говорится о какомъ-то паспортѣ въ такихъ выраженіяхъ, что истолковали въ смыслѣ фальшивыхъ асигнацій. Вишь какая трогательная дружба между высокими правительствами! Напиши мнѣ, Огаревъ, поскорѣе. О мщеніи не думай. Такимъ людямъ, какъ скотъ Р—і, не мстятъ, ихъ просто бьютъ. Думай о революціи, объ этомъ всеобщемъ и поголовномъ возмездіи—и дастъ намъ обоимъ судьба случай, какъ хочетъ, кончить смертью Самсона.

Твой М. Б.

LV.

16 ноября 1869 г.

Мой милый Огаревъ. Получилъ Конта. Спасибо. Получилъ также и твои два письма. Отвѣчаю за разъ на оба. Ты, мой другъ, напрасно предаешься унынію и, ковыряя въ своей душѣ, находишь въ себѣ разныя гадости. Нѣтъ сомнѣнія что всякій безъ исключенія, кто захочетъ въ себѣ ковырять такимъ образомъ, найдетъ много неприличнаго. Всякій, кто прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, долженъ со вздохомъ повторить русскую прибаутку:

„Кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ царемъ не виноватъ!“

Но зачѣмъ предаваться излишнему ковырянью своего прошлаго, своей души? Вѣдь это также занятіе самолюбивое и совершенно безполезное. Раскаяніе хорошо, когда оно можетъ что измѣнить и поправить. Еслижъ оно этого сдѣлать не можетъ, то оно не только что безполезно, а вредно. Прошедшаго не воротишь. Не каяться и не жалѣть мы должны, а собрать все что у насъ осталось отъ нашихъ прошедшихъ ошибокъ и бѣдъ, силы, ума, умѣнья, здоровья, страсти и воли и сосредоточить все это для служенія одной любимой и послѣдней цѣли,—а наша цѣль съ тобою революція. Зачѣмъ спрашиваешь, увидимъ ли мы ее, или не увидимъ. Этого никто изъ насъ не отгадаетъ. Да вѣдь если и увидимъ, Огаревъ, намъ съ тобою не много будетъ личнаго утѣшенія,—другіе люди, новые, сильные, молодые,—разумѣется не Утины,—сотрутъ насъ съ лица земли, сдѣлавъ насъ безполезными. Ну, мы и отдадимъ имъ тогда книги въ руки. Пусть себѣ дѣлаютъ, а мы ляжемъ и заснемъ молодецкимъ сномъ непробудимымъ. А теперь мы еще несомнѣнно полезны. Такъ, не ковыряя безполезно въ себѣ, обходять съ самими собою, какъ съ инструментами попорченными и отчасти разбитыми, съ которыми надо об-

ходиться знаючи и умѣючи,—а кто же знаетъ ихъ лучше насъ самихъ,—не требуя отъ себя невозможнаго, для насъ недосягаемаго, не приходя въ отчаяніе отъ своихъ слабостей, но умѣряя постоянно и по возможности послѣднія,—соберемъ же мы всю свою силу, все умѣнье, всю страсть благодаря богамъ, въ насъ еще не умершую, и будемъ дѣлать, дѣлать до послѣдняго издыханія. Вотъ наша жизнь съ тобою, Огаревъ; а для того, чтобы намъ было обоимъ теплѣе, свяжемъ ихъ тѣснѣе, Огаревъ. Вѣдь и двѣ старыя жизни, прижавшись другъ къ другу, могутъ дать свѣтъ и тепло и породить силу.—Хочешь? Я готовъ.

Если у Marie чахотка, пусть она только себя бережетъ. Въ ея лѣта можно жить съ чахоткою долго. А можетъ быть и не чахотка. Пусть только себя бережетъ она a very good lady.

Ты въ кабакъ ходи, да только въ мѣру. Ты не родился анахоретомъ, аскетомъ,—никогда не былъ и никогда не будешь имъ,—a chessez le naturel il revient au galop. Только въ мѣру. Эхъ, братъ, въ мѣру кажется вся тайна.

Не удивляйся, что О—овъ тебя любитъ. Я свидѣтель, что онъ и она тебя отъ души полюбили. Не пренебрегай имъ. Онъ сангвиникъ, иногда легкомысленъ и неосторожень, но полонъ жизни, энергіи, ума и славной воли. Онъ искренно преданъ и можетъ быть при случаѣ чрезвычайно полезенъ. Такъ ты побереги и приласкай его.

Я радъ также, что и Жуковскій къ тебѣ льнетъ. Повѣрь мнѣ, у этого человѣка сердце золотое, любящее, преданное. Онъ готовъ отдать послѣднее другому. Характера нѣтъ,—онъ слишкомъ мягокъ, впечатлителенъ, ищетъ впечатлѣній и любитъ производить ихъ, но онъ уменъ, быстро и хорошо понимаетъ. У него натура совершенно артистическая, ты приласкай его и привяжи его къ себѣ сколько возможно. Свяжи его такъ, чтобъ онъ совсѣмъ принадлежалъ намъ. Это будетъ полезно и это возможно. Для этого, отнюдь не довѣряя ему никогда серьезныхъ секретовъ, довѣрь ему съ самою большою тайною нѣ-

сколько маленькихъ въ сущности, но повидимому весьма важныхъ, напр., что я въ Луганѣ, что я далъ тебѣ право сказать ему это съ просьбою, чтобъ онъ не говорилъ никому, исключая его женѣ, Адѣ, которая между прочимъ, увѣряю тебя, единственная женщина знакомая мнѣ, которую я не задумался бы принять въ самое тайное дѣло. Она умна, чрезвычайно умна, благородна до донкихотства, молчалива и вѣрна какъ гробъ, — и очень, очень не демонстративна, — совершенно противоположный характеръ сестры,—къ тому-жъ она мила до чрезвычайности, остроумна, наблюдательна, все видитъ, все мотаетъ себѣ на усъ и въ себѣ смѣется. Она одна осталась свободною отъ Утинскаго обаянія, которому гаремно (въ нравственномъ смыслѣ этого слова) поддались всѣ другія бабы. А онъ какъ пѣтухъ между ними, пѣтухъ фразерски революціонерствующій и играющій въ диктатуру.

Утина надо непремѣнно уничтожить. Онъ самолюбиво злостно-мѣшается во все и сколько можетъ мѣшаетъ всему. А у него есть деньги и бабы.

Привязавъ къ себѣ Жуковскаго, ты будешь знать все, что тамъ замышляемо и дѣлается,—а это необходимо. Скажи Жуковскому, что я всегда говорилъ тебѣ о немъ съ любовью и довѣріемъ.

Другъ мой, мы старики, поэтому мы должны быть умны; у насъ нѣтъ болѣе юношескаго обаянія. Но зато есть умъ, есть опытъ, есть знаніе людей. Все это мы должны употребить на служеніе дѣлу.

Твой М. Б.

Николай Утинъ велъ въ это время борьбу противъ Бакунина и его Alliance и скоро затѣмъ сталъ собирать матеріалы, послужившіе основой для брошюры „Alliance Universelle Socialiste“, вслѣдствіе которой Бакунинъ былъ выключенъ изъ „Междунар. Общества Рабочихъ“, въ которомъ нравственное главенство принадлежало Марксу.

LVI.

23 ноября. Локарно.

Мой милый Ага. Мнѣ всегда приходится отвѣчать тебѣ на два письма; но это происходитъ оттого, что я долженъ написать всякій день не одно, а два, три, четыре письма. Вчера я сосчиталъ число моихъ корреспондентовъ и насчиталъ ихъ 44, изъ которыхъ девятнадцати я пишу по крайней мѣрѣ разъ, а иногда два и три раза въ недѣлю, шестерымъ непремѣнно два раза въ мѣсяцъ, а остальнымъ не менѣе раза въ два мѣсяца.

Прежде всего объясню тебѣ исторію 13 франковъ. Передъ самымъ отъѣздомъ я встрѣтилъ портного, которому въ самомъ дѣлѣ за починку долженъ 13 фр. Но отдать ему я ихъ не могъ, потому что отдалъ Перону въ займы 200 фр., которые ему были необходимы для расширенія своей мастерской, ради вступленія въ нее Rolin какъ aprenti. Ты можетъ быть не знаешь, что Rolin, не видя передъ собою уроковъ, рѣшился вступить работникомъ въ мастерскую Пероновъ—peinture sur émaille—и, по словамъ Перона, такъ хорошо рисуетъ, что недѣли двѣ по вступленіи будетъ зарабатывать не менѣе 5 фр. въ день. Итакъ Перонъ взялъ у меня для устройства этого дѣла 200 фр. съ обѣщаніемъ выслать мнѣ ихъ къ 1-му ноября, что онъ впрочемъ и исполнилъ. Отдавъ ему эти деньги, я сохранилъ у себя въ обрѣзъ сумму, необходимую для путешествія и для перваго устройства, такъ что, когда встрѣтился съ законнымъ требованіемъ портного, не могъ ему дать ни единой копѣйки. Въ недоумѣніи я отослалъ его къ Тхоржевскому, просто для того, чтобы выиграть время, съ намѣреніемъ написать тебѣ и Перону, только что пріѣду на мѣсто, чтобъ ты взялъ 13 фр. у Перона и отдалъ ихъ Тхоржевскому. Пріѣхалъ да и совсѣмъ позабылъ. Какъ сказано, 200 или вѣрнѣе 179 фр. отъ Перона получилъ. Да за одну пере-

сылку вещей долженъ былъ заплатить вчера 51 фр., да за permission de séjour 11 фр., да за мѣсяцъ квартиры впередъ 55 фр., да дѣвушкѣ 15 фр., да за разныя съѣстныя и хозяйскія издержки 36 фр. съ чѣмъ-то, такъ что у меня въ карманѣ осталось 10 фр. съ чѣмъ-то. Ты понимаешь, что съ этимъ я отослать тебѣ теперь 13 фр. не могу. Мало того, я хочу попросить тебя купить мнѣ фунтъ, а если можно два фунта чаю и прислать по почтѣ. Здѣсь чаю нѣтъ, а безъ чаю русскому человѣку жить нельзя.

А теперь поговоримъ о книгѣ Станкевича о Грановскомъ. Я эту книгу видѣлъ и даже перелистывалъ, проѣздомъ въ Бернѣ, у Рейхеля. Самъ Александръ Станкевичъ, бывшій ученикъ Рейхеля, прислалъ ее Марьѣ Каспаровнѣ. Magié была въ негодованіи, да и было отчего. Меня книга не удивила. А Станкевичъ узенькій, мизерненькій, грязненькій идеалистъ,—чѣмъ болѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что на свѣтѣ нѣтъ ничего грязнѣе идеалистовъ. И Грановскій также былъ идеалистъ, не грязный, — это правда; — онъ былъ слишкомъ благороденъ и слишкомъ другъ Николая Станкевича, чтобы грязь могла когда-либо до него коснуться. Но въ немъ не было ни одной капли реальной Дидеротовской и Дантоновской, реально-человѣколюбивой крови. Онъ жилъ и умеръ въ доктринѣ и въ сантиментально-гуманистической фикціи. Онъ любилъ гуманность, но не живыхъ людей. Какъ всѣ доктринеры и идеалисты, онъ, самъ того не сознавая, презиралъ, во имя націи и во имя изящной гуманности, глупую, не научную, и не изящную толпу, черный людъ. Поэтому онъ долженъ былъ быть отъявленнымъ врагомъ соціализма и вѣрующимъ въ жизнь другую, въ которой, вѣроятно, онъ думалъ, толпа будетъ имѣть случай поумнѣть и умыться. Я прочелъ нѣсколько писемъ его къ сестрамъ, къ кузинамъ,—что за прекраснодушіе, какое отвратительное хлопотанье о себѣ, о своей позѣ въ исполненіи de sa mission, что за несносно-изящное саморисованье въ идеалѣ какъ передъ зеркаломъ,—что за отвратительное, самолюбивое кокетство! И всѐ это на французскомъ діалектѣ,—

признакъ лжи. Вѣчныя хлопоты о себѣ, о своемъ счастьи, о своемъ несчастьи, о своей красотѣ, о своемъ достоинствѣ, о своемъ положеніи и о своемъ призваніи. Когда же ему было думать о живомъ, страждущемъ, попранномъ человѣчествѣ? Какая огромная разница, какая пропасть между нимъ и нашимъ русскимъ Дидеротомъ,—нашимъ неумытымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ — Виссаріономъ Бѣлинскимъ! Этотъ весь отдавался предмету,—Грановскій принималъ предметъ съ себя, дѣлалъ его своимъ украшеніемъ, своею изящною позою, а если предметъ въ немъ не укладывался, урѣзывалъ его, или совсѣмъ отбрасывалъ отъ себя. Какое отсутствіе реальнаго чувства и смысла были необходимы чтобы изволить ему писать такія письма къ Вердеру, къ Невѣрову т. е. къ тѣнямъ, къ бездушнымъ и ридикульнымъ фантомамъ. Станкевичъ (Николай) также увлекался одно время и тѣмъ и другимъ. Да, но только короткое время. Еще въ Россіи, прежде отъѣзда моего за границу, я получилъ нѣсколько писемъ отъ Станкевича изъ Берлина, въ которыхъ онъ преостроумно подшучивалъ надъ Вердеромъ, а на счетъ Невѣрова онъ ужъ былъ разочарованъ вполнѣ прежде отъѣзда своего за границу. Станкевичъ былъ идеалистъ, но самъ проклинавшій свой идеализмъ, самъ собою недовольный, въ то время какъ Грановскій былъ самъ собою доволенъ,—это явствуетъ изъ каждой строки его къ кузинамъ и сестрамъ, въ письмахъ къ которымъ онъ такъ женоподобно рисуется. У Станкевича умъ былъ широкій,—у Грановскаго ограниченный. У Станкевича былъ вѣрный смыслъ реальностей,—и если онъ умеръ полу-идеалистомъ, такъ только потому, что у него была чахотка, — самая идеальная болѣзнь въ мірѣ. Передъ гигантомъ Станкевичемъ Грановскій былъ изящный маленькій человѣкъ, не болѣе. Я всегда чувствовалъ его тѣсноту и никогда не чувствовалъ къ нему симпатіи.

Письма его насчетъ Герцена столько же глупы, сколько отвратительны.—Похороните его, друзья; онъ васъ не стоитъ. Будетъ одною пустою тѣнью въ памяти менѣе.

Марія Каспѣровна спросила меня, должна ли она или нѣтъ послать эту книгу Герцену. Я совѣтовалъ послать; послала ли нѣтъ, не знаю. А ты, Ага, Рейхелямъ напиши. Оба тебя искренно любятъ и Marie горюетъ о томъ, что не можетъ хоть на нѣсколько дней пріѣхать въ Женеву или хоть послать къ тебѣ Рейхеля.

Ну, что еще? Передай прилагаемую записку Жуковскому; ты скажи ему, что я въ Локарно, взявъ отъ него честное слово никому не говорить о томъ кромѣ жены его Ади, въ которую, какъ я ужъ тебѣ разъ писалъ, вѣра моя неограниченна. А вотъ и маленькая записка къ Henry. Ты пишешь, что онъ сдѣлался членомъ Alliance. Да онъ давно былъ имъ! Не сдѣлали ли его членомъ комитета? Было бы слишкомъ рано. Онъ еще очень зеленъ. Ты не говори ему, гдѣ я, и передай ему мою записку. Пусть онъ постоянно пишетъ мнѣ черезъ тебя, — разъ въ недѣлю, — такимъ образомъ я съ новой невинной стороны буду знать, что дѣлается въ созданной мною Alliance, въ необходимости которой я убѣждаюсь все болѣе и болѣе. А что дѣлаетъ вашъ французъ? Все остается порядочнымъ человѣкомъ?

Не вступилъ ли онъ въ Alliance?

Мой усердный respectfull and sympatyfull поклонъ Mistres Mery. Какъ ея здоровье теперь? Напиши.

Твой М. Б.

LVII.

16 декабря 1869. Locarno.

Письмо твое отъ 6 декабря получилъ. Оно запоздало немного благодаря снѣгу, завалившему всѣ горныя дороги. Ты позабылъ вложить въ конвертъ непоправленное письмо Гейнриха. Пришли мнѣ его, пожалуйста. Я въ самомъ дѣлѣ былъ все это время въ большихъ хлопотахъ. Пріѣхала Антося. Я ѣздилъ къ ней на встрѣчу въ Арона (Arona), первый итальянскій городъ, на концѣ Lago Maggiore, и прожилъ тамъ

два дня съ половиною въ страшномъ безпокойствѣ, все ожидая ее. Противу срока, назначеннаго мнѣ телеграммою изъ Неаполя, она опоздала два цѣлыхъ дня вслѣдствіе бури на Средиземномъ морѣ. Она ѣхала моремъ, дешевизны ради. Ее бѣдную порядочно раскачало. Вообрази себѣ ея положеніе: она на морѣ съ полуторагодовымъ ребенкомъ, съ восьмимѣсячною беременностью и съ замѣчательнымъ расположеніемъ къ морской болѣзни. Цѣлыя сутки провела она на пароходѣ въ Гаетѣ неподвижно и при страшной качкѣ. Она пріѣхала ко мнѣ измученная и больная. Ребенокъ ея также боленъ. Я насилу довезъ ихъ до Ароны. Теперь она отдохнула и маленькій сынъ ея также. Но недѣли черезъ 4, черезъ 3, можетъ быть черезъ 2, она должна родить. Ты понимаешь, что при такихъ обстоятельствахъ у меня голова идетъ кругомъ...

Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ финансовыхъ средствахъ.

Ты знаешь, что мнѣ заказанъ переводъ страшной книги Маркса — „Das Kapital“, — 784 страницы мелкой печати, — за 900 рублей, изъ которыхъ я уже получилъ впередъ 300 р., что мнѣ и позволило, расплатившись съ нѣкоторыми долгами, выѣхать изъ Женевы и устроиться здѣсь. Переводъ страшно трудный. Сначала я не могъ перевести болѣе трехъ страницъ въ утро, теперь дошелъ до пяти, надѣюсь скоро дойти до десяти. Тогда дѣло будетъ въ шляпѣ. Кромѣ этого я уговорился съ двумя друзьями: однимъ итальянскимъ депутатомъ, другимъ испанцемъ, которые будутъ присылать мнѣ ежедневно корреспонденціи изъ Италіи и изъ Испаніи; я буду переводить или скорѣе передѣлывать ихъ на русскій языкъ и посылать ихъ чрезъ N. N. въ русскіе журналы, дѣля и съ тѣмъ и съ другимъ барыши пополамъ. Маркса перевожу неустанно. Корреспонденціи жду.

Я излагаю тебѣ все это такъ подробно потому, что хочу просить тебя быть моимъ посредникомъ и поручителемъ передъ Герценомъ. Я хочу просить его, чтобы онъ мнѣ далъ въ займы не изъ своего кармана, а изъ фонда 800 фр., не вдругъ, а въ первый мѣсяцъ и какъ

можно скорѣе 300 фр.; во второй—200 фр., въ третій мѣсяцъ—150 фр. и въ четвертый тоже 150 фр.

По мѣрѣ того, какъ я перевожу Маркса, я посылаю или вѣрнѣе буду посылать по десяти листовъ перевода N. N. — такъ мы съ нимъ условились, — и весьма вѣроятно, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ мнѣ удастся перевести достаточно, чтобы дать мнѣ право требовать впередъ еще 300 руб. Тогда я не только не буду нуждаться въ остальныхъ 300 фр. за два послѣдніе мѣсяца, но буду даже въ состояніи выплатить если не всѣ 500 фр., взятые въ первые два, то по крайней мѣрѣ большую часть ихъ. Я говорю о 800 фр. для того, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ я буду обезпеченъ, а въ это время я несомнѣнно успѣю кончить весь переводъ.

Итакъ, Огаревъ, будь другомъ, помоги мнѣ выпутаться изъ труднаго положенія. Поручись за меня, а я постараюсь, чтобы твое поручительство не скомпрометировало тебя передъ фондомъ.

Отдалъ ли ты Жуковскому письмо, адресованное мною на его имя и посланное тебѣ въ томъ же самомъ конвертѣ съ моимъ послѣднимъ письмомъ? Странно, что онъ не отвѣчаетъ. Если не отдалъ, то пожалуйста перешли ему въ руки черезъ Гейнриха.

Прошу тебя, напиши мнѣ все, что знаешь о Герценѣ, и главное о Татѣ.

Вчера получилъ письмо отъ Квадріо, который спрашиваетъ меня о васъ обоихъ. Они также ничего не знаютъ о Zamperini. Гдѣ онъ и что онъ?

Вчера я прочелъ въ парижской „Liberté“, что съ княземъ Голицынымъ, connu par ses compositions musicales, — вѣроятно съ нашимъ, — случилось въ городѣ Козловѣ (Тамбовской губ.) несчастье. Воры, переодѣвшись монахами, были имъ приняты и убили его.

Прошу тебя, Огаревъ, читай слѣдующія журналы: прежде всего брюссельскіе: „L'Internationale“ и „La Liberté“, въ которыхъ разбирается самымъ серьезнымъ образомъ, à fond и съ полнымъ знаніемъ

дѣла твой любимый вопросъ о поземельной собственности, а также „Egalité“ и „Progrés“.

О Боѣ нашемъ также какъ и ты самъ, увы, мой другъ, не знаю ничего. Трепещу за него. Если ты что узналъ, ради всѣхъ святыхъ, поскорѣе напиши. Какъ зовутъ твоего русскаго, который тебя утѣшаетъ. Назови его,—здѣсь безопасно.

А что дѣлаетъ Утинскій политическій курятникъ? Неужели еще не вышелъ нумеръ „Народнаго Дѣла?“ А если вышелъ, пришли.

Свои манускрипты и всего Конта получилъ. Спасибо. Merie просто за меня обними.

Твой М. Б.

LVIII.

17 декабря 1869. Locarno. Casa. della Vedova Pedrozzini.

Мой добрый Ага. Обязуюсь передъ тобою честнымъ словомъ, а также и глубокимъ уваженіемъ моимъ къ твоему отношенію къ Герцену, выплатить безъ задержки фонду все, что фондъ дастъ мнѣ взаймы. Повѣрь мнѣ, я не скомпрометирую тебя ни передъ фондомъ, ни передъ Герценомъ. Къ Гамбуци мнѣ теперь нѣтъ возможности обратиться...

...Итакъ мой другъ, поспѣши. Лишь бы мнѣ можно было получить 300 фр. дней черезъ 10, я буду доволенъ. Не то будетъ жутко.

...Мнѣ глубоко жаль Герцена, Natalie и тебя.— Васъ всѣхъ жаль. Да, не легко дается намъ жизнь! Ну, да ничего, пока живемъ, выдержимъ и до послѣдней минуты будемъ дѣлать свое дѣло.

Что дѣлаетъ и гдѣ нашъ милый, умный, благородный аватюристъ my boy? Ты пишешь, что онъ на дорогѣ въ Женеву, а я получилъ сегодня отъ N. N. письмо, въ которомъ поразила меня слѣдующая фраза: „Правда ли, что Неч. погибъ и, какъ гласитъ молва, съ отчаянія, что нигдѣ не находитъ участія своему дѣлу?“ Прошу тебя, мой другъ, напиши мнѣ подробно все, что тебѣ написали о немъ.

Спроси пожалуйста Жуковскаго, почему онъ мнѣ не отвѣчаетъ? По политическимъ ли или по простымъ причинамъ. Ужъ не потому ли, что говоря о приверженцахъ и приверженницахъ Утина, я весь этотъ міръ обозвалъ: „Утинскимъ политическимъ курятникомъ“?— или не пишетъ просто потому, что некогда, въ хлопотахъ, въ strugle for life? Мнѣ надо знать это. Въ письмѣ, переданномъ тобою ему, я его спросилъ, можетъ ли Адя на извѣстныхъ условіяхъ переписывать мой переводъ Маркса? Если можетъ, то я немедленно ей перешлю листовъ 10, а отъ меня ужъ требуютъ первыхъ листовъ, такъ что, не получая отвѣта отъ Жука, я самъ началъ ихъ переписывать. Спроси же, пожалуйста, и напиши.

Антося тебѣ кланяется и принимаетъ тебя какъ крестнаго отца во имя соціальной революціи.

Письма Гейнриха я не получилъ, а „Народное Дѣло“ получилъ. Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе. Отвѣчать на первый разъ не стану. Ну, а если привяжется въ другой разъ и надоѣстъ, отвѣчу, только не у него, а помимо его, такъ, что онъ не радъ будетъ, что зацѣпилъ. При случаѣ надо задавить этого скомороха.

Вчера я прочелъ въ „Liberté“, что нѣсколько булгаръ арестовали въ Константинополѣ. Между ними названъ и Raizeff, тотъ самый симпатичный молодой человѣкъ, который былъ у меня при Неч. и доставилъ намъ всѣ наши булгарскія связи. Имѣешь ли ты какія извѣстія о нихъ?

Прощай, пора спать ложиться.—Два часа ночи съ 16 на 17 Декабря.

Твой М. Б.

Мачу за меня обними, Туза поцѣлуй, а Гейнриху скажи, что такъ какъ письмо его пропало, то пусть онъ мнѣ напишетъ другое. Жуковскому поклонись. Пишетъ ли тебѣ О—овъ? и что пишетъ? Мацинисты или вѣрнѣе мациніяны опять готовятся къ весеннему возстанію.

LIX.

3 января 1870. Locarno.

Вотъ и до тебя добрался, другъ Ага. Прежде всего, спасибо за присланные 200 фр. Жду остальныхъ 100 фр., которые мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимы. Антося по словамъ бабки должна родить черезъ 2 или 3 дня, да къ тому-жъ сынъ нашъ боленъ.— Gastrica Verminosa — здѣсь повальная болѣзнь и серьезная болѣзнь. Вотъ ужъ девятый день, какъ мы съ нимъ возимся. Теперь, кажется, лучше. Но Антося страшно устала, возилась съ нимъ день и ночь, несмотря на то, что сама должна будетъ скоро лечь. Mais nous avons mis notre confiance dans la providence divine et cela nous console!

Поблагодари Герцена отъ меня. А все-таки мнѣ жаль, что онъ не согласился на мое предложеніе и на мою просьбу. Не согласился, разумѣется, потому, что по старой привычкѣ и на старыхъ дѣйствительныхъ основаніяхъ не вѣритъ въ мою настоящую работу. Жаловаться на него за это не стану, потому что не имѣю права. Прошедшее говоритъ за него. Къ тому-жъ скептицизмъ сталъ его натурою, а натуры не перемѣнишь. А все-таки жалъ. Я былъ бы свободнѣе въ отношеніи къ Герцену. Не то чтобъ мнѣ было тяжело взять у Герцена,—знаю, онъ дастъ отъ души и попрекать не станетъ. Но что я буду дѣлать въ будущемъ мѣсяцѣ? Вѣдь не опять же просить у Герцена. Къ счастью, что я жду именно въ этомъ мѣсяцѣ пріѣзда одного богатаго русскаго пріятеля и родственника. Авось слажу какъ-нибудь.

Посылаю тебѣ двѣ записки N. N. Изъ послѣдней ты увидишь, что пронесся слухъ, что и нашего Боя арестовали. Ты ничего не пишешь, никакихъ подробностей, а я вѣдь имѣю на нихъ право. Сядь и напиши все, что знаешь. Прошу тебя, другъ, сдѣлай это. Сердце обливается кровью отъ всѣхъ этихъ арестовъ,—и быть и оставаться въ такомъ безсиліи и въ такой без-

помощности, въ какой мы находимся. Неужели нашего Боя арестовали? Все напиши.

Вотъ тебѣ и письмо отъ О—ова, которое кружило, кружило и наконецъ дошло до меня.

А перевода Адѣ для переписки не пришлю. Самъ переписываю, или, скорѣй, стараюсь писать, переводя, такъ, что переписывать не нужно. Жуковскій рѣшительно не хочетъ отвѣчать мнѣ, значитъ мнѣ нечего возиться и съ Адей, которую отъ души люблю и уважаю. Но они оба живутъ въ Утинскомъ политическомъ курятникѣ, съ которымъ я ни прямо, ни косвенно не хочу имѣть дѣла, развѣ только когда придется порѣшить его.

Прощай и пиши скорѣе.

Твой М. Б.

Значитъ, что я письма Henry никогда не увижу. А Merie обнимаю.

LX.

4 января 1870. Locarno.

Вишь до какого года мы съ тобой дожили. Доживемъ ли до 89-го?

Спасибо тебѣ за 300 фр., присланныхъ мнѣ черезъ Огарева. Они мнѣ были очень нужны. Я теперь не одинъ съ женою, а еще съ однимъ, а на дняхъ буду и съ двумя дѣтьми . . . . . .

. . . Антося тебѣ и двумъ Натальямъ, Алексѣевнѣ и Александровнѣ, кланяется. Какъ здравствуютъ обѣ? Лизѣ, отдавшей мнѣ предпочтеніе передъ позитивистомъ и оптимистомъ В., отъ меня нижайшій поклонъ. А что братъ, нынѣ и вулканы что-то постарѣли, бушуютъ и не взрываютъ. Видно подъ землею огню много работы, а главное мѣста, а можетъ быть и огонь постарѣлъ или еще не возмужалъ. Впрочемъ, что касается до меня, я фейерверка не желаю. Въ настоящее время онъ бы принесъ удовольствіе только сотрудни-

камъ пробужденія и только нашему безсмертному другу (Badingué?) А вотъ что, Герценъ, когда ты прочтешь какую-нибудь интересную газету, такъ вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ нея неприличное употребленіе, если она въ какомъ-нибудь отношеніи интересна, присылай ее мнѣ или прямо на мой адресъ: Suisse, Canton de Tessin, Locarno (не Lugano, а Locarno на Lago Maggiore) Casa della Vedova Pedrazzini или Locarno. Signor Angelo Bettoli, per la Signora Stefania.

Особливо присылай мнѣ, разумѣется если можешь, прочитанные нумера рошфоровской „Марсельезы“. Я особенно прошу объ этомъ Наталью Алексѣевну, которая, я думаю, будетъ дѣлать это охотнѣе, а главное, регулярнѣе, чѣмъ ты. А я, братъ, перевожу экономическую метафизику Маркса, за которую получилъ ужъ впередъ 300 рубл. и долженъ получить еще 600. Читаю Philosophie Positive Конта и Прудона и въ рѣдкія свободныя минуты пишу книгу-брошюру объ упраздненіи государства.

Твой М. Б.

Бакунинъ перевелъ лишь начало „Капитала“.

Намеки о вулканахъ и пр. относятся къ тогдашнимъ стачкамъ во Франціи.

LXI.

7 января 1870.

И тебѣ, другъ, желаю всего лучшаго, возможнаго въ нашемъ положеніи и въ наши лѣта. Желаю и для тебя и для меня вмѣстѣ, чтобы слухи о нашемъ Боѣ оказались несправедливыми. Вѣдь это не въ первый разъ Л. мнѣ пишетъ, что пронесся слухъ объ его арестѣ. Тогда было несправедливо, можетъ быть и теперь пустой слухъ. А жаль другихъ молодцовъ, кто бы они ни были и къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали, даже къ Утинскому курятнику. Но та-

кихъ въ Россіи немного,—и всѣ названные Л. не только, не имѣли, но систематически не хотѣли имѣть съ нимъ ничего общаго. Отъ О—ва получилъ два письма. Онъ пишетъ, что французское правительство теперь дѣлаетъ безпрестанно обыски у поляковъ и что будто бы не прочь и помочь также въ розыскѣ русскихъ конспирацій. Онъ просилъ меня также, чтобы я написалъ Герцену и попросилъ бы его написать Мишле и испросить у него (Мишле) позволеніе для О—ова перевести его книгу (Le Fils), переводъ которой ему изъ Петербурга заказанъ. Я ему послалъ просто адресъ Герцена, который же не можетъ быть секретомъ. О—овъ слишкомъ занятъ работою и strugle for life, чтобы надоѣдать ему. Ты пожалуйста, братъ, О—ова не бросай. Людей преданныхъ у насъ мало, а онъ преданъ, не глупъ, при случаѣ рѣшителенъ, находчивъ. Богословъ плохой, но практикъ порядочный—и намъ пригодится. Только не своди его слишкомъ съ Жукомъ; пусть останутся врознь. Жука я люблю, онъ артистъ и за нимъ водятся разныя артистическія блохи, но у него есть сердце и много сердца. А кстати, заставляй его играть у себя. Онъ играетъ весьма порядочно на фортепьянахъ и играетъ охотно, а тебѣ будетъ пріятно; а съ О—овымъ все-таки не своди. Меня безпокоятъ его отношенія съ Утинскимъ курятникомъ. А Герцену я написалъ и поблагодарилъ его за 300 фр. Сынъ нашъ выздоравливаетъ, но за то Антося того и смотри свалится. Во-первыхъ страшно устала, день и ночь въ продолженіе 10 дней таскала на рукахъ до сихъ поръ единороднаго, а во-вторыхъ, должна не сегодня такъ завтра родить. А я прохожу цѣлую науку практической жизни. Перевожу теперь много и скоро, веду огромную переписку, читаю то Прудона, то Конта и задумываю и приступаю къ книгѣ объ низложеніи государства и всѣхъ государственныхъ порядковъ. Ты видишь, что, хотя я и можно сказать, политически совершенно одинъ, мнѣ не скучно. Скучать некогда. Все мое отдохновеніе состоитъ въ болтовнѣ съ Антосею за обѣдомъ и чаемъ и въ чтеніи журналовъ въ café. Я здѣсь читаю „Liberté“, „Journal de Genève“, „Presse“, „Gazeta di

Milano". Квадріо посылаетъ мнѣ „Reveil" и „Rappel" и „Unità Cattolica" и „Unità Italiana",—журналъ мацинистовъ. Кстати, кажется, что самъ старикъ опять въ Lugano. Я разумѣется не спрашиваю, такъ какъ я въ глазахъ у него опасный еретикъ, надѣлавшій много зла въ Италіи. Ну да еще читаю соціалистическіе . . .

(Конца нѣтъ).

LXII.

9 января 1870.

Милый Ага. Получилъ твои оба письма, а ты получилъ также и мое послѣднее безъ сомнѣнія. То, что ты пишешь о Боѣ, меня чрезвычайно порадовало. Теперь я начинаю вѣрить, что онъ уцѣлѣлъ. Но какъ я его увижу? Впрочемъ онъ молодецъ, захочетъ, такъ прійдетъ пѣшкомъ, а у меня для него постель и столъ всегда готовы.

Больше писать нечего и прошу тебя отдать прилагаемое письмо Жуку.

А ты, другъ Ага, не кути и Marie слушайся; ее обними, Туза поцѣлуй, Гейнриху поклонись.

Твой М. Б

LXIII.

12 января 1870.

Милые мои. Когда я получилъ вашу записку, я такъ прыгнулъ отъ радости, что чуть было не разбилъ потолка старою головою. Къ счатью, что потолокъ очень высокъ. Вотъ вліяніе добраго извѣстія: чуть было не поставилъ лишнюю запятую, въ честь питомца Погодина. Я самъ непремѣнно хочу видѣться съ Боемъ. Но самъ ѣхать рѣшительно не могу: во-первыхъ, извѣстная вещь, круглое безденежье,—при извѣстныхъ

Огареву обстоятельствахъ, еле еле свожу концы съ концами, а во-вторыхъ, если бы и были деньги, не могъ бы въ настоящую минуту отлучиться изъ дома въ ожиданіи съ часа на часъ происшествія, также извѣстнаго Огареву. И такъ буду ждать нашего Боя или скорѣй боевого сюда. У меня ждутъ его покровъ, постель, столъ и комната, а также и глубочайшая тайна. Пусть онъ пріѣдетъ или придетъ подъ чужимъ, напр. польскимъ именемъ. Здѣсь глушь полная, всѣ мнѣ преданы и никто безпокоиться и говорить не станетъ. Отсюда нѣтъ никуда ни слуховъ, ни сплетенъ. Такимъ образомъ были у меня ужъ и французы, и итальянцы, и испанцы и никто не обратилъ на нихъ вниманія. Итакъ жду нашего милаго боевого.

А Чернецкому скажи, что Исторію Мохнацкаго Антося дала читать Мрочковскому, что непремѣнно вытребуетъ ее у него, но что на это надо время.

А кстати, надѣюсь, что ты велѣлъ Чернецкому прекратить серьезнымъ образомъ нѣкоторыя печатныя вещи. Вѣдь ты замѣтилъ, что г-нъ Утинъ сдѣлалъ на насъ ни болѣе, ни менѣе какъ худо замаскированный доносъ. Таково впечатлѣніе О—ова и оно вѣрно.

Прощайте, жду Боя.

Вашъ М. Б.

LXIV.

23 января.

Огаревъ! Неужели это правда? Неужели онъ *) умеръ? Кажется, да. Твоя ужасная телеграмма ничего другого значить не можетъ,—и вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ, полученнымъ мною вчера, ничего другого значить не можетъ. Бѣдный ты! Бѣдныя Natalie обѣ! Бѣдная Лиза! Другъ, на такія несчастья словъ нѣтъ. Развѣ только одно слово: умремъ въ дѣлѣ. Если можешь, напиши хоть одно слово.

Твой теперь единственный старый другъ М. Б.

---

*) Ал. Ив. Герценъ. М. Др.

LXV.

5 февраля 1870.

Мой милый Ага. Твоя телеграмма темна. Venez de suite энергично; affaires commerciales допускаютъ отсрочку. Но я всетаки поѣхалъ бы сейчасъ, если бы была возможность. Прежде будущей середы, т. е. 9-го, я по разнымъ обстоятельствамъ выѣхать не могу. А главное, я не буду въ состояніи выѣхать прежде, чѣмъ вы не найдете средствъ выслать мнѣ 350 фр., необходимыхъ для того, чтобы я могъ оставить Антосю съ дѣтьми безъ долгу и хоть съ какими-нибудь средствами къ жизни. Откуда вы ихъ возьмете, не знаю. Но ты пойми, что я скованъ и связанъ, и что движеніе для меня при такихъ обстоятельствахъ невозможно. Жду твоего подробнаго письма, которое, надѣюсь, объяснитъ мнѣ твою телеграмму.

Твой М. Б.

LXVI.

8 февраля 1870.

Мой милый старый другъ. Я замедлилъ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо, потому, что нашъ Бой совсѣмъ завертѣлъ меня своею работою. Сегодня по его требованію и по немедленному полученію его письма написалъ наскоро статью о полицейскихъ услугахъ, оказываемыхъ иностранными правительствами русскому въ дѣлѣ разысканія мнимыхъ разбойниковъ, воровъ и дѣлателей фальшивыхъ бумажекъ. Эту статью надо вамъ будетъ по общимъ соображеніямъ исправить и передѣлать и отослать черезъ Перона Робену, который похлопочетъ о помѣщеніи ея. Но одной статьи мало. Настоящее положеніе русскихъ эмигрантовъ въ Европѣ налагаетъ на насъ обязанность, не теряя времени, употребить всѣ усилія для того, чтобы овладѣть

общественнымъ мнѣніемъ въ Европѣ; а то пожалуй насъ скоро выдадутъ всѣхъ, какъ воровъ и разбойниковъ русскому правительству. Вспомни, что мы и безъ того не слишкомъ хорошо стоимъ во мнѣніи буржуазной публики, которой мы подозрительны, ненавистны какъ соціалисты. Если мы будемъ долѣе молчать, то эта публика рада будетъ повѣрить, что мы въ самомъ дѣлѣ разбойники, фальшивые монетчики и воры, и правительствамъ иностраннымъ будетъ лафа насъ выдать. Молчаніе русской эмиграціи въ дѣлѣ Оболенской была большая ошибка, вина которой падаетъ впрочемъ вполнѣ на безпокойнаго жидовскаго мальчишку Утина. Мы этой ошибки возобновлять не должны. Поэтому вотъ что я вамъ предлагаю: составить формально бюро для постояннаго распространенія новостей изъ Россіи, а когда нужно полемикъ противъ официальныхъ и официозныхъ клеветъ, по всѣмъ иностраннымъ журналамъ: французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, и англійскимъ. Самое лучшее было бы выдавать разъ въ недѣлю литографическій листокъ и разсылать его редакціямъ всѣхъ главныхъ журналовъ, не требуя въ замѣнъ ничего кромѣ регулярной безплатной присылки этихъ журналовъ. Для этого будетъ необходимо разумѣется, чтобы Бой устроилъ постоянную кореспонденцію отъ комитета изъ Россіи, лучше той, которую онъ обѣщалъ устроить для „Колокола“, и не устроилъ. Но даже при недостаткѣ кореспонденцій достаточно чтенія русскихъ газетъ и разныхъ вздоровъ, печатаемыхъ правительственными агентами въ иностранныхъ журналахъ, для того, чтобы выдавать еженедѣльно такой листокъ. Я убѣжденъ, что такое дѣло сладить можно безъ большихъ издержекъ, которыя должны, разумѣется, платиться изъ фонда, если только будетъ серьезная и постоянная воля. Я убѣжденъ, что мы д о л ж н ы это сдѣлать. Я совѣтую вамъ составить это бюро слѣдующимъ образомъ: члены исполнители: Огаревъ, Жуковскій, жена его, милая Адя, которая будетъ намъ драгоцѣннымъ, умнымъ, дѣятельнымъ и какъ гробъ молчаливымъ помощникомъ, — и Перонъ. Не знаю, сошлись ли вы съ нимъ, друзья; если не со-

шлись, то сдѣлали большую глупость. Онъ заслуживаетъ полнѣйшаго довѣрія и окажетъ намъ, если вы только не оттолкнете его, огромную помощь во всѣхъ отношеніяхъ. Позовите же его на совѣтъ. Онъ молчаливъ и вѣренъ какъ гробъ. Члены кореспонденты: Александръ Александровичъ Герценъ и я. Устройте это друзья, повторяю еще разъ, мы должны, просто какъ русскіе, обязаны это сдѣлать и можемъ это сдѣлать легко, если только не потеряли способность хотѣть. Итакъ соберитесь, установите духъ, программу, манеру и матеріальныя условія листка и не расходитесь пока не рѣшите дѣла достаточно, для того чтобы стало дѣломъ. Кромѣ этого мы должны будемъ иногда подъ своимъ именемъ кореспондировать съ французскими, а иногда и съ другими журналами. Ты читалъ мое письмо въ „Marseillaise“ о Герценѣ. Бой пишетъ мнѣ, что ты ею доволенъ. Я буду продолжать, если „Marseillaise“ напечатаетъ первыя письма, на что крѣпко надѣюсь. Я просилъ Перона прочесть вамъ другую статью, которую я послалъ черезъ него и Robin въ „Rappel“ въ отвѣтъ какому-то князю Вяземскому, смѣвшему туда написать, что смертная казнь давно отмѣнена въ Россіи. Вяземскій будетъ отвѣчать разумѣется. Я оттреплю его снова. Но для этого мнѣ необходимы двѣ вещи. Во-первыхъ, чтобы ты, старый другъ, съ помощью Жуковскаго выписалъ мнѣ изъ послѣдняго нынѣ дѣйствующаго свода законовъ всѣ статьи, касающіяся присужденія смертной казни за такія-то и такія-то преступленія съ самою педантскою точностью. А во-вторыхъ, чтобы вы вмѣстѣ припомнили какъ можно болѣе фактовъ казни мужикомъ по военному суду за неповиновеніе и мнимое возстаніе, въ нынѣшнее царствованіе, начиная съ Антона Петрова, съ означеніемъ имени, губерніи, уѣзда, деревни и всевозможныхъ подробныхъ обстоятельствъ, чиселъ, мѣсяца, года. Я позабылъ всѣ эти подробности даже въ дѣлѣ Антона Петрова, не помню деревни. Знаю только, что въ Казанской губерніи и что палачомъ его былъ Апраксинъ, кажется генералъ адъютантъ. Однимъ словомъ, какъ можно болѣе фактовъ, подробныхъ, обстоятельныхъ и,

сколько можно, съ наименованіемъ палачей и жертвъ ихъ. И это мнѣ необходимо въ самое скорое время, потому что Вяземскій будетъ отвѣчать непремѣнно и, разъ начавъ полемику, я долженъ кончить ее побѣдоносно. И не успокоюсь я до тѣхъ поръ и никто изъ насъ не долженъ ложиться спать, пока мы не выживемъ изъ лучшихъ европейскихъ журналовъ всѣхъ этихъ подлыхъ писакъ о русскихъ и о Россіи. Но для этого я требую отъ фонда еще одной жертвы, а именно 35 фр., изъ которыхъ 15 прошу отдать немедленно Перону, который отошлетъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ, приложеннымъ здѣсь, письмомъ къ Robin въ Парижъ. Когда вы прочтете мое письмо къ Robin и вложенное письмо къ Reclus, вы узнаете, зачѣмъ. А 20 фр. должны быть присланы мнѣ. Я съ помощью здѣшнихъ знакомыхъ абонируюсь на „Rappel“ и на „Marsellaise“.—Три мѣсяца 32 фр.—я заплачу 20, они 12. По прочтеніи я буду вамъ посылать все интересное, а захотите буду посылать и всѣ цѣлые нумера. Вы такимъ же образомъ подпишитесь на „Reveil“ и по прочтеніи посылайте мнѣ. „Reveil“ читается и уважается всею демократическою, не соціалистическою публикою въ Европѣ. Онъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ представляетъ то же, что во время оно „National“. Онъ нашъ врагъ, но мы для русскихъ цѣлей должны непремѣнно овладѣть имъ,—и я намѣренъ сдѣлать это черезъ Elisée Reclus, а если Александръ Александровичъ знаетъ еще другую дорогу, пусть укажетъ и намъ поможетъ.

Александръ Александровичъ пишетъ по-нѣмецки какъ нѣмецъ. Пусть же, пока онъ въ Женевѣ, напишетъ нѣсколько статеекъ въ родѣ той, которую я вамъ сегодня послалъ, на счетъ полицейскихъ преслѣдованій, а Бой вмѣстѣ съ Жукомъ пусть снесутъ къ старику Бекеру, не говоря, разумѣется, кто писалъ, и они, разумѣется, сумѣютъ употребить его въ дѣло,—а Бекеръ знакомъ со всѣми кореспондентами въ нѣмецкіе и швейцарскіе журналы изъ Женевы. Пусть Герценъ напишетъ также статью на англійскомъ языкѣ и пусть отошлетъ какому-нибудь знакомому англичанину, или напр. Tabardin, но лучше англичанину, или наконецъ

пусть отошлетъ мнѣ, я пошлю своему пріятелю Степнею.

Но, друзья, спать не надо. Надо воевать, ибо грязная полицейская петербургская волна хочетъ потопить насъ.

Русскія подлыя вырѣзки изъ „Голоса“ отошлю завтра или послѣ завтра назадъ. Продолжайте посылать мнѣ все, что касается до Герцена и до нашего дѣла.

Прощай старый другъ,—и не теряя времени, отвѣчай,—а главное будемъ дѣлать.

Твой М. Б.

Наталью Александровну и Александра Александровича обними за меня—ихъ стараго друга.

LXVII.

21 февраля 1870.

Мой старый, милый другъ Ага. Спасибо тебѣ за то, что ты не разсердился на меня. Я буду вдвое любить и уважать тебя за это.

Вотъ тебѣ письмо къ Наталіямъ. Дай его прочесть Бою.

Думать нечего, старый другъ, надо переѣхать въ Цюрихъ. Я въ Женевѣ поселиться рѣшительно не могу. Ты самъ это знаешь и понимаешь. Но кромѣ того, въ Женевѣ теперь исполненіе предпринятаго нами дѣла рѣшительно невозможно. Надо въ Цюрихъ, а если не въ Цюрихъ, такъ въ Лугано.

Ты говоришь, что финансы твои плохи. Я и вѣрить не хочу, чтобы экономическія условія твои въ рукахъ Александра Александровича могли ухудшиться. Надѣюсь, крѣпко надѣюсь также, что обѣ Natalie согласятся переѣхать въ Цюрихъ, по крайней мѣрѣ младшая. Почему бы и M-me Мейзенбугъ съ Ольгою, —вашей великогерманской Jeanne d'Arc не переѣхать туда же,—я ее дразнить не стану,—мы всѣ подъ ста-

рость лѣтъ поумнѣли и научились сносить другъ друга. А главное нашего соединенія требуетъ русское дѣло, —значитъ, мы должны соединиться. А такъ какъ это въ Женевѣ невозможно, — соединиться въ Цюрихѣ или въ Луганѣ.

Мое дѣло кажется устраивается въ согласіи съ Боемъ и съ К°. Я сказалъ откровенно условія, на которыхъ могу весь отдаться дѣлу. Побѣдилъ ложный стыдъ и сказалъ все, что долженъ былъ сказать. Они были бы глупы, еслибъ не согласились на нихъ, и безсильны и неспособны, еслибъ не нашли средствъ къ исполненію всѣхъ условій, необходимыхъ для дѣла. Мы въ самомъ дѣлѣ поступали до сихъ поръ, какъ идеалисты, внутренними стремленіями, пожеланіями и рѣдко постною пропагандою. Кто хочетъ сдѣлать великое, тотъ долженъ много смѣть. Nous devons devenir des hommes d'affaire,—а не давать себя вязать и обрекать на безсилье безпомощностью и безденежьемъ,—мы должны создать средства. Иначе подадимъ лучше въ оставку и пойдемъ въ монахи. И такъ въ Цюрихъ, старый другъ. Кто не ребонокъ, не идеалистъ бѣлокурый, тотъ долженъ хотѣть всѣ средства, ведущія къ цѣли.

Твой М. Б.

Alea jacta est.

Ты пишешь, что получаешь „Марсельезу“ и „Rappel“. Какъ же ты не догадаешься, что надо присылать немедленно по прочтеніи и акуратно каждый день. „Rappel“ не нужно,—здѣсь есть,—а „Marseillaise“ необходима. Если нужно, чтобъ я отсылалъ назадъ, — напиши, буду отсылать акуратно.

Поступи.

Поздравляю съ предстоящею отставкою Милютина и замѣною его Васильчиковымъ княземъ въ военномъ министерствѣ. Это для насъ хорошо!

По планамъ Нечаева и Бакунина, который тогда былъ вполнѣ увлеченъ первымъ, центромъ заграничной агитаціи по «русскому дѣлу» долженъ былъ стать Цюрихъ. Тамъ долженъ былъ возобновиться и «Колоколъ», въ которомъ, кромѣ Огарева, должна была принимать участіе и старшая дочь Герцена (Нат. Ал., Тата) какъ представительница традиціи отца. Самому А. И. Герцену Нечаевъ съ перваго знакомства сталъ антипатиченъ.

LXVIII.

22 февраля 1870.

Милый старый другъ. Спасибо тебѣ за твое довѣріе. Дѣло довольно ясное. Они кажется не хотятъ ни возобновленія „Колокола“, ни участія твоей старшей въ русскомъ, въ твоемъ дѣлѣ. Съ высоты извѣстнаго благоразумія они рѣшили, что все это пустяки, безполезная трата денегъ, и заключили поэтому, что стремленіе Natalie младшей *) къ этому дѣлу,—вредная экзальтація, не понимая того, что, если она останется дольше въ ихъ безцѣльной, безвыходной и бездѣльной пустынѣ, она дѣйствительно можетъ сойти съ ума и что ея здоровье, столько же сколько и сердце ея, требуетъ, чтобы она жила съ тобою и помогала тебѣ. Ты надъ нею умничать не будешь и не помѣшаешь ей жить въ свою волю, а ей будетъ кого любить и что дѣлать. Для меня несомнѣнно, что, если она останется съ ними, она пропадетъ. На тебѣ лежитъ обязанность ее спасти и въ этомъ святомъ дѣлѣ ты долженъ показать гранитную твердость и говорить со всѣмъ принадлежащимъ тебѣ авторитетомъ. Но положивъ въ основаніе всѣхъ переговоровъ и переписокъ прямое и твердое заявленіе своей мысли и главное своей воли, ты вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, долженъ употребить и нѣкоторую хитрость: не ставь имъ вдругъ всѣхъ вопросовъ,—а то пожалуй ихъ запугаешь и они съ точки зрѣнія того же самаго золо-

*) Нат. Александровна, дочь Герцена, — которую теперь Бакунинъ называетъ старшей дочерью Огарева. М. Др.

того благоразумія, пожалуй, объявлятъ и тебя экзальтированнымъ или даже выжившимъ изъ ума. А потому ты настаивай сначала только на томъ, чтобъ твоя старшая пріѣхала къ тебѣ какъ можно скорѣе, немедленно, и напиши имъ, что ты такимъ образомъ самъ будешь въ состояніи убѣдиться, своимъ собственнымъ наблюденіемъ, а не на основаніи чужихъ разсужденій, что въ ней дѣйствуетъ: экзальтація или серьезная воля? Да напиши еще, что если въ самомъ дѣлѣ толкаетъ ее экзальтація то самое лучшее средство ее побѣдить и излѣчить не противорѣчить ей, а напротивъ удовлетворить, тѣмъ болѣе, что такое начало удовлетворенія, т. е. пріѣздъ къ тебѣ никоимъ образомъ не компрометируетъ и не связываетъ ея будущности. Противорѣчить въ высшей степени опасно и несомнѣнно самое вѣрное средство свести ее съ ума. Не надо быть глубокомысленнымъ психологомъ, чтобы знать, что всякое противорѣчіе только раздражаетъ, питаетъ и увеличиваетъ экзальтацію. Напротивъ, если она къ тебѣ пріѣдетъ, то, это первое невинное удовлетвореніе ея желанія успокоитъ ее, и если въ ней дѣйствуетъ экзальтація, то она исподоволь сама уляжется и минутныя стремленія, занимающія ее теперь, замѣнятся другими. Ты же ее ни къ какому дѣлу насиловать не станешь, въ чемъ они, зная твое глубокое уваженіе къ свободѣ каждаго и твою безконечную нѣжность къ милой старшей, должны быть увѣрены.

О „Колоколѣ“ ты имъ покамѣсть ничего не пишц, а требуй только неотступно выдачи всего фонда. Это не только твое право, но твой священный долгъ и передъ этимъ долгомъ падаютъ всѣ деликатности отношеній. Въ этомъ дѣлѣ ты долженъ выказать римскую строгость, быть Брутомъ.

А свою старшую дочь ты долженъ и ты только одинъ можешь спасти. Будетъ ли она потомъ въ состояніи, сохранитъ ли охоту заниматься русскимъ дѣломъ,—это увидится впослѣдствіи. Насиловать и натягивать ея мысль, ея волю насильственно, во имя абстрактнаго патріотическаго дѣла, въ ущербъ ея здо-

ровью и счастью, ты, разумѣется, не станешь,—это не въ твоемъ характерѣ. Я думаю, да и ты думаешь также, что она въ русскомъ дѣлѣ найдетъ для себя новую жизнь; они думаютъ противное. Будущее покажетъ кто правъ, кто нѣтъ. Но прежде всего ты долженъ спасти ее. Потому, Огаревъ, что для меня несомнѣнно, что если она останется съ ними, она сойдетъ съ ума. Ты долженъ освободить ее отъ ихъ несознательнаго, но инстинктивнаго эгоизма, скрывающагося передъ ними самими подъ личиною золотого благоразумія и ежедневной буржуазной мудрости. Неужели бѣдной и милой Татѣ не должно быть лучшаго исхода въ жизни, какъ сдѣлаться нянькою дѣтей Александра Александровича, или компаньонкою Натальи Алексѣевны, или товарищемъ истинно сумасшедшей вагнеро-германствующей Дѣвы Померанской, съ утѣшеньемъ рисовать картинки ins Blaue hinein?

И такъ, прежде всего, не ставя никакихъ другихъ вопросовъ ни о „Колоколѣ“, ни о русскомъ дѣлѣ, пусть она пріѣдетъ къ тебѣ и поселится съ тобою. У тебя она отдохнетъ и душою и, если нужно, умомъ. У тебя на полной свободѣ и внѣ всякихъ чуждыхъ вліяній она свободно рѣшитъ сама: какъ ей жить и что ей дѣлать.

Ты постоянно требуй ея пріѣзда къ тебѣ; а для того, чтобы они тебѣ не отказали, подъ предлогомъ, что и ты экзальтированный, сумасшедшій или выжившій изъ ума, ты прикинься самымъ благоразумнымъ человѣкомъ и напиши имъ не горячее патріотическое, а самое разсудительное и сколько можно скептическое письмо. Для нихъ скептицизмъ—мудрость. Въ этой мудрости умеръ нашъ другъ Герценъ. Кстати, если ты еще не отослалъ моего письма къ нимъ, можетъ быть будетъ лучше совсѣмъ не посылать его, а если ужъ хочешь отослать, такъ отошли такъ, чтобы оно прежде было прочитано Татою, а потомъ уже Натальею Алексѣевною. А то можно сказать навѣрное, что Алексѣевна не покажетъ его Александровнѣ, подъ предлогомъ, что

съ экзальтированными слѣдуетъ поступать какъ съ дѣтьми. Впрочемъ дѣлай, какъ знаешь и какъ хочешь.

Мой старый другъ, получилъ ли ты выписку изъ парижскаго журнала „La Presse“, посланную мною тебѣ 18-го. Тамъ говорится, что будто русское правительство требуетъ у швейцарскаго правит. выдачи какого-то Нечаева. Теперь времена такія важныя, что необходимо знать о каждомъ письмѣ, о каждой строкѣ, дошло ли оно по своему адресу цѣльно или нѣтъ? И потому прошу тебя отнынѣ немедленно отвѣчать на каждое письмо хоть двумя строками: письмо отъ такого то числа получилъ. Я буду дѣлать то же самое и, чтобы подать добрый примѣръ, говорю тебѣ: твои письма отъ 18-го и 19-го февраля получилъ, я же отослалъ тебѣ письмо 21-го, т. е. вчера.

Бой мнѣ писалъ 17 и требовалъ отвѣта въ Женеву, но сегодня получилъ другое письмо отъ 19-го вечеромъ, изъ котораго заключаю, что онъ еще не въ Женевѣ. Напиши, что знаешь.

А прилагаемое письмо, прошу тебя, пошли немедленно черезъ Гейнриха Перону. Да попроси его къ себѣ и перетолкуй съ нимъ о русско-швейцарскихъ дѣлахъ. Повѣрь мнѣ, Огаревъ, брось свои предубѣжденія противъ него,—и не смотри на его холодную, женевски-отталкивающую наружность,—подъ этой наружностью скрывается горячее, честное, твердое сердце.—Я его испыталъ въ продолженіе цѣлаго года на ежедневномъ дѣлѣ. Въ настоящую минуту особенно онъ драгоцѣненъ и если ты не будешь говорить съ нимъ довѣрчиво, ты сдѣлаешь непроходимую глупость.

Читалъ ли ты въ 8 нумерѣ „Progrès“ письмо Нечаева. Значитъ, онъ дѣйствительно существуетъ,—и странно, что оно напечатано въ томъ же нумерѣ, въ которомъ я высказываю сомнѣніе въ его существованіи. Да скажи же мнѣ наконецъ правду, знаешь ты его? Что бы тамъ ни было, этотъ нумеръ должно непремѣнно распространить и перепечатать и мою статью и это письмо во всѣхъ возможныхъ журналахъ швейцарскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ. Я именно пишу объ этомъ Перону.

Пусть онъ сходитъ къ Бекеру и переговоритъ съ нимъ для нѣмецкой пропаганды. А ты, милый другъ, возьми этотъ нумеръ, да умненько, осторожненько отошли Наталіямъ въ Парижъ—двумя способами: одинъ въ закрытомъ конвертѣ, а другой, внутри русскихъ газетъ подъ бандою—и требуй отъ нихъ, чтобы они немедленно черезъ своихъ знакомыхъ Reclus, Rey, Robin и др. заставили бы перепечатать во всѣхъ парижскихъ журналахъ, въ которыхъ только возможно (въ „Siècle“, „Reveil“, „Démocrate“, „Rappel“, „Avenir“, „National, etc. etc.“) двѣ статьи: 1) „La Police Suisse“. 2) Письмо Нечаева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли экземпляръ Talandier и напиши ему самъ и горячо попроси его именемъ старой дружбы, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы статья и письмо были перепечатаны въ англійскихъ журналахъ. Сдѣлай все это, не теряя ни минуты; я съ своей стороны не сплю.

Вотъ адресъ Talandier: Angleterre via Allemagne (это непремѣнно нужно, черезъ Францію пропало бы)

Alfred Talandier Esq.

g. R. M. C. Terrace-York-Town-Fernborò.

near London.

Твой М. Б.

Въ объясненіе странныхъ съ перваго раза нѣсколькихъ выраженій этого и одного изъ предыдущихъ писемъ о Нечаевѣ слѣдуетъ сказать, что одно время у Бакунина и Нечаева была мысль пустить слухъ, что никакого революціонера Нечаева не было никогда, а что это выдумка шуваловскаго III отдѣленія, подъ которою скрываются разные агенты-провокаторы.—Какъ ни странно, а нѣчто подобное послѣднему темновато говорилось и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вскорѣ послѣ студенческихъ волненій въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1869 г.

Во время этихъ волненій о Нечаевѣ говорили, какъ о студентѣ;—какъ доказательство этого ходило стихотвореніе Огарева „Студентъ“, напечатанное въ Женевѣ, которое должно было служить и знакомъ полномочія Нечаеву отъ Огарева, Бакунина и вообще, такъ сказать, династіи „Колокола“. Вотъ это стихотвореніе:

СТУДЕНТЪ.

(Посвящаю памяти моего друга Сергѣя Астракова).

Онъ родился въ бѣдной долѣ,
Онъ учился въ бѣдной школѣ,
Но въ живомъ трудѣ науки
Юныхъ лѣтъ онъ вынесъ муки,
Въ жизни стала годъ отъ году—
Крѣпче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

* * *

И гонимый местью царской
И боязнію боярской,
Онъ пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть кличъ по всѣмъ крестьянамъ
Отъ востока до заката:
Собирайтесь дружнымъ станомъ,
Станьте смѣло братъ за брата,—
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

* * *

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ—
Въ снѣжныхъ каторгахъ Сибири,
Но до тла не лицемѣренъ -
Онъ борьбѣ остался вѣренъ,
До послѣдняго дыханья
Говорилъ среди изгнанья:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Н. Огаревъ.

Мы имѣемъ передъ собою его оригиналъ, озаглавленный такъ: Студентъ (Посвящается памяти моего друга Сергѣя Астракова). На этомъ оригиналѣ написано рукою Бакунина:

Великолѣпно, а лучше бы, полезнѣе для дѣла было бы, если бы замѣсто памяти Астракова, ты посвятилъ это стихотвореніе „Молодому другу Нечаеву".

Не хладнокровно смотрю я, другъ мой, а потому что зная дѣло, боюсь испортить его постороннимъ, незваннымъ вмѣшательствомъ. Впрочемъ растолкую тебѣ все завтра,— пріѣдемъ къ тебѣ съ Робеномъ обѣдать.

Твой М. Б.

Стихотвореніе „Студентъ" съ посвященіемъ Нечаеву было отпечатано отдѣльными листками.

Что касается настояній Бакунина относительно „старшей дочери" Герцена, то надо сказать, что Бакунинъ въ это время

очень хлопоталъ, чтобъ она сблизилась съ Нечаевымъ и поступила въ его „русское революціонное общество“, давъ обязательство исполнять всѣ приказанія „русскаго комитета“, котораго представителемъ будто бы былъ Нечаевъ. Увѣщанія Бакунина поддерживалъ, хотя слабѣе, и Огаревъ. Для склоненія Наталіи А. Герценъ Бакунинъ устроилъ въ Женевѣ свиданіе ея съ Нечаевымъ, при таинственной обстановкѣ, въ его присутствіи. Н. А—на требовала прежде всего, чтобъ ей сообщили, какія же ближайшія цѣли имѣетъ названный комитетъ и что собственно онъ ей можетъ приказать дѣлать. Нечаевъ и Бакунинъ отказывались отвѣчать на эти вопросы и требовали безусловнаго и апріорнаго повиновенія комитету. Н. А. рѣшительно не согласилась на такое требованіе. Нечаевъ страшно сердился и назвалъ ее „кисейной барышней“. Бакунинъ же отечески укрощалъ его словами: „ну, ну,—тише ты, тигренокъ!“

LXIX.

23 февраля 1870.

Вотъ тебѣ, Ага, новая копія моего письма о Герценѣ въ „Marseillaise“—revue, épurée et francisée.

Но теперь прошу и требую, чтобъ ты поступилъ съ нею умно. А такъ какъ умъ хорошо, а два лучше, прошу тебя немедленно послать за Перономъ и съ нимъ порѣшить какъ переслать лучше.

Два пути:

1) Или ты пошлешь къ Наталіямъ съ горячею просьбою немедленнаго, вѣрнаго и умнаго собственноручнаго доставленія въ „Marseillaise“ черезъ акуратнаго и умнаго человѣка—не свистуна—Reclus, Rey, Robin или даже пожалуй Boquet.

А лучше пусть Перонъ немедленно напишетъ Robin, чтобъ онъ пришелъ къ Наталіямъ за письмомъ.

2) или Perron отошлетъ его прямо къ Robin для собственноручнаго доставленія въ „Marseillaise“.

Прошу тебя, поступи акуратно и умно и непремѣнно сообща съ Перономъ, которому ты переведи это письмо.

Ну, разумѣется, если Перонъ боленъ и прійти уже

никакъ не можетъ, тогда распорядись самовластно, только умно,—и помни, что ты мнѣ отвѣчаешь за эту копію, взявшую у меня вечеръ и утро,—своею старою головою.

Твой М. Б.

LXX.

29 февраля 1870.

Сейчасъ вышелъ отъ меня пріятель, пришедшій меня предупредить, что не сегодня, такъ завтра будетъ у меня обыскъ. По требованію федеральнаго правительства, тессинское кантональное правительство прислало сюда коммисара, чтобы искать у меня и арестовать г-на Нечаева, который, по показанію женевскаго Камперіо, долженъ будто бы скрываться у меня въ Локарно. Если имѣете прямыя или косвенныя отношенія съ Нечаевымъ, предупредите его.

1) Отъ Каравал. я получилъ только одно письмо въ концѣ сентября и отвѣчалъ въ октябрѣ только одинъ разъ, послѣ этого ни слуха ни духа.

2) Странная вещь! Огаревъ требуетъ отъ меня конца моего воззванія къ офицерамъ для напечатанія. Да я вѣдь послалъ вамъ этотъ конецъ въ застрахованномъ конвертѣ на адресъ Magie 29 января, ровно мѣсяцъ тому назадъ. Чтожъ это значитъ? Неужели у васъ бумаги затериваются. Предупреждаю, что я послалъ новаго писанія 52 стр. и послалъ бы гораздо болѣе, да теперь посылать болѣе не стану, пока не узнаю, что посылаемое получается съ толкомъ.

3) Я пріѣхалъ бы къ вамъ, пожалуй, и прежде назначеннаго срока, если бы были деньги и если бы я не былъ скованъ здѣсь долгами. Достаньте и пришлите мнѣ 350 фр., я тогда скоро пріѣду. Иначе пошевелиться не могу. Что-то фондъ кряхтитъ.

Завтра напишу болѣе; теперь спѣшу.

Вашъ М. Б.

LXXI.

29 февраля 1870.

Старый другъ Ага. Ты хорошо сдѣлалъ, что отдалъ мое письмо только одной младшей Natalie. Могу прибавить только одно: удержи ее у себя во что бы ни стало. Ты этимъ однимъ можешь спасти ее.

Что значитъ въ твоемъ письмѣ: „она спутешествуетъ“? Къ мистеру Воу что ли? Если такъ, такъ очень хорошо. При чемъ они и мы всѣ должны утроить осторожность.

Вотъ почему. Сейчасъ отъ меня вышелъ одинъ славный старичокъ, здѣшній житель, другъ Мацини и мой большой пріятель. Онъ меня предупредилъ, что сюда пріѣхалъ коммисаръ отъ тессинскаго правительства съ тѣмъ, чтобы у меня отыскать г-на Нечаева— и если онъ окажется, арестовать его, по приказанію федеральнаго правительства. Камперіо, твой пріятель, написалъ федеральному правительству, что этотъ г-нъ Нечаевъ другъ извѣстнаго соціалиста Бакунина и безъ сомнѣнія скрывается у него въ Локарно.

Любезный Ага. Окончаніе моего воззванія къ офицерамъ отослано давно (29 января) въ застрахованномъ конвертѣ съ письмомъ къ тебѣ и къ Невилю. Какъ же ты говоришь, что нѣтъ конца? Развѣ Невиль взялъ съ собою? Что за путаница у васъ? Ты спрашиваешь конца, который ровно мѣсяцъ тому назадъ къ тебѣ отосланъ на твой адресъ.

Смотри, чтобы не потерялись листы моего теперешняго писанія.—Я вамъ послалъ 13 листовъ (52 стр.). Пожалуйста, будьте акуратны. А то я писать перестану.

Да кстати, ты мнѣ ничего не написалъ о полученіи второй копіи моего большого письма въ „Marseillaise“ о Герценѣ, посланной тебѣ въ застрахованномъ конвертѣ съ письмомъ 23 февраля. Не сомнѣваюсь въ томъ, что ты его получилъ и распорядился умно, какъ я тебя просилъ. Только зачѣмъ не извѣщаешь о полученіи?

Жду отвѣта. Твой М. Б.

Позови къ себѣ Перона и разскажи ему содержаніе второй половины первой страницы этого письма.

LXXII.

2 мая 1870. Locarno.

Другъ Ага. Вчера только возвратился изъ Милана, гдѣ былъ задержанъ разными дѣлами. Вотъ почему не писалъ. А теперь пишу только нѣсколько словъ, а завтра напишу гораздо болѣе.

Какъ твое здоровье? Что дѣлаешь ты? Бросилъ ли пить? Право брось, усмири буйное сердце, дѣла ради для. А я къ вамъ скоро пріѣду.

До другого письма.

Твой М. Б.

My respects to Mistress Angel and a shake hands to friend Henry. Henry doit m'écrire une longue lettre et me raconter en détail tout ce qui s'est passé dans l'Internationale et dans l'Alliance et m'envoyer tous les No de l'Egalité qui ont paru en mon absence. Je compte sur lui.

Твой М. Б.

LXXIII.

3 мая 1870. Locarno.

Другъ Ага. Помнишь нашъ разговоръ о фондѣ, вечеромъ наканунѣ моего отъѣзда? Ты для своей собственной чести долженъ привести его въ порядокъ и надлежащую публичную ясность. Долженъ немедленно и, не откладывая день ото дня по своему обычаю, сдѣлать счетъ съ Чернецкимъ, если нужно, и написать подробно, что когда было выдано Русскому Комитету черезъ Н—ва, съ изложеніемъ исключительнаго права тебя и Герцена и по смерти Герцена тебя одного распоряжаться этимъ фондомъ и причинъ, побудившихъ

тебя и Герцена въ прошедшемъ году выдать изъ онаго часть Н—ву на русскую пропаганду, и по смерти Герцена побудившихъ тебя одного, какъ едино имѣющаго безконтрольное право, отдать весь остальной фондъ Русскому К—ту черезъ Нечаева. Вмѣстѣ съ тѣмъ ты долженъ объявить, сообразно истинѣ, что Бакунинъ на вмѣшательство въ распоряженіе фондомъ не заявлялъ никакихъ притязаній, не имѣлъ никакого права вмѣшиваться и никогда не вмѣшивался, а совѣтовалъ только тебѣ (что впрочемъ тебѣ и совѣтовать было не нужно, потому, что ты самъ имѣлъ тоже убѣжденіе) отдать весь фондъ Русскому Комитету чрезъ нашего друга Нечаева.

Боюсь, что составленіе такой большой записки, которая непремѣнно должна быть засвидѣтельствована Нечаевымъ и двумя свидѣтелями: О—овымъ и С—вымъ, и пожалуй даже и четырьмя: Татою и Жуковскимъ, если они только захотятъ, боюсь, что составленіе ея возьметъ у тебя много времени. И потому прошу тебя, старый другъ, дай предварительно О—ову и С—ву письменное объявленіе въ томъ, что я никогда не имѣлъ права вмѣшиваться въ распоряженіе и употребленіе Бахметьевскаго фонда. Это стало необходимымъ для моей чести. Противъ меня поднялось слишкомъ много клеветъ и мнѣ пора покончить съ ними. Безъ сомнѣнія С—овъ и О—овъ уже говорили тебѣ, что мы намѣрены сдѣлать. Помоги же имъ и мнѣ.

Твой М. Б.

Жду отъ тебя отвѣта на письмо, посланное мною 30-го апрѣля.

Пусть Marie пришлетъ мнѣ фунтъ чаю (à 4 fr. la livre) contre remboursement по почтѣ.

Нечаевъ отъ имени русскаго революціоннаго комитета, который, какъ теперь извѣстно, никогда не существовалъ, просилъ у Герцена и Огарева выдачи ему Бахметьевскаго фонда (25.000 фр.). Герценъ не желалъ имѣть никакого дѣла съ Нечаевымъ,—и согласился лишь часть фонда передать въ распоряженіе Огареву. Изъ этой части и дѣлались выдачи, о которыхъ говорится въ настоящемъ и нѣсколькихъ предыдущихъ письмахъ Бакунина.

LXXIV.

4 мая 1870. Locarno. Casa Pedrazzini.

Мой милый Ага. Врядъ ли мнѣ будетъ возможно пріѣхать къ вамъ прежде 15 мая., Но 15, т. е. черезъ полторы недѣли, буду непремѣнно. Дѣло въ квартирѣ. Нанялъ ли ее Перонъ или нѣтъ? Если нанялъ, начиная съ 1 мая, какъ обѣщалъ, ладно, еслижъ нанялъ отъ 15 мая, еще ладнѣе. Будетъ экономія 30 или 35 фр. Обо всемъ этомъ я пишу Гейнриху, которому прошу тебя передать прилагаемую записку. А также и о женщинѣ, о которой надо тебѣ и ему переговорить съ Marie. Я готовъ ее взять отъ 15 мая. Еслижъ она не хочетъ, надо будетъ искать другую попроще. Антося боится важныхъ дамъ. Но надо, чтобы эта или другая женщина встрѣтила насъ на квартирѣ, потому, что мы пріѣдемъ съ двумя дѣтьми и безъ дѣвушки. Ты видишь, сколько хлопотъ. Гдѣ тѣ времена, что взялъ мѣшочекъ и отправился изъ одного конца міра въ другой!

Ну, старый другъ, до скораго свиданія. Будете вы съ Marie приходить къ намъ часто чай пить, а мы васъ будемъ угощать дѣтскимъ концертомъ. Желалъ бы я только очень, чтобы квартиру намъ наняли за Carouge въ настоящей деревнѣ, если можно съ садикомъ, съ тѣнью и не далеко отъ воды, чтобы можно было купаться и обливаться, а главное недалеко отъ railway — сирѣчь отъ желѣзной дороги, никакъ не болѣе 10 минутъ, а если можно и менѣе.

Твой М. Б.

LXXV.

9 мая 1870. Locarno. Casa Pedrazzini.

Мой милый старый другъ. Я рѣшительно пересталъ васъ понимать. Изъ моихъ многочисленныхъ писемъ вы знаете мое положеніе, знаете, что у меня каждая

копѣйка разсчитана, что я не могу пріѣхать къ вамъ безъ семейства, потому что тогда мнѣ нужно бы было возвратиться въ Locarno, чтобы везти его въ Женеву. Одна Антося съ двумя маленькими дѣтьми безъ дѣвушки рѣшительно не въ состояніи ѣхать черезъ горы,— и это произвело бы лишнюю издержку въ 100 фр. Я васъ спросилъ телеграммою, можете ли вы, хотите ли вы пожертвовать ими? Вы мнѣ на этотъ вопросъ не отвѣчали, а сегодня я получаю отъ тебя опять телеграмму, которая зоветъ меня немедленно къ вамъ, и даже не на квартиру, которой видно никто не нанялъ,— а почему не нанялъ? вѣдь обѣщали,—а въ Hôtel. Не говоря даже, долженъ ли я пріѣхать съ семействомъ или одинъ? Но вѣдь я писалъ Бою, что пока я не получу всѣхъ денегъ, мнѣ будетъ невозможно выѣхать отсюда совсѣмъ. И еще еслибъ я имѣлъ хоть малѣйшее понятіе о дѣлѣ, на которое вы меня зовете. А то ни слова. Изъ вашихъ депешъ ничего не поймешь: grande affaire—assemblée—affaire de Boy.—donne moi le droit de voter pour toi. Чувствую, что у васъ переполохъ, но въ чемъ именно дѣло, не знаю. Какъ же я, не зная, поѣду? Вѣдь это, при скудости средствъ, заставляющей разсчитывать каждую копѣйку, съ моей стороны было бы глупо. Да почему же вы не напишете ни слова? Если бы я былъ убѣжденъ, что дѣйствительно мое немедленное присутствіе необходимо для спасенія дѣла или жизни, или чести одного изъ васъ, я бросилъ бы все и поѣхалъ; но я далеко не убѣжденъ въ этомъ и вы ничего не сдѣлали, чтобы меня въ этомъ убѣдить. А что было бы, если бы я засѣлъ въ Женевѣ безъ средствъ пошевелиться, а Антося съ дѣтьми безъ денегъ осталась бы здѣсь?

Вотъ почему, мой милый другъ, какъ мнѣ ни грустно и ни безпокойно оставаться здѣсь, зная, что у васъ происходитъ что-то недоброе, въ чемъ бы я могъ быть вамъ можетъ быть полезенъ, я останусь, пока не получу всѣхъ денегъ или по крайней мѣрѣ не получу письма, которое бы меня убѣдило, что мой долгъ, помимо всего и бросивъ все остальное, ѣхать къ вамъ. Покажи это письмо Бою и ради Бога пиши скорѣе.

Твой М. Б.

А между тѣмъ, если Перонъ на меня такъ разсердился, что не хочетъ искать квартиры, пусть Гейнрихъ потрудится, въ такомъ случаѣ, разумѣется, когда по новому положенію дѣлъ и по вашему разсужденію я долженъ буду совсѣмъ переѣхать въ Женеву и провести тамъ по крайней мѣрѣ лѣто. Я совсѣмъ сбитъ съ толку вашимъ молчаніемъ и не знаю болѣе, есть ли у насъ почва подъ ногами, есть ли дѣло? и средства для дѣла? Жду отвѣта?

10-го утромъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо. Отвѣчаю. Вижу изъ твоего письма, что собраніе было русское и всеобщее, эмиграціонное, такъ какъ на немъ участвовали Мечниковъ и Гулевичъ, но зачѣмъ, по какому вопросу оно собралось и какая нужда заставила, въ противность всѣмъ нашимъ закоренѣлымъ убѣжденіямъ, убѣжденіямъ, основаннымъ на чистой логикѣ и на горькомъ опытѣ, прибѣгнуть къ нему все-таки, не знаю? Могу догадываться, — вѣроятно, Утинъ поднялъ шумъ о фондѣ, —но рѣшительно не знаю ничего положительнаго. Вѣдь никто мнѣ не намекнулъ даже однимъ словомъ о томъ, что случилось въ моемъ отсутствіи и что могло васъ побудить къ такимъ необычайнымъ и шумнымъ мѣрамъ? Гдѣ Бой? Въ какомъ положеніи дѣло? Что дѣлается, что задумывается у васъ, ничего не знаю. Жду объясненій.

А на счетъ квартиры, мой милый другъ, мы непремѣнно должны жить въ деревнѣ, если не подлѣ Carouge, такъ въ другомъ мѣстѣ. Нужно ли мнѣ тратить много словъ, чтобъ объяснить и доказать тебѣ, что это необходимо для Антоси, *такъ необходимо, что иначе я не поѣду въ Женеву*. И такъ передай прилагаемую записку Гейнриху. Пусть онъ потеряетъ хоть цѣлый день на отыскиваніе квартиры, я заслужу ему.

LXXVI.

10 мая 1870. Поздно вечеромъ.

Милый Ага. Мнѣ все кажется, что я не объяснилъ тебѣ достаточно невозможность, на которую меня обрекаетъ денежная тѣснота. Я не могу выѣхать отсюда совсѣмъ, не заплативъ всего что здѣсь долженъ. Жена моя не можетъ ѣхать одна черезъ горы съ двумя дѣтьми и безъ дѣвушки. Не получивъ всѣхъ ожидаемыхъ денегъ, я долженъ бы былъ ѣхать къ вамъ одинъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ вернуться за нею,— лишняя издержка по крайней мѣрѣ въ 100 фр. Ѣхать въ Женеву вмѣстѣ не на квартиру, а въ отель, также имѣло бы непремѣннымъ послѣдствіемъ, не говоря о другихъ неудобствахъ для жены и для дѣтей, значительный лишній расходъ, а у меня все разсчитано такъ, что все въ обрѣзъ. Необходимое достается трудно, гдѣ же взять лишнее?

Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы объяснить тебѣ, почему намъ необходимо поселиться въ деревнѣ, а не въ самой Женевѣ. Эта необходимость объясняется главнымъ образомъ извѣстными тебѣ обстоятельствами. Антося рѣшительно не должна, не можетъ и не хочетъ жить въ самомъ городѣ, а согласилась ѣхать въ Женеву только подъ условіемъ, что мы будемъ жить въ деревнѣ. Я также съ своей стороны согласился и рѣшился переѣхать въ Женеву только подъ этимъ условіемъ. Теперь, мой милый другъ, скажу тебѣ, что не могу вѣрить, не могу допустить, чтобы не было возможности отыскать квартиру (4 комнаты, кухня со всею кухонною утварью и столовою и чайною посудою, съ бѣльемъ столовымъ и постельнымъ—три кровати—для Антоси, для дѣвушки и для меня) въ деревнѣ. Если невозможно очень близко, ну такъ подальше, такъ однако-жъ, чтобъ была возможность приходить или ѣздить за безцѣнокъ всякій день въ Женеву и возвращаться домой. Я просилъ Гейнриха пожертвовать и посвятить мнѣ одинъ день и поискать хорошенько. Если ему рѣшительно невозможно, то най-

мите человѣка за 5 или 4 фр. въ день, съ обѣщаніемъ двухъ лишнихъ франковъ, если найдетъ хорошо, напр. Линдегера. Но лучше бы Гейнрихъ.

Милый другъ, устрой мнѣ все это и поскорѣй да и напиши.

Когдажъ получу отъ васъ объясненіе вашихъ шарадъ и загадокъ? Какія у васъ ассамблеи, зачемъ ассамблеи? Что рѣшили? Какъ рѣшили? Гдѣ Бой? въ Женевѣ или нѣтъ? Въ чемъ теперь дѣло и какъ стоитъ или лежитъ оно? Что дѣлаетъ Тата? Что дѣлаешь ты? Какъ относится ко всему Жуковскій?—Пиши ради Христа.

Твой М. Б.

11 мая утромъ.

Сегодня опять отъ васъ ни строки. Да что вы въ самомъ дѣлѣ, мои милые, развѣ съ ума сошли? Требуютъ вотовъ, телеграфируютъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ и объ ассамблеяхъ и ни слова не напишутъ, чтобы хоть намекнуть въ чемъ дѣло. И вы хотите, чтобы я сломя голову, не зная зачѣмъ, бросивъ все, къ вамъ уѣхалъ и тѣмъ окончательно запутался бы и сталъ бы въ безвыходное финансовое положеніе. Не пошевелюсь съ мѣста, пока не узнаю въ чемъ дѣло.

Гдѣ Бой? Гдѣ Бой? Вотъ къ нему записка, которую прошу тебя немедленно передать или переслать ему.

Твой М. Б.

Квартиру въ деревнѣ—4 комнаты—кухня—утварь—посуда—мебель—и всякое бѣлье.

LXXVII.

НЕВИЛЮ.

11 мая 1870. Locarno. Casa Perduzzini.

Мой милый другъ. Чтожъ значитъ ваше молчаніе? Получили ли вы мои письма (отъ 2-го, отъ 4-го, отъ 6-го, отъ 9-го мая) и депеши (отъ 5-го, отъ 7-го)? Я ихъ послалъ по указанному вами адресу. Если полу-

чили, зачѣмъ не отвѣчаете. Вообразите же себѣ, что я ничего не знаю и не понимаю.

Отвѣчайте немедленно, прошу васъ. Гдѣ вы? Что вы? Что дѣло? Что К-нъ? Гдѣ его обѣщанный отвѣтъ? и главное зачѣмъ ассамблея?

Жду отвѣта.

М. Б.

Судя по письму отъ 14 іюня, можно догадываться, что Невиль—Нечаевъ. (?)

LXXVIII.

СОБОРНОЕ ПОСЛАНІЕ.

Четвергъ. 1870. Бернъ.

Мои милые друзья. Вотъ вамъ результатъ моихъ разговоровъ и дѣйствій въ Бернѣ. Во-первыхъ, я ни къ кому не ходилъ кромѣ Фохтовъ, потому что по общему совѣту это оказалось не нужнымъ. Адольфъ Фохтъ, опираясь на помощь и содѣйствіе Густава, взялся быть неутомимымъ и безпощаднымъ дѣятелемъ по дѣлу Н. и С.

Н. дѣло стоитъ такъ. Bundesrath Кнюзебекъ сказалъ Рейхелю, что федеральный совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не выдалъ бы и не выдастъ его, но что онъ не помѣшаетъ женевскому кантональному правительству выдать его, если оно захочетъ это сдѣлать. Эмиль Фохтъ говоритъ, что въ Швейцаріи ни на какое правительство разсчитывать не слѣдуетъ, что кантональное, равно и федеральное, безъ церемоніи выдадутъ его, лишь только онъ попадетъ въ ихъ руки. Адольфъ и Густавъ напротивъ полагаютъ, что послѣ состоявшейся огласки выдача сдѣлалась невозможною. Они требуютъ съ нашей стороны еще большей и самой рѣшительной огласки. Всѣ члены федеральнаго правительства опираются на томъ, что они ничего не знаютъ о Н. кромѣ того, что имъ предъявило русское посольство, преслѣдующее Неч. какъ обыкновеннаго преступника. Вслѣдствіе чего:

1) Всѣ требуютъ наискорѣйшаго распространенія и разглашенія моей брошюры, которую находятъ удачною. Пошлите немедленно экземпляровъ 20 Адольфу Фохту (Herrn Dr. Adolf Vogt. Spitallgasse. Bern). Онъ берется раздать и послать ее разнымъ вліятельнымъ людямъ.

2) Они вполнѣ одобряютъ протестъ русской эмиграціи, составленный Жуковскимъ и мною, говорятъ, что мы написали именно то, что слѣдуетъ написать, и требуютъ, чтобы онъ былъ посланъ какъ можно скорѣе федеральному совѣту, а потомъ и публикованъ. Но публикованъ позже, спустя нѣсколько дней по посылкѣ его федеральнымъ властямъ.

3) Адольфъ согласился и даже самъ предложилъ быть агитирующимъ и дѣятельнымъ бюро по дѣлу Неч. и С. для всей Нѣмецкой Швейцаріи. Поэтому проситъ. чтобы ему было выслано изъ Женевы въ числѣ 20 экземпл. по крайней мѣрѣ и безъ потери времени все, что будетъ напечатано по этимъ дѣламъ въ Женевѣ или гдѣ бы то ни было, а также чтобы его письменно извѣщали обо всѣхъ новыхъ обстоятельствахъ и фактахъ акуратно и безотлагательно.

4) Совѣтуетъ послать въ „Journal de Genève“ сжатый и офранцуженный расказъ С—ова, утверждая, что этотъ журналъ не можетъ отказаться его напечатать. Говоритъ, что это очень важно. Вполнѣ попробуетъ процессъ, начатый нами противъ полиціи по дѣлу С.

И такъ, друзья, пусть кто-нибудь изъ васъ, Огаревъ или Жуковскій, вступитъ немедленно въ дѣятельную переписку по обоимъ дѣламъ. Ко мнѣ также посылайте и пишите все. Адресъ заставьте подписать всѣхъ эмигрантовъ доброй воли. Упорныхъ каверзниковъ и резонеровъ оставьте въ сторонѣ, имъ же хуже, если не подпишутъ. А потомъ, переписавшись съ Фохтомъ, публикуйте этотъ адресъ или протестъ, по экземпляровъ 100 этого протеста, изъ которыхъ 20 Фохту, 10 мнѣ.

Буду съ нетерпѣніемъ ждать вашихъ писемъ и новыхъ извѣстій въ Локарно. Поспѣшите объявить въ „Journal de Genève“ о моей брошюрѣ.

Пошлите оной экземляровъ:

20 въ Бернъ книгопродавцу
30 въ Цюрихъ
20 въ Базель
10 въ Аргау
10 въ Солотурнъ
20 въ Люцернъ
30 въ Фрибургъ
20 въ Невштатель
20 въ Лозану
20 въ Лугано.

У О—ова адресы книгопродавцевъ.

Смотрите не дремлите и, не теряя времени, огласите и брошюрами, и газетными статьями, и частною перепискою, и громкимъ процессомъ швейцарскую срамоту.

Вашъ М. Бакунинъ.

LXXIX.

2 мая 1870. Locarno.

Здравствуй Ага, изъ Локарно. Эхъ братъ! Хорошо здѣсь! Тихо, мирно,—думай сколько хочешь и дѣлай на свободѣ. Нѣтъ ни Утинской грязи, ни Мечниковскаго краснорѣчія, ни Ж—скаго глубокомыслія, ни Э—ской мудрости, ни свозного вѣтра Ж—скаго. Нѣтъ, правда, и васъ, мои милые друзья. Но что же дѣлать! Всего не соединишь и лучше здѣшняя умная тишина безъ васъ, чѣмъ женевская грязь съ вами.

Надѣюсь, что вы получили мое соборное посланіе изъ Берна, посланное мною на адресъ нашего долговязаго друга и супруги его Сашеньки. Надѣюсь также, что вы исполнили съ точностью и надлежащею скоростью все, о чемъ я васъ просилъ, все, что вамъ съ общаго совѣта бернскихъ друзей рекомендовалъ. Повторяю тамъ сказанное:

1) Адольфъ Фохтъ взялся быть нашимъ дѣятель-

нымъ помощникомъ и составить родъ бюро по дѣлу Н.

2) Ему надо послать 20 экземпл. моихъ медвѣдей.

3) Нашъ адресъ, анонимно апробированный бернскими друзьями, долженъ быть какъ можно скорѣе подписанъ и посланъ федеральному совѣту и ПОСЛѢ того, нѣсколько дней спустя, посовѣтовавшись съ Фохтомъ, долженъ быть публикованъ.

4) Одинъ изъ васъ, лучше всего Жукъ, если онъ не отсталъ отъ дѣла и не отказался окончательно подписать адресъ,—если же не онъ, то старый Ага, долженъ вступить въ постоянную и регулярную переписку съ Адольфомъ Фохтомъ (Herr Doctor Adolf Vogt. Spitallgasse 178 Bern). Лучше всего, еслибы переписывался Огаревъ, если онъ можетъ взять на себя писать акуратно, обстоятельно и трезво и не будетъ посылать своихъ писемъ прежде чѣмъ они не будутъ прочитаны соборно. Адольфъ Фохтъ очень любитъ и уважаетъ тебя.

5) Посылать Фохту въ числѣ 20 экземл. все, что будетъ напечатано вами въ журналахъ или брошюрахъ по дѣлу С. и Н.

6) Мнѣ посылать также въ числѣ пяти экземпл. по крайней мѣрѣ, а если можно и болѣе, и писать мнѣ безотлагательно и какъ можно подробнѣе обо всемъ, что у васъ случается.

7) Принять мѣры для наискорѣйшаго распространенія моей брошюры въ Швейцаріи (Bern, Zürich Basel, Solothurn, Lucerne, Fribourg, Neuchatel, Lausanne, Bellinzona) и напечатать объявленія въ „Journal de Genève“.

8) Постараться, чтобъ безхитростный разсказъ С. былъ напечатанъ въ „Journal de Genève“.

Жду отъ васъ всѣхъ писемъ. Отъ тебя Ага, отъ О—ова и отъ нелитературнаго С. Буду отвѣчать скоро и аккуратно.

9) Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о нашемъ злостно преслѣдуемомъ другѣ и писемъ прямо отъ него.

10) Жду наконецъ отъ нашего комитета отвѣта, который долженъ окончательно опредѣлить всѣ мои по-

слѣдующія дѣйствія, предупреждая васъ, что я крѣпко стою за ультиматумъ, поставленный мною, и не иначе поѣду въ Женеву, какъ убѣжденный, что ѣду къ вамъ на возможное и прочное положеніе, какъ въ отношеніи къ самому дѣлу, такъ и въ отношеніи къ средствамъ существованія.

Ich bin zu alt um nur zu spielen.

10) Ага, попроси отъ моего имени Marie, чтобы она немедленно купила фунтъ чаю (à 4 fr.) и послала мнѣ contre remboursement по почтѣ, да не забудь, прошу тебя.

Твой М. Б.

LXXX.

14 іюня 1870. Locarno.

Мой милый Ага. Я тебѣ не отвѣчалъ на маленькую записку, написанную тобою по-французски и посланную мнѣ тобою безъ подписи, черезъ нашего кривого друга. Не отвѣчалъ также и на твой запросъ, хочу ли я взять квартиру и купить за дешево мебель кривого друга. Не отвѣчалъ потому, что думалъ, что два огромные пакеты, которые вы должны были получить въ то же самое время (оба застрахованные и заключавшіе въ себѣ письма къ Невилю и къ вамъ соборно), должны были быть достаточнымъ отвѣтомъ.

Прочитавъ всѣ мои письма, ты убѣдился, надѣюсь, что я долженъ былъ поставить всѣ упомянутыя въ нихъ и ясно опредѣленныя условія Невилю,—и что, разъ рѣшившись ихъ поставить ему, я не намѣренъ, не могу и не долженъ отступить отъ нихъ ни на шагъ. Теперь согласится ли онъ ихъ принять или нѣтъ, я думаю будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ того, захотите ли вы, найдете ли вы справедливымъ, полезнымъ и нужнымъ поддержать меня дружно или нѣтъ. Я сказалъ все, что умѣлъ, что могъ, чтобы убѣдить его и чтобы убѣдить васъ. Теперь мнѣ остается поэтому ждать его и вашего отвѣта. Если оба будутъ

удовлетворительны, если, выйдя сами изъ всѣхъ экивоковъ и недоразумѣній, которыми онъ было насъ всѣхъ опуталъ, вы мнѣ дадите обезпеченіе, что можно будетъ продолжать дѣло на основаніяхъ болѣе крѣпкихъ и болѣе истинныхъ, чѣмъ было до сихъ поръ,—а именно на основаніяхъ и на условіяхъ, мною вамъ соборно предложенныхъ,—тогда я поѣду, иначе нѣтъ. Что я буду дѣлать въ Женевѣ? Да и на какія средства поѣду къ вамъ? Я доведенъ теперь до крайней степени разоренія и безвыходности. Есть долги, а денегъ ни копѣйки, просто не на что жить. А что дѣлать? Всѣ переводныя предпріятія для меня сдѣлались невозможными, вслѣдствіе несчастной исторіи съ Л. Другихъ русскихъ знакомыхъ у меня нѣтъ. Однимъ словомъ, очень плохо. Я сдѣлалъ послѣднія усилія, чтобы разбудить милыхъ братцевъ. Проснутся ли? Не знаю. Буду ждать отвѣта.

Здѣсь плохо, а въ Женевѣ было бы вдвое плоше: дорожныя издержки и жизнь вдвое дороже, да наконецъ всѣ издержки, необходимо сопряженныя съ установленіемъ маленькаго, хоть самаго бѣднаго хозяйства. Гдѣ-жъ мнѣ думать о покупкѣ мебели нашего кривого друга, хоть за четверть цѣны?

Да наконецъ, я вѣдь тебѣ нѣсколько разъ повторялъ и письменно и словесно, что по разнымъ для меня и для Антоси важнымъ причинамъ, если я даже пріѣхалъ бы въ Женеву, то непремѣнно долженъ бы былъ поселиться въ деревнѣ.

Но, милый другъ, что и говорить объ этомъ? Всего вѣроятнѣе, что я останусь здѣсь. Нашъ Бой упоренъ, а я, когда разъ принялъ и высказалъ рѣшеніе, не имѣю привычки его мѣнять. Ergo, разрывъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ мой разрывъ мнѣ кажется неизбѣжнымъ. Если бы мы всѣ были одного мнѣнія и всѣ, неразрывно и дружно связанные, дѣйствовали за одно, мы, вѣроятно, успѣли бы побѣдить его упорство, или даже въ крайнемъ случаѣ, оставивъ его въ сторонѣ, поставить настоящее дѣло на настоящія ноги. Но развѣ существуетъ между нами такое единство мысли, чувствъ и воли? Сомнѣваюсь.

Во всякомъ случаѣ буду ждать здѣсь вашихъ отвѣтовъ на мои многочисленныя и безконечно большія письма и не пошевелюсь съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не убѣждусь совершенно, что меня зовутъ на настоящее дѣло, со всѣми дѣйствительными условіями дѣла, а не на новыя словопренія.

Пиши же скорѣе.

Твой М. Б.

LXXXI.

19 іюня. Воскресенье.

Мои милые. Сейчасъ получилъ депешу отъ Barni, извѣщающую меня, что все семейство ждетъ меня и что я скоро получу новую депешу, которая ужъ прямо позоветъ меня въ Женеву. Не позабудьте друзья, что я безъ денегъ. Здѣсь надо заплатить около 400 фр. и 150 фр. на подъемъ съ семействомъ. Гдѣ ихъ взять и куда пріѣду? Вѣдь нѣтъ квартиры. Все это гнило,—вездѣ рвется. Значитъ опять ѣхать одному, чтобы опять возвращаться за семействомъ,—значитъ опять издержать на одну дорогу впередъ и назадъ болѣе 100 фр? Обдумайте хорошенько, если дѣйствительно необходимо мнѣ быть у васъ, я, разумѣется, поѣду, займу денегъ и поѣду. Только, только смотрите, чтобы не по пустому. Жду скорѣе отвѣта.

Вашъ М. Б.

Къ тому-жъ Невиль мнѣ пишетъ, чтобы я ждалъ его письма,—и онъ хочетъ назначить мнѣ свиданіе. Что тутъ дѣлать?

Твой чай, Ага, я получилъ.

LXXXII.

РОСПИСКА БАКУНИНА.

Симъ свидѣтельствую, что взялъ сего 21 іюля 1870-го года, черезъ посредство Н. П. Огарева изъ фонда въ займы, четыреста пятьдесятъ франковъ, которые и обязанъ возвратить въ фондъ чрезъ три недѣли, не позже 15 августа сего года.

Михаилъ Бакунинъ.

Сего 21 іюля 1870.

Вскорѣ послѣ выдачи этой росписки вся остальная часть фонда была передана А. А. Герценомъ Огареву, по желанію послѣдняго, а Огаревъ передалъ ее Нечаеву. Вслѣдъ затѣмъ Нечаевъ разошелся съ Бакунинымъ и Огаревымъ. Кому собственно принадлежитъ инициатива разрыва, мы не знаемъ. Въ слѣдующихъ письмахъ говорится объ этомъ разрывѣ не мало.

LXXXIII.

28 іюля 1870. Локарно.

Ну, старый другъ. Вотъ я опять въ своемъ мирномъ Локарно и не выѣду отсюда, пока не вызоветъ меня настоящее дѣло. Всѣхъ своихъ нашелъ въ добромъ здоровьи и радъ, что съ ними. А тебѣ извѣстно ли, что Нечаевъ все-таки пробрался къ Talandier и что несмотря на всѣ наши предупрежденія, нашъ другъ принялъ его и представилъ Мрочковскому, который поспѣшилъ представить его иконокласту Bradlaugh и французу Dupont, члену Генеральнаго Совѣта Интернац. рабочей ассоціаціи. Я написалъ изъ Невшателя Talandier и Мрочковскому энергическія письма, сказалъ имъ всю правду и надѣюсь, что они постараются исправить ошибку. Пишутъ, что Нечаевъ хочетъ про-

должать въ Лондонѣ изданіе „Колокола“, котораго, видишь ты, не могъ продолжать въ Женевѣ послѣ появленія брошюры Семена С. Разспроси у Жуковскаго,— онъ тебѣ разскажетъ подробно все.

Чай получилъ. Большое спасибо отъ меня Marie и Henry. Я крѣпко принялся за работу. Ну, а ты, старый другъ, что дѣлаешь, какъ поживаешь? Что твоя русская община? Если узнаешь или прочтешь что интересное, особливо въ русскихъ журналахъ, пришли. Да присылай мнѣ русскую газету по прочтеніи,—я буду акуратно отсылать назадъ.

Прощай. Твой М. Б.

LXXXIV.

Pour Valérien.

24 іюля. Невшатель.

Любезный другъ. Ради бога не дури, т. е. не умничай, а слѣдуй нашему совѣту, съ полною вѣрою, что каждое слово моего письма къ Taland., которое ты прочти, истинно. Дѣло идетъ о спасеніи васъ всѣхъ, ты это поймешь, когда дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ каждаго слова этого письма.

Ты былъ бы молодецъ и оказалъ бы нашему общему святому дѣлу огромную услугу, еслибъ тебѣ удалось выкрасть у Нечаева всѣ украденныя имъ бумаги и всѣ его бумаги.—Но боюсь, что ты совсѣмъ заржавѣлъ, утратилъ всю прежнюю молодецкую прыть,—и потому умоляю тебя, ради васъ самихъ, прервать всѣ ваши отношенія съ Нечаев. и съ его маленькимъ компаньономъ Владиміромъ С.—(Sallier), и если возможно, совсѣмъ скрыться отъ нихъ.—Такъ какъ княгиня *) принадлежитъ къ утинскому враждебному стану, попроси ее отъ моего имени, ничего не писать объ этомъ Утину.

Вашъ М. Б.

---

*) Оболенская. М. Др.

LXXXV.

ПИСЬМО БАКУНИНА КЪ ТАЛАНДЬЕ.

Переводъ съ французскаго.

(Съ копіи переданной намъ Львомъ И. Мечниковымъ).

Любезный другъ, я узналъ, что Н(ечаевъ) явился къ вамъ и что вы поспѣшили ему дать адресъ нашихъ друзей (М. и его жены). Я заключаю изъ этого, что два письма, которыми О. и я предупреждали и умоляли васъ оттолкнуть его, пришли къ вамъ слишкомъ поздно, и, безъ всякаго преувеличенія, я считаю послѣдствіе этого запозданія за истинное несчастіе. Вамъ можетъ казаться страннымъ, что мы совѣтуемъ оттолкнуть человѣка, которому дали рекомендательныя къ вамъ письма, написанныя въ выраженіяхъ самыхъ горячихъ. Но это письма отъ мая, а съ тѣхъ поръ мы убѣдились въ существованіи вещей, столь важныхъ, что онѣ насъ заставили прервать всякія сношенія съ Н., и, съ рискомъ показаться въ вашихъ глазахъ людьми непослѣдовательными и легкими, мы рѣшили, что нашъ священный долгъ предупредить васъ объ этомъ и остеречь васъ отъ него. Теперь я попробую объяснить вамъ въ немногихъ словахъ причины этой перемѣны.

Остается совершенно вѣрнымъ, что Н. человѣкъ, наиболѣе преслѣдуемый русскимъ правительствомъ, и что послѣднее покрыло весь континентъ Европы арміей шпіоновъ, чтобъ разыскать его во всѣхъ странахъ и что оно требовало его выдачи въ Германіи, какъ и Швейцаріи. Также вѣрно, что Н. одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и показывается такъ же безпощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло меня и долго побуждало меня искать его сообщества. Есть люди, которые утверждаютъ, что это просто мошен-

никъ.—Это неправда! Это фанатикъ преданный; но въ то же время фанатикъ очень опасный и сообщничество съ которымъ можетъ быть только гибельно для всѣхъ,—вотъ, почему. Онъ былъ сначала членомъ тайнаго комитета, который дѣйствительно существовалъ въ Россіи. Этотъ комитетъ не существуетъ болѣе; всѣ его члены были арестованы. Н. остался одинъ и одинъ онъ составляетъ то, что онъ теперь называетъ комитетомъ. Такъ какъ организація въ Россіи истреблена, то онъ усиливается создать новую за границею. Это все было бы вполнѣ естественно, законно, очень полезно;—но способъ дѣйствія его отвратительный. Живо пораженный катастрофой, которая разрушила тайную организацію въ Россіи, онъ пришелъ мало по малу къ убѣжденію, что для того, чтобъ создать общество серьезное и неразрушимое, надо взять за основу политику Макіавели и вполнѣ усвоить систему іезунтовъ: для тѣла одно насиліе, для души—ложь.

Истина, взаимное довѣріе, солидарность серьезная и строгая—существуютъ только между десяткомъ лицъ, которыя образуютъ sanctus sanctorum общества. Все остальное должно служить слѣпымъ орудіемъ и какъ бы матеріей для пользованія въ рукахъ этого десятка людей, дѣйствительно солидарныхъ. Дозволительно и даже простительно ихъ обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нуждѣ, даже губить ихъ; это мясо для заговоровъ. Напр., вы приняли Н., благодаря нашему рекомендательному письму, вы ему оказали отчасти довѣріе, вы его рекомендовали вашимъ друзьямъ, между прочимъ г-ну и г-жѣ М... И вотъ онъ помѣщенъ въ вашемъ кругу,—что же онъ будетъ дѣлать? Прежде всего онъ начнетъ вамъ разсказывать кучу лжей, чтобъ увеличить вашу симпатію и довѣріе къ нему, но этимъ не удовольствуется. Симпатіи людей умѣренно теплыхъ, которые преданы революціонному дѣлу только отчасти и которые внѣ этого дѣла имѣютъ еще другіе человѣческіе интересы, какъ любовь, дружба, семья, общественныя отношенія, — эти симпатіи въ его глазахъ не представляютъ достаточной основы, и во имя дѣла онъ долженъ завладѣть

вашей личностью, безъ вашего вѣдома. Для этого онъ будетъ васъ шпіонить и постарается овладѣть всѣми вашими секретами и для этого, въ вашемъ отсутствіи, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ, онъ откроетъ всѣ ваши ящики, прочитаетъ всю вашу корресподенцію, и когда какое письмо покажется ему интереснымъ, т. е. компрометирующимъ съ какой бы то ни было точки, для васъ или одного изъ вашихъ друзей, онъ его украдетъ и спрячетъ старательно, какъ документъ противъ васъ или вашего друга. Онъ это дѣлалъ съ О., со мною, съ Татою и съ другими друзьями,—и когда, собравшись вмѣстѣ, мы его уличили, онъ осмѣлился сказать намъ: „Ну, да! Это наша система,—мы считаемъ какъ бы врагами и мы ставимъ себѣ въ обязанность обманывать, компрометировать всѣхъ, кто не идетъ съ нами *вполнѣ*“,—т. е. всѣхъ тѣхъ, кто не убѣжденъ въ прелести этой системы и не обѣщали прилагать ее, какъ и сами эти господа. Если вы его представите вашему пріятелю, первою его заботою станетъ посѣять между вами несогласіе, дрязги, интриги,—словомъ поссорить васъ. Если вашъ пріятель имѣетъ жену, дочь,—онъ постарается ее соблазнить, сдѣлать ей дитя, чтобъ вырвать ее изъ предѣловъ оффиціальной морали и чтобы бросить ее въ вынужденный революціонный протестъ противъ общества. Всякая личная связь, всякая дружба, всякая (?).. считаются ими зломъ, которое они обязаны разрушить, потому что все это составляетъ силу, которая, находясь внѣ секретной организаціи, уменьшаетъ единую силу этой послѣдней. Не кричите о преувеличеніи; все это было имъ внѣ пространно развиваемо и доказано. Увидѣвъ, что маска съ него сброшена, этотъ бѣдный Н. былъ столько наивенъ, былъ настолько дитя, несмотря на свою систематическую испорченность, что считалъ возможнымъ обратить меня; онъ дошелъ даже до того, что упрашивалъ меня изложить эту теорію въ русскомъ журналѣ, который онъ предлагалъ мнѣ основать. Онъ обманулъ довѣренность всѣхъ насъ, онъ покралъ наши письма, онъ страшно скомпрометировалъ насъ,—словомъ, велъ себя, какъ плутъ. Единственное

ему извиненіе это его фанатизмъ! Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому что онъ кончилъ тѣмъ, что отожествилъ вполнѣ свое революціонное дѣло съ своею собственной персоной;—но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда. Это фанатикъ, а фанатизмъ его увлекаетъ быть совершеннымъ іезуитомъ. Большая часть его лжей шиты бѣлыми нитками. Онъ играетъ въ іезуитизмъ, какъ другіе играютъ въ революцію. Несмотря на эту относительную наивность, онъ очень опасенъ, такъ какъ онъ совершаетъ ежедневно поступки нарушенія довѣрія, измѣны, отъ которыхъ тѣмъ труднѣе уберечься, что едва можно подозрѣвать ихъ возможность. Вмѣстѣ съ этимъ Н.—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи, и рѣдко встрѣчаешь ее, такъ развитую, какъ у него. Но истощивъ всѣ усилія убѣдиться въ этомъ, я долженъ былъ разойтись съ нимъ, а разъ разошедшись съ нимъ, я долженъ былъ биться съ нимъ до крайности. Послѣдній замыселъ его былъ ни больше, ни меньше, какъ образовать банду воровъ и разбойниковъ въ Швейцаріи, натурально съ цѣлью составить революціонный капиталъ. Я его спасъ, заставивши его покинуть Швейцарію, такъ какъ онъ непремѣнно былъ бы открытъ, онъ и его банда, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль; онъ бы пропалъ,—погубилъ бы съ собою и насъ. Его товарищъ и сообщникъ С. открытый мерзавецъ, лгунъ съ мѣднымъ лбомъ, безъ извиненія, безъ прощенія фанатизмомъ. Передо мною совершились многочисленныя покражи бумагъ и писемъ, которыя онъ сдѣлалъ. И вотъ люди, которыхъ М., несмотря на то, что онъ былъ предупрежденъ Ж—мъ, счелъ долгомъ представить Дюпону и Бредлофу. Бѣда сдѣлана,—надо ее поправить безъ шуму, безъ скандала, на сколько это возможно сдѣлать.

1. Во имя вашего внутренняго мира, спокойствія вашей семьи и вашей личной репутаціи, я умоляю за-

переть имъ дверь. Сдѣлайте это безъ объясненій, обрѣжьте просто. По многимъ резонамъ, мы не желаемъ, чтобъ они знали теперь, что мы съ ними воюемъ на всѣхъ пунктахъ. Надо, чтобъ они подозрѣвали, что предостереженія противъ нихъ вышли изъ лагеря моихъ противниковъ, что впрочемъ будетъ совершенно согласно съ истиной, такъ какъ я знаю, что противъ нихъ писано очень энергично Генеральному Совѣту *) въ Лондонѣ. Не демаскируйте насъ преждевременно въ ихъ глазахъ. Они у насъ украли бумаги, которыми мы должны сначала завладѣть вновь.

2. Увѣрьте М., что благо всей его семьи требуетъ, чтобъ онъ совершенно разорвалъ съ ними. Пусть онъ бережетъ отъ нихъ М. Ихъ система, ихъ счастіе—соблазнять и развращать молодыхъ дѣвушекъ; такимъ способомъ можно держать въ рукахъ всю семью. Я въ отчаяніи, что они узнали адресъ М., такъ какъ они въ состояніи донести на него. Развѣ они не осмѣлились признаться мнѣ откровенно, въ присутствіи свидѣтеля, что доносить тайной полиціи на члена, не преданнаго обществу, или преданнаго на половину,—одинъ изъ способовъ, употребленіе котораго они признаютъ законнымъ и полезнымъ иногда. Овладѣвать секретами лица, семьи, чтобъ держать ее въ своихъ рукахъ,—это ихъ главное средство. Я настолько испуганъ тѣмъ, что они знаютъ адресъ М., что я ему совѣтую перемѣнить квартиру, чтобъ они не могли его открыть. Если же послѣ этого М., увлеченный увѣренностью въ своемъ собственомъ разумѣніи, будетъ продолжать свои сношенія съ этими господами,—то пусть гибельныя неизбѣжныя послѣдствія этого тщеславнаго ослѣпленія упадутъ на него самого.

3. Надо вамъ и М—му предупредить всѣхъ друзей, которымъ вы могли представить этихъ господъ, чтобъ тѣ держались передъ ними осторожно и не оказывали имъ никакого довѣрія, ни помощи. Н., болѣе упрямый, чѣмъ игрокъ, губитъ себя фатально; дру-

*) Интернаціонала. М. Др.

гой—пропащій. Не надо, чтобъ наши друзья участвовали въ ихъ позорной гибели.—Все это очень печально и очень унизительно для насъ, которые ихъ вамъ рекомендовали, но истина и теперь лучшій исходъ и лучшее лекарство противъ всѣхъ ошибокъ.

LXXXVI.

29 іюля 1870. Локарно.

Старый другъ Ага. Телеграмма твоя, полученная мною вчера вечеромъ, или ничего не значитъ, или значитъ вотъ что: одинъ изъ твоихъ пріятелей, человѣкъ вѣрный, П. или Б., а можетъ быть и третій неизвѣстный мнѣ человѣкъ, ѣдетъ въ Россію и соглашается свезти мое письмо къ братьямъ. Соглашается ли онъ только передать письмо лично, или даже переслать черезъ вѣрнаго знакомаго ему человѣка—или соглашается не только доставить это письмо братьямъ, но стать даже дѣловымъ посредникомъ между мною и моими братьями—всего этого изъ твоей телеграммы не видно, и эта неизвѣстность чрезвычайно затруднила меня. Но на всякій случай я рѣшился рискнуть и послать тебѣ письмо къ братьямъ, которое прошу тебя прочитать внимательно вмѣстѣ съ О—вымъ и, прочитавъ его, сообразно тому, что ты знаешь о своемъ отъѣзжающемъ другѣ, рѣшить, долженъ ли ты или нѣтъ поручить это письмо и это дѣло. Если онъ, по твоему убѣжденію, заслуживаетъ полнаго довѣрія, если онъ человѣкъ дѣйствительно серьезный, пусть онъ самъ прочтетъ мое письмо къ братьямъ и пусть съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ и дѣла рѣшитъ самъ, можетъ ли онъ за него взяться или нѣтъ. Мой милый Ага, рѣши все это, когда будешь не въ пьяномъ, а въ трезвомъ видѣ, помня, что необдуманнымъ рѣшеніемъ ты можешь испортить все и поставить меня въ безвыходное положеніе. Если у тебя будетъ малѣйшее сомнѣніе на счетъ доброй воли, серьезности и умѣнія твоего отъ

ѣзжающаго друга, ты лучше не отдавай ему моего письма. Ну, а если ты испыталъ его и вѣришь въ него, отдай. Если ты по той или другой причинѣ не отдашь моего письма къ братьямъ, то прошу тебя послать мнѣ это письмо немедленно назадъ,—я вѣроятно скоро самъ найду средство переслать его братьямъ. Ну, а если ты найдешь удобнымъ и полезнымъ поручить твоему отъѣзжающему это письмо и это дѣло, то переговори съ нимъ подробно и толково о томъ, и когда онъ думаетъ увидѣть братьевъ, и что онъ хочетъ имъ сказать и предложить для приведенія дѣла къ желаемому результату, а также и условься въ нѣкоторыхъ невинныхъ терминахъ, а также и въ невинномъ косвенномъ адресѣ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы извѣстить тебя изъ Россіи объ отвѣтѣ и о намѣреніяхъ братьевъ и вообще о ходѣ дѣла. Лучшій адресъ Marie Reichel. Письмо съ подписью Анна Калмыкова. Авдотьею будутъ подписываться братья. А ты мнѣ напиши имя отъѣзжающаго друга и подробно все, въ чемъ вы съ нимъ условились.

Твой М. Б.

Адресъ Marie Reichel: Bern Mattenhof. Mattenheim Frau Musikdirectorin Reichel.

Сношенія Бакунина съ братьями не имѣли въ себѣ ничего политическаго; дѣло шло о выдѣлѣ М. А—чу суммы за часть его въ наслѣдствѣ по отцу. Но русскій, въ положеніи Б—на, долженъ былъ и такія дѣла вести, какъ конспирацію.

LXXXVII.

1 августа 1870. Locarno.

Мои милые друзья. Пріѣхавъ, т. е. возвратившись сюда изъ Женевы, куда ѣздилъ одинъ и гдѣ пробылъ съ мѣсяцъ, занятый почти исключительно совершенною ликвидаціею всѣхъ дѣлъ нашихъ съ г. Нечаевымъ,—я наконецъ нашелъ въ рукахъ Антоси письма отъ васъ

и не могу вамъ сказать, какъ былъ радъ, что вы наконецъ вспомнили о насъ, вамъ старѣйшихъ и неизмѣнно вѣрныхъ друзьяхъ. Изъ Невшателя я написалъ къ Talandier длинное, а къ Валеріану короткое письмо, которое можетъ быть Мрука *) и раздосадовало. Но я прежде всего хотѣлъ и долженъ былъ достигнуть одной главной цѣли: спасти васъ отъ продолженія знакомства съ Нечаевымъ и съ Владиміромъ С—ымъ, прозывающимъ себя Sallier. Надѣюсь впрочемъ, что моего большого письма къ Talandier было достаточно, чтобъ убѣдить васъ, что я руководствовался не капризомъ, и не однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и безпричинныхъ охлажденій, въ которыхъ меня такъ часто и всегда такъ несправедливо упрекали. Мрукъ засвидѣтельствуетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня знаетъ, я не измѣнилъ никому, а мнѣ измѣняли часто, и что я бросалъ человѣка только тогда, когда, истощивъ всѣ зависящія отъ меня средства, для того, чтобъ сохранить его союзъ и дружбу, убѣждался окончательно въ невозможности ихъ сохранить. Съ Нечаевымъ я былъ долготерпѣливъ болѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь. Мнѣ страшно не хотѣлось разрывать съ нимъ союза, потому что этотъ человѣкъ одаренъ удивительною энергіею.—Въ письмѣ къ Talandier я въ общихъ чертахъ объяснилъ причины, заставившія меня наконецъ разорвать съ нимъ всѣ сношенія.—Надѣюсь, друзья, надѣюсь, особенно для вашего спокойствія и блага, что вы мнѣ повѣрили и оттолкнули его отъ себя.—Напиши мнѣ, Мрукъ, подробно все, что ты о немъ знаешь, что онъ тебѣ говорилъ о дѣлахъ вообще и о насъ въ особенности,—онъ лжетъ по системѣ,—гдѣ и съ кѣмъ теперь живетъ, что дѣлаетъ и что сдѣлалъ ты для того, чтобъ предупредить противъ него и Bradlaugh и Dupont?

Русскихъ дѣлъ я отнюдь не бросилъ, напротивъ отыскалъ наконецъ настоящихъ людей и основалъ русскую секцію нашего тайнаго союза.—Одинъ изъ членовъ теперь въ Англіи, и если вы позволите, пред-

*) Мрочковскаго. М. Др.

ставится къ вамъ отъ моего имени. Занимаюсь теперь писаніями: русскимъ для окончательнаго уничтоженія Утина, котораго надо задавить какъ ядовитаго клопа, и французскимъ для отвѣта всѣмъ интернаціональнымъ врагамъ.—A propos, встрѣчался ли ты когда съ Марксомъ, тайнымъ руководителемъ всѣхъ моихъ явныхъ враговъ,—извѣстно ли вамъ, что онъ черезъ посредство Бекера, измѣнившаго мнѣ и Alliance въ моемъ отсутствіи зимою вступилъ въ переписку съ Утинымъ и что Утинъ и Comp. собираютъ для него противъ меня документы для уничтоженія меня?—Ничего, помѣримся силами,—испанцы, итальянцы, французы и бельгійцы (не лично, а по принципу) за насъ,—горы подъ предводительствомъ нашего умнаго и вѣрнаго друга Guillaume стоятъ за насъ горою.—Жукъ ведетъ себя очень хорошо.—Перонъ женился и совсѣмъ отсталъ.—Фанелли усталъ и все еще не можетъ позабыть, что не пославъ ему тѣхъ 200 фр., мы нанесли уронъ его декоруму, но онъ все нашъ и съ нами.—Гамбуци молодецъ.—Въ послѣднемъ письмѣ онъ мнѣ писалъ, что Васильчиковъ хотѣлъ обмануть и подвести его, и прибавляетъ: „Mais nous verrons qui est plus fin, de l'Italien ou de russe“.—Онъ становится все болѣе и болѣе соціалистомъ.—Туча, какъ слѣдуетъ, испугавшійся чортъ знаетъ какъ во время неаполитанскихъ арестовъ, теперь старается годить Гамбуци,—но напрасно. Richard'a я видѣлъ въ Женевѣ,—онъ крѣпко нашъ, хотя и французитъ нерѣдко.—Bestelica развивается на всѣхъ парусахъ между нашими испанскими друзьями въ Барселонѣ.—Вотъ вамъ въ немногихъ чертахъ вѣрная картина нашего союза.—Наконецъ добрый Франсія все утѣшаетъ жену,—мы живемъ мирно, но безъ копѣйки. Антося съ утра до вечера возится съ дѣтьми. Она также хотѣла написать вамъ, но устала такъ, что чуть стоитъ на ногахъ. А я работаю много и читаю газеты, спрашивая каждый день, кто кого побилъ?

Теперь, друзья, поговоримъ о васъ.—Спасибо вамъ за всѣ подробности. Я не отчаяваюсь, что судьба еще разъ сведетъ насъ, а до тѣхъ поръ останемся крѣпко

связаны взаимною любовью, вѣрою и общею мыслью. Дорого бы я далъ, чтобы посмотрѣть на васъ.—Чай Фелька выросъ, бѣгаетъ и говоритъ безъ умолку.—У васъ ли еще дикая Нанета? А что дѣлаетъ Маруся, мой другъ? Обнимите ее за меня. Какъ я радъ буду, когда къ вамъ пріѣдетъ Катя. Напомните ей старыхъ друзей. Значитъ, ея нога скривлена совершенно. О чемъ поретъ она теперь горячку?—Когда будете писать, передайте ей, обинякомъ разумѣется, мой горячій поклонъ, а также и Аннѣ Николаевнѣ, которая, видите, друзья, осталась вамъ вѣрна въ бѣдѣ, значитъ хорошій человѣкъ,—а теперь васъ всѣхъ обнимаю и ложусь спать.

Вашъ М. Б.

Pour Valerien.

Союзъ, о которомъ говоритъ Бакунинъ,—братство въ Alliance Socialiste. Въ 1873 г. Марксъ издалъ о ней обличительную брошюру, составленную Утинымъ, въ которой много говорится и о Нечаевѣ.

LXXXVIII.

2 августа 1870. Locarno.

Вотъ тебѣ, другъ Ага, и записка отъ „нашего Боя“. Получилъ ее вчера вечеромъ, посылаю ее тебѣ сегодня, чтобы поскорѣе утѣшить тебя, также какъ и самъ утѣшился. Нечего сказать; были мы дураками, и какъ бы Герценъ надъ нами смѣялся, еслибъ былъ живъ, и какъ бы онъ былъ правъ ругаясь надъ нами! Ну, нечего дѣлать, проглотимъ горькую пилюлю и будемъ впередъ умнѣе.

Записку дай прочесть О—ову и отдай на сохраненіе Tata. Она нашъ архиваріусъ. Я не намѣренъ отвѣчать. Думаю, что и ты также отвѣчать не станешь. Отдай прилагаемое письмо Татѣ, которой адресъ мнѣ не точно извѣстенъ. Да, прошу тебя, не позабудь и не потеряй.

Я работаю много и жду, кто кого побьетъ. Когда случится что крупное, телеграфируй мнѣ, пожалуйста. Часто ли видишь Тату, О—ва, Жуковскаго. Дай мнѣ извѣстіе о нихъ, я писалъ ко всѣмъ, но ни отъ кого еще не получилъ отвѣта.

Твой М. Б.

Записки „нашего Боя“ (Нечаева) Н. А. Герценъ отъ Огарева не получала.

LXXXIX.

(1870) 11 августа. Locarno.

Мой милый Ага. Получилъ твое письмо. Ты подъ шумокъ происшествій думаешь только о нашемъ предполагаемомъ журналѣ и о своей статьѣ. Вотъ ты какой философъ. Тебѣ хорошо,—ты только русскій, а я интернаціоналъ, вслѣдствіе чего происшествія возбудили во мнѣ настоящую горячку. Въ продолженіе трехъ дней я написалъ ровно 23 большихъ писемъ, это маленькое двадцать четвертое. У меня выработался цѣлый планъ; О—овъ передастъ его тебѣ, или лучше, онъ прочтетъ тебѣ письмо, написанное мною къ одному французу. А ты будь другомъ: передай немедленно прилагаемое письмо О—ову и попроси Marie сходить въ épicerie и, давъ мой адресъ, велѣть épicier выслать мнѣ немедленно, contre remboursement два фунта чаю въ 5 фр.

Вмѣсто Supplement du Journal de Genéve, когда что случится очень важное, телеграфируй мнѣ,—только не обиняками, но называя вещи по имени, точно и толково,—а то всѣ телеграммы, которыя я получалъ отъ тебя, точно загадки сфинкса.

Твой М. Б.

XC.

Pour Valerien.

19 августа 1870. Locarno.

Мои милые друзья.—Вотъ ужъ дней пять прошло съ тѣхъ поръ какъ получилъ ваше письмо, и всякій день собирался вамъ отвѣтить и не могъ, потому что былъ загроможденъ перепискою по текущимъ дѣламъ, а текущія дѣла приняли теперь и каждый день болѣе принимаютъ характеръ важный и рѣшительный. Война тянетъ за собою катавасію совершенно другого рода, нашу всеобщую катавасію. Вы понимаете, сколько дѣла.—Очень возможно и даже вѣроятно, что я выѣду отсюда скоро—разумѣется одинъ—Антосю съ дѣтьми оставлю здѣсь,—а самъ чрезъ Женеву далѣе. Но вы во всякомъ случаѣ пишите мнѣ сюда, въ Локарно,—такимъ образомъ, хоть и нѣсколькими днями позже, я навѣрное буду получать ваши письма.—Обращаюсь теперь къ необходимому объясненію.

Спасибо вамъ, друзья, и за то, что вы не слишкомъ разсердились на меня за дерзкія выраженія. Въ извиненіе ихъ скажу вамъ двѣ вещи. Во-первыхъ, о вашихъ холодныхъ отношеніяхъ съ Talandier, я узналъ только изъ письма вашего, найденнаго мною здѣсь по возвратѣ моемъ изъ Женевы, значитъ послѣ того, что написалъ письмо къ Talandier. Во-вторыхъ, я употребилъ ихъ для того именно, чтобъ васъ поразить и спасти васъ отъ продолженія знакомства съ Нечаевымъ. Я боялся, что вы мнѣ не повѣрите и ужасался при мысли о пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя бы могли произойти, и рано или поздно непремѣнно произошли бы отъ этого для васъ, Итакъ, другъ Мрукъ, не диктатурное движеніе, не глупая раздражительность при одной мысли, что вы можете, что вы осмѣлитесь не послѣдовать моему самодержавному указанію, а просто искренняя боязнь за васъ вызвала у меня эти выраженія, въ ко-

торыхъ впрочемъ отъ всей души прошу у васъ прощенія.

Все, что я написалъ вамъ о Нечаевѣ, не выше, а ниже дѣйствительности. Да, онъ измѣнилъ и постоянно измѣнялъ намъ въ то время, какъ мы ему давали все и стояли за него горою.—Да, онъ кралъ наши письма еще въ прошломъ году.—Да, онъ компрометировалъ насъ, дѣйствуя отъ нашего имени безъ нашего вѣдома и согласія.—Да, онъ всегда лгалъ намъ безсовѣстно.—Во всемъ этомъ я его уличилъ при О—овѣ, при Огаревѣ, при Татѣ (M-lle) Herzen—и приведенный къ невозможности отрицать моими доказательствами, знаете что онъ мнѣ отвѣчалъ?—Мы очень благодарны за все, что вы для насъ сдѣлали, но такъ какъ вы никогда не хотѣли отдаться намъ совсѣмъ, говоря, что у васъ есть интернац. обязательства, мы хотѣли заручиться противъ васъ на всякій случай. Для этого я считалъ себя въ правѣ красть ваши письма, и считалъ себя обязаннымъ сѣять раздоръ между вами, потому что для насъ не выгодно, чтобъ помимо насъ, кромѣ насъ, существовала такая крѣпкая связь.—Кто-жъ эти они? Прежде ихъ было достаточно. Но послѣ разгрома остались только Нечаевъ да С., да еще два другихъ человѣка за границею. Неудачи въ Россіи довели Нечаева до сумасшествія. Онъ сталъ дѣлать глупость на глупости.—Всѣ хитрости и обманы его, впрочемъ шитые бѣлыми нитками, и обратились противъ него.—Онъ изолгался до глупости. Іезуитская система окончательно развратила и одурила его. Я постоянно защищалъ, да и теперь еще готовъ отстаивать его противъ Ж., потому что Неч. по крайней мѣрѣ дѣлаетъ, и дѣлаетъ не для себя, хоть и глупы и вредны его дѣйствія,—блудный же Ж... пуще чѣмъ когда-нибудь парламентствуетъ, болтаетъ и съ геройскимъ трескомъ открываетъ открытыя двери. Но связь съ Нечаевымъ стала невозможною,—онъ измѣнилъ всякой солидарности. Вообрази себѣ, хотѣлъ даже поссорить меня съ Гильомомъ и другими горными друзьями.—Потерявъ почву въ Россіи, онъ пытался создать себѣ почву здѣсь—и глупо—идеалистически абстрактно—безъ всякаго зна-

нія среды и людей.—Ну скажите на милость, возможна ли какая солидарность съ человѣкомъ, про котораго вы же знаете,—что всякое слово его вамъ—ложь, и всякое довѣріе, оказанное вами ему,—кончится измѣною?—И все это дошло въ послѣднее время до такихъ гнусныхъ, Роберъ-Макаровскихъ размѣровъ, и все это дѣлалось подъ конецъ съ такимъ цинизмомъ, что я просто становился въ тупикъ. Я разоблачилъ бы все это гораздо ранѣе, еслибъ я не жилъ большею частью вдали отъ него, въ Локарнѣ.—Чтожъ касается до его послѣдняго предпріятія въ Швейцаріи, то ты, милый Мрукъ, чрезвычайно ошибаешься, вообразивъ, что разстроивъ его, я сталъ въ противорѣчіе съ началами и планами, мною самимъ защищаемыми нѣкогда противъ Монигаля. Я отъ нихъ отнюдь не отказался и докажу это въ широкой практикѣ скоро.—Но дѣло въ томъ, чтобъ все это вести, во-первыхъ, въ самой строгой солидарности, а во-вторыхъ, съ знаніемъ мѣста, обстоятельствъ, людей и съ чрезвычайнымъ умомъ.—Неч. хотѣлъ же начать его помимо насъ, втянувъ въ него, тайно отъ насъ, нашихъ людей, напр. Нетгу, и къ тому же такъ глупо, что все дѣло осрамило бы и погубило насъ всѣхъ до конца.—Вотъ почему я разрушилъ его.—Чтожъ касается до его мнимаго признанія тебѣ, что будто бы я хотѣлъ диктатуры,—наплюй ему въ глаза, Мрукъ,—это нахальная ложь.—Еслибъ мнѣ были нужны свидѣтели передъ тобою, я привелъ бы тебѣ свидѣтельство О—ова, Огарева и многихъ другихъ—и ты увидѣлъ бы, что я хотѣлъ не диктатуры для себя, а освобожденія себя и друзей отъ его самодурствующей диктатуры, отъ его эксплуатаціи. Мнѣ кажется, что я сказалъ вамъ довольно, чтобъ показать вамъ настоящую суть дѣла.—Нечаевъ человѣкъ погибшій и отнынѣ можно сказать навѣрное, что онъ ничего путнаго не сдѣлаетъ, а къ гадостямъ онъ способенъ.—Жаль, что я не могъ послать тебѣ копіи большого письма къ нему, написаннаго мною изъ Локарно. Эта копія хранится у друзей въ Женевѣ.—Она бы тебѣ все до конца объяснила.—Но надѣюсь, что теперь вы поймете, а гдѣ не поймете, повѣрите мнѣ.

Ты пишешь мнѣ о реакціонныхъ дѣйствіяхъ Маркса и его компаніи.—Прошу тебя, другъ, разскажи подробно все, что тебѣ извѣстно по этому предмету. Это для меня важно и можетъ быть очень полезно.—Прощайте, пишите скорѣе.—Время горячее.—Можетъ быть скоро и встрѣтимся во Франціи.—Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ.

М. Б.

Любопытно было бы знать, какого рода «планъ» имѣлъ Бакунинъ, очевидно, для пріобрѣтенія „революціоннаго капитала»,—«съ чрезвычайнымъ умомъ",—вмѣсто разрушеннаго имъ «плана» Нечаева.

XCI.

31 августа. Locarno.

Мой милый другъ.—Отвѣчаю тебѣ сегодня только немногими словами.

1. Т. каждый день обѣщалъ, но еще не выдалъ денегъ; выдастъ непремѣнно—и тогда сейчасъ же внесу свой долгъ въ фондъ,—теперь же у меня другихъ денегъ нѣтъ.—Терпимъ сильную нужду.

2. Отдай, тотчасъ же, прошу тебя, изъ рукъ въ руки. О—ову прилагаемые огромные и большіе листы (отъ 1-й до 26-й страницы). Это продолженіе огромнаго письма къ моимъ друзьямъ французамъ. (Я просилъ О—ова, чтобы онъ тебѣ прочелъ или далъ прочесть начало). Прочти его, если хочешь, только не задерживай болѣе нѣсколькихъ часовъ. Оно должно быть сейчасъ же переписано и разослано по разнымъ мѣстамъ. Письмо доказывающее, что если изъ этой войны не выйдетъ непосредственно соціальная революція во Франціи, соціализмъ на долго погибнетъ въ цѣлой Европѣ. Итакъ, не задерживая, отдай скорѣе это письмо О—ову, чтобы онъ распорядился имъ, какъ знаетъ.

Я посылаю эти листы черезъ тебя, потому что не увѣренъ, что О—овъ въ Женевѣ. Если онъ уѣхалъ изъ Женевы, прошу тебя, перешли немедленно эти листы на слѣдующій адресъ: Neuchâtel (Suisse) M-r James Guillaume. Imprimerie 14, rue de Seyon, съ припискою, что ты посылаешь ихъ по моей просьбѣ и что самъ напишу ему о нихъ.

3. Какія это у васъ новыя сплетни происходятъ въ Женевѣ,—напиши, жду съ интересомъ, а покамѣсть тебя обнимаю, а Marie жму руну.

Твой М. Б.

А надо какъ-нибудь вытащить О—ова изъ ада, чѣмъ онъ бѣдняжка заплетенъ?

XCII.

19 сентября 1870. Ліонъ.

Мой старый другъ. Сейчасъ получилъ твое письмо. Извини, что пропустилъ 5 дней, не давъ о себѣ вѣсти. Голова идетъ кругомъ, такъ много дѣла. Здѣсь революціи настоящей еще нѣтъ, но будетъ и все готовится и дѣлается для настоящей революціи. Я иду на нанъ или пропалъ. Надѣюсь на близкое торжество.

Пиши мнѣ тако: France. Madame Palix. Cours Vittou 41. Lyon. Внутри: pour M-me Antonie.

На этотъ же адресъ пришли мнѣ журналъ лондонскихъ мерзавцевъ. Прочту и скажу тебѣ свое мнѣніе, какъ поступить. А нашего храбраго кавалерійскаго ротмистра облобызай и передай ему прилагаемую записку въ отвѣтъ на его письмо.

А вотъ тебѣ порученіе: позови къ себѣ черезъ Гейнриха Линдегера, передай ему въ собственныя руки прилагаемую записку, которую самъ напередъ прочти, и устрой съ нимъ акуратно то, о чемъ я его въ этой запискѣ прошу.—Но устрой акуратно.

Съ деньгами, которыя ты получишь отъ нашего храбраго кавалерійскаго генерала,—если ты еще не

распорядился ими,—поступи слѣдующимъ образомъ: 100 фр. отошли Гавирати. Gavirati—Farmacista. 50 фр удержи у себя для нашихъ дѣловыхъ расходовъ, а 100 фр. пришли сюда на адресъ Паликса, только не M-me Palix, а M-r Palix (для денегъ) съ приложеніемъ письма къ Паликсу съ просьбою передать деньги M-me Antonie.

Adieu. Твой М. Б.

Это письмо, равно какъ и четыре слѣдующихъ №№ относятся къ участію Бакунина въ эфемерной попыткѣ установленія въ Ліонѣ революціонной коммуны.

Журналъ „лондонскихъ мерзавцевъ"—„Община", которой Нечаевъ издалъ два №№.

XCIII.

25 сентября 1870. Ліонъ.

Старый другъ. Немедленно пошлю тебѣ нашу прокламацію, зовущую народъ на низверженіе всѣхъ оставшихся и мѣшающихъ властей. Сегодня ночью арестуемъ всѣхъ главныхъ враговъ, завтра послѣдній бой и, надѣемся—торжество.

Отправь Гейнриха къ Линдегеру. Вѣроятно Guillaume прислалъ брошюру. *) Если не прислалъ, пусть попроситъ Линдегера, чтобы онъ принесъ вамъ ее тотчасъ же, какъ только получитъ. И какъ только ты ее получишь, пусть нашъ другъ, храбрый полковникъ тотчасъ же, не теряя ни одной минуты, везетъ ее въ Ліонъ. Прямо къ Palix Cours Vittou 41, входъ съ rue Massena 20 au premier. Брошюра необходима, мы всѣ ждемъ ее.

Твой М. Б.

---

*) Lettres á un Fraçais sur la crise actuelle, Sept 1870,—въ которой Б. указываетъ, какъ на единое спасеніе Франціи отъ пруссаковъ—на соц.-рев. анархизмъ.

XCIV.

. . . . . .

Отъ центральнаго комитета du Salut de la France. Да не испугаетъ тебя это, повидимому, тѣсное національное имя. Нашъ комитетъ du Salut de la France въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова—соціально-революціонный комитетъ. Итакъ, милый другъ, помоги намъ теперь, и мы вскорѣ вмѣстѣ съ тобою поможемъ русскому дѣлу, составленіемъ новаго широкаго фонда для русскаго революціоннаго дѣла. За это я тебѣ отвѣчаю своею страстью, честью и головою.

Твой М. Б.

Скажи Анри, что если бы мы имѣли деньги въ эту минуту, то я бы его привелъ немедленно въ Ліонъ. Если онъ можетъ найти хоть бы 50 франковъ, пусть пріѣзжаетъ. Если нѣтъ, пусть подождетъ. Мы дадимъ ему возможность прибыть.

XCV.

РАЗРУШЕНІЕ

— ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Революціонная Коммуна въ ***

Статья 1-я. Революціонныя коммуны Парижа, Ліона, Марселя, Лиля, Бордо, Руана, Нанта и пр., приготовивъ солидарно и направивъ революціонное движеніе для низверженія императорской тиранніи, объявляютъ, что онѣ не считаютъ свою задачу оконченною прежде, чѣмъ они обезпечатъ революцію примѣненіемъ принциповъ равенства, которые онѣ исповѣдываютъ. Вслѣдствіе этого онѣ соединяются федеративно, становятся на время авторитетными и предписываютъ слѣдующее:

Ст. 2-я. Принимая во вниманіе, что порядокъ эксплуатаціи политической и экономической, подъ которымъ

Франція жила до сихъ поръ, поставилъ содержателей публичнаго имущества въ положеніе существенно анормальное съ точки зрѣнія права и дала ихъ владѣнію характеръ незаконности,—налагается общій секвестръ на всѣ собственности, публичныя и частныя, земельныя, недвижимыя и движимыя, расположенныя на всемъ пространствѣ Французской республики.

Ст. 3-я. На тѣхъ же основаніяхъ, означенныхъ въ предыдущей статьѣ, долги, ипотеки, и обязательства, заключенные при прежнихъ правленіяхъ, включая туда долги консолидированные или текущіе, такъ называемый публичный, департаментскій и коммунальный, уничтожены и считаются не существующими.

Ст. 4-я. Принимая во вниманіе, что передача собственности какой бы то ни было по праву наслѣдства есть источникъ всякаго неравенства и главная пища того духа эгоизма и индивидуализма, который побуждаетъ предпочитать интересы нѣсколькихъ интересамъ всѣхъ,—право наслѣдства отмѣняется.

Ст. 5-я. Принимая во вниманіе, что справедливость чистая и простая должна быть основаніемъ, а интересъ народа цѣлью всякаго закона,—всѣ кодексы, предписанія и правила, дѣйствовавшіе при прежнихъ правителяхъ,—отмѣняются.

Ст. 6-я. Какъ естественное послѣдствіе предыдущихъ предписаній, система налоговъ, установленная до сихъ поръ, бывшая лишь побором принудительнымъ, котораго несправедливое распредѣленіе подавляло рабочихъ и земледѣльцевъ,—вполнѣ отмѣняется.

Ст. 7-я. Всѣ начальники, чиновники и служащіе сверженнаго правительства, распредѣленные въ судахъ, администраціи, податныхъ канцеляріяхъ, публичныхъ учрежденіяхъ и пр., равно какъ и всѣ агенты полиціи,—отставляются.

Ст. 8-я. Армія сухопутная и морская распускается, кромѣ тѣхъ частей, которыя занимаютъ колоніи и о положеніи которыхъ будетъ постановлено позже.

Ст. 9-я. Принимая во вниманіе, что организованныя вѣроисповѣданія поддерживаютъ въ народѣ невѣжество и суевѣріе и приготовляютъ его такимъ образомъ къ

подчиненію деспотизму, всѣ организованныя вѣроисповѣданія отмѣняются, а ихъ служители отставляются отъ ихъ должностей.

Ст. 10-я. Товарищества, общины и братства религіозныя мужскія и женскія распускаются.

Ст. 11-я. Всѣ, кто попробуетъ скрыть, присвоить или вынести за границу все или часть собственности секвестрованной, будутъ принимаемы за воровъ.

Ст. 12-я. Смертная казнь заранѣе провозглашается для тѣхъ всѣхъ, кто попробуетъ какимъ бы то ни было способомъ остановить дѣйствіе революціонныхъ коммунъ или возстановить какія-нибудь учрежденія, которыя сейчасъ отмѣнены.

Ст. 13-я. Революціонныя коммуны отправятъ делегатовъ всюду, гдѣ это будетъ нужно, для того, чтобы установить тамъ новыя коммуны, или привести въ исполненіе объявленныя предписанія.

Ст. 14-я. Революціонныя коммуны и ихъ делегаты будутъ принимать заявленія и представленія, которыя будутъ носить подписи по крайней мѣрѣ 100 гражданъ или гражданокъ; во всякомъ случаѣ эти заявленія и представленія будутъ приняты во вниманіе лишь тогда, когда они не будутъ способны остановить развитіе и примѣненіе революціонныхъ принциповъ равенства.

Ст. 15-я. Чтобъ облегчить исполненіе настоящихъ предписаній, установляется постоянная революціонная милиція посредствомъ добровольнаго принятія обязательствъ, на шесть мѣсяцевъ наибольшее, гражданъ сильныхъ всякаго возраста. Солдаты и унтеръ-офицеры распущенной арміи, которые захотятъ поступить туда, будутъ принимаемы, но офицеры, которые бы имѣли подобное же намѣреніе, должны, для принятія, представить неоспоримыя доказательства преданности революціонному дѣлу.

МѢРЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩІЯ РЕВОЛЮЦІИ И ЕЕ ПРИГОТОВЛЯЮЩІЯ.

1. Революціонныя коммуны назначаютъ коммисіи, которыя будутъ имѣть задачей преобразовать трудъ.

2. Эти коммисіи передадутъ въ руки рабочихъ или

товариществъ рабочихъ всѣ капиталы, которые будутъ имъ необходимы. Эта мѣра будетъ распространена не только на рабочихъ промышленныхъ или земельныхъ, но на всѣ лица, которыя потребуютъ труда.

3. Обмѣнъ станетъ совершенно свободенъ: во всякомъ случаѣ общіе магазины будутъ установлены во всѣхъ городахъ, и прозводители могутъ мѣнять въ нихъ свои произведенія за вознагражденіе, котораго цифра и природа будутъ опредѣлены впослѣдствіи.

4. Капиталы, переданнные товариществамъ и рабочимъ всякаго рода, будутъ записаны за коммуною и въ спискахъ Коммисій Труда. Родъ капитала, его стоимость, мѣсто нахожденія и имя того, кто его держитъ, будетъ старательно означены.

5. Если товарищества или отдѣльныя личности, успѣютъ своимъ трудомъ произвести себѣ капиталы, то они могутъ пользоваться ими въ полной свободѣ до смерти или до выхода двухъ третей товарищей, или до распущенія товарищества въ первомъ случаѣ, или до смерти во второмъ.

(Переводъ съ копіи, переданной намъ Л. И. Мечниковымъ).

Это очевидно проектъ декрета, писанный Бакунинымъ для Коммуны Ліонской, если бы возстаніе удалось въ Ліонѣ.

XCVI.

16 октября 1870. Въ окрестностяхъ Ліона.

Ну, братъ, день ото дня хуже. Сейчасъ получилъ письмо изъ Ліона, ивѣщающее меня, что Блакъ и Валансъ не только арестованы. но что на послѣднемъ нашли диксіонеръ, заключающій не только имена всѣхъ друзей, но еще слова весьма компрометирующія: убійство, грабежъ, пожары и т. д. Это очень плохо и подвергаетъ ихъ большой опасности. Народъ молчитъ, устрашенный казенно-республиканскимъ терроромъ. По найденному списку приказано было арестовать

всѣхъ. Кого арестовали, еще не знаю. Разумѣется всѣхъ, кого успѣли найти. Вѣрно кажется то, что Блакъ и Валансъ арестованы. Приходили къ Паликсу, но, увидя его больнымъ въ постели, оставили въ покоѣ. Имя Бастелика находится также въ спискѣ, а также имя Котби. Я уже писалъ тебѣ, что изъ Тура нѣсколько дней тому назадъ пришло приказаніе арестовать Бастелику, но что Эскиросъ и здѣшній префектъ отказались арестовать его, зная безъ сомнѣнія, что это произвело бы ужасное волненіе въ народѣ, и можетъ быть даже взрывъ. Но чортъ знаетъ, можетъ быть, вслѣдствіе открытія этого проклятаго диксіонера, и арестуютъ. Такъ что вѣроятно и мнѣ придется скоро убираться отсюда. А денегъ ни копѣйки. И потому, милый другъ, сдѣлай съ друзьями послѣднее усиліе. Соберите во что бы ни стало 100 фр. и пришлите ихъ à Madame Bastelica. 32. Boulvard des Dames, съ письменною просьбою, подписанною именемъ Eulalie Bertier передать ихъ à M-me Lise. Очень мнѣ не хочется удаляться отсюда. А можетъ быть это будетъ необходимо и даже весьма скоро. Куда я отправлюсь? Еще не знаю. Въ Барселону? или въ Геную, для того, чтобы оттуда прямо возвратиться въ Локарно. Въ Барселонѣ я буду ближе къ Франціи, чѣмъ въ Локарно. Вашъ совѣтъ, друзья. Разумѣется на тотъ случай, когда мнѣ необходимо будетъ удалиться отсюда, что я сдѣлаю только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Отвѣчай немедленно на имя M-me Bastelica (pour Michel не снаружи, а на внутреннемъ конвертѣ).

М. Б.

XCVII.

19 ноября 1870. Локарно.

Мой милый и старый другъ Ага. Ты сталъ чрезвычайно скупъ на письма. Не загулялъ ли опять? Ей, братъ, повоздержись. Гуляй да въ мѣру, чтобъ не потерять, не позабыть и себя, и друзей и самое дѣло.

Изъ твоего послѣдняго письма я вижу, что ты очень разсѣяно читаешь мои письма и вѣроятно просто не дочитываешь ихъ. Ты мнѣ пишешь, что ты получилъ отъ меня конецъ брошюры, а я тебѣ писалъ въ письмѣ, сопровождавшемъ послѣднюю посылку, что вышлю еще много, много листовъ, такъ что выйдетъ не брошюра, а цѣлая книжка. У меня ужъ готовы еще сорокъ страницъ и это еще далеко не конецъ,—и если я не посылаю ихъ, такъ это потому, что мнѣ необходимо имѣть ихъ при себѣ для окончанія труднаго вопроса. Пожалуйста, мой милый другъ, возьмись серьезно за это дѣло, а не какъ-нибудь, потому, что если будешь дѣлать какъ-нибудь, то выйдетъ не дѣло, а дрянь. Во-первыхъ, я не порю горячки и совсѣмъ не спѣшу напечатать какъ можно скорѣе, какъ дѣлаетъ это О—овъ. Я спѣшилъ бы какъ онъ, еслибъ имѣлъ намѣреніе написать брошюру для скорѣйшаго воздѣйствія на общественное мнѣніе. Но у меня въ настоящую минуту нѣтъ этой цѣли; нѣтъ же ея потому, что нѣтъ болѣе вѣры, чтобы какими бы то ни было брошюрами, или даже непосредственными практическими предпріятіями и дѣйствіями, можно было теперь перемѣнить ходъ дѣлъ. По моему ложная Гамбетовская система вошла уже въ такую силу на практикѣ и до такой степени побѣдила и успѣла вытѣснить нашу систему, что еслибъ самъ Гамбета теперь захотѣлъ бы ее измѣнить, онъ бы не достигъ ничего, кромѣ окончательной гибели Франціи. Система его стала сильнѣе его самого и, хорошо или худо, она должна слѣдовать своему неотвратимому теченію и принести всѣ свои плоды, прежде чѣмъ можно бы было свергнуть ее. Поэтому я нисколько не спѣшу печатать. Я пишу патологическій эскизъ настоящей Франціи и Европы, для назиданія ближайшихъ будущихъ дѣятелей, а также и для оправданія своей системы и своего образа дѣйствій. Итакъ хочу написать нѣчто полное и вполнѣ цѣльное. Выйдетъ не брошюра, а книга. Знаютъ ли это въ кооперативной типографіи? Вѣдь отъ этого должны измѣниться условія и я вамъ, и тебѣ именно объ этомъ писалъ. О—овъ мнѣ пи-

шетъ, что ты одинъ будешь держать корректуру. Прошу тебя, милый другъ, возьми въ помощники Жука, который, я въ этомъ увѣренъ, не откажетъ тебѣ и мнѣ быть твоимъ сотрудникомъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ умъ, одинъ глазъ, и особливо твой, очень хорошъ, а два еще лучше. Если онъ согласится, я буду покоенъ, иначе буду просить, чтобы ты мнѣ посылалъ вторую корректуру до окончательнаго напечатанія. Пусть онъ будетъ также твоимъ помощникомъ въ сношеніяхъ съ типографіею. Сдѣлай это, прошу тебя, старый Ага и передай ему немедленно прилагаемое письмо.

А кстати, куда уѣхалъ О—овъ съ женою. Ты пишешь, что уѣхалъ, но куда, зачѣмъ и на долго ли, не пишешь. А мнѣ это знать необходимо. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ мнѣ писалъ, что ѣдетъ ко мнѣ. Я его жду. Напиши о немъ все что знаешь и передай или перешли ему мое послѣднее письмо съ приложеніемъ двухъ писемъ изъ Цюриха, которыя, надѣюсь, ты не затерялъ.

Пиши скорѣй, старый Ага, и ради нашей дружбы и нашей общей чести, ради самого дѣла, прошу тебя, пей въ мѣру.

Твой неизмѣнный М. Б.

Ты же и руку мою читаешь плохо, такъ что если будешь держать корректуру одинъ, выйдетъ непремѣнно путаница. Ты заставишь меня говорить другое—а это приведетъ меня въ отчаяніе. Мнѣ необходимо, чтобы брошюра или книга была правильно напечатана и потому повторяю: умъ хорошо, а два лучше.

Marie за меня обними.

XCVIII.

5 апрѣля 1871. Локарно.

1. Жану.

Вотъ тебѣ письмо къ Varlin. Посылаю его тебѣ теперь на тотъ случай, когда поджигаемый нашимъ нетерпѣливымъ другомъ Россомъ, ты рѣшишься

уѣхать въ Парижъ, прежде чѣмъ обстоятельства и главное денежныя средства позволятъ мнѣ пріѣхать къ вамъ. Объ этомъ я ужъ писалъ тебѣ и Россу вчера. Письмо ты передай Варлену не иначе, какъ собственноручно. По всѣмъ вѣроятностямъ парижане погибнутъ не даромъ, сдѣлавъ дѣло; пусть положатъ съ собою по крайней мѣрѣ полъ-Парижа. Провинц. города: Ліонъ, Марсель и другіе къ несчастью по прежнему плохи, судя по крайней мѣрѣ по всѣмъ извѣстіямъ, до меня дошедшимъ. Очень безпокоятъ меня также старые якобинцы: Делеклюзы, Флурансы, Піяты и даже Бланки, сдѣлавшіеся членами Коммуны. Боюсь, что они потянутъ и перетянутъ ее на старую головорѣзную и карманощадительную колею. Тогда все пропало. Une et indivisible все погубитъ, и прежде всего погубитъ себя. Все достоинство этой революціи состоитъ именно въ томъ, что она революція рабочихъ. Вотъ что дѣлаетъ организація. Наши друзья, во время осады, успѣли и умѣли организоваться и такимъ образомъ создали громадную силу,—а наши ліонскіе и марсельскіе остались ни при чемъ. Въ Парижѣ сосредоточилось слишкомъ много способныхъ и энергичныхъ людей, такъ много, что боюсь, чтобы они не стали мѣшать другъ другу. За то въ провинціи нѣтъ никого. Если еще будетъ время, надо будетъ напирать, чтобы изъ Парижа попало какъ можно болѣе истинно революціонныхъ делегатовъ въ провинцію. Какъ это Cluseret попалъ въ комитетъ? Неужели это правда? Да вѣдь это просто насиліе, если только правда. Что за дьявольски трудное положеніе. Съ одной стороны стачка, полицейская, пруссаковъ съ фр. реакцію,—съ другой глупость провинціи. Только самыя отчаянныя мѣры и готовность все рушить съ собою можетъ спасти дѣло. Прошу тебя, напиши все, что знаешь о Ліонѣ и о Марселѣ, а также о Парижѣ. Уѣхалъ Жемсъ или нѣтъ?

Зачѣмъ книга моя печатается на такой сѣрой грязной бумагѣ?

Я хотѣлъ дать титло другое:

L'Empire Knouto Germanique et la Revolution Sociale.

Если окончательный оттискъ еще не сдѣланъ, то перемѣните. Ну, а если ужъ совсѣмъ напечатано, пусть останется ваше названіе книги.

Прошу тебя прислать мнѣ немедленно всѣ напечатанные листы въ 20 экземплярахъ, да послать по экземпляру: Аллерини въ Марсель, кому-нибудь въ Ліонъ, хоть Ритеру, или M-me Blanc—Сентинѣону и Палисеръ Фери въ Барселону. Адресы ихъ, а также Аллерини возьми у Жука.

А что Жукъ и Утинъ не сбираются ли въ Парижъ. Пришли Egalité. А что-жъ Solidarité?

Если ты поѣдешь, другъ Саша, по крайней мѣрѣ на первое время, останется, разумѣется, въ Женевѣ. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта.

А что Лазаревъ, гдѣ летаетъ со своею машиною? Не знаешь ли чего о П—ѣ?

А Л. говоритъ, что въ Россіи будетъ скоро болѣе 2-хъ милліоновъ войска и что всѣ вооружены, солдаты дисциплинированы по новой прусской системѣ, а офицеры научены отлично. А что слышно о Нечаевѣ и Comp.?

Ты выучись читать мое письмо къ Varlin и прочти ему его самъ, если можно, при нѣсколькихъ другихъ короткихъ . А хорошо бы намъ увидѣться передъ вашимъ отъѣздомъ. Пришлите денегъ,—пріѣду послѣ 13-го или 15-го апрѣля.

Россъ — принятое имя одного русскаго, который въ то время игралъ довольно видную роль въ эмиграціи.

James (Guillaume) извѣстный въ свое время членъ «Юрской Федераціи», — соціалистическаго общества, имѣвшаго главный центръ въ Chaux de Fond, которое Бакунинъ иногда называлъ въ письмахъ «горцами».

---

2. Агѣ.

Ну, другъ Ага. Напиши же и ты мнѣ хоть строчку. Что ты думаешь о парижскомъ отчаянномъ движеніи? Чѣмъ бы ни кончилось, а надо сказать, что молодцы. Въ Парижѣ нашлось именно то, чего мы тщетно искали въ

Ліонѣ и въ Марселѣ: организація и люди, рѣшившіеся идти до конца. Вѣроятно они будутъ побѣждены. Но вѣроятно то, что для Франціи отнынѣ не будетъ другого существованія, кромѣ соціальной революціи. L'Etat Français погибло на вѣки. Тамъ революціонеры страшнѣй 5 милліардовъ—и сколько разныхъ націй! 1) мужики, 2) работники, 3) мелкая bourgeoisie, 4) большая burgeoisie, 5) выходцы съ того міра дворяне и 6) вѣчныя тѣни вампиры—попы, 7) наконецъ бюрократическій міръ, 8) пишущій пролетаріатъ. Между всѣми націями солидарности никакой, кромѣ взаимной ненависти и патріотической фразы. А Л. я очень доволенъ. Докопался въ немъ до стараго пріятеля,—тотъ, же рыцарь, тотъ же послѣдній могиканинъ изъ дворянъ только теперь съ кооперативною заботою. А за дѣло мое онъ принялся горячо, искренно, охотно,—и есть серьезная надежда, что устроитъ его.—А ты, старый другъ, пиши. Сегодня телеграфировалъ тебѣ, прося выслать contre rembourseиent 2 фунта чаю. Такъ пришли же. А что дѣлаетъ my Angel Marie? Какъ ея здоровье и твое также? Пиши скорѣе.

Твой М. Б.

Прочитай мое письмо къ Varlin и скажи свое мнѣніе.

XCIX.

9 апрѣля 1871. Локарно.

Свѣтлое воскресеніе по здѣшнему, а по нашему, кажется, нѣтъ еще.

Мой милый Ага. Получилъ чай, спасибо—и кажется даромъ, въ видѣ дружескаго приношенія,—за это вдвое спасибо. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя и отъ О—ова писемъ,—отвѣтовъ на три письма. Стараго повторять не стану. А хочу поговорить съ тобой о первомъ выпускѣ моей книги. Бѣдный другъ нашъ О. поретъ теперь

горячку съ горцами по поводу Парижа и Франціи, такъ поэтому, несмотря на всю добрую волю, еще думать много о семъ произведеніи моего прыткаго пера, думать некогда. Я самъ было запоролъ горячку, но пересталъ. Вижу слишкомъ ясно, что дѣло проигранное.—Французы, даже работники не приняты еще достаточно,—а, кажется, урокъ былъ ужасный. Но какъ было его мало. Надо болѣе бѣдъ, сильнѣйшихъ потрясеній. Обстоятельства сложились такъ, что въ нихъ недостатка не будетъ,—и тогда можетъ быть дьяволъ проснется. Но пока онъ дѣйствительно не проснулся намъ тамъ дѣлать нечего. Въ чужомъ пиру похмѣлье было бы плохое, чрезвычайно непріятное, тѣмъ болѣе, что совершенно безполезное. Наше дѣло готовиться, организоваться. распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробужденья дьявола. А до тѣхъ поръ тратить свои бѣдныя средства и своихъ немногихъ людей,—наше единственное сокровище,—было бы преступно и глупо. Таково мое окончательное мнѣніе. Я стараюсь и ты старайся всѣми силами удержать нашего друга, нашихъ друзей О. и Росса, а также нашихъ горныхъ друзей. Въ такомъ смыслѣ я вчера писалъ Адгемару. Скажи О., да впрочемъ вѣдь онъ самъ прочтетъ это письмо, которое относится точно такъ же къ нему, какъ и къ тебѣ.—Итакъ возвращаюсь къ моей книгѣ:

Первый выпускъ долженъ быть въ 8 листовъ.

Вопросъ первый: Достаточно ли у васъ матеріалу для 8 листовъ,—и если недостаточно, пусть въ типографіи сочтутъ, сколько моихъ страницъ будетъ нужно?—Я сейчасъ же пришлю.

2) Продолжаютъ печатать или нѣтъ и есть ли достаточно денегъ для заплаты восьми листовъ, а если нѣтъ, какія мѣры приняты для пріобрѣтенія ихъ.

3) Ты, старый другъ, присмотри, чтобы напечатано было хорошо, безъ ошибокъ. Нельзя ли употребить француза, который во время оно держалъ очень хорошо корректуру у Чернецкаго, а за его отсутствіемъ. другого.

4) Хорошо бы было, еслибъ первый выпускъ былъ законченъ, а не прерванъ на половинѣ фразы.

5) Я просилъ О—ова выслать мнѣ 20 экземпляровъ напечатанныхъ листовъ и нѣсколько экземпляровъ послать по адресамъ, мною ему назначеннымъ. Прошу васъ, сдѣлайте это какъ можно скорѣе.

Прощай. Обнимаю тебя и Marie. Напиши о себѣ, какъ живешь, что дѣлаешь. Антося вамъ кланяется.

Твой М. Б.

С.

16 апрѣля 1871.

Мой милый Ага. Вчера получилъ твое письмо, сегодня отвѣчаю. Ты, мой другъ, не сомнѣвайся, ваши письма ко мнѣ не пропадаютъ, всѣ акуратно доходятъ и я, кажется, отвѣчаю обстоятельно на всѣ замѣчанія и вопросы.

Ты пишешь теперь, что рѣшились издать первый выпускъ въ 5 листовъ; ты мнѣ это писалъ, не получивъ еще моего послѣдняго письма, въ которомъ я умоляю, совѣтую, прошу, требую наконецъ, чтобъ первый выпускъ включилъ также и всю нѣмецкую исторію до крестьянскаго движенія и съ крестьянскимъ движеніемъ и кончился именно передъ главою, окрещенною мною такъ: Sophismes historiques des Communistes allemands". Я замѣтилъ еще, что это оглавленіе можетъ быть измѣнено Гильомомъ, вычеркнуто имъ, но не такъ вычеркнуто безъ сомнѣнія, чтобы вы не могли прочесть. Однимъ словомъ, конецъ долженъ быть тамъ, гдѣ собственно начинаются, или вѣрнѣе, передъ началомъ философскихъ разсужденій о свободѣ, о человѣческомъ развитіи, объ идеализмѣ и матеріализмѣ и т. д. Прошу тебя, Огаревъ, и прошу васъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ печатаніи книги, сдѣлайте именно такъ, какъ я васъ прошу сдѣлать,—это для меня необходимо.

Такимъ образомъ, включивъ всю нѣмецкую исторію съ крестьянскимъ бунтомъ въ первый выпускъ, этотъ выпускъ будетъ въ 6, въ 7 или даже пожалуй въ

8 листовъ. Здѣсь я этого опредѣлить не могу, вы можете. Что за бѣда, что онъ выйдетъ длиннѣе, чѣмъ было предположено вами; вѣдь ты самъ пишешь, что денегъ есть на десять листовъ. А вотъ что можетъ случиться, что матеріалъ, назначенный мною для перваго выпуска, будетъ недостаточенъ для пополненія послѣдняго листа (6-го или 7-го или 8-го). Въ такомъ случаѣ вы вотъ что сдѣлайте:

1) Сейчасъ же отошлите мнѣ весь остальной манускриптъ, т. е. все, что не войдетъ въ 1-й выпускъ до 285 страницы включительно.

2) Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлите и послѣднюю страничку изъ той части, которая должна войти въ первый выпускъ (въ оригиналѣ или переписанную съ означеніемъ нумера страницы, если у кого милость будетъ переписать ее) для того, чтобъ я могъ придѣлать къ ней продолженіе. И попросите, чтобъ въ типографіи сосчитали, сколько именно нужно моихъ страницъ для окончанія листа? Я сейчасъ же прибавлю все что нужно и черезъ два дня, не больше, отошлю вамъ вновь написанное. Только не позабудь прислать мнѣ эту послѣднюю страничку, безъ которой писать продолженіе было бы невозможно.

Прошу тебя, Огаревъ, склонись милостиво на мою просьбу и на мое законное требованіе и сдѣлай аккуратно и скоро все, что я прошу, и именно такъ, какъ я прошу. Еще разъ, мнѣ это необходимо, а почему иеобходимо, скажу при свиданіи, которое, надѣюсь, должно осуществиться скоро.

Ты все требуешь, чтобы я прислалъ тебѣ конецъ. Милый другъ, неотлагательно пришлю матеріала еще на второй выпускъ въ 8 листовъ, а все еще окончанія не будетъ. Пойми, что я началъ брошюру, а кончаю ее, какъ книгу. Это уродливо, но чтожъ дѣлать, я самъ уродъ,—и хоть уродливо, а книга выйдетъ дѣльная и живая. Она у меня почти вся написана. Слѣдуетъ только привести все въ порядокъ. Это моя первая и послѣдняя книга, мое духовное завѣщаніе. И такъ ты мнѣ, милый другъ, не мѣшай, ты знаешь отъ любимаго плана, отъ послѣдней мысли отказаться, ни

даже измѣнить ихъ невозможно. Chassez le naturle, il revient au galop. Дѣло въ деньгахъ. Всего собрано только на 10 листовъ и такимъ образомъ будетъ никакъ не менѣе 24 листовъ. Объ этомъ не тревожься, я уже принялъ мѣры для собранія нужной суммы. Главное на первый выпускъ въ 6, 7, или даже 8 листовъ деньги есть; и такъ печатайте и издавайте первый выпускъ смѣло, именно въ желаемомъ мною (а не въ опредѣленномъ вами) объемѣ. Богъ дастъ день, богъ дастъ и хлѣбъ.

Кажется ясно, теперь сдѣлайте какъ я прошу, акуратно и скоро, и все будетъ ладно.

Еслибъ зависѣло отъ меня, я бъ ни Росса, ни дю-Ляка не пустилъ бы въ Парижъ, особливо не пустилъ бы послѣдняго. Но я уважаю свободу друзей и, разъ убѣдившись, что рѣшеніе ихъ ѣхать непреклонно, не поперечу. Россъ уже уѣхалъ. Боюсь, чтобы онъ не попался въ непріятельскія лапы прежде, чѣмъ попадетъ въ Парижъ. Сукины дѣти разъярены теперь противъ всѣхъ иностранцевъ; въ Марселѣ разстрѣливали гарибальдійцевъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Покамѣсть нѣтъ серьезнаго движенія въ провинціи, я для Парижа не вижу спасенія. Вижу, что Парижъ силенъ и рѣшителенъ, благодаря богамъ. Наконецъ-то вышли изъ періода фразъ въ періодъ дѣла. Чѣмъ бы ни кончилось, они все-таки создаютъ огромный историческій фактъ.—А на случай неудачи, у меня остается два желанія: 1-ое) чтобы версальцы не побѣдили Парижа иначе какъ съ открытою прусскою помощью, 2-ое) что бы парижане, погибая, погубили вмѣстѣ съ собою по крайней мѣрѣ полъ-Парижа. Тогда соціально-революціонный вопросъ, вопреки всѣмъ военнымъ побѣдамъ, будетъ поставленъ огромнымъ, неотвержимымъ фактомъ.

А если перемѣнить еще можно, назовите мою книгу такъ:

L'Empire Knouto-Germanique et la Revolution Sociale.

Твой М. Б.

Сочиненія L'Empire Knouto-Germanique вышелъ только первый выпускъ. (Genéve, 1871).

CI.

3 октября 1871.

Агѣ и О—ову.

Друзья мои, приношу вамъ повинную голову, простите. Дѣла, безденежье, хандра, нездоровье, а главное, моя война противъ Осипа Ивановича *) такъ парализовали и охватили меня, что я прекратилъ было всякую переписку. „Голоса“ не могъ послать, потому что онъ находится въ рукахъ одного русскаго въ Италіи. Не сегодня, такъ завтра получу его обратно и тогда сейчасъ же пришлю.

И теперь только-что взялъ перо въ руки, долженъ кончать. Но на дняхъ, вѣроятно завтра, напишу каждому изъ васъ по длинному письму.

А пораженіе Утина и торжество Малона чрезвычайно порадовали меня. Милый О—овъ, прошу тебя, поболѣе драматическихъ подробностей. Чтожъ дѣлать, если сплетни тѣшатъ меня старика! Слабость, братецъ, старческая слабость, а хорошія сплетни люблю. Такъ напиши же мнѣ, присутствовала ли Ольга при пораженіи возлюбленнаго? И неужели Утинъ не пытался отвѣчать на страшныя обвиненія Малона?

Программа ваша, братъ, довольно плоха, но не въ томъ дѣло, а дѣло въ томъ, что вы дѣлаете для пропаганды и организаціи.

Обнимаю васъ обоихъ. М. Б.

CII.

Отрывокъ (1871?)

. . . . ихъ до востребованія, раздавая ихъ по немногу только тому, кому стоитъ.

А что дѣлаетъ другъ Сашенька? Пришли или пусть она сама пришлетъ толковый адресъ свой.

---

*) Guiseppe Mazzini. М. Др.

А именно, я знаю, что 2, rue des Petits Philosophes,—но не помню chez M-me Jaquet или нѣтъ? Я ей напишу скоро, а черезъ нее О—ову.

О—овъ пишетъ, что онъ мнѣ посылаетъ одну машинку, а я просилъ и прошу двѣ машинки. Пожалуйста пришлите мнѣ вторую.

Обнимаю тебя, старый другъ, и жду стиховъ и письма.

Твой М. Б.

Въ какую Клюзу ты посылаешь Henry? Пожми ему руку и обними mine angel Marie, а полковнику передай прилагаемое письмо, которое прежде самъ прочти.

За 50 фр. спасибо. Они дѣйствительно были очень нужны.

СШ.

(1871?)

Мой милый Ага. Я все болѣе и болѣе утверждаюсь въ мысли, что нашъ полковникъ человѣкъ далеко не достовѣрный, и жалѣю, что письмо мое къ братьямъ было свезено имъ. Не мудрено, что именно вслѣдствіе этого я не получаю отъ нихъ ни писемъ, ни денегъ. Ты ничего не пишешь, получилъ ли ты и передалъ ли ему мое письмо съ новою росписку, въ 290 фр. и что онъ сказалъ при полученіи оныхъ. Обратилъ ли вниманіе на фразу въ письмѣ и росписке, которою я опредѣляю и высказываю глубокое политическое разномыслiе, раздѣляющее меня отъ братьевъ. Напиши непремѣнно, что именно онъ сказалъ, прочитавъ эту фразу?

Ну, старый и дорогой братъ мой, я работаю, пишу прилежно и посылаю новые листы почти каждый день. А ты что дѣлаешь? Что пишешь? что готовишь?

Надѣюсь, что вы, сообразуясь съ моею просьбою, не послали моихъ напечатанныхъ писаній нашимъ

лондонскимъ мерзавцамъ. Напиши и объ этомъ, пожалуйста.

А Магіе за меня обними крѣпко, да и напиши поподробнѣе, какъ вы живете и что дѣлаете? А мы, братъ, бѣдуемъ,—въ домѣ ни гроша, а долговъ пропасть. Надо всю силу абстракціи, чтобы не сойти съ ума въ такомъ положеніи.

Твой неизмѣнный М. Б.

А пришлите мнѣ посмертную, недавно напечатанную, книгу Герцена. Непремѣнно пришли. Онъ, говоритъ, много толкуетъ, и разумѣется, съ фальшивою недоброжелательностью, кисло-сладкою симпатіею обо мнѣ. Надо же мнѣ прочесть, а пожалуй, и отвѣтить.

CIV.

14 ноября 1871. Локарно.

Мой милый, старый Ага. Я такъ долго не писалъ тебѣ, потому что положеніе мое стало изъ рукъ вонъ мерзко, и каждый день становится хуже, такъ что я ничего веселаго сказать не могу:

1) Жена потеряла послѣдняго брата. Она и все семейство ея въ отчаяніи. Она боится за жизнь матери, отца, сестеръ, которыхъ страстно любитъ. Я вожусь съ нею день и ночь, чтобъ хоть нѣсколько ее успокоить, увѣряя, что всѣ остальные живы. Мы истратили послѣдніе 25 фр., чтобъ послать телеграмму въ Красноярскъ къ сестрѣ; но до сихъ поръ, вотъ уже 11-й день, нѣтъ отвѣта. Можетъ, правительство перехватило, а можетъ быть, случилось и новое несчастье. Я дрожу.

2) Прибавь къ этой лихорадкѣ не только совершенное безденежье и всеобщее погруженіе въ долгахъ, но несносныя приставанья хозяйки дома, еписіера и мясника. Послѣдніе два отказались давать провіантъ, такъ что мы вотъ ужъ второй день, какъ перестали

ѣсть мясо и скоро останемся безъ свѣчей и безъ дровъ. А денегъ взять не откуда. Можетъ быть пришлютъ что-нибудь сестры Антоси, если правительство не перехватитъ. Пожалуйста не говори объ этомъ никому; чтобы Женева не заболтала, не то вѣдь послѣдняя надежда лопнетъ.

До сихъ поръ я надѣялся, что братья пришлютъ,— и еслибъ не твои милые protegés, M-me Herzen и прелестный пасынокъ ея, мнѣ не нагадили, то, безъ сомнѣнія, прислали бы, потому что Л. взялся за дѣло горячо. Но они нагадили. Кому угодно отрицать это, а я знаю.—Ну, да чортъ съ ними.

3) Несмотря на все это, я по силамъ продолжаю дѣлать свое дѣло,—веду въ Италіи отчаянную и побѣдоносную борьбу со всѣми мацинистами и идеалистами. Ты находишь, что все это не нужно. Ну, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, мы съ тобой несогласны.—И тутъ также Герцены старались подгадить мнѣ. Прислали Мацини переводъ пасквиля Александра Ивановича противъ меня въ посмертныхъ сочиненіяхъ.—Напечатали въ Unità Italiana.—Все напрасно. Я даже не почелъ нужнымъ отвѣчать. Пусть себѣ собаки лаютъ.

Вотъ милый другъ, моя жизнь. Ты поймешь теперь, что нѣтъ большой охоты писать. Доживаю свой вѣкъ въ борьбѣ, ну, и буду бороться, пока силъ станетъ.

Прощай, обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ. Русскія газеты наконецъ получилъ. Пришлю, только на почтѣ не заплачу. Не франкирую даже этого письма, а письмо къ О—ову ты передай. Онъ такой же нищій, какъ и я,—значитъ не франкированныхъ писемъ ему посылать нельзя.

Твой М. Б.

Къ вамъ пріѣхалъ Зайцевъ. Онъ кажется, очень хорошій человѣкъ.

Разсерженный столкновеніемъ въ Стокгольмѣ и изданіемъ статьи о немъ въ „Посм. Сочиненіяхъ“ А. И. Герцена, Бакунинъ приписывалъ А. А. Герцену небывалыя и ненужныя

„гадости“. Надо ли говорить, что статья „М. Б. и польское дѣло“ въ „Посм. Сочиненіяхъ“, написанная впрочемъ съ личною симпатіей къ Бакунину, далека отъ „пасквиля“ и вполнѣ подтверждается настоящими письмами?

Къ тому же Бакунина не должно было удивлять въ этой статьѣ критическое отношеніе Герцена къ его дѣятельности, такъ какъ въ письмахъ къ нему Герценъ высказывалъ тоже самое гораздо рѣзче. Изъ писемъ Герцена къ Огареву (да и Огарева), писанныхъ въ послѣдніе годы жизни перваго, видно, что въ это время происходило значительное даже личное отдаленіе между Бакунинымъ и Герценомъ и даже между первымъ и Огаревымъ,— напр.

14 іюля 1868: „Бакунинъ совершенно принадлежитъ партіиЭльпидина и съ нимъ въ кошонной дружбѣ“. („Русск. Стар.“ 1886, XII, 665).

13 окт. 1868: „Жаль, что въ Женевѣ никакъ не приходится оставаться,—вотъ еще и лавина Бакунинъ (а ты все таки его не спрашивалъ, зачѣмъ онъ секретничалъ, зачѣмъ скопъ дѣлалъ тайный съ Эльпидинымъ и не онъ ли вдохновлялъ Миколку публициста?“)—(тамъ же, 674).

4 дек. 1868: „Знаешь ли, что я ждалъ, что Б—нъ пришлетъ спросить о Татѣ, для того чтобъ примириться. Онъ не прислалъ..... é rotta l'altissima colonna (развалилась высочайшая колонна)“. 678.

20—21 февр. 1869: „Въ ту минуту, когда я тебѣ писалъ о замиреніи съ Бакунинымъ, онъ открывалъ Кучукъ-Кайнарджи. Отчего же тебѣ визитъ его тяжелъ?... Мнѣ совсѣмъ не жаль, что „Народное Дѣло“ лопнуло, и не жаль, „что намъ нечѣмъ помочь“... Кантонисты революціи сдѣлали себя генералами, въ десятый разъ доказали свое безсиліе, свою сварливость! Бакунинъ можетъ жалѣть; ему однимъ диктаторствомъ меньше“. (682—3). - Бакунинъ позже объявлялъ, что онъ принималъ участіе только въ первомъ №-рѣ „Н. Д.“.

Война Бакунина съ мацциністами выразилась между прочимъ въ изданіи брошюры La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. Premiére partie. 1871.

CV.

ДВА ПИСЬМА А. БАКУНИНОЙ КЪ ОГАРЕВУ.

9 февраля 1872. Locarno.

Николай Платоновичъ.—Нужда тѣснитъ насъ. Хозяйка отказалабъ намъ въ квартирѣ, еслибъ мы не выплатили къ 8 февраля,—срокъ мѣсячный найма квартиры, 317 фр.—Мы были принуждены сдѣлать lettre de

change въ 300 фр. и въ концѣ февраля мы должны будемъ выплатить эту сумму въ здѣшній національный банкъ, иначе у насъ опишутъ всѣ наши вещи. Николай Платоновичъ, вы легко поймете мое отчаяніе, мой ужасъ, не изъ страха потери нашихъ вещей, но намъ послѣ этого нельзя будетъ даже оставаться въ Локарно. Я всѣ средства уже истощила, я не знаю, что дѣлать. Семья моя далеко, Мишель не имѣетъ никакихъ средствъ, а у меня двое маленькихъ дѣтей. Николай Платоновичъ, вы старый другъ Мишеля, постарайтесь помочь намъ, спасите насъ отъ горькаго стыда описанія нашего бѣднаго имущества. Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе ради всего, что есть для васъ святого.

Простите безпорядокъ моего письма, но мнѣ такъ тяжело, что и голова-то неясна. Пишу безъ вѣдома Мишеля, который былъ бы противъ моего письма.

Антони Бакунина.

Отвѣчайте на адресъ: Paulo Gaverali. Farmacista. Locarno Pour Madame Antonie (во внутреннемъ конвертѣ).

Николай Платоновичъ.—Не сейчасъ отвѣчала вамъ потому, что мнѣ грустно было; не знаю какъ, но я имѣла надежду, что вы успѣете помочь намъ. Ошиблась. Простите безпокойство, безполезную тревогу, причиненную вамъ моимъ письмомъ. Ничего не пишите о моемъ письмѣ Мишелю. Къ чему! Arrive ce qui arrive, не намъ первымъ, не намъ послѣднимъ познакомиться близко съ настоящею нуждою. До этихъ поръ мы какъ-то счастливо ея избѣгали, а теперь, вѣроятно, придется и намъ заплатить ей дань.

Что касается Герценовъ, мнѣ почти неизвѣстны Мишеля отношенія съ ними; я такъ чужда всей остальной жизни кромѣ моихъ дѣтей. Вы, Николай Платоновичъ, знаете ихъ хорошо, такъ сами можете рѣшить.

Простите короткость моего письма, а также, что посылаю его не франкированнымъ, въ эту минуту мы à la lettre sans sou.

Преданная вамъ Антони Бакунина.

18 февраля 1872. Locarno.

CVI *).

28 мая 1872. Locarno.

Спасибо тебѣ, другъ 7 [1]), за то, что ты первый вспомнилъ о моемъ существованіи.—Начинаю разговоръ съ дѣла, о которомъ ты пишешь: не въ укоръ будетъ сказано 3-му [2]), я считаю вступленіе ваше въ 154 [3]) чрезвычайно полезнымъ и важнымъ. Эти люди оказываютъ вамъ довѣріе, ищутъ васъ, не ожидая того, чтобы вы ихъ искали; мнѣ кажется, что было бы не простительно, если бы вы, руководствуясь какими бы то ни было высшими политическими соображеніями и хитросплетеніями, отказались принять братски протянутую руку. Къ тому жъ, поступивъ такимъ образомъ, т. е. сойдясь съ ними, вы ничѣмъ не рискуете. Вы, разумѣется, не откажетесь передъ ними отъ своей собственной программы, выражающей вѣрно ваши завѣтныя убѣжденія. Эти убѣжденія вы выскажете имъ скромно, умно, понемногу, но твердо и вполнѣ, по крайней мѣрѣ главныя основы вашей программы, единственныя, на основаніи которыхъ вы въ правѣ и можете серьезно сходиться съ людьми и только въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, вы должны отказаться отъ участія въ 154, когда найдете въ началахъ и цѣляхъ, признаваемыхъ имъ, коренное противорѣчіе съ вашими убѣжденіями. А польза вашего участія въ 154 для меня несомнѣнна. Оно можетъ, если только люди, его составляющіе, серьезные, честные люди, или даже если только немногіе между ними таковы, что наше схожденіе съ ними возможно,—оно можетъ быть дѣй-

*) Въ этомъ письмѣ разныя лица и общества названы для соблюденія тайны номерами. Это была манера, усвоенная Бакунинымъ въ послѣдніе годы. Свѣдѣнія объ этихъ именахъ доставлены З. К. Ралли.

[1]) 7—Ралли.

[2]) 3—Р—съ.

[3]) 154—Польское соц. общество, состоявшее изъ 15—20 эмигрантовъ, во главѣ съ Стемковскимъ, который былъ тогда секретаремъ Грейлиха и марксистской секціи Интернаціонала.

ствительно началомъ для нашего 121 [4]) 101 [5]).—А это чрезвычайно важно.—Во что бы то ни стало старайтесь уничтожить въ корнѣ всякое 141 [6]) вліяніе, и преимущественно вліяніе 155 [7]) и ему подобныхъ въ 154.—Итакъ, основываясь впрочемъ на всемъ, что ты мнѣ писалъ, уговариваю васъ вступить немедленно въ 154, и начавъ свою тихомолвную и осторожную пропаганду противъ всякаго интимнаго сближенія его съ 141, 123, 97, не доводить однакожъ сейчасъ же до полнаго и явнаго разрыва съ нимъ. Пусть прежде, подъ покровительствомъ 155, 76 признаетъ его если это только возможно [8]). Таково по крайней мѣрѣ ~~мое~~ мое мнѣніе и вы, видящіе дѣло полнѣе и ближе, рѣшите сами, возможно ли это или нѣтъ.

2. Я жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ извѣстія о вашемъ окончательномъ рѣшеніи на счетъ 8 [9]).—Приняли ли вы его въ 79 [10]) или нѣтъ? Вѣдь мы всѣ были согласны,—оставалось согласіе 2 [11]),—съ которымъ онъ безъ сомнѣнія встрѣтился на 153 [12]),—Не думаю чтобы 2-й могъ быть противъ него. Что до меня касается, то я дѣйствительно убѣдился въ его дѣльности, преданности и полезности,—жду вашего отвѣта.

3. А кстати, не разсердился ли 2 за мое выступленіе противъ его женевской тактики и программы, которыя я дѣйствительно нахожу изъ рукъ вонъ плохими?

4. Я просилъ васъ черезъ 8-го подождать, т. е. не спѣшить въ дѣлѣ разрушенія 78-го [13]); дѣло, которое

---

[4]) 121—Славянская секція Интернаціонала въ Alliance.

[5]) 101—Alliance.

[6]) 141—Грейлихъ и его товарищи.

[7]) 155—Т—ій (членъ польск. общ.), эмигрантъ.

[8]) 76—Генеральный Совѣтъ Интернаціонала. (?)

[9]) 8—Лермонтовъ, умершій въ петербургской тюрьмѣ, во время ареста по процессу 163-хъ.

[10]) 79—Комитетъ Славянской секціи, состоявшій изъ 9 человѣкъ.

[11]) 2—А. Э—ъ, эмигрантъ.

[12]) 153—Конгрессъ секцій Юрской федераціи въ Невшателѣ.

въ самомъ дѣлѣ не спѣшно, и отложить его до моего пріѣзда; какъ порѣшили этотъ вопросъ?

5. Съ 8-мъ же я прислалъ вамъ подробно мною ему изложенное предложеніе на счетъ вашего протеста противъ возмутительно-несправедливаго и произвольнаго отверженія публикованнаго 74-мъ [14]) противъ 30 [15]) славянской (205) секціи (196).—Просилъ васъ всѣхъ переговорить объ этомъ дѣлѣ, которое считаю чрезвычайно полезнымъ, съ 10 [16]).—Что сдѣлали вы по этому поводу?

6. Съ 8 я послалъ 10 окончаніе моего испанскаго письма, начало котораго (1-й листъ) должно было быть передано или прислано ему 3-мъ.—Кромѣ того, въ воскресенье 19-го, въ самый день конгресса, 10 долженъ былъ получить письмо, которое долженъ былъ прочесть вамъ всѣмъ.—Такъ какъ я не получилъ еще рѣшительно ни отъ кого писемъ, то не знаю, что было сдѣлано и рѣшено по всему этому дѣлу.

7. Каковы теперь ваши отношенія къ 3.—Кромѣ двухъ писемъ, написанныхъ имъ еще прежде пріѣзда 8-го ко мнѣ, я ничего не получалъ отъ него. Никогда ни словомъ, ни даже намекомъ (онъ) не заикнулся на счетъ своихъ отношеній къ 15-му.—Во второмъ письмѣ (онъ) просилъ меня только, чтобы я предупредилъ его, когда я выѣду изъ Локарно, желая встрѣтить меня и переговорить со мной съ глаза на глазъ прежде моего пріѣзда въ Цюрихъ, на что я, разумѣется, въ отвѣтѣ своемъ согласился,—но на этотъ отвѣтъ (отъ 11 мая) не получилъ еще отвѣта. Прошу васъ, друзья, скажите мнѣ безъ всякой церемоніи, ложной деликатности и утайки, всю суть вашихъ отношеній съ 3, а также ваше теперешнее мнѣніе о немъ; мнѣніе можетъ быть и ошибочное, но не бойтесь ошибаться передо мною; если ошибетесь, потомъ сами узнаете ошибку и сознаетесь въ ней передъ нимъ же

---

[13]) 78—В. С—ъ, эмигрантъ.
[14]) 74—К. Марксъ.
[15]) 30—Бакунинъ.
[16]) 10—James Guillaume (вліятельный членъ Юрской федераціи).

самимъ, если мы окончательно съ нимъ сойдемся,— отъ меня же онъ ничего и никогда не узнаетъ.—Въ этомъ, надѣюсь, вы увѣрены. Я искренно люблю 3, но люблю и цѣню нашъ 79 выше его.

8. Наконецъ, письмо 7-го произвело на меня такое впечатлѣніе, что мнѣ кажется, что вы по какой бы то причинѣ ни было не совсѣмъ довольны 153-мъ ни моими горными (207) друзьями (210). Если я не ошибся, то хочу знать и слышать отъ васъ всѣ причины, большія и маленькія, общія и личныя, вашего недовольствія. Heraus mit der Sprache—не бойтесь, друзья, разоблачиться передо мною и показать себя во всей наготѣ, каковы вы.—Помните, что наше первое братское условіе: совершенная взаимная прозрачность;—къ тому же помимо вашихъ собственныхъ лицъ, желаю слышать отъ васъ, именно отъ васъ, всѣ подробности, слова, происшествія и личныя и общія проявленія конгресса.—Кто именно, мужчины и дамы, пріѣхали изъ Цюриха? Назовите всѣхъ по имени, а также по возможности опишите слова и дѣйствія каждаго. Какъ велъ себя 130 [17]) и былъ ли онъ многочисленъ, и въ какихъ находитесь вы съ нимъ отношеніяхъ?

Были ли читаны на конгрессѣ Гильомомъ мои предложенія касательно характера и границъ Интернаціоналки?—Однимъ словомъ, друзья, прошу васъ написать мнѣ подробности, какія только можете припомнить.

Письмо твое, другъ 7, дышетъ какъ будто унынiемъ,—а впрочемъ ужъ не прошелъ ли для васъ медовый мѣсяцъ нашего 79-го и не начался ли Katzenjammer, пора разочарованія?—Не возникло ли между вами самими сѣмя, зародышъ недоразумѣнія и взаимнаго недовѣрія? Надѣюсь, хочу вѣрить, что нѣтъ, а если къ несчастью да, или полу-да, или сотая часть да,—друзья мои, спѣшите братскимъ, честнымъ объясненіемъ задавить между вами этотъ поганый зародышъ, вырвать его, такъ какъ д-ръ Орелли вырвалъ изъ подошвы

---

[17]) 130—Lefrançais (членъ парижской Коммуны) и его товарищи въ Женевѣ.

моей самый корень мозоли. Дня чрезъ два или три буду ходить. А вы, надѣюсь, не перестали ходить.

Если можете, пришлите 200 фр. къ моему выходу,—если не можете, не присылайте,—но пишите скорѣе, полнѣе и удовлетворительно.

Вашъ неизмѣнный М. Б.

CVII.

СТАТЬЯ ДЛЯ ПОЛЬСКАГО ЖУРНАЛА «GMINA» (ОБЩИНА)

Назовите какъ хотите.

Панская Польша погибла безвозвратно! Народная, хлопская, чернорабочая Польша должна воскреснуть.

Будемъ справедливы. Въ тѣ вѣка, когда, за исключеніемъ весьма немногихъ странъ, вездѣ царствовала шляхетская и монархическая тиранія, польская шляхта, по крайней мѣрѣ для себя, умѣла сохранить гордый духъ свободы. Она была, правда, жестокою притѣснительницею и піявицею для бѣднаго люда. Она строила богатство, величіе и волю свою на разореніи, униженіи и порабощеніи безчисленнаго хлопскаго міра. Но, по крайней мѣрѣ, она умѣла сохранить свою собственную волю, и въ то время, когда дворянства всѣхъ странъ наполняли лакейскія и дворы самодержавныхъ монарховъ, она одна не преклонила своей надменной головы передъ польскими королями.

Этотъ духъ шляхетской гордой независимости составляетъ основную черту всей прошедшей польской исторіи и цивилизаціи. Свобода, какъ солнце; она одарена такимъ могучимъ живительнымъ свойствомъ, что даже тамъ, гдѣ она проявляется лишь только въ тѣсныхъ предѣлахъ, на привилегированной почвѣ, она, по крайней мѣрѣ въ исключительнымъ мірѣ, озаряемомъ лучами ея, вызываетъ живые плоды. Польская

воля, о которой намъ гласятъ наши поэты, публицисты, историки, была исключительно шляхетскою волею. Для народа, для многомилліоннаго хлопства она выражалась бѣдою и рабствомъ. Но въ панскомъ мірѣ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, она породила рядъ доблестныхъ гражданъ, мыслителей и героевъ, прославившихъ польское имя въ Европѣ. Было время, когда польская литература, вмѣстѣ съ родственною литературою Богеміи (sic), стояла во главѣ славянской цивилизаціи.

Во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка начинается упадокъ шляхетскаго государства (панства). Основанная на порабощеніи рабочаго, единопроизводительнаго люда, ни цивилизація, ни слава, ни сила его не могли быть долговѣчными. Къ тому же, въ концѣ этого вѣка присоединился элементъ новый, который окончательно долженъ былъ погубить Польшу. Вмѣстѣ съ орденомъ іезуитовъ воцарился въ ней духъ религіозной нетерпимости и всенароднаго оглупленія. Къ тираніи панской присоединилась тиранія церковная—и обѣ вмѣстѣ возбудили всенародное возстаніе и отторженіе Украйны отъ Польши, справедливый и доблестный бунтъ вольныхъ казаковъ, и рядъ кровавыхъ войнъ, гибельныхъ для могущества шляхты, еще болѣе гибельныхъ для бѣднаго, порабощеннаго и измученнаго народа.

Да, шляхта наша великая грѣшница. Она собственными руками погубила и насъ, и себя. Но будемъ справедливы. Послѣ раздѣленія Польши, вызваннаго ея историческою виною, въ продолженіе ста лѣтъ, отъ 1772 по настоящій годъ, она рядомъ героическихъ и мученическихъ подвиговъ сдѣлала все, что могла, чтобы искупить свой великій грѣхъ. Врядъ ли въ исторіи другого народа найдется такое множество героевъ-мучениковъ, семействъ, цѣлыхъ поколѣній, отдавшихъ себя на кровавую жертву, на пытку, на смерть, на жестокое заточеніе и на столько же бѣдственное изгнаніе, для освобожденія отчизны.

Другіе народы освободились меньшими жертвами. Почему жъ одна несчастная Польша, несмотря на отчаянную вѣковую борьбу, остается рабою? Неужели

злой рокъ осудилъ ее и только ее одну на безвозвратную гибель?

Нѣтъ, Польша не згинела! Но только освободиться можетъ она не шляхетскимъ возстаніемъ, а хлопскою революціею, поголовнымъ повстаніемъ всего чернорабочаго люда.

Вѣковая шляхетская борьба за освобожденіе отчизны осталась безуспѣшною только потому, что этотъ людъ до сихъ поръ не принималъ въ ней участія. Противъ всенароднаго повстанія никакая военная, ни государственная сила устоять не можетъ. Почему-жъ до сихъ поръ польскій хлопъ оставался равнодушнымъ зрителемъ шляхетской борьбы за свободу, почему не принялъ участія въ этой борьбѣ? А потому, что шляхетская воля для народа всегда была и до сихъ поръ остается еще рабствомъ.

До тѣхъ поръ, пока будутъ люди богатѣющіе и жирѣющіе не своею, а чужою работою, до тѣхъ поръ это великое слово «воля» будетъ для рабочаго міра пустымъ словомъ, обманомъ. Пока шляхта будетъ обрабатывать землю хлопскими руками, и поливать ее хлопскимъ потомъ и кровью, до тѣхъ поръ, пока польскіе, нѣмецкіе и жидовскіе капиталисты и фабриканты будутъ наполнять свои карманы заработками фабричныхъ и ремесленныхъ работниковъ, до тѣхъ поръ, однимъ словомъ, пока будетъ существовать отдѣльный панскій міръ, существующій въ Польшѣ, также какъ и вездѣ, единственно только присвоеніемъ себѣ продуктовъ трудовой силы чернорабочаго міра, до тѣхъ поръ между этими двумя мірами, панскимъ и чернорабочимъ, будетъ пропасть.

И этой пропасти не засыпать никакими обѣщаніями, ни словами; уничтожить ее возможно только однимъ средствомъ: уравненіемъ всѣхъ состояній, условій жизни, труда и науки для всѣхъ, совершеннымъ уничтоженіемъ, разумѣется, не пановъ, а этого особаго панскаго міра. Пусть паны станутъ работниками на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми, и тогда польскій чернорабочій міръ признаетъ ихъ за своихъ братьевъ.

А до тѣхъ поръ никакое панское революціонное

движеніе не увлечетъ за собою польскаго чернорабочаго люда. То, что паны называютъ ойчизною, было для этого люда тюрьмою. Вотъ чего не умѣли и не умѣютъ понять, не говоримъ, наши аристократы католики,—но даже польскіе демократы; они зовутъ насъ на освобожденіе нашей родной Польши отъ ига чужеземныхъ притѣснителей, которыхъ мы ненавидимъ не менѣе ихъ; но какой Польши? Той ли, въ которой они, дѣти польской шляхты или нѣмецкихъ или жидовскихъ капиталистовъ и фабрикантовъ, будутъ пановать, управлять и пользоваться, по прежнему на нашихъ плечахъ, шляхетскою волею, а мы, дѣти чернорабочаго люда, будемъ потѣть и служить имъ по прежнему? Или той, въ которой освобожденный рабочій народъ, готовый принять въ свою широкую среду на одинаковыхъ условіяхъ работы и жизни, людей доброй воли, каково бы ни было ихъ происхожденіе, заживетъ новою, вольною жизнію безъ всякихъ пановъ, панованія и панства?

Хотите вы такой Польши, польскіе демократы? Тогда мы пойдемъ съ вами, или вѣрнѣе, вы пойдете съ нами. Пора вамъ признаться, что время вашихъ патріотическихъ начинаній, вашего революціоннаго руководства прошло. Вы въ продолженіе ста лѣтъ и особливо въ продолженіе сорока лѣтъ сдѣлали все, что могли; не жалѣя себя и жертвуя всѣмъ, что было для васъ дорого, не только имуществомъ, личнымъ счастіемъ, свободою, жизнью, но своими женами и дѣтьми, вы для освобожденія отчизны употребили всѣ средства, которыя могли найти въ своемъ умѣ, въ своей геройской волѣ, въ своей горячей любви къ родному краю. И несмотря на все это, вы не сдѣлали ничего.

Если демократы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, полные могучей воли, вѣры, силы ума и знанія, не могли ничего сдѣлать, что-жъ сдѣлаете вы, демократы нашихъ годовъ, утратившіе вслѣдствіе страшныхъ пораженій и бѣдствій, претерпѣнныхъ нашимъ отечествомъ въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія, послѣдніе остатки мысли, вѣры, страсти, силы, воли?

Нѣтъ, кончилась шляхетская Польша! Кончилось

время шляхетской демократіи. Наступила пора для польскаго чернорабочаго люда приняться за дѣло освобожденія польской ойчизны.

Мы, бѣдные польскіе работники, не генералы и офицеры, простые солдаты послѣдняго возстанія, зарабатывающіе ежедневный хлѣбъ свой тяжелымъ трудомъ, въ рѣдкіе свободные часы, мы собираемся вмѣстѣ, чтобы говорить о нашей милой ойчизнѣ и о великихъ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ польскимъ народомъ, и о средствахъ къ освобожденію его. У насъ нѣтъ науки, но есть здравый смыслъ, есть сердце, мы, наконецъ, учены горькимъ опытомъ, воспрещающимъ намъ искать этихъ средствъ на старыхъ путяхъ... Живя наконецъ въ самой серединѣ Европы, мы старались понять общественное движеніе, происходящее вокругъ насъ, и увидѣли, къ нашему крайнему удивленію и великой радости нашей, что вездѣ подымаются и собираются, и соглашаются чернорабочіе люди и вездѣ ждутъ для себя скораго и полнаго избавленія,—не только отъ государственнаго, военнаго, полицейскаго и гражданскаго притѣсненія, но и отъ всѣхъ шляхетскихъ и мѣщанскихъ піявицъ, питающихся работою, потомъ и кровью народною.

Наши польскіе демократы такъ много говорили намъ, ругая его, объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ, что мы искали ближе познакомиться съ нимъ, дабы узнать настоящую суть и цѣль его. И присмотрѣвшись къ нему ближе, мы убѣдились, что не было еще на свѣтѣ общества, которое было бы такъ благодѣтельно, такъ спасительно для бѣднаго рабочаго люда, какъ это международное общество.

Цѣль его—дать прочную непобѣдимую силу рабочимъ людямъ всѣхъ странъ, соединивъ ихъ въ одно огромное тѣло, помимо всѣхъ государственныхъ и національныхъ границъ, во имя ихъ общихъ выгодъ и человѣческихъ правъ, противъ всѣхъ народныхъ притѣснителей, разорителей и воровъ. Французы, англичане, бельгійцы, голландцы, датчане, шведы нѣмцы, швейцарцы, итальянцы, испанцы, американцы, рабочіе всѣхъ странъ подали другъ другу братскую руку для того, чтобы

общими силами свергнуть съ себя повсемѣстное иго пановъ, панованія и панства... дабы на развалинахъ стараго панскаго міра создать свободную, счастливую новую жизнь...

Интернаціональное общество создало ужъ теперь такую громадную силу, что всѣ европейскія правительства начинаютъ безпокоиться и дрожать передъ нимъ... Еще нѣсколько лѣтъ подобной работы, дружнаго усилія рабочаго люда всѣхъ странъ, и треснутъ и разрушатся стѣны вѣковыхъ народныхъ тюремъ, и спадутъ съ нашихъ рукъ и ногъ тяжелыя цѣпи, и, сильные международнымъ торжествующимъ братствомъ, народы впервые вздохнутъ и заживутъ вольно...

Итакъ вотъ гдѣ единственный путь избавленія. Во всемірномъ братствѣ утѣсненныхъ народовъ, въ международномъ союзѣ рабочихъ всѣхъ странъ. Не ясно ли, что мы, хлопы и работники Польши, ради своего собственнаго спасенія, ради освобожденія милой ойчизны, должны вступить въ этотъ союзъ?

Мы, польскіе работники, соединенные въ Цюрихѣ, вступили въ него. Мы образовали польскую секцію рабочаго интернаціональнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собравъ свои бѣдные гроши, мы положили издавать журналъ и вотъ программа нашей секціи и нашего журнала:

ПРОГРАММА.

1. Земля составляетъ нераздѣльную собственность цѣлаго народа. Пользоваться ея плодами должны только тѣ, которые обрабатываютъ ее своими собственными руками.

2. Всѣ капиталы, фабричныя заведенія, машины, инструменты работы, дома и т. д. должны составлять общую нераздѣльную собственность рабочихъ товариществъ.

3. Мы не хотимъ пановать, ни подчиняться панованію какихъ бы то ни было пановъ и властей, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было. Враги всякаго панованія людей надъ людьми, мы по этому самому враги

всякаго панства (государства),—убѣжденные въ томъ, что всякое панство, какими бы демократическими и республиканскими формами оно покрыто ни было,—для панующаго меньшинства будетъ всегда выгодною льготою и для народнаго большинства тюрьмою.

4. Мы хотимъ широкой народной воли не на словахъ только, и въ самой жизни, на дѣлѣ. А для обезпеченія этой свободы, мы отвергаемъ всякое устройство общества, народной жизни, сверху внизъ, путемъ такъ называемой законной свободы, дарованной какимъ бы то ни было государственно-народнымъ собраніемъ, подъ покровительствомъ какой бы то ни было верховной власти,—и не признаемъ другого устройства, кромѣ того, которое, образуясь снизу въ верхъ посредствомъ вольнаго союза вольныхъ рабочихъ товариществъ и общинъ, создастъ вольную народную и международную федерацію.

5. Противники всякаго панства, мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ.

6. Мы подаемъ братскую руку всѣмъ братьямъ великаго славянскаго племени, порабощеннымъ также какъ и мы сами подъ чужеземнымъ игомъ, московскимъ, нѣмецкимъ, мадьярскимъ или турецкимъ. Убѣжденные въ ихъ несомнѣнномъ правѣ на независимое существованіе и народное развитіе, мы готовы вступить съ ними въ тѣсный союзъ противъ нашихъ и ихъ притѣснителей, къ какой бы народности эти притѣснители ни принадлежали.—Всякій народъ, или вѣрнѣе всякое государство, притѣсняющее чужой народъ отъ имени своего собственнаго народа, для насъ ненавистно.

7. Но мы такіе же враги московскаго панславизма, какъ и берлинскаго и вѣнскаго пангерманизма. Наша послѣдняя цѣль не тѣсный славянскій союзъ, а всемірный союзъ всѣхъ людей, всѣхъ народовъ, освобожденныхъ разъ на всегда отъ всякихъ пановъ, пано-

ванія и панства. — Именемъ общечеловѣческихъ правъ для освобожденія чернорабочаго утѣсненнаго люда всѣхъ странъ, мы протягиваемъ братскую руку революціоннымъ соціалистамъ Европы и Америки и хотимъ заключить съ ними могучій союзъ не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Статья эта предназначалась для польской газеты „G m i n a“ (Община), которая затѣвалась какъ органъ «Польскаго Соціально-Демократическаго общества» въ Цюрихѣ *). Но редакція этой газеты не сочла возможнымъ напечатать эту статью. Причиной тому былъ, конечно 5-й пунктъ программы, въ которомъ рѣшительно отрицались «историческія права» поляковъ на непольскія земли стараго польскаго государства (p a n s t w a) Литву, Бѣлорусію и Украйну. Такое отрицаніе крайне тяжело для поляка самыхъ демократическихъ мнѣній, такъ какъ оно ставитъ его въ безповоротный разрывъ съ польскимъ обществомъ. Это послѣднее готово терпѣть самыя крайнія соціально-революціонныя мнѣнія, видя въ нихъ увлеченіе и надѣясь, что они направятся прежде всего на отдѣленіе Польши (исторической) отъ иностранныхъ державъ. Но отрицаніе Польши исторической и ограниченіе Польши только предѣлами этнографическими польскаго крестьянства есть въ глазахъ польскаго общества непростительная ересь, исповѣдать которую поэтому мало кто рѣшается и до сихъ поръ. Ср. у Бакунина съ «Государственность и Анархія». 136.

CVIII.

БРАТЬЯМЪ ПОЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА.

Глубоко переданные началамъ, высказаннымъ въ нашей общей программѣ, мы съ радостью приняли приглашеніе и вступили въ ваше общество, надѣясь, что, строго слѣдуя этимъ началамъ, мы можемъ принести хоть малую пользу великому, святому, нынѣ

---

*) Секретаремъ Towarzystwa Socialno-Demokratycznego былъ Стемковскій, предавшій вскорѣ затѣмъ Нечаева въ руки полиціи.

М. Др.

единому дѣлу народнаго освобожденія, какъ въ вашей странѣ, такъ и въ нашей. Мы руководствовались убѣжденіемъ, что служа усердно и честно, по мѣрѣ силъ своихъ, свободѣ польской, мы служимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и русской свободѣ. Вся наша вѣра опиралась именно на этой программѣ, которая съ одной стороны обезпечиваетъ народныя, рабочія массы отъ всякаго новаго политическаго утѣсненія, равно какъ и отъ всякой экономической эксплуатаціи, съ другой стороны, связываетъ всѣ народы не только славянскіе, но и всѣ другіе, во всемірномъ революціонномъ стремленіи къ свободѣ.

Изъ этого вы можете заключить, какъ неизмѣнно, глубоко мы преданы этой программѣ и какъ невозможно для насъ отступленіе отъ нея хоть на одну іоту.

Къ несчастью, мы убѣдились, что польское общество, сдѣлавшее намъ честь принять насъ въ свою среду, не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой имъ вначалѣ единодушно, какъ мы. Достаточно было пріѣзда г-на Токаржевича и нѣсколькихъ рѣчей его, противныхъ всему тому, что между нами было говорено и постановлено прежде, для того, чтобы измѣнить мнѣніе и расположеніе почтеннаго общества. Оно соглашалось подвергнуть нашу программу новому пересмотру и коренному измѣненію. Общество вольно принять другія начала, но мы не можемъ и не должны слѣдовать за нимъ въ этомъ новомъ, враждебномъ для нашихъ убѣжденій направленіи.

Поэтому мы просимъ общество уволить насъ отъ почтеннаго званія его членовъ.

Вѣрные до конца началамъ своимъ, мы никакимъ образомъ не можемъ служить проведенію началъ имъ враждебныхъ, и потому просимъ г-на Токаржевича, вашего новаго члена, возвратить намъ 60 фр., врученныхъ нами ему въ присутствіи обывателя Стемпковскаго.

Мы не только въ правѣ, но обязаны требовать этихъ денегъ назадъ, и увѣряемъ, что требуемъ ихъ возвращенія не потому, чтобы жалѣли о нихъ. Думаемъ, что

вы убѣдились, братья поляки, что ни въ комъ изъ насъ нѣтъ особенной привязанности къ деньгамъ. Но мы требуемъ ихъ потому, что противно нашей совѣсти, нашему долгу, жертвовать хоть одною копѣйкою направленію и дѣлу, противнымъ убѣжденіямъ нашимъ и нашему дѣлу.

Мы въ правѣ ихъ требовать, потому что выдали ихъ г-ну Токаржевичу, единственно только на тотъ случай, когда онъ, не соглашаясь съ программою, постановленною обществомъ для журнала, захочетъ возвратиться назадъ, а отнюдь не для того, чтобъ, проживая эти деньги въ Цюрихѣ, онъ могъ, пользуясь ими, такимъ образомъ, вести въ польскомъ обществѣ пропаганду направленія противнаго (намъ).

Чтожъ касается до г-на Токаржевича, то онъ безъ сомнѣнія самъ не захочетъ удержать этихъ денегъ въ своихъ рукахъ. Въ послѣднемъ засѣданіи онъ объявилъ громко, что не согласился бы принять, если бы даже эти московскія деньги переданы были ему самимъ обществомъ. Для насъ, съ нашей точки зрѣнія и на основаніи программы, которой мы остаемся вѣрными, такой вопросъ былъ бы непонятенъ. Но мы понимаемъ, что г-нъ Токаржевичъ, стоя на точкѣ зрѣнія исключительно національной и, скажемъ настоящее слово, шляхетски-патріотической, долженъ былъ возбудить его. Но такъ какъ мы, давшіе ему эти деньги, русскіе, и никогда не отрекались отъ своего русскаго происхожденія и отечества, то мы полагаемъ, что г-нъ Токаржевичъ, повинуясь тому рыцарски-патріотическому чувству, поспѣшитъ возвратить намъ данныя нами ему деньги.

CIX.

Огареву.

2 ноября 1872. Локарно.

Итакъ, старый другъ, неслыханное совершилось. Несчастнаго Нечаева республика выдала. Что грустнѣе

всего, это то, что по этому случаю наше правительство безъ сомнѣнія возобновитъ нечаевскій процессъ и будутъ новыя жертвы. Впрочемъ, какой-то внутренный голосъ мнѣ говоритъ, что Нечаевъ, который погибъ безвозвратно и безъ сомнѣнія знаетъ, что онъ погибъ, на этотъ разъ вызоветъ изъ глубины своего существа, запутавшагося, загрязнившагося, но далеко не пошлаго, всю свою первобытную энергію и доблесть. Онъ погибнетъ героемъ, и на этотъ разъ ничему и никому не измѣнитъ. Такова моя вѣра. Увидимъ скоро, правъ ли я. Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ страшно жаль его. Никто не сдѣлалъ мнѣ, и сдѣлалъ намѣренно, столько зла, какъ онъ, а все-таки мнѣ его жаль. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой энергіи и, когда мы съ тобою его встрѣтили, въ немъ горѣло яркое пламя любви къ нашему бѣдному забитому народу, въ немъ была настоящая боль по нашей исторической народной бѣдѣ. Онъ тогда былъ еще только неопрятенъ снаружи, но внутри не былъ грязенъ. Генеральствованіе, самодурство, встрѣтившіяся въ немъ, самымъ несчастнымъ образомъ и благодаря его невѣжеству, съ методою такъ называемаго макіавелизма и іезуитизма, повергли его окончательно въ грязь. Подъ конецъ онъ сталъ дуракомъ круглымъ. Вообрази себѣ, что еще недѣли за три или за двѣ до его ареста, мы черезъ знакомыхъ,—не прямо, потому что ни я и никто изъ моихъ друзей съ нимъ не хотѣлъ встрѣчаться,—мы предупреждали его, чтобъ онъ убирался скорѣе изъ Цюриха, что его ищутъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить и говорилъ: „Это бакунинцы гонятъ меня изъ Цюриха“ и прибавлялъ: „Теперь не то, что въ 1870 году; теперь у меня въ бернскомъ федеральномъ совѣтѣ есть свои люди, друзья,—они предупредили бы меня, еслибъ мнѣ грозила такая опасность“. Ну, вотъ и пропалъ.

Теперь, старый другъ, вотъ тебѣ просьба: ты знаешь, что Марксъ, Утинъ и вся ихъ германо-жидовская компанія затѣяли противъ меня грозный клеветливый процессъ. Мнѣ нужно доказывать, что я не воръ. Поэтому посылаю тебѣ проектъ заявленія, которое прошу тебя подписать. Такъ какъ ты классикъ, стилистъ, то

можетъ быть слогъ тебѣ не понравится. За слогъ я не стою, измѣняй его сколько хочешь, сообразуясь съ своимъ требовательнымъ вкусомъ. Но не думаю, чтобъ ты захотѣлъ и нашелъ нужнымъ что измѣнить въ самомъ содержаніи предлагаемаго мною тебѣ заявленія,—потому что это содержаніе, какъ ты самъ знаешь, строго сообразно самой чистой истинѣ,—а истина измѣнена быть не можетъ.

Я не считаю нужнымъ прибѣгать къ старой дружбѣ, чтобы ты написалъ и подписалъ такое заявленіе. Для этого достаточно будетъ твоей справедливости,—а дружбу припасемъ на другія болѣе пріятныя вещи.

Твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ все тотъ же: Canton de Tessin.—Locarno Monsieur M. Bakounine.

CX.

ПРОЕКТЪ ЗАЯВЛЕНІЯ *).

Объявляю симъ, что самъ лично и прямо передалъ такъ называемый Бахметьевскій фондъ Нечаеву, для передачи Русскому Комитету, который, по увѣренію Нечаева, существовалъ въ Россіи и котораго Нечаевъ, по его собственнымъ словамъ и въ силу бумагъ, имъ мнѣ показанныхъ, былъ только заграничнымъ довѣреннымъ лицомъ.

Бакунинъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на распоряженіе Бахметьевскимъ фондомъ. Это право принадлежало исключительно Герцену и мнѣ, а, по смерти Герцена, только мнѣ. Поэтому Бакунинъ и не присутствовалъ при передачѣ фонда Нечаеву, совершенной мною однимъ, въ присутствіи Наталіи Александровны Герценъ. При этомъ я сдѣлалъ большую ошибку: вѣря почти безусловно въ революціонную честность Нечаева,

*) Заглавіе написано самимъ Бакунинымъ. М. Др.

я не взялъ съ него росписки. Потомъ, когда, вслѣдствіе фактовъ, потрясшихъ мое доброе мнѣніе о Нечаевѣ, я требовалъ отъ него росписки, въ присутствіи Бакунина, О—ова, Р—са и Семена Серебренникова, Нечаевъ, признавая вполнѣ, что получилъ отъ меня Бахметьевскій фондъ, отказался однако дать мнѣ росписку въ полученіи его, подъ тѣмъ предлогомъ, что Русскій Комитетъ не имѣетъ обычая давать росписки. Это было со стороны Нечаева крайне недобросовѣстно и окончательно убѣдило меня въ его нравственной несостоятельности.

Участіе Бакунина въ этомъ дѣлѣ было такое: по смерти Герцена, онъ уговаривалъ меня передать весь Бахметьевскій фондъ Нечаеву, какъ довѣренному Русскаго Комитета, единственнаго представителя русскаго революціоннаго дѣла. Уговорить меня было впрочемъ не трудно, потому что и я, и Бакунинъ равно вѣрили въ существованіе и въ серьезный характеръ этого комитета и оба смотрѣли на Нечаева, какъ на главнаго представителя его за границей.

Сіе показаніе, вполнѣ сообразное истинѣ, подписываю своимъ именемъ.

Н. Ог.

Свидѣтели подписи: Зайцевъ
О—овъ
и Якоби (если хочетъ).

На оригиналѣ Бакунина буквы Н. Ог. зачеркнуты и противъ нихъ написано рукою Огарева: Николай Огаревъ. Противъ именъ свидѣтелей ничего не написано,

По поводу Нечаева мы должны сказать, что, познакомившись съ русскими кружками и эмиграціей въ 1873 г. въ Цюрихѣ и съ 1876 г. въ Женевѣ, мы нашли тамъ полную антипатію къ его личности. Мы слышали даже, что Нечаева не трудно было отбить изъ рукъ небольшого числа полицейскихъ агентовъ, сопровождавшихъ его на станціи жел. дороги, и которые не должны были обнаруживать большой энергіи для его удержанія,—но что именно эта антипатія помѣшала дѣлу. Протесты противъ выдачи Нечаева, въ которыхъ убійство имъ Иванова выставлялось политическимъ преступленіемъ, какъ убійство шпіона, подписывались мно-

гими противъ убѣжденія, — и мы сами слышали отъ нѣсколькихъ лицъ, подписавшихъ протестъ, что Ивановъ совсѣмъ шпіономъ не былъ. Первымъ дѣломъ русскихъ, узнавшихъ объ арестѣ Нечаева въ Цюрихѣ, было захватить его бумаги и уничтожить и овладѣть такими изъ нихъ, которыя могли компрометировать другихъ передъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ *). Въ числѣ этихъ бумагъ была, говорятъ, и записка, данная Нечаеву Бакунинымъ и заключавшая въ себѣ обязательство во всемъ подчиняться Нечаеву, какъ представителю русскаго революціоннаго комитета, даже если бы Нечаевъ приказалъ ему дѣлать фальшивыя ассигнаціи. Въ знакъ полнаго отреченія отъ своей личности Бакунинъ и подписывался на этой бумагѣ именемъ женскимъ, если не ошибаемся, Матрены. Конечно, Бакунинъ никогда бы не сталъ дѣлать фальшивыхъ ассигнацій,—но такое обѣщаніе должно было служить поощреніемъ для неуступчивыхъ адептовъ партіи,— которые должны были, по іезуитскому обычаю, a c c a d a v e r e s s e въ рукахъ старшинъ.

CXI.

ПИСЬМО Н. В. СОКОЛОВА КЪ Н. П. ОГАРЕВУ.

2 января 73. Цюрихъ.

Обнимая и цѣлуя тебя, поздравляю съ новымъ годомъ и пью за твое здоровье, дорогой нашъ Николай Платоновичъ. Живи, долго еще живи и крѣпись.— Помни, что ты нашъ и что мы тебя не забываемъ.

Наше дѣло о типографіи на мази. Ждать приходится не долго. Что хочется, то и сможется рано или поздно. А ты пиши, да пиши и намъ присылай. Твое слово, дружище, не пропадетъ даромъ, и не миновать ему печатнаго станка.

Ты спрашиваешь меня, что дѣлается въ Цюрихѣ? На этотъ вопросъ скажу тебѣ вотъ что: со дня моего пріѣзда произошелъ у насъ расколъ въ средѣ русской молодежи. Вина, разумѣется, не моя, а господина Лаврова, нѣкоего философа, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ

---

*) Въ Воспоминаніяхъ о Нечаевѣ г. З. Р., помѣщенныхъ въ „Вѣстн. Нар. Воли“, кн. 1, сказано, что, послѣ ареста Нечаева, его бумаги разбирались гг. З. Р., Сажинымъ и Л—ымъ. Гдѣ онѣ теперь?

М. Др.

Парижа съ намѣреніемъ основать журналъ. Написалъ этотъ Лавровъ программу журнала и написалъ ее въ такомъ отвратительномъ духѣ, что Бакунину, Зайцеву, мнѣ и лучшей здѣшней молодежи стало тошно, и мы рѣшились отдѣлиться, отщепиться отъ Лаврова и его клики. Представь себѣ, что въ программѣ Лаврова революція объявляется зломъ и проповѣдуется легальность!...

Какъ ты думаешь, правы мы или нѣтъ въ своемъ отщепенствѣ?

Еще разъ обнимаю тебя.

Весь твой Н. Соколовъ.

P. S. Мой адресъ: Zürich, Flüntern, Wiesenstrasse, bei Frau Steinfels, № 1.

Въ 1872—73 гг. въ Швейцаріи, преимущественно въ Цюрихѣ, собралось болѣе 200 душъ русской молодежи, преимущественно студентовъ, между которыми было не мало и эмигрантовъ, замѣшанныхъ въ происходившія передъ тѣмъ университетскія волненія въ Россіи. Однѣхъ студентокъ русскихъ въ Цюрихѣ было тогда болѣе 120. Кружокъ этихъ новѣйшихъ эмигрантовъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Бакунинымъ, доставлялъ ему нѣкоторыя средства къ жизни и вмѣстѣ съ нимъ обнаружилъ довольно большую литературно-агитаціонную дѣятельность. Имъ изданы въ 1873 г. книги „Историческое развитіе Интернаціонала“, „Государственность и Анархія“. ч. I,—въ 1874 г. „Анархія по Прудону“, ч : I и др. Въ это же время явился въ Цюрихѣ и г. Лавровъ (полковникъ, б. профессоръ артиллерійской академіи, сосланный въ 1866 г. административно въ Волог. губ., откуда бѣжалъ). которому одинъ кружокъ молодежи предложилъ изданіе сборника „Впередъ“. Скоро затѣмъ въ русско-швейцарской молодежи произошло раздѣленіе на „лавристовъ“ и „бакунистовъ“. Поводомъ къ раздѣленію было, кромѣ вопроса о завѣдываніи русской библіотекой въ Цюрихѣ (основана эмигрантами, бакунистами, которые хотѣли удержать завѣдываніе ею въ своихъ рукахъ; новоприбывшіе студенты, во главѣ которыхъ стали лавристы, желали въ этомъ отношеніи равноправія съ прежними) составленная г. Лавровымъ программа „Впередъ“, которая многимъ показалась умѣренною и не соціалистическою. Хотя по библіотечному вопросу большинство русско-цюрихской молодежи было на сторонѣ лавристовъ, но политико-соціальныя идеи его были гораздо ближе къ бакунинскимъ, такъ что самъ г. Лавровъ передѣ-

лалъ два, или три раза программу „Впередъ“ и помѣстилъ въ немъ совершенно бакунистическую статью о Пугачевщинѣ (1773—1873).

Борьба съ лавристами заняла въ свое время довольно много мѣста въ жизни молодыхъ друзей Бакунина, если не его самого (такъ какъ онъ жилъ не въ Цюрихѣ), но оставила по себѣ мало слѣда въ находящихся у насъ письмахъ. Поэтому мы и печатаемъ здѣсь письмо Соколова, въ надеждѣ, что другіе больше поясняТъ этотъ періодъ въ жизни Бакунина.

О перемѣнахъ программы г. Лаврова см. его собственныя показанія (интересныя и по своей редакціи) въ примѣчаніяхъ къ польскому переводу книги Альф. Туна „Die Revolution re Bewegungen in Russland“: „Когда мнѣ предложено было въ началѣ весны 1872 г. основать революціонное изданіе, я совсѣмъ не зналъ, какъ группировались силы революціонныя въ Россіи. Съ группами чайковцевъ (которыя въ то время уже не существовали), какъ и съ другими того же рода, я не имѣлъ никакихъ сношеній, а зналъ только оппозиціонныя стремленія моихъ личныхъ пріятелей, литераторовъ радикаловъ и либераловъ. Первый проектъ программы, составленный въ теченіе двухъ дней, былъ ничѣмъ инымъ, какъ только проектомъ, какъ приступить къ изданію, и былъ разсчитанъ только на тѣхъ, о которыхъ я предполагалъ, что они будутъ сотрудниками. Противъ моей воли проектъ этотъ былъ отлитографированъ прежде, чѣмъ я могъ узнать, насколько основательны мои предположенія. Въ августѣ 1872 г я убѣдился, что они были неосновательны, что никто изъ литераторовъ, даже самыхъ радикальныхъ, не присоединится къ этой программѣ, но за то я узналъ, что среди молодежи тенденціи революціонныя и даже основы организаціи развились далеко больше, чѣмъ я предполагалъ во время пребыванія въ Россіи въ 1870 г., что поэтому необходимо было именно тамъ разсчитывать на сотрудниковъ. Въ такомъ духѣ была составлена другая программа, которую мои пріятели отвезли въ Россію. Когда весною 1873 г. пришло дѣло до изданія № 1 „Впередъ“; программа эта была еще разъ поправлена (незначительно) соотвѣтственно тѣмъ литературнымъ силамъ (немногочисленнымъ), которыя уже были на самомъ дѣлѣ моими помощниками въ этомъ предпріятіи. Вообще было бы ошибочнымъ предполагать эту программу за программу партіи, когда это была скорѣе программою изданія, которое могло въ будущемъ стать органомъ партіи, если бы она организовалась и начала дѣйствовать въ самой Россіи. Дѣло это выяснилось едва во время эпохи „хожденія въ народъ“, т. е. лѣтомъ 1873 г. (?—1874)“.

Н. Соколовъ, отставной подполковникъ, напечаталъ въ Россіи нѣсколько статей въ журналѣ „Русское Слово“, изъ которыхъ въ одной между прочимъ назвалъ Дж. Ст. Милля „ракаліей“, былъ потомъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію, переведенъ въ Астраханскую, откуда бѣжалъ за границу, гдѣ издалъ довольно

характерную книгу „Отщепенцы“, въ которой весь прогрессъ человѣчества приписанъ лицамъ, которыя оторвались отъ своей среды.

В. Зайцевъ, также сотрудникъ „Русскаго Слова“, эпохи Писарева, простеръ свое увлеченіе популярными книжками по естественнымъ наукамъ до заявленія, что такъ какъ негръ, по анатоміи, будто бы ближе къ обезьянамъ, чѣмъ къ бѣлому человѣку, то, при встрѣчѣ съ послѣднимъ, не можетъ разсчитывать ни на что, кромѣ рабства. Послѣдніе годы жизни Зайцевъ провелъ за границей въ эмигрантскихъ кружкахъ, но не потерявъ права на появленіе въ печати въ Россіи, гдѣ издалъ двѣ книги учебника по Древней Исторіи.

CXII.

15 января 1873. Локарно.

Вотъ тебѣ, старый другъ, добрый хорошій человѣкъ—горецъ Д—ридзи. Ты его приласкай. Онъ очень хорошій человѣкъ и много интереснаго можетъ сказать тебѣ о настоящемъ кавказскомъ бытѣ.

Прощай, будь здоровъ. А я таки не совсѣмъ здоровъ:—все сердце болитъ и спать мѣшаетъ.

CXIII.

11 ноября 1874. Lugarno.

Ну старый, дорогой другъ, далеко ты уѣхалъ. Успокой меня, напиши, что Герцены тебя въ этомъ отдаленіи не позабудутъ и не оставятъ тебя безъ средствъ, въ нищетѣ и въ тѣснотѣ, невыносимыхъ для стараго и къ томужъ больного человѣка. Это первый вопросъ; а второй: нашелъ ли ты въ Лондонѣ русское общество, или хоть одного русскаго человѣка, съ которымъ бы ты могъ промолвить нѣсколько искреннихъ словъ о русскихъ дѣлахъ, которыя безъ сомнѣнія теперь, какъ и всегда, интересуютъ тебя болѣе, чѣмъ какія другія дѣла на свѣтѣ? Правда, что въ Лондонѣ живетъ Лавровъ со всею партіею, но когда ты узнаешь его и ихъ всѣхъ поближе, врядъ ли ты найдешь удобнымъ вступить съ нимъ въ искреннія отношенія. А кстати, читалъ ли ты мою послѣднюю безымянную брошюру: „Анархія и Государство“. Если не читалъ, напиши, я тебѣ ее вышлю.

Но главное, еще разъ прошу, напиши, съ кѣмъ и

какъ ты живешь, съ кѣмъ встрѣчаешься, съ кѣмъ проводишь дни. Боюсь, англійское общество твоей супруги (безъ попа), которой прошу отъ меня поклониться, не слишкомъ для тебя интересно и что ты теперь, въ Лондонѣ, болѣе чѣмъ когда и гдѣ-нибудь, чувствуешь себя одинокимъ,—а въ наши годы такое чувство не легко. Одно утѣшеніе, близость смерти: отзвонилъ да и съ колокольни вонъ.

Я также, мой старый другъ, удалился, и на этотъ разъ удалился рѣшительно и окончательно, отъ всякой практической дѣятельности, отъ всякой связи для практическихъ предпріятій. Во-первыхъ, потому, что настоящее время для такихъ предпріятій рѣшительно неудобно; бисмаркіанизмъ, т. е. военщина, полиція и финансовая монополія, совокупленныя въ одну систему, носящую имя новѣйшаго государства, торжествуетъ повсюду. Можетъ быть пройдетъ десять или пятнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ это могущественное и ученое отрицаніе всего человѣческаго будетъ торжествовать. Не говорю, чтобы въ настоящее время нечего было дѣлать; но это новое дѣло требуетъ новаго метода, а главное свѣжихъ молодыхъ силъ,—и я чувствую, что я для новой борьбы не гожусь, а потому и подалъ въ отставку, не ожидая, чтобъ какой-нибудь дерзкій Жильблазъ мнѣ сказалъ: Pas d'homélies, Monsieur! Здоровье мое становится все плоше и плоше, такъ что къ новымъ революціоннымъ попыткамъ и передрягамъ я сталъ рѣшительно неспособенъ. Вслѣдствіе всего этого я удалился въ семейство, которое вернулось изъ Сибири, и всѣ мы вмѣстѣ живемъ не въ Локарнѣ, а въ Луганѣ.

Ты вѣроятно слыхалъ не разъ въ продолженіе прошедшаго года, что я купилъ возлѣ Локарно значительную собственность, и вѣроятно, вмѣстѣ со многими, спрашивалъ себя, откуда я взялъ деньги, чтобъ пріобрѣсть ее. Вотъ тебѣ рѣшеніе этой задачи: я никогда не былъ собственникомъ, а только Prête nom для моего богатаго пріятеля Каферіо. Рѣшено было, что я буду именнымъ собственникомъ, для того чтобы сдѣлаться здѣсь гражданиномъ, что намъ казалось необходимымъ, потому что гражданина выгнать изъ Те-

синскаго кантона нельзя, а мое пребываніе въ этомъ кантонѣ было признано необходимымъ. Такимъ образомъ я прослылъ за собственника—буржуа, и не только не огорчался, что меня стали признавать за такого, но старался даже, чтобъ эта новая слава моя какъ можно болѣе распространилась. Чѣмъ буржуазнѣе я казался, тѣмъ полезнѣе и вѣрнѣе была моя анонимная дѣятельность.

Но теперь, отказавшись окончательно и безвозвратно отъ такого рода дѣятельности, я не имѣю болѣе никакой нужды маскироваться, вслѣдствіе чего и передалъ павлиныя перья, т. е. собственность, настоящему собственнику, моему пріятелю Кафіеро;—а самъ удалился и живу съ семействомъ въ Луганѣ. Понимаешь? Ну, если понялъ, то держи это про себя и никому не повторяй мною здѣсь сказаннаго.

Живу я впрочемъ не сложа руки, но работаю много. Во-первыхъ, пишу свои мемуары, а во-вторыхъ, готовясь написать, если силъ станетъ, послѣднее полное слово о своихъ завѣтнѣйшихъ убѣжденіяхъ, читаю много. Теперь у меня три настольныя книги: Kolb's Culturgeschichte der Menschheit, — Autobiography Стюарта Миля и Schopenhauer.

Читалъ ли ты Autobiography? Если не читалъ, такъ непремѣнно прочти. Книга въ высшей степени интересная и поучительная. Да напиши ты мнѣ, что ты самъ читаешь, и если стоитъ, рекомендуй мнѣ. Довольно учить, будемъ, другъ, на старости лѣтъ опять учиться, это веселѣе.

Пиши скорѣе. Вотъ мой адресъ: Suisse. Lugano. Poste restante. Monsieur M. Bakounine.

Обнимаю тебя, старый другъ. Поклонись отъ меня M-ss Mary.

Твой М. Бакунинъ.

Бакунинъ нѣсколько односторонне представляетъ въ этомъ своемъ письмѣ свое отношеніе къ „собственности“, которая принадлежала ему въ Локарно. Это была вилла съ садомъ, которой во всякомъ случаѣ Бакунинъ съ семействомъ пользовался въ теченіе нѣкотораго времени. Какъ видно и изъ слѣдующаго письма, нашлись люди, которые сочли нужнымъ представить Кафіеро, что „собственность“ въ рукахъ Бакунина недостаточно служитъ цѣлямъ соціальной революціи, и Бакунинъ отказался отъ этой собственности. Око-

ло этого времени родные Бакунина наконецъ выдѣлили ему извѣстную часть земельнаго имущества, которая была продана. Часть вырученной суммы была вручена Бакунину и служила для прожитія его и семейства до смерти Мих. Александровича въ 1876 г.

Предъ тѣмъ, какъ писано было предыдущее письмо, состоялось происшествіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на отношеніе Бакунина къ друзьямъ-революціонерамъ, итальянскимъ, швейцарскимъ (вождямъ Юрской федераціи) и нѣкоторымъ русскимъ. Это т. наз. болонская попытка, о которой мало извѣстно, хотя она чрезвычайно интересна, если не для исторіи революціи, то для психолога. Итальянскіе, швейцарскіе и русскіе друзья Бакунина порѣшили показать на дѣлѣ свои теоріи пропаганды дѣломъ посредствомъ бунта въ Болоньи и ея окрестностяхъ. Бакунинъ долженъ былъ отправиться въ Болонью. Сама смерть Бакунина на улицѣ Болоньи,—дѣйствительно утомленнаго и жизнью и болѣзнью, которая и свела его въ могилу,—должна была послужить возбужденію революціоннаго духа въ болонцахъ. Бакунинъ пріѣхалъ въ Болонью. Въ окрестностяхъ послѣдней нѣсколькимъ крестьянамъ роздано было небольшое число оружія, съ которымъ эти крестьяне стали ходить по горнымъ зарослямъ, ожидая начала возстанія въ Болоньи. Но здѣсь никто возстанія не начиналъ и Бакунинъ напрасно ждалъ его, сидя въ маленькой гостинницѣ. Наконецъ крестьяне потеряли терпѣніе и нѣкоторые побросали оружіе въ лѣсу. Тамъ его находили жандармы-объѣзчики, и полиція стала подозрѣвать нѣчто. Черезъ нѣсколько дней одинъ крестьянинъ, бывшій въ заговорѣ, явился въ Болонью съ возомъ, кажется, сѣна, и вывезъ подъ нимъ Бакунина на извѣстную станцію желѣзной дороги, откуда Бакунинъ возвратился въ Локарно. Вслѣдъ затѣмъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Entrevue avec des amis. J. toujours froid. C. toujiour stupide. Rupture complète“.

Въ такомъ родѣ мы слышали разсказъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ отъ двухъ лицъ, которыя были довольно близки къ Бакунину въ послѣдніе дни его жизни. Одному изъ нихъ онъ все собирался диктовать свои записки, показывалъ дневникъ и передъ отъѣздомъ въ Бернъ для консультаціи съ врачами о болѣзни, которая стала причинять ему тяжкія страданія, собирался передать свои бумаги, для чего цѣлый чемоданъ ихъ былъ уже и отложенъ. Въ Бернѣ Бакунинъ умеръ, имѣя подлѣ себя почти безграмотнаго, но горячо преданнаго ему итальянца, чернорабочаго. Бумаги Бакунина остались у его вдовы, которая, спустя извѣстное время, вышла замужъ за адвоката Гамбуци въ Неаполѣ. Теперь она умерла. Бумагъ Бакунина и между ними писемъ Герцена, Огарева и др., а также дневника и разныхъ отрывковъ его записокъ слѣдуетъ искать у ея наслѣдниковъ.

Мы, конечно, не ручаемся за полную точность всего сейчасъ разсказаннаго и первые будемъ рады, если ошибки

нашего разсказа будутъ поправлены документально *). Но ни жеслѣдующее письмо отвѣчаетъ общему характеру этого разсказа и вмѣстѣ удивительно рисуетъ тѣ мысли, къ которымъ пришелъ старикъ Бакунинъ послѣ цѣлаго ряда разочарованій и которыхъ далеко не всегда держался въ теченіе своихъ революціонныхъ опытовъ. Ничѣмъ не можетъ такъ хорошо закончиться настоящая книга какъ этимъ письмомъ.

CXIV.

21 октября 1874. Лугано.

Получилъ твое письмо. О дружбѣ, Р—ъ, мы говорить не станемъ. Послѣ всего, что ты противъ меня

*) Краткій разсказъ о „Болонской попыткѣ“ находимъ въ статьѣ Б. Малона L'Internationale (La Nouvelle Revue 1884, 15 Février, 762). Разсказавъ о томъ, какъ испанскіе интернаціоналисты, друзья Бакунина и сторонники теоріи „пропаганды дѣйствіемъ“ (propagande par le fait) „воздержались“ отъ участія въ коммуналистической революціи въ Испаніи въ 1874 г. потому что считали ее за „буржуазную“, Малонъ (самъ нѣкогда сторонникъ Бакунина) говоритъ: „Марксическая печать порицала живо это воздержаніе, такъ печальное для соціалистической революціи въ Испаніи и такъ противорѣчившее съ ихъ прежними словами. Бакунинъ понялъ, что анархисты не могли оставаться подъ ударомъ этого моральнаго пораженія; также точно интернаціоналисты итальянскіе, по большей части молодые люди, требовали въ особенности этого дѣйствія, этой „пропаганды дѣйствіемъ“, которую имъ столько разъ обѣщали. Изъ Локарно, гдѣ Бакунинъ поселился съ своимъ итальянско-русскимъ генеральнымъ штабомъ, устроенъ заговоръ; онъ былъ объявленъ созрѣвшимъ, и въ августѣ 1874 г., спустя нѣсколько недѣль послѣ паденія Картагены, двѣ или три сотни (?) молодыхъ людей, вооруженныхъ ружьями, направились отрядами къ Болоньи, гдѣ должно было вспыхнуть революціонное движеніе. Они не поправили ничего (ils ne reparérrent rien), были разсѣяны безъ сраженія и арестованы цѣлыми группами“.—„Бакунинъ, говоритъ Малонъ дальше (764), Бакунинъ, которому мертворожденіе (avortemente) болонскаго бунта помѣшало умереть, сражаясь на баррикадахъ, какъ онъ желалъ, съ тѣхъ поръ былъ глубоко обезкураженъ“.

Мы слышали, что Бакунинъ вовсе не одобрялъ „воздержанія“ своихъ испанскихъ друзей и въ письмахъ къ нимъ совѣтовалъ участіе въ коммуналистическомъ возстаніи,—но друзья эти, очевидно, остались крѣпко вѣрными § 4 бакунинскаго устава Alliance de la démocratie socialiste, отвергавшему „всякое политическое дѣйствіе, которое не будетъ имѣть непосредственною и прямою цѣлью торжество дѣла рабочаго надъ капиталомъ“,—болѣе вѣрными, чѣмъ самъ авторъ этого устава. М. Др.

сдѣлалъ,—а мнѣ теперь все, даже до малѣйшей подробности стало извѣстно,—называть другъ друга друзьями было бы съ твоей, точно также какъ и съ моей стороны, возмутительно ложно. Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня, физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ, и если тебѣ (это) не удалось, то вина не твоя.

Дальновидный и умный Каф. былъ только твоихъ рукъ дѣломъ, ты его внушителемъ. Хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушеніе нетерпѣливаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу. Несомнѣнно,—ты самъ по крайней мѣрѣ передъ собою сознайся,—что ты дѣйствовалъ противъ меня, какъ самый злой врагъ. И несмотря на это я продолжаю вѣрить въ твою преданность русскому дѣлу и въ твою способность служить дѣлу, и потому на этомъ полѣ я всегда готовъ подать тебѣ руку.

Ты готовишься теперь совершить рѣшительный шагъ, отъ направленія и исхода котораго будетъ зависѣть вся будущность твоей жизни и, главное, твоей революціонной дѣятельности. Позволь мнѣ, старику, сказать тебѣ нѣсколько истинныхъ словъ, вѣроятно, послѣднихъ.

Въ сношенія съ людьми новыми, съ которыми ты найдешь возможнымъ и полезнымъ связаться, постарайся внести столько правды, искренности и сердца, сколько твоя скупая природа позволитъ. Пойми же ты наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живого, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность, ради самаго успѣха своего дѣла, должна искать опоры не въ подлыхъ и низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, человѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ. Въ этомъ направленіи и смыслѣ желаю тебѣ самаго искренняго успѣха.

М. Бакунинъ.

(Съ копіи, переданной самимъ Бакунинымъ А. В. В. Мы видѣли еще одну копію. Видно, что Бакунинъ распространилъ это письмо въ извѣстномъ кругу).

Можно сказать, что этими словами Бакунинъ взялъ назадъ почти все изъ того, что онъ практиковалъ и проповѣдывалъ о способахъ революціонной дѣятельности,—не только макіавелизмъ, - котораго, какъ видно и изъ выше напечатанныхъ писемъ, не чуждъ былъ и онъ,—но и его вѣру въ то, что и преступники противъ частнаго права (разбойники) тоже по своему революціонеры и могутъ служить дѣлу соціальной революціи, которая пойдетъ успѣшно при „разнузданіи дурныхъ страстей", „пробужденіи дьявола" и т. п. Изъ предыдущаго письма о Нечаевѣ, въ которомъ говорится о „невѣжествѣ" послѣдняго, можно заключать, что Бакунинъ усомнился въ пользѣ совѣта, который онъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ давалъ молодежи: бросить школы. Изъ расказа В. Малона видно что Бакунинъ, въ послѣднее время его жизни, признавалъ и значеніе переходныхъ политическихъ формъ государства, которыя онъ отрицалъ ради идеи соціалистической анархіи. Малонъ говоритъ (l. cit. 746) о Бакунинѣ во время пребыванія его въ Лугано: „вся его старая политическая ревность обратилась въ заботу по поводу борьбы, которую тогда выдерживали французскіе республиканцы противъ людей 24 и 16 мая (Макъ-Магона и пр.). Я видѣлъ, какъ этотъ старый анархистъ пришелъ въ восторгъ, при вѣсти о большой республиканской побѣдѣ 20 февраля 1876 г."

– „Міровая свобода спасена!- вскричалъ онъ - и спасена еще разъ великой Франціей!"

Такимъ образомъ политическія идеи Бакунина въ послѣдніе дни его значительно приблизились къ тѣмъ, которыя излагалъ ему Герценъ, объясняя ему, почему онъ не можетъ присоединиться къ его Alliance. (Посмертныя сочиненія.—Письма къ старому другу) *). Во всякомъ случаѣ Бакунинъ въ это время, горькимъ опытомъ, и между прочимъ уроками, данными ему его друзьями, какъ Нечаевъ, Р—ъ и т. п,—приведенъ былъ къ тому, чтобъ отказаться почти отъ всѣхъ антикультурныхъ теорій и безкультурныхъ привычекъ мысли и дѣятельности, которыя передъ тѣмъ онъ же самъ поддерживалъ своимъ авторитетомъ и талантомъ въ „русскихъ революціонерахъ" и которыя были такъ гибельны для ихъ собственнаго дѣла.

---

*) Не мѣшаетъ напомнить, что самъ Герценъ, въ сочиненіяхъ, писанныхъ подъ впечатлѣніемъ неудачи революціи 1848—1849 гг., - какъ „Письма изъ Франціи и Италіи" и „Съ того берега", высказалъ не мало мыслей, которыя подходятъ къ бакунинскимъ, съ ихъ размахами то къ всеразрушенію „стараго общества", то къ революціонной диктатурѣ. („Молодая Россія" упрекала въ 1862 г. Герцена за отступленіе отъ этихъ мыслей). Правда, что болѣе реальный умъ и художественный талантъ Герцена не дали ему и тогда дойти до схематическаго доктринерства Бакунина. Ред. Др.